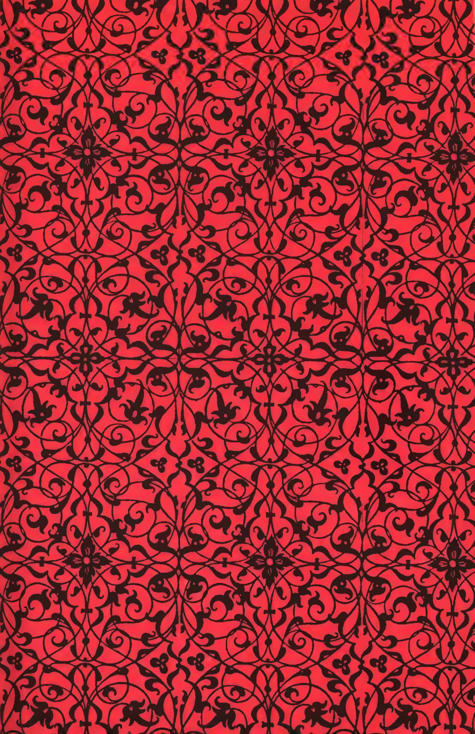

Тысяча
и одна
ночь

Тысяча и одна ночь

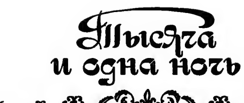

ИЗБРАННЫЕ СКАЗКИ
В ТРЕХ ТОМАХ

МОСКВА
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1988

ИЗБРАННЫЕ СКАЗКИ
ТОМ ПЕРВЫЙ

ПЕРЕВОД
С АРАБСКОГО
М. А. САЛЬЕ

МОСКВА
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1988

ББК 84(0)9
Т93

Составление
Б. Я. ШИДФАР

Примечания
И. М. ФИЛЬШТИНСКОГО И Б. Я. ШИДФАР

Стихи в переводах
Д. С. САМОЙЛОВА, А. М. РЕВИЧА
И В. Б. МИКУШЕВИЧА

Художник
А. В. ЛЕПЯТСКИЙ

Т $\frac{4703000000\text{-}348}{028(01)\text{-}88}$ 204-87

ISBN 5-280-00450-2 (Т. 1)

ISBN 5-280-00449-9

О СКАЗКАХ

В мире нет ничего, что не может быть поучительным,— нет и сказок, которые не заключали бы в себе материал «дидактики», поучения. В сказках прежде всего поучительна «выдумка» — изумительная способность нашей мысли заглядывать далеко вперед факта. О «коврах-самолетах» фантазия сказочников знала за десятки веков до изобретения аэроплана, о чудесных скоростях передвижения в пространстве предвещала задолго до паровоза, до газо- и электромотора.

Я думаю, что именно фантазия, «выдумка» создала и воспитала тоже одно из удивительных качеств человека — интуицию, то есть «домысел», который приходит на помощь исследователю природы в тот момент, когда его мысль, измеряя, считая, останавливается перед измеренным и сосчитанным, не в силах связать свои наблюдения, сделать из них точный практический вывод. Тогда на помощь исследователю является домысел: «А может быть, это вот так?» И, дополняя разорвавшуюся цепь своих наблюдений звеном условного допущения, ученый создает «гипотезу», которая или оправдывается дальнейшим изучением фактов,— и тогда мы получаем строго научную теорию, или же факты, опыты опровергают гипотезу.

В художественной литературе фантазия, выдумка, интуиция также играют решающую роль. Мало наблюдать, изучать, знать, необходимо еще и «выдумывать», создавать. Творчество — это соединение множества мелочей в одно более или менее крупное целое совершенной формы. Так создавались все величайшие произведения мировой литературы, все крупнейшие «типы» — Робинзон Крузо, Дон-Кихот, Гамлет, Вертер, Карамазовы, Обломовы, Безухие и т. п.,— типы, более или менее отжившие, но все же живущие среди нас.

Среди великолепных памятников устного народного творчества «Сказки Шахразады» являются памятником самым монументальным. Эти сказки с изумительным совершенством выражают стремление трудового народа отдаться «чарованью сладких вымыслов», свободной игре словом, выражают буйную силу цветистой фантазии народов Востока — арабов, персов, индусов. Это словесное тканье родилось в глубокой древности; разноцветные шелковые нити его простерлись по всей земле, покрыв ее словесным ковром изумительной красоты.

Особенно значительно и неоспоримо влияние устного творчества на литературу письменную. Сказками и темами сказок издревле пользовались литераторы всех стран и всех эпох. Роман Апулея «Золотой осел» заимствован из сказки. Сказками пользовался Геродот. Италия пользуется ими, начиная с XIV века, в «Декамероне» Боккаччо; влияние сказок совершенно ясно в «Пентамероне», «Гектамероне», в «Кентерберийских рассказах» Чосера. Сказками пользовались Гете, Жанлис, Бальзак, Жорж Занд, Доде, Коппе, Лабуле, Анатоль Франс, Кармен Сильва, Андерсен, Топпелиус, Диккенс — всех не вспомнишь. У нас сказки использованы целым рядом крупнейших писателей, в их числе — Хемницером, Жуковским, Пушкиным, Львом Толстым. Формальная, сюжетная и дидактическая зависимость художественной литературы от устного творчества народа совершенно несомненна и очень поучительна.

Я убежден, что знакомство со сказками и вообще с неисчерпаемыми сокровищами устного народного творчества крайне полезно для молодых начинающих писателей. Не одним только мною замечено, что они, в большинстве своем покорно и безусловно подчиняясь действительности, фотографируя ее стихами и прозой, делают это крайне сухо, малокровно, холодненькими словами, а время требует пафоса, огня, иронии. Разумеется, сказки не могут дать человеку того, что органически чуждо ему. Думаю, что учитель арифметики может быть только очень плохим поэтом. Но сказки помогли бы сильно развить фантазию писателя, заставить его оценить значение выдумки для искусства, а главное — обогатить его скудный язык, его бедный лексикон, который он часто безуспешно и почти всегда уродливо пытается обогащать «провинциализмами», «местными речениями» или придуманными «на скорую руку» мертворожденными словечками.

Я горячо приветствую издание «Академией» первого перевода сказок «Тысячи и одной ночи» с арабского подлинника. Это — солиднейшая культурная заслуга переводчика и хорошее, вполне своевременное дело издательства.

М. Горький

Тысяча
и одна ночь

РАССКАЗ О ЦАРЕ ШАХРИЯРЕ И ЕГО БРАТЕ

Слава Аллаху, господу миров!

Привет и благословение господину посланных, господину и владыке нашему Мухаммеду! Аллах да благословит его и да приветствует благословением и приветом вечным, длящимся до Судного дня!

А после того: поистине, сказания о первых поколениях стали назиданием для последующих, чтобы видел человек, какие события произошли с другими, и поучался, и чтобы, вникая в предания о минувших народах и о том, что случилось с ними, воздерживался он от греха. Хвала же тому, кто сделал сказания о древних уроком для народов последующих!

К таким сказаниям относятся и рассказы, называемые «Тысяча и одна ночь», и возвышенные повести и притчи, заключающиеся в них.

Повествуют в преданиях народов о том, что было, прошло и давно минуло (а Аллах более сведущ в неведомом, и премудр, и преславен, и более всех щедр, и благосклонен, и милостив), что в древние времена и минувшие века и столетия был на островах Индии и Китая царь из царей рода Сасана, повелитель войск, стражи, челяди и слуг. И было у него два сына: один взрослый, другой юный, и оба были витязи-храбрецы, но старший превосходил младшего доблестью. И он воцарился в своей стране и справедливо управлял подданными, и жители его земель и царства полюбили его. Имя ему было царь Шахрияр; а младшего его брата звали царь Шахземан, и он царствовал в Самарканде персидском. Оба они пребывали в своих землях, и каждый у себя в царстве был справедливым судьей своих подданных в течение двадцати лет и жил

в полнейшем довольстве и радости. Так продолжалось до тех пор, пока старший царь не пожелал видеть своего младшего брата и не повелел своему везирю поехать и привезти его. Везирь исполнил его приказание, и отправился, и ехал до тех пор, пока благополучно не прибыл в Самарканд. Он вошел к Шахземану, передал ему привет и сообщил, что брат его по нем стосковался и желает, чтобы он его посетил; и Шахземан отвечал согласием и снарядился в путь. Он велел вынести свои шатры, снарядить верблюдов, мулов, слуг и телохранителей и поставил своего везиря правителем в стране, а сам направился в земли своего брата. Но когда настала полночь, он вспомнил об одной вещи, которую забыл во дворце, и вернулся, и, войдя во дворец, увидел, что жена его лежит в постели, обнявшись с черным рабом из числа его рабов.

И когда Шахземан увидел такое, все почернело перед глазами его и он сказал себе: «Если это случилось, когда я еще не оставил города, то каково же будет поведение этой проклятой, если я надолго отлучусь к брату!» И он вытащил меч, и ударил обоих, и убил их в постели, а потом, в тот же час и минуту, вернулся и приказал отъезжать — и ехал, пока не достиг города своего брата. А приблизившись к городу, он послал к брату гонцов с вестью о своем прибытии, и Шахрияр вышел к нему навстречу и приветствовал его, до крайности обрадованный. Он украсил в честь брата город и сидел с ним, разговаривая и веселясь, но царь Шахземан вспомнил, что было с его женой, и почувствовал великую грусть, и лицо его стало желтым, а тело ослабло. И когда брат увидел его в таком состоянии, он подумал, что причиной тому разлука со страною и царством, и оставил его так, не расспрашивая ни о чем. Но потом, в какой-то день, он сказал ему: «О брат мой, я вижу, что твое тело ослабло и лицо твое пожелтело». А Шахземан отвечал ему: «Брат мой, внутри меня язва»,— и рассказал, что испытал от жены. «Я хочу,— сказал тогда Шахрияр,— чтобы ты поехал со мной на охоту и ловлю: может быть, твое сердце развеселится». Но Шахземан отказался от этого, и брат поехал на охоту один.

В царском дворце были окна, выходившие в сад, и Шахземан посмотрел и вдруг видит: двери дворца открываются, и оттуда выходят двадцать невольниц и двадцать рабов, а жена его брата идет среди них, выделяясь редкостной красотой и прелестью. Они подошли к фонтану, и сняли одежду, и сели вместе с рабами, и вдруг жена царя крикнула: «О Масуд!» И черный раб подошел к ней и об-

нял ее, и она его также. Он лег с нею, и другие рабы сделали то же, и они целовались и обнимались, ласкались и забавлялись, пока день не повернул на закат. И когда брат царя увидел это, он сказал себе: «Клянусь Аллахом, моя беда легче, чем это бедствие!» — и его ревность и грусть рассеялись. «Это больше того, что случилось со мною!» — воскликнул он и перестал отказываться от питья и пищи. А потом брат его возвратился с охоты, и они приветствовали друг друга, и царь Шахрияр посмотрел на своего брата, царя Шахземана, и увидел, что прежние краски вернулись к нему и лицо его зарумянилось и что ест он не переводя духа, хотя раньше ел мало. Тогда брат его, старший царь, сказал Шахземану: «О брат мой, я видел тебя с пожелтевшим лицом, а теперь румянец к тебе возвратился. Расскажи же мне, что с тобою».— «Я расскажу тебе о том, почему я изменился, но избавь меня от рассказа о том, почему ко мне вернулся румянец»,— отвечал Шахземан. И Шахрияр сказал: «Расскажи сначала, отчего ты исхудал и ослаб, а я послушаю».

«Знай, о брат мой,— заговорил Шахземан,— что, когда ты прислал ко мне везиря с требованием явиться к тебе, я снарядился и уже вышел за город, но потом вспомнил, что во дворце осталась жемчужина, которую я хотел тебе дать. Я возвратился во дворец и нашел мою жену с черным рабом, спавшим в моей постели, и убил их, и приехал к тебе, размышляя об этом. Вот причина перемены моего вида и моей слабости; что же до того, как ко мне вернулся румянец,— позволь мне не говорить тебе об этом».

Но услышав слова своего брата, Шахрияр воскликнул: «Заклинаю тебя Аллахом, расскажи мне, почему возвратился к тебе румянец!» И Шахземан рассказал ему обо всем, что видел. Тогда Шахрияр сказал брату своему Шахземану: «Хочу увидеть это своими глазами!» И Шахземан посоветовал: «Сделай вид, что едешь на охоту и ловлю, а сам спрячься у меня, тогда увидишь это и убедишься воочию».

Царь тотчас же велел кликнуть клич о выезде, и войска с палатками выступили за город, и царь тоже вышел; но потом он сел в палатке и сказал своим слугам: «Пусть не входит ко мне никто!» После этого он изменил обличье и украдкой прошел во дворец, где был его брат, и посидел некоторое время у окошка, которое выходило в сад,— и вдруг невольницы и их госпожа вошли туда вместе с рабами и поступали так, как рассказывал Шахземан, до призыва к послеполуденной молитве. Когда царь Шахрияр

увидел это, он лишился разума и сказал своему брату Шахземану: «Вставай, уйдем тотчас же, не нужно нам царской власти, пока не увидим кого-нибудь, с кем случилось то же, что с нами! А иначе — смерть для нас лучше, чем жизнь!»

Они вышли через потайную дверь и странствовали дни и ночи, пока не подошли к дереву, росшему посреди лужайки, где протекал ручей возле соленого моря. Они напились из этого ручья и сели отдыхать. И когда прошел час дневного времени, море вдруг заволновалось и из него поднялся черный столб, возвысившийся до неба, и направился к их лужайке. Увидев это, оба брата испугались и взобрались на верхушку высокого дерева и стали ждать, что будет дальше. И вдруг видят: перед ними джинн огромного роста, с большой головой и широкой грудью, а на голове у него сундук. Он вышел на сушу и подошел к дереву, на котором были братья, и, севши под ним, отпер сундук, и вынул из него ларец, и открыл его, и оттуда вышла молодая женщина с стройным станом, сияющая подобно светлому солнцу, как это сказал, и отлично сказал, поэт Атыйя:

«Чуть вспыхнула она во тьме, день отворил зеницы,
И чуть забрезжила она, зажегся луч денницы,

Ее сиянием полны светила на восходе,
И луны светлые при ней горят на небосводе.

И преклониться перед ней все сущее готово,
Когда является она без всякого покрова.

Когда же красота сверкнет, как вспышка грозовая,
Влюбленные потоки слез льют не переставая» [1].

Джинн взглянул на эту женщину и сказал: «О владычица благородных, о ты, кого я похитил в ночь свадьбы, я хочу немного поспать». И он положил голову на колени женщины и заснул; она же подняла голову и увидела обоих царей, сидевших на дереве. Тогда она сняла голову джинна со своих колен и положила ее на землю и, вставши под дерево, сказала братьям знаками: «Слезайте, не бойтесь ифрита». И они ответили ей: «Заклинаем тебя Аллахом, избавь нас от этого». Но женщина сказала: «Если не спуститесь, я разбужу ифрита, и он умертвит вас злой смертью». И они испугались и спустились к женщине, а она легла перед ними и сказала: «Вонзите, да покрепче, или я разбужу

[1] Здесь и далее стихотворные вставки, не отмеченные звездочкой, переведены Д. Самойловым.

ифрита». От страха царь Шахрияр сказал своему брату, царю Шахземану: «О брат мой, сделай то, что она велела тебе!» Но Шахземан ответил: «Не сделаю! Сделай ты раньше меня!» И они принялись знаками подзадоривать друг друга, но женщина воскликнула: «Что это? Я вижу, вы перемигиваетесь! Если вы не подойдете и не сделаете этого, я разбужу ифрита!» И из страха перед джинном оба брата исполнили приказание, а когда они кончили, она сказала: «Очнитесь! — и, вынув из-за пазухи кошель, извлекла оттуда ожерелье из пятисот семидесяти перстней.— Знаете ли вы, что это за перстни?» — спросила она; и братья ответили: «Не знаем!» Тогда женщина сказала: «Владельцы всех этих перстней имели со мной дело на рогах этого ифрита. Дайте же мне и вы тоже по перстню». И братья дали женщине два перстня со своих рук, а она сказала: «Этот ифрит меня похитил в ночь моей свадьбы и положил меня в ларец, а ларец — в сундук. Он навесил на сундук семь блестящих замков и опустил меня на дно ревущего моря, где бьются волны, но не знал он, что если женщина чего-нибудь захочет, то ее не одолеет никто, как сказал один из поэтов:

«Не верь посулам жен и дев,
Их легкимувереньям,

Ведь их довольство или гнев
Подвластны вожделеньям.

Под их любовью показной
Скрывается измена,

Цени их малою ценой
И берегись их плена.

Ведь дьявол, женщиной играя,
Адама выдворил из рая».

Услышав от нее такие слова, оба царя до крайности удивились и сказали один другому: «Вот ифрит, и с ним случилось худшее, чем с нами! Подобного не бывало еще ни с кем!»

И они тотчас ушли от нее и вернулись в город царя Шахрияра, и он вошел во дворец и отрубил голову своей жене, и рабам, и невольницам.

И царь Шахрияр еженощно стал брать невинную девушку и овладевал ею, а потом убивал ее, и так продолжалось в течение трех лет.

И люди возопили и бежали со своими дочерьми, и в городе не осталось ни одной девушки, пригодной для брачной жизни.

И однажды царь приказал своему везирю привести ему, как обычно, девушку, и везирь вышел и стал искать, но не нашел девушки и отправился в свое жилище, угнетенный и подавленный, боясь для себя зла от царя. А у царского везиря было две дочери: старшая — по имени Шахразада, и младшая — по имени Дуньязада. Старшая читала книги, летописи и жития древних царей и предания о минувших народах, и она, говорят, собрала тысячу летописных книг, относящихся к древним народам, прежним царям и поэтам. И она сказала отцу: «Отчего это ты, я вижу, грустен и подавлен и обременен заботой и печалями? Ведь сказал же кто-то об этом:

«Скажи тому, кто прячет грусть:
«О ты, печаль таящий!

На этом свете и тоска
И радость преходящи!»

И, услышав от своей дочери такие слова, везирь рассказал ей от начала до конца, что случилось у него с царем. И Шахразада воскликнула: «Заклинаю тебя Аллахом, о батюшка, выдай меня за этого царя, и тогда я либо останусь жить, либо буду выкупом за дочерей мусульман и спасу их от царя».— «Заклинаю тебя Аллахом,— воскликнул везирь,— не подвергай себя такой опасности!» Но Шахразада сказала: «Это неизбежно должно быть».

И тогда везирь снарядил ее и отвел к царю Шахрияру. А Шахразада подучила свою младшую сестру и сказала ей: «Когда я приду к царю, я пошлю за тобой, а ты, когда придешь и увидишь, что царь удовлетворил свою нужду во мне, скажи: «О сестрица, поговори с нами и расскажи нам что-нибудь, чтобы сократить бессонную ночь»,— и я расскажу тебе что-то, в чем будет, с соизволения Аллаха, наше освобождение».

И вот везирь, отец Шахразады, привел ее к царю, и царь, увидя его, обрадовался и спросил: «Доставил ли ты то, что мне нужно?»

И везирь сказал: «Да!»

И Шахрияр захотел взять Шахразаду, но она заплакала; и тогда он спросил ее: «Что с тобой?»

Шахразада сказала: «О царь, у меня есть маленькая сестра, и я хочу с ней проститься».

И царь послал тогда за Дуньязадой, и она пришла к сестре, обняла ее и села на полу возле ложа. И тогда Шахрияр овладел Шахразадой, а потом они стали беседовать; младшая сестра сказала Шахразаде: «Заклинаю тебя Аллахом, сестрица, расскажи нам что-нибудь, чтобы сократить бессонные часы ночи».

«С любовью и охотой, если разрешит мне достойнейший царь»,— ответила Шахразада.

И, услышав эти слова, царь, мучившийся бессонницей, обрадовался, что послушает рассказ, и позволил.

СКАЗКА О КУПЦЕ И ДУХЕ

ахразада сказала: «Рассказывают, о счастливый царь, что был один купец среди купцов, и был он очень богат и вел большие дела в разных землях. Однажды он отправился в какую-то страну взыскивать долги, и жара одолела его, и тогда он присел под дерево и, сунув руку в седельный мешок, вынул ломоть хлеба и финики и стал есть финики с хлебом. И съев финик, он кинул косточку — вдруг видит: перед ним ифрит огромного роста и в руках у него обнаженный меч. Ифрит приблизился к купцу и сказал ему: «Вставай, я убью тебя, как ты убил моего сына!» — «Как же я убил твоего сына?» — спросил купец. И ифрит ответил: «Когда ты съел финик и бросил косточку, она попала в грудь моему сыну, и он умер в ту же минуту».— «Поистине, мы принадлежим Аллаху и к нему возвращаемся! — воскликнул купец.— Нет мощи и силы ни у кого, кроме Аллаха, высокого, великого! Если я убил твоего сына, то убил нечаянно. Я хочу, чтобы ты простил меня!» — «Я непременно должен тебя убить»,— сказал джинн, и потянул купца, и, повалив его на землю, поднял меч, чтобы ударить его. И купец заплакал и воскликнул: «Отдаю себя в руки Аллаха!» Тогда джинн сказал ему: «Сократи твои речи! Клянусь Аллахом, я непременно убью тебя!» И купец сказал: «Знай, о ифрит, что на мне лежит долг, и у меня есть много денег, и дети, и жена, и чужие залоги. Позволь мне отправиться

домой, я отдам долг каждому, кому следует, и возвращусь к тебе в начале года. Я обещаю тебе и клянусь Аллахом, что вернусь назад и ты сделаешь со мной что захочешь. И Аллах тебе в том, что я говорю, поручитель».

И джинн заручился его клятвой и отпустил его, и купец вернулся в свои земли и покончил все свои дела, отдав должное кому следовало. Он осведомил обо всем свою жену и детей, и составил завещание, и прожил с ними до конца года, а потом совершил омовение, взял под мышку свой саван и, попрощавшись с семьей, соседями и всеми родными, вышел против своего желания; и они подняли о нем вопли и крики. А купец шел, пока не дошел до той рощи (а в тот день было начало нового года), и когда он сидел и плакал о том, что с ним случилось, вдруг подошел к нему престарелый старец, и с ним, на цепи, газель. И он приветствовал купца, и пожелал ему долгой жизни, и спросил: «Почему ты сидишь один в этом месте, когда здесь обиталище джиннов?» И купец рассказал ему, что у него случилось с ифритом, и старец, владелец газели, изумился и воскликнул: «Клянусь Аллахом, о брат мой, твоя честность истинно велика, и рассказ твой изумителен, и будь он даже написан иглами в уголках глаза, он послужил бы назиданием для поучающихся!»

Потом старец сел подле купца и сказал: «Клянусь Аллахом, о брат мой, я не уйду от тебя, пока не увижу, что у тебя случится с этим ифритом!» И он сел возле него, и оба вели беседу, и купца охватил страх, и ужас, и сильное горе, и великое раздумье, а владелец газели был рядом с ним. И вдруг подошел к ним другой старец, и с ним две собаки, и поздоровался (а собаки были черные, из охотничьих), и после приветствия он осведомился: «Почему вы сидите в этом месте, когда здесь обиталище джиннов?» И ему рассказали все с начала до конца; и не успел он как следует усесться, как вдруг подошел к ним третий старец, и с ним пегий мул. И старец приветствовал их и спросил, почему они здесь, и ему рассказали все дело с начала до конца,— а в повторении нет пользы, о господа мои,— и он сел с ними. И вдруг налетел из пустыни огромный крутящийся столб пыли, и, когда пыль рассеялась, оказалось, что это тот самый джинн, и в руках у него обнаженный меч, а глаза его мечут искры. И подойдя к ним, джинн потащил купца за руку и воскликнул: «Вставай, я убью тебя, как ты убил мое дитя, что было мне дороже жизни!» И купец зарыдал и заплакал, и три старца тоже подняли плач, рыданья и вопли.

И первый старец, владелец газели, отделился от прочих и, поцеловав ифриту руку, сказал: «О джинн, венец царей джиннов! Если я расскажу тебе, что у меня случилось с этой газелью, и ты сочтешь мою повесть удивительной, подаришь ли ты мне одну треть крови этого купца?» — «Да, старец,— ответил ифрит,— если ты мне расскажешь историю и она покажется мне удивительной, я подарю тебе треть его крови».

РАССКАЗ ПЕРВОГО СТАРЦА

«Знай, о ифрит,— сказал тогда старец,— что эта газель — дочь моего дяди и как бы моя плоть и кровь. Я женился на ней, когда она была совсем юной, и прожил с нею около тридцати лет, но не имел от нее ребенка; и тогда я взял наложницу, и она наделила меня сыном, подобным луне в полнолунии, и глаза и брови его были совершенны по красоте! Он вырос, и стал большим, и достиг пятнадцати лет; и тогда мне пришлось поехать в какой-то город, и я отправился с разным товаром. А дочь моего дяди, эта газель, с малых лет научилась колдовству и волхвованию, и она превратила мальчика в теленка, а ту невольницу, мать его, в корову и отдала их пастуху.

Я приехал спустя долгое время и спросил о моем ребенке и его матери, и дочь моего дяди сказала мне: «Твоя жена умерла, а твой сын убежал, и я не знаю, куда он ушел». И я просидел год с печальным сердцем и плачущими глазами, пока не пришел великий праздник Аллаха, и тогда я послал за пастухом и велел ему привести жирную корову. И пастух привел жирную корову (а это была моя невольница, которую заколдовала эта газель), и я подобрал полы и взял в руки нож, желая ее зарезать, но корова стала реветь, стонать и плакать; и я удивился этому, и меня взяла жалость. И я остановил ее и сказал пастуху: «Приведи мне другую корову». Но дочь моего дяди крикнула: «Эту зарежь! У меня нет лучше и жирнее ее!» И я подошел к корове, чтобы зарезать ее, но она заревела, и тогда я поднялся и приказал тому пастуху зарезать ее и ободрать. И пастух зарезал и ободрал корову, но не нашел ни мяса, ни жира — ничего, кроме кожи и костей. И я раскаялся, что зарезал корову,— но от моего раскаянья не было пользы,— и отдал ее пастуху и сказал ему: «Приведи мне жирного теленка!» И пастух привел мне моего сына; и когда теленок

увидел меня, он оборвал веревку, и подбежал ко мне, и стал об меня тереться, плача и стеная. Тогда меня взяла жалость, и я сказал пастуху: «Приведи мне корову, а его оставь». Но дочь моего дяди, эта газель, закричала на меня и сказала: «Надо непременно зарезать этого теленка сегодня: ведь сегодня — день святой и благословенный, когда режут только самое хорошее животное, а среди наших телят нет жирнее и лучше этого!»

«Посмотри, какова была корова, которую я зарезал по твоему приказанию,— сказал я ей.— Видишь, мы с ней обманулись и не имели от нее никакого проку, и я сильно раскаиваюсь, что зарезал ее, и теперь, на этот раз, я не хочу ничего слышать о том, чтобы зарезать этого теленка». «Клянусь Аллахом, великим, милосердным, милостивым, ты непременно зарежешь его в этот священный день, а если нет, то ты мне не муж и я тебе не жена!» — воскликнула дочь моего дяди. И, услышав от нее эти тягостные слова и не зная о ее намерениях, я подошел к теленку и взял в руки нож...»

Но тут застигло Шахразаду утро, и она прекратила дозволенные речи.

И сестра ее воскликнула: «О сестрица, как твой рассказ прекрасен, хорош, и приятен, и сладок!»

Но Шахразада сказала: «Куда этому до того, о чем я расскажу вам в следующую ночь, если буду жить и царь пощадит меня!»

И царь тогда про себя подумал: «Клянусь Аллахом, я не убью ее, пока не услышу окончания ее рассказа!»

Потом они провели эту ночь до утра обнявшись, и царь отправился вершить суд, а везирь пришел к нему с саваном под мышкой. И после этого царь судил, назначал и отставлял до конца дня и ничего не приказал везирю, и везирь до крайности изумился. А затем присутствие кончилось, и царь Шахрияр удалился в свои покои.

И Дуньязада сказала своей сестре Шахразаде: «О сестрица, доконча свой рассказ о купце и духе».

И Шахразада ответила: «С любовью и удовольствием, если мне позволит царь!»

И царь молвил: «Рассказывай!»

И Шахразада продолжала:

«Дошло до меня, о счастливый царь и справедливый повелитель, что, когда старик хотел зарезать теленка, его сердце взволновалось и он сказал пастуху: «Оставь этого

теленка среди скотины». (А все это старец рассказывал джинну, и джинн слушал и изумлялся его удивительным речам.)

«И было так, о владыка царей джиннов,— продолжал владелец газели,— дочь моего дяди, вот эта газель, смотрела, и видела, и говорила мне: «Зарежь теленка, он жирный!» Но мне было нелегко его зарезать, и я велел пастуху взять теленка, и пастух взял его и ушел с ним.

А на следующий день я сижу, и вдруг ко мне приходит пастух и говорит: «Господин мой, я тебе что-то такое скажу, от чего ты обрадуешься, и мне за приятную весть полагается подарок».— «Хорошо»,— ответил я; и пастух сказал: «О купец, у меня есть дочка, которая с малых лет научилась колдовству у одной старухи, жившей у нас. И вот вчера, когда ты дал мне теленка, я пришел к моей дочери, и она посмотрела на теленка, и закрыла себе лицо, и заплакала, а потом засмеялась и сказала: «О батюшка, мало же я для тебя значу, если ты вводишь ко мне чужих мужчин!» — «Где же чужие мужчины,— спросил я,— и почему ты плачешь и смеешься?» — «Этот теленок, который с тобою,— сын нашего господина,— ответила моя дочь.— Он заколдован, и заколдовала его, вместе с его матерью, жена его отца. Вот почему я смеялась; а плакала я по его матери, которую зарезал его отец». И я до крайности удивился, и, едва увидев, что взошло солнце, я пришел тебе сообщить об этом».

Услышав от пастуха эти слова, о джинн, я пошел с ним, без вина пьяный от охватившей меня радости и веселья, и пришел в его дом, и дочь пастуха приветствовала меня и поцеловала мне руку, а теленок подошел ко мне и стал об меня тереться. И я сказал дочери пастуха: «Правда ли то, что ты говоришь об этом теленке?» И она отвечала: «Да, господин мой, это твой сын и частица твоего сердца».— «О девушка,— сказал я тогда,— если ты освободишь его, я отдам тебе весь мой скот, и все имущество, и все, что сейчас в руках твоего отца». Но девушка улыбнулась и сказала: «О господин мой, я не жадна до денег и сделаю это только при двух условиях: первое — выдай меня за него замуж, а второе — позволь мне заколдовать ту, что его заколдовала, и заточить ее, иначе мне угрожают ее козни».

Услышав от дочери пастуха эти слова, о джинн, я сказал: «И сверх того, что ты требуешь, тебе достанется весь скот и имущество, находящееся в руках твоего отца. Что же до дочери моего дяди, то ее кровь для тебя невозбранна».

Когда дочь пастуха услышала это, она взяла чашку и наполнила ее водой, а потом произнесла над водой заклинания и брызнула ею на теленка, говоря: «Если ты теленок по творению Аллаха великого, останься в этом образе и не изменяйся, а если ты заколдован, прими свой прежний образ с соизволения великого Аллаха!» Вдруг теленок встряхнулся и стал человеком, и я бросился к нему и воскликнул: «Заклинаю тебя Аллахом, расскажи мне, что сделала с тобою и с твоей матерью дочь моего дяди!» И он поведал мне, что с ними случилось, и я сказал: «О дитя мое, Аллах послал тебе того, кто освободил тебя и восстановил твое право».

После этого, о джинн, я выдал дочь пастуха за него замуж, а она заколдовала дочь моего дяди, эту газель, и сказала: «Это прекрасный образ, не дикий, и вид его не внушает отвращения». И дочь пастуха жила с нами дни и ночи и ночи и дни, пока Аллах не взял ее к себе, а после ее кончины мой сын отправился в страны Индии, то есть в земли этого купца, с которым у тебя было то, что было; и тогда я взял эту газель, дочь моего дяди, и пошел с нею из страны в страну, высматривая, что сталось с моим сыном,— и судьба привела меня в это место, и я увидел купца, который сидел и плакал. Вот мой рассказ».

«Это удивительный рассказ,— сказал джинн,— и я дарю тебе треть крови купца».

И тогда выступил второй старец, тот, что был с охотничьими собаками, и сказал джинну: «Если я тебе расскажу, что у меня случилось с моими двумя братьями, этими собаками, и ты сочтешь мой рассказ еще более удивительным и диковинным, подаришь ли ты мне одну треть проступка этого купца?» — «Если твой рассказ будет удивительнее и диковиннее — она твоя»,— отвечал джинн.

РАССКАЗ ВТОРОГО СТАРЦА

«Знай, о владыка царей джиннов,— начал старец,— что эти две собаки — мои братья, а я — третий брат. Мой отец умер и оставил нам три тысячи динаров, и я открыл лавку, чтобы торговать, и мои братья тоже открыли по лавке. Но прошло недолгое время, и мой старший брат, один из этих псов, продал все, что было у него, за тысячу динаров и, накупив товаров и всякого добра, уехал путешествовать. Он отсутствовал целый год, и вдруг, когда я однажды был в лавке, подле меня остановился нищий. Я сказал ему:

«Аллах поможет!» Но нищий воскликнул плача: «Ты уже не узнаешь меня!» — и тогда я всмотрелся в него и вдруг вижу — это мой брат! И я поднялся и приветствовал его и, отведя его в лавку, спросил, что с ним. Но он ответил: «Не спрашивай! Деньги ушли, и счастье изменило». И тогда я свел его в баню, и одел в платье из моей одежды, и привел его к себе, а потом я подсчитал оборот лавки, и оказалось, что я нажил тысячу динаров и что мой капитал — две тысячи. Я разделил эти деньги с братом и сказал ему: «Считай, что ты не путешествовал и не уезжал на чужбину»; и брат мой взял деньги, радостный, и открыл лавку.

И прошли ночи и дни, и мой второй брат,— а это другой пес,— продал свое имущество и все, что у него было, и захотел путешествовать. Мы удерживали его, но не удержали, и, накупив товару, он уехал с путешественниками. Его не было с нами целый год, а потом он пришел ко мне таким же, как его старший брат, и я сказал ему: «О брат мой, не советовал ли я тебе не ездить?» А он заплакал и воскликнул: «О брат мой, так было суждено, и вот я теперь бедняк: у меня нет ни единого дирхема, и я голый, без рубахи». И я взял его, о джинн, и сводил в баню, и одел в новое платье из своей одежды, а потом пошел с ним в лавку, и мы поели и попили, и после этого я сказал ему: «О брат мой, я свожу счета своей лавки один раз каждый новый год, и весь доход, какой будет, пойдет мне и тебе». И я подсчитал, о ифрит, оборот своей лавки, и у меня оказалось две тысячи динаров, и я восхвалил творца, да будет он превознесен и прославлен! А потом я дал брату тысячу динаров, и у меня осталась тысяча, и брат мой открыл лавку, и мы прожили много дней.

А через несколько времени мои братья приступили ко мне, желая, чтобы я поехал с ними, но я не сделал этого и сказал им: «Что вы такого нажили в путешествии, что бы и я мог нажить?» — и не стал их слушать. И мы остались в наших лавках, продавая и покупая, и братья каждый год предлагали мне путешествовать, а я не соглашался, пока не прошло шесть лет. И тогда я позволил им поехать и сказал: «О братья, и я тоже отправлюсь с вами, но давайте посмотрим, сколько у вас денег»,— и не нашел у них ничего; напротив, они все спустили, предаваясь обжорству, пьянству и наслаждениям. Но я не стал с ними говорить и, не сказав ни слова, подвел счета своей лавки и превратил в деньги все бывшие у меня товары и имущество, и у меня оказалось шесть тысяч динаров. И я обрадовался, и разделил их пополам, и сказал братьям: «Вот три тысячи

динаров, для меня и для вас, и на них мы будем торговать». А другие три тысячи динаров я закопал, предполагая, что со мной может случиться то же, что с ними, и когда я приеду, то у меня останется три тысячи динаров, на которые мы снова откроем свои лавки. Мои братья были согласны, и я дал им по тысяче динаров, и у меня тоже осталась тысяча, и мы закупили необходимые товары, и снарядились в путь, и наняли корабль, и перенесли туда свои пожитки.

Мы ехали первый день, и второй день, и путешествовали целый месяц, пока не прибыли со своими товарами в один город. Мы нажили на каждый динар десять и хотели уезжать, как вдруг увидели на берегу моря девушку, одетую в рваные лохмотья, которая поцеловала мне руку и сказала: «О господин мой, способен ли ты на милость и благодеяние, за которое я тебя отблагодарю?» — «Да,— отвечал я ей,— я люблю благодеяния и милости и помогу тебе, даже если ты не отблагодаришь меня». И тогда девушка сказала: «О господин, женись на мне и возьми меня в свои земли. Я отдаю тебе себя, будь же ко мне милостив, ибо я достойна благодеяния, а я отблагодарю тебя. И да не введет тебя в обман мое положение». И когда я услышал слова девушки, мое сердце устремилось к ней, по воле Аллаха, великого, славного, и я взял девушку, и одел ее, и приготовил ей покои на корабле, и заботился о ней, и почитал ее. А потом мы поехали дальше, и в моем сердце родилась большая любовь к девушке, и я не расставался с нею ни днем ни ночью. Я пренебрег из-за нее моими братьями, и они приревновали меня и позавидовали моему богатству и изобилию моих товаров, и глаза их не знали сна, жадные до наших денег. И братья заговорили о том, как бы убить меня и взять мои деньги, и сказали: «Убьем брата, и все деньги будут наши». И дьявол украсил это дело в их мыслях. И они подошли ко мне, когда я спал рядом с женою, и подняли меня вместе с нею и бросили в море; и тут моя жена пробудилась, встряхнулась и стала ифриткой и понесла меня — вынесла на остров. Потом она ненадолго скрылась и, вернувшись ко мне под утро, сказала: «Я твоя жена, и я тебя вынесла и спасла от смерти по изволению Аллаха великого. Знай, что я джинния, и когда я тебя увидела, мое сердце полюбило тебя ради Аллаха,— а я верую в Аллаха и его посланника, да благословит его Аллах и да приветствует! И я пришла к тебе такою, как ты видел меня, и ты взял меня в жены,— и вот я спасла тебя от потопления. Но я разгневалась на твоих братьев, и мне непременно надо их убить». Услышав ее слова, я изумился,

и поблагодарил ее за ее поступок, и сказал ей: «Что же касается убийства моих братьев, то нет!» И я поведал ей все, что у меня с ними было, с начала до конца. И, узнав это, она сказала: «Я сегодня ночью слетаю к ним, и потоплю их корабль, и погублю их».— «Заклинаю тебя Аллахом,— сказал я,— не делай этого! Ведь говорит изречение: «О благодетельствующий злому, достаточно со злодея и того, что он сделал». Как бы то ни было, они мои братья».— «Я непременно должна их убить»,— возразила джинния. И я принялся ее умолять, и тогда она отнесла меня на крышу моего дома. И я отпер двери, и вынул то, что спрятал под землей, и открыл свою лавку, пожелав людям мира и купив товаров. Когда же настал вечер, я вернулся домой и нашел этих двух собак, привязанных во дворе,— и, увидев меня, они встали, и заплакали, и уцепились за меня.

И не успел я оглянуться, как моя жена сказала мне: «Это твои братья».— «А кто с ними сделал такое дело?» — спросил я. И она ответила: «Я послала за моей сестрой, и она сделала это с ними, и они не освободятся раньше чем через десять лет». И вот я пришел сюда, идя к ней, чтобы она освободила моих братьев после того, как они провели десять лет в таком состоянии, и я увидел этого купца, и он рассказал мне, что с ним случилось, и мне захотелось не уходить отсюда и посмотреть, что у тебя с ним будет. Вот мой рассказ».

«Это удивительная история, и я дарю тебе треть крови купца и его проступка»,— сказал джинн.

И тут третий старец, владелец мула, сказал: «Я расскажу тебе историю диковиннее этих двух, а ты, о джинн, подари мне остаток его крови и преступления».— «Хорошо»,— отвечал джинн.

РАССКАЗ ТРЕТЬЕГО СТАРЦА

«О султан и глава всех джиннов,— начал старец,— знай, что этот мул был моей женой. Я отправился в путешествие и отсутствовал целый год, а потом я закончил поездку и вернулся ночью к жене. И я увидел черного раба, который лежал с нею в постели, и они разговаривали, играли, смеялись, целовались и возились. И увидев меня, моя жена поспешно взяла кувшин воды, произнесла что-то над нею, и брызнула на меня, и сказала: «Измени свой образ и прими образ собаки!» И я тотчас же стал собакой, и моя жена выгнала меня из дома; и я вышел из ворот и шел до тех пор,

пока не пришел к лавке мясника. И я подошел и стал есть кости, и когда хозяин лавки меня заметил, он взял меня и ввел к себе в дом. И, увидев меня, дочь мясника закрыла от меня лицо и воскликнула. «Ты приводишь мужчину и входишь с ним к нам!» — «Где же мужчина?» — спросил ее отец. И она сказала: «Этот пес — мужчина, которого заколдовала его жена, и я могу его освободить». И, услышав слова девушки, ее отец воскликнул: «Заклинаю тебя Аллахом, дочь моя, освободи его». И она взяла кувшин с водой, и произнесла над ней что-то, и слегка брызнула на меня, и сказала: «Перемени этот образ на твой прежний вид!» И я принял свой первоначальный образ, и поцеловал руку девушки, и сказал ей: «Я хочу, чтобы ты заколдовала мою жену, как она заколдовала меня». И девушка дала мне немного воды и сказала: «Когда увидишь свою жену спящей, брызни на нее этой водой и скажи что захочешь, и она станет тем, чем ты пожелаешь». И я взял воду, и вошел к своей жене, и, найдя ее спящей, брызнул на нее водой и сказал: «Покинь этот образ и прими образ мула!» И она тотчас же стала мулом, тем самым, которого ты видишь своими глазами, о султан и глава джиннов».

И джинн спросил мула: «Верно?» И мул затряс головой и заговорил знаками, обозначавшими: «Да, клянусь Аллахом, это моя повесть и то, что со мной случилось!»

И когда третий старец кончил свой рассказ, джинн, охваченный удивлением, подарил ему треть крови купца...»

Но тут застигло Шахразаду утро, и она прекратила дозволенные речи.

И сестра ее сказала: «О сестрица, как сладостен твой рассказ, и хорош, и усладителен, и нежен».

И Шахразада ответила: «Куда этому до того, о чем я расскажу вам в следующую ночь, если я буду жить и царь пощадит меня».

«Клянусь Аллахом,— воскликнул царь,— я не убью ее, пока не услышу всю ее повесть, ибо она удивительна!»

И потом они провели эту ночь до утра обнявшись, и царь отправился вершить суд, и пришли войска и везирь, и диван наполнился людьми. И царь судил, назначал, и отставлял, и запрещал, и приказывал до конца дня.

И потом диван разошелся, и царь Шахрияр удалился в свои покои. И с приближением ночи он удовлетворил свою нужду с дочерью везиря.

И Дуньязада сказала ей: «О сестрица, докончи твой рассказ».

И Шахразада ответила: «С любовью и охотой! Дошло до

меня, о счастливый царь, что третий старец рассказал джинну историю диковиннее двух других и джинн до крайности изумился, и преисполнился удивления, и сказал: «Дарю тебе остаток проступка купца и отпускаю его». И купец обратился к старцам и поблагодарил их, и они поздравили его со спасением, и каждый из них вернулся в свою страну. Но это не удивительней, чем сказка о рыбаке».

«А как это было?» — спросил царь.

СКАЗКА О РЫБАКЕ

ошло до меня, о счастливый царь, — сказала Шахразада, — что был один рыбак, глубокий старец, и были у него жена и трое детей, и жил он в бедности. И был у него обычай забрасывать свою сеть каждый день четыре раза, ни больше ни меньше; и вот однажды он вышел в полуденную пору, и пришел на берег моря, и поставил свою корзину, и, подобрав полы, вошел в море, и закинул сеть. Он выждал, пока сеть установится в воде, и собрал веревки, и, когда почувствовал, что сеть отяжелела, попробовал ее вытянуть, но не смог; и тогда он вышел с концом сети на берег, вбил колышек, привязал сеть и, раздевшись, стал нырять вокруг нее, и до тех пор старался, пока не вытащил ее. И он обрадовался, и вышел, и, надев свою одежду, подошел к сети, но нашел в ней мёртвого осла, который разорвал сеть. Увидев это, рыбак опечалился и воскликнул: «Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого! Поистине, это удивительное пропитание! — сказал он потом и произнес:

О вверивший себя ночиным суровым расстояньем!
Зря не трудись — насущный хлеб не раздобыть стараньем!»

Потом он сказал: «Живо! Милость непременно будет, если захочет Аллах великий!»

И он выбросил осла из сети и отжал ее, а окончив отжимать сеть, он расправил ее, и вошел в море, и, сказав: «Во имя Аллаха!» — снова забросил. Он выждал, пока сеть

установится; и она отяжелела и зацепилась крепче чем прежде, и рыбак подумал, что это рыба, и, привязав сеть, разделся, вошел в воду и до тех пор нырял, пока не высвободил ее. Он трудился над нею, пока не поднял ее на сушу, но нашел в ней большой кувшин, полный песку и ила. И, увидев это, рыбак опечалился и произнес:

«Судьба! Довольно ты меня палила.
Повремени! Не насылай беды!

Ты доброй доли мне не отделила
И не вознаградила за труды!

Пришел, чтоб получить и часть и участь;
Увидел: ничего не унести.

Как удивительна невежд живучесть,
А память о премудрых — не в чести!»

Потом он бросил кувшин, и отжал сеть, и вычистил ее, и, попросив прощенья у Аллаха великого, вернулся к морю в третий раз и опять закинул сеть. И, подождав, пока она установится, он вытянул сеть, но нашел в ней черепки, осколки стекла и кости. И тогда он сильно рассердился, и заплакал, и произнес:

«И вот твоя судьба — не свяжет, не развяжет,
Не вызволит перо и надпись не расскажет».

Потом он поднял голову к небу и сказал: «Боже, ты знаешь, что я забрасываю свою сеть только четыре раза в день, а я уже забросил ее трижды, и ничего не пришло ко мне. Пошли же мне, о боже, в этот раз мое пропитание!»

Затем рыбак произнес имя Аллаха, и закинул сеть в море, и, подождав, пока она установится, потянул ее, но не мог вытянуть, и оказалось, она запуталась на дне. «Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха!» — воскликнул рыбак.

И он разделся, и нырнул за сетью, и трудился над ней, пока не поднял на сушу, и, растянув сеть, он нашел в ней кувшин из желтой меди, чем-то наполненный, и горлышко его было запечатано свинцом, на котором был оттиск перстня господина нашего Сулеймана ибн Дауда,— мир с ними обоими! И, увидев кувшин, рыбак обрадовался и воскликнул: «Я продам его на рынке медников, он стоит десять динаров золотом!» Потом он подвигал кувшин, и нашел его тяжелым, и увидел, что он плотно закрыт, и сказал себе: «Взгляну-ка, что в этом кувшине! Открою его и посмотрю, что в нем есть, а потом продам!» И он вынул

нож и старался над свинцом, пока не сорвал его с кувшина, и положил кувшин боком на землю, и потряс его, чтобы то, что было в нем, вылилось,— и оттуда не полилось ничего, и рыбак до крайности удивился. А потом из кувшина пошел дым, который поднялся до облаков небесных и пополз по лицу земли, и когда дым вышел целиком, то собрался, и сжался, и затрепетал, и сделался ифритом с головой в облаках и ногами на земле. И голова его была как купол, руки как вилы, ноги как мачты, рот словно пещера, зубы точно камни, ноздри как трубы, и глаза как два светильника, и был он мрачный, мерзкий.

И когда рыбак увидел этого ифрита, у него задрожали поджилки, и застучали зубы, и высохла слюна, и он не видел перед собой дороги. А ифрит, увидя его, воскликнул: «Нет бога, кроме Аллаха, Сулейман — пророк Аллаха!»

Потом он вскричал: «О пророк Аллаха, не убивай меня! Я не стану больше противиться твоему слову и не ослушаюсь твоего веления!» И рыбак сказал ему: «О марид, ты говоришь: «Сулейман — пророк Аллаха», а Сулейман уже тысяча восемьсот лет как умер, и мы живем в последние времена перед концом мира. Какова твоя история, и что с тобой случилось, и почему ты вошел в этот кувшин?»

И, услышав слова рыбака, марид воскликнул: «Нет бога, кроме Аллаха! Радуйся, о рыбак!» — «Чем же ты меня порадуешь?» — спросил рыбак. И ифрит ответил: «Тем, что убью тебя сию же минуту злейшей смертью».— «За такую весть, о начальник ифритов, ты достоин лишиться защиты Аллаха! — вскричал рыбак.— О проклятый, за что ты убиваешь меня и зачем нужна тебе моя жизнь, когда я освободил тебя из кувшина, и спас со дна моря, и поднял на сушу?» — «Пожелай, какой смертью хочешь умереть и какой казнью быть казнен?» — спросил ифрит. И рыбак воскликнул: «В чем мой грех и за что ты меня так награждаешь?» — «Послушай мою историю, о рыбак»,— сказал ифрит, и рыбак сказал: «Говори и будь краток, а то у меня душа уже подошла к носу!»

«Знай, о рыбак,— сказал ифрит,— что я один из джиннов-вероотступников, и мы ослушались Сулеймана, сына Дауда,— мир с ними обоими! — я и Сахр, джинн. И Сулейман прислал своего везиря, Асафа ибн Барахию, и он привел меня к Сулейману насильно, в унижении, против моей воли. Он поставил меня перед Сулейманом, и Сулейман, увидев меня, призвал против меня па помощь Аллаха и предложил мне принять истинную веру и войти под его власть, но я отказался. И тогда он велел принести этот

кувшин, и заточил меня в нем, и запечатал кувшин свинцом, оттиснув на нем величайшие из имен Аллаха, а потом он отдал приказ джиннам, и они понесли меня и бросили посреди моря. И я провел в море сто лет и сказал в своем сердце: всякого, кто освободит меня, я обогащу навеки, но прошло еще сто лет, и никто меня не освободил. И прошла другая сотня, и я сказал: всякому, кто освободит меня, я открою сокровища земли. Но никто не освободил меня. И прошло еще четыреста лет, и я сказал: всякому, кто освободит меня, я исполню три желания. Но никто не освободил меня, и тогда я разгневался сильным гневом и сказал в душе своей: всякого, кто освободит меня сейчас, я убью и предложу ему выбрать, какою смертью умереть! И вот ты освободил меня, и я тебе предлагаю выбрать, какой смертью ты хочешь умереть».

Услышав слова ифрита, рыбак воскликнул: «О диво Аллаха! А я-то пришел освободить тебя только теперь! Избавь меня от смерти — Аллах избавит тебя,— сказал он ифриту.— Не губи меня — Аллах даст над тобою власть тому, кто тебя погубит».— «Твоя смерть неизбежна, пожелай же, какой смертью тебе умереть»,— сказал марид.

И когда рыбак убедился в этом, он снова обратился к ифриту и сказал: «Помилуй меня в награду за то, что я тебя освободил».— «Но я ведь и убиваю тебя только потому, что ты меня освободил!» — воскликнул ифрит. И рыбак сказал: «О шейх ифритов, я поступаю с тобою хорошо, а ты воздаешь мне скверным. Не лжет изречение, заключающееся в таких стихах:

«Мы сделали добро, нам отвечают злом,
Когда в ответ на зло исчадиям геенны

Мы делаем добро — клянусь, что поделом
Нам горькая судьба спасителя гиены!»

Услышав слова рыбака, ифрит воскликнул: «Не тяни, твоя смерть неизбежна!» И рыбак подумал: «Это джинн, а я человек, и Аллах даровал мне совершенный ум. Вот я придумаю, как погубить его хитростью и умом, пока он измышляет, как погубить меня коварством и мерзостью».

Потом он сказал ифриту: «Моя смерть неизбежна?» И ифрит отвечал: «Да». И тогда рыбак воскликнул: «Заклинаю тебя величайшим именем, вырезанным на перстне Сулеймана ибн Дауда,— мир с ними обоими! — я спрошу тебя об одной вещи, скажи мне правду».— «Хорошо,— сказал ифрит,— спрашивай и будь краток!» И он задрожал

и затрясся, услышав упоминание величайшего имени. А рыбак сказал: «Ты был в этом кувшине, а кувшин не вместит даже твоей руки или ноги. Так как же он вместил тебя всего?» — «Так ты не веришь, что я был в нем?» — вскричал ифрит. «Я никогда тебе не поверю, пока не увижу тебя там своими глазами»,— ответил рыбак. И тогда ифрит встряхнулся, и стал дымом над морем, и собрался, и мало-помалу стал входить в кувшин, пока весь дым не оказался в кувшине. И тут рыбак поспешно схватил свинцовую пробку с печатью, и закрыл ею кувшин, и закричал на ифрита: «Выбирай, какой смертью умрешь! Клянусь Аллахом, я брошу тебя в море и построю себе здесь дом, и всякому, кто придет сюда, я не дам ловить рыбу и скажу: «Тут ифрит, и всем, кто его вытащит, он предлагает выбрать, как умереть и как быть убитым!»

Услышав слова рыбака и почувствовав себя в заточении, ифрит хотел выйти, но не мог, так как ему не позволяла печать Сулеймана. И он понял, что рыбак перехитрил его, и сказал: «Я пошутил с тобой!» Но рыбак воскликнул: «Лжешь, о презреннейший из ифритов и грязнейший и ничтожнейший из них!» И потом он понес кувшин к берегу моря, и ифрит кричал: «Нет, нет!» — а рыбак говорил: «Да, да!» Ифрит смягчил свои речи, и стал смиренным, и сказал: «Что ты хочешь со мной сделать, о рыбак?» И рыбак ответил: «Я брошу тебя в море; и если ты уже провел в нем тысячу восемьсот лет, то я заставлю тебя пробыть там, пока не настанет Судный час. Не говорил ли я тебе: «Пощади меня — пощадит тебя Аллах, не убивай меня — убьет тебя Аллах!» — но ты не послушал моих слов и хотел только обмануть меня, и Аллах отдал тебя мне в руки, и я обманул тебя».

«Открой меня, и я окажу тебе милость»,— сказал ифрит. Но рыбак воскликнул: «Лжешь, проклятый! Я и ты подобны везирю царя Юнана и врачу Дубану».— «А кто это такие, везирь царя Юнана и врач Дубан, и какова их история?» — спросил ифрит.

ПОВЕСТЬ О ВЕЗИРЕ ЦАРЯ ЮНАНА

«Знай, о ифрит,— начал рыбак,— что в древние времена и минувшие века и столетия был в городе персов и в земле Румана царь по имени Юнан. И был он богат и велик и повелевал войском и телохранителями всякого рода, но на теле его была проказа, и врачи и лекари были против нее

бессильны. И царь пил лекарства и порошки и мазался мазями, но ничто не помогало ему, и ни один врач не мог его исцелить. А в город царя Юнана пришел великий врач, почтенный старец, которого звали врач Дубан. Он читал книги греческие, персидские, византийские, арабские и сирийские, знал врачевание и науку о звездах и усвоил их правила и основы, их пользу и вред, и он знал также все растения и травы, свежие и сухие, полезные и вредные, и изучил философию, и постиг все науки и прочее.

И когда этот врач пришел в город и пробыл там немного дней, он услышал о царе и поразившей его тело проказе, которою испытал его Аллах, и о том, что ученые и врачи не могут излечить ее. И когда это дошло до врача, он провел ночь в занятиях, а лишь только наступило утро, и засияло светом, и заблистало, он надел лучшее из своих платьев и вошел к царю Юнану. Облобызав перед ним землю, врач пожелал ему вечной славы и благоденствия и отлично это высказал, а потом представился и сказал: «О царь, я узнал, что тебя постигла болезнь, которая у тебя на теле, и что множество врачей не знает средства излечить ее. Но вот я тебя вылечу, о царь, и не буду ни поить тебя лекарством, ни мазать мазью».

Услышав его слова, царь Юнан удивился и воскликнул: «Как же ты это сделаешь? Клянусь Аллахом, если ты меня исцелишь, я обогащу тебя и детей твоих детей и облагодетельствую тебя, и все, что ты захочешь, будет твое, и ты станешь моим сотрапезником и любимцем!» Потом царь Юнан наградил врача почетной одеждой, и оказал ему милость, и спросил его: «Ты вылечишь меня от этой болезни без помощи лекарства и мази?» И врач отвечал: «Да, я тебя вылечу». И царь до крайности изумился, а потом спросил: «О врач, в какой же день и в какое время будет то, о чем ты мне сказал? Поторопись, сын мой!» — «Слушаю и повинуюсь,— ответил врач,— это будет завтра». А затем он спустился в город, и нанял дом, и сложил туда свои книги и лекарства и зелья, а потом он вынул зелья и снадобья и вложил их в клюшку, которую выдолбил, а к клюшке он приделал ручку, и, когда все это было изготовлено и окончено, врач отправился к царю и, войдя к нему, облобызал перед ним землю и велел ему выехать на ристалище и играть с шаром и клюшкой. А с царем были эмиры, придворные, и везири, и вельможи царства. И не успел он прибыть на ристалище, как пришел врач Дубан, и подал ему клюшку, и сказал: «Возьми эту клюшку, и держи ее за эту вот ручку, и гоняйся по ристалищу, и вытягивайся хоро-

шенько — бей по шару, пока твоя рука и тело не вспотеют и лекарство не перейдет из твоей руки и не распространится по телу. Когда же ты кончишь играть и лекарство распространится у тебя по всему телу, возвращайся во дворец, а потом сходи в баню, вымойся и ложись спать. Ты исцелишься, и конец».

И тогда царь Юнан взял у врача клюшку, и схватил ее рукою, и сел на коня, и кинул перед собою шар, и погнался за ним, и настиг его и с силой ударил, сжав рукою ручку клюшки. И он до тех пор бил по шару и гонялся за ним, пока его рука и все тело не покрылись испариной и снадобье не растеклось из ручки. И тут врач Дубан узнал, что лекарство распространилось по телу царя, и велел ему возвращаться во дворец и сию же минуту пойти в баню. И царь Юнан немедленно возвратился и приказал освободить для себя баню; и баню освободили, и постельничьи поспешили, и рабы побежали к царю, обгоняя друг друга, и приготовили ему белье. И царь вошел в баню, и хорошо вымылся, и надел свои одежды в бане, а затем он вышел и поехал во дворец и лег спать.

Вот что было с царем Юнаном. Что же касается врача Дубана, то он возвратился к себе домой и проспал ночь, а когда наступило утро, он пришел к царю и попросил разрешения войти. И царь приказал ему войти; и врач вошел, и облобызал перед ним землю, и сказал нараспев, намекая на царя, такие стихи:

«Само витийство чтит в тебе отца,
Когда другой от страху — ни словца.

Твое лицо своим чудесным светом
От гнева очищает все сердца.

И да не хмурят брови времена
Перед лицом, что светит, как луна.

Ты сотворил со мною милосердьем
То, что с лугами делает весна.

Стремясь к добру, добра ты не жалел
И скряжливость судьбы преодолел».

И когда он кончил говорить стихи, царь поднялся на ноги, и обнял его, посадил с собою рядом, и наградил драгоценными одеждами. (А царь, вышедши из бани, посмотрел на свое тело и совершенно не нашел на нем проказы, и оно стало чистым, как белое серебро; и царь обрадовался этому до крайности, и его грудь расправилась и расширилась.)

Когда же настало утро, царь пришел в диван и сел на престол власти, и придворные и вельможи его царства встали перед ним, и к нему вошел врач Дубан, и царь, увидев его, поспешно поднялся и посадил его с собою рядом. И вот накрыли роскошные столы с кушаньями, и царь поел вместе с Дубаном и, не переставая, беседовал с ним весь этот день. Когда же настала ночь, царь дал Дубану две тысячи динаров, кроме почетных одежд и прочих даров, и посадил его на своего коня, и Дубан удалился к себе домой. А царь Юнан все удивлялся его искусству и говорил: «Этот врач лечил меня снаружи и не мазал никакой мазью. Клянусь Аллахом, вот это действительная мудрость! И мне следует оказать этому человеку уважение и милость и сделать его своим собеседником и сотрапезником на вечные времена!» И царь Юнан провел ночь довольный, радуясь здоровью своего тела и избавлению от болезни; и когда наступило утро, он вышел и сел на престол, и вельможи его царства встали перед ним, а везири и эмиры сели справа и слева. Потом царь Юнан потребовал врача Дубана, и тот вошел к нему и облобызал перед ним землю, а царь поднялся перед ним и посадил его с собою рядом. Он поел вместе с врачом, и пожелал ему долгой жизни, и пожаловал ему дары и одежды, и беседовал с ним до тех пор, пока не настала ночь,— и тогда царь велел выдать врачу пять почетных одежд и тысячу динаров, и врач удалился к себе домой, воздавая благодарность царю. А когда наступило утро, царь вышел в диван, окруженный придворными, везирями и эмирами.

А у царя был один везирь гнусного вида, скверный и порочный, скупой и завистливый, сотворенный из одной зависти; и когда этот везирь увидел, что царь приблизил к себе врача Дубана и оказывает ему такие милости, он позавидовал ему и затаил на него зло. Ведь говорится же: ничье тело не свободно от зависти, и сказано: несправедливость таится в сердце; сила ее проявляет, а слабость скрывает. И вот этот везирь подошел к царю Юнану и, облобызав перед ним землю, сказал: «О царь нашего века и времени! Ты тот, в чьей милости я вырос, и у меня есть для тебя великий совет. И если я его от тебя скрою, я буду сыном прелюбодеяния; если же ты прикажешь его открыть тебе, я открою его». И царь, которого встревожили слова везиря, спросил его: «Что у тебя за совет?» И везирь отвечал: «О благородный царь, древние сказали: «Кто не думает об исходе дел, тому судьба не друг». И я вижу, что царь поступает неправильно, жалуя своего врача и того, кто

ищет прекращения его царства. А царь был к нему милостив и оказал ему величайшее уважение и до крайности приблизил его к себе, и я опасаюсь за царя».

И царь, встревожившись и изменившись в лице, спросил везиря: «Про кого ты говоришь и на кого намекаешь?» И везирь сказал: «Если ты спишь, проснись! Я указываю на врача Дубана».— «Горе тебе,— сказал царь,— это мой друг, и он мне дороже всех людей, так как он вылечил меня чем-то, что я взял в руку, и исцелил меня от болезни, против которой были бессильны врачи. Такого, как он, не найти в наше время нигде в мире, ни на востоке, ни на западе, а ты говоришь о нем такие слова. С сегодняшнего дня я установлю ему жалованье и выдачи и назначу ему на каждый месяц тысячу динаров, но даже если бы я разделил с ним свое царство, и этого было бы поистине мало. И я думаю, что ты это говоришь из одной только зависти к этому врачу, и ты хочешь его смерти, а я стану после этого раскаиваться, как раскаялся царь Ас-Синдбад, убивши сокола».— «Прости меня, о царь времени, а как это было?» — спросил везирь.

РАССКАЗ О ЦАРЕ АС-СИНДБАДЕ

«Говорят,— а Аллах лучше знает,— начал царь,— что был один царь из царей персов, который любил веселье, прогулки, охоту и ловлю. И он воспитал сокола, и не расставался с ним ни днем ни ночью, и всю ночь он держал его на руке, а когда отправлялся на охоту, то брал сокола с собою. Царь сделал для сокола золотую чашку, висевшую у него на шее, и поил его из этой чашки. И вот однажды царь сидит, и вдруг приходит к нему главный сокольничий и говорит: «О царь времени, пришла пора выезжать на охоту». И царь приказал выезжать и взял сокола на руку; и охотники ехали до тех пор, пока не достигли одной долины, там растянули сеть для ловли, и вдруг в эту сеть попалась газель, и тогда царь воскликнул: «Всякого, через чью голову газель перескочит, я убью».

И охотники сузили сеть вокруг газели, и вдруг газель подошла к царю, и, оставаясь на задних ногах, передние сложила на груди, как бы целуя перед царем землю. И царь кивнул газели головой, а она прыгнула через его голову и убежала в пустыню. И царь увидел, что вся свита перемигивается, и спросил: «О везирь, что они говорят?» И везирь

ответил: «Они говорят, что ты сказал: «Всякий, через чью голову газель перескочит, будет убит». И тогда царь воскликнул: «Клянусь моей головой, я буду преследовать ее, пока не приведу!» И царь поехал по следам газели и неотступно скакал за ней по горам. А она хотела войти в чащу, и тогда царь спустил за ней сокола, и сокол бил ее крыльями по глазам, пока не ослепил и не ошеломил. И царь вынул дубинку, и ударил газель, и повалил ее, потом он сошел и прирезал газель и, сняв с нее шкуру, привесил ее к луке седла. А было время полуденного отдыха, и в зарослях, пустынных и высохших, нельзя было найти воды. И царь почувствовал жажду, и конь захотел пить,— и тогда царь покружил и увидал дерево, с которого текла вода, точно масло. А на руках у царя были надеты рукавицы из кожи, и он взял чашку с шеи сокола и наполнил ее этой водой. Он поставил перед собой чашку, но сокол вдруг ударил ее крылом и опрокинул; и тогда царь поднял чашку и стал набирать второй раз в нее стекавшее масло, пока не наполнил. Он думал, что сокол хочет пить, и поставил перед ним чашку, но сокол опять ударил ее и опрокинул. И царь рассердился на сокола, и в третий раз наполнил чашку, и поставил ее перед конем, но сокол снова опрокинул чашку крылом. И тогда царь воскликнул: «Да накажет тебя Аллах, о злосчастнейшая птица! Ты лишила питья и меня, и коня, и себя самое!» И ударив сокола мечом, он отрубил ему крылья.

И тогда птица стала подымать голову, говоря знаками: «Посмотри, что на вершине дерева». И царь поднял глаза и увидел на дереве детеныша ехидны, а та жидкость была его ядом. И раскаялся царь, что отрубил соколу крылья, и поднялся, и сел на коня, и поехал, взявши с собою газель, и достиг шатра со своею добычей. Он отдал газель повару и сказал: «Возьми ее и изжарь!» — а потом он сел на престол, и сокол был на его руке. И вдруг птица испустила крик и умерла; и царь закричал от печали и горя, что убил сокола, после того как тот спас его от гибели. Вот и все, что было с царем Ас-Синдбадом».

Услышав слова царя Юнана, везирь сказал: «О царь, высокий саном, что же сделал мне врач дурного? Я не видел от него зла и поступаю так только из жалости к тебе, чтобы ты знал, что мои слова верны, а иначе ты погибнешь, как погиб везирь, который строил козни против сына одного из царей».— «А как это было?» — спросил царь Юнан.

«Знай, о царь,— сказал везирь,— что у одного царя был везирь, а у этого царя был сын, который любил охоту и ловлю, и везирь его отца находился с ним. И царь, отец юноши, приказал этому везирю быть с царевичем, куда бы тот ни отправился. Однажды юноша выехал на охоту, и везирь его отца выехал с ним, и они поехали вместе. И везирь увидел большого зверя и сказал царевичу: «Вот тебе зверь, гонись за ним». И царевич помчался за зверем и исчез с глаз, и зверь скрылся от него в пустыне. И царевич растерялся и не знал, куда идти и в какую сторону направиться, и вдруг видит: у обочины дороги сидит девушка и плачет.

«Кто ты?» — спросил ее царевич: и девушка сказала: «Я дочь царя из царей Индии, и я была в пустыне, но на меня напала дремота, и я свалилась с коня, и теперь я отбилась от своих и потерялась». И, услышав слова девушки, царевич сжалился над нею и взял ее на спину своего коня, посадив ее сзади, и поехал. И когда они проезжали мимо каких-то развалин, девушка сказала: «О господин, я хочу сойти за надобностью»,— и царевич спустил ее около развалин. И девушка вошла туда и замешкалась, и царевич, заждавшись ее, вошел за ней следом, не зная кто она. И вдруг видит: это — гуль, и она говорит своим детям: «Дети, я привела вам сегодня жирного молодца!» А дети отвечают: «О матушка, приведи его, чтобы мы наполнили им наши животы». Услышав их слова, царевич убедился, что погибнет, и испугался за себя, и у него задрожали поджилки. Он вернулся назад; и гуль вышла и увидела, что он как будто испуган, и боится, и дрожит, и сказала: «Чего ты боишься?» — «У меня есть враг, и я боюсь его»,— отвечал царевич. «Ты говорил, что ты сын царя?» — спросила его гуль; и царевич ответил: «Да». И тогда гуль сказала: «Почему ты не дашь своему врагу сколько-нибудь денег, чтобы удовлетворить его?» — «Он не удовлетворится деньгами, а только моей жизнью,— отвечал царевич,— и я боюсь за себя. Я человек обиженный».— «Если ты, как ты говоришь, обижен, призови на помощь Аллаха, и он избавит тебя от злобы твоего врага и от того зла, которого ты боишься»,— сказала гуль. И царевич поднял взор к небу и воскликнул: «О ты, кто отвечаешь попавшему в беду, когда он зовет тебя, и устраняешь зло, о боже, помоги мне против моего врага и отврати его от меня! Поистине, ты властен в том, чего хочешь!» И когда гуль услыхала его молитву, она удалилась, а царевич отправился к своему

отцу и рассказал ему о поступке везиря; и царь призвал его и убил.

И если ты, о царь, доверишься этому врачу, он убьет тебя злейшим убийством. Тот, кого ты облагодетельствовал и приблизил к себе, действует тебе на погибель. Он лечил тебя от болезни снаружи чем-то, что ты взял в руку, и ты не в безопасности от того, чтобы он не убил тебя вещью, которую ты так же возьмешь в руку».

«Ты прав, о везирь,— сказал царь Юнан,— как ты говоришь, так и будет, о благорасположенный везирь! Поистине, этот врач пришел как лазутчик, ища моей смерти, и если он излечил меня чем-то, что я взял в руку, то сможет меня погубить чем-нибудь, что я понюхаю».

После этого царь Юнан сказал везирю: «О везирь, как же с ним поступить?» И везирь ответил: «Пошли за ним сейчас же, потребуй его и, если он придет, отруби ему голову. Ты спасешься от его зла и избавишься от него. Обмани же его раньше, чем он обманет тебя».— «Ты прав, о везирь!» — воскликнул царь и послал за врачом; и тот пришел радостный, не зная, что судил ему милосердный, подобно тому как кто-то сказал:

«Страшащийся судьбы — спокоен будь!
Ведь все в руках высокого провидца.

Пусть в книге судеб слов не зачеркнуть,
Но что не суждено — тому не сбыться».

И когда врач вошел к царю, то произнес:

«Коль я не выскажу тебе благодаренье,
Скажи: «Кому ж ты посвятишь стихотворенье?»

Ты милости свои мне щедро расточал
Без отговорок и без промедленья.

Так почему хвалу не вправе я изречь,
И что мешает ей шуметь иль тайно течь?

Я восхвалю тебя за все благодеянья,
Хотя тяжел их груз для этих слабых плеч».

«Знаешь ли ты, зачем я призвал тебя?» — спросил царь врача Дубана. И врач ответил: «Не знает тайного никто, кроме великого Аллаха!» А царь сказал ему: «Я призвал тебя, чтобы тебя убить и извести твою душу».

И врач Дубан до крайности удивился и спросил: «О царь, за что же ты убиваешь меня и какой я совершил грех?» — «Мне говорили,— отвечал царь,— что ты лазут-

чик и пришел меня убить, и вот я убью тебя раньше, чем ты убьешь меня».

Потом царь кликнул палача и сказал: «Отруби голову этому обманщику и дай нам отдых от его зла!» — «Пощади меня — пощадит тебя Аллах, не убивай меня — убьет тебя Аллах»,— сказал тогда врач и повторил царю эти слова, подобно тому как и я говорил тебе, о ифрит, но ты не щадил меня и хотел только моей смерти.

И царь Юнан сказал врачу Дубану: «Я не в безопасности, если не убью тебя: ты меня вылечил чем-то, что я взял в руку, и я опасаюсь, что ты убьешь меня чем-нибудь, что я понюхаю, или чем другим».— «О царь,— сказал врач Дубан,— вот награда мне от тебя! За хорошее ты воздаешь скверным!» Но царь воскликнул: «Тебя непременно нужно убить, и не откладывая!» И когда врач убедился, что царь несомненно убьет его, он заплакал и пожалел о том добре, которое он сделал недостойным его, подобно тому, как сказано:

На свете только тот судьбою одарен,
Кто осторожным и разумным сотворен,

Кто не пойдет сухой, ии скользкою дорогой,
Не осветив умом, не ощутив ногой.

После этого выступил вперед палач, и завязал врачу глаза, и обнажил меч, и сказал: «Позволь!» А врач плакал и говорил царю: «Оставь меня — оставит тебя Аллах, не убивай меня — убьет тебя Аллах.— И он произнес:

От сердца дал совет — и ие был я счастлив,
Счастлнвее оин, от мира правду скрыв.

Унижеи я — они стократ блаженней.
Теперь, коль буду жив, пребуду в иемоте,

А если сгину — пусть меня оплачут те,
Кто ие жалел для ближних откровений».

Затем врач сказал: «О царь, вот награда мне от тебя! Ты воздаешь мне воздаянием крокодила».— «А каков рассказ о крокодиле?» — спросил царь, но врач сказал: «Я не могу его рассказать, когда я в таком состоянии. Заклинаю тебя Аллахом, пощади меня — пощадит тебя Аллах!» И врач разразился сильным плачем, и тогда поднялся кто-то из приближенных царя и сказал: «О царь, подари мне жизнь этого врача, так как мы не видели, чтобы он сделал против тебя преступления, и видели только, как вылечил тебя от болезни, не поддававшейся врачам и лекарям».

«Разве вы не знаете, почему я убиваю этого врача? — сказал царь.— Это потому, что, если я пощажу его, я, несомненно, погибну. Ведь тот, кто меня вылечил от моей болезни вещью, которую я взял в руку, может убить меня чем-нибудь, что я понюхаю. Я боюсь, что он убьет меня и возьмет за меня подарок, так как он лазутчик и пришел только затем, чтобы меня убить. Его непременно нужно казнить, и после этого я буду за себя спокоен».

«Пощади меня — пощадит тебя Аллах, не убивай меня — убьет тебя Аллах!» — сказал врач, но, убедившись, о ифрит, что царь несомненно его убьет, он сказал: «О царь, если уж моя казнь неизбежна, дай мне отсрочку: я схожу домой и накажу своим родным и соседям похоронить меня, и очищу свою душу, и раздарю врачебные книги. У меня есть книга, особая из особых, которую я дам в подарок тебе, а ты храни ее в своей сокровищнице».— «А что в ней, в этой книге?» — спросил царь врача, и тот ответил: «В ней есть столько, что и не счесть, и самая малая из ее тайн — то, что, когда ты отрежешь мне голову, повернешь три листа и прочтешь три строки на той странице, которая слева, моя голова заговорит с тобой и ответит на все, о чем ты ее спросишь».

И царь изумился до крайности и, преисполненный удивления, спросил: «О мудрец, когда я отрежу тебе голову, она со мной заговорит?» — «Да, о царь»,— сказал мудрец. И царь воскликнул: «Это удивительное дело!»

Потом он отпустил врача под стражей, и врач пошел домой и сделал свои дела в тот же день, а на следующий день он пришел в диван, и пришли все эмиры, везири, придворные, наместники и вельможи царства, и диван стал точно цветущий сад. И вот врач пришел в диван и встал перед царем между двумя стражниками, и у него была старая книга и горшочек с порошком. И врач сел и сказал: «Принесите мне блюдо»,— и ему принесли блюдо, и он высыпал на него порошок, разровнял его и сказал: «О царь, возьми эту книгу, но не раскрывай ее, пока не отрубишь мне голову, а когда отрубишь, поставь ее на блюдо и вели ее натереть этим порошком, и когда ты это сделаешь, кровь перестанет течь. А потом раскрой книгу». И царь Юнан приказал отрубить врачу голову и взял от него книгу, и палач встал и отсек голову врача, и голова упала на середину блюда. И царь натер голову порошком, и кровь остановилась, и врач Дубан открыл глаза и сказал: «О царь, раскрой книгу!» И царь раскрыл ее и увидел, что листы слиплись, и тогда он положил палец в рот, смочил его

слюной и раскрыл первый листок, и второй, и третий, и листки раскрывались с трудом. И царь перевернул шесть листков и посмотрел на них, но не увидел никаких письмен и сказал врачу: «О врач, в ней ничего не написано».— «Раскрой еще, сверх этого»,— сказал врач; и царь перевернул еще три листка, и прошло лишь немного времени, и яд в одну минуту распространился по всему телу царя, так как книга была отравлена. И тогда царь затрясся и крикнул: «Яд разлился во мне!» А врач Дубан произнес:

«Владели, правили, старались власть упрочить,
Прошли их времена — их знать никто не хочет.

Кто справедливым был — добра вкушает мед,
Кто был несправедлив, того судьба доймет!

Не упрекай судьбу! Она не виноватит,
А только часть за часть, за меру меру платит».

И когда голова врача окончила говорить, царь тотчас же упал мертвым.

Знай же, о ифрит, что если бы царь Юнан оставил в живых врача Дубана, Аллах, наверное, пощадил бы его, но он не захотел и искал его смерти, и Аллах убил его. Если бы ты, о ифрит, пощадил меня, Аллах, наверное, пощадил бы тебя, но ты не хотел ничего, кроме моей смерти, и вот я тебя убью, заключив в этот кувшин, и брошу в море». И тут ифрит закричал и воскликнул: «Заклинаю тебя Аллахом, о рыбак, не делай этого! Пощади меня и не взыщи с меня за мой поступок. Если я был злодеем, то будь ты благодетелем: ведь говорится в ходячих изречениях: «О благодетельствующий злому, достаточно со злодея и деяния его». Не делай так, как сделала Умама с Атикой».— «А что сделала Умама с Атикой?» — спросил рыбак. И ифрит ответил: «Не время теперь рассказывать, когда я в этой тюрьме! Если ты меня отпустишь, я расскажу тебе об этом».

«Оставь эти речи,— сказал рыбак,— ты непременно будешь брошен в море, и нет никакой надежды, что тебя когда-нибудь оттуда извлекут. Я тебя просил и умолял, но ты хотел только моей смерти без вины, заслуживающей этого, хотя я тебе не сделал зла,— я оказал тебе только благодеяние, освободив из тюрьмы; и когда ты со мной все это сделал, я узнал, что ты поступаешь скверно. И знай, что я брошу тебя в море; а чтобы всякий, кто тебя выловит,

кинул обратно, я расскажу, что у меня с тобой было, и предостерегу его. И ты останешься в этом море навсегда, пока не погибнешь».

«Отпусти меня,— сказал ифрит.— Теперь время быть великодушным, и я обещаю тебе, что никогда ни в чем тебя не ослушаюсь и дам тебе то, что тебя обогатит».

И тогда рыбак взял с ифрита обещание, что тот, если он его отпустит, не станет ему вредить, а сделает ему добро, и, заручившись его обещанием и заставив его поклясться величайшим именем Аллаха, открыл кувшин. И дым пошел вверх, и вышел целиком, и стал ифритом в его подлинном облике. Ифрит толкнул ногой кувшин и кинул его в море. И когда рыбак увидел, что ифрит бросил кувшин в море, он убедился в своей гибели, и наделал себе в платье, и воскликнул: «Это нехороший признак!» Потом он укрепил свое сердце и сказал: «О ифрит, Аллах великий сказал: «Исполняйте обещание». Поистине, об обещании будет спрошено, а ты обещал мне и поклялся, что не обманешь меня, не то обманет тебя Аллах, ибо он преревнив и дает отсрочку, но не прощает. Я ведь говорил тебе то же, что врач Дубан говорил царю Юнану: «Пощади меня — пощадит тебя Аллах!» И ифрит засмеялся, и пошел впереди рыбака, и сказал ему: «О рыбак, следуй за мной!»

И рыбак пошел позади ифрита, не веря в спасение. И ифрит шел, пока они не вышли за город, и он поднялся на гору и спустился в обширную равнину, и вдруг они оказались у пруда с водой. И ифрит спустился в середину пруда и сказал рыбаку: «Следуй за мною!» И рыбак последовал за ним на середину пруда, а ифрит остановился и приказал рыбаку закинуть сеть и ловить рыбу. И рыбак посмотрел в пруд и увидал там рыб разного цвета: белых, красных, голубых и желтых—и удивился этому. Потом он вынул сеть, и забросил ее, и вытянул, и нашел в ней четырех рыб, и все были разноцветные. И, увидав их, рыбак обрадовался, а ифрит сказал ему: «Пойди с ними к султану и поднеси их ему, и он даст тебе довольно, чтобы тебя обогатить. И ради Аллаха, прими мое извинение: поистине, я не знаю сейчас ни в чем пути, так как я в этом море уже тысячу восемьсот лет и увидел поверхность земли только сию минуту. И не лови здесь рыбы больше раза в день».

И ифрит простился с рыбаком и сказал: «Не дай мне Аллах тосковать по тебе»,— и потом ударил ногой об землю, и земля расступилась и поглотила его; а рыбак пошел в город, изумляясь тому, что случилось у него с ифритом и как все это было.

И он взял рыбу и, придя в свое жилище, принес лоханку, наполнил ее водой и положил туда рыбу, и рыба забилась в воде. А потом рыбак поставил лоханку на голову и направился с нею в царский дворец, как велел ему ифрит. И когда он пришел к царю и предложил ему рыбу, царь до крайности удивился рыбе, которую ему предложил рыбак, так как в жизни не видал рыбы, подобной этой по образу и виду.

«Отдайте эту рыбу девушке-стряпухе»,— сказал он (а эту девушку подарил ему три дня назад царь румов, и он еще не испытал ее в стряпне); и везирь приказал ей изжарить рыбу и сказал: «О девушка, царь говорит тебе: «О слезинка, мы испытываем тебя, лишь будучи в затруднении! Покажи нам сегодня твое искусство и умение стряпать: к султану кто-то пришел с подарком».

Потом везирь вернулся к султану, дав наставление девушке, и царь велел ему выдать рыбаку четыреста динаров. И везирь выдал их рыбаку, и тот спрятал деньги в полу халата и бегом побежал домой, падая, вставая и спотыкаясь, и он думал, что это сон. И затем он купил для своего семейства все нужное и пошел к жене, веселый и радостный.

Вот что случилось с рыбаком. А с девушкой произошло следующее. Она взяла рыбу, очистила ее и подвесила сковородку над огнем, а потом бросила на нее рыбу. И лишь только рыба подрумянилась с одной стороны, девушка перевернула ее на другую сторону,— вдруг стена кухни раздвинулась, и из нее вышла молодая женщина с прекрасным станом, овальными щеками, совершенными чертами и насурьмленными глазами, и одета она была в шелковый платок с голубой бахромой, в ушах ее были кольца, а на запястьях — пара перехватов, а на пальцах — перстни с драгоценными камнями, и в руке она держала бамбуковую трость. И женщина ткнула тростью в сковородку и сказала: «О рыбы, соблюдаете ли вы договор?» И, увидев это, стряпуха обмерла, а женщина повторила эти слова во второй и третий раз,— рыбы подняли головы со сковородки и сказали ясным языком: «Да, да! — и затем произнесли:

Захочешь вернуться — и я возвращусь,
Прийти пожелаешь — и я захочу.

А если покинешь — покину и я.
Что ты совершишь, тем и я отплачу».

И тогда женщина перевернула сковородку и вошла в то же место, откуда вышла, и стена кухни сдвинулась, как раньше.

И после этого стряпуха очнулась от обморока и увидела, что четыре рыбы сгорели и стали как черный уголь, и воскликнула: «С первого же набега сломалось его копье!» — и снова упала на землю без памяти.

И когда она была в таком состоянии, вдруг вошел везирь, и этот старик увидел, что девушка, точно старуха, выжившая из ума, не отличает четверга от субботы. Он толкнул ее ногой, и она очнулась, и заплакала, и сообщила везирю о происшедшем и о том, что случилось; и везирь удивился и сказал: «Это, поистине, удивительное дело!» После этого он послал за рыбаком, и, когда его привели, везирь закричал на него и сказал: «О рыбак, принеси нам четыре рыбы, как те, что ты принес!» И рыбак вышел к пруду, закинул сеть и вытянул ее, и вдруг видит: в ней четыре рыбы, подобные первым. И он взял их и принес везирю, а везирь пошел с ними к девушке и сказал: «Поднимайся и изжарь их при мне, чтобы я сам увидел, как это происходит». И девушка встала, приготовила рыбу и, подвесив сковородку, бросила туда рыбу, но едва рыба оказалась на сковородке, как стена вдруг раздвинулась, и появилась та же женщина в своем прежнем виде, и в руках у нее была трость. И она ткнула тростью в сковородку и сказала: «О рыбы, о рыбы, соблюдаете ли вы древний договор?» И вдруг все рыбы подняли головы и сказали вышеупомянутый стих, то есть:

«Захочешь вернуться — и я возвращусь,
Прийти пожелаешь — и я захочу.

А если покинешь — покину и я.
Что ты совершишь, тем и я отплачу».

Когда рыбы заговорили, женщина перевернула тростью сковороду и вошла в то же место, откуда вышла, и стена опять сдвинулась. И тогда везирь поднялся на ноги и воскликнул: «Такое дело не следует скрывать от царя!» — и пошел к царю, и рассказал ему о том, что произошло и что он видел перед собою. И царь воскликнул: «Я непременно должен это видеть своими глазами». И он послал за рыбаком и велел принести четыре рыбы, такие же, как первые, и приставил к нему трех стражников; и рыбак спустился к пруду и тотчас же принес ему рыб, и царь велел дать ему четыреста динаров. Затем он обратился к везирю и сказал: ему: «Вставай и изжарь рыб ты сам, здесь передо мной!» И везирь отвечал: «Слушаю и повинуюсь». Он принес сковородку, и приготовил рыб, и, подвесив сковородку над огнем, бросил на нее рыб,—и вдруг стена раздвинулась, и из нее

вышел черный раб, подобный горе или человеку из племени Ад, и в руках у него была ветка зеленого дерева. И раб сказал устрашающим голосом: «О рыбы, о рыбы, соблюдаете ли вы древний договор?» И рыбы подняли головы со сковородки и ответили: «Да, да, мы его соблюдаем.

Захочешь вернуться — и я возвращусь,
Прийти пожелаешь — и я захочу.

А если покинешь — покину и я.
Что ты совершишь, тем и я отплачу».

И раб приблизился к сковородке и перевернул ее веткою, что была у него в руке, и потом он пошел туда же, откуда вышел. И везирь с царем посмотрели на рыб и увидели, что они стали как уголь; и царь, оторопев, воскликнул: «О таком обстоятельстве невозможно молчать, и за этими рыбами, наверное, скрывается какое-то дело!» И он велел привести рыбака и, когда тот явился, спросил его: «Горе тебе, откуда эти рыбы?» И рыбак ответил: «Из пруда между четырех гор, под той горой, что за твоим городом». И тогда царь опять обратился к рыбаку и спросил: «В скольких днях пути?» — «Пути на полчаса, о владыка султан»,— отвечал рыбак; и царь удивился и велел свите выступать и воинам тотчас же садиться на коней, и рыбак шел впереди всех, проклиная ифрита. И все поднялись на гору и спустились в такую обширную равнину, которой не видели за всю жизнь, и султан и войска изумлялись. Они увидали равнину, и посреди нее пруд между четырех гор, и в пруде рыбу четырех цветов: красную, белую, желтую и голубую. И царь остановился, изумленный, и спросил свою свиту и присутствующих: «Видел ли кто-нибудь из вас этот пруд?» И они ответили: «Никогда, о царь времени, за всю нашу жизнь». И спросил стариков, и те отвечали: «Мы в жизни не видели пруда на этом месте». И тогда царь воскликнул: «Клянусь Аллахом, я не войду в мой город и не сяду на престол моего царства, пока не узнаю об этом пруде и о рыбах!»

И он приказал людям расположиться вокруг этих гор и потом позвал везиря (а это был везирь опытный и умный, проницательный и сведущий в делах) и, когда тот явился, сказал ему: «Мне хочется что-то сделать, и я расскажу тебе об этом. Я задумал уйти сегодня ночью один и узнать, что это за пруд со странными рыбами, а ты садись у входа в мою палатку и говори эмирам, везирям, придворным, и наместникам, и всем, кто будет обо мне спрашивать: «Султан нездоров и велел мне никому не давать разрешения входить

к нему». И не говори никому о моем намерении». И везирь не мог прекословить царю.

Потом царь переменил одежду, опоясался мечом, и взобрался на одну из гор, и шел весь остаток ночи до утра и весь день, и зной одолел его, так как он прошел ночь и день. После этого он шел и вторую ночь до утра, и ему показалось издали что-то черное, и царь обрадовался и воскликнул: «Может быть, я найду кого-нибудь, кто мне расскажет об этом пруде и о рыбах!»

И он приблизился и увидел дворец, выстроенный из черного камня и выложенный железом, и один створ ворот был открыт, а другой заперт. И царь обрадовался, и остановился у ворот, и постучал легким стуком, но не услышал ответа, и тогда он постучал второй раз и третий, но ответа не услыхал, и после этого он ударил в ворота страшным ударом, но никто не ответил ему. «Дворец, наверное, пуст»,— сказал тогда царь и, собравшись с духом, прошел через ворота дворца до портика и крикнул: «О жители дворца, тут чужестранец и путешественник, нет ли у вас чего съестного?» Он повторил эти слова второй раз и третий, но не услышал ответа; и тогда он, укрепив свое сердце мужеством, прошел из портика в середину дворца, но не нашел во дворце никого, хотя дворец был украшен шелком и звездчатыми коврами и занавесками, которые были спущены. А посреди дворца был двор с четырьмя возвышениями, одно напротив другого, и каменной скамьей и фонтаном с водоемом, над которым были четыре льва из червонного золота, извергавшие из пасти воду, подобную жемчугам и яхонтам, а вокруг дворца летали птицы, и над дворцом была золотая сетка, мешавшая им подниматься выше. И царь не увидел никого и изумился и опечалился, так как никого не нашел, у кого бы спросить об этой равнине, о пруде и о рыбах, о горах и о дворце. Затем он сел у дверей, размышляя, и вдруг услышал стон, исходящий из печального сердца, и голос, произносящий нараспев:

«Когда я скрыл, чем дорожил, но сердце бушевало,
Когда бессонница очам покоя не давала,

Я страсть, возросшую во мне, призвал и ей сказал:
«Не оставляй меня в живых, срази, как сталь кинжала,

Не дай, чтоб средь трудов и бед я долго пребывал!»

И когда султан услышал этот стон, он поднялся, и пошел на голос, и оказался перед занавесом, спущенным над дверью покоя. И он поднял занавес и увидел юношу,

сидевшего на ложе, которое возвышалось от земли на локоть, и это был юноша прекрасный, с изящным станом и красноречивым языком, сияющим лбом и румяными щеками, и на престоле его щеки была родинка, словно кружок амбры; как сказал поэт:

«Красавец стройный — ночь волос и свет чела. При нем
То словно входишь в мрак ночной, то пребываешь днем.

Прекрасней этой красоты на свете нет ничьей,
Она пленительнее всех увиденных вещей.

Что лучше родинки его на матовой щеке,
Она как роза, что плывет в зрачке, как в роднике».

И царь обрадовался, увидя юношу, и приветствовал его, а юноша сидел, одетый в шелковый кафтан с вышивками из египетского золота, и на голове его был венец, окаймленный драгоценностями, но все же вид его был печален. И когда царь приветствовал его, юноша ответил ему наилучшим приветствием и сказал: «О господин мой, ты выше того, чтобы пред тобой вставать, а мне да будет прощение».— «Я уже простил тебя, о юноша,— ответил царь.— Я твой гость и пришел к тебе с важным делом: я хочу, чтобы ты рассказал мне об этом пруде, о рыбах, и о дворце, и о причине твоего одиночества в нем и плача». И когда юноша услышал эти слова, слезы побежали по его щекам, и он горько заплакал, так что залил себе грудь.

И царь удивился и спросил: «Что заставляет тебя плакать, о юноша?» И юноша отвечал: «Как же мне не плакать, когда я в таком состоянии?» И протянув руку к подолу, он поднял его; и вдруг оказывается: нижняя половина его каменная, а от пупка до волос на голове он — человек. И, увидев юношу в таком состоянии, царь опечалился великой печалью, и огорчился, и завздыхал, и воскликнул: «О юноша, ты прибавил заботы к моей заботе! Я хотел узнать о рыбах и об их происхождении, а теперь приходится спрашивать и о них, и о тебе. Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого! Поспеши, о юноша, рассказать эту историю!»

«Отдай мне твой слух и взор»,— отвечал юноша. И царь воскликнул: «Мой слух и взор здесь!» И тогда юноша сказал: «Поистине, с этими рыбами и со мной произошло удивительное дело, и будь оно даже написано иглами в уголках глаз, оно послужило бы назиданием для поучающихся».— «А как это было?» — спросил царь.

«О господин мой,— сказал юноша,— знай, что мой отец был царем этого города, и звали его Махмуд, владыка черных островов. Он жил на этих четырех горах и царствовал семьдесят лет; а потом мой отец скончался, и я стал султаном после него. И я взял в жены дочь моего дяди, и она полюбила меня великой любовью, так что, когда я отлучался от нее, она не ела и не пила, пока не увидит меня подле себя. Она прожила со мною пять лет, и однажды, в какой-то день, она пошла в баню, и тогда я велел повару поскорее приготовить нам что-нибудь поесть на ужин; а потом я вошел в этот покой и лег там, где мы спали, приказав двум девушкам сесть около меня; одной в головах, другой в ногах. Я расстроился из-за отсутствия жены, и сон не брал меня,— хотя глаза у меня были закрыты, душа моя бодрствовала. И я услышал, как девушка, сидевшая в головах, сказала той, что была в ногах: «О Масуда, бедный наш господин, бедная его молодость! Горе ему с нашей госпожой, этой проклятой шлюхой!» — «Да,— отвечала другая,— прокляни, Аллах, обманщиц и развратниц! Такой молодой, как наш господин, не годится для этой шлюхи, что каждую ночь ночует вне дома». А та, что была в головах, сказала: «Наш господин глупец, он опоен и не спрашивает о ней!» Но другая девушка воскликнула: «Горе тебе, разве же наш господин знает или она оставляет его с его согласия? Нет, она делает что-то с кубком питья, который он выпивает каждый вечер перед сном, и кладет туда бандж, и он засыпает и не ведает, что происходит, и не знает, куда она уходит и отправляется. А она, напоив его питьем, надевает свои одежды, умащается и уходит от него и пропадает до зари. А потом приходит и курит что-то под носом у нашего господина, и он пробуждается от сна».

И когда я услышал слова девушек, у меня потемнело в глазах, и я едва верил, что пришла ночь. И моя жена вернулась из бани, и мы разложили скатерть и поели и посидели, как обычно, некоторое время за беседой, а потом она потребовала питье, которое я пил перед сном, и протянула мне кубок, и я прикинулся, будто пью его, как всегда, но вылил питье за пазуху и в ту же минуту лег и стал храпеть, как будто я сплю. И вдруг моя жена говорит: «Спи всю ночь, не вставай совсем! Клянусь Аллахом, ты мне противен, и мне ненавистен твой вид, и душе моей наскучило общение с тобой, и я не знаю, когда Аллах заберет твою душу».

Она поднялась, и надела свои лучшие одежды, и надушилась курениями, и, взяв мой меч, опоясалась им, открыла ворота дворца и вышла. И я поднялся и последовал за нею, а она вышла из дворца, и прошла по рынкам города, и достигла городских ворот, и тогда она произнесла слова, которых я не понял, и замки попадали, и ворота распахнулись. И моя жена вошла, и я последовал за ней (а она этого не замечала); и дойдя до свалок, она подошла к плетню, за которым была хижина, построенная из кирпича, а в хижине была дверь. И моя жена вошла туда, а я влез на крышу хижины и посмотрел сверху — и вдруг вижу: дочь моего дяди подошла к черному рабу, у которого одна губа была как одеяло, другая — как башмак, и губы его подбирали песок на камнях. И он был болен проказой и лежал на обрезках тростника, одетый в дырявые лохмотья и рваные тряпки. И моя жена поцеловала перед ним землю, и раб поднял голову и сказал: «Горе тебе, чего ты до сих пор сидела? У нас были наши родные — черные — и пили вино, и каждый ушел со своей женщиной, а я не согласился пить из-за тебя».

«О господин мой, возлюбленный, о прохлада моих глаз,— отвечала она,— разве не знаешь ты, что я замужем за сыном моего дяди и мне отвратителен его вид и ненавистно общение с ним! И если бы я не боялась за тебя, я не дала бы взойти солнцу, как его город лежал бы в развалинах, где кричат совы и вороны и ютятся лисицы и волки, и камни его я перенесла бы за гору Каф».

«Ты лжешь, проклятая! — воскликнул раб.— Клянусь доблестью черных (а не думай, что наше мужество подобно мужеству белых), если ты еще раз засидишься дома до такого времени, я с того дня перестану дружить с тобой и не накрою твоего тела своим телом. О проклятая, ты играешь с нами шутки себе в удовольствие, о вонючая, о сука, о подлейшая из белых!»

И когда я услышал его слова (а я смотрел, и видел, и слышал, что у них происходит), мир покрылся передо мною мраком, и я сам не знал, где я нахожусь. А дочь моего дяди стояла и плакала над рабом и унижалась перед ним, говоря ему: «О мой любимый, о плод моего сердца, если ты на меня разгневаешься, кто пожалеет меня? Если ты меня прогонишь, кто приютит меня, о мой любимый, о свет моего глаза?» И она плакала и умоляла раба, пока он не простил ее, и тогда она обрадовалась, и встала, и сняла с себя платье и рубаху, и сказала: «О господин мой, нет ли у тебя чего-нибудь, что твоя служанка могла бы поесть?» И раб

отвечал: «Открой чашку, в ней вареные мышиные кости,— съешь их; а в том горшке ты найдешь остатки пива,— выпей его». И она поднялась, и попила, и поела, и вымыла руки и рот, а потом подошла и легла с рабом на тростниковые обрезки и, обнажившись, забралась к нему под тряпки и лохмотья. И когда я увидел, что делает дочь моего дяди, я перестал сознавать себя и, спустившись с крыши хижины, вошел и взял меч, который принесла с собой дочь моего дяди, и обнажил его, намереваясь убить их обоих. Я ударил сначала раба по шее и подумал, что порешил его. И раб испустил громкое хрипение, и моя жена зашевелилась, а я повернул назад, поставил меч на место, пошел в город и, войдя во дворец, пролежал в постели до утра. И дочь моего дяди пришла и разбудила меня, и вдруг я вижу—она обрезала волосы и надела одежды печали. И она сказала: «О сын моего дяди, не препятствуй мне в том, что я делаю. До меня дошло, что моя матушка скончалась и отец мой убит в священной войне, а из двух моих братьев один умер ужаленным, а другой свалился в пропасть, так что я имею право плакать и печалиться». И, услышав ее слова, я смолчал и потом ответил: «Делай, что тебе вздумается, я не стану тебе прекословить». И она провела, печалясь и причитая, целый год, от начала до конца, а через год сказала мне: «Я хочу построить в твоем дворце гробницу вроде купола и уединиться там с моими печалями. И я назову ее «Дом печалей».— «Делай, как тебе вздумается»,— отвечал я. И она устроила себе комнату для печали и выстроила посреди нее гробницу с куполом вроде склепа, а потом она перенесла туда раба и поселила его там, а он не приносил ей никакой пользы и только пил вино. И с того дня, как я его ранил, он не говорил, но был жив, так как срок его жизни еще не кончился. И она стала каждый день ходить к нему утром и вечером, и спускалась под купол, и плакала и причитала над ним, и поила его вином и отварами по утрам и по вечерам, и поступала так до следующего года, а я был терпелив с нею и не обращал на нее внимания. Но в какой-то день я внезапно вошел к ней и увидел, что она плачет, говоря: «Почему ты скрываешься от моего взора, о услада моего сердца? Поговори со мной, душа моя, скажи мне что-нибудь! — И она произнесла такие стихи:

Что значит — я еще жива, когда разлучена с тобой?
Ведь сердце любит лишь тебя, моя душа полна тобой.

Ты тело мертвое мое возьми, возлюбленный, с собой
И там его похорони, куда заброшен ты судьбой.

И если назовешь меня, хотя бы два раза подряд,
Сухие косточки мои из-под земли заговорят».

Когда же она кончила говорить и плакать, я сказал ей: «О дочь моего дяди, довольно тебе печалиться! Что толку плакать? Это ведь бесполезно».— «Не препятствуй мне в том, что я делаю! Если ты будешь мне противиться, я убью себя»,— сказала она; и я смолчал и оставил ее в таком положении. И она провела в печали, плаче и причитаниях еще год, а на третий год я однажды вошел к ней, разгневанный чем-то, что со мной произошло (а это мучение уже так затянулось!), и нашел дочь моего дяди у могилы под куполом, и она говорила: «О господин мой, почему ты мне не отвечаешь?»

И, услышав ее слова, я стал еще более гневен, чем прежде, и воскликнул: «Ах, доколе продлится эта печаль!»

И когда дочь моего дяди услышала эти слова, она вскочила на ноги и сказала: «Горе тебе, собака! Это ты сделал со мной такое дело, и ранил возлюбленного моего сердца, и причинил боль мне и его юности. Вот уже три года, как он ни мертв ни жив!» — «О грязнейшая из шлюх и сквернейшая из развратниц, любовниц подкупленных рабов, да, это сделал я!» — отвечал я, и, взяв меч в руку, я обнажил его и направил на мою жену, чтобы убить ее. Но она, услышав мои слова и увидав, что я решил ее убить, засмеялась и крикнула: «Прочь, собака! Не бывать, чтобы вернулось то, что прошло, или ожили бы мертвые! Аллах отдал мне теперь в руки того, кто со мной это сделал и из-за кого в моем сердце был неугасимый огонь и неукрываемое пламя!»

И она поднялась на ноги и, произнеся слова, которые я не понял, сказала: «Стань по моему колдовству наполовину камнем, наполовину человеком!» И я тотчас же стал таким, как ты меня видишь, и не могу ни встать, ни сесть, и я ни мертвый ни живой. И когда я сделался таким, она заколдовала город и все его рынки и сады. А жители нашего города были четырех родов: мусульмане, христиане, евреи и маги, и она превратила их в рыб: белые рыбы—мусульмане, красные—маги, голубые—христиане, а желтые—евреи. А четыре острова она превратила в горы, окружающие пруд. И кроме того, она меня бьет, и пытает, и наносит мне по сто ударов бичом, так что течет моя кровь и растерзаны мои плечи. А после того она надевает мне на верхнюю половину тела волосяную одежду, а сверху эти роскошные одеяния». И потом юноша заплакал и произнес:

«О боже, я стерплю твой приговор и рок,
Ведь я привык терпеть, пускай судьба жестока.

В беде, которую ты на меня навлек,
Прибежище одно — бессмертный род пророка».

И царь обратился к юноше и сказал ему: «О, ты прибавил заботы к моей заботе, после того как облегчил мое горе. Но где она, о юноша, и где могила, в которой лежит раненый раб?» — «Раб лежит под куполом в своей могиле, а она — в той комнате, что напротив двери,— ответил юноша.— Она приходит сюда раз в день, когда встает солнце; и как только придет, подходит ко мне, и снимает с меня одежды, и бьет меня сотней ударов бича, и я плачу и кричу, но не могу сделать движения, чтобы оттолкнуть ее от себя. А отстегавши меня, она спускается к рабу с вином и отваром и поит его. И завтра, с утра, она придет».

«Клянусь Аллахом, о юноша,— воскликнул царь,— я не премину сделать тебе доброе дело, за которое меня будут поминать, и его запишут, и оно станет известным до конца времен!»

После этого царь сел, и они с юношей беседовали до наступления ночи и легли спать; а на заре царь поднялся и снял с себя одежду и, обнажив меч, направился в помещение, где был раб. Он увидел свечи, светильники, курильницы и сосуды для масла, и, подойдя к рабу, он ударил его один раз и убил и, взвалив его на спину, бросил в колодец, бывший во дворце. А потом он вернулся и, закутавшись в одежды раба, лег в гробницу, и его меч был с ним, вынутый из ножон на всю длину.

И через минуту явилась проклятая колдунья, и, как только пришла, сняла одежду с сына своего дяди и, взяв бич, стала бить его. И юноша закричал: «Ах, довольно с меня того, что со мною, о дочь моего дяди! Пожалей меня, о дочь моего дяди!» Но она воскликнула: «А ты пожалел меня и оставил мне моего возлюбленного?» И она била его, пока не устала, и кровь потекла с боков юноши, а потом она надела на него волосяную рубашку, а поверх нее его одежду и после этого спустилась к рабу с кубком вина и чашкой отвара. Она спустилась под купол, и стала плакать и стонать, и сказала: «О господин мой, скажи мне что-нибудь, о господин мой, поговори со мной! — и произнесла такие строки поэта:

Доколе будешь ты дичиться, сторониться,
Достаточно того, что страстью я спален.

Из-за тебя одной разлука наша длится.
Зачем? Завистник мой давно уж исцелен!»

И она опять заплакала и сказала: «Господин мой, поговори со мной, скажи мне что-нибудь!» И царь понизил голос, и заговорил заплетающимся языком на наречии черных, и сказал: «Ах, ах, нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого!» И когда женщина услыхала его слова, она вскрикнула от радости и потеряла сознание, а потом очнулась и сказала: «О господин мой, это правда?» И царь ослабил голос и отвечал: «О проклятая, разве ты заслуживаешь, чтобы с тобой кто-нибудь говорил и разговаривал?» — «А почему же нет?» — спросила женщина. «А потому, что ты весь день терзаешь своего мужа, а он зовет на помощь и не дает мне спать от вечера до утра, проклиная тебя и меня,— сказал царь.— Он меня обеспокоил и повредил мне, и если бы не это, я бы, наверное, поправился. Вот что мешало мне тебе ответить».— «С твоего разрешения я освобожу его от того, что с ним»,— сказала женщина. И царь отвечал ей: «Освободи и дай нам отдых».

И она сказала: «Слушаю и повинуюсь!» — и, выйдя из-под купола во дворец, взяла чашку, наполнила ее водой и проговорила над нею что-то, и вода в чашке запузырилась, и забулькала, и стала кипеть, как кипит в котле на огне. Потом женщина обрызгала водой юношу и сказала: «Заклинаю тебя тем, что я произнесла и проговорила; если ты стал таким по моему колдовству и ухищрению, то измени этот образ на твой прежний». И вдруг юноша встряхнулся и встал на ноги, и он обрадовался своему освобождению и воскликнул: «Свидетельствую, что нет бога, кроме Аллаха, и Мухаммед — посланник Аллаха, да благословит его Аллах и да приветствует!» А она сказала: «Выходи и не возвращайся сюда, иначе я тебя убью!» — и закричала на него; и юноша вышел. А женщина вернулась к куполу, сошла вниз и сказала: «О господин мой, выйди ко мне, чтобы я видела твой прекрасный образ».

И царь сказал ей слабым голосом: «Что ты сделала? Ты избавила меня от ветки, но не избавила от корня!» — «О мой господин, о мой любимый,— сказала она,— а что же есть корень?» И царь воскликнул: «Горе тебе, проклятая! Корень — жители этого города четырех островов! Каждую ночь, когда наступает полночь, рыбы поднимают головы, и взывают о помощи, и проклинают меня и тебя. Вот причина, мешающая моему выздоровлению. Иди же освободи их скорее и приходи, возьми меня за руку и подними меня. Здоровье уже идет ко мне».

И когда женщина услышала слова царя (а она думала, что это раб), она обрадовалась и воскликнула: «О господин мой, твой приказ на голове моей и на глазах. Во имя Аллаха!» И она встала, радостная, и побежала, и вышла к пруду, и взяла оттуда немного воды, и проговорила над нею слова непонятные,— и рыбы запрыгали, и подняли головы, и тотчас же вышли, и чары оставили жителей города, и город сделался населенным, и торговцы стали продавать и покупать, и всякий принялся за свое ремесло, и острова вновь сделались такими, какими были.

И после этого женщина-колдунья тотчас же пришла к царю и сказала ему: «О любимый, подай мне твою благородную руку и встань». И царь отвечал неслышным голосом: «Подойди ко мне ближе!» И когда она подошла вплотную, царь обнажил меч и ударил ее в грудь, и меч вышел, блистая, из ее спины. Потом царь опять ударил ее, разрубил пополам, и кинул ее тело на землю двумя кусками, и вышел, и увидел расколдованного юношу, который стоял в ожидании его, и поздравил его со спасением. И юноша поцеловал царю руку и отблагодарил его, а царь спросил: «Будешь ли жить в твоем городе или пойдешь со мною в мой город?» — «О царь нашего времени,— отвечал юноша,— а знаешь ли ты, каково расстояние между тобою и твоим городом?» — «Два с половиной дня пути»,— отвечал царь. И юноша воскликнул: «О царь, если ты спишь, проснись! Между тобою и твоим городом целый год пути для спешащего путника, и ты пришел в два с половиной дня потому, что город был заколдован. А я, царь, не покину тебя ни на мгновение ока».

Царь обрадовался и воскликнул: «Слава Аллаху, который милостиво послал мне тебя! Ты мой единственный сын, так как я за всю жизнь не имел ребенка».

И они обнялись, обрадованные до крайности, а потом пошли и пришли во дворец; и царь, который был заколдован, приказал вельможам своего царства снарядиться в путешествие и приготовить припасы и все, что требовалось по обстоятельствам. И они принялись собираться и собирались десять дней, и юноша выступил с султаном, сердце которого пылало от тоски по его городу,— как это он его оставил! И они поехали, и вместе с ними пятьдесят невольников и большие подарки, и путешествовали непрерывно, днем и ночью, в течение целого года, и Аллах предначертал им безопасность, так что они достигли города и послали известить везиря о благополучном прибытии султана. И везирь и войска выступили, после того как их

оставила надежда на возвращение царя, и войска, приблизившись к царю, облобызали перед ним землю и поздравили его с благополучным прибытием. И царь вошел и сел на престол, а потом он обратился к везирю и рассказал ему все, что случилось с юношей, и везирь, услышав о том, что с ним произошло, поздравил его со спасением; и тогда все успокоились.

И султан наградил многих людей и сказал везирю: «Позвать ко мне рыбака, что принес нам рыб». И послали к рыбаку, который был причиною освобождения жителей города, и его привели, и царь его наградил и расспросил, каково его положение и есть ли у него дети. И рыбак рассказал, что у него есть две дочери и сын, и царь велел привести их и женился на одной, а юноше дал другую дочь, сына же рыбака сделал казначеем. Потом он дал назначение везирю и послал его султаном в город юноши, то есть на черные острова, и отослал с ним тех пятьдесят невольников, что пришли вместе с ним, и дал ему награды для всех эмиров. И везирь поцеловал ему руки и в тот же час и минуту выступил, а царь и юноша остались. Что же до рыбака, то он сделался самым богатым человеком своего времени, а его дочери были женами царей, пока не пришла к ним смерть».

СКАЗКА О ГОРБУНЕ

когда наступила следующая ночь, Шахразада сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что был в древние времена и минувшие века и столетия в одном китайском городе портной, широкий на руку и любивший веселье и развлечения. Он выходил иногда вместе со своей женой на гулянье; и вот однажды они вышли в начале дня и, возвращаясь на исходе его, к вечеру, в свое жилище, увидели на дороге горбуна, вид которого мог рассмешить огорченного и разогнать заботу опечаленного. Портной и его жена подошли посмотреть на него и затем пригласили его пойти с ними в их дом и разделить в этот вечер их трапезу; и горбун согласился и пошел к ним.

И портной вышел на рынок (а подошла уже ночь), и купил жареной рыбы, хлеба, лимон и творогу, чтобы полакомиться, и, придя, положил рыбу перед горбуном. И они стали есть, и жена портного взяла большой кусок рыбы и положила его в рот горбуну, и закрыла ему рот рукой, и сказала: «Клянусь Аллахом, ты съешь этот кусок зараз, одним духом, и я не дам тебе времени прожевать!» И горбун проглотил кусок, и в куске была крепкая кость, которая застряла у него в горле,— и так как срок его жизни кончился, он тотчас же умер.

И портной воскликнул: «Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха! Бедняга! Смерть пришла к нему именно так, через наши руки!» А жена его сказала: «Что значит это промедление? Разве не слышал ты слов сказавшего:

Для чего я душу тешу, мысля, что не уроню
Горький груз забот и тягот, грусти и печали?

Разве можно прислониться к непогасшему огню?
Много тех, кто, прислонившись, душу обжигали!»

«А что же мне делать?» — спросил ее муж; и она сказала: «Встань, возьми его на руки и накрой шелковым платком, и я пойду впереди, а ты сзади, сейчас же, вечером, и ты говори: «Это мой ребенок, а вот это — его мать; мы идем к лекарю, чтобы он посмотрел его». Услышав эти слова, портной встал и понес горбуна на руках, и жена его говорила: «Дитятко, спаси тебя Аллах! Что у тебя болит, и в каком месте тебя поразила оспа?» И всякий, кто видел их, говорил: «С ними больной ребенок». И они все шли и спрашивали, где дом лекаря, и им указали дом врача-еврея; и они постучали в ворота, и к ним спустилась черная невольница, и открыла ворота, и посмотрела — и вдруг видит: у ворот человек, который несет ребенка, и с ним женщина. «В чем дело?» — спросила невольница; и жена портного сказала: «С нами маленький, и мы хотим, чтобы врач его посмотрел. Возьми эту четверть динара и отдай ее твоему господину — пусть он сойдет вниз и посмотрит моего ребенка: на него напала болезнь». И невольница пошла наверх, а жена портного вошла за порог и сказала мужу: «Оставь горбуна здесь, и будем спасать наши души».

И портной поставил горбуна, прислонив его к стене, и вышел вместе со своей женой, а невольница вошла к еврею и сказала: «У ворот человек с каким-то больным, и с ними женщина. Они мне дали для тебя четверть динара, чтобы ты спустился, посмотрел его и прописал ему что-

нибудь подходящее». И еврей, увидев четверть динара, обрадовался, и поспешно встал, и сошел вниз в темноте,— и едва ступил ногой на землю, как наткнулся на горбуна, который был мертв. И он воскликнул: «О великий! О Моисей и десять заповедей! О Аарон и Иисус, сын Нуна! Я, кажется, наткнулся на этого больного, и он упал вниз и умер. Как же я вынесу из дома убитого?» И он понес горбуна, и вошел с ним в дом, и сообщил об этом своей жене; а она сказала: «Чего же ты сидишь? Если ты просидишь здесь до того, как взойдет день, пропали наши души, и моя и твоя. Поднимемся с ним на крышу и кинем его в дом нашего соседа-мусульманина». А соседом еврея был надсмотрщик, начальник кухни султана, и он часто приносил домой сало, и его съедали кошки и мыши, а если попадался хороший курдюк, собаки спускались с крыш и утаскивали его, и они очень вредили надсмотрщику, портя все, что он приносил.

И вот еврей и его жена поднялись на крышу, неся горбатого, и опустили его на землю. Они оставили его, прислонив вплотную к стене, и, спустив его, ушли; и не успели они опустить горбуна, как надсмотрщик подошел к дому, и отпер его, и вошел с зажженной свечкой. Войдя в дом, он увидел человека, стоящего в углу, под вытяжной трубой, и сказал: «Ох, хорошо, клянусь Аллахом! Тот, кто крадет мои запасы,— оказывается, человек!» И, обернувшись к нему, надсмотрщик воскликнул: «Это мясо и сало таскаешь ты, а я думал, что это дело кошек и собак! И перебил всех кошек и собак на улице, и взял на себя из-за них грех, а ты, оказывается, спускаешься с крыши». И, схватив большой молоток, он взмахнул им, и подошел к горбуну, и ударил его в грудь — и увидал, что горбун умер. И надсмотрщик опечалился и воскликнул: «Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого!» Он испугался за себя и сказал: «Прокляни Аллах сало и курдюки! И как это гибель этого человека совершилась от моей руки?» А потом он взглянул на него — и видит: это горбатый. «Мало того, что ты горбун, ты стал еще вором и крадешь мясо и сало! — воскликнул надсмотрщик.— О покровитель, накрой меня своим благим покровом!» И он поднял горбуна на плечи, и вышел с ним из дому на исходе ночи, и нес его до начала рынка, а там он поставил его возле лавки у проулка, и бросил его, и ушел.

И вдруг появился христианин, маклер султана. Он был пьян и вышел, отправляясь в баню, так как хмель подсказал ему, что утреня близко; и он шел покачиваясь, пока не

приблизился к горбуну. Он присел напротив него помочиться и вдруг бросил взгляд — и видит: кто-то стоит. А у христианина в начале этого вечера утащили тюрбан, и, увидя стоящего горбуна, он подумал, что тот хочет стянуть его тюрбан, и сжал кулак, и ударил его по шее. И горбун упал на землю, и христианин кликнул сторожа рынка, и от сильного опьянения бросился на горбуна, и стал бить его кулаком и душить. И сторож пришел и увидал, что христианин стоит коленями на мусульманине и колотит его, и спросил: «Что такое с ним?» — «Он хотел утащить мой тюрбан»,— отвечал христианин. «Встань, оставь его»,— сказал сторож; и христианин поднялся, а сторож подошел к горбуну и увидал, что он мертвый, и воскликнул: «Клянусь Аллахом, хорошо! Христианин убивает мусульманина!» Затем сторож схватил христианина и, связав ему руки, привел его в дом вали, а христианин говорил про себя: «О мессия, о дева, как это я убил его, и как быстро он умер, от одного удара!» И хмель исчез, и пришло раздумье.

И маклер-христианин и горбун провели ночь, до утра, в доме вали, а утром вали пришел, и велел повесить убийцу, и приказал палачу кричать об этом. И для христианина сделали виселицу и поставили его под нею, и палач подошел, и накинул на шею христианина веревку, и хотел повесить его, как вдруг надсмотрщик прошел сквозь толпу и увидал христианина, которого собирались вешать, и он растолкал и крикнул палачу: «Не надо, это я убил его».

«За что же ты его убил?» — спросил надсмотрщика вали. И тот ответил: «Вчера вечером я пришел домой и увидел, что он спустился по трубе и украл мои припасы, и тогда я ударил его молотком в грудь, и он умер, и я снес его на рынок и поставил его в таком-то месте у такого-то проулка...— И он воскликнул: — Недостаточно мне убить мусульманина, чтобы я еще убил христианина! Не вешай никого, кроме меня!» И вали, услышав эти слова надсмотрщика, отпустил маклера-христианина и сказал палачу: «Повесь этого, согласно его признанию».

И палач снял веревку с шеи христианина и накинул ее на шею надсмотрщика: он поставил его под виселицей и хотел повесить, но вдруг врач-еврей прошел сквозь толпу и закричал людям и палачу: «Не надо! Это я один убил его вчера вечером. Я был дома, и вдруг в ворота постучали мужчина и женщина, и с ними был этот горбун, больной. Они дали моей невольнице четверть динара, и она сообщила мне об этом и отдала мне деньги, а мужчина и женщина

внесли горбуна в дом, и положили его на лестницу, и ушли. И я спустился, чтобы посмотреть, и наткнулся на него в темноте, и он упал с верху лестницы и тотчас же умер. И мы с женой взяли его, и поднялись на крышу (а дом этого надсмотрщика — рядом с моим домом), и спустили его, мертвого, в вытяжную трубу в доме надсмотрщика; и когда надсмотрщик пришел, он увидел горбуна в своем доме и предположил, что это вор, и ударил его молотком, и горбун упал на землю, и надсмотрщик подумал, что убил его. Мало мне разве убить мусульманина неумышленно, чтобы я взял на свою ответственность жизнь другого мусульманина умышленно!»

Услышав слова еврея, вали сказал палачу: «Отпусти надсмотрщика и повесь еврея». И палач взял еврея и положил веревку ему на шею, но вдруг портной прошел сквозь толпу и крикнул: «Не надо! Его убил не кто иной, как я! Я днем гулял, и пришел к вечеру, и увидал этого пьяного горбуна, у которого был бубен, и он пел под него. Я пригласил его и привел к себе домой, и купил рыбы, и мы сели есть; и моя жена взяла кусок рыбы, положила его горбуну в рот и всунула ему в горло, но кость стала ему поперек горла, и он тотчас же умер. И мы с женой взяли его и принесли к дому еврея, и девушка спустилась и открыла нам ворота, и я сказал ей: «Скажи твоему господину: у ворот мужчина и женщина, и с ними больной,— поди посмотри его». И я дал ей четверть динара, и она пошла к своему господину, а я внес горбуна на верх лестницы, поставил его и ушел вместе с женой, а еврей спустился и наткнулся на горбуна — и решил, что он убил его». И портной спросил еврея: «Правда?» И тот сказал: «Да!» И тогда портной обратился к вали и сказал: «Отпусти еврея и повесь меня». И вали, услышав его слова, изумился происшествию с этим горбатым и воскликнул: «Поистине, такое дело записывают в книгах! — А потом он сказал палачу: — Отпусти еврея и повесь портного, по его признанию». И палач подвел его и сказал: «Мы устали — одного подводим, другого подводим, а никого не вешают»,— и накинул веревку на шею портного.

Вот что было с этими. Что же касается горбуна, то он, говорят, был шутом султана, и тот не мог расстаться с ним; и когда горбун напивался и пропадал эту ночь и следующий день до полудня, султан спросил о нем у кого-то из присутствующих, и ему сказали: «О владыка, его принесли к вали мертвого, и вали приказал повесить его убийцу; и когда он собирался его вешать, явился второй убийца

и третий, и все говорили: «Я один убил его», и каждый рассказывал вали о причине убийства». И султан, услыша эти слова, кликнул привратника и сказал ему: «Сходи к вали и приведи их всех ко мне».

И привратник пошел и увидел, что палач собирается вешать портного, и крикнул ему: «Не надо!» Он сообщил вали, что сказал царь, и взял его с собою, а также и горбуна, которого несли, и портного, и еврея, и христианина, и надсмотрщика,— и всех их привели к царю. И вали, представ перед лицом султана, поцеловал землю и рассказал ему, что случилось со всеми,— а в повторении пользы нет. И когда царь услышал рассказ, он удивился, его взяло восхищение, и он велел записать это золотыми чернилами, и он спросил присутствующих: «Слышали ли вы что-нибудь более удивительное, чем история этого горбуна?» И тогда выступил вперед христианин и сказал: «О царь, наметь время — если позволишь, я тебе расскажу о чем-то, что случилось со мною, и это удивительнее и диковиннее, чем история горбуна».— «Расскажи нам то, что ты хочешь!» — сказал царь.

РАССКАЗ ХРИСТИАНИНА

«О царь времени,— начал христианин,— когда я вступил в эти земли, я пришел с товарами, и предопределение привело меня к вам, но место моего рождения — Каир. Я из тамошних коптов и воспитывался там, и мой отец был маклером; и когда я достиг возраста мужей, мой отец скончался и я сделался маклером вместо него. И вот в один из дней я сижу и вдруг вижу — едет на осле юноша, которого нет прекрасней, одетый в роскошнейшие одежды. И, увидев меня, он пожелал мне мира, а я встал из уважения к нему; и он вынул платок, в котором было немного кунжута, и спросил: «Сколько стоит ардебб вот этого?» — «Сто дирхемов»,— отвечал я; и юноша сказал: «Возьми грузчиков и мерильщиков и отправляйся к Воротам Победы, в хан аль-Джавали — ты найдешь меня там». И он оставил меня, и уехал, и отдал мне кунжут с платком, где был образчик; и я обошел покупателей, и каждый ардебб принес мне сто двадцать дирхемов. И я взял с собою четырех грузчиков и отправился к юноше, которого нашел ожидающим; и увидев меня, он поднялся и открыл кладовую, и из нее взяли зерно; и когда мы его перемерили, то его оказалось пятьдесят ардеббов, на пять тысяч дирхемов. И юноша сказал: «Тебе за посредничество десять дирхемов за ардебб; получи

деньги и оставь у себя четыре тысячи и пятьсот дирхемов для меня: когда я кончу продавать свои запасы, я приеду и возьму у тебя деньги». И я сказал: «Хорошо!» — и поцеловал ему руки, и ушел от него, и мне досталась в этот день тысяча дирхемов.

А юноша отсутствовал месяц, и потом он пришел и спросил меня: «Где деньги?» А я встал, и приветствовал его, и спросил: «Не хочешь ли ты чего-нибудь поесть у нас?» Но он отказался и сказал: «Приготовь деньги, я приду и возьму их у тебя»,— и ушел. А я приготовил ему деньги и сидел, ожидая его; и его не было месяц, и я подумал: «Этот юноша совершенство доброты». А через месяц он приехал верхом на муле, одетый в роскошное платье и подобный луне в ночь полнолуния; и он словно вышел из бани, и лицо его было как месяц — с румяными щеками, блестящим лбом и родинкой, словно кружок амбры.

И, увидев его, я поцеловал ему руки, и поднялся перед ним, и призвал на него благословение, и спросил: «О господин, не возьмешь ли ты свои деньги?» И юноша ответил: «А зачем торопиться? Я кончу свои дела и возьму их у тебя»,— и ушел. А я воскликнул: «Клянусь Аллахом, когда он в следующий раз придет, я непременно приглашу его, так как я торговал на его дирхемы и добыл через них большие деньги!»

А когда наступил конец года, он приехал, одетый в еще более роскошное платье, чем прежде; и я стал заклинать его зайти ко мне и отведать моего угощенья. И юноша сказал: «С условием, чтобы то, что ты на меня потратишь, было из моих денег, которые у тебя». И я сказал: «Хорошо!» — и посадил его, и сходил и приготовил какие следует кушанья и напитки и прочее, и принес это ему, и сказал: «Во имя Аллаха!» И юноша подошел к столику и, протянув свою левую руку, стал со мною есть,— и я удивился этому. А когда мы кончили, я вымыл его руку и дал ему чем ее вытереть, и мы сели за беседу, после того как я поставил перед ним сладости. И тогда я сказал: «О господин мой, облегчи мою заботу: почему ты ел левой рукой? Может быть, у тебя на руке что-нибудь болит?» И услышав мои слова, юноша произнес:

«О том, что на́ сердце лежит, не спрашивай, мой друг,
Не то отверзнется печаль, откроется недуг,

Не по желанью своему расстался я с любимой,
Нет! Нас веленье развело судьбы неумолимой».

И он вынул руку из рукава, и вдруг я вижу — она обрубленная: запястье без кисти. И я удивился этому, а юноша сказал мне: «Не дивись и не говори в душе, что я ел с тобой левой рукой из чванства, отсечению моей правой руки есть диковинная причина».— «А что же причиною этому?» — спросил я; и юноша сказал: «Знай, что я из уроженцев Багдада, и мой отец там был знатен; и когда я достиг возраста мужей, я услышал рассказы странников, путешественников и купцов о египетских землях, и это осталось у меня в сердце. И когда мой отец умер, я взял много товаров и багдадских и мосульских и, собрав все это, выехал из Багдада; и Аллах предначертал мне благополучие, и я вступил в этот наш город.— И потом он заплакал и произнес:

Порой незрячий избежит и обойдет канавы,
В какие зрячий попадет, ловушки не заметив.

Бывает — избежит глупец словес, что так лукавы,
И в них запутается тот, кто не был опрометчив.

Благочестивому с трудом дается хлеб насущный,
А греховодник схватит кус рукою загребущей.

Как человеку поступать, что делать человеку?
Вершить, что суждено ему судьбою всемогущей».

А окончив эти стихи, он сказал: «И я прибыл в Каир, и сложил ткани в хане Масрура, и, отвязав свои тюки, вынес их, и дал слуге денег, чтобы купить нам чего-нибудь поесть, и немного поспал; а поднявшись, я прошелся по улице Бейн аль-Касрейн, и вернулся, и проспал ночь. А наутро я встал, и вскрыл тюк с тканями, и сказал себе: «Пойду пройдусь по рынкам и посмотрю, как обстоят там дела!» И я взял кое-какие ткани, и дал их отнести одному из моих слуг, и пошел на рынок Джирджиса, и маклеры встретили меня (а они узнали о моем прибытии), и взяли у меня ткани, и стали кричать, предлагая их; но они не принесли даже своей цены, и я огорчился этим. И староста маклеров сказал мне: «О господин, я знаю что-то, от чего тебе будет прибыль. Сделай так, как делают купцы, и отдай твои ткани в долг на несколько месяцев при писце, свидетеле и меняле. Ты будешь получать деньги каждый четверг и понедельник и наживешь дирхемы: на каждый дирхем два, и, кроме того, посмотришь Каир и Нил».

И я сказал: «Это правильная мысль!» — и, взяв с собою маклеров, отправился в хан, а они забрали ткани на рынок, и я продал их, и записал за ними цену, и отдал бумажку

меняле, взяв у него расписку, и вернулся в хан. И я провел много дней, ежедневно, в течение месяца, завтракая с кубком вина и посылая за мясом барашка и сладостями; и наступил тот месяц, когда мне следовало получать, и каждый четверг и понедельник я отправлялся на рынок и садился возле лавок купцов, а меняла и писец уходили и приносили деньги после полудня, а я пересчитывал их, запечатывал кошельки, брал деньги и уходил в хан. И вот в один из дней (а это был понедельник) я вошел в баню, и, вернувшись в хан, отправился в свое помещение, и позавтракал с кубком вина, и поспал, а проснувшись, я съел курицу, и надушился, и пошел в лавку одного купца, которого звали Бедр ад-Дин аль-Бустани. И, увидев меня, он сказал мне: «Добро пожаловать!» — и разговаривал со мной некоторое время, пока не открылся рынок.

И вдруг подошла женщина с гибким станом и гордой походкой, в великолепном головном платке, распространявшая благоухание; и она подняла покрывало, и я увидел ее черные глаза, а женщина приветствовала Бедр ад-Дина, и тот ответил ей на приветствие и стоял, беседуя с нею; и когда я услышал ее речь, любовь к ней овладела моим сердцем. А она сказала Бедр ад-Дину: «Есть у тебя отрез разрисованной ткани с золотыми прошивками?» И он вынул ей отрез из тех кусков, которые купил у меня, и они сошлись в цене на тысяче двухстах дирхемах. «Я возьму кусок, и уйду, и пришлю тебе деньги»,— сказала тогда женщина купцу; но он возразил: «Нельзя, госпожа, вот владелец ткани, и я связан перед ним сроком».— «Горе тебе! — воскликнула женщина.— Я привыкла брать у тебя всякий кусок ткани за много денег, и даю тебе нажить больше того, что ты хочешь, и присылаю тебе деньги». А купец отвечал: «Да, но я принужден расплатиться сегодня же». И тогда она взяла кусок, и бросила его в лицо Бедр ад-Дину, и воскликнула: «Ваше племя никому не знает цены!» — и встала. С ее уходом я почувствовал, что моя душа ушла с нею. И я поднялся, и остановил ее, и сказал: «О госпожа, сделай милость, обрати ко мне свои благородные шаги!» И она воротилась, и улыбнулась, и сказала: «О, ради тебя возвращаюсь»,— и села напротив, возле лавки.

И я спросил Бедр ад-Дина: «За сколько ты купил этот кусок?» — «За тысячу сто дирхемов»,— отвечал он; и я сказал: «Тебе будет еще сто дирхемов прибыли; дай бумагу, я напишу тебе расписку на эту цену». И я взял кусок ткани, и написал Бедр ад-Дину расписку своей рукой,

и отдал женщине, и сказал ей: «Возьми и иди; и если хочешь, принеси деньги в следующий рыночный день, а если пожелаешь — это тебе подарок, как моей гостье».— «Да воздаст тебе Аллах благом и да пошлет тебе мои деньги и сделает тебя моим мужем!» — сказала женщина (и Аллах внял ее молитве). А я воскликнул: «О госпожа, считай этот отрез твоим, и тебе будет еще такой же, но дай мне посмотреть на твое лицо». И когда я взглянул ей в лицо взглядом, вызвавшим во мне тысячу вздохов, любовь к ней привязалась к моему сердцу, и я перестал владеть своим умом. А потом она опустила покрывало, и взяла отрез, и сказала: «О господин, не заставляй меня тосковать!» — и ушла; а я просидел на рынке до послеполуденного времени, и ум мой исчез, и любовь овладела мною. И от силы охватившей меня любви я поднялся и спросил купца об этой женщине, и он сказал: «У нее есть деньги. Она дочь одного эмира, и отец ее умер и оставил ей большое богатство».

И я простился с ним, и ушел, и пришел в хан, и мне подали ужин, но я вспомнил о той женщине, и не стал ничего есть, и лег спать. Но сон не шел ко мне; и я не спал до утра, и встал, и надел не ту одежду, что была на мне раньше, и выпил кубок вина, и поел немного на завтрак, и пошел в лавку того купца. Я приветствовал его и сел у него, и молодая женщина, как обычно, пришла, одетая еще более роскошно, чем раньше, и с ней была невольница. И она поздоровалась со мной, а не с Бедр ад-Дином, и сказала красноречивым языком, нежнее и слаще которого я не слышал: «Пошли со мной кого-нибудь, чтобы взять тысячу и двести дирхемов — плату за кусок ткани».— «А что же торопиться?» — сказал я ей, и она воскликнула: «Да не лишимся мы тебя!» — и отдала мне деньги; и я сидел и разговаривал с нею. И я сделал ей знак, и она поняла, что я хочу обладать ею, и встала поспешно, испуганная, а мое сердце было привязано к ней. И я вышел с рынка следом за ней, и вдруг ко мне подошла девушка и сказала: «О господин, поговори с моей госпожой!» И я изумился и сказал: «Меня никто здесь не знает». Но девушка воскликнула: «О господин, как ты скоро ее забыл! Моя госпожа — та, что была сегодня в лавке такого-то купца». И я пошел с девушкой на рынок менял; и увидев меня, ее госпожа привлекла меня к себе и сказала: «О мой любимый, ты проник мне в душу, и любовь к тебе овладела моим сердцем, и с той минуты, как я тебя увидела, мне не был приятен ни сон, ни питье, ни пища».— «У меня в душе во много раз больше

этого, и положенье избавляет от нужды сетовать»,— ответил я. И она спросила: «О любимый, у меня или же у тебя?» — «Я здесь человек чужой,— отвечал я,— и негде мне приютиться, кроме хана. Если сделаешь милость — пусть будет у тебя». И она сказала: «Хорошо; но сегодня канун пятницы и ничего не может получиться,— разве только завтра, после молитвы. Помолись, сядь на осла и спрашивай квартал аль-Хаббания, а когда приедешь, спроси, где дом Бараката-начальника, по прозвищу Абу Шама,— я там живу. И не медли, я жду тебя».

И я обрадовался великою радостью, и потом мы расстались; и я пришел в хан, где я жил, и провел ночь без сна, и не верил, что заря заблистала. И я встал и переменил одежду, и умастился, и надушился, и, взяв с собой пятьдесят динаров в платке, прошел от хана Масрура до ворот Зувейле, а там сел на осла и сказал его владельцу: «Отвези меня в аль-Хаббанию». И он доехал в мгновение ока и очень скоро остановился у ворот в квартал, называемый квартал аль-Мункари; и я сказал ему: «Зайди в квартал и спроси дом начальника». И ослятник ушел, и недолго отсутствовал, и, вернувшись, сказал: «Заходи!» И я сказал ему: «Иди впереди меня к дому! Рано утром придешь сюда и отвезешь меня»,— сказал я потом ослятнику; и он отвечал: «Во имя Аллаха!» — и я дал ему четверть динара золотом.

И ко мне вышли две молоденькие девушки, высокогрудые девы, подобные лунам, и сказали мне: «Входи, наша госпожа тебя ожидает! Она не спала ночь, радуясь тебе». И я вошел в верхнее помещение с семью дверями, вокруг которого шли окна, выходившие в сад, где были всевозможные плоды, и полноводные каналы, и поющие птицы; и комната была выбелена султанской известкой, в которой человек видел свое лицо, а потолок был покрыт золотыми надписями, написанными лазурью, которые заключали прекрасные славословия и сияли смотрящим. А пол в комнате был выстлан мрамором, и посреди был водоем, по краям которого находились птицы, литые из золота и извергавшие воду, похожую на жемчуг и яхонты; и помещение было устлано разноцветными шелковыми коврами и уставлено скамейками. И, войдя, я сел, и не успел я очнуться, как та женщина уже подошла — в венце, окаймленном жемчугом и драгоценностями, разрисованная и расписанная. И, увидев меня, она улыбнулась мне в лицо, и обняла меня, и прижала к своей груди и, приложив рот к моему рту, стала сосать мой язык; и я делал так же. И она

сказала: «Это правда? Ты пришел ко мне?» И я отвечал ей: «Я твой раб!» А она воскликнула: «Привет, добро пожаловать! Клянусь Аллахом, с того дня, как я тебя увидала, не был мне сладок сон и приятно кушанье».— «И мне также»,— отвечал я; и мы сели и стали разговаривать, и я держал голову опущенной к земле от стыда. И вскоре мне подали на скатерти роскошнейшие кушанья: мясо в уксусе, поджаренную тыкву в пчелином меду и курицу с начинкой, и я поел с ней, и мы насытились, и мне подали таз и кувшин, и я вымыл руки; а потом мы надушились розовой водой с мускусом и сидели разговаривая, и она произнесла такие стихи:

«Когда б мы знали, что придете к нам,
Мы б под ноги зрачки стелили вам,

Мы щеки по земле бы расстелили,
И вы б прошли по ве́кам и сердцам!»

И она жаловалась на то, что испытала, и я жаловался ей на то, что испытал, и любовь к ней овладела мною, и все деньги сделались для меня ничтожны. И мы играли, возились и целовались, пока не подошла ночь, и тогда девушки подали нам кушанье и вино, и вдруг вижу — это целый пир! И мы пили до полуночи, а затем легли и заснули, и я проспал с ней до утра и в жизни не видел ночи, подобной этой. Когда же настало утро, я поднялся и бросил ей под постель платок, в котором были динары, и простился с ней и вышел, а она заплакала: «О господин мой, когда я опять увижу это прекрасное лицо?» И я сказал ей: «Я буду у тебя вечером». А выйдя, я нашел ослятника, привезшего меня вчера, который ждал меня у ворот, и сел с ним, и приехал в хан Масрура, и сошел, и дал ослятнику полдинара, и сказал ему: «Приходи опять ко времени заката!» И он отвечал: «Хорошо!» И я позавтракал и пошел взыскивать деньги за ткани, а потом возвратился и приготовил ей жареного ягненка и сладостей, а затем позвал носильщика, положил все это ему в корзину, заплатил ему, и вернулся к своим делам, и был занят до захода солнца.

А на закате ослятник пришел ко мне, и я взял пятьдесят динаров, положил их в платок и пошел к ней; и я увидел, что там вытерли мрамор, и начистили медь, и заправили светильники, зажгли свечи, разложили кушанья и процедили вино. И при виде меня моя возлюбленная закинула руки мне на шею и воскликнула: «Ты заставил меня тосковать!» А затем подали столы, и мы ели, пока не насытились, и девушки убрали столы и поставили вино. И мы пили не

переставая до полуночи, а потом перешли в спальню и проспали до утра; и я поднялся, и дал ей, как обычно, пятьдесят динаров, и вышел от нее. И я увидал ослятника, и поехал в хан, и поспал немного, а затем я встал и собрал ужин, и приготовил орехи, и миндаль к рисовому пилаву, и жареный аронник, и взял свежих и сушеных плодов на закуску и цветов — и отослал ей это; и зайдя домой, взял пятьдесят динаров в платке, и вышел, и, как обычно, поехал с ослятником к ее дому. И я вошел, и мы поели и попили и спали до утра, а потом я поднялся, и бросил ей платок, и, как всегда, поехал в хан. И так продолжалось некоторое время; и вот однажды я провел ночь и проснулся, не имея ни дирхема, ни динара. И я сказал себе: «Все это дело сатаны! — и произнес такие стихи:

В его очах свет застит нищета,
Он сам желтее солнца при закате.

Уйдет — и все подумают, что кстати.
Придет — уж все разобраны места.

Блуждает он среди людского рынка,
В степи исходит горькою слезой.

Клянусь Аллахом, человек — соринка,
Он нищетой томим и всем чужой!»

И я вышел из хана, и прошел по улице Бейн аль-Касрейн, и дошел до самых ворот Зувейле, и я увидел, что люди стоят толпой и ворота забиты множеством народа. И по предопределенному велению я увидел солдата и невольно прижал его, и моя рука оказалась у его кармана, и я потрогал его и нащупал кошелек в том кармане, на котором лежала моя рука. И я почувствовал, что моя рука касается кошелька, и взял его из кармана солдата. И солдат заметил, что его карман стал легким, и положил туда руку, но ничего не нашел там; и он обернулся ко мне и, подняв руку с дубиной, ударил меня по голове, и я упал на землю. И люди окружили нас, и схватили за уздечку лошадь солдата, и сказали: «Из-за тесноты ты ударил этого юношу таким ударом!» Но солдат закричал на них и сказал: «Это проклятый вор!» И тут я очнулся и услышал, что люди говорят: «Это красивый юноша, он ничего не взял!» — некоторые верили, а другие не верили, и толки и пересуды умножились.

И люди потащили меня и хотели меня освободить из рук солдата; и по предопределенному велению вдруг въехали в ворота вали и начальник и стражники, и они увидели, что

народ собрался около меня и солдата. И вали спросил: «В чем дело?» И солдат сказал: «Клянусь Аллахом, господин, это вор! У меня в кармане был голубой кошель с двадцатью динарами, и он взял его, когда я был в толпе».— «А был с тобой кто-нибудь?» — спросил вали у солдата; и солдат ответил: «Нет!» И тогда вали кликнул начальника, и тот схватил меня, и покров Аллаха был с меня снят. И вали сказал начальнику: «Раздеть его!» И когда меня раздели, кошель нашли в моем платье. А когда кошель нашли, вали взял его, и открыл, и пересчитал деньги, и увидел, что в нем двадцать динаров, как и сказал солдат.

И вали рассердился и кликнул стражников, и меня подвели к нему, и он спросил: «О юноша, скажи правду, ты украл этот кошелек?» И я опустил голову к земле и сказал про себя: «Если скажу «не украл»,— но ведь он вытащил его из моего платья; а если скажу «украл» — испытаю мучение». И я поднял голову и сказал: «Да, я взял его». И, услышав от меня эти слова, вали удивился и позвал свидетелей, и они явились и засвидетельствовали мои слова,— и все это происходило у ворот Зувейле. И вали отдал приказ палачу, и тот отрубил мне правую руку; и сердце солдата смягчилось, и он заступился за меня, и вали оставил меня и уехал. А люди остались около меня и дали мне выпить кубок вина, а солдат отдал мне кошель и сказал: «Ты красивый юноша, не должно тебе быть вором». И после этого я произнес:

«Клянусь Аллахом, брат, что не был я злодей
И злоумышленник, о лучший из людей.

Внезапная судьба меня ошеломила,
И горе возросло, и бедность надломила.

Нет, сам я не стрелок — Аллахова стрела
Венец величия с главы моей сняла».

И солдат оставил меня и ушел, отдав мне кошель, и я тоже ушел, и завернул свою руку в тряпку, и положил ее за пазуху; и мое состояние расстроилось, и цвет лица пожелтел из-за того, что со мной случилось. И я дошел до дома той женщины, будучи нездоров, и бросился на постель; и женщина увидела, что у меня изменился цвет лица, и спросила: «Что у тебя болит и почему ты, я вижу, расстроен?» — «У меня болит голова, и мне нехорошо»,— отвечал я. И тогда она разгневалась, и обеспокоилась за меня, и воскликнула: «Не сжигай моего сердца, господин мой! Сядь, подними голову и расскажи мне, что произошло

с тобой сегодня. Мне видны на твоем лице многие слова».— «Избавь меня от разговоров»,— сказал я. И она заплакала и воскликнула: «Ты как будто бы больше не хочешь меня! Я вижу, что ты не такой, как обычно». И я промолчал, а она стала разговаривать со мной, но я не отвечал ей.

А когда подошла ночь, она подала мне кушанье, но я отказался от него, боясь, что она увидит, что я ем левой рукой, и сказал: «Я не хочу сейчас есть!» — «Расскажи мне, что произошло с тобою сегодня и почему ты озабочен и разбиты твое сердце и душа»,— сказала она. И я ответил: «Сейчас я расскажу тебе не торопясь». И она подала мне вина и сказала: «Вот тебе, это разгонит твою заботу! Непременно выпей и расскажи мне, что случилось».— «Я обязательно должен рассказать тебе?» — спросил я; и она ответила: «Да!» И тогда я сказал: «Если это непременно должно быть, напои меня твоей рукой». И она наполнила кубок, и я выпил его, и она наполнила его снова и протянула мне, и я принял его от нее левой рукой, и слезы побежали из моих глаз. И я произнес:

«Коли Аллах захочет унизить человека,
В котором есть и разум, и зрение, и слух,

Отнимет очи, уши, и вот уж ты — калека:
Твой разум перевернут, с затылка содран пух.

Но, приговор исполнив, он лечит от страданья
И возвращает разум, как будто в назиданье».

И, окончив стихи, я взял кубок левой рукой и заплакал, а она издала громкий крик и спросила: «Отчего ты плачешь? Ты сжег мне сердце! Почему ты взял кубок левой рукой?» — «У меня на руке чирей»,—отвечал я ей; и она сказала: «Вынь ее, я тебе его проткну». Но я сказал: «Теперь не время его вскрывать! Не надоедай мне! Я не выну сейчас руки!»

Затем я выпил кубок, и она до тех пор поила меня, пока меня не одолел хмель и я не заснул на месте, и тогда она увидела мою руку без кисти и, обыскав меня, нашла у меня кошель с золотом; и ее охватила такая печаль, какая еще не охватывала никого, и она страдала из-за меня до утра. А пробудившись от сна, я увидел, что она приготовила мне отвар, и подала его,— и вдруг я вижу, он из четырех куриц! — и дала мне выпить кубок вина; и я поел и выпил, и положил кошель, как обычно, и хотел выйти, но она спросила: «Куда идешь?» — «В одно место, куда мне надо пойти»,— отвечал я. Но она сказала: «Не уходи, садись!»

И когда я сел, она воскликнула: «Так твоя любовь дошла до того, что ты истратил все деньги и лишился кисти? Свидетельствую перед тобой,— и свидетель тому Аллах! — что я с тобой не расстанусь! Ты скоро убедишься в истинности моих слов!» И она послала за свидетелями и, когда они явились, сказала им: «Напишите мою брачную запись с этим юношей и засвидетельствуйте, что я получила приданое». И они засвидетельствовали мой брачный договор с нею, после того она сказала: «Засвидетельствуйте, что все мои деньги, которые в этом сундуке, и все, какие у меня есть, рабы и невольницы принадлежат этому юноше».

И они засвидетельствовали это, и я принял дарственную, и они ушли, получив сначала свою плату; а после этого она взяла меня за руку и, поставив меня около кладовой, открыла большой сундук и сказала мне: «Посмотри, что в сундуке». И я посмотрел — и вижу: он полон платков; а она сказала: «Это твои деньги, которые я брала у тебя. Всякий раз, как ты давал мне платок с пятьюдесятью динарами, я складывала его и бросала в этот сундук. Возьми свои деньги, они вернулись к тебе, и ты сегодня богат. Судьба поразила тебя из-за меня: ты потерял свою правую руку,— и я не могу возместить тебе этого. Даже если бы я пожертвовала своей душой, этого было бы мало; и у тебя надо мной преимущество.— И она сказала мне: — Получи свои деньги». И я перенес ее сундук к своему и положил ее деньги к своим деньгам, которые я давал ей, и мое сердце возрадовалось, и моя забота рассеялась. И я поцеловал мою жену и поблагодарил ее, а она сказала: «Ты пожертвовал своей рукой из любви ко мне! Как я могу возместить тебе это? Клянусь Аллахом, если бы я отдала из любви к тебе свою душу, этого, наверное, было бы мало, и я не в состоянии должным образом воздать тебе».

После этого она отписала мне особою крепостью все какие имела носильные платья, и драгоценности, и вещи и провела эту ночь озабоченная моей заботой; и я рассказал ей все, что со мной случилось, и провел с нею ночь. И когда прошло меньше месяца, ее слабость увеличилась и болезнь ее усилилась, и, проживши только пятьдесят дней, она оказалась среди обитателей того света. И я обрядил ее, и похоронил в земле, и устроил над нею чтения Корана, и роздал за нее в виде милостыни много денег. А выйдя из ее склепа, я увидал, что ей принадлежат большие богатства, владения и поместья; и в числе ее складов был склад кунжута, часть которого я продал тебе, и я потому не посещал

тебя в течение этого времени, что продавал остальные запасы и все, что было в кладовых, и я до сих пор еще не получил всех денег. Не возражай же против того, что я тебе скажу, так как я поел твоей пищи: я дарю тебе деньги за кунжут, который находится у тебя. Вот причина отсечения моей правой руки и того, что я ел левой рукой».

«Ты был милостив и благодетелен»,— сказал я ему. И он спросил: «Не хочешь ли ты отправиться со мной в мои земли? Я накупил товаров каирских и александрийских, и, может быть, ты согласишься сопровождать меня?» — «Хорошо,— сказал я и назначил ему сроком начало месяца, а затем я продал все что имел, и купил других товаров, и отправился вместе с юношей в эти земли, то есть в вашу страну. И юноша продал товары и купил вместо них другие в вашей стране и отправился в земли египетские, а мне на долю выпало побывать этой ночью здесь,— и со мной случилось на чужбине то, что случилось. Не удивительней ли это, о царь нашего времени, чем то, что произошло с горбуном?»

«Вас всех необходимо повесить»,— сказал царь.

Тогда надсмотрщик подошел к царю Китая и молвил: «Если ты мне поверишь, я расскажу тебе историю, приключившуюся со мной за это время, раньше чем я нашел этого горбуна, и если она будет удивительнее его истории, подаришь ли ты нам наши души?» — «Хорошо»,— отвечал царь. И надсмотрщик сказал:

РАССКАЗ НАДСМОТРЩИКА

«Знай, что в прошлый вечер я был в одном собрании, где устроили чтение Корана и собрали законоведов; и когда чтецы прочитали и кончили, накрыли стол, и среди того, что подали, был засахаренный миндаль в уксусе. И мы подошли и начали есть миндаль, но один из нас отошел и не стал есть его, и хотя мы заклинали его, он поклялся, что не будет есть миндаль. Мы все же заставляли его, и он воскликнул: «Не принуждайте меня, довольно того, что со мной случилось из-за того, что я поел миндаля! — И потом он произнес:

Коль в речи друга что-то ранит слух,
Наверное, тебе не нужен этот друг».

А когда он кончил, мы спросили его: «Заклинаем тебя Аллахом, почему ты отказываешься есть миндаль?» И он

ответил: «Если я уж непременно должен поесть его, то я его поем только после того, как вымою руки сорок раз мылом, сорок раз содой и сорок раз щелоком,— а всего сто двадцать раз». И тогда хозяин пира приказал своим слугам принести воды и того, что требовал юноша, и тот вымыл руки так, как сказал я, а после того он подошел, и сел, и протянул руку, как бы испуганный, и с отвращением коснулся миндаля и стал есть, заставляя себя. И мы пришли от этого в крайнее удивление. И рука юноши дрожала, и он выставил большой палец своей руки,— и вдруг мы видим: он обрублен и юноша ест четырьмя пальцами.

И мы спросили его: «Заклинаем тебя Аллахом, что с твоим большим пальцем? Он так и создан Аллахом или его постигло несчастье?» И юноша отвечал: «О братья, таков не один этот большой палец, но и другой, и на обеих ногах тоже. Да вот, посмотрите». И он обнажил большой палец на своей другой руке, и мы увидели, что он такой же, как на правой, и ноги его тоже без больших пальцев. И увидев, что это так, мы еще больше удивились и сказали ему: «Нам не терпится узнать твою историю, и почему отсечены твои пальцы, и зачем ты вымыл руки сто двадцать раз!»

«Знайте,— сказал тогда юноша,— что мой родитель был купец из богатых купцов Багдада во дни халифа Харуна ар-Рашида. Он страстно любил пить вино и слушать лютню и другие музыкальные инструменты и после смерти не оставил ничего. И я обрядил его, и устроил чтения, и тосковал по нем дни и ночи, а затем я открыл его лавку и увидел, что после него осталось лишь немного, и обнаружил за ним долги. Я уговорил заимодавцев подождать, и смягчил их сердца, и стал торговать от пятницы до пятницы, и отдавал заимодавцам; и таким образом продолжалось некоторое время, пока я не уплатил долги сполна, и я увеличивал свой капитал в течение дней и ночей. И вот однажды, в один из дней, я сижу и вдруг неожиданно вижу молодую женщину, прекрасней которой не видали мои глаза, и на ней украшения и драгоценности, и она едет на муле, и впереди нее раб и сзади раб. И она остановила мула у входа на рынок и вошла, и евнух последовал за ней и сказал: «О госпожа, входи и не дай никому узнать, что ты здесь,— ты разожжешь против нас огонь гнева». И евнух заслонял ее, пока она смотрела лавки купцов, и она не нашла никого, кто бы уже открыл свою лавку, кроме меня, и подошла, и евнух следом за ней, и села возле моей лавки, и приветствовала меня,— и я не слыхивал ничего прекраснее ее слов и нежнее ее речей. А потом она открыла свое лицо, и я увидел, что оно

подобно месяцу, и я посмотрел на нее взглядом, вызвавшим у меня тысячу вздохов, и любовь к ней привязалась к моему сердцу. И я стал еще и еще взглядывать ей в лицо и произнес:

«Скажи красавице в узорном покрывале:
«Воистину лишь смерть дарует мне покой.

Свидаиье подари, уйми мои печали —
Стою перед тобой с протянутой рукой».

И, услышав эти стихи, она ответила словами поэта:

«Предав любовь к тебе, я сердце загублю,
Оно живет тобой, любовь к тебе лелеет.

Коль отвлечется глаз от той, кого люблю,
Пусть больше иикогда тебя ои ие узреет.

Я клятву дал иавек любви ие изменить,
И сердце от такой любви не уцелеет.

Из чаши чистоты мне довелось испить.
О, если б мы с тобой оттуда вместе пили!

О, если бы мой вздох с твоим соедиинть,
Молил бы я, чтоб там меня похоронили!

И если имя там мое произиести,
То отзовется прах, закопаниый в могиле.

Вы спросите его: «Что хочешь? Возвести!»
«Чтобы она и бог меня благословили!»

А окончив стихи, она спросила: «О юноша, есть ли у тебя красивые ткани?» И я отвечал: «Госпожа, твой раб беден, но подожди, пока купцы откроют лавки, и я принесу тебе то, что ты хочешь». И затем я стал с нею разговаривать, и погрузился в море влюбленности, и блуждал на путях любви к ней, пока купцы не открыли лавки, и тогда я поднялся и взял для нее все, что она потребовала, а цена за это была пять тысяч дирхемов. И женщина отдала ткани евнуху, и евнух взял их, и они вышли из рынка, и ей подвели мула; и она уехала, не сказав мне, откуда она, а я постыдился заговорить с нею об этом. И купцы обязали меня уплатить, и я принял на себя долг в пять тысяч дирхемов.

И я пришел домой, опьяненный любовью к той женщине: и мне подали ужин, и я съел кусочек — и вспомнил об ее красоте и прелести, и хотел уснуть, но сон не пришел ко мне. И я провел в таком состоянии неделю, и купцы потребовали с меня деньги, но я уговорил их подождать еще

неделю; а через неделю она вдруг приехала верхом на муле, и с нею были евнух и два раба. И она приветствовала меня и сказала: «О господин мой, мы задержали плату за ткани! Приведи менялу и получи деньги». И меняла пришел, и евнух выложил деньги, и я не взял их, и разговаривал с ней, пока не открылся рынок. И тогда она сказала: «Купи мне то-то и то-то». И я взял для нее у купцов, что она пожелала, и она забрала это и ушла, не заговорив со мною о деньгах; и когда она ушла, я раскаялся в этом, так как я забрал то, что она потребовала, на тысячу динаров.

И после того как она скрылась из моих глаз, я сказал про себя: «Что это за любовь? Она дала мне пять тысяч дирхемов и взяла вещей на тысячу динаров!» И я почувствовал, что мне не хватает денег для купцов, и сказал: «Купцы-то знают лишь меня одного! Эта женщина просто плутовка: она ввела меня в обман своей прелестью и красотой и, увидав, что я еще молод, посмеялась надо мной, а я не спросил, где она живет». И я все время беспокоился, и ее отсутствие длилось больше месяца, и купцы требовали с меня и прижимали меня, и я пустил свои земли на продажу, решившись погубить свое имущество.

И однажды я сидел размышляя и не успел очнуться, как вижу — она сходит с мула у ворот рынка и входит ко мне. И при виде ее мои заботы рассеялись, и я забыл, что со мной было, а она начала беседовать со мной, ведя прекрасные речи, и сказала: «Приведи менялу и отвесь деньги»,— и отдала мне с излишком плату за то, что взяла. А затем она пустилась со мной в разговоры, и я чуть не умер от счастья и радости.

И она спросила у меня: «Есть у тебя жена?» И я ответил: «Нет, я не знаю ни одной женщины»,— и заплакал. «Что ты плачешь?» — спросила она; и я отвечал: «Не беда!» А потом я взял несколько динаров, и отдал их евнуху, и попросил его быть посредником в этом деле. А он засмеялся и сказал: «Она влюблена в тебя больше, чем ты в нее. Ткани, которые у тебя она купила, ей не нужны, и она сделала это только из любви к тебе. Говори с ней о чем хочешь — она не будет тебе прекословить в том, что ты скажешь». И женщина видела, как я давал евнуху деньги.

И я вернулся, и сел, и сказал ей: «Будь милостива к твоему рабу и уступи ему в том, о чем он тебя попросит!» — и я высказал ей то, что было у меня на душе. И она ответила на мои слова согласием и сказала евнуху: «Ты принесешь ему мое послание»; а мне она сказала: «Сделай так, как скажет тебе евнух». Затем она поднялась и ушла,

а я вручил купцам их деньги, и им досталась прибыль, а мне на долю пришлось сожаление о том, что сведения о ней прервались; и я не спал всю ночь. Но прошло лишь немало дней, и ко мне пришел евнух, и я оказал ему уважение и спросил его о ней; и он отвечал: «Она больна».— «Разъясни мне ее обстоятельства»,— попросил я евнуха; и он сказал: «Эту девушку воспитала Ситт Зубейда, жена халифа Харуна ар-Рашида,— она из ее невольниц. Она попросила у своей госпожи разрешения выходить и входить и достигла того, что стала управительницей; а затем она рассказала Ситт про себя и попросила выдать ее за тебя замуж, но Ситт сказала: «Я не сделаю этого, пока не увижу этого юношу; если он на тебя похож, я выдам тебя за него замуж». А сейчас мы хотим отвезти тебя во дворец, и если ты попадешь во дворец, то добьешься брака с нею; если же твое дело раскроется — тебе снесут голову. Что ты на это скажешь?» — «Пойду с тобой,— ответил я,— вытерплю то, что ты мне рассказал».

И тогда евнух сказал мне: «Когда наступит вечер, пойди в мечеть, помолись и переночуй там; это та мечеть, которую выстроила Ситт Зубейда на реке Тигр».— «С любовью и охотой»,— ответил я. И когда наступил вечер, я пошел в мечеть, помолился там и провел ночь, а ко времени утренней зари вдруг явились два евнуха в челноке, и с ними были пустые сундуки. Они внесли их в мечеть, и один из них удалился, а один остался; и я всмотрелся в него и вдруг вижу: это тот, что был посредником между мною и ею. И через некоторое время к нам пришла та девушка — моя подруга; и когда она явилась, я встал и обнял ее, а она поцеловала меня и заплакала, и мы немного поговорили. А потом она взяла меня и положила в сундук, и заперла его, и затем подошла к евнуху, с которым было много вещей, и стала брать их и складывать в другие сундуки, и запирала их один за одним, пока не сложила всего. И сундуки положили в челнок и поехали, направляясь к дворцу Ситт Зубейды. И меня взяло раздумье, и я сказал про себя: «Я погиб из-за своей страсти! Достигну я желаемого или нет?»

И я стал плакать, находясь в сундуке, и взывать к Аллаху, чтобы он выручил меня из беды, а они все ехали, пока не оказались с сундуками у дверей покоев халифа, и сундук, в котором я был, понесли в числе других. И моя подруга прошла мимо нескольких евнухов, приставленных наблюдать над гаремом, и слуг и дошла до одного старого евнуха; и тот пробудился ото сна, и закричал на девушку, и спросил ее: «Что это такое в этих сундуках?» — «Они полны вещей

для Ситт Зубейды»,— ответила она. И евнух сказал: «Открой их один за одним, чтобы мне взглянуть, что лежит в них!» Но девушка возразила: «Зачем открывать их?» И тогда евнух закричал: «Не тяни, эти сундуки необходимо открыть!» — и поднялся, и сразу же начал открывать сундук, в котором был я. И меня понесли к евнуху, и тогда мой разум изчез, и я облился от страха, и моя вода полилась из сундука; и девушка сказал евнуху: «О начальник, ты погубил и меня и себя и испортил вещи, стоящие десять тысяч динаров! В этом сундуке разноцветные платья и четыре манна воды Земзема, и сейчас вода потекла на одежды, которые в сундуке, и теперь в них полиняет краска».— «Бери твои сундуки и уходи,— сказал евнух, и слуги подняли мой сундук и поспешили уйти, а другие сундуки понесли вслед за моим. И когда они шли, до моих ушей вдруг донесся голос, восклицавший: «Горе, горе! Халиф, халиф!» И услышав это, я умер живьем и произнес слова, говорящий которые не смутится: «Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого! Вот беда, которую я сам себе устроил!» И я услышал, как халиф спросил невольницу, мою подругу: «Горе тебе, что у тебя в этих сундуках?» И она отвечала: «У меня в сундуках платья Ситт Зубейды». А халиф сказал: «Открой их мне!» И услышав это, я умер окончательно и подумал: «Клянусь Аллахом, этот день — последний в моей земной жизни! Если я останусь цел, то женюсь на ней и никаких разговоров, а если мое дело раскроется, мне отрубят голову! О!» И я стал говорить: «Свидетельствую, нет бога, кроме Аллаха, и Мухаммед — посланник Аллаха». И я услышал,— продолжал юноша,— как девушка сказала: «В этих сундуках доверенные мне вещи и одежды для Ситт Зубейды, и она хочет, чтобы никто их не видел». Но халиф воскликнул: «Я непременно открою и посмотрю, что в них!» И потом он кликнул евнухов и сказал им: «Подайте мне сундук». И я убедился, что погиб без всякого сомнения, и мир исчез для меня. И евнухи стали подносить один сундук за другим, и халиф видел в них благовония, и ткани, и роскошные платья; и сундуки все открывали, а халиф смотрел на бывшие там платья и прочее, пока не остался лишь тот сундук, где был я. И они уже протянули руки, чтобы открыть его, но девушка поспешно подошла к халифу и сказала: «Этот сундук, который перед тобой, мы откроем только при Ситт Зубейде. Это тот, где находится ее тайна!» И, услышав эти слова, халиф приказал вносить сундуки, и евнухи подошли и унесли меня в сундуке, где я был,

и поставили меня посреди комнаты между сундуками (а у меня высохла слюна). И моя подруга выпустила меня и сказала: «Нет для тебя беды и страха; расправь свою грудь, и успокой свое сердце, и посиди, пока не придет Ситт Зубейда,— быть может, я достанусь тебе на долю».

И я посидел немного и вдруг вижу, приближаются десять невольниц — девы, подобные месяцу, и становятся в два ряда, за ними идут еще двадцать невольниц — высокогрудые девы, и между ними Ситт Зубейда, и она не может идти — столько на ней платьев и украшений. И когда она пришла, невольницы вокруг нее расступились, и я подошел к ней и поцеловал перед нею землю. И она сделала мне знак сесть. И я сел перед нею, а она принялась меня расспрашивать и осведомилась о моем происхождении, и я ответил ей на ее вопросы; и тогда она обрадовалась и воскликнула: «Наше воспитание не обмануло нас, девушка!»

«Знай,— сказала она мне потом,— что эта девушка у нас вместо дочери, и она — залог Аллаха, вверенный тебе». И я поцеловал перед нею землю, и Ситт Зубейда согласилась на мой брак с девушкой. И она приказала мне пробыть у них десять дней, и я провел у них это время, не видя девушки, и только одна из прислужниц приносила мне обед и ужин. А после этого срока Ситт Зубейда посоветовалась с халифом относительно моей женитьбы на ее невольнице, и халиф разрешил и приказал выдать ей десять тысяч динаров. И Ситт Зубейда послала за свидетелями и судьей и скрепила мою брачную запись с девушкой, а после этого приготовили сладости и роскошные кушанья и разнесли их по всем помещениям. Так прошло еще десять дней, а через двадцать дней девушка сходила в баню, и потом подали столик с кушаньями, в числе которых было блюдо засахаренного миндаля в уксусе, политого розовой водой с мускусом, и подрумяненные куриные грудки, и прочее, ошеломляющее ум. И клянусь Аллахом, я, не откладывая, налег на миндаль и наелся им досыта и вытер руки, но забыл их вымыть, и я сидел до тех пор, пока не наступил мрак; зажгли свечи, и пришли певицы с бубнами, и невесту все время открывали и одаривали золотом, пока она не обошла весь дворец, а после этого ее привели и облегчили от бывших на ней одежд, и я остался с нею наедине в постели, и обнял ее, и не верил, что обладаю ею. Но она почувствовала от моих рук запах миндального кушанья и, почуяв его, издала громкий крик, и невольницы со всех сторон прибежали к ней, а я испугался и не знал, что случилось. И невольницы спросили ее: «Что с тобой, сестрица?»

И она отвечала: «Уведите от меня этого сумасшедшего! А я-то думала, что он разумен!» — «В чем же проявилось мое безумие?» — спросил я. И она воскликнула: «Сумасшедший, зачем ты поел миндаля и не вымыл руки? Клянусь Аллахом, я отплачу тебе за твой проступок! Разве может такой, как ты, обладать подобною мне!» И она взяла лежавший рядом с нею витой бич и стала бить меня им по спине и по сиденью, пока я не потерял сознание от множества ударов; а она сказала невольницам: «Возьмите его и отведите к правителю города: пусть отрежут ему руку, которую он не вымыл, поев миндаля!» И услышав эти слова, я воскликнул: «Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха! Мою руку отрежут за то, что я ел миндаль и не вымыл ее!» И невольницы подошли к ней и сказали: «О сестрица, не взыщи с него на этот раз за его проступок!» Но она воскликнула: «Клянусь Аллахом, я непременно отрежу что-нибудь у него на теле!» И она ушла и исчезла на десять дней, так что я ее не видел, а через десять дней она пришла и сказала мне: «О черноликий, я научу тебя, как есть миндаль и не мыть рук!»

И она кликнула невольниц, и они связали мне руки, а девушка взяла острую бритву и отрезала мне большие пальцы,— как вы видите, господа,— и я потерял сознание. А затем она посыпала раны порошком, и кровь остановилась, и я стал говорить: «Не буду больше есть миндаля, пока не вымою рук сорок раз мылом, сорок раз содой и сорок раз щелоком!» И она взяла с меня обещание, что я не стану есть миндаля раньше, чем не вымою руки так, как я сказал. И когда вы принесли этот миндаль, цвет моего лица изменился, и я про себя подумал: «Из-за этого миндаля мне отрезали большие пальцы». А раз вы меня заставили, я и сказал: «Мне непременно надо исполнить то, в чем я поклялся».

«А что было с тобою после этого?» — спросили присутствующие. И юноша ответил: «Когда я поклялся ей, ее сердце успокоилось, и я проспал с нею. И мы прожили некоторое время, а потом она сказала мне: «Нехорошо, что мы живем во дворце халифа, куда никто не вступал, кроме тебя, да и ты вошел сюда только стараниями Ситт Зубейды». И она дала мне пятьдесят тысяч динаров и сказала: «Возьми эти деньги, пойди и купи нам просторный дом». И я вышел и купил просторный дом, красивый и вместительный, и она перенесла туда все бывшие у нее в доме ценности и скопленные ею богатства, ткани и редкости. Вот причина того, что мне отрезали большие пальцы.

И мы поели и ушли, а после этого с горбуном случилось то, что случилось, и вот мой рассказ, и больше ничего».

«Это не удивительнее, чем история горбуна; напротив, история горбуна удивительней этого, и всех вас необходимо повесить»,— сказал царь. И тогда выступил вперед еврей, поцеловал перед царем землю и молвил: «О царь времени, я расскажу тебе рассказ более удивительный, чем рассказ о горбуне».— «Подавай, что у тебя есть»,— сказал царь Китая. И еврей начал:

РАССКАЗ ВРАЧА-ЕВРЕЯ

«Вот самое удивительное, что случилось со мною в юности. Я был в Дамаске сирийском и учился там; и вот однажды я сижу, и вдруг приходит ко мне невольник из дворца правителя Дамаска и говорит: «Поговори с моим господином!» И я вышел и пошел с ним в жилище правителя, и, войдя, я увидел на возвышении под портиком можжевеловое ложе, украшенное золотыми полосками, и на нем лежал больной человек — юноша, невиданно прекрасный в его юности. И я сел у него в головах и помолился о его выздоровлении; и юноша сделал мне знак глазами, а я сказал ему: «О господин, дай мне твою руку, да сохранит тебя Аллах!» И он вынул свою левую руку, а я удивился этому и подумал: «О, диво Аллаха! Это красивый юноша из большого дома, и ему не хватает воспитанности! Вот это удивительно!» И я пощупал ему пульс, и написал для него бумажку, и заходил к нему в течение десяти дней; и он выздоровел, сходил в баню, и помылся, и вышел; и правитель наградил меня прекрасной наградой и назначил меня надзирателем у себя в больнице, что находится в Дамаске. И я пошел в баню вместе с юношей и велел освободить всю баню, и слуги вошли с ним и сняли с него одежды; и когда юноша обнажился, я увидел, что его правая рука недавно отрублена,— и в этом причина его болезни. И увидав это, я стал удивляться и опечалился за него; а посмотрев на его тело, я увидел на нем следы ударов плетьми,— юноша из-за этого употреблял мази. И это взволновало меня, и волнение проявилось на моем лице; и юноша взглянул на меня, и понял в чем дело, и сказал мне: «О лучший врач нашего времени, не удивляйся этому. Я расскажу тебе мою историю, когда мы выйдем из бани».

И когда мы вышли из бани, и пришли домой, и съели кушанья, и отдохнули, юноша сказал: «Не хочешь ли ты

развлечься на балконе?» И я отвечал: «Хорошо!» И тогда он велел рабам снести постели наверх и приказал им изжарить ягненка и принести нам плодов; и мы поели, и юноша ел левой рукой. «Расскажи мне твою историю»,— сказал я ему.

«О врач нашего времени,— заговорил юноша,— послушай, что случилось со мной. Знай, что я из уроженцев Мосула, и отец моего отца умер и оставил десять сыновей,— и мой отец, о врач, был один из них, и был он старшим. И все они выросли и поженились, и моему отцу достался я, а девять его братьев не имели детей; и я рос и жил среди своих дядей, и они радовались мне великою радостью. И когда я вырос и достиг возраста мужей, я был однажды в соборной мечети Мосула (а был день пятницы, и мой отец находился с нами), и мы совершили пятничную молитву; и весь народ вышел, а мой отец и дяди остались сидеть и беседовали о диковинах разных стран и чудесах городов. И упомянули Каир, и мои дяди сказали: «Путешественники говорят, что нет на земле города прекраснее, чем Каир с его Нилом». И когда я услышал эти слова, мне захотелось в Каир. «Кто не видал Каира — не видал мира,— сказал мой отец.— Его земля — золото, и его Нил — диво; женщины его — гурии, и дома в нем — дворцы, а воздух там ровный, и благоухание его превосходит и смущает алоэ. Да и как не быть таким Каиру, когда Каир — это весь мир. А если бы вы видели его сады по вечерам, когда склоняется над ними тень,— продолжал мой отец,— вы поистине увидали бы чудо и склонились бы к нему в восторге».

И они принялись описывать Каир и его Нил,— говорил юноша,— когда они кончили и я услышал о таких достоинствах Каира, мое сердце осталось там. И окончив беседу, все поднялись и отправились в свои жилища, и я лег спать в этот вечер, но сон не шел ко мне из-за моего увлечения Каиром, и мне перестали быть приятны пища и питье. И когда прошло немного дней, мои дяди собрались в Египет, а я плакал перед моим отцом, пока он не собрал мне товаров, и я поехал с дядями, и отец сказал им: «Не давайте ему вступить в Каир; пусть он продает свои товары в Дамаске!»

Потом я простился с отцом, и мы отправились и выехали из Мосула, и ехали до тех пор, пока не прибыли в Халеб, и, пробыв там несколько дней, мы выехали и достигли Дамаска и увидели, что это город с каналами, деревьями, плодами и птицами, подобный райскому саду, где есть всякие плоды. И мы остановились в одном из ханов, и мои

дяди стали продавать и покупать и продали также и мои товары, и каждый дирхем принес мне пять дирхемов, и я обрадовался прибыли. И мои дяди оставили меня и отправились в Египет, а я остался после них в Дамаске и жил в красиво построенном доме, описать который бессилен язык, и плата за него была два динара в месяц. И я проводил время за едой и питьем, пока не истратил бывшие со мной деньги. И вот в какой-то из дней я сижу у ворот дома, и вдруг подходит молодая женщина, одетая в роскошнейшее платье, прекраснее которой не видел мой глаз. И я подмигнул ей, и она немедленно оказалась за воротами; и когда она вошла, я вошел с нею и закрыл за ней и за собой дверь, и она откинула с лица покрывало и сняла изар, и я нашел редкостной ее красоту, и любовь к ней овладела моим сердцем. И я встал и принес столик с лучшими кушаньями и плодами и всем, что было нужно для трапезы; и когда я принес это, мы поели и поиграли, а после игр выпили и опьянели, и потом я проспал с нею приятнейшую ночь до утра. И дал я ей десять динаров, но ее лицо омрачилось, и она сдвинула брови, и рассердилась, и воскликнула: «Тьфу вам, мосульцы! Ты как будто думаешь, что я хочу твоих денег!» И она вынула из-за рубахи пятнадцать динаров, и поклялась мне, и воскликнула: «Клянусь Аллахом, если ты не возьмешь их, я к тебе не вернусь!» И я принял от нее деньги, а она сказала: «О любимый, ожидай меня через три дня: между заходом солнца и вечерней молитвой я буду у тебя; приготовь же на эти динары такое же угощение». И она простилась со мною, и мой ум исчез вместе с нею, а когда три дня прошли, она явилась, одетая в парчу, драгоценности и одежды более великолепные, чем в первый раз. А я приготовил для нас трапезу раньше, чем она пришла, и мы поели и выпили и проспали, как обычно, до утра, и она дала мне пятнадцать динаров и сговорилась со мною, что через три дня придет ко мне.

И я приготовил ей трапезу, и спустя несколько дней она явилась в платье еще более великолепном, чем первое и второе, и спросила: «О господин мой, не красива ли я?» — «Да, клянусь Аллахом!» — ответил я. И она сказала: «Не позволишь ли ты мне привести с собою девушку лучше меня и моложе, чем я, годами, чтобы она поиграла с нами и посмеялась и развеселилось бы ее сердце. Она давно уже скучает и просилась выйти со мною и провести со мной ночь». И, услышав ее слова, я сказал: «Да, клянусь Аллахом!» И потом мы напились и проспали до утра, и она вынула пятнадцать динаров и сказала: «Прибавь к нашей

трапезе что-нибудь для девушки, которая придет со мной»,— и затем она ушла. А когда наступил четвертый день, я собрал для нее, как обычно, трапезу, и после заката она вдруг явилась, и с нею какая-то женщина, завернутая в изар. Они вошли и сели, и я обрадовался, и зажег свечи, и встретил их, радостный и счастливый; а они скинули бывшие на них одежды, и новая девушка открыла свое лицо, и я увидел, что она подобна полной луне, и прекраснее ее я не видывал. И поднявшись, я подал им еду и питье, и мы поели и выпили, и я принялся кормить новую девушку и наполнять ее кубок и пить с нею; и первая девушка втайне приревновала и воскликнула: «Клянусь Аллахом, не прекрасней ли эта девушка, чем я?» — «Да, клянусь Аллахом!» — отвечал я. И она сказала: «Мне хочется, чтобы ты проспал с нею».— «Твой приказ у меня на голове и на глазах!» — отвечал я. И она встала и постлала нам, и я пошел к девушке и проспал до утра. И я пошевелился и почувствовал, что я весь мокрый, и подумал, что вспотел, и стал будить девушку и потряс ее за плечи,— и голова ее скатилась с подушки. И ум мой улетел, и я воскликнул: «О благой покровитель, покрой меня!» И, увидев, что она зарезана, я сел (а мир сделался черен в моих глазах) и стал искать свою прежнюю подругу, но не нашел ее и понял, что это она зарезала девушку из ревности ко мне.

«Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого! Как мне поступить?» — воскликнул я; и подумав немного, я встал, снял с себя одежду и, выкопав посреди комнаты яму, взял девушку вместе с ее драгоценностями, и положил в яму, и снова прикрыл ее землей и мраморными плитами. Потом я вымылся, надел чистую одежду, и, взяв остаток своих денег, вышел из дома, и запер его, и пошел к владельцу дома, и, укрепив свою душу, отдал ему плату за год и сказал: «Я уезжаю к моим дядям в Каир».

И я поехал в Каир и встретился с моими дядями, и они обрадовались мне, и оказалось, что они уже продали все свои товары. «Почему ты приехал?» — спросили они. И я ответил: «Я соскучился по вас»,— и не сказал им, что со мной есть немного денег. И я пробыл с ними год, любуясь на Каир и его Нил, и, наложив руку на оставшиеся у меня деньги, стал тратить их и пить и есть, пока не приблизилось время отъезда моих дядей. И тогда я убежал и спрятался от них, и они искали меня, но не услышали обо мне вестей и сказали: «Он, должно быть, вернулся в Дамаск»,— и уехали. А я вышел и жил в Каире три года, пока у меня ничего не осталось из моих денег. А я каждый год посылал

хозяину дома плату за него, и через три года моя грудь стеснилась (а у меня оставалась только годовая плата за дом), и тогда я поехал, и прибыл в Дамаск, и остановился в этом доме.

И хозяин его обрадовался мне; и я нашел все комнаты запертыми, как и было, и открыл их и вынес вещи, находившиеся там, и нашел их под постелью, на которой я спал в ту ночь с зарезанной девушкой, золотое ожерелье, украшенное драгоценными камнями. Я взял его, и вытер с него кровь убитой девушки, и посмотрел на него, и немного поплакал, а после этого я прожил два дня и на третий день пошел в баню и переменил одежду. И у меня совсем не было денег. И однажды я пошел на рынок, и дьявол нашептал мне — в осуществление предопределенного,— и, взяв ожерелье, я отправился на рынок и отдал его посреднику. И он поднялся, и посадил меня рядом с хозяином моего дома, и, обождав, пока рынок оживился, взял ожерелье и стал предлагать его украдкой, без моего ведома. И вдруг оказалось, что ожерелье ценное — принесло две тысячи динаров. И тогда посредник пришел и сказал: «Это ожерелье — медная подделка, изделье франков, и цена за него дошла до тысячи дирхемов». А я отвечал ему: «Да, мы выковали его для одной женщины, чтобы посмеяться над нею. Моя жена получила его в наследство и мы хотим его продать. Пойди получи тысячу дирхемов».

И посредник, услышав это, понял, что дело с ожерельем сомнительное, и пошел к старосте рынка и отдал его ему, а староста отправился к вали и сказал: «Это ожерелье у меня украли, и мы нашли вора, который одет в одежду детей купцов».

И не успел я очнуться, как меня окружили стражники, и забрали, и отвели к вали; и вали спросил меня об этом ожерелье, и я сказал ему то же, что сказал посреднику, и вали засмеялся и воскликнул: «Во всем этом ни слова правды!»

И не успел я опомниться, как меня уже обнажили и стали бить плетьми по бокам, и удары жгли меня, и я сказал: «Я украл его!» — думая про себя: «Лучше тебе сказать, что украл его. Я не скажу, что обладательницу ожерелья у меня убили,— меня убьют за нее».

И записали, что я украл ожерелье, и мне отрубили руку и прижгли обрубок в масле, и я лишился чувств; но мне дали выпить вина, и я очнулся и, взяв свою руку, пошел домой. И хозяин сказал мне: «Раз с тобой случилось подобное дело, уйди из моего дома и присмотри для себя

другое место, так как ты обвинен в воровстве». А я отвечал ему: «О господин мой, потерпи дня два или три, пока я присмотрю себе помещение». «Хорошо»,— сказал он, и ушел, и оставил меня, а я остался сидеть, и плакал, и говорил: «Как я вернусь к родным с отрубленной рукой? Они не знают, что я невиновен! Может быть, Аллах совершит что-нибудь благое»,— и я горько заплакал.

И когда хозяин дома ушел от меня, мною овладело великое горе, и я прохворал два дня, а на третий день не успел я очнуться, как явился хозяин дома и с ним несколько стражников и староста рынка, и он утверждал, что я украл ожерелье. И я вышел к ним и спросил их: «Что случилось?» А они, не дав мне сроку, связали меня, и накинули мне на шею цепь, и сказали: «Ожерелье, которое было у тебя, отнесли правителю Дамаска, везирю и судье, и они сказали, что это ожерелье пропало у правителя три года назад вместе с его дочерью».

И когда я услышал от них эти слова, у меня упало сердце и я воскликнул: «Погибла твоя душа, нет сомнения! Клянусь Аллахом, я непременно расскажу правителю мою историю, и если захочет, он меня убьет, а если захочет — простит меня».

И когда мы пришли к правителю, он велел мне встать перед собою, и, увидев меня, посмотрел на меня краем глаза, и сказал присутствующим: «Почему вы отрубили ему руку? Это несчастный человек, и нет за ним вины: вы обидели его, отрубив ему руку». И когда я услышал эти слова, мое сердце окрепло и душа моя успокоилась, и я вокликнул: «Клянусь Аллахом, о господин мой, я совсем не вор! Меня обвинили этим великим обвинением, и побили плетьми посреди рынка, и принуждали меня сознаться,— и я солгал на себя и признался в краже, хотя и не виновен в ней». И правитель сказал: «Нет за тобой вины!» — а затем он заключил под стражу старосту рынка и сказал ему: «Отдай этому цену его руки, иначе я тебя повешу и возьму все твои деньги!» И он кликнул стражников, и они взяли старосту и уволокли его, а я остался с правителем. Потом сняли с моей шеи цепь с разрешения правителя и развязали мои руки, и правитель посмотрел на меня и сказал: «О дитя мое, будь правдив со мной и расскажи мне, как к тебе попало это ожерелье?»

«О господин мой, я скажу тебе правду»,— ответил я и рассказал ему, что случилось у меня с первой девушкой и как она привела ко мне вторую и зарезала ее из ревности,

и изложил эту историю целиком. И, услышав это, правитель покачал головой, и ударил правой рукой о левую, и, положив на лицо платок, поплакал немного. И после этого он подошел ко мне и сказал: «Знай, о дитя мое, что старшая девушка — моя дочь, и я охранял ее с великой заботой,— а когда она стала взрослой, я послал ее в Каир, и она вышла замуж за сына своего дяди; но он умер, и она приехала ко мне. И она научилась мерзостям у жителей Каира и приходила к тебе четыре раза, и потом она привела к тебе свою меньшую сестру,— а обе они родились от одной матери и любили друг друга. И когда со старшей случилось то, что случилось, она открыла свою тайну сестре, и та попросилась пойти с нею. А затем старшая вернулась одна, и я спросил про меньшую и увидел, что старшая плачет о ней; и она тайно сказала своей матери (а я был тут же), что случилось и как она зарезала свою сестру. И она все плакала и говорила: «Клянусь Аллахом, я не перестану плакать о ней, пока не умру!» И так и было. Посмотри же, дитя мое, что произошло! Я хочу, чтобы ты не перечил мне в том, что я тебе скажу: «Я женю тебя на моей меньшей дочке, она не родная сестра тем двум, и она невинна; и я не потребую от тебя приданого и назначу вам от себя содержание, и ты будешь у меня на положении сына».

«Хорошо,— сказал я,— могли ли мы думать!» И правитель тотчас же послал за судьей и свидетелями и написал мою брачную запись, и я вошел к его дочери, а он взял для меня у старосты рынка много денег, и я оказался у него на высочайшем месте. В этом году умер мой отец, и правитель послал от себя гонца, и тот привез мне деньги, которые отец оставил,— и теперь я живу приятнейшей жизнью. Вот причина отсечения правой руки».

И я удивился этому и провел у юноши три дня, и он дал мне много денег, и я уехал от него и прибыл в этот ваш город, и жизнь моя была хороша, и у меня с горбуном случилось то, что случилось».

«Это не более удивительно, чем история горбуна,— сказал царь Китая,— и мне непременно следует вас всех повесить, но остался еще портной, начало всех грехов. Эй, портной,— сказал он,— если ты мне расскажешь что-нибудь более удивительное, чем история горбуна, я подарю вам ваши проступки».

И тогда портной выступил вперед и сказал:

РАССКАЗ ПОРТНОГО

«Знай, о царь нашего времени,— вот самое удивительное, что со мной вчера случилось и произошло. Прежде чем встретить горбатого, я был в начале дня на пиру у одного из моих друзей, у которого собралось около двадцати человек из жителей этого города, и среди нас были ремесленники: портные, плотники, ткачи и другие. И когда взошло солнце, нам подали кушанье, чтоб мы поели; и вдруг хозяин дома вошел к нам, и с ним юноша-чужеземец, красавец из жителей Багдада, одетый в какие ни на есть хорошие одежды и прекрасный, но только он был хромой. И он вошел к нам и приветствовал нас, а мы поднялись перед ним, и он подошел, чтобы сесть, но увидел среди нас одного человека, цирюльника, и отказался сесть и хотел уйти от нас. Но мы схватили этого юношу, и хозяин дома вцепился в него, и стал заклинать его, и спросил: «Почему ты вошел и уходишь?» И юноша отвечал: «Ради Аллаха, господин мой, не противься мне ни в чем! Причина моего ухода в этом злосчастном цирюльнике, что сидит здесь». И, услышав эти слова, хозяин дома пришел в крайнее удивление и сказал: «Как! Этот юноша из Багдада, и его сердце расстроилось из-за этого цирюльника!» А мы посмотрели на юношу и сказали ему: «Расскажи нам, в чем причина твоего гнева на этого цирюльника?»

«О собрание,— сказал тогда юноша,— у меня с этим цирюльником в моем городе Багдаде произошло такое дело: это из-за него я сломал себе ногу и охромел, и я дал клятву, что больше никогда не буду находиться с ним в одном и том же месте или жить в городе, где он обитает,— и уехал из Багдада, и покинул его, и поселился в этом городе; и сегодняшнюю ночь я проведу не иначе как в путешествии».

«Заклинаем тебя Аллахом,— сказали мы ему,— расскажи нам твою историю!»

И юноша начал (а лицо цирюльника пожелтело): «О люди, знайте, что отец мой был одним из больших купцов Багдада, и Аллах великий не послал ему детей, кроме меня. И когда я вырос и достиг возраста мужей, мой отец преставился к милости великого Аллаха и оставил мне деньги, и слуг, и челядь, и я стал хорошо одеваться и хорошо есть. Но Аллах внушил мне ненависть к женщинам. И в какой-то из дней я шел по переулкам Багдада, и мне встретилась на дороге толпа женщин, и я убежал, и спрятался в тупике, и присел в конце его на скамейку. И не просидел я минуты, как вдруг окно дома, стоявшего там,

где я был, открылось, и в нем показалась девушка, подобная луне в полнолуние, равной которой по красоте я не видел, и она поливала цветы, бывшие на окне. И девушка повернулась направо и налево, и закрыла окно, и ушла, и ненависть превратилась в любовь, и я просидел все время до заката солнца, исчезнув из мира. И вдруг едет кади нашего города, и впереди него рабы, а сзади слуги; и он сошел и вошел в дом, откуда показалась девушка,— и я понял, что это ее отец. Потом я отправился в свое жилище огорченный и упал, озабоченный, на постель; и ко мне вошли мои невольницы и сели вокруг меня, не зная, что со мной, а я не обратил к ним речи, и они заплакали и опечалились обо мне.

И ко мне вошла одна старуха и увидела меня, и от нее не укрылось мое состояние. Она села у моего изголовья, и ласково заговорила со мной, и сказала: «О дитя мое, скажи мне, что с тобой случилось, и я сделаю все для того, чтобы свести тебя с возлюбленной». И когда я рассказал ей свою историю, она сказала: «О дитя мое, это дочь кади Багдада, и она сидит взаперти; то место, где ты ее видел,— ее комната, а у ее отца большое помещение внизу; и она сидит одна. Я часто к ним захожу, и ты познаешь единение с нею только через меня,— подтянись же!»

И, услышав ее речь, я укрепил свою душу, и мои родные обрадовались в этот день, и наутро я был уже здоров. И старуха отправилась, и вернулась с изменившимся лицом, и сказала: «О дитя мое, не спрашивай, что мне было от нее! Когда я сказала ей об этом, она ответила мне: «Если ты, злосчастная старуха, не бросишь таких речей, я, поистине, сделаю с тобою то, что ты заслуживаешь! Но я непременно вернусь к ней в другой раз». И когда я услышал это, моя болезнь еще усилилась.

А через несколько дней старуха пришла и сказала: «О дитя мое, я хочу от тебя подарка!» И когда я услышал от нее это, душа вернулась ко мне, и я воскликнул: «Тебе будет всякое благо!» А она мне сказала: «Вчера я пришла к девушке, и, увидев, что у меня разбито сердце и глаза мои плачут, она сказала мне: «Тетушка, что это у тебя, я вижу, стеснена грудь?» И когда она сказала мне это, я заплакала и ответила: «О госпожа, я пришла к тебе от юноши, который тебя любит, и он из-за тебя близок к смерти». И она спросила (а сердце ее смягчилось): «Откуда этот юноша, о котором ты упомянула?» И я ответила: «Это мой сын, плод моего сердца; он увидел тебя в окне несколько дней назад, когда ты поливала цветы, и, взглянув в твое лицо,

обезумел от любви к тебе; и когда я сказала ему в первый раз, что случилось у меня с тобою, его болезнь усилилась, и он не покидает подушек. Он не иначе как умрет, несомненно». И она воскликнула (а лицо ее пожелтело): «И все из-за меня?» И я отвечала: «Да, клянусь Аллахом! Чего же ты хочешь?» — «Пойди передай ему от меня привет и скажи, что со мной происходит во много раз больше того, что с ним,— сказала она.— Как будет пятница, пусть он придет к дому перед молитвой, и когда он придет, я спущусь, открою ему ворота и проведу его к себе, и мы немного побудем вместе с ним; и он вернется раньше, чем мой отец придет с молитвы».

И когда я услышал слова старухи, мучения, которые я испытывал, прекратились и мое сердце успокоилось. Я дал ей одежды, которые были на мне, и она ушла, сказавши: «Успокой свое сердце»; а я молвил: «Во мне не осталось никакого страдания». И мои родные и друзья обрадовались моему выздоровлению.

И так продолжалось до пятницы. И вот старуха вошла ко мне и спросила о моем состоянии, и я сообщил ей, что нахожусь в добром здоровье, а затем я надел свои одежды, и умастился, и стал ожидать, когда люди пойдут на молитву, чтобы отправиться к девушке. И старуха сказала мне: «Время у тебя еще есть, и если бы ты пошел в баню и снял свои волосы, в особенности после сильной болезни, это было бы хорошо». И я ответил ей: «Это правильно, но я обрею голову, а после схожу в баню».

И потом я послал за цирюльником, чтобы обрить себе голову, и сказал слуге: «Пойди на рынок и приведи мне цирюльника, который был бы разумен и не болтлив, чтобы у меня не треснула голова от его разговоров». И слуга пошел и привел этого зловредного старца. И, войдя, он приветствовал меня, и я ответил на его приветствие, и он сказал мне: «Я вижу, ты отощал телом»; а я отвечал: «Я был болен». И тогда он воскликнул: «Да удалит от тебя Аллах заботу, горе, беду и печали!» — «Да примет Аллах твою молитву!» — сказал я; и цирюльник воскликнул: «Радуйся, господин мой, здоровье пришло к тебе! Ты хочешь укоротить волосы или пустить кровь? Дошло со слов ибн Аббаса,— да будет доволен им Аллах! — что пророк говорил: «Кто подрежет волосок в пятницу, от того будет отвращено семьдесят болезней»; и с его же слов передают, что он говорил: «Кто в пятницу поставит себе пиявки, тот в безопасности от потери зрения и множества болезней».

«Оставь эти разговоры, встань сейчас же, обрей мне

голову, я человек слабый!» — сказал я; и цирюльник встал и, протянув руку, вынул платок и развернул его,— и вдруг в нем оказалась астролябия с семью дисками, выложенными серебром. И цирюльник взял ее и, выйдя на середину дома, поднял голову к лучам солнца и некоторое время смотрел, а потом сказал: «Знай, что от начала сегодняшнего дня, то есть дня пятницы — пятницы десятого сафара, года шестьсот шестьдесят третьего от переселения пророка (наилучшие молитвы и привет над ним!) и семь тысяч триста двадцатого от времени Александра,— прошло восемь градусов и шесть минут, а в восхождении в сегодняшний день, согласно правилам науки счисления, Марс, и случилось так, что ему противостоит Меркурий, а это указывает на то, что брить сейчас волосы хорошо, и служит мне указанием, что ты желаешь встретиться с одним человеком, и это будет благоприятно, но после случатся разговоры и вещи, о которых я тебе не скажу». — «Клянусь Аллахом,— воскликнул я,— ты надоел мне и сделал мне нехорошее предсказание, а я призвал тебя лишь за тем, чтобы побрить мне голову! Пошевеливайся же, выбрей мне голову и не затягивай со мной разговоров!» — «Клянусь Аллахом,— отвечал цирюльник,— если бы ты знал, что с тобой случится, ты бы ничего сегодня не делал. Советую тебе поступать так, как я тебе скажу, ибо я говорю на основании расчета по звездам».

И я сказал: «Клянусь Аллахом, я не видел цирюльника, умелого в науке о звездах, кроме тебя, но я знаю и ведаю, что ты говоришь много пустяков. Я позвал тебя лишь для того, чтобы привести в порядок мою голову, а ты пришел ко мне с этими скверными речами».— «Хочешь ли ты, чтобы я прибавил тебе еще? — спросил цирюльник.— Аллах послал тебе цирюльника-звездочета, сведущего в белой магии, в грамматике, синтаксисе, риторике, красноречии, логике, астрономии, геометрии, правоведении, преданиях и толкованиях Корана, и я читал книги и вытвердил их, принимался за дела и постигал их, выучил науки и познал их, изучил ремесла и усвоил их и занимался всеми вещами и брался за них. Твой отец любил меня за мою малую болтливость, и поэтому служить тебе моя обязанность; но я не болтлив, и не такой, как ты говоришь, и зовусь поэтому молчаливым, степенным. Тебе бы следовало восхвалить Аллаха и не прекословить мне,— я тебе искренний советчик, благосклонный к тебе, и я хотел бы быть у тебя в услужении целый год и чтобы ты воздал мне должное, и я не желаю от тебя платы за это».

И, услышав это от него, я воскликнул: «Ты убьешь меня в сегодняшний день!» И цирюльник ответил: «О господин мой, я тот, кого люди называют Молчальником за малую болтливость в отличие от моих шести братьев, ибо моего старшего брата зовут аль-Бакбук, второго — аль-Хаддар, третьего Бакик, имя четвертого — аль-Куз аль-Асвани, пятого — аль-Фашшар и шестого — Шакашик, а седьмого зовут ас-Самит, и это я».

И когда цирюльник продлил свои речи,— говорил юноша,— я почувствовал, что у меня лопается желчный пузырь, и сказал слуге: «Дай ему четверть динара, и пусть он уйдет от меня, ради лика Аллаха! Не нужно мне брить голову!» Но цирюльник, услышав, что я сказал слуге, воскликнул: «Что это за слова, о господин! Клянусь Аллахом, я не возьму от тебя платы, пока не услужу тебе, и служить тебе я непременно должен! Я обязан тебе прислуживать и исполнять то, что тебе нужно, и я не подумаю взять с тебя деньги. Если ты не знаешь мне цены, то я знаю тебе цену, и твой отец, да помилует его Аллах великий, оказал нам милости, ибо он был великодушен. Клянусь Аллахом, твой отец послал за мной однажды, в день, подобный этому благословенному дню, и я вошел к нему (а у него было собрание друзей), и он сказал мне: «Отвори мне кровь!» И я взял астролябию, и определил ему высоту, и нашел, что положение звезд для него неблагоприятно и что пустить кровь при этом тяжело, и осведомил его об этом; и он последовал моим словам и подождал.

И твой отец пришел в восторг, кликнул слугу, и сказал ему: «Дай ему сто три динара и одежду!» — и отдал мне все это; а когда пришел похвальный час, я отворил ему кровь. И он не прекословил мне и поблагодарил меня, и собравшиеся, которые присутствовали, поблагодарили меня. И после кровопускания я не мог молчать и спросил его: «Ради Аллаха, господин мой, чем вызваны твои слова: «Дай ему сто три динара»? И он ответил: «Динар за звездочетство, динар за беседу и динар за кровопускание, а сто динаров и одежду — за твою похвалу мне».

«Да помилует Аллах моего отца, который знал подобного тебе!» — воскликнул я; и этот цирюльник рассмеялся и сказал: «Нет бога, кроме Аллаха, Мухаммед — посол Аллаха! Слава тому, кто изменяет, но сам не изменяется! Я считал тебя разумным, но ты заговариваешься от болезни. Сказал Аллах в своей великой книге: «Подавляющие гнев и прощающие людям»,— и ты во всяком случае

прощен. Я не ведаю причины твоей поспешности, и ты знаешь, что твой отец и дед ничего не делали без моего совета. Ведь сказано: советчик достоин доверия, и не обманывается тот, кто советуется; а одна поговорка говорит: у кого нет старшего, тот сам не старший. Ты не найдешь никого, более сведущего в делах, чем я, и я стою на ногах, прислуживая тебе, и ты мне не наскучил,— так как же это я наскучил тебе? Но я буду терпелив с тобою ради тех милостей, которые оказал мне твой отец».

«Клянусь Аллахом, о ослиный хвост, ты затянул свои разговоры и продолжил надо мной свою речь! Я хочу, чтобы ты обрил мне голову и ушел от меня!» — воскликнул я. И тогда цирюльник смочил мне голову и сказал: «Я понимаю, что тебя охватила из-за меня скука, но я не виню тебя, так как твой ум слаб и ты ребенок, и еще вчера я сажал тебя на плечо и носил в школу».— «О брат мой, заклинаю тебя Аллахом, потерпи и помолчи, пока мое дело будет сделано, и иди своей дорогой!» — воскликнул я и разорвал на себе одежды. И, увидев, что я это сделал, цирюльник взял бритву и начал ее точить, и точил ее, пока мой ум едва не покинул меня, а потом он подошел и обрил часть моей головы, после чего поднял руку и сказал: «О господин, поспешность — от дьявола, а медлительность — от милосердия! О господин мой,— сказал он еще,— я не думаю, чтобы ты знал мое высокое положение: моя рука упадет на головы царей, эмиров, везирей, мудрецов и достойных, ибо про меня сказал поэт:

Венец достойных этот брадобрей,
Его дела подобны ожерелью,

Он мудрости стал прочной цитаделью,
В его деснице головы царей».

И я воскликнул: «Оставь то, что тебя не касается, ты стеснил мою грудь и обеспокоил мое сердце!» А цирюльник спросил: «Мне кажется, ты торопишься?» — «Да, да, да!» — крикнул я; и тогда он сказал: «Дай себе время: поспешность — от сатаны, и она порождает раскаяние и разочарование. Сказал кто-то,— приветствие и молитва над ним! — лучшее из дел то, в котором проявлена медлительность! А мне, клянусь Аллахом, твое дело внушает сомнение. Я желал бы, чтобы ты мне сообщил, на что ты вознамерился: я боюсь, что случится нечто другое. Ведь до времени молитвы осталось три часа. Я не хочу быть в сомнении насчет этого,— добавил он,— но желаю знать вре-

мя наверное, ибо когда мечут слова в неведомое — это позор, в особенности для подобного мне, так как среди людей объявилась и распространилась слава о моих достоинствах, и мне не должно говорить наугад, как говорят обычно звездочеты».

И он бросил бритву и, взяв астролябию, пошел под солнце и долгое время стоял, а потом возвратился и сказал мне: «До времени молитвы осталось три часа — ни больше ни меньше».— «Ради Аллаха, замолчи,— воскликнул я,— ты пронзил мою печень!» И цирюльник взял бритву и стал точить ее, как и в первый раз, и обрил мне часть головы, и сказал: «Я озабочен твоей поспешностью, и если бы ты сообщил мне о ее причине, это было бы лучше для тебя: ты ведь знаешь, что твой отец и дед ничего не делали, не посоветовавшись со мною». И я понял, что мне от него нет спасения, и сказал себе: «Пришло время молитвы, а я хочу пойти к девушке раньше, чем народ выйдет с молитвы. Если задержусь на минуту — не знаю, каким путем войти к ней!»

«Сократись и оставь эти разговоры и болтовню,— сказал я,— я хочу пойти на пир к одному из моих друзей». И цирюльник, услышав упоминание о пире, воскликнул: «Этот день — день благословенный для меня! Вчера я пригласил несколько моих приятелей и забыл позаботиться и приготовить им что-нибудь поесть, а сейчас я подумал об этом. О, позор мне перед ними!» — «Не заботься об этом деле, раз ты узнал, что я сегодня на пиру,— сказал я.— Все, что есть в моем доме из кушаний и напитков, будет тебе, если ты закончишь мое дело и поспешишь обрить мне голову».— «Да воздаст тебе Аллах благом! Опиши мне, что у тебя есть для моих гостей, чтобы я знал это»,— сказал цирюльник; и я ответил: «У меня пять родов кушанья, десять подрумяненных кур и жареный ягненок».— «Принеси зто, чтобы мне посмотреть!» — воскликнул цирюльник; и я велел принести все это. И, увидев кушанья, он сказал мне: «Остаются напитки!» — «У меня есть»,— отвечал я; и цирюльник воскликнул: «Принеси их!» И я принес их, и он сказал: «Ты достоин Аллаха! Как благородна твоя душа! Но остаются еще курения и благовония». И я дал ему сверток, где был недд, алоэ и мускус, стоящие пятьдесят динаров.

А времени стало мало, и моя грудь стеснилась, и я сказал ему: «Возьми это и обрей мне всю голову, и заклинаю тебя жизнью Мухаммеда,— да благословит его Аллах и да приветствует!» Но цирюльник воскликнул: «Клянусь Ал-

лахом, я не возьму этого, пока не увижу всего, что там есть!» И я приказал слуге развернуть сверток, и цирюльник выронил из рук астролябию и, сев на землю, стал рассматривать благовония, курения и алоэ, бывшие в свертке, пока у меня не стеснилась грудь. А потом он подошел, взял бритву и, обрив небольшую часть моей головы, произнес: «Клянусь Аллахом, о дитя мое, не знаю, благодарить ли тебя или благодарить твоего отца, так как весь сегодняшний пир — это часть твоей милости и благодеяния. Но у меня нет никого, кто бы этого заслуживал,— у меня почтенные господа вроде Зенгута — баневладельца, Салия — зерноторговца, Салита — торговца бобами, Суайда — верблюжатника, Сувейда — носильщика, Абу Мукариша — банщика, Касима — сторожа и Карима — конюха, Икриши — зеленщика, Хумейда — мусорщика; и среди них нет человека надоедливого, буйного, болтливого или тягостного, и у каждого из них есть пляска, которую он пляшет, и стихи, которые он говорит. Но лучше в них то, что они, как твой слуга и невольник, не знают многоречивости и болтливости. Владелец бани — тот поет под бубен нечто волшебное и пляшет и распевает: «Я пойду, о матушка, наполню мой кувшин!» Зерноторговец показывает уменье еще лучше — и пляшет и поет: «О плакальщица, владычица моя, ты ничего не упустила!» — и у всех отнимает душу — так над ним смеются. А мусорщик так поет, что останавливает птиц: «Новость у моей жены — точно в большом сундуке», и он красавец и весельчак. И каждый из них в совершенстве развлекает ум веселым и смешным. Но рассказ — не то, что лицезрение,— добавил он,— и если ты предпочтешь явиться к нам, это будет любезнее и нам и тебе. Откажись от того, чтобы идти к твоим друзьям, к которым ты собрался; на тебе еще следы болезни, и может быть, ты пойдешь к людям болтливым, которые говорят о том, что их не касается, или среди них окажется болтун, и у тебя заболит голова».— «Это будет когда-нибудь в другой день,— ответил я и засмеялся от гневного сердца.— Сделай мое дело, и я пойду, хранимый Аллахом всевышним, а ты отправляйся к своим друзьям: они ожидают твоего прихода».

«О господин,— сказал цирюльник,— я хочу только свести тебя с этими прекрасными людьми, сынами родовитых, в числе которых нет болтунов и многоречивых. С тех пор как я вырос, я совершенно не могу дружить с теми, кто, как я, немногословен. Если бы ты сдружился с ними и хоть один раз увидал их, ты бы оставил всех своих друзей».—

«Да завершит Аллах благодаря им твою радость! Я непременно приду к ним в какой-нибудь день»,— сказал я. И цирюльник воскликнул: «Я хотел бы, чтобы это было в сегодняшний день! Если ты решил отправиться со мною к моим друзьям, дай мне снести к ним то, что ты мне пожаловал, а если ты непременно должен идти сегодня к твоим приятелям, я отнесу эти щедроты, которыми ты меня почтил, и оставлю их у моих друзей,— пусть едят и пьют и не ждут меня,— а затем я вернусь к тебе и пойду с тобою к твоим друзьям. Между мной и моими приятелями нет стеснения, которое помешало бы мне их оставить; я быстро вернусь к тебе и пойду с тобою, куда бы ты ни отправился».— «Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого! — воскликнул я.— Иди к твоим друзьям и веселись с ними и дай мне пойти к моим приятелям и побыть у них сегодня: они меня ждут».— «Я не дам тебе пойти одному»,— отвечал цирюльнпк. И я сказал: «Туда, куда я иду, никто не может пойти, кроме меня». Но цирюльник воскликнул: «Я думаю, ты условился с какой-нибудь женщиной, иначе ты бы взял меня с собою. Я имею на это больше права, чем все люди, и я помогу тебе в том, чего ты хочешь; я боюсь, что ты пойдешь к чужой женщине и твоя душа пропадет. В этом городе, Багдаде, никто ничего такого не может делать, в особенности в такой день, как сегодня, и наш вали в Багдаде — человек строгий, почтенный».— «Горе тебе, скверный старик, убирайся! С какими словами ты ко мне обращаешься!» — воскликнул я. И цирюльник сказал: «О глупец, ты думаешь: «Как ему не стыдно!» — и таишься от меня, но я это понял и удостоверился в этом, и я хочу только помочь тебе сегодня сам».

И я испугался, что мои родные и соседи услышат слова цирюльника, и долго молчал. А нас настиг час молитвы, и пришло время проповеди; и цирюльник кончил брить мне голову, и я сказал ему: «Пойди к твоим друзьям с этими кушаньями и напитками; я подожду, пока ты вернешься, и ты пойдешь со мною».

И я не переставал подмазывать этого проклятого и обманывать его, надеясь, что он, может быть, уйдет от меня, но он сказал: «Ты меня обманываешь, и пойдешь один, и ввергнешься в беду, от которой тебе нет спасения. Аллахом заклинаю тебя, не уходи же, пока я не вернусь, и я пойду с тобой и узнаю, как исполнится твое дело».— «Хорошо, не заставляй меня ждать»,— сказал я; и этот проклятый взял кушанья, напитки и прочее, что я дал ему, и ушел от меня, и отдал припасы носильщику, чтобы тот отнес их в его дом,

а сам спрятался в каком-то переулке. А я тотчас же встал (а муэдзины уже пропели приветствие пророку), и надел свои одежды, и вышел один, и пришел в тот переулок, и встал возле дома, в котором я увидал девушку, и оказалось, что та старуха стоит и ждет меня. И я поднялся с нею в покой, где была девушка, и вошел туда, и вдруг вижу: владелец дома возвратился в свое жилище с молитвы, и вошел в дом, и запер ворота. И я взглянул из окна вниз и увидел, что этот цирюльник — проклятье Аллаха над ним! — сидит у ворот. «Откуда этот черт узнал про меня?» — подумал я; и в эту минуту, из-за того что Аллах хотел сорвать с меня покров своей защиты, случилось, что одна из невольниц хозяина дома совершила какое-то упущение, и он стал ее бить, и она закричала, и его раб вошел, чтобы выручить ее, но хозяин побил его, и он тоже закричал. И проклятый цирюльник решил, что хозяин дома бьет меня, и закричал, и разорвал на себе одежду, и посыпал себе голову землей, и стал вопить и взывать о помощи. А люди стояли вокруг него, и он говорил: «Убили моего господина в доме кади!»

Потом он пошел, крича, к моему дому, а люди шли за ним следом и оповестили моих родных и слуг; и не успел я опомниться, как они уже подошли в разорванной одежде, распустив волосы и крича: «Увы, наш господин!» А этот цирюльник идет впереди них, в разорванной одежде, и кричит, а народ следует за ним. И мои родные все кричали, а он кричал среди шедших первыми, и они вопили: «Увы, убитый! Увы, убитый!» — и направлялись к тому дому, в котором был я.

И хозяин дома услышал шум и крик у ворот и сказал кому-то из слуг: «Посмотри, что случилось». И слуга вышел, и вернулся к своему господину, и сказал: «Господин, у ворот больше десяти тысяч человек, и мужчин и женщин, и они кричат: «Увы, убитый!» — и показывают на наш дом». И когда кади услышал это, дело показалось ему значительным, и он разгневался, и, поднявшись, вышел, и открыл ворота. И он увидел большую толпу, и оторопел, и спросил: «О люди, в чем дело?» И мои слуги закричали ему: «О проклятый, о собака, о кабан, ты убил нашего господина!» И кади спросил: «О люди, а что сделал ваш господин, чтобы мне убить его? Вот мой дом перед вами». И цирюльник сказал ему: «Ты сейчас бил его плетьми, и я слышал его вопли».— «Но что же он сделал, чтобы мне убить его, и кто его ввел в мой дом, и куда, и откуда?» — спросил кади. И цирюльник воскликнул: «Не будь сквер-

ным старцем! Я знаю эту историю и все обстоятельства. Твоя дочь любит его, и он любит ее, и когда ты узнал, что он вошел в твой дом, ты приказал твоим слугам, и они его побили. Клянусь Аллахом, или нас с тобою рассудит только халиф, или выведи к нам нашего господина, чтобы его родные взяли его раньше, чем я войду и выведу его от вас и ты будешь пристыжен».

И кади ответил (а он говорил словно взнузданный, и его окутал стыд перед людьми): «Если ты говоришь правду, входи сам и выведи его». И цирюльник одним прыжком вошел в дом; и увидев, что он вошел, я стал искать пути к выходу и бегству, но не нашел его раньше, чем увидел в той комнате, где я находился, большой сундук. И я влез туда, и закрыл над собой крышку, и задержал дыхание. А цирюльник вошел в комнату и, едва войдя туда, снова стал меня искать и принялся соображать, в каком я месте, и, повернувшись направо и налево, подошел к сундуку, где я был, и понес его на голове,— и все мое мужество исчезло. Цирюльник торопливо пошел; и поняв, что он не оставит меня, я открыл сундук, и выбросился на землю, и сломал себе ногу. И ворота распахнулись, и я увидел у ворот толпу.

А у меня в рукаве было много золота, которое я приготовил для дня, подобного этому, и для такого дела, как это,— и я стал сыпать это золото людям, чтобы они отвлеклись им. И люди стали хватать золото и занялись им, а я побежал по переулкам Багдада направо и налево, и этот проклятый цирюльник бежал за мной, и куда бы я ни входил, цирюльник входил за мною следом и говорил: «Они хотели огорчить меня, сделав зло моему господину! Слава Аллаху, который помог мне и освободил моего господина из их рук! Твоя неосмотрительность все время огорчала меня; если бы Аллах не послал меня тебе, ты бы не спасся от беды, в какую ты попал, и тебя бы ввергли в бедствие, от которого ты никогда бы не спасся. Сколько же ты хочешь, чтобы я для тебя жил и выручал тебя? Клянусь Аллахом, ты погубил меня своею неосмотрительностью, а ты еще хотел идти один! Но мы не взыщем с тебя за твою глупость, ибо ты малоумен и тороплив».— «Мало тебе того, что случилось,— ты еще бегаешь за мною и говоришь мне такие слова на рынках!» — воскликнул я, и душа едва не покинула меня из-за сильного гнева на цирюльника. И я вошел в хан, находившийся посреди рынка, и попросил защиты у хозяина, и он не пустил ко мне цирюльника. Я сел в одной из комнат и говорил себе: «Я уже не могу расстаться с этим

проклятым цирюльником, и он будет со мною днем и иочью, а у меия нет духу видеть его лицо!»

И я тотчас же послал за свидетелями и написал завещание своим родным, и разделил свои деньги, и иазначил за этим наблюдающего, и приказал ему продать дом и земли, и дал ему указания о больших и о малых родичах, и выехал, и с того времени я странствую, чтобы освободиться от этого сводника. Я приехал и поселился в вашем городе и прожил здесь некоторое время, и вы пригласили меня, и вот я пришел к вам и увидел у вас этого проклятого сводника на почетном месте. Как же может быть хорошо моему сердцу пребывать с вами, когда он сделал со мною такие дела и моя нога из-за него сломана?»

И после этого юиоша отказался есть; и услышав его историю, мы спросили цирюльника: «Правда ли то, что говорит про тебя этот юноша?» И он отвечал: «Клянусь Аллахом, я сделал это с ним вследствие моего знания, разума и мужества, и если бы ие я, он бы, иаверио, погиб. Причииа его спасения — только во мне, и хорошо еще, что пострадала его нога, но не пострадала его душа. Будь я миогоречив, я бы ие сделал ему добра, но вот я расскажу вам историю, случившуюся со мною, и вы поверите, что я мало говорю и нет во мие болтливости, в отличие от моих шести братьев».

РАССКАЗ ЦИРЮЛЬНИКА О САМОМ СЕБЕ

«Я был в Багдаде во времена аль-Мустаисира биллаха, сыиа аль-Мустади биллаха, и он, халиф, был в то время в Багдаде. А ои любил бедняков и нуждающихся и сиживал с учеиыми и праведииками. И однажды ему случилось разгневаться на десятерых преступников, и он велел правителю Багдада привести их к себе в деиь праздника (а это были воры, грабящие иа дорогах). И правитель города выехал, и схватил их, и сел с ними в лодку; и я увидел их и подумал: «Люди собрались не иначе как для пира, и они, я думаю, проводят день в этой лодке за едой и питьем. Никто ие разделит их трапезы, если не я!» И я подиялся, о собрание, по великому мужеству и степенности моего ума и, сойдя в лодку присоединился к ним, и оии переехали и высадились на другой стороне. И явились стражники и солдаты правителя с цепями, и накинули их на шеи воров,

и мне на шею тоже набросили цепь,— и не от мужества ли моего это случилось, о собрание, и моей малой разговорчивости, из-за которой я промолчал и не пожелал говорить? И нас взяли за цепи и поставили перед аль-Мустансиром биллахом, повелителем правоверных, и он велел снести головы десяти человекам. И палач подошел к нам, посадив нас сначала перед собою на ковре крови и обнажив меч, и начал сбивать голову одному за другим, пока не скинул голову десятерым, а я остался. И халиф посмотрел и спросил палача: «Почему ты снес голову девяти?» И палач воскликнул: «Аллах спаси! Чтобы ты велел сбить голову десяти, а я обезглавил бы девять!» Но халиф сказал: «Я думаю, ты снес голову только девяти, а вот этот, что перед тобой,— это десятый».— «Клянусь твоей милостью,— ответил палач,— их десять!»

И их пересчитали,— говорил цирюльник,— и вдруг их оказалось десять. И халиф посмотрел на меня и спросил: «Что побудило тебя молчать в подобное время? Как ты оказался с приговоренными и какова причина этого? Ты старец великий, но ума у тебя мало». И, услышав речи повелителя правоверных, я сказал ему: «Знай, о повелитель правоверных, что я — старец-молчальник и у меня мудрости много, а что до степенности моего ума, моего хорошего разумения и малой разговорчивости, то им нет предела; а по ремеслу я цирюльник. И вчерашний день, ранним утром, я увидел этих десятерых, которые направлялись к лодке, и смешался с ними, и сошел с ними в лодку, думая, что они устроили пир; и не прошло минуты, как появились стражники и наложили им на шею цепи, и мне на шею тоже наложили цепь, и от большого мужества я промолчал и не заговорил,— и это не что иное, как мужество. И нас повели и поставили перед тобой, и ты приказал сбить голову десяти; и я остался перед палачом, но не осведомил вас о себе,— и это не что иное, как великое мужество, из-за которого я хотел разделить с ними смерть. Но со мной всю жизнь так бывает: я делаю людям хорошее, а они платят мне самой ужасной отплатой».

И когда халиф услыхал мои слова и понял, что я очень мужествен и неразговорчив, а не болтлив, как утверждает этот юноша, которого я спас от ужасов,— он так рассмеялся, что упал навзничь, и потом сказал мне: «О Молчальник, а твои шесть братьев так же, как и ты, мудры, учены и не болтливы?» — «Пусть бы они не жили и не существовали, если они подобны мне! — отвечал я.— Ты обидел

меня, о повелитель правоверных, и не должно тебе сравнивать моих братьев со мною, так как из-за своей болтливости и малого мужества каждый из них стал калекой: один кривой, другой слепой, третий расслабленный, у четвертого отрезаны уши и ноздри, у пятого отрезаны губы, а шестой — горбун. Не думай, повелитель правоверных, что я болтлив; мне необходимо все изложить тебе, и у меня больше, чем у них всех, мужества. И с каждым из них случилась история, из-за которой он сделался калекой, и я расскажу их все тебе».

РАССКАЗ О ПЕРВОМ БРАТЕ ЦИРЮЛЬНИКА

«Знай, о повелитель правоверных, что первый из них (а это горбун) был по ремеслу портным в Багдаде, и он шил в лавке, которую нанял у одного богатого человека. А этот человек жил над лавкой, и внизу его дома была мельница. И однажды мой горбатый брат сидел в лавке и шил, и он поднял глову и увидал в окне дома женщину, подобную восходящей луне, которая смотрела на людей. И когда мой брат увидел ее, любовь к ней привязалась к его сердцу, и весь этот день он все смотрел на нее и прекратил шитье до вечерней поры. Когда же настал следующий день, он открыл лавку в утреннюю пору и сел шить, и, вдевая нитку в иголку, всякий раз смотрел в окно. И он опять увидел ту женщину, и его любовь к ней и увлечение ею увеличились. Когда же наступил третий день, он сел на свое место и смотрел на нее, и женщина увидела его и поняла, что он стал пленником любви к ней. Она засмеялась ему в лицо, и он засмеялся ей в лицо, а затем она скрылась от него и послала к нему свою невольницу и с нею узел с красной шелковой материей. И невольница пришла к нему и сказала: «Моя госпожа велит передать тебе привет и говорит: «Скрои нам рукою милости рубашку из этой материи и сшей ее хорошо!» И он отвечал: «Слушаю и повинуюсь!» Потом он скроил ей одежду и кончил шить ее в тот же день, а когда настал следующий день, невольница спозаранку пришла к нему и сказала: «Моя госпожа приветствует тебя и спрашивает, как ты провел вчерашнюю ночь? Она не вкусила сна, так ее сердце было занято тобою». И затем она положила перед ним кусок желтого атласа и сказала: «Моя госпожа говорит тебе, чтобы ты скроил ей из этого куска две пары шальвар и сшил их в сегодняшний день». И мой брат

отвечал: «Слушаю и повинуюсь! Передай ей много приветов и скажи ей: «Твой раб послушен твоему повелению, приказывай же ему что хочешь».

И он принялся кроить и старательно шил шальвары, а через некоторое время она показалась ему из окна и приветствовала его знаками, то закрывая глаза, то улыбаясь ему в лицо; и он подумал, что добьется ее. А потом она от него скрылась, и невольница пришла к нему, и он отдал ей обе пары шальвар, и она взяла их и ушла; и когда настала ночь, он кинулся на постель и провел ночь до утра ворочаясь. А утром он встал и сел на свое место, и невольница пришла к нему и сказала: «Мой господин зовет тебя». И услышав это, он почувствовал великий страх, а невольница, заметив, что он испуган, сказала: «С тобой не будет беды, а только одно добро! Моя госпожа сделала так, что ты познакомишься с моим господином». И этот человек очень обрадовался, и пошел с невольницей, и, войдя к ее господину, мужу госпожи, поцеловал перед ним землю, и тот ответил на его приветствие, и дал ему много тканей, и сказал: «Скрои мне и сшей из этого рубашки». И мой брат отвечал: «Слушаю и повинуюсь!» — и кроил до тех пор, пока не скроил до вечера двадцать рубашек; и он весь день не попробовал кушанья. И хозяин спросил его: «Какая будет за это плата?» А он отвечал: «Двадцать дирхемов». И тогда муж женщины крикнул невольнице: «Подай двадцать дирхемов!» И мой брат ничего не сказал. А женщина сделала ему знак, означавший: не бери от него ничего! И мой брат воскликнул: «Клянусь Аллахом, я ничего не возьму от тебя!» — и, взяв шитье, вышел вон. А мой брат нуждался в каждом фельсе, и он провел три дня, съедая и выпивая лишь немного,— так он старался шить эти рубашки. И невольница пришла и спросила: «Что ты сделал?» И он отвечал: «Готовы!» — и взял одежду, и принес ее к ним, и отдал мужу женщины, и тотчас же ушел. А женщина осведомила своего мужа о состоянии моего брата (а мой брат не знал этого), и они с мужем сговорились воспользоваться моим братом для шитья даром и посмеяться над ним. И едва настало утро, он пришел в лавку, и невольница явилась к нему и сказала: «Поговори с моим господином!» И он отправился с нею, а когда он пришел к мужу женщины, тот сказал: «Я хочу, чтобы ты скроил мне пять фарджий!» И мой брат скроил их и, взяв работу с собою, ушел. Потом он сшил эти фарджии и принес их мужу женщины, и тот одобрил его шитье и приказал подать кошель с дирхемами, и мой брат протянул уже руку, но

женщина сделала из-за спины своего мужа знак: не бери ничего! Мой брат сказал этому человеку: «Не торопись, господин, времени довольно!» — и вышел от него и был униженнее осла, так как против него соединилось пять вещей: любовь, разорение, голод, нагота и усталость, а он только терпел. И когда мой брат сделал для них все дела, они потом схитрили и женили его на своей невольнице, а в ту ночь, когда он хотел войти к ней, ему сказали: «Переночуй до завтра на мельнице, будет хорошо!»

Мой брат подумал, что это правда так, и провел ночь на мельнице один, а муж женщины пошел и подговорил против него мельника, чтобы он заставил его вертеть на мельнице жернов.

И мельник вошел к моему брату в полночь и стал говорить: «Этот бык бездельничает и больше не вертит жернов ночью, а пшеницы у нас много». И он спустился в мельницу, и, наполнив насып пшеницей, подошел к моему брату с веревкою в руке, и привязал его за шею, и крикнул: «Живо, верти жернов, ты умеешь только есть, гадить и отливать!» — и взял бич, и стал бить моего брата, а тот плакал и кричал, но не нашел для себя помощника и перемалывал пшеницу почти до утра.

И тогда пришел хозяин дома и, увидев моего брата привязанным к палке, ушел, а невольница пришла к нему рано утром и сказала: «Мне тяжело то, что с тобой случилось; мы с моей госпожой несем на себе твою заботу». Но у моего брата не было языка, чтобы ответить, из-за сильных побоев и усталости.

После этого мой брат отправился в свое жилище; и вдруг приходит к нему тот писец, что написал его брачную запись, и приветствует его, и говорит: «Да продлит Аллах твою жизнь! Таково бывает лицо наслаждений, нежности и объятий от вечера до утра!» — «Да не приветствует Аллах лжеца! — воскликнул мой брат.— О, тысячу раз рогатый, клянусь Аллахом, я пришел лишь для того, чтобы молоть до утра вместо быка!»

«Расскажи мне твою историю»,— сказал писец; и мой брат рассказал, что с ним было, и писец сказал: «Твоя звезда не согласуется с ее звездой, но если хочешь, я переменю тебе эту запись».— «Посмотри, не осталось ли у тебя другой хитрости!» — ответил мой брат, и оставил писца, и ушел на свое место, ожидая, не принесет ли кто-нибудь работы ему на пропитание. Но вдруг приходит к нему невольница и говорит: «Поговори с моей госпожой!» —

«Ступай, о дочь дозволенного, нет у меня дел с твоей госпожой!» — сказал мой брат; и невольница пошла и сообщила об этом своей госпоже. И не успел мой брат опомниться, как та уже выглянула из окна и, плача, воскликнула: «Почему, мой любимый, у нас нет с тобой больше дел?»

Но он не ответил ей, и она стала ему клясться, что все, что случилось с ним на мельнице, произошло не по ее воле и что она в этом деле не виновата; и когда мой брат взглянул на ее красоту и прелесть и услышал ее сладкие речи, то, что с ним было, покинуло его, и он принял ее извинения и обрадовался, что видит ее. И он поздоровался, и поговорил с нею, и просидел некоторое время за шитьем, а после этого невольница пришла к нему и сказала: «Моя госпожа тебя приветствует и говорит тебе, что ее муж сказал, что он сегодня ночует у своих друзей, и когда он туда уйдет, ты будешь у нас и проспишь с моей госпожой сладостную ночь до утра».

А муж женщины сказал ей: «Что сделать, чтобы отвратить его от тебя?» И она ответила: «Дай я придумаю для него другую хитрость и ославлю его в этом городе». (А мой брат ничего не знал о кознях женщин.)

И когда наступил вечер, невольница пришла к нему и, взяв моего брата, воротилась с ним, и там женщина, увидав моего брата, воскликнула: «Клянусь Аллахом, господин мой, я очень стосковалась по тебе!» — «Ради Аллаха, скорее поцелуй, прежде всего!» — сказал мой брат. И едва он закончил эти слова, как явился муж женщины из соседней комнаты и крикнул моему брату: «Клянусь Аллахом, я расстанусь с тобой только у начальника охраны!» И мой брат стал умолять его, а он его не слушал, но повел его к вали, и вали приказал побить его бичами и, посадив на верблюда, возить его по городу. И люди кричали о нем: «Вот воздаяние тому, кто врывается в чужой гарем!» И его выгнали из города, и он вышел и не знал, куда направиться; и я испугался, и догнал его, и обязался содержать его, и привел его назад и позволил ему жить у меня до сей поры».

И халиф рассмеялся от моих речей и сказал: «Отлично, о Молчальник, о немногоречивый!» — и велел выдать мне награду, чтобы я ушел. Но я воскликнул: «Я ничего не приму от тебя, раньше чем не расскажу, что случилось с остальными моими братьями, но не думай, что я много разговариваю».

«Знай, о повелитель правоверных, что моего второго брата аль-Хаддара звали Бакбак, и это расслабленный. В один из дней случилось ему идти по своим делам, и вдруг встречает его старуха и говорит ему: «О человек, постой немного! Я предложу тебе одно дело, и если оно тебе понравится, сделай его для меня и спроси совета у Аллаха». И мой брат остановился, и она сказала: «Я скажу тебе о чем-то и укажу тебе путь к этому, но пусть не будут многословны твои речи».— «Подавай свой рассказ»,— ответил мой брат. И старуха спросила: «Что ты скажешь о красивом доме и благоухающем саде, где бежит вода, и о плодах, вине и лице прекрасной, которую ты будешь обнимать от вечера до утра? Если ты сделаешь так, как я тебе указываю, то увидишь добро».

И мой брат, услышав ее слова, спросил: «О госпожа, а почему ты направилась с этим делом именно ко мне из всех людей? Что тебе понравилось во мне?» И она отвечала моему брату: «Я сказала тебе — не будь многоречив! Молчи и пойдем со мною». И затем старуха повернулась, а мой брат последовал за нею, желая того, что она ему описала. И они вошли в просторный дом со множеством слуг, и старуха поднялась с ним наверх, и мой брат увидел прекрасный дворец.

И когда обитатели дома увидели его, они спросили: «Кто это привел тебя сюда?» А старуха сказала: «Оставьте его, молчите и не смущайте его сердца,— это рабочий, и он нам нужен». Потом она пошла с ним в украшенную горницу, лучше которой не видали глаза; и когда они вошли в эту горницу, женщины поднялись, и приветствовали моего брата, и посадили его рядом с собою, а спустя немного он услыхал большой шум, и вдруг подошли невольницы, и среди них девушка, подобная луне в ночь полнолуния. И мой брат устремил на нее взор, и поднялся на ноги, и поклонился девушке, а она приветствовала его и велела ему сесть; и он сел, она же обратилась к нему и спросила: «Да возвеличит тебя Аллах, есть в тебе добро?» — «О госпожа моя, все добро — во мне!» — отвечал мой брат. И она приказала подать еду, и ей подали прекрасные кушанья, и она стала есть. И при этом девушка не могла успокоиться от смеха, а когда мой брат смотрел на нее, она оборачивалась к своим невольницам, как будто смеясь над ним. И она выказывала любовь к моему брату и шутила с ним, а мой брат, осел, ничего не понимал, и от сильной страсти, одо-

левшей его, он думал, что девушка его любит и даст ему достигнуть желаемого.

И когда кончили с едою, подали вино, а потом явились десять невольниц, подобных месяцу, с многострунными лютнями в руках и стали петь на разные приятные голоса. И восторг одолел моего брата, и, взяв кубок из ее рук, он выпил его и поднялся перед нею на ноги; а потом девушка выпила кубок, и мой брат сказал ей: «На здоровье!» — и поклонился ей; и после этого она дала ему выпить кубок и, когда он выпил, ударила его по шее. И увидя от нее это, мой брат вышел стремительно, а старуха принялась подмигивать ему: вернись! И он вернулся. И тогда девушка велела ему сесть, и он сел и сидел, ничего не говоря, и она снова стала бить его по затылку, но ей было этого недостаточно, и она приказала своим невольницам бить его, а сама говорила старухе: «Я ничего не видала лучше этого!» И старуха восклицала: «Да, заклинаю тебя, о госпожа моя!»

И невольницы били его, пока он не лишился сознания, а потом мой брат поднялся за нуждою, и старуха догнала его и сказала: «Потерпи немножко: ты достигнешь того, чего ты хочешь».— «До каких пор мне терпеть? Я уже обеспамятел от подзатыльников»,— сказал мой брат; и старуха ответила: «Когда она захмелеет, ты достигнешь желаемого». И мой брат вернулся к своему месту и сел. И все невольницы до последней поднялись, и женщина приказала им окурить моего брата и опрыскать его лицо розовой водой, и они это сделали; а потом она сказала: «Да возвеличит тебя Аллах! Ты вошел в мой дом и исполнил мое условие, а всех, кто мне перечил, я прогоняла. Но тот, кто был терпелив, достигал желаемого».— «О госпожа,— отвечал ей мой брат,— я твой раб и в твоих руках»; и она сказала: «Знай, что Аллах внушил мне любовь к веселью, и тот, кто мне повинуется, получает что хочет». И она велела невольницам петь громким голосом, так что все бывшие в помещении исполнились восторга, а после этого она сказала одной девушке: «Возьми твоего господина, сделай, что нужно, и приведи его сейчас же ко мне».

И невольница взяла моего брата (а он не знал, что она с ним сделает), и старуха догнала его и сказала: «Потерпи, потерпи, осталось недолго!» И лицо моего брата просветлело, и он подошел к девушке (а старуха все говорила: «Потерпи, ты уже достиг желаемого») и спросил старуху: «Скажи мне, что хочет сделать эта невольница?» И старуха сказала: «Тут нет ничего, кроме добра! Я — выкуп за тебя!

Она хочет выкрасить тебе брови и вырвать усы!» — «Краска на бровях сойдет от мытья,— сказал мой брат,— а вот выдрать усы — это уже больно!» — «Берегись ей перечить,— отвечала старуха,— ее сердце привязалось к тебе». И мой брат стерпел, чтобы ему выкрасили брови и выдрали усы, и тогда невольница пошла к своей госпоже и сообщила ей об этом, и та сказала: «Остается еще одна вещь — сбрей ему бороду, чтобы он стал безволосым».

И невольница пришла к моему брату и сказала ему о том, что велела ее госпожа, и мой дурак брат спросил: «А что мне делать с позором перед людьми?» И старуха ответила: «Она хочет это с тобой сделать только для того, чтобы ты стал безволосым, без бороды и у тебя на лице не осталось бы ничего колючего. В ее сердце возникла большая любовь к тебе, терпи же: ты достигнешь желаемого».

И мой брат вытерпел, и подчинился невольнице, и обрил себе бороду, и девушка вывела его, и вдруг оказывается — он с накрашенными бровями, выдранными усами, бритой бородой и красным лицом! И девушка испугалась его и потом так засмеялась, что упала навзничь и воскликнула: «О господин мой, ты покорил меня этими прекрасными чертами!» И она стала заклинать его жизнью, чтобы он поднялся и поплясал; и мой брат встал и начал плясать, и она не оставила в комнате подушки, которою бы не ударила его, и все невольницы тоже били его плодами вроде померанцев и лимонов, кислых и сладких, пока он не упал без чувств от побоев, затрещин по затылку и бросания.

И старуха сказала ему: «Теперь ты достиг желаемого. Знай, что тебе не будет больше побоев и осталось еще только одно, а именно: у нее в обычае, когда она опьянеет, никому не давать над собою власти раньше, чем она снимет платье и шальвары и останется голой, обнаженной. А потом она велит тебе снять одежду и бегать и сама побежит впереди тебя, как будто она от тебя убегает, а ты следуй за ней с места на место, пока у тебя не поднимется зебб, и тогда она даст тебе власть над собою».

«Сними с себя одежду»,— сказала она потом; и мой брат снял с себя все платье (а мир исчез для него) и остался нагим, и тогда девушка сказала ему: «Вставай теперь и беги, и я тоже побегу,— и тоже разделась и воскликнула: — Если ты чего-нибудь хочешь, следуй за мной!» И она побежала впереди него, и он последовал за нею, и она вбегала в одно помещение за другим, и мой брат за ней, и страсть одолела его, и его зебб вел себя, точно бесноватый. И она вбежала впереди него в темное помещение, и мой брат тоже

за ней, и он наступил на тонкое место, и пол провалился под ним, и не успел мой брат опомниться, как оказался посреди улицы, на рынке кожевников, которые продавали и покупали кожи. И, увидев моего брата в таком виде — нагого, с поднявшимся зеббом, с бритой бородой, без усов и с красным лицом, торговцы закричали на него, и захлопали в ладоши, и стали бить его кожами, так что он лишился чувств. И его взвалили на осла и привезли к вали, и вали спросил их: «Кто это?» И они сказали: «Он упал к нам из дома везиря в таком виде». И тогда вали приказал дать ему сто ударов бичом по шее и выгнал из Багдада; и я вышел, и догнал его, и провел его тайно в город, а затем я назначил ему то, что нужно для пропитания. И если бы не мое великодушие, я бы не стал терпеть подобного ему».

РАССКАЗ О ТРЕТЬЕМ БРАТЕ ЦИРЮЛЬНИКА

«А что касается моего третьего брата, то его имя Бакик, и он слепой. Судьба и предопределение привели его однажды к большому дому, и он постучал в ворота, надеясь, что владелец дома заговорит с ним и он попросит у него что-нибудь. И владелец дома спросил: «Кто у ворот?» — но никто ему не ответил, и мой брат услыхал, как он опять спросил громким голосом: «Кто это?» Но мой брат не ответил ему и услыхал, что он пошел и дошел до ворот, и открыл их, и спросил моего брата: «Что ты хочешь?» — «Чего-нибудь, ради Аллаха великого!» — сказал мой брат; и хозяин дома спросил: «Ты слепой?» — «Да»,— отвечал мой брат; и тогда хозяин дома сказал ему: «Подай мне руку»,— и брат подал ему руку, думая, что хозяин дома что-нибудь даст ему, а тот взял его руку и повел его по лестнице, пока не довел до самой верхней крыши, а мой брат предполагал, что он чем-нибудь его накормит и даст ему что-нибудь.

И, дойдя до конца, хозяин дома спросил моего брата: «Что ты хочешь, слепец?» И мой брат отвечал: «Хочу чего-нибудь ради Аллаха великого».— «Пошли тебе Аллах!» — сказал хозяин дома; и тогда мой брат воскликнул: «Эй ты, почему ты не сказал мне этого внизу?» А хозяин дома отвечал: «О подлец, а ты почему не заговорил со мной сразу?» — «А сейчас что ты хочешь со мною сделать?» — спросил его мой брат. «У меня ничего нет, чтобы дать тебе»,— отвечал он; и мой брат сказал: «Спустись со мною по лестницам».— «Дорога перед тобою»,— сказал хозяин

дома. И мой брат пошел и до тех пор спускался, пока между ним и воротами не осталось двадцати ступенек, но тут его нога поскользнулась, и он упал к воротам и раскроил себе голову. И он вышел, не зная куда направиться, и его догнали несколько его товарищей, слепых, и спросили: «Что досталось тебе в сегодняшний день?» И он рассказал им, что с ним произошло, а потом сказал: «О братья, я хочу взять немного из тех денег, что у меня остались, и истратить их на себя».

А владелец дома следовал за ним и слышал его слова, но мой брат и его товарищи не знали об этом человеке. И мой брат пришел к своему дому и вошел туда, и человек вошел вслед за ним (а брат не знал этого), и мой брат сел, ожидая своих товарищей. И когда они вошли, он сказал им: «Заприте дверь и обыщите дом, чтобы не последовал за нами кто-нибудь чужой». И, услышав слова моего брата, тот человек встал и подтянулся на веревке, свисавшей с потолка, а они обошли весь дом и никого не нашли. А потом они вернулись, и сели рядом с моим братом, и, вынув бывшие у них деньги, сосчитали их, и вдруг их оказалось двенадцать тысяч дирхемов!

И они оставили деньги в углу комнаты, и каждый из них взял себе, сколько ему было нужно, а остаток денег они бросили на землю, а потом они поставили перед собой кое-какую еду и сели есть.

И брат услыхал подле себя незнакомое жевание и сказал своим товарищам: «С нами чужой!» — и протянул руку, и его рука уцепилась за руку того человека — владельца дома. И они напали на него с побоями, а когда им надоело его бить, они принялись кричать: «О мусульмане, к нам вошел вор и хочет взять наши деньги!»

И около них собралось много народу, и тот человек подошел и привязался к ним и стал обвинять их в том же, в чем они обвиняли его, и зажмурил глаза, так что стал как будто слепым, как они, и никто не усомнился в этом. И он принялся кричать: «О мусульмане, я взываю к Аллаху и султану и прибегаю к Аллаху и к вали за советом!» И не успел он опомниться, как их всех окружили, и с ними моего брата, и погнали к дому вали.

И вали велел привести их к себе и спросил: «В чем ваше дело?» И этот человек сказал: «Смотри, но для тебя ничего не станет ясно без пытки! Начни с меня первого и попытай меня, а потом вот этого, моего поводыря»,— и он указал рукой на моего брата. И того человека протянули и побили четырьмя сотнями палок по заду, и побои причинили ему

боль, и он открыл один глаз, а когда ему прибавили ударов, он открыл и второй глаз.

И вали спросил его: «Что это за дела, о проклятый?» И он отвечал: «Дай мне перстень пощады! Мы четверо притворяемся слепыми, и обманываем людей, и входим в дома, и смотрим на женщин, и стараемся их погубить. У нас скопилась большая нажива — двенадцать тысяч дирхемов, и я сказал своим товарищам: «Дайте мне то, что мне следует,— три тысячи дирхемов»; а они побили меня и взяли мои деньги. И я прошу защиты у Аллаха и у тебя. Я имею больше всех права на мою долю, и мне хочется, чтобы ты узнал истинность моих слов. Побей каждого из них сильнее, чем ты бил меня, и они откроют глаза».

И тогда вали велел их пытать и начал прежде всего с моего брата, и его привязали к лестнице, и вали сказал ему: «О негодяи, вы отрицаете милость Аллаха и утверждаете, что вы слепы!» — «Аллах, Аллах! — воскликнул мой брат.— Клянусь Аллахом, нет среди нас зрячего!» И его били, пока он не обеспамятел; и вали сказал: «Оставьте его, пусть он очнется, и побейте его снова, второй раз». А потом он велел дать каждому из его товарищей больше чем по триста палок, и зрячий говорил им: «Откройте глаза, а не то вас еще будут бить!» А затем этот человек сказал вали: «Пошли со мною кого-нибудь, кто принесет тебе деньги; эти люди не откроют глаз: они боятся позора перед людьми». И вали послал и взял деньги, и дал из них этому человеку три тысячи дирхемов — его долю, как он утверждал, и взял остальное, и он выгнал троих слепцов из города.

И я вышел, о повелитель правоверных, и догнал моего брата, и спросил о его положении, и он рассказал мне то, о чем я тебе говорил, и я тайно ввел его в город и украдкою стал выдавать ему что есть и что пить».

И халиф засмеялся, услышав мой рассказ, и сказал: «Дайте ему награду, и пусть он уйдет!» Но я воскликнул: «Клянусь Аллахом, я не возьму ничего, пока не изложу повелителю правоверных, что случилось с моими братьями! Я ведь мало говорю».

РАССКАЗ О ЧЕТВЕРТОМ БРАТЕ ЦИРЮЛЬНИКА

«А что до моего четвертого брата, о повелитель правоверных,— продолжал я,— (а это кривой), то он был мясником в Багдаде, и продавал мясо, и выращивал баранов,

и к нему шли покупать мясо вельможи и люди состоятельные. И он нажил на этом большие деньги, и приобрел вьючных животных и дома, и провел таким образом долгое время. И однажды, в один из дней, он был у своей лавки, и вдруг подле нее остановился старик с большой бородой, и подал ему несколько дирхемов, и сказал: «Дай мне на это мяса»,— и, отдав деньги, ушел (а мой брат дал ему мяса). И он посмотрел на серебро старика и увидел, что его дирхемы белые и блестят, и отложил их отдельно в сторону.

И старик продолжал ходить к нему пять месяцев, и мой брат бросал его дирхемы отдельно в сундук, но потом он пожелал их вынуть и купить на них баранов, и открыл сундук, но увидел, что все, что есть в нем,— белая нарезанная бумага.

И мой брат принялся бить себя по лицу и кричать; и народ собрался вокруг него, и он рассказал свою историю, и все удивились ей. А потом мой брат, как обычно, зарезал барана, и повесил его в лавке, и стал говорить: «Аллах! Если бы пришел этот скверный старец!» И не прошло минуты, как старик подошел со своим серебром, и тогда мой брат встал, и вцепился в него, и принялся вопить: «О мусульмане, ко мне! Послушайте мою историю с этим нечестивым!»

И, услышав его слова, старец спросил: «Что тебе приятнее: отстать от меня или чтобы я тебя опозорил перед людьми?» — «А чем ты меня опозоришь?» — спросил брат. «Тем, что ты продаешь человеческое мясо за баранину»,— отвечал старик. «Ты лжешь, проклятый!» — воскликнул мой брат; и старик сказал: «Тот проклятый, у кого человек в лавке повешен».— «Если дело обстоит так, как ты сказал, мои деньги и моя кровь тебе дозволены»,— отвечал мой брат. И тогда старик сказал: «О собрание людей, если хотите подтверждения моим словам и моей правдивости — войдите в лавку». И люди ринулись в лавку моего брата и увидели, что тот баран превратился в повешенного человека; и увидав это, они вцепились в моего брата и закричали: «О неверный, о нечестивый!» И самый дорогой для него человек колотил его и бил по лицу и говорил: «Ты кормишь нас мясом сынов Адама!» — а старец ударил его по глазу и выбил его.

И люди понесли этого зарезанного к начальнику охраны, и старец сказал ему: «О эмир, этот человек режет людей, продает их мясо как мясо баранов, и мы привели его к тебе. Встань же и соверши правосудие Аллаха, великого, славного!» И мой брат защищался, но начальник не стал

его слушать и велел дать ему пятьсот ударов палками, и у него взяли все деньги,— а если бы не деньги, его бы, наверное, убили.

И мой брат поднялся, и пошел наобум, и вошел в большой город; он подумал: «Хорошо бы сделаться башмачником»,— и он открыл лавку и сидел, работая, чтобы прокормиться. И в один из дней он вышел по делу, и услышал топот коней, и спросил об этом, и ему сказали: «Это царь выезжает на охоту и ловлю». И мой брат стал смотреть на красоту царя, а взор царя встретился со взором моего брата,— и царь опустил голову и сказал: «К Аллаху прибегаю от зла этого дня!» — и повернул поводья своей лошади, и воротился; и все слуги тоже воротились. А потом царь приказал слугам, и они догнали моего брата и больно побили его, так что он едва не умер. И мой брат не знал в чем причина этого, и вернулся в свое жилище в невменяемом состоянии. И после этого он пошел к одному человеку из слуг царя и рассказал ему, что с ним случилось, и тот так засмеялся, что упал навзничь, и сказал ему: «О брат мой, знай, что царь не в состоянии смотреть на кривого, в особенности если он крив на правый глаз; он его не отпустит раньше, чем убьет».

Услышав такие слова, мой брат решил бежать из этого города, и поднялся, и вышел из него, и переправился в другую местность, где никого не было, кто бы знал его, и провел там долгое время. А после этого мой брат стал размышлять о своем деле. И однажды он вышел прогуляться, и услышал за собою топот коней, и сказал: «Пришло веление Аллаха!» И он стал искать места, где бы скрыться, но не нашел, и посмотрел — вдруг видит: закрытая дверь. И он толкнул эту дверь, и она упала, и мой брат вошел, и увидел длинный проход, и вошел туда. И не успел он опомниться, как двое людей вцепились в него, и они сказали моему брату: «Слава Аллаху, который отдал тебя нам во власть! О враг Аллаха, вот уже три ночи, как ты не даешь нам спать и нам нет покоя, и ты заставил нас вкусить смерть!» — «О люди, в чем ваше дело?» — спросил мой брат; и они сказали: «Ты обманываешь нас и хочешь нас опозорить! Ты придумываешь хитрости и хочешь зарезать хозяина дома! Мало было тебе и твоим пособникам разорить его! Но вынь нож, которым ты каждую ночь грозишь нам!» И они обыскали его и нашли у него за поясом нож; и мой брат сказал им: «О люди, побойтесь Аллаха! Знайте, что моя история удивительна».— «А какова твоя история?» — спросили они. И он рассказал свою историю,

желая, чтобы его отпустили. И они не стали слушать моего брата, и не обратили внимания на его слова, и разорвали его одежду, и нашли на нем следы ударов плетьми, и сказали: «О проклятый, вот следы ударов!» И потом моего брата привели к вали, и мой брат сказал про себя: «Я попался за мои грехи, и никто не освободит меня, если не Аллах великий». И вали спросил моего брата: «О несчастный, что побудило тебя на это дело? Ты вошел в дом для убийства!» И мой брат воскликнул: «Ради Аллаха, прошу тебя, о эмир, выслушай мои слова и не торопись со мною!» Но вали сказал: «Станем мы слушать слова вора, у которого на спине следы побоев! С тобой сделали такое дело не иначе как за большой грех»,— прибавил вали и велел дать моему брату сто ударов; и моего брата побили сотней ударов, и посадили на верблюда, и кричали о нем: «Вот воздаяние, и наименьшее воздаяние, тому, кто врывается в чужие дома!»

И вали приказал выгнать его из города, и мой брат пошел наобум, и, услышав об этом, я пошел к нему и расспросил его, и он рассказал мне свою историю и то, что с ним случилось, и я все время ходил с ним кругом города, пока о нем кричали, а когда его выпустили, я пришел к нему, и взял его тайно, и привел в город, и стал выдавать ему что есть и что пить».

РАССКАЗ О ПЯТОМ БРАТЕ ЦИРЮЛЬНИКА

«А что касается моего пятого брата, то у него были отрезаны уши, о повелитель правоверных, и был он человек бедный и просил у людей по вечерам, а днем тратил выпрошенное. А отец наш был дряхлый старик, далеко зашедший в годах, и он умер и оставил нам семьсот дирхемов; и каждый из нас взял по сто дирхемов. И мой пятый брат, взяв свою долю, растерялся и не знал, что с нею делать; и когда он так раздумывал, вдруг пришло ему на ум купить на эти деньги всякого рода стеклянной посуды и извлечь из нее пользу. И он купил на сто дирхемов стекла, поставил его на большой поднос и сел в одном месте продавать его. А рядом с ним была стена, и он прислонился к ней спиной и сидел, размышляя о самом себе.

И он думал: «Моих основных денег в этом стекле — сто дирхемов, а я продам его за двести дирхемов и затем куплю на двести дирхемов стекла и продам его за четыреста дирхемов, и не перестану продавать и покупать, пока у меня не

окажется много денег. И я куплю на них всяких товаров, драгоценностей и благовоний и получу большую прибыль, а после этого я куплю красивый дом, и куплю невольников, и коней, и золотые седла, и стану есть и пить, и не оставлю в городе ни одного певца или певицы, которых бы я не привел к себе. И если захочет Аллах великий, я накоплю капитал в сто тысяч дирхемов...» И все это он прикидывал в уме, а поднос со стеклом стоял перед ним; и он думал дальше: «А когда денег станет сто тысяч дирхемов, я пошлю посредниц, чтобы посвататься к дочерям царей и везирей, и посватаюсь к дочери везиря — до меня дошло, что она совершенна по красоте и редкой прелести,— и дам за нее в приданое тысячу динаров; и если ее отец согласится — так и будет, а если не согласится — я возьму ее силой, наперекор его носу. И когда она окажется в моем доме, я куплю десять маленьких евнухов, и куплю себе одежду из одежд царей и султанов, и сделаю себе золотое седло, которое выложу дорогими самоцветами, а потом я выеду, и со мною будут рабы — пойдут вокруг меня и впереди меня, и я поеду по городу, и люди будут меня приветствовать и благословлять меня. А потом я войду к везирю, отцу девушки (а рабы будут сзади меня, и впереди меня, и справа от меня, и слева от меня), и когда везирь меня увидит, он поднимется мне навстречу и посадит меня на свое место, а сам сядет ниже меня, так как он мой тесть. А со мной будут два евнуха с двумя кошельками, в каждом кошельке по тысяче динаров, и я дам ему тысячу динаров в приданое за его дочь и подарю ему другую тысячу динаров, чтобы он знал мое благородство, и щедрость, и величие моей души, и ничтожность всего мирского в моих глазах. И если он обратится ко мне с десятью словами, я отвечу ему парой слов и уеду к себе домой. А когда придет кто-нибудь из родных моей жены, я подарю ему денег и награжу его одеждой; а если он явится ко мне с подарком, я его верну ему и не приму — чтобы знали, что я горд душой и ставлю свою душу лишь на ее место. А потом я велю им привести меня в порядок, и когда они это сделают, я прикажу привести невесту и как следует все уберу в моем доме, а когда придет время открыванья, я надену самую роскошную одежду и буду сидеть в платье из парчи, облокотясь и не поворачиваясь ни вправо, ни влево,— из-за моего большого ума и степенности моего разума. И моя жена будет стоять предо мною, как луна, в своих одеждах и драгоценностях, и я не буду смотреть на нее из чванства и высокомерия, пока все, кто будет тут, не скажут: «О господин мой, твоя

жена и служанка стоит перед тобой, соизволь посмотреть на нее, ей тягостно так стоять». И они много раз поцелуют предо мною землю, и тогда я подниму голову и взгляну на нее одним взглядом, а потом опущу голову к земле. И ее уведут в комнату сна, а я переменю свою одежду и надену что-нибудь лучшее, чем то, что на мне было; и когда невесту приведут ко мне, я не взгляну на нее, пока меня не попросят много раз, а потом я посмотрю на нее и опущу голову к земле,— и я все время буду так делать, пока ее открывание не окончится. А после я прикажу кому-нибудь из слуг подать кошель с пятью сотнями динаров, и когда невеста будет тут, я отдам его прислужницам и велю им ввести меня к невесте. И когда меня введут, я не стану смотреть на нее и не заговорю с ней из презрения, чтобы говорили, что я горд душой. И ее мать придет, и поцелует мне голову и руку, и скажет: «О господин, взгляни на твою служанку, она хочет твоей близости, залечи же ее сердце». А я не дам ей ответа; когда она это увидит, она встанет, и поцелует мне ноги несколько раз, и скажет: «О господин мой, моя дочь красивая девушка, которая еще не видала мужчины, и когда она увидит в тебе такую сдержанность, ее сердце разобьется. Склонись же к ней и поговори с нею». И она поднимется и принесет мне кубок с вином, и ее дочь возьмет кубок, и когда она подойдет ко мне, я оставлю ее стоять перед собой, а сам облокочусь на вышитую подушку, не глядя на нее,— из-за величия своей души,— пока она мне не скажет, что я султан, высокий саном, и не попросит меня: «О господин мой, заклинаю тебя Аллахом, не отвергай кубка из рук твоей служанки, ибо я твоя невольница». Но я ничего ей не отвечу; и она будет ко мне приставать и скажет: «Его обязательно надо выпить»,— и поднесет его к моему рту; и я махну рукой ей в лицо, и отпихну ногой, сделаю вот так!» — и он взмахнул ногой, и поднос со стеклом упал (а он был на высоком месте) и свалился на землю, и все, что было на нем, разбилось.

И мой брат закричал и сказал: «Все это от высокомерия моего!» И тогда, о повелитель правоверных, он стал бить себя по лицу, и разорвал свою одежду, и начал плакать и бить себя; и люди смотрели на него, идя на пятничную молитву, и некоторые смотрели и жалели его, а другие о нем не думали. И мой брат был в таком состоянии: ушли от него и деньги и прибыль. И он просидел некоторое время плача; и вдруг видит — красивая женщина едет на муле с золотым седлом, и с нею несколько слуг, и от нее веет мускусом, а едет она на пятничную молитву. И когда она

увидела стекло, и состояние моего брата, и его плач, ее взяла печаль, и сердце ее сжалилось над ним, и она спросила о его положении; и ей сказали: «С ним был поднос стеклянной посуды, благодаря которой он кое-как жил, и посуда разбилась, и его постигло то, что ты видишь». И тогда она позвала одного из слуг и сказала ему: «Дай то, что есть с тобой, этому бедняге»; и слуга дал моему брату кошелек, где он нашел пятьсот динаров, и когда они попали в его руки, он едва не умер от сильной радости.

И мой брат принялся благословлять ту женщину, и вернулся в свое жилище богатым, и сидел размышляя; и вдруг — стучат в дверь. И он встал, и открыл, и видит — незнакомая старуха. И она сказала ему: «О дитя мое, знай, что время молитвы уже близко, а я не совершила омовения, и мне бы хотелось, чтобы ты меня пустил к себе в дом омыться».— «Слушаю и повинуюсь!» — сказал мой брат, и вошел, и велел ей входить, и когда она вошла, он дал ей кувшин для омовения.

И мой брат сел, и сердце его трепетало от радости из-за динаров, и потом он завязал их в кошель; и когда он покончил с этим, старуха завершила омовение и, подойдя туда, где сидел мой брат, сотворила молитву в два раката, а затем помолилась за моего брата хорошей молитвой. И он поблагодарил ее за это и, протянув руку к динарам, дал ей два динара и сказал про себя: «Это от меня милостыня». И когда старуха увидела динары, она воскликнула: «Да будет Аллах превознесен! Почему ты смотришь на того, кто тебя любит, как на нищего? Возьми твои деньги, они мне не нужны, и положи их опять себе на сердце; а если ты хочешь встретиться с той, кто тебе их дал, я сведу ее с тобою — она моя подруга».— «О матушка,— спросил мой брат,— как ухитриться попасть к ней?» И она сказала: «О дитя мое, она имеет склонность к человеку богатому; возьми же с собой все свои деньги и следуй за мной, и я приведу тебя к тому, что ты хочешь. А когда ты встретишься с ней, употреби все, какие есть, ласки и приятные слова, и ты получишь из ее прелестей и ее денег все что хочешь».

И мой брат взял с собой все свое золото, и поднялся, и пошел с ней (и он не верил этому); а старуха все шла, и мой брат следовал за нею до одних больших ворот. И она постучала, и вышла невольница-гречанка и открыла ворота, и тогда старуха вошла и велела моему брату войти с нею, и он вошел в большой дом и большую комнату, пол которой был устлан удивительными коврами, и там были повешены занавеси. И мой брат сел и положил золото перед собой,

а свой тюрбан он положил на колени; и не успел он опомниться, как появилась девушка, лучше которой не видали смотрящие, и она была одета в роскошные одежды. И мой брат поднялся на ноги; и когда девушка увидела его, она засмеялась ему в лицо и сделала ему знак сесть. А потом она велела запереть дверь и, подойдя к моему брату, взяла его за руку, и они оба отправились, и пришли к уединенной комнате, и вошли в нее, и оказалось, что она устлана разной парчой.

И мой брат сел, и она села с ним рядом и немножко поиграла с ним, а затем она поднялась и сказала: «Не двигайся с места, пока я не приду!» — и скрылась от моего брата на некоторое время. И когда он так сидел, вдруг вошел к нему черный раб огромного роста, и у него был обнаженный меч. «Горе тебе,— воскликнул он,— кто привел тебя в это место и что ты здесь делаешь?» И когда мой брат увидел его, он не был в состоянии дать ему никакого ответа, и у него оцепенел язык, так что он не мог вымолвить слова. И раб взял его, и снял с него одежду, и до тех пор бил его мечом плашмя, пока он не упал без чувств на землю от побоев, и скверный раб подумал, что он прикончил его. И мой брат услышал, как он говорит: «Где солильщица?» И к нему подошла девушка, несшая в руке большое блюдо, где было много соли, и раб все время присыпал ею раны моего брата, но тот не двигался, опасаясь, что раб узнает, что он жив, и убьет его и его душа пропадет.

Потом невольница ушла,— говорил рассказчик,— и раб крикнул: «Где погребщица?» И старуха подошла к моему брату, и потащила его за ноги в погреб, и бросила его туда на множество убитых. И он провел в этом месте два полных дня, и Аллах сделал соль причиною его жизни, так как она остановила кровь; и мой брат нашел в себе силу, чтобы двигаться, и поднялся в погребе, и открыл над собой плиту (а он боялся), и вышел вон.

И Аллах даровал ему защиту, и брат вошел в темноту и скрылся в этом проходе до утра, а когда наступило утреннее время, эта проклятая старуха вышла на поиски другой дичи, и брат вышел за нею следом, а она не знала этого. И он пришел в свое жилище, и не переставал лечиться, пока не выздоровел, и следил за старухой, все время смотря, как она хватала людей одного за другим и приводила их в тот дом, но ничего не говорил.

А потом, когда вернулись к нему его дух и сила, он взял тряпку, сделал из нее кошель, наполнил его стеклом и привязал к поясу. И он переоделся, чтобы его никто не узнал,

и надел платье, и, взяв меч, спрятал его под платье, и когда увидел старуху, сказал ей на языке персиян: «О старуха, я чужеземец, и прибыл сегодня в этот город, и никого не знаю. Нет ли у тебя весов, вмещающих пятьсот динаров? Я тебе подарю немного из них». И старуха ответила: «У меня сын — меняла, и у него есть всякие весы. Пойдем со мною, раньше чем он уйдет со своего места, и он свешает твое золото».— «Иди впереди меня!» — сказал мой брат; и она пошла, а брат сзади, и, подойдя к воротам, она постучала, и вышла та самая девушка и открыла ворота. И старуха засмеялась ей в лицо и сказала: «Я сегодня принесла вам жирный кусок мяса». И девушка взяла моего брата за руку и ввела его в то помещение, куда он входил прежде. И она немного посидела подле него, и поднялась, и сказала: «Не уходи, пока я не вернусь к тебе»,— и ушла. И не успел мой брат опомниться, как пришел проклятый раб, и с ним был тот обнаженный меч. И он сказал моему брату: «Поднимайся, проклятый!» И мой брат поднялся, и раб пошел впереди него, а брат мой шел сзади; и он протянул руку к мечу, что был у него под платьем, и ударил им раба, и скинул ему голову с плеч, потащил его за ногу к погребу и крикнул: «Где солильщица?» И тогда пришла девушка с блюдом, в котором была соль, и, увидав моего брата и в его руке меч, она бросилась бежать, но брат последовал за нею, и ударил ее, и отрубил ей голову. А потом он закричал: «Где старуха?» И она пришла, и брат спросил ее: «Узнаешь ты меня, скверная старуха?» А она отвечала: «Нет, господин». И мой брат сказал: «Я владелец денег, к которому ты пришла, и ты у меня омылась, и помолилась, и призвала меня сюда».— «Побойся Аллаха и подумай еще о моем деле»,— сказала старуха; но мой брат и не посмотрел на нее и так ударил ее, что разрубил на четыре куска, а потом он вышел искать девушку, и когда она увидела его, ее ум улетел, и она воскликнула: «Пощады!» И мой брат пощадил ее.

«Что привело тебя к этому черному?» — спросил он тогда ее; она сказала: «Я была невольницей одного купца, а эта старуха заходила ко мне, и я с нею подружилась. И в один из дней она сказала мне: «У нас свадьба, равной которой никто не видел, и я хочу, чтобы ты посмотрела на нее». И я отвечала ей: «Слушаю и повинуюсь!» — потом я надела свою лучшую одежду и драгоценности, и взяла с собою кошелек с сотнею динаров, и пошла с нею, и она привела меня в этот дом. И войдя, я не успела опомниться, как этот черный взял меня, и я в таком положении уже три

года из-за хитрости проклятой старухи».— «А есть у него что-нибудь в этом доме?» — спросил мой брат, и она сказала: «У него есть много, и если ты можешь это перенести, перенеси, попросив совета у Аллаха».

И мой брат поднялся и пошел с нею, и она открыла сундуки, в которых были мешки, и мой брат впал в недоумение, а девушка сказала ему: «Иди теперь, и оставь меня здесь, и приведи кого-нибудь, чтобы снести деньги». И мой брат вышел, и нанял десять человек, и пришел к воротам, но нашел их открытыми и не увидел ни девушки, ни мешков, кроме немногих,— одни только ткани. Он понял, что девушка обманула его, и взял оставшиеся деньги, и, открыв кладовые, забрал то, что в них было, и ничего не оставил в доме, и провел ночь радостный.

А когда настало утро, он нашел у ворот двадцать солдат, которые вцепились в него и сказали: «Вали тебя требует». И они взяли его, и мой брат стал проситься у них пройти в свой дом, но они не дали ему времени вернуться домой, и мой брат обещал им много денег, но они отказались. И они крепко связали его веревкой и повели, и им встретился по дороге один его приятель, и мой брат уцепился за его полу и стал просить его постоять с ним, чтобы помочь ему освободиться из их рук. И этот человек остановился и спросил их, в чем с ним дело; и они сказали: «Вали приказал нам привести его к себе, и вот мы идем с ним». И друг моего брата попросил их освободить его, с тем что он даст им пятьсот динаров, и сказал им: «Когда вернетесь к вали, скажите ему: «Мы его не нашли». Но они отвергли его слова и взяли моего брата, таща его вниз лицом, и привели его к вали; и когда вали увидел моего брата, он спросил его: «Откуда у тебя эти ткани и деньги?» — «Я хочу пощады»,— сказал мой брат; и вали дал ему платок пощады, и тогда брат рассказал ему о том, что случилось и что произошло у него со старухой, с начала до конца, и о бегстве девушки, и сказал вали: «А то, что я взял, возьми из этого сколько хочешь и оставь мне, на что кормиться». И вали взял все деньги и ткани, и побоялся, что весть об этом дойдет до султана, и сказал моему брату: «Уходи из этого города, а не то я тебя повешу!» И мой брат отвечал: «Слушаю и повинуюсь!» — и ушел в какой-то город, и на него напали воры, и раздели его, и побили, и обрезали ему уши. И я услыхал весть о нем, и вышел к нему, и взял для него одежду, и привел его тайно в город, и стал ему выдавать что пить и что есть».

РАССКАЗ О ШЕСТОМ БРАТЕ ЦИРЮЛЬНИКА

«А что касается моего шестого брата, о повелитель правоверных, то у него отрезаны губы. Он обеднел и вышел однажды поискать чего-нибудь, чтобы удержать в теле жизнь; и вот, когда он шел какой-то дорогой, он вдруг видит прекрасный дом с широким, высоким портиком, а возле ворот слуги и люди, приказывающие и запрещающие. И он спросил кого-то из стоявших там, и тот сказал: «Это дом одного из семьи Бармакидов». И тогда мой брат подошел к привратникам и попросил у них чего-нибудь, и они сказали: «Войди в ворота дома — найдешь то, что любишь, у нашего господина». И мой брат вошел под портик, и прошел под ним, и достиг дома, красивого до предела красоты и изящества, и посреди него был сад, подобного которому он не видел, а пол в нем был выложен мрамором, и повешены были там занавеси.

И брат мой остался в недоумении, не зная, куда направиться, и пошел к возвышенной части покоя, и увидел человека с красивым лицом и бородой; и тот, увидев моего брата, поднялся к нему, и приветствовал его, и спросил его о его положении, и брат сообщил ему, что он нуждается.

И, услышав слова моего брата, этот человек проявил сильное огорчение и, взявшись рукою за свою одежду, разорвал ее и воскликнул: «Я живу в этом городе, а ты в нем голодаешь! Мне не вынести этого!»

И он обещал ему всякие блага и сказал: «Ты непременно должен разделить со мной соль». И мой брат ответил: «О господин, у меня нет терпения, и я сильно голоден!» И хозяин крикнул: «Эй, мальчик, подай таз и кувшин! — и сказал: — Подойди и вымой руки». И мой брат поднялся, чтобы помыть руки, но не увидел ни таза, ни кувшина. А хозяин стал делать движения, точно он моет руки, и потом крикнул: «Подайте столик!» Но мой брат ничего не увидал. И тот человек сказал ему: «Пожалуйста, поешь этого кушанья, не стыдись!» — и стал делать движения, как будто он ест, и говорил моему брату: «Удивительно, как ты мало ешь! Не ограничивай себя в еде, я знаю, как ты голоден!» И мой брат стал делать вид, что ест, а хозяин говорит ему: «Ешь и смотри, как хорош и как бел этот хлеб». Но брат ничего не видел и думал про себя: «Этот человек любит издеваться над людьми». «О господин мой,— сказал ему брат,— я в жизни не видал хлеба белее и вкуснее этого». И он отвечал: «Его испекла невольница, которую я купил за шестьсот динаров». Потом хозяин дома

крикнул: «Эй, мальчик, подай мясной пирог, первое кушанье, и прибавь в него жиру!» И спросил моего брата: «О гость, заклинаю тебя Аллахом, видел ли ты пирог лучше этого? Ради моей жизни, ешь, не стыдись! Эй, мальчик,— крикнул он затем,— подай нам мясо в уксусе и жирных куропаток!» И сказал моему брату: «Ешь, гость, ты голоден и нуждаешься в этом». И мой брат стал ворочать челюстями и жевать, а тот человек требовал кушанье за кушаньем, но ничего не приносили, и он только приказывал моему брату есть.

Потом он крикнул: «Эй, мальчик, подай нам цыплят, начиненных фисташками!» И сказал моему брату: «Заклинаю тебя жизнью, о мой гость, этих цыплят откармливали фисташками,— поешь же того, чему подобного ты никогда не ел, и не стыдись».— «О господин мой, это хорошо!» — отвечал мой брат; и хозяин стал подносить руку ко рту моего брата, как бы кормя его, и перечислял блюда, расхваливая их моему брату, который был голоден, и его голод еще увеличился, так что ему хотелось хотя бы ячменной лепешки. «Видел ли ты пряности лучше тех, что в этих кушаньях?» — спросил он потом; и мой брат ответил: «Нет, господин». И тот сказал: «Ешь хорошенько и не стыдись!» — «Мне уже довольно еды»,— отвечал мой брат; и хозяин дома крикнул: «Уберите это и подайте сладости!» И сказал моему брату: «Поешь вот этого, это прекрасное кушанье, и покушай этих пышек. Заклинаю тебя жизнью, возьми эту пышку, пока с нее не стек сок».— «Да не лишусь я тебя, о господин мой!» — воскликнул мой брат и принялся расспрашивать его, много ли мускуса в пышках, и хозяин дома отвечал: «У меня обычно кладут в каждую пышку мискаль мускуса и полмискаля амбры». И при всем этом мой брат двигал головой и ртом и играл челюстями. «Ешь этот миндаль, не стыдись»,— сказал хозяин дома; и мой брат ответил: «О господин мой, с меня уже довольно, я не в состоянии что-нибудь съесть!» А хозяин дома воскликнул: «О гость, если хочешь чего-нибудь съесть и насладиться, Аллахом, Аллахом заклинаю тебя, не будь голоден!» — «О господин,— сказал мой брат,— как может быть голоден тот, что съел все эти кушанья?» И потом мой брат подумал и сказал про себя: «Обязательно сделаю с ним дело, после которого он раскается в таких поступках!» А тот человек крикнул: «Подайте нам вино!» И слуги стали двигать руками в воздухе, точно подают вино. И хозяин подал брату кубок и сказал: «Возьми этот кубок, и если вино тебе понравится, скажи мне».— «О гос-

подин,— отвечал мой брат,— оно хорошо пахнет, но я привык пить старое вино, которому двадцать лет».— «Постучись-ка в эту дверь — ты сможешь несколько его выпить»,— сказал хозяин; и мой брат воскликнул: «О господин, твоей милостью!» — и сделал движение рукой, как будто пьет, а хозяин дома сказал: «На здоровье и в удовольствие!» Потом он сделал вид, что выпил, и подал моему брату второй кубок, и тот выпил и сделал вид, что опьянел, а затем мой брат захватил его врасплох и, подняв руку так, что стало видно белизну его подмышки, дал ему затрещину, от которой зазвенело в помещении. И он дал ему еще затрещину, второй раз, и тот человек воскликнул: «Что это, негодяй?» И мой брат отвечал: «О господин мой, ты был милостив к твоему рабу, и ввел его в свой дом, и дал ему поесть пищи, и напоил его старым вином, и он охмелел и стал буянить, но ты достаточно возвышен, чтобы снести его глупость и простить ему вину».

И, услышав его слова, хозяин дома громко рассмеялся и сказал: «Я уже долгое время потешаюсь над людьми и издеваюсь над друзьями, но не видел ни у кого такой выносливости и сообразительности, чтобы проделать со мною все эти дела. А теперь я простил тебя; будь же моим сотрапезником взаправду и никогда не расставайся со мной». И он велел внести множество сортов кушаний, которые упомянул вначале, и они с моим братом ели, пока не насытились, а затем они перешли в комнату для питья; и вдруг там оказались невольницы, подобные лунам, и они стали петь на все голоса и под все инструменты, а потом оба принялись пить, и их одолел хмель; и тот человек подружился с моим братом так, что стал ему точно брат, и полюбил его великой любовью, и наградил его. А когда настало утро, они снова принялись за еду и питье — и так продолжалось в течение двадцати лет. А потом тот человек умер, и султан захватил его имущество и то, что было у моего брата, и султан отбирал у него деньги, пока не оставил его бедняком, ничего не имеющим.

И мой брат вышел, убегая наобум; и когда он был посреди дороги, на него напали кочевники и взяли его в плен. Они привели его к себе в стан, и тот, кто его забрал, стал его мучить и говорил ему: «Выкупи у меня твою душу за деньги, а не то я тебя убью!»; а мой брат плакал и говорил ему: «Клянусь Аллахом, у меня ничего нет! Я твой пленник, делай со мной что хочешь».

И кочевник вынул нож, и отрезал моему брату губы, и все сильнее приставал к нему с требованиями. А у ко-

чевника была красивая жена, и когда он выходил, она предлагала себя моему брату и старалась прельстить его, а он отказывался; но когда наступил один из дней и она стала соблазнять брата, он принялся играть с нею и посадил ее к себе на колени. И в это время ее муж вдруг вошел к ней и, увидав моего брата, воскликнул: «Горе тебе, проклятый, теперь ты хочешь испортить мою жену!» И он вынул нож, и отрезал ему зебб, и, взвалив моего брата на верблюда, бросил его на горе, и оставил.

И мимо него проходили путешественники, и они узнали его, и накормили, и напоили, и сообщили мне, что с ним случилось; и я пришел к нему, и понес его, и принес его в город, и назначил ему всего достаточно. И вот я пришел к тебе, о повелитель правоверных, и побоялся уйти отсюда, прежде чем расскажу тебе: это было бы ошибкой. Ведь за мною шесть братьев, и я забочусь о них».

И когда повелитель правоверных услышал мою историю и то, что я рассказал ему о моих братьях, он засмеялся и сказал: «Твоя правда, о Молчальник, ты немногоречив, и в тебе нет болтливости, но теперь уходи из этого города и живи в другом!» И он выгнал меня под стражей.

И я входил в города и обходил области, пока не услышал о его смерти и о том, что халифом стал другой, и тогда я пришел в этот город; и оказалось, что мои братья уже умерли. И я пошел к этому юноше, и сделал с ним наилучшие дела, и если бы не я, его наверное бы убили, но он обвинил меня в том, чего во мне нет. И то, о собрание, что он передал о моей болтливости,— ложь. Из-за этого юноши я обошел многие страны, пока не достиг этой земли и не застал его у вас, и не от моего ли это великодушия, о благое собрание?»

И когда мы услышали историю цирюльника, и его многие речи, и то, что он обидел этого юношу, мы взяли цирюльника, и схватили его, и заточили, и сели, спокойные, и поели, и выпили, и пир продолжался до призыва к послеполуденной молитве. И потом я вышел и пришел домой, и моя жена насупилась и сказала: «Ты веселишься и развлекаешься, а я грущу! Если ты меня не выведешь и не будешь со мной гулять остаток дня, я разорву веревку нашей близости и причина нашей разлуки будет в тебе».

И я вышел с нею, и мы гуляли до вечера, а затем мы

вернулись и встретили горбуна, который был пьян через край, и он говорил такие стихи:

«Вино и кубок пропускают свет,
Прозрачность их, однако, не ясна:

Вот предо мной вино, а кубка нет,
Вот кубок предо мной, но нет вина».

И я пригласил его и вышел купить жареной рыбы, и мы сели есть, а потом моя жена дала ему кусок хлеба и рыбы и сунула их ему в рот, и заткнула его, и горбун умер; и я снес его и ухитрился бросить его в дом этого врача-еврея, а врач изловчился и бросил его в дом надсмотрщика, а надсмотрщик ухитрился и бросил на дороге христианина-маклера. Вот моя история и то, что я вчера пережил,— не удивительнее ли это истории горбуна?»

И, услышав эту историю, царь Китая затряс головой от восторга, и проявил удивление, и сказал: «Эта история, что произошла между юношей и болтливым цирюльником, поистине лучше и прекраснее истории лгуна-горбуна!»

Потом царь приказал одному из придворных: «Пойдите с портным и приведите цирюльника из заточения: я послушаю его речи, и он будет причиной вашего освобождения, а этого горбуна мы похороним — ведь он со вчерашнего дня мертвый — и сделаем его гробницу».

И не прошло минуты, как придворный с портным отправились в тюрьму, и вывели оттуда цирюльника, и шли с ним, пока не остановились перед царем. И, увидев цирюльника, царь всмотрелся в него — и вдруг оказывается: это дряхлый старик, зашедший за девяносто, с черным лицом, белой бородой и бровями, обрубленными ушами и длинным носом, и в душе его — глупость. И царь засмеялся от его вида и сказал: «О Молчальник, я хочу, чтобы ты рассказал мне какую-нибудь из твоих историй». И цирюльник спросил: «О царь времени, а какова история этого христианина, и еврея, и мусульманина, и мертвого горбуна, который среди вас, и что причина этого собрания?» — «А почему ты об этом спрашиваешь?» — сказал царь Китая; и цирюльник отвечал: «Я спрашиваю о них, чтобы царь узнал, что я не болтун и я не виновен в болтливости, в которой они меня обвиняют. Я тот, чье имя Молчальник, и во мне есть доля от моего имени».

«Изложите цирюльнику историю этого горбуна и то, что случилось с ним в вечернюю пору и что рассказывали еврей, христианин, надсмотрщик и портной»,— сказал царь; и они это сделали (а в повторении нет пользы!),

и после этого цирюльник покачал головой и воскликнул: «Клянусь Аллахом, это, поистине, удивительная диковина! Откройте этого горбуна!»

И ему открыли горбуна, и он сел около него, и, взяв его голову на колени, посмотрел ему в лицо, и стал так смеяться, что перевернулся навзничь, а потом воскликнул: «Всякая смерть удивительна, но о смерти этого горбуна следует записать золотыми чернилами!» И все собравшиеся оторопели от слов цирюльника, и царь удивился его речам и спросил: «Что с тобой, о Молчальник? Расскажи нам». И цирюльник ответил: «О царь времени, клянусь твоей милостью, в лгуне-горбуне есть дух!» И цирюльник вынул из-за пазухи шкатулку и, открыв ее, извлек из нее горшочек с жиром и смазал им шею горбуна и жилы на ней, а потом он вынул два железных крючка и, опустив их ему в горло, извлек оттуда кусок рыбы с костью, и когда он вынул его, оказалось, что он залит кровью. А горбун один раз чихнул и вскочил на ноги, и погладил себя по лицу, и воскликнул: «Свидетельствую, что нет бога, кроме Аллаха, и что Мухаммед — посланник Аллаха!» И царь и присутствующие удивились тому, что они воочию увидели.

И царь Китая так смеялся, что лишился чувств и присутствующие тоже; и султан сказал: «Клянусь Аллахом, это удивительная история, и я в жизни не слышал диковиннее ее!»

«О мусульмане, о все воины, — спросил потом султан, — видели ли вы в жизни, чтобы кто-нибудь умер и потом ожил? Если бы Аллах не послал ему этого цирюльника (а он был причиной его жизни), горбун наверное бы умер».

И все сказали: «Клянемся Аллахом, это удивительная диковина!» А потом царь Китая приказал записать эту историю золотыми чернилами, и ее записали и затем положили в казну царя. А после этого он наградил еврея, христианина и надсмотрщика, каждого из них, драгоценной одеждой, и велел им уходить; и они ушли. А затем царь обернулся к портному и наградил его драгоценной одеждой и сделал своим портным; он назначил ему выдачи, и помирил его с горбуном, наградил горбуна дорогой и красивой одеждой, и назначил ему выдачи, сделав его своим сотрапезником, а цирюльника он пожаловал и назначил его главным цирюльником царства и своим собутыльником. И они пребывали в сладостнейшей и приятнейшей жизни, пока не пришла к ним Разрушительница наслаждений и Разлучительница собраний.

Но это нисколько не удивительнее рассказа о двух везирях и Анис аль-Джалис». — «А как это было?» — спросила Дуньязада.

РАССКАЗ О ДВУХ ВЕЗИРЯХ И АНИС АЛЬ-ДЖАЛИС

«Дошло до меня, о счастливый царь, — сказала Шахразада, — что был в Басре царь из царей, который любил бедняков и нищих, и был благосклонен к подданным, и одаривал из своих денег тех, кто верил в Мухаммеда, да благословит его Аллах и да приветствует! И звали его царь Мухаммед ибн Сулейман аз-Зейни, и у него было два везиря, один из которых прозывался аль-Муин ибн Сави, а другого звали аль-Фадл ибн Хакан. И аль-Фадл ибн Хакан был великодушнейший человек своего времени и вел хорошую жизнь, так что сердца соединились в любви к нему, и люди единодушно советовались с ним, и все молились о его долгой жизни — ибо в нем было чистое добро и он уничтожил зло и вред.

А везирь аль-Муин ибн Сави ненавидел людей и не любил добра, и в нем было одно зло. И люди, насколько они любили аль-Фадла ибн Хакана, настолько ненавидели аль-Муина ибн Сави.

И властью всемогущего случилось так, что царь Мухаммед ибн Сулейман аз-Зейни однажды сидел на престоле своего царства, окруженный вельможами правления, и позвал своего везиря аль-Фадла ибн Хакана, и сказал ему: «Я хочу невольницу, которой не было бы лучше в ее время, и чтобы она была совершенна по красоте, и превосходила бы других стройностью, и обладала похвальными качествами».

И вельможи правления сказали: «Такую найдешь только за десять тысяч динаров». И тогда султан кликнул своего казначея и сказал: «Отнеси десять тысяч динаров аль-Фадлу ибн Хакану!» — и казначей исполнил приказание султана.

А везирь ушел, после того как султан велел ему ходить каждый день на рынок и передать посредникам то, что мы говорили, и чтобы не продавали ни одной невольницы выше

тысячи динаров ценою, пока ее не покажут везирю. И невольниц не продавали, прежде чем их покажут везирю, но никакая невольница, что попадала к ним, не нравилась ему.

В один из дней вдруг пришел ко дворцу везиря аль-Фадла ибн Хакана посредник и, увидя его на коне, въезжающим в царский дворец, схватил его стремя и сказал: «О господин, то, что отыскать было прежде благородное повеление,— готово!» И везирь воскликнул: «Ко мне с нею!» И посредник на некоторое время скрылся, и пришла с ним девушка стройная станом, с высокой грудью, насурьмленным оком и овальным лицом, с худощавым телом и тяжкими бедрами, в лучшей одежде, какая есть из одежд, и со слюной слаще патоки, и ее стан был стройнее гибких веток и речи нежнее ветерка на заре.

И когда везирь увидал ее, он был ею восхищен до пределов восхищения, а затем он обратился к посреднику и спросил его: «Сколько стоит эта невольница?» И тот ответил: «Цена за нее остановилась на десяти тысячах динаров, и ее владелец клянется, что эти десять тысяч динаров не покроют стоимости цыплят, которых она съела, и напитков, и одежд, которыми она наградила своих учителей, так как она изучила чистописание, и грамматику, и язык, и толкование Корана, и основы законоведения и религии, и врачевание, и времяисчисление, и игру на увеселяющих инструментах».— «Ко мне с ее господином!» — сказал везирь, и посредник привел его в тот же час и минуту, и вдруг оказывается — он человек из персиян, который прожил, сколько прожил, и судьба потрепала его, но пощадила.

«Согласен ли ты взять за эту невольницу десять тысяч динаров от султана Мухаммеда ибн Сулеймана аз-Зейни?» — спросил везирь, и персиянин воскликнул: «Клянусь Аллахом, я предлагаю ее султану ни за что — это для меня обязательно!» И тогда везирь велел принести деньги, и их принесли и отвесили персиянину.

И работорговец подошел к везирю и сказал ему: «С разрешения нашего владыки везиря, я скажу!» — «Подавай, что у тебя есть!» — ответил везирь, и торговец сказал: «По моему мнению, лучше тебе не приводить этой девушки к султану в сегодняшний день: она прибыла из путешествия, и воздух над нею сменился, и путешествие поистерло ее. Но оставь ее у себя во дворце на десять дней, пока она не придет в обычное состояние, а потом сведи ее в баню, одень ее в наилучшие одежды и отведи ее к султану — тебе будет при этом полнейшее счастье».

И везирь обдумал слова работорговца и нашел их правильными. Он привел девушку к себе во дворец, и отвел ей отдельное помещение, и каждый день выдавал ей нужные кушанья, напитки и прочее, и она провела таким образом некоторое время.

А у везиря аль-Фадла ибн Хакана был сын, подобный луне, когда она появится, с лицом как месяц и румяными щеками, с родинкой, словно точка амбры, и с зеленым пушком. И юноша не знал об этой невольнице, а его отец научил ее и сказал: «О дочь моя, знай, что я купил тебя только как наложницу для царя Мухаммеда ибн Сулеймана аз-Зейни, а у меня есть сын, который не оставался на улице один с девушкой без того, чтобы не иметь с нею дело. Будь же с ним настороже и берегись показать ему твое лицо и дать ему услышать твои речи». И девушка отвечала ему: «Слушаю и повинуюсь!» И он оставил ее и удалился.

А по предопределенному велению случилось так, что девушка в один из дней пошла в баню, что была в их жилище, и одна из невольниц вымыла ее, и она надела роскошные платья, так что увеличилась ее красота и прелесть, и вошла к госпоже, жене везиря, и поцеловала ей руку, и та сказала: «На здоровье, Анис аль-Джалис! Хороша эта баня?» — «О госпожа,— отвечала она,— мне недоставало только твоего присутствия там». И тогда госпожа сказала невольницам: «Пойдемте в баню!» — и те ответили: «Внимание и повиновение!» И они поднялись, и их госпожа меж ними, и она поручила двери той комнаты, где находилась Анис аль-Джалис, двум маленьким невольницам и сказала им: «Не давайте никому войти к девушке!» И они отвечали: «Внимание и повиновение!»

И когда Анис аль-Джалис сидела в комнате, сын везиря, а звали его Нур ад-Дин Али, вдруг пришел и спросил о своей матери и о девушке, и невольницы ответили: «Они пошли в баню».

А невольница Анис аль-Джалис услыхала слова Нур ад-Дина Али, сына везиря, будучи внутри комнаты, и сказала про себя: «Посмотреть бы, что это за юноша, о котором везирь говорил мне, что он не оставался с девушкой на улице без того, чтобы не иметь с ней дело! Клянусь Аллахом, я хочу взглянуть на него!» И поднявшись (а она была только что из бани), она подошла к двери комнаты и посмотрела на Нур ад-Дина Али, и вдруг оказывается — это юноша, подобный луне в полнолуние. И взгляд этот оставил после себя тысячу вздохов, и юноша бросил взгляд и взгля-

нул на нее взором, оставившим после себя тысячу вздохов, и каждый из них попал в сети любви к другому.

И юноша подошел к невольницам и крикнул на них, и они убежали от него и остановились вдалеке, глядя, что он сделает. И вдруг он подошел к двери комнаты, открыл ее, и вошел к девушке, и сказал ей: «Тебя мой отец купил для меня?» И она ответила: «Да»,— и тогда юноша подошел к ней (а он был в состоянии опьянения), и взял ее ноги, и положил их себе вокруг пояса, а она сплела руки на его шее и встретила его поцелуями, вскрикиваниями и заигрываниями, и он стал сосать ей язык, и она сосала ему язык, и он уничтожил ее девственность.

И когда невольницы увидали, что их молодой господин вошел к девушке Анис аль-Джалис, они закричали и завопили, а юноша уже удовлетворил нужду и вышел, убегая и ища спасения, и бежал, боясь последствий того дела, которое он сделал. И услышав вопли девушек, их госпожа поднялась, и вышла из бани (а пот капал с нее), и спросила: «Что это за вопли в доме? — и, подойдя к двум невольницам, которых она посадила у дверей комнаты, она воскликнула: — Горе вам, что случилось?» И они, увидав ее, сказали: «Наш господин Нур ад-Дин пришел к нам и побил нас, и мы убежали от него, а он вошел к Анис аль-Джалис и обнял ее, и мы не знаем, что он сделал после этого. А когда мы кликнули тебя, он убежал». И тогда госпожа подошла к Анис аль-Джалис и спросила ее: «Что случилось?» — и она отвечала: «О госпожа, я сижу, и вдруг входит ко мне красивый юноша и спрашивает: «Тебя купил для меня отец?» И я отвечала: «Да!» — и клянусь Аллахом, госпожа, я думала, что его слова правда,— и тогда он подошел ко мне и обнял меня».— «А говорил он тебе еще что-нибудь, кроме этого?» — спросила ее госпожа, и она ответила: «Да, и он взял от меня три поцелуя».— «Он не оставил тебя, не обесчестив!» — воскликнула госпожа, и потом заплакала, и стала бить себя по лицу, вместе с невольницами, боясь за Нур ад-Дина, чтобы его не зарезал отец.

И пока это происходило, вдруг вошел везирь и спросил в чем дело, и его жена сказала ему: «Поклянись мне, что то, что я скажу, ты выслушаешь!» — «Хорошо»,— отвечал везирь. И она повторила ему, что сделал его сын, и везирь опечалился, и порвал на себе одежду, и стал бить себя по лицу, и выщипал себе бороду. И его жена сказала: «Не убивайся, я дам тебе из своих денег десять тысяч динаров, ее цену». И тогда везирь поднял к ней голову и сказал:

«Горе тебе, не нужно мне ее цены, но я боюсь, что пропадет моя душа и мое имущество».— «О господин мой, а как же так?» — спросила она. И везирь сказал: «Разве ты не знаешь, что за нами следит враг, которого зовут аль-Муин ибн Сави? Когда он услышит об этом деле, он пойдет к султану и скажет ему: «Твой везирь, который, как ты говоришь, тебя любит, взял у тебя десять тысяч динаров и купил на них девушку, равной которой никто не видел, и когда она ему понравилась, он сказал своему сыну: «Возьми ее, у тебя на нее больше прав, чем у султана». И он ее взял и уничтожил ее девственность. И вот эта невольница у него». И царь скажет: «Ты лжешь!» — а он ответит царю: «С твоего позволения, я ворвусь к нему и приведу ее тебе». И царь прикажет ему это сделать, и он обыщет дом, и заберет девушку, и приведет ее к султану, а тот спросит ее, и она не сможет отрицать, и аль-Муин скажет: «О господин, ты знаешь, что я тебе искренний советчик, но только нет мне у вас счастья». И султан изуродует меня, а все люди будут смотреть на это, и пропадет моя душа». И жена везиря сказала ему: «Не дай никому узнать об этом — это дело случилось втайне — и вручи свое дело Аллаху в этом событии». И тогда сердце везиря успокоилось.

Вот что было с везирем. Что же касается Нур ад-Дина Али, то он испугался последствий своего поступка и проводил весь день в садах, а в конце вечера он приходил к матери и спал у нее, а перед утром вставал и уходил в сад. И так он поступал месяц, не показывая отцу своего лица. И его мать сказала его отцу: «О господин, погубим ли мы девушку и погубим ли сына? Если так будет продолжаться, то он уйдет от нас».— «А как же поступить?» — спросил ее везирь. И она сказала: «Не спи сегодня ночью и, когда он придет, схвати его — и помиритесь. И отдай ему девушку — она любит его, и он любит ее, а я дам тебе ее цену».

И везирь подождал до ночи и, когда пришел его сын, он схватил его и хотел его зарезать, но мать Нур ад-Дина настигла его и спросила: «Что ты хочешь с ним сделать?» — «Я зарежу его»,— отвечал везирь, и тогда сын спросил своего отца: «Разве я для тебя ничтожен?» И глаза везиря наполнились слезами, и он воскликнул: «О дитя мое, как могло быть для тебя ничтожно, что пропадут мои деньги и моя душа?» И юноша отвечал: «Послушай, о батюшка, что сказал поэт:

Пусть я грешник, но мудрые грешных прощали,
Ведь имели они снисхожденье к греху.

Как враги твои могут избегнуть печали,
Если все они в бездне, а ты наверху?» *[1]

И тогда везирь поднялся с груди своего сына и сказал: «Дитя мое, я простил тебя!» — и его сердце взволновалось, а сын его поднялся и поцеловал руку своего отца, и тот сказал: «О дитя мое, если бы я знал, что ты будешь справедлив к Анис аль-Джалис, я бы подарил ее тебе».— «О батюшка, как мне не быть к ней справедливым?» — спросил Нур ад-Дин.

И везирь сказал: «Я дам тебе наставление, дитя мое: не бери, кроме нее, жены или наложницы и не продавай ее».— «Клянусь тебе, батюшка, что я ни на ком, кроме нее, не женюсь и не продам ее»,— отвечал Нур ад-Дин, и дал в этом клятву, и вошел к невольнице, и прожил с нею год. И Аллах великий заставил царя забыть случай с этой девушкой.

Что же касается аль-Муина ибн Сави, то до него дошла весть об этом, но он не мог говорить из-за положения везиря при султане.

А когда прошел год, везирь аль-Фадл ибн Хакан отправился в баню и вышел оттуда вспотевший, и его ударило воздухом, так что он слег на подушки, и бессонница его продлилась, и слабость растеклась по нему.

И тогда он позвал своего сына Нур ад-Дина Али и, когда тот явился, сказал ему: «О сын мой, знай, что удел распределен и срок установлен, и всякое дыхание должно испить чашу смерти... О дитя мое,— сказал он потом,— нет у меня для тебя наставления, кроме того, чтобы бояться Аллаха, и думать о последствиях дел, и заботиться о девушке Анис аль-Джалис».— «О батюшка,— сказал Нур ад-Дин,— кто же равен тебе? Ты был известен добрыми делами, и за тебя молились на кафедрах!» И везирь сказал: «О дитя мое, я надеюсь, что Аллах меня примет!» И затем он произнес оба исповедания и был приписан к числу людей блаженства.

И тогда дворец перевернулся от воплей, и весть об этом дошла до султана, и жители города услышали о кончине аль-Фадла ибн Хакана, и заплакали о нем дети в школах. И его сын Нур ад-Дин Али поднялся и обрядил его, и явились эмиры, везири, вельможи царства и жители города, и в числе присутствующих на похоронах был везирь аль-Муин ибн Сави.

[1] Здесь и далее стихотворные вставки, отмеченные звездочкой, переведены А. Ревичем.

И когда схоронили аль-Фадла ибн Хакана в земле и вернулись друзья и родные, Нур ад-Дин тоже вернулся со стенаниями и плачем. И он пребывал в глубокой печали об отце долгое время, и в один из дней, когда он сидел в доме своего отца, вдруг кто-то постучал в дверь. И Нур ад-Дин Али поднялся и отворил дверь, и вошел один из сотрапезников и друзей его отца, и поцеловал Нур ад-Дину руку, и сказал: «О господин мой, кто оставил после себя подобного тебе, тот не умрет, и таков же был исход для господина первых и последних. О господин, успокой свою душу и оставь печаль!»

И тогда Нур ад-Дин перешел в покои, предназначенные для сидения с гостями, и перенес туда все, что было нужно, и у него собрались друзья, и он взял туда свою невольницу. И к нему сошлись десять человек из детей купцов, и он принялся есть кушанья и пить напитки, и обновлял трапезу за трапезой, и стал одарять гостей и проявлять щедрость.

И тогда пришел к нему его поверенный и сказал ему: «О господин мой, Нур ад-Дин, разве не слышал ты слов кого-то: «Кто тратит не считая — обеднеет не зная». О господин, эти значительные траты и богатые подарки уничтожают деньги».

И когда Нур ад-Дин Али услышал от своего поверенного эти слова, он посмотрел на него и ответил: «Из всего, что ты сказал, я не буду слушать ни слова! Я слышал, как поэт говорил:

Если я скопидом и богатствам слуга,
Пусть отсохнет рука, охромеет нога!

Разве кто-то от щедрости умер в позоре?
Разве слава скупца хоть кому дорога? *

Знай, о поверенный,— прибавил он,— я хочу, чтобы, если у тебя осталось достаточно мне на обед, ты не отягощал меня заботой об ужине».

И поверенный ушел от него своей дорогой, а Нур ад-Дин Али предался наслаждениям, ведя приятнейшую жизнь, как и прежде, и всякому из его сотрапезников, кто ему говорил: «Эта вещь прекрасна!» — он отвечал: «Она твоя как подарок». А если другой говорил: «О господин мой, такой-то дом красив!» — Нур ад-Дин отвечал ему: «Он подарок тебе».

И Нур ад-Дин до тех пор устраивал для них трапезу в начале дня и трапезу в конце дня, пока не провел таким образом год. А через год, однажды, он сидел и вдруг слышит: девушка Анис аль-Джалис произносит стихи:

«В довольстве живя, ты, конечно, доволен был всем,
Судьбы не страшился, о зле и не думал совсем,

Ночами, не видя опасности, стал ты беспечным,
Но ясные ночи угрозу таят между тем» *.

И только она кончила говорить стихотворение, как постучали в дверь, и Нур ад-Дин поднялся, и кто-то из его сотрапезников последовал за ним, а он не знал этого. И открыв дверь, Нур ад-Дин Али увидел своего поверенного и спросил его: «Что случилось?» И поверенный отвечал: «О господин мой, то, чего я боялся,— произошло».— «А как так?» — спросил Нур ад-Дин, и поверенный ответил: «Знай, что у меня в руках не осталось ничего, что бы стоило дирхем, или меньше, или больше, и вот тетради с расходами, которые я произвел, и записи о твоем первоначальном имуществе». И, услышав эти слова, Нур ад-Дин Али опустил голову к земле и воскликнул: «Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха!»

Когда же этот человек, который тайком последовал за ним, чтобы послушать, услыхал слова поверенного, он вернулся к своим друзьям и сказал: «Что станем делать? Нур ад-Дин Али разорился». И тут вернулся Нур ад-Дин Али к ним, они ясно увидели у него на лице огорчение, и тут один из сотрапезников поднялся на ноги, посмотрел на хозяина дома и спросил: «О господин, может быть, ты разрешишь мне уйти?» — «Почему это ты уходишь сегодня?» — спросил Нур ад-Дин, и гость ответил: «Моя жена рожает, и я не могу быть вдали от нее. Мне хочется пойти к ней и посмотреть ее». И Нур ад-Дин позволил ему.

Тогда встал другой и сказал: «О господин мой Нур ад-Дин, мне хотелось бы сегодня быть у брата,— он справляет обрезание своего сына».

И каждый стал отпрашиваться, с помощью выдумки, и уходил своей дорогой, пока не ушли все, и Нур ад-Дин Али остался один.

И тогда он позвал свою невольницу и сказал ей: «О Анис аль-Джалис, не видишь ты, что меня постигло?» И рассказал ей, о чем говорил ему поверенный. А она отвечала: «О господин, уже много ночей назад намеревалась я сказать тебе об этих обстоятельствах, но услышала, что ты произнес такие стихи:

«Коль мир этот щедро дарит тебе множество благ,
Будь щедрым с другими, покуда не канешь во мрак.

Покуда живешь ты, добра не погубят щедроты.
Коль жизнь завершилась, ее не продлишь ты никак» *.

И когда я услышала, что ты произносишь эти стихи, я промолчала и не обратила к тебе речи».

«О Анис аль-Джалис,— сказал ей Нур ад-Дин Али,— ты знаешь, что я раздарил свои деньги только друзьям, а они оставили меня ни с чем, но я думаю, что они не покинут меня без помощи».— «Клянусь Аллахом,— отвечала Анис аль-Джалис,— тебе не будет от них никакой пользы».

И тогда Нур ад-Дин воскликнул: «Я сейчас же пойду и постучусь к ним в дверь, быть может, мне что-нибудь от них достанется, и я сделаю это основой своих денег, и стану на них торговать, и оставлю развлечения и забавы».

И в тот же час и минуту он встал и шел не останавливаясь, пока не пришел в тот переулок, где жили его десять друзей (а все они жили в этом переулке). И он подошел к первым воротам и постучал, и к нему вышла невольница и спросила его: «Кто ты?» — и он отвечал ей: «Скажи твоему господину: Нур ад-Дин Али стоит у двери и говорит тебе: «Твой раб целует тебе руки и ожидает твоей милости». И невольница вошла и уведомила своего господина, но тот крикнул ей: «Воротись, скажи ему: «Его нет!» И невольница вернулась к Нур ад-Дину и сказала ему: «О господин, моего господина нет».

И Нур ад-Дин пошел, говоря про себя: «Если этот, сын прелюбодеяния, и отрекся от себя, то другой не будет сыном прелюбодеяния». И он подошел к воротам второго друга и сказал то же, что говорил в первый раз, но тот тоже оказался отсутствующим, и тогда Нур ад-Дин произнес:

«Все, увы, отвернулись, и тот, кто душой был широк,
Кто встречал угощеньем, едва ты ступал на порог» *.

А произнеся этот стих, он воскликнул: «Клянусь Аллахом, я непременно испытаю их всех: может быть, среди них будет один, кто заступит место их всех!» И он обошел этих десятерых, но никто из них не открыл ему двери, и не показался ему, и не разломил перед ним лепешки, и тогда Нур ад-Дин произнес:

«Удачей отмеченный, ты привлекаешь людей,
Как дерево в пору, когда созревают плоды.

Плоды оборвут, и вблизи никого не найдешь,
А дерево чахнет, страдает в жару без воды.

Где взять одного благородного из десяти?
Бездушным позор, да погибнут в пучине беды!» *

Потом он вернулся к своей невольнице (а его горе увеличилось), и она сказала ему: «О господин, не говорила

ли я, что они не принесут тебе никакой пользы!» И Нур ад-Дин отвечал: «Клянусь Аллахом, никто из них не показал мне своего лица, и ни один из них не признал меня». И тогда она сказала: «О господин, продавай домашнюю утварь и посуду, пока Аллах великий не приуготовит тебе чего-нибудь, и проживай одно за другим».

И Нур ад-Дин продавал, пока не продал всего, что было в доме, и у него ничего не осталось, и тогда он посмотрел на Анис аль-Джалис и спросил ее: «Что же будем делать теперь?» — «О господин,— отвечала она,— мое мнение, что тебе следует сейчас же встать, и пойти со мною на рынок, и продать меня. Ты ведь знаешь, что твой отец купил меня за десять тысяч динаров; быть может, Аллах пошлет тебе цену близкую к этой, а когда Аллах предопределит нам быть вместе, мы будем вместе».

«О Анис аль-Джалис,— отвечал Нур ад-Дин,— клянусь Аллахом, мне нелегко расстаться с тобою на одну минуту». И она сказала ему: «Клянусь Аллахом, о господин мой, и мне тоже, но у необходимости свои законы, как сказал поэт:

Нас порою идти заставляет нужда
По стезе, где иные умрут со стыда.

И когда бы несчастия не вынуждали,
На такое никто б не пошел никогда» *.

И тогда Нур ад-Дин поднялся на ноги, и взял Анис аль-Джалис (а слезы текли у него по щекам, как дождь), и произнес языком своего состояния:

«Погодите, вы мне на прощанье даруйте хоть взгляд!
Им утешится сердце, в разлуке вкусившее яд,

Но когда вам для этого надо немного усилий,
Не насилуйте душу, уж лучше погибну стократ» *.

А затем он пошел, и привел Анис аль-Джалис на рынок, и отдал ее посреднику, сказав ему: «О хаджи Хасан, знай цену того, что ты будешь предлагать». И посредник спросил: «Это не Анис аль-Джалис, которую твой отец купил у меня за десять тысяч динаров?» И тот сказал: «Да!»

Тогда посредник отправился к купцам, но увидал, что не все они собрались, и подождал, пока сошлись все купцы и рынок наполнился невольницами всех родов: из турчанок, франкских девушек, черкешенок, абиссинок, нубиянок, текрурок, гречанок, татарок, грузинок и других. И увидав, что рынок полон, посредник поднялся на ноги,

и выступил вперед, и крикнул: «О купцы, о денежные люди, не все, что кругло,— орех, и не все, что продолговато,— банан; не все красное — мясо, и не все белое — жир! О купцы, у меня эта единственная жемчужина, которой нет цены. Сколько же мне выкрикнуть за нее?» — «Кричи четыре тысячи динаров и пятьсот»,— сказал один из купцов, и зазыватель открыл ворота торга четырьмя тысячами и пятьюстами динаров.

И когда он произносил эти слова, вдруг везирь аль-Муин ибн Сави прошел по рынку и, увидав Нур ад-Дина Али, который стоял в конце рынка, он произнес про себя: «Что это сын ибн Хакана стоит здесь? Разве осталось у этого висельника что-нибудь, на что покупать невольниц?» И он посмотрел кругом и услышал зазывателя, который стоял на рынке и кричал, а купцы стояли вокруг него, и тогда везирь сказал про себя: «Я думаю, он, наверное, разорился и привел невольницу Анис аль-Джалис, чтобы продать ее».

«О, как освежает она мое сердце!» — подумал он потом и позвал зазывателя, и тот подошел к нему и поцеловал перед ним землю, а везирь сказал: «Я хочу ту невольницу, которую ты предлагаешь».

И зазыватель не мог прекословить и ответил ему: «О господин, во имя Аллаха!» — и вывел невольницу вперед и показал ее везирю.

И она понравилась ему, и он спросил: «О Хасан, сколько тебе давали за эту невольницу?» — «Четыре тысячи и пятьсот динаров, чтобы открыть торги»,— отвечал посредник. И аль-Муин крикнул: «Подать мне четыре тысячи пятьсот динаров!»

Когда купцы услыхали это, никто из них не хотел набавить ни дирхема, наоборот, они отошли, так как знали несправедливость везиря. А аль-Муин ибн Сави посмотрел на посредника и сказал ему: «Что же ты стоишь? Пойди предложи от меня четыре тысячи динаров, а тебе будет пятьсот динаров».

И посредник подошел к Нур ад-Дину и сказал: «О господин, пропала твоя невольница ни за что!» — «Как так?» — спросил тот, и посредник сказал: «Мы открыли торг за нее с четырех тысяч пятьсот динаров, но пришел этот злодей аль-Муин ибн Сави, который проходил по рынку, и когда он увидел эту невольницу, она понравилась ему, и он сказал мне: «Предложи от меня четыре тысячи динаров, и тебе будет пятьсот динаров». Я думаю, он, наверное, узнал, что эта невольница твоя, и если он сейчас

отдаст тебе за нее деньги — будет хорошо, но я знаю — он, по своей несправедливости, напишет тебе бумажку с переводом на кого-нибудь из своих управителей, а потом пошлет к ним, вслед за тобою, человека, который им скажет: «Не давайте ему ничего». И всякий раз, как ты пойдешь искать с них, они станут говорить тебе: «Сейчас мы тебе отдадим»,— и будут поступать с тобою таким образом один день за другим, а у тебя гордая душа. Когда же им наскучат твои требования, они скажут: «Покажи нам бумажку»,— и возьмут от тебя бумажку и порвут ее, и деньги за невольницу у тебя пропадут».

И, услышав от посредника эти слова, Нур ад-Дин Али посмотрел на него и сказал: «Как же поступить?» И посредник ответил: «Я дам тебе один совет, и если ты его от меня примешь, тебе будет полнейшее счастье».— «Что же это?» — спросил Нур ад-Дин. «Ты пойдешь сейчас ко мне, когда я буду стоять посреди рынка,— отвечал посредник,— и возьмешь у меня из рук невольницу, и ударишь ее, и скажешь: «О девка, я сдержал клятву, которую дал, и привел тебя на рынок, так как поклялся тебе, что ты непременно будешь выведена на рынок и посредник станет предлагать тебя!» И если ты это сделаешь, может быть, везирь и все люди попадутся на эту хитрость и подумают, что ты привел ее на рынок только для того, чтобы выполнить клятву».— «Вот это правильно!» — воскликнул Нур ад-Дин.

Потом посредник покинул его, и пошел на середину рынка, и, взяв невольницу за руку, сделал знак везирю аль-Муину ибн Сави и сказал: «О господин, вот ее владелец подходит». А Нур ад-Дин пришел, и вырвал из его рук невольницу, и ударил ее, и воскликнул: «Горе тебе, о девка, я привел тебя на рынок, чтобы сдержать клятву! Иди домой и не перечь мне другой раз! Горе тебе! Нужны мне за тебя деньги, чтобы я стал продавать тебя! Если бы я продал домашнюю утварь, я выручил бы много больше, чем твоя цена».

А везирь аль-Муин ибн Сави, увидав Нур ад-Дина, сказал ему: «Горе тебе, разве у тебя еще осталось что-нибудь, что продается или покупается?» И аль-Муин ибн Сави хотел броситься на него, и тут купцы посмотрели на Нур ад-Дина (а они все любили его), и он сказал им: «Вот я перед вами, и вы знаете, как он жесток!» А везирь воскликнул: «Клянусь Аллахом, если бы не вы, я бы наверное убил его!» И все купцы показали Нур ад-Дину знаком глаза: «Разделайся с ним!» — и сказали: «Ни один из нас не встанет между ним и тобою».

Тогда Нур ад-Дин подошел к везирю ибн Сави (а Нур ад-Дин был храбрец), и стащил везиря с седла, и бросил его на землю. А тут была месилка для глины, и везирь упал в нее, и Нур ад-Дин стал его бить и колотить кулаками, и один из ударов пришелся ему по зубам, так что борода везиря окрасилась его кровью.

А с везирем было десять невольников, и когда они увидали, что с их господином делают такие дела, они схватились руками за рукоятки своих мечей и хотели обнажить их и броситься на Нур ад-Дина Али, чтобы разрубить его, но тут люди сказали невольникам: «Этот — везирь, а тот — сын везиря. Может быть, они в другое время помирятся, и вы будете ненавистны и тому и другому; а может быть, аль-Муину достанется ваш удар, и вы умрете самой гадкой смертью. Рассудительней будет вам не вставать между ними».

И когда Нур ад-Дин кончил бить везиря, он взял свою невольницу и пошел к себе домой, а что касается везиря, то он тотчас же ушел, и его платье стало трех цветов: черное от глины, красное от крови и пепельное от грязи.

И, увидав себя в таком состоянии, он взял кусок циновки, и накинул ее себе на шею, и взял в руки два пучка хальфы, и отправился, и пришел к замку, где был султан, и закричал: «О царь времени, обиженный, обиженный!»

И его привели перед лицо султана, тот всмотрелся и вдруг видит — это старший везирь! «О везирь,— спросил султан,— кто сделал с тобою такие дела?» И везирь заплакал, и зарыдал, и произнес: «О господин, со всеми, кто тебя любит и служит тебе, бывает так!» И султан воскликнул: «Горе тебе, скорее скажи мне, как это с тобой случилось и кто сделал с тобою эти дела, когда уважение к тебе есть уважение ко мне!»

«Знай, о господин,— ответил везирь,— что я сегодня вышел на рынок, чтобы купить себе рабыню-стряпуху, и увидал на рынке девушку, лучше которой я не видел в жизни. И я хотел купить ее для нашего владыки султана и спросил посредника про нее и про ее господина, и посредник сказал мне, что она принадлежит Али, сыну аль-Фадла ибн Хакана. А наш владыка султан дал раньше его отцу десять тысяч динаров, чтобы купить на них красивую невольницу, и он купил эту невольницу, и она ему понравилась, и он поскупился на нее для владыки нашего султана и отдал ее своему сыну. И когда его отец умер, этот сын продавал все какие у него были владения, и сады, и посуду, пока не разорился, и он привел невольницу на рынок,

намереваясь ее продать, и купцы прибавляли за нее, пока ее цена не дошла до четырех тысяч динаров. И тогда я подумал про себя: «Куплю эту невольницу для нашего владыки-султана — ведь деньги за нее поначалу были от него»,— и сказал: «О дитя мое, возьми от меня ее цену — четыре тысячи динаров». И когда он услышал мои слова, он посмотрел на меня и сказал: «О скверный старец, я продам ее евреям и христианам, но тебе ее не продам!» И я сказал: «Я покупаю ее не для себя, я ее покупаю для нашего владыки-султана, властителя нашего благоденствия». И, услышав от меня эти слова, он рассердился, и потянул меня, и сбросил с коня, хотя я дряхлый старец, и бил меня своей рукой и колотил, пока не сделал меня таким, как ты видишь. И всему этому я подвергся лишь потому, что я пошел купить для тебя эту невольницу».

И везирь кинулся на землю и стал плакать, и когда султан увидал, в каком он состоянии, и услышал его слова, жила гнева вздулась у него между глаз. И он обернулся к вельможам царства, и вдруг перед ним встали сорок человек, разящие мечами, и султан сказал им: «Сейчас же идите к дому Али ибн Хакана, разграбьте и разрушьте его, и приведите ко мне Али и невольницу со скрученными руками, и волоките их лицами вниз, и приведите ко мне обоих!»

И они отвечали: «Внимание и повиновение!» — и надели оружие, и собрались идти к дому Али Нур ад-Дина.

А у султана был один придворный, по имени Алам ад-Дин Санджар, который раньше был невольником аль-Фадла ибн Хакана, отца Али Нур ад-Дина, а потом его должность менялась, пока султан не сделал его своим придворным. И когда он услышал приказание султана и увидал, что враги снарядились, чтобы убить сына его господина, это было для него нелегко, и он удалился от султапа и, сев на коня, поехал и прибыл к дому Нур ад-Дина Али. И он постучал в дверь, тот вышел к нему и, увидев его, признал его, а Алам ад-Дин сказал: «О господин, теперь не время для приветствий и разговоров; послушай, что сказал поэт:

Спасайся скорее, пока ты с бедой не знаком,
И пусть о хозяине плачет отеческий дом!

В другой стороне мы другое построим жилище,
А душу другую, увы, никогда не найдем» *.

«О Алам ад-Дин, что случилось?» — спросил Нур ад-Дин, и придворный ответил: «Поднимайся и спасай свою

душу, и ты и невольница! Аль-Муин ибн Сави расставил вам сеть, и когда вы попадете к нему в руки, он убьет вас обоих. Султан уже послал к вам сорок человек, разящих мечами, и, по моему мнению, вам следует бежать, прежде чем беда вас постигнет».

Потом Санджар протянул руку к своему поясу и, найдя в нем сорок динаров, взял их и отдал Нур ад-Дину и сказал: «О господин, возьми эти деньги и поезжай с ними. Будь у меня больше этого, я бы дал тебе, но теперь не время для упреков».

И тогда Нур ад-Дин вошел к невольнице и уведомил ее об этом, и она заломила руки, потом они оба тотчас же вышли за город (а Аллах опустил над ними свой покров), и пошли на берег реки, и нашли там судно, снаряженное к отплытию.

А капитан стоял посреди судна и кричал: «Кому еще нужно сделать запасы, или проститься с родными, или кто забыл что-нибудь нужное,— пусть делает это: мы отправляемся!» И все ответили: «У нас нет больше дел, капитан». И тогда капитан крикнул команде: «Живее, отпустите концы и вырвите колья!» И Нур ад-Дин Али спросил его: «Куда это, капитан?» — «В Обитель Мира, Багдад»,— отвечал капитан. Тогда Нур ад-Дин Али взошел на судно, и невольница взошла вместе с ним, и они поплыли и распустили паруса, и судно вышло, точно птица с парою крыльев, и ветер был хорош, и так вот случилось с ними.

Что же до того, что было с невольниками, то они пришли к дому Нур ад-Дина Али, сломали двери, и вошли, и обошли помещение, но не напали на их след, и тогда они разрушили дом, и воротились, и уведомили султана, и султан воскликнул: «Ищите их, в каком бы месте они ни были!» — и невольники отвечали: «Внимание и повиновение!»

Потом везирь аль-Муин ибн Сави ушел домой (а султан наградил его почетной одеждой), и его сердце успокоилось, и султан сказал ему: «Никто за тебя не отомстит, кроме меня»,— а везирь пожелал ему долгого века и жизни. А затем султан велел кричать в городе: «О люди, все поголовно! Наш владыка султан повелел, что того, кто наткнется на Али Нур ад-Дина, сына Хакана, и приведет его к султану, он наградит почетной одеждой и даст ему тысячу динаров, а тот, что его укроет или будет знать его место и не уведомит о нем, тот заслуживает наказания, которое его постигнет». И Нур ад-Дина Али начали искать, но о нем не пришло ни вестей, ни слухов, и вот что было с этими.

Что же касается Нур ад-Дина и его невольницы, то они

благополучно достигли Багдада, и капитан сказал им: «Вот Багдад. Это безопасный город, и зима ушла от него с ее холодом, и пришло к нему время весны с ее розами, и деревья в нем зацвели, и каналы в нем побежали».

И тогда Нур ад-Дин Али со своей невольницей сошел с судна и дал капитану пять динаров, и, покинув судно, они прошли немного, и судьбы закинули их к садам. И они пришли в одно место и увидали, что оно выметено и обрызгано, с длинными скамьями и висящими ведрами, полными воды, а сверху был навес из тростника, во всю длину прохода, и в начале дорожки были ворота в сад, но только запертые. «Клянусь Аллахом, это прекрасное место!» — сказал Нур ад-Дин Али своей невольнице, и она отвечала: «О господин, посидим немного на этих скамьях и передохнем». И они подошли, и сели на скамью, и вымыли лицо и руки, и их ударило воздухом, и они заснули (преславен тот, кто не спит!).

А этот сад назывался Сад Увеселения, и в нем был дворец, называемый Дворец Удовольствия и Изображений, и принадлежал он халифу Харуну ар-Рашиду. И халиф, когда у него стеснялась грудь, приходил в этот сад и во дворец и сидел там, и во дворце было восемьдесят окон, где было подвешено восемьдесят светильников, а посреди дворца был большой подсвечник из золота. И когда халиф приходил, он отдавал невольницам приказание открыть окна и приказывал девушкам и Исхаку ибн Ибрахиму ан-Надиму петь, и тогда его грудь расправлялась и проходила его забота.

А в саду был садовник, дряхлый старик, которого звали шейх Ибрахим, и когда он выходил по делу и видел в саду гуляющих с непотребными женщинами, он сильно сердился. И шейх Ибрахим дождался, пока в какой-то день халиф пришел к нему, и рассказал ему об этом, и халиф сказал: «Со всякими, кого ты найдешь у ворот сада, делай что хочешь».

И когда настал тот день, шейх Ибрахим, садовник, вышел, чтобы исполнить одно случившееся ему дело, и увидел этих двоих, которые спали у ворот сада, прикрытые одним изаром. «Клянусь Аллахом, хорошо! — сказал он. — Они не знали, что халиф дал мне разрешение и приказ убивать всех, кого я найду здесь! Но я их ужасно отколочу, чтобы никто не приближался к воротам сада». И он срезал зеленую ветку, и подошел к ним, и, подняв руку, так что стала видна белизна его подмышки, хотел их побить, но подумал и сказал про себя: «О Ибрахим, как ты будешь их

бить, не зная их положения? Может быть, они чужеземцы или из странников и судьба закинула их сюда. Я открою их лица и посмотрю на них». И он поднял с их лиц изар и сказал себе: «Эти двое красивы, и мне не должно их бить»,— и накрыл их лица и, подойдя к Нур ад-Дину Али, стал растирать ему ноги.

И Нур ад-Дин открыл глаза и нашел у себя в ногах дряхлого старца, имевшего вид степенный и достойный, и тогда он устыдился, и поджал ноги, и сел, и, взяв руки шейха Ибрахима, поцеловал их. И шейх спросил его: «О дитя мое, ты откуда?» И Нур ад-Дин отвечал: «О господин, мы чужеземцы»,— и слезы побежали из его глаз. А шейх Ибрахим сказал: «О дитя мое, знай, что пророк, да благословит его Аллах и да приветствует, учил почитать чужеземцев. И, дитя мое,— продолжал он,— не пройдешь ли ты в сад и не погуляешь ли в нем? Тогда твоя грудь расправится».— «О господин, а чей это сад?» — спросил Нур ад-Дин, и шейх Ибрахим ответил: «О дитя мое, сад я получил в наследство от родных». (А при этих словах у шейха Ибрахима была та цель, чтобы они успокоились и прошли в сад.)

И, услышав слова шейха, Нур ад-Дин поблагодарил его и поднялся вместе с невольницей (а шейх Ибрахим шел впереди них), и они вошли и увидели сад, да какой еще сад! И ворота его были со сводами, точно портик, и были покрыты лозами, а виноград там был разных цветов — красный, как яхонт, и черный, как эбен. И они вошли под навес и нашли там плоды, росшие купами и отдельно, и на ветвях птиц, поющих напевы, и соловьев, повторявших разные колена, и горлинок, наполнявших голосом это место, и дроздов, щебетавших как человек, и голубей, подобных пьющему, одурманенному вином, а деревья принесли совершенные плоды из всего, что есть съедобного, и каждого плода было по паре. И были тут абрикосы — от камфарных до миндальных и хорасанских, и сливы, подобные цвету лица прекрасных, и вишни, уничтожающие желтизну зубов, и винные ягоды двух цветов — белые отдельно от красных,— и померанцы, цветами подобные жемчугам и кораллам, и розы, что позорят своей алостью щеки красивых, и фиалка, похожая на серу, вспыхнувшая огнями в ночь, и мирты, и левкои, и лаванда с анемонами, и эти цветы были окаймлены слезами облаков, и уста ромашек смеялись, и нарциссы смотрели на розы глазами негров, и сладкие лимоны были как чаши, а кислые — только ядра из золота. И земля покрылась цветами всех окрасок, и при-

шла весна, и это место засияло блеском, и поток журчал, и пели птицы, и ветер свистел, и воздух был ровный. Потом шейх Ибрахим вошел с ними в помещение, бывшее наверху, и Нур ад-Дин увидал, как красиво это помещение, и увидел свечи, уже упомянутые, что были в окнах, и вспомнил былые пиры, и воскликнул: «Клянусь Аллахом, этот покой прекрасен!» И затем они сели, и шейх Ибрахим подал им еду, и они досыта поели и вымыли руки, а затем Нур ад-Дин подошел к одному из окон и кликнул свою невольницу, и она подошла, и оба стали смотреть на деревья, обремененные всякими плодами.

А потом Нур ад-Дин обернулся к шейху Ибрахиму и спросил его: «О шейх Ибрахим, нет ли у тебя какого-нибудь питья? Ведь люди пьют, когда поедят». И шейх Ибрахим принес им воды — прекрасной, нежной и холодной, но Нур ад-Дин сказал: «О шейх Ибрахим, это не то питье, которого я хочу».— «Может быть, ты хочешь вина?» — спросил шейх. И когда Нур ад-Дин ответил: «Да»,— он воскликнул: «Сохрани меня от него Аллах! Я уже тринадцать лет не делал этого, так как пророк, да благословит его Аллах и да приветствует, проклял пьющих вино и тех, кто его выжимает, продает или покупает».

«Выслушай от меня два слова»,— сказал Нур ад-Дин. «Говори»,— отвечал старик, и Нур ад-Дин спросил: «Если какой-нибудь проклятый осел будет проклят, случится с тобою что-нибудь оттого, что он проклят?» — «Нет»,— отвечал старик. И Нур ад-Дин сказал: «Возьми этот динар и эти два дирхема, сядь на того осла, и остановись поодаль от лавки, и, когда увидишь покупающего вино, позови его от лавки и скажи: «Возьми эти два дирхема, и купи на этот динар вина, и взвали его на осла». И будет, что ты не нес вино и не покупал, и с тобой из-за этого ничего не случится». И шейх Ибрахим воскликнул, смеясь его словам: «Клянусь Аллахом, дитя мое, я и не видал никого остроумнее тебя, и не слышал речей слаще твоих!» А потом шейх Ибрахим сделал так, как сказал ему Нур ад-Дин, и тот поблагодарил его за это и сказал: «Теперь мы зависим от тебя, и тебе следует лишь соглашаться. Принеси нам то, что нам нужно».— «О дитя мое,— отвечал Ибрахим,— вот мой погреб перед тобою (а это была кладовая, предназначенная для повелителя правоверных), входи туда и бери оттуда что хочешь, там больше, чем ты пожелаешь».

И Нур ад-Дин вошел в кладовую, и увидал там сосуды из золота, серебра и хрусталя, выложенные разными дорогими камнями, и вынес их, и расставил в ряд, и налил вино

в кружки и бутылки, и он был обрадован тем, что увидел, и поражен. И шейх Ибрахим принес им плоды и цветы, а затем он ушел и сел поодаль от них, а они стали пить и веселиться.

И питье взяло над ними власть, и глаза их стали влюбленно переглядываться, и волосы у них распустились, и цвет лица изменился. И шейх Ибрахим сказал себе: «Что это я сижу вдали, отчего мне не сесть возле них? Когда я встречу у себя таких, как эти двое, что похожи на две луны?»

И шейх Ибрахим подошел и сел в конце портика, и Нур ад-Дин Али сказал ему: «О господин, заклинаю тебя жизнью, подойди к нам!» — и шейх Ибрахим подошел. И Нур ад-Дин наполнил кубок и, взглянув на шейха Ибрахима, сказал: «Выпей, чтобы посмотреть, какой у него вкус!» — «Сохрани Аллах! — воскликнул шейх Ибрахим,— я уже тринадцать лет ничего такого не делал!» И Нур ад-Дин притворился, что забыл о нем, и выпил кубок и кинулся на землю, показывая, что хмель одолел его.

И тогда Анис аль-Джалис взглянула на шейха и сказала ему: «О шейх Ибрахим, посмотри, как этот поступил со мной»,— а шейх Ибрахим спросил: «А что с ним, о госпожа?» И девушка отвечала: «Он постоянно так поступает со мною: попьет недолго и заснет, а я остаюсь одна, и нет у меня собутыльника, чтобы посидеть со мною за чашей, и некому мне пропеть над чашей».— «Клянусь Аллахом, это нехорошо!» — сказал шейх Ибрахим (а его члены расслабли, и душа его склонилась к ней из-за ее слов). А девушка наполнила кубок и, взглянув на шейха Ибрахима, сказала: «Заклинаю тебя жизнью, не возьмешь ли ты его и не выпьешь ли? Не отказывайся и залечи мое сердце». И шейх Ибрахим протянул руку, и взял кубок, и выпил его, а она налила ему второй раз, и поставила кубок на подсвечник, и сказала: «О господин, тебе остается этот».— «Клянусь Аллахом,— ответил он,— я не могу его выпить! Довольно того, что я уже выпил!» Но девушка воскликнула: «Клянусь Аллахом, это неизбежно!» И шейх взял кубок и выпил его, а потом она дала ему третий, и он взял его и хотел его выпить, как вдруг Нур ад-Дин очнулся, и сел прямо, и сказал: «О шейх Ибрахим, что это такое? Разве я только что не заклинал тебя, а ты отказался и сказал: «Я уже тринадцать лет не делал этого»?» И шейх Ибрахим отвечал, смущенный: «Клянусь Аллахом, я не виноват, это она сказала мне!» — и Нур ад-Дин засмеялся.

И они сели пить, и девушка сказала потихоньку своему

господину: «О господин, пей и не упрашивай шейха Ибрахима пить, я покажу тебе, что с ним будет». И она принялась наливать и поить своего господина, ее господин наливал и поил ее, и так они делали раз за разом, и шейх Ибрахим посмотрел на них и сказал: «Что это за дружба! Прокляни, Аллах, ненасытного, который пьет, в нашу очередь! Не дашь ли и мне выпить, брат мой? Что это такое, о благословенный!» И они засмеялись его словам так, что опрокинулись на спину, а потом они выпили, и напоили его, и продолжали пить вместе, пока не прошла треть ночи. И тогда девушка сказала: «О шейх Ибрахим, не встать ли мне, с твоего позволения, и не зажечь ли одну из этих свечей, что поставлены в ряд?» — «Встань,— сказал он,— но не зажигай больше одной свечи»,— и девушка поднялась на ноги и, начавши с первой свечи, зажгла все восемьдесят, а потом села. И тогда Нур ад-Дин спросил: «О шейх Ибрахим, а что есть у тебя на мою долю? Не позволишь ли мне зажечь один из этих светильников?» И шейх Ибрахим сказал: «Встань, зажги один светильник и не будь ты тоже назойливым». И Нур ад-Дин поднялся и, начавши с первого, зажег все восемьдесят светильников, и тогда помещение заплясало. А шейх Ибрахим, которого уже одолел хмель, воскликнул: «Вы смелее меня!» И он встал на ноги и открыл все окна, и они с ним сидели и пили вместе, произнося стихи, и дворец весь сверкал.

И определил Аллах, властный на всякую вещь (и всякой вещи он создал причину), что в эту минуту халиф посмотрел и взглянул на те окна, что были над Тигром, при свете месяца и увидел свет свечей и светильников, блиставший в реке. И халиф, бросив взгляд и увидев, что дворец в саду как бы пляшет из-за этих свечей и светильников, воскликнул: «Ко мне Джафара Бармакида!» И не прошло мгновения, как тот уже предстал перед лицом повелителя правоверных, и халиф воскликнул: «О собака среди везирей! Ты отбираешь у меня город Багдад и не сообщаешь мне об этом?» — «Что это за слова?» — спросил Джафар. «Если бы город Багдад не был у меня отнят,— ответил халиф,— Дворец Изображений не горел бы огнями свечей и светильников и не были бы открыты его окна! Горе тебе! Кто бы отважился совершить подобные поступки, если бы ты у меня не отнял халифат?» И Джафар, у которого затряслись поджилки, спросил: «А кто рассказал тебе, что Дворец Изображений освещен и окна его открыты?» — и халиф отвечал: «Подойди ко мне и взгляни!»

И Джафар подошел к халифу, и посмотрел в сторону

сада, и увидал, что дворец светится от свечей в темном мраке. И он хотел оправдать шейха Ибрахима, садовника: быть может, это было с его позволения, так как он увидел в этом для себя пользу, и сказал: «О повелитель правоверных, шейх Ибрахим на той неделе, что прошла, сказал мне: «О господин мой Джафар, я хочу справить обрезание моих сыновей при жизни повелителя правоверных и при твоей жизни»,— и я спросил его: «А что тебе нужно?» — и он сказал мне: «Возьми для меня от халифа разрешение справить обрезание моих детей в замке». И я отвечал ему: «Иди справляй их обрезание, а я повидаюсь с халифом и уведомлю его об этом». И он таким образом ушел от меня, а я забыл тебя уведомить».

«О Джафар,— отвечал халиф,— у тебя была передо мной одна провинность, а теперь стало две, так как ты ошибся с двух сторон: во-первых, ты не уведомил меня об этом, а с другой стороны, ты не довел шейха Ибрахима до его цели: он ведь пришел к тебе и сказал эти слова только для того, чтобы намекнуть, что он хочет немного денег, и помочь себе ими, а ты ему ничего не дал и не сообщил мне об этом».— «О повелитель правоверных, я забыл»,— отвечал Джафар, и халиф воскликнул: «Клянусь моими отцами и дедами, я проведу остаток ночи только возле него! Он человек праведный, и заботится о старцах и факирах, и созывает их, и они у него собираются, и, может быть, от молитвы кого-нибудь из них нам достанется благо в здешней и будущей жизни. И в этом деле будет для него польза от моего присутствия, и шейх Ибрахим обрадуется».— «О повелитель правоверных,— отвечал Джафар,— время вечернее, и они сейчас заканчивают». Но халиф вскричал: «Хочу непременно отправиться к ним!» — и Джафар умолк, и растерялся, и не знал что делать.

А халиф поднялся на ноги, и Джафар пошел перед ним, и с ним был Масрур, евнух, и все трое отправились, изменив обличье, и, выйдя из дворца халифа, пошли по улицам, будучи в одежде купцов, и достигли ворот упомянутого сада. И халиф подошел и увидел, что ворота сада открыты, и удивился, и сказал: «Посмотри, Джафар! Как это шейх Ибрахим оставил ворота открытыми до этого времени! Не таков его обычай!»

И они вошли и достигли конца сада, остановились под дворцом, и халиф сказал: «О Джафар, я хочу посмотреть за ними, раньше чем войду к ним, чтобы взглянуть, чем они заняты, и посмотреть на старцев. Я до сих пор не слышу ни звука, и никакой факир не поминает имени Аллаха».

И халиф посмотрел, и увидел высокий орешник, и сказал: «О Джафар, я хочу влезть на это дерево — его ветви близко от окон — и посмотреть на них»,— и затем халиф полез на дерево и до тех пор цеплялся с ветки на ветку, пока не поднялся на ветвь, бывшую напротив окна. И он сел на нее, и посмотрел в окно дворца, и увидел девушку и юношу, подобных двум лунам (превознесен тот, кто сотворил их и придал им образ!), и увидел шейха Ибрахима, который сидел с кубком в руке и говорил: «О владычица красавиц, в питье без музыки нету счастья! Я слышал, как поэт говорил:

За малою чашей мы чашу большую вина
По кругу запустим, и снова нальет нам луна,

Но ты не спеши, ведь без музыки пить не годится.
Не просто без свиста водой напоить скакуна» *.

И когда халиф увидал, что шейх Ибрахим совершает такие поступки, жила гнева вздулась у него меж глаз, и он спустился и сказал Джафару: «Я никогда не видал праведников в таком состоянии! Поднимись ты тоже на это дерево и посмотри, чтобы не миновало тебя благословение праведных». И, услышав слова повелителя правоверных, Джафар впал в недоумение, не зная что делать, и поднялся на верхушку дерева, и посмотрел, и вдруг видит Нур ад-Дина, шейха Ибрахима и невольницу, и у шейха Ибрахима в руках кубок. И, увидав это, Джафар убедился, что погиб, и спустился вниз, и встал перед повелителем правоверных, и халиф сказал ему: «О Джафар, слава Аллаху, назначившему нам следовать явным указаниям закона!» И Джафар не мог ничего сказать от сильного смущения, а потом халиф взглянул на Джафара и сказал: «Посмотри-ка! Кто привел этих людей на это место и кто ввел их в мой дворец? Но равных по красоте этому юноше и этой девушке никогда не видели мои глаза».— «Твоя правда, о владыка султан»,— отвечал Джафар, который начал надеяться на прощение халифа Харуна ар-Рашида, и халиф сказал: «О Джафар, поднимемся на ту ветку, что против них, и посмотрим на них!»

Оба поднялись на дерево, и стали смотреть, и услышали, что шейх Ибрахим говорил: «О господа мои, я оставил степенность за питьем вина, но это услаждает только при звуках струн». И Анис аль-Джалис ответила: «О шейх Ибрахим, клянусь Аллахом, будь у нас какие-нибудь музыкальные инструменты, наша радость была бы полной». И услышав слова невольницы, шейх Ибрахим встал на

ноги, и халиф сказал Джафару: «Посмотрим, что он будет делать!» — «Не знаю»,— отвечал Джафар, а шейх Ибрахим скрылся и вернулся с лютней, и халиф всмотрелся в нее и вдруг видит — это лютня Абу Исхака ан-Надима.

«Клянусь Аллахом,— воскликнул тогда халиф,— если эта невольница споет скверно, я распну вас всех, а если она споет хорошо, я их прощу и распну тебя одного».— «О боже,— сказал Джафар,— сделай так, чтобы она спела скверно!» — «Зачем?» — спросил халиф. «Чтобы ты распял нас всех, и мы бы развлекали друг друга»,— отвечал Джафар, и халиф засмеялся его словам.

А девушка взяла лютню, и осмотрела ее, и настроила ее струны, и ударила по ним, и сердца устремились к ней, а она произнесла:

«О люди, в чьей власти дать помощь несчастным влюбленным!
Нас пламя страстей иссушило, любовь обожгла.

Мы будем достойны любого из благодеяний,
Не надо смеяться, мы просим защиты от зла.

Нас горе постигло, мы в прахе теперь, в униженье,
Мы в ваших руках, наша участь, увы, тяжела.

Вы можете нас и убить, но какая вам прибыль?
На душу возьмете все наши дурные дела» *.

«Клянусь Аллахом, хорошо, о Джафар! — воскликнул халиф.— Я в жизни не слышал голоса певицы, подобного этому!» А Джафар спросил: «Быть может, гнев халифа оставил его?» — «Да, оставил»,— сказал халиф и спустился с дерева вместе с Джафаром, а потом он обратился к Джафару и сказал: «Я хочу войти, и посидеть с ними, и услышать пенье этой девушки предо мной».— «О повелитель правоверных,— отвечал Джафар,— если ты войдешь к ним, они, может быть, смутятся, а шейх Ибрахим — тот умрет от страха». Но халиф воскликнул: «О Джафар, непременно научи меня, как мне придумать хитрость и войти к ним, чтобы они не узнали меня».

И халиф с Джафаром отправились в сторону Тигра, размышляя об этом деле, и вдруг видят, рыбак стоит и ловит рыбу под окнами дворца. А как-то раньше халиф кликнул шейха Ибрахима и спросил его: «Что это за шум я слышу под окнами дворца?» — и шейх Ибрахим ответил: «Это голоса рыбаков». И тогда халиф сказал ему: «Пойди удали их отсюда»,— и рыбаков не стали туда пускать.

Когда же наступила эта ночь, пришел рыбак, по имени Карим, и увидел, что ворота в сад открыты, и сказал: «Вот время небрежности! Я воспользуюсь этим и половлю теперь

рыбу!» И он взял свою сеть и закинул ее в реку, и вдруг халиф. один, остановился над его головой. И халиф узнал его и сказал: «Карим!» — и тот обернулся, услышав, что его называют по имени, и когда он увидел халифа, у него затряслись поджилки, и он воскликнул: «Клянусь Аллахом, о повелитель правоверных, я сделал это не для того, чтобы посмеяться над приказом, но бедность и семья побудили меня на то, что ты видишь!»

«Полови на мое имя», — сказал халиф. И рыбак подошел обрадованный, и закинул сеть, и подождал, пока она растянется до конца и установится на дне, а потом он потянул ее к себе и вытянул всевозможную рыбу. И халиф обрадовался этому и сказал: «Карим, сними с себя одежду!» И тот скинул свое платье (а на нем был кафтан из грубой шерсти, с сотней заплаток, где было немало хвостатых вшей) и снял с головы тюрбан, который он вот уже три года не разматывал, но всякий раз, увидев тряпку, он нашивал ее на него.

И когда он скинул свой кафтан и тюрбан, халиф снял с себя две шелковые одежды — александрийскую и баальбекскую, — и плащ, и фарджию и сказал рыбаку: «Возьми их и надень». А халиф надел кафтан рыбака и его тюрбан, и прикрыл себе лицо платком, и сказал рыбаку: «Уходи к своему делу», — и рыбак поцеловал ноги халифа, и поблагодарил его, и сказал:

«Ты милостив был, о дарующий свет голытьбе!
Подобной награды в моей не бывало судьбе.

Пребуду всю жизнь я до гроба тебе благодарен,
Из гроба мой прах вознесет благодарность тебе» *.

И рыбак еще не окончил своего стихотворения, как вши уже заползали по коже халифа, и тот стал хватать их с шеи правой и левой рукой и кидать, и сказал: «О рыбак, горе тебе, поистине много вшей в этом кафтане!» — «О господин, — отвечал рыбак, — сейчас тебе больно, а пройдет неделя, и ты не будешь чувствовать их и не станешь о них думать». И халиф засмеялся и воскликнул: «Горе тебе! Оставлю я этот кафтан на теле!» — «Я хочу сказать тебе слово», — сказал рыбак. «Говори, что у тебя есть», — отвечал халиф. «Мне пришло на ум, о повелитель правоверных, — сказал рыбак, — что раз ты захотел научиться ловить рыбу, чтобы у тебя было в руках полезное ремесло, этот кафтан тебе подойдет». И халиф засмеялся словам рыбака, а затем рыбак повернул своей дорогой, а халиф взял корзину с рыбой, положил сверху немного зелени

и пришел с нею к Джафару и остановился перед ним. И Джафар подумал, что это Карим, рыбак, и испугался за него и сказал: «Карим, что привело тебя сюда? Спасайся! Халиф сегодня в саду, и если он тебя увидит — пропала твоя шея». И, услышав слова Джафара, халиф рассмеялся, и когда он рассмеялся, Джафар узнал его и сказал: «Быть может, ты наш владыка султан?» — «Да, Джафар,— отвечал халиф,— ты мой везирь, и мы с тобой пришли сюда, а ты меня не узнал; так как же узнает меня шейх Ибрахим, да еще пьяный? Стой на месте, пока я не вернусь к тебе!» И Джафар отвечал: «Слушаю и повинуюсь!»

И потом халиф подошел к дверям дворца и постучал легким стуком, и Нур ад-Дин сказал: «Шейх Ибрахим, в двери дворца стучат».— «Кто у дверей?» — спросил шейх Ибрахим. И халиф сказал: «Я, шейх Ибрахим»,— и тот спросил: «Кто ты?» — и халиф ответил: «Я, Карим, рыбак. Я услышал, что у тебя гости, и принес тебе немного рыбы. Она хорошая». И услышав упоминание о рыбе, Нур ад-Дин и его невольница обрадовались и сказали: «О господин, открой ему, и пусть он принесет нам свою рыбу». И шейх Ибрахим открыл дверь, и халиф вошел, будучи в обличии рыбака, и поздоровался первым, и шейх Ибрахим сказал ему: «Привет вору, грабителю и игроку! Пойди покажи нам рыбу, которую ты принес!» И халиф показал им рыбу, и они посмотрели и видят — рыба живая, шевелится, и тогда невольница воскликнула: «Клянусь Аллахом, господин, эта рыба хорошая! Если бы она была жареная!» — «Клянусь Аллахом, госпожа моя, ты права! — ответил шейх Ибрахим и затем сказал халифу: — Почему ты не принес эту рыбу жареной? Встань теперь, изжарь ее и подай нам».— «Сейчас я вам ее изжарю и принесу»,— отвечал халиф, и они сказали: «Живо!»

И халиф побежал бегом и, придя к Джафару, крикнул: «Джафар!» — «Да, повелитель правоверных, все хорошо?» — ответил Джафар, и халиф сказал: «Они потребовали от меня рыбу жареной».— «О повелитель правоверных,— сказал Джафар,— подай ее, я им ее изжарю». Но халиф воскликнул: «Клянусь гробницей моих отцов и дедов, ее изжарю только я, своей рукой!» И халиф подошел к хижине садовника, и, поискав там, нашел все, что ему было нужно, даже соль, шафран и майоран и прочее, и, подойдя к жаровне, повесил сковороду и хорошо поджарил рыбу, а когда она была готова, положил ее на лист банана, и взял из сада лимон и сухих плодов, и принес рыбу, и поставил ее перед ними.

И девушка с юношей и шейх Ибрахим подошли и стали есть, а покончив с едой, они вымыли руки, и Нур ад-Дин сказал: «Клянусь Аллахом, рыбак, ты оказал нам сегодня вечером прекрасную милость!» И он положил руку в карман и вынул ему три динара из тех динаров, что дал ему Санджар, когда он выходил в путешествие, и сказал: «О рыбак, извини меня! Если бы ты знал меня до того, что со мной случилось, я бы, наверное, удалил горечь бедности из твоего сердца, но возьми это по мере благословения Аллаха!» И он кинул динары халифу, и халиф взял их, и поцеловал, и убрал (а при всем этом халиф желал только послушать девушку, когда она будет петь).

И халиф сказал Нур ад-Дину: «Ты поступил хорошо и был милостив, но я хочу от твоей всеобъемлющей милости, чтобы эта девушка спела нам песню, и я бы послушал» И тогда Нур ад-Дин сказал: «Анис аль-Джалис!» — и она отвечала: «Да!» — а он сказал ей: «Заклинаю тебя жизнью, спой нам что-нибудь ради этого рыбака, он хочет тебя послушать!»

И, услышав слова своего господина, девушка взяла лютню, настроила ее струны, прошлась по ним и произнесла:

«О стройная дева! Лишь тронула струны рукой,
Ты наши похитила души, украла покой.

Едва лишь запела — и слух возвратила глухому.
«Какие прекрасные звуки!» — воскликнул немой» *.

А потом она заиграла на диковинный лад, так что ошеломила умы, и произнесла такие стихи:

«Вы нас почтили, украсив наш город собой,
Блеском рассеяли мглу этой ночи сырой.

Впору и мне благовоньями дом окропить:
Розовой влагою, мускусом и камфарой» *.

И халиф пришел тут в восторг, и волнение одолело его, и от сильного восторга он не мог удержаться и воскликнул: «Хорошо, клянусь Аллахом! Хорошо, клянусь Аллахом! Хорошо, клянусь Аллахом!» — а Нур ад-Дин спросил его: «О рыбак, понравилась ли тебе невольница?» И халиф отвечал: «Да, клянусь Аллахом!» — и тогда Нур ад-Дин сказал: «Она мой подарок тебе,— подарок благодарного, который не отменяет подарков и не берет обратно даром»

И затем Нур ад-Дин поднялся на ноги, и, взяв плащ, бросил его рыбаку, и велел ему выйти и уходить с девушкой, и девушка посмотрела на Нур ад-Дина и сказала:

«О господин, ты уходишь не прощаясь! Если уж это неизбежно, постой, пока я с тобой прощусь и изъясню тебе свое состояние». И она произнесла такие стихи:

«Страданье, тоска и печальная память былого
Измучили душу, и тело прозрачно, как дым.

Любимый, не надо твердить, что утешусь я скоро,
Не вижу исхода тоске и печалям моим.

Уж если способен в слезах своих кто-нибудь плавать,
По ним поплыву я, как чели по затонам речным.

О вы, кто владеет душой моей ныне и вечно,
Как хмель винограда разбавленный — кубком златым!

Разлука близка. Как я этой минуты страшилась!
О тот, кто играл моей страстью и сердцем живым!

О доблестный отпрыск Хакана, мечта моя, жажда!
О тот, кто душою и сердцем вовеки любим!

Ты ради меня не страшился и гнева владыки,
Теперь ты живешь на чужбине, блуждаешь, гоним.

О мой господин, пусть Аллах нам в разлуке поможет!
Ты отдал Кариму меня. Будь прославлен, Карим!» *

И когда она окончила стихотворение, Нур ад-Дин ответил ей такими стихами:

«В минуту прощанья, в тот день роковой,
Рыдая, она говорила со мной:

«Скажи мне, как будешь ты жить без меня?»
В ответ я: «Спроси у того, кто живой» *.

И когда халиф услышал в стихах ее слова: «Кариму ты дал меня»,— его стремление к ней увеличилось, но ему стало тяжело и трудно разлучить их, и он сказал юноше: «Господин мой, девушка упомянула в стихах, что ты стал врагом ее господину и обладателю. Расскажи же мне, с кем ты враждовал и кто тебя разыскивает».— «Клянусь Аллахом, о рыбак,— отвечал Нур ад-Дин,— со мной и с этой невольницей произошла удивительная история и диковинное дело, и будь оно написано иглами в уголках глаза, оно бы послужило назиданием для поучающихся!» И халиф спросил: «Не расскажешь ли ты нам о случившемся с тобою деле и не осведомишь ли нас о твоей истории? Быть может, тебе будет в этом облегчение, ведь помощь Аллаха близка».— «О рыбак,— спросил тогда Нур ад-Дин,— выслушаешь ли ты наш рассказ в нанизанных стихах, в рас-

сыпанной речи?» И халиф ответил: «Рассыпанная речь — слова, а стихи — нанизанные жемчужины».

И тогда Нур ад-Дин склонил голову к земле и произнес такие стихи:

«Друг сердечный, давно я расстался со сном,
Трудно тем, кто покинул отеческий дом.

Мой родитель и холил меня и лелеял,
Но теперь обитает он в мире ином.

Бед немало в ту пору разбило мне сердце,
Много бед приключилось со мною потом.

Мне отец мой купил дорогую рабыню
С гибким станом, как ива, и ясным челом.

Я наследство на эту красотку истратил,
Разбазарил с друзьями за пирным столом.

Хоть с любимою было мне жаль расставаться,
Я на торжище с нею предстал городском.

Объявил ее цену на рынке посредник
И легко сторговался с одним стариком.

И тогда я разгневался гневом великим
И отбил у злодеев добычу силком.

Мой противник в неистовство впал, разъярился,
Налетел на меня с перекошенным ртом.

Я ответил ударом, отвел свою душу,
Справа бил его, слева крушил кулаком.

Убоявшись врагов, убежал я с базара,
От возмездия в доме укрылся родном.

Приказал изловить меня наш повелитель,
Но знакомый привратник, пришедший тайком,

Мне шепнул, чтоб скорей уходил я отсюда
В край далекий, где я никому не знаком.

И ушли мы из дому глубокою ночью,
И дошли до Багдада неблизким путем.

О рыбак, все, что было, тебе подарил я,
Был богатым, остался с пустым кошельком,

А теперь отдаю и души моей радость,
Жизнь отдам, если надо, и душу притом» *.

И когда он кончил свои стихи, халиф сказал ему: «О господин мой Нур ад-Дин, изложи мне твое дело»,—

и тот рассказал ему свою историю с начала до конца. И когда халиф понял, каково его положение, он спросил: «Куда ты сейчас направляешься?» — «Земли Аллаха обширны»,— отвечал Нур ад-Дин. И халиф сказал: «Вот я напишу тебе бумажку, доставь ее султану Мухаммеду ибн Сулейману аз-Зейни, и когда он прочтет ее, он не сделает тебе вреда». И Нур ад-Дин Али воскликнул: «А разве есть в мире рыбак, который переписывается с царями? Подобной вещи не бывает никогда!» — «Ты прав,— отвечал халиф,— но я скажу тебе причину: знай, что мы с ним читали в одной школе у одного учителя, и я был его старшим, а впоследствии его настигло счастье, и он стал султаном, а мою судьбу Аллах переменил и сделал меня рыбаком. Но я не посылал к нему с просьбой без того, чтобы он не исполнил ее, и если бы я каждый день посылал ему тысячу просьб, он бы их наверное исполнил».

И, услышав его слова, Нур ад-Дин сказал: «Хорошо, пиши, а я посмотрю». И халиф взял чернильницу и калам и написал славословия, а вслед за тем: «Это письмо от Харуна ар-Рашида, сына аль-Махида, его высочеству Мухаммеду ибн Сулейману аз-Зейни, охваченному моей милостью, которого я сделал моим наместником над частью моего государства..Это письмо достигнет тебя вместе с Нур ад-Дином Али ибн Хаканом, сыном везиря, и в тот час, когда он прибудет к вам, сложи с себя власть и назначь его, и не перечь моему приказу. Мир тебе!»

Потом он отдал письмо Нур ад-Дину Али ибн Хакану, и Нур ад-Дин взял письмо, и поцеловал его, и положил в тюрбан, и тотчас же отправился в путь, вот что с ним было.

Что же касается халифа, то шейх Ибрахим посмотрел на него, когда он был в образе рыбака, и воскликнул: «О самый низкий из рыбаков, ты принес нам пару рыб, стоящих двадцать полушек, взял три динара и хочешь забрать и девушку тоже!» И халиф, услышав его слова, закричал на него и кивнул Масруру, и тот показался и ринулся на шейха. А Джафар послал одного мальчика из детей, бывших в саду, к дворцовому привратнику и потребовал от него царскую одежду, и мальчик ушел, и принес одежду, и поцеловал землю между руками халифа, и халиф снял то, что было на нем, и надел ту одежду.

А шейх Ибрахим сидел на скамеечке, и халиф стоял и смотрел, что будет, и тут шейх Ибрахим оторопел, и растерялся, и стал кусать пальцы, говоря: «Посмотри-ка! Сплю я или бодрствую?» — «О шейх Ибрахим, что означа-

ет твое состояние?» — спросил халиф, и тогда шейх Ибрахим очнулся от опьянения, и кинулся на землю, и произнес:

«Прости, государь, прегрешенье — споткнулась нога.
Невольнику милость хозяев всегда дорога.

Я сделал как должно — покаялся в грешном деянье,
Взываю к пощаде, ведь можно простить и врага» *.

И халиф простил его и приказал, чтобы девушку доставили во дворец, и когда она прибыла во дворец, халиф отвел отдельное помещение ей одной и назначил людей, чтобы ей служить, и сказал ей: «Знай, что я послал твоего господина султаном в Басру, и если хочет Аллах великий, мы отправим ему почетную одежду и отошлем тебя к нему». Вот что случилось с этими.

Что же касается Нур ад-Дина Али ибн Хакана, то он ехал не переставая, пока не достиг Басры, а потом он пришел ко дворцу султана и издал громкий крик, и султан услышал его и потребовал к себе. И представ между его руками, Нур ад-Дин поцеловал землю, и вынул бумажку, и подал ее ему, и когда султан увидел заглавные строки письма, написанные почерком повелителя правоверных, он поднялся, и встал на ноги, и поцеловал их три раза, и воскликнул: «Внимание и повиновение Аллаху великому и повелителю правоверных!»

Потом он призвал четырех судей и эмиров и хотел снять с себя власть, но вдруг явился везирь — тот, аль-Муин ибн Сави. И султан дал ему бумажку, и везирь, прочтя ее, изорвал ее до конца, и взял в рот, и разжевал, и выбросил, и султан крикнул ему, разгневанный: «Горе тебе, что тебя побудило к таким поступкам?» А везирь отвечал ему: «Клянусь твоей жизнью, о владыка султан, этот не видался ни с халифом, ни с его везирем. Это висельник, злокозненный дьявол; ему попалась какая-то пустая бумажка, написанная почерком халифа, и он приспособил ее к своей цели. И халиф не посылал его взять у тебя власть, и у него нет ни благородного указа, ни грамоты о назначении. Он не пришел от халифа, никогда, никогда, никогда! И если бы это дело случилось, халиф бы наверное прислал вместе с ним придворного или везиря, но он пришел один».

«Так как же поступить?» — спросил султан, и везирь сказал: «Отошли этого юношу со мною — я возьму его от тебя и пошлю его с придворным в город Багдад. И если его слова правда, он привезет нам благородный указ и грамоту,

если же он не привезет их, я возьму должное с этого моего обидчика». И услышав слова везиря аль-Муина ибн Сави, султан сказал: «Делай с ним что хочешь!»

И везирь взял его от султана в свой дом и кликнул своих слуг, и они разложили его и били, пока он не обеспамятел. И он наложил ему на ноги тяжелые оковы, и привел его в тюрьму, и крикнул тюремщику, и тот пришел и поцеловал землю между руками везиря (а этого тюремщика звали Кутейт). И везирь сказал ему: «О Кутейт, я хочу, чтобы ты взял и бросил его в один из подвалов, которые у тебя в тюрьме, и пытал бы его ночью и днем!» И тюремщик отвечал: «Внимание и повиновение!»

А потом тюремщик ввел Нур ад-Дина в тюрьму и запер дверь, и после этого он велел обмести скамью, стоявшую за дверью, и накрыть ее подстилкой и ковром, и посадил на нее Нур ад-Дина, и расковал его оковы, и был к нему милостив. И везирь каждый день посылал к тюремщику и приказывал ему бить Нур ад-Дина, но тюремщик защищал его от этого в течение сорока дней.

А когда наступил день сорок первый, от халифа пришли подарки, и, увидав их, султан был ими доволен и посоветовался с везирем относительно них, и кто-то сказал: «А может быть, это подарки для нового султана?» И сказал везирь Аль-Муин ибн Сави: «Самым подходящим было бы убить его в час его прибытия». И султан воскликнул: «Клянусь Аллахом, ты напомнил мне о нем! Пойди приведи его и отруби ему голову». И везирь отвечал: «Слушаю и повинуюсь! — и поднялся и сказал: — Я хочу, чтобы в городе кричали: «Кто хочет посмотреть на казнь Нур ад-Дина Али ибн Хакана, пусть приходит ко дворцу!» И придет и сопровождаемый и сопровождающий, чтобы посмотреть, и я исцелю свою душу и повергну в горе завистников».— «Делай что хочешь»,— сказал ему султан.

И везирь пошел, счастливый и радостный, и пришел к вали, и велел ему кричать, как мы упомянули.

А когда люди услышали глашатая, они огорчились и заплакали — все, даже мальчики в школах и торговцы в лавках. И люди вперегонки побежали захватить места, чтобы посмотреть на это, а некоторые пошли к тюрьме, чтобы прийти с Нур ад-Дином. Везирь же отправился с десятью невольниками в тюрьму, и тюремщик Кутейт спросил его: «Что ты хочешь, наш владыка везирь?» — «Приведи мне этого висельника»,— сказал везирь, и тюремщик ответил: «Он в самом зловещем положении — так много я его бил».

А потом тюремщик вошел и увидел, что Нур ад-Дин говорит такие стихи:

«Кто мне поможет? Жестокие беды вокруг.
Где же лекарство, чтоб вылечить смертный недуг?

Сердце и душу мою источила разлука,
Волею судеб врагом моим сделался друг.

Люди, найду ль среди вас я надежного друга,
Кто на печальный призыв отозвался бы вдруг?

Смерть — пустяки, не страшусь я теперь и забвенья,
Не уповаю на жизнь после стольких разлук.

Боже единый, тобой — океаном познаний,
Тем, кто ведет нас вдоль этих дорожных излук,

Гласом ходатаев всех — я теперь заклинаю,
Дай отпущенье грехам, избавленье от мук» *.

И тогда тюремщик снял с него чистую одежду, надел на него две грязные рубахи и отвел его к везирю, и Нур ад-Дин посмотрел, и вдруг видит, что это его враг, который стремится его убить. И увидав его, он заплакал и спросил его: «Разве ты в безопасности от судьбы? Или не слышал ты слов поэта:

Где ныне Хосрои? Тираны ушли навсегда.
От всех их сокровищ теперь не осталось следа» *.

«Знай, о везирь,— сказал он потом,— что лишь Аллах, да будет он превознесен и прославлен, творит то, что хочет». И везирь возразил: «О Али, ты пугаешь меня этими словами? Я сегодня отрублю тебе голову наперекор жителям Басры и не стану раздумывать, и пусть судьба делает что хочет. Я не посмотрю на твои обещания и посмотрю лишь на слова поэта:

Пусть судьба повелителем будет тебе.
Будь покорен, спокойно доверься судьбе *.

А как прекрасны слова другого:

Кто врагов пережил хоть на миг,
Тот уже своей цели достиг» *.

И потом везирь приказал своим слугам взвалить Нур ад-Дина на спину мула, и слуги, которым было тяжело это сделать, сказали Нур ад-Дину: «Дай нам побить его камнями и разорвать его, если даже пропадут наши души». Но Нур ад-Дин отвечал им: «Ни за что не делайте этого. Разве вы не слышали слов поэта, сказавшего:

Обязан прожить я те дни, что назначил мне рок,
Закончились дни — значит, смерть к нам пришла на порог.

И если б меня в свое логово львы затащили,
Я не был бы съеден, покуда не кончен мой срок» *.

И потом они закричали о Нур ад-Дине: «Вот наименьшее воздаяние тому, кто возводит на царей ложное!» И его до тех пор возили по Басре, пока не остановились под окнами дворца, и тогда его поставили на ковре крови, и палач подошел к нему и сказал: «О господин мой, я подневольный раб в этом деле. Если у тебя есть какое-нибудь желание — скажи мне, и я его исполню: твоей жизни осталось только на то время, пока султан не покажет из окна лицо».

И тогда Нур ад-Дин посмотрел и налево, и назад, и вперед и произнес:

«Я увидал палача, его меч и ковер.
Я закричал: «Это горе мое и позор!»

Кто мне поможет, кто руку мне дружбы протянет?
Кто отзовется и этим смягчит приговор?

Пробило время мое, и погибель совсем уже рядом.
Может быть, даже в раю повстречаю укор?

Кто мне воды поднесет, облегчит мои муки?
Кто на меня обратит свой сочувственный взор?» *

И люди стали плакать о нем, и палач встал, и взял чашку воды, и подал ее Нур ад-Дину, но везирь поднялся с места, и ударил рукой кружку с водой, и разбил ее, и закричал на палача, приказывая ему отрубить голову Нур ад-Дину. И тогда палач завязал Нур ад-Дину глаза, и народ закричал на везиря, и поднялись вопли, и умножились вопросы одних к другим, и когда все это было, вдруг взвилась пыль, и клубы ее наполнили воздух и равнину. И когда увидел это султан, который сидел во дворце, он сказал им: «Посмотрите в чем дело»,— а везирь воскликнул: «Отрубим этому голову сначала!» Но султан возразил: «Подожди ты, пока увидим в чем дело».

А это была пыль, поднятая Джафаром Бармакидом, везирем халифа, и теми, кто был с ним, и причиной их прихода было то, что халиф провел тридцать дней, не упоминая о деле Али ибн Хакана, и никто ему о нем не говорил, пока он не подошел в какую-то ночь к комнате Анис аль-Джалис и не услышал, что она плачет и произносит красивым и приятным голосом слова поэта:

«Образ твой видится издалека,
Имя твое не сойдет с языка» *.

И ее плач усилился, и вдруг халиф открыл дверь, и вошел в комнату, и увидел Анис аль-Джалис, которая плакала, а она, увидав халифа, упала на землю и поцеловала его ноги три раза, а потом произнесла:

«О ты, кто корнями столь чист и рожденьем высок.
О дерева древнего плодоносящий росток!

Желаю тебе я напомнить твое обещанье.
Исполни его, совершенный, ие будь так жесток!» *

И халиф спросил ее: «Кто ты?» — и она сказала: «Я подарок тебе от Али ибн Хакана и хочу исполнения обещания, данного мне тобою, что ты пошлешь меня к нему с почетным подарком; я здесь теперь уже тридцать дней не вкусила сна».

И тогда халиф потребовал Джафара Бармакида и сказал ему: «Джафар, я уже тридцать дней не слышу вестей об Али ибн Хакане, и я думаю, что султан убил его. Но, клянусь жизнью моей головы и гробницей моих отцов и дедов, если с ним случилось нехорошее дело, я непременно погублю того, кто был причиною этому, хотя бы он был мне дороже всех людей! Я хочу, чтобы ты сейчас же поехал в Басру и привез сведения о правителе Мухаммеде ибн Сулеймане аз-Зейни и об Али инб Хакане. Если ты пробудешь в отсутствии дольше, чем требует расстояние пути, — прибавил халиф, — я снесу тебе голову. Ты знаешь, о сын моего дяди, о деле Нур ад-Дина Али и о том, что я послал его с письмом от меня. И если ты увидишь, о сын моего дяди, что правитель поступил не согласно с тем, что я послал сообщить ему, вези его и вези также везиря аль-Муина ибн Сави в том виде, в каком ты их найдешь. И не отсутствуй больше, чем требует расстояние пути». И Джафар отвечал: «Внимание и повиновение!» — и затем он тотчас же собрался и ехал, пока не прибыл в Басру, и, обгоняя друг друга, устремились к царю Мухаммеду ибн Сулейману аз-Зейни вести о прибытии Джафара Бармакида.

И везирь Джафар прибыл и увидел эту смуту, беспорядок и давку, и тогда он спросил: «Отчего эта давка?» И ему рассказали, что происходит с Нур ад-Дином Али ибн Хаканом, и, услышав их слова, Джафар поспешил подняться к султану, и приветствовал его, и осведомил его о том, зачем он приехал, и о том, что, если с Али ибн Хаканом случилось дурное дело, султан погубит тех, кто был причиной этому.

После этого он схватил султана и везиря аль-Муина ибн Сави, и заточил их, и приказал выпустить Нур ад-Дина Али ибн Хакана, и посадил его султаном на место султана Мухаммеда ибн Сулеймана аз-Зейни.

И он провел в Басре три дня — время угощения гостя,— а когда настало утро четвертого дня, Али ибн Хакан обратился к Джафару и сказал ему: «Я чувствую желание повидать повелителя правоверных». И Джафар сказал тогда царю Мухаммеду ибн Сулейману аз-Зейни: «Снаряжайся в путь, мы совершим утреннюю молитву и поедем в Багдад»,— и царь отвечал: «Внимание и повиновение!»

И они совершили утреннюю молитву, и все поехали, и с ними был везирь аль-Муин ибн Сави, который стал раскаиваться в том, что он сделал. А что касается Нур ад-Дина Али ибн Хакана, то он ехал рядом с Джафаром, и они ехали до тех пор, пока не достигли Багдада, Обители Мира.

После этого они вошли к халифу и, войдя к нему, рассказали о деле Нур ад-Дина и о том, как они нашли его близким к смерти. И тогда халиф обратился к Али ибн Хакану и сказал ему: «Возьми этот меч и отруби им голову твоего врага».

И Нур ад-Дин взял меч и подошел к аль-Муину ибн Сави, и тот посмотрел на него и сказал: «Я поступил по своей природе, ты поступи по своей». И Нур ад-Дин бросил меч из рук, и посмотрел на халифа, и сказал: «О повелитель правоверных, он обманул меня этими словами!»

«Оставь его ты,— сказал тогда халиф и крикнул Масруру: — О Масрур, встань ты и отруби ему голову!» И Масрур встал и отрубил ему голову.

И тогда халиф сказал Али ибн Хакану: «Пожелай от меня чего-нибудь».— «О господин мой,— отвечал Нур ад-Дин,— нет мне нужды владеть Басрой, я хочу только быть почтенным службою тебе и видеть твое лицо». И халиф отвечал: «С любовью и удовольствием!»

Потом он позвал ту невольницу, Анис аль-Джалис, и она появилась перед ним, и халиф пожаловал их обоих, и дал им дворец из дворцов Багдада, и назначил им выдачи, а Нур ад-Дина он сделал своим сотрапезником, и тот пребывал у него в приятнейшей жизни, пока не застигла его смерть».

«Но рассказ о двух везирях и Анис аль-Джалис не удивительнее повести о купце и о его детях»,— продолжала Шахразада.

«А как это было?» — спросил Шахрияр.

И Шахразада сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что был в древние времена и минувшие века и столетия один купец, у которого водились деньги. Еще был у него сын, подобный луне в ночь полнолуния, красноречивый языком, по имени Ганим ибн Айюб, порабощенный, похищенный любовью. А у Ганима была сестра по имени Фитна, единственная по красоте и прелести. И их отец скончался и оставил им большое состояние и, между прочим, сто тюков шелка, парчи и мешочков мускуса, и на этих тюках было написано: «Это из того, что приготовлено для Багдада»,— у купца было намерение отправиться в Багдад. А когда его взял к себе Аллах великий и прошло некоторое время, его сын забрал эти тюки и поехал в Багдад. Это было во времена халифа Харуна ар-Рашида. И сын простился со своей матерью, близкими и согражданами перед тем, как уехать, и выехал, полагаясь на Аллаха великого, и Аллах начертал ему благополучие, пока он не достиг Багдада, и с ним было множество купцов. И он нанял себе красивый дом, и устлал его коврами и подушками, и повесил в нем занавески, и поместил в доме эти тюки, и мулов, и верблюдов, и сидел, пока не отдохнул, а купцы и вельможи Багдада приветствовали его. А потом он взял узел, где было десять отрезов дорогой материи, на которых была написана их цена, и отправился на рынок. И купцы встретили его словами: «Добро пожаловать!» — и приветствовали его, и оказали почет, и помогли ему спешиться, и посадили рядом со старостою рынка. Потом Ганим подал старосте узел, и тот развязал его и вынул куски материи, и староста рынка продал для него эти отрезы. И Ганим нажил на каждый динар два таких же динара. Он обрадовался и стал продавать материи и отрезы, один за другим, и занимался этим целый год.

А в начале следующего года он подошел к галерее, бывшей на рынке, и увидел, что ворота ее заперты, и, когда он спросил о причине этого, ему ответили: «Один из купцов умер, и все купцы ушли, чтобы быть на его похоронах. Не хочешь ли ты получить небесную награду, отправившись с ними?» И Ганим отвечал: «Хорошо!» — и спросил о месте погребения. И ему указали это место, и он совершил омове-

ние, и пошел с купцами, пока они не достигли места молитвы и не помолились об умершем, а потом все купцы пошли перед носилками на кладбище, и Ганим последовал за ними в смущении.

А они вышли с носилками из города и, пройдя меж гробниц, дошли до могилы и увидели, что родные умершего уже разбили над могилой палатку, принесли свечи и светильники. И затем мертвого закопали, и чтецы сели читать Коран над его могилой, и купцы тоже сели, и Ганим ибн Айюб сел с ними, и смущение одолело его, и он говорил про себя: «Я не могу оставить их и уйду вместе с ними».

И они просидели, слушая Коран, до времени ужина, и им подали ужин и сладкое, и они ели, пока не насытились, а потом вымыли руки и остались сидеть на месте. Но душа Ганима была занята мыслями о его доме и товарах, и он боялся воров. И он сказал про себя: «Я человек чужой и подозреваемый в богатстве; если я проведу эту ночь вдали от дома, воры украдут деньги и тюки».

И, боясь за свое имущество, он встал и, попросив разрешения, ушел от собравшихся, сказав, что идет по важному делу. И он шел по следам на дороге, пока не достиг ворот города, а в то время была полночь, и он нашел городские ворота запертыми, и не видал никого на дороге, и не слышал ни звука, кроме лая собак и воя волков. И Ганим отошел назад и воскликнул: «Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха! Я боялся за свои деньги и шел ради них, но нашел ворота закрытыми и теперь боюсь за свою душу!»

После этого он повернул назад, чтобы присмотреть себе место, где бы проспать до утра, и увидел усыпальницу, окруженную четырьмя стенами, где росла пальма, и там была открытая дверь из камня. И он вошел в усыпальницу и хотел заснуть, но сон не шел к нему. Его охватил страх и тоска, так как он был среди могил. И тогда он поднялся на ноги, и открыл дверь гробницы, и посмотрел — и вдруг видит: вдали, со стороны городских ворот, свет. И пройдя немного, он увидал, что этот свет на дороге движется к той гробнице, где он находился. И тут Ганим испугался за себя, и, поспешив закрыть дверь, стал взбираться на пальму, и влез наверх, и спрятался в ее маковке.

А свет все приближался к гробнице понемногу, понемногу, пока совсем не приблизился к усыпальнице. Ганим присмотрелся и увидал трех негров: двое несли сундук, а у третьего в руках был фонарь и топор.

Когда они подошли к усыпальнице, один иэ негров, несших сундук, воскликнул: «Что это, Сауаб?» — а другой

негр отвечал: «Что с тобой, о Кафур?» И первый сказал: «Разве не были мы здесь в вечернюю пору и не оставили дверь открытой?» — «Да, эти слова правильны»,— отвечал другой, и первый сказал: «А вот она закрыта и заперта на засов!» И тогда третий, который нес топор и свет (а звали его Бухейтом), сказал им: «Как мало у вас ума! Разве вы не знаете, что владельцы садов выходят из Багдада и гуляют здесь, и, когда их застанет вечер, они прячутся здесь и запирают за собой дверь, боясь, что черные, вроде нас, схватят их, изжарят и съедят?» И они ответили: «Ты прав; клянемся Аллахом, нет среди нас умнее, чем ты».— «Вы мне не поверите,— сказал Бухейт,— пока мы не пойдем в гробницу и не найдем там кого-нибудь. Я думаю, что, когда он заметил свет и увидел нас, он убежал со страху и забрался на верхушку этой пальмы».

И когда Ганим услышал слова раба, он произнес про себя: «О, самый проклятый из рабов! Да не защитит тебя Аллах за этот ум и за все это знание! Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого! Что теперь освободит меня от этих негров?»

А те, что несли сундук, сказали тому, у которого был топор: «Влезь на стену и отвори нам дверь, о Бухейт, мы устали нести сундук на наших шеях. А когда ты откроешь нам дверь, тебе будет от нас один из тех, кого мы схватим. Мы изжарим его тебе искусно, своими руками, так что не пропадет ни капли его жира!» — «Я боюсь одной вещи, о которой я подумал по малости моего ума,— отвечал Бухейт.— Перебросим сундук за стену — ведь здесь наше сокровище».— «Если мы его бросим, он может разбиться»,— возразили они, но Бухейт сказал: «Я боюсь, что в гробнице прячутся разбойники, которые убивают людей и крадут вещи, потому что, когда наступает вечер, они укрываются в таких местах и делят добычу».— «О малоумный, разве они могут войти сюда?» — сказали ему те двое, что несли сундук. Потом они понесли сундук и, взобравшись на стену, спустились и открыли дверь, а третий негр, то есть Бухейт, стоял перед ними с фонарем, топором и корзиной, в которой было немного цемента.

А после этого они сели и заперли дверь, и один из них сказал: «О братья, мы устали идти и носить, ставить, и открывать, и запирать; теперь полночь, и у нас не осталось духу, чтобы вскрыть гробницу и закопать сундук. Вот мы отдохнем три часа, а потом встанем и сделаем то, что нам нужно, и пусть каждый расскажет нам, почему его оскопили, и все, что с ним случилось, с начала до конца, чтобы эта

ночь скорее прошла, а мы отдохнули». И тогда первый, который нес фонарь (а имя его было Бухейт), сказал: «Я расскажу вам свою повесть». И ему ответили: «Говори!».

РАССКАЗ ПЕРВОГО ЕВНУХА

«О братья, — начал он, — знайте, что, когда я был совсем маленький, работорговец привез меня из моей страны, и мне было тогда только пять лет жизни. Он продал меня одному военному, у которого была дочь трех лет от роду. И я воспитывался вместе с нею, и ее родные смеялись надо мной, когда я играл с девочкой, плясал и пел для нее. И мне стало двенадцать лет, а она достигла десятилетнего возраста, но мне не запрещали быть вместе с нею.

И в один день из дней я вошел к ней, а она сидела в уединенном месте и как будто только вышла из бани, находившейся в доме, так как она была надушена благовониями и курениями, а лицо ее походило на круг полной луны в четырнадцатую ночь. И девочка стала играть со мной, и я играл с нею (а я в это время почти достиг зрелости), и она опрокинула меня на землю, и я упал на спину, а девочка села верхом мне на грудь и стала ко мне прижиматься. И она прикоснулась ко мне рукой, и во мне взволновался жар, и я обнял ее, а девочка сплела руки вокруг моей шеи и прижалась ко мне изо всех сил. И не успел я опомниться, как я прорвал ее одежду и уничтожил ее девственность. И, увидев это, я убежал к одному из моих товарищей. А к девочке вошла ее мать и, увидав, что с нею случилось, потеряла сознание, а потом она приняла предосторожности и скрыла и утаила от отца ее состояние и выждала с нею два месяца, и они все это время звали меня и улещали, пока не схватили меня в том месте, где я находился, но они ничего не сказали ее отцу об этом деле из любви ко мне. А потом ее мать просватала ее за одного юношу-цирюльника, который брил отца девушки, и дала за нее приданое от себя, и обрядила ее для мужа, и при всем этом ее отец ничего не знал о ее положении, и они старались раздобыть ей приданое. И после этого они неожиданно схватили меня и оскопили, а когда ее привели к жениху, меня сделали ее евнухом, и я шел впереди нее, куда она ни отправлялась, все равно, шла ли она в баню или в дом своего отца. А ее дело скрыли, и в ночь свадьбы над ее рубашкой зарезали птенца голубя, и я провел у нее долгое

время и наслаждался ее красотой и прелестью, целуясь и обнимаясь, и лежа с нею, пока не умерли и она, и ее муж, и ее мать, и ее отец, а затем меня забрали в казну, и я оказался в этом месте и сделался вашим товарищем. Вот почему, о братья, у меня отрезали ядра, и вот конец моей истории».

РАССКАЗ ВТОРОГО ЕВНУХА

И второй негр сказал: «Знайте, о братья, что в начале моего дела, когда мне было восемь лет, я каждый год один раз лгал работорговцам, так что они между собой ссорились. И один работорговец впал из-за меня в беспокойство, и отдал меня в руки посредника, и велел ему кричать: «Кто купит этого негра с его пороком?» — «А в чем его порок?» — спросили его, и он сказал: «Он каждый год говорит одну ложь». И тогда один купец подошел к посреднику и спросил его: «Сколько давали за него денег с его пороком?» И посредник отвечал: «Давали шестьсот дирхемов».— «А тебе будет двадцать дирхемов»,— сказал тогда купец, и посредник свел его с работорговцем, и тот получил от него деньги, а посредник доставил меня в дом этого купца и взял деньги за посредничество и ушел.

И купец одел меня в подобающую мне одежду, и я прожил у него, служа ему, весь остаток этого года, пока не начался, счастливо, новый год. А год этот был благословенный, урожайный на злаки, и купцы стали ежедневно устраивать пиры, так что каждый день собирались у одного из них, пока не пришло время быть пиру у моего господина, в роще за городом.

И он отправился с купцами в сад и взял все, что было им нужно из еды и прочего, и они сидели за едой, питьем и беседой до полудня. И тогда моему господину понадобилась одна вещь из дому, и он сказал мне: «Эй, раб, садись на мула, поезжай домой, и привези от твоей госпожи такую-то вещь, и возвращайся скорей!» И я последовал его приказанию и отправился в дом. И, приблизившись к дому, я принялся кричать и лить слезы, и жители улицы, большие и малые, собрались около меня. Жена моего господина и его дочери услыхали мой крик, открыли ворота и спросили, в чем дело. И я сказал им: «Мой господин сидел у старой стены со своими друзьями, и стена упала на них, и, когда я увидал, что с ними случилось, я сел на мула и скорее приехал, чтобы вам рассказать».

И, услышав это, его жена и дочери принялись кричать,

и рвать на себе одежду, и бить себя по лицу. И соседи сошлись к ним, а что до жены моего господина, то она опрокинула все вещи в доме, одну на другую, и сломала полки, и разбила окна и решетки, и вымазала стены грязью и индиго, и сказала мне: «Горе тебе, Кафур, пойди сюда, помоги мне. Сломай эти шкафы и перебей посуду, и фарфор, и другое!»

И я подошел к ней и стал с нею рушить полки в доме со всем, что на них было, и обошел крыши и все помещение, разрушая их, и бил фарфор и прочее, что было в доме, пока все не было поломано, и при этом я кричал: «Увы, мой господин!»

А потом моя госпожа вышла с открытым лицом, имея только покрывало на голове и ничего больше, и с нею вышли ее дочери и сыновья, и они мне сказали: «Кафур, иди впереди нас и покажи нам то место, где находится твой господин, под стеною, мертвый, чтобы мы могли извлечь его из-под обломков, и принести его в гробу, и доставить в дом, и сделать ему хороший вынос».

И я пошел впереди них, крича: «Увы, мой господин!» И они шли сзади меня с открытым лицом и головой и кричали «Ах, ах!» об этом человеке.

И на улице не осталось никого — ни мужчины, ни женщины, ни ребенка, ни старухи,— кто бы не шел с нами, и все они некоторое время били себя вместе с нами по лицу, горько плача. И я прошел с ними весь город, и народ спрашивал, в чем дело, и они рассказывали, что услышали от меня, и люди говорили: «Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха!» И кто-то сказал: «Это не кто иной, как большой человек! Пойдемте к вали и расскажем ему». И когда они пришли к вали и рассказали ему, вали поднялся, и сел верхом, и взял с собою рабочих с лопатами и корзинами, и они пошли, следуя за мной, и с ними множество народу. И я шел впереди них, и бил себя по лицу, и кричал, а моя госпожа и ее дочери были сзади и вопили. И я побежал вперед них и опередил их, крича и посыпая себе голову пылью и ударяя себя по лицу, и вбежал в тот сад, и мой господин увидел меня, когда я бил себя по лицу и кричал: «Увы, моя госпожа! Ах! Ах! Ах! Кто мне теперь остался, чтобы пожалеть меня, после моей госпожи! О, если бы я был за нее выкупом!»

И, увидев меня, мой господин оторопел, и лицо его пожелтело, и он воскликнул: «Что с тобою, Кафур, в чем дело?» И я ответил ему: «Когда ты послал меня домой, и я вошел и увидел, что стена, которая в комнате, упала

и свалилась на мою госпожу и ее детей».— «И твоя госпожа не уцелела?» — спросил он меня. И я сказал: «Нет, клянусь Аллахом, о господин мой, никто из них не остался цел, и первою умерла моя старшая госпожа».— «А цела ли моя маленькая дочь?» — спросил он. И я отвечал: «Нет». И тогда он сказал: «А как поживает мул, на котором я езжу? Он уцелел?» — «Нет, клянусь Аллахом, о господин мой,— отвечал я,— стены дома и стены стойла упали на все, что там было, даже на овец, гусей и кур. Все они превратились в груду мяса, и их съели собаки, и никто из них не остался жив».— «И твой старший господин тоже не уцелел?» — спросил мой хозяин. «Нет, клянусь Аллахом, из них не уцелел никто,— сказал я,— в ту минуту не осталось ни дома, ни обитателей. Не осталось от них и следа. А что до овец, гусей и кур, то их съели кошки и собаки».

И когда мой хозяин услышал мои слова, свет стал мраком перед его лицом и он не мог владеть ни своей душой, ни своим умом и не был в силах стоять на ногах — такая на него нашла слабость. И его спина подломилась, и он разорвал на себе одежду, и выщипал себе бороду, и скинул тюрбан со своей головы, и не переставая бил себя по лицу, пока на нем не показалась кровь, и кричал: «Ах! О мои дети! Ах! О моя жена! Ах! Горе тому, с кем случилось то, что случилось со мной!»

И купцы, его товарищи, закричали из-за его крика, и заплакали с ним, сочувствуя его состоянию, и порвали на себе одежду. И мой господин вышел из того сада, продолжая бить себя по лицу из-за беды, которая его постигла, и от сильных ударов он стал как пьяный. И когда он с купцами выходил из ворот, они вдруг увидели большое облако пыли, и услышали крики и вопли, и, посмотрев на тех, кто приближался, увидали, что это вали и стражники, и народ, и люди, которые смотрели, а родные купца, позади них, кричали и вопили, горько и сильно плача.

Первыми, кого встретил мой господин, были его жена и дети. Увидав их, он оторопел, и засмеялся, и ободрился, и сказал им: «Каково ваше состояние? Что случилось с вами в нашем доме и что с вами произошло?» И увидя его, они воскликнули: «Слава Аллаху за твое спасение!» — бросились к нему, а его дети уцепились за него и кричали: «О наш отец! Слава Аллаху за твое спасение, о батюшка!»

И жена его спросила: «Ты здоров? Слава Аллаху, который дал нам увидеть твое лицо благополучным!» Она была ошеломлена, и ее ум улетел, когда она его увидала. «О господин, как случилось, что ты цел, ты и купцы, твои

друзья?» — спросила она. А купец сказал: «Что случилось с вами в нашем доме?» И жена отвечала: «У нас все хорошо, мы в добром здоровье, и наш дом не постигло никакое зло, но только твой раб Кафур приехал к нам с непокрытой головой, в разорванной одежде, крича: «Увы, мой господин! Увы, мой господин!» И когда мы спросили его: «Что случилось, Кафур?» — он сказал: «На моего господина и его друзей, торговцев, упала стена в саду, и они все умерли».— «Клянусь Аллахом,— воскликнул мой хозяин,— он сейчас пришел ко мне, крича: «О моя госпожа! О дети моей госпожи!» — и сказал: «Моя госпожа и ее дети — все умерли».

И он посмотрел по сторонам и увидел меня с разорванным тюрбаном на голове, а я кричал, и горько плакал, и сыпал землю себе на голову, и когда он позвал меня, и я пошел к нему, и он воскликнул: «Горе тебе, скверный раб, сын развратницы, проклятой по породе! Что это за беды ты натворил! Но клянусь Аллахом, я непременно сдеру кожу с твоего мяса и отрежу мясо от твоих костей».— «Клянусь Аллахом,— отвечал я,— ты ничего не можешь со мною сделать, так как ты купил меня, несмотря на мой порок и с этим условием. Свидетели будут свидетельствовать против тебя, раз ты купил меня, несмотря на мой порок, и знал о нем, а заключался он в том, что я каждый год говорю одну ложь. Это — половина лжи, а когда год завершится, я скажу вторую половину, и будет целая ложь».— «О собака, сын собаки, о самый проклятый из рабов,— закричал на меня хозяин,— разве все это половина лжи! Это большое бедствие. Уходи от меня, ты свободен, ради лика Аллаха!» — «Клянусь Аллахом,— сказал я,— если ты меня освободил, то я тебя не освобожу. Пока год не окончится, я не скажу остальной половины лжи. А когда я ее закончу, отведи меня на рынок и продай за столько, за сколько ты меня купил, с моим пороком, но не освобождай меня, так как нет ремесла, которым я мог бы прокормиться. А этот вопрос, о котором я тебе сказал, относится к закону, и о нем упоминают законоведы в главе об освобождении раба».

И пока мы разговаривали, подошел народ, люди и обитатели всей улицы, женщины и мужчины, чтобы высказать соболезнование, и пришел вали со своими людьми, и мой господин и купцы пошли к вали и рассказали ему о происшествии и о том, что это только половина лжи.

И, услышав это от него, они нашли мою ложь великой, и до крайности удивились, и стали проклинать и бранить

меня, а я стоял, и смеялся, и говорил: «Как мой господин убьет меня, когда он купил меня с этим пороком?»

Придя в свой дом, мой господин нашел его разрушенным, и это было делом моих рук, ибо я перебил в нем вещи, стоящие много денег. И жена его тоже била их, но она сказала своему мужу: «Это Кафур разбил посуду и фарфор».

И гнев моего хозяина увеличился, и он ударил рукою об руку и сказал: «Клянусь Аллахом, я в жизни не видал сына прелюбодеяния, подобного этому негру! Он говорит, что это половина лжи, так что же будет, если будет целая ложь? Он разрушит город или два города!»

И потом, от сильного гнева, он подошел к вали, и тот заставил меня претерпеть изрядную порку, так что я исчез из бытия и потерял сознание, а мой хозяин оставил меня в обмороке и привел ко мне цирюльника, который оскопил меня и прижег мне рану, и, очнувшись, я увидел себя евнухом. А мой господин сказал мне: «Как ты сжег мне сердце, лишив меня самых дорогих для меня вещей, так и я сжег твое сердце, лишив тебя самого дорогого члена». И потом он взял меня и продал за самую дорогую цену, так как я стал евнухом, и я не переставал вносить смуту в тех местах, куда меня продавали, и переходил от эмира к эмиру и от вельможи к вельможе. Меня продавали и покупали, пока я не вступил во дворец повелителя правоверных, но моя душа разбита, и хитрости отказываются служить мне, ибо я лишился своих ядер».

И услышав его речи, оба негра засмеялись и сказали: «Ты дерьмо, сын дерьма и лжешь отвратительной ложью!» И потом они сказали третьему негру: «Расскажи нам твою историю». И тот сказал: «О сыны моего дяди, все, что вы рассказывали,— пустое. Вот я расскажу вам, почему мне отрезали ядра, хотя я заслуживал большего, чем это, так как я совершил блуд с моей госпожой и с сыном моего господина. Но моя история длинная, и теперь не время ее рассказывать [1], так как утро, о сыны моего дяди, близко, и, быть может, взойдет день, а с нами еще будет этот сундук, и мы окажемся опозоренными, и пропадут наши души. Откройте-ка дверь. Когда мы отопрем ее и уйдем во дворец, я расскажу вам, почему мне отрезали ядра».

И он взобрался наверх, и спустился со стены, и отпер дверь, и они вошли, и поставили свечу, и стали рыть яму, по

---

[1] Рассказ третьего евнуха отсутствует во всех известных нам списках книги «Тысяча и одна ночь». *(Примеч. перев.)*

длине и ширине сундука, между четырьмя могилами, и Кафур копал, а Сауаб относил землю в корзинах, пока не вырыли яму в полчеловеческого роста, а потом они поставили в яму сундук, и снова засыпали ее землей, и, выйдя из гробницы, закрыли дверь, и скрылись из глаз Ганима ибн Айюба.

И когда все установилось, и никого не осталось, и Ганим убедился, что находится там один, его сердце занялось мыслью о том, что в сундуке, он сказал про себя: «Посмотрю-ка, что в этом сундуке!» Но он выждал, пока засверкала и заблистала заря и стал виден ее свет, и тогда он спустился с пальмы и стал разгребать землю руками, пока не отрыл сундука и не вытащил его. А потом он взял большой камень, и ударил им по замку, и разбил его, и, подняв крышку, посмотрел в сундук, и вдруг видит — там лежит молодая женщина, одурманенная банджем, и дыхание ее поднимает и опускает ее грудь.

Она была красива и прелестна, и на ней были украшения и драгоценности из золота и ожерелья из дорогих камней, стоившие царства султана, цену которых не покрыть деньгами. И, увидев ее, Ганим ибн Айюб понял, что против этой девушки сговорились и одурманили ее банджем, и, убедившись в этом, он старался до тех пор, пока не извлек девушку из сундука и не положил ее на спину. И когда она вдохнула дуновение ветра и воздух вошел ей в нос и в легкие, она чихнула, и подавилась, и закашлялась, и у нее из горла выпал кусок критского банджа, да такой, что, если бы его понюхал слон, он наверное проспал бы от ночи до ночи. И она открыла глаза, и обвела кругом взором, и сказала нежными, ясными словами: «Горе тебе, ветер, нет в тебе утоления для жаждущего и развлечения для утолившего жажду! Где Захр аль-Бустан?» Но никто не ответил ей, и она обернулась назад и крикнула: «Сабиха, Шеджерет ад-Дурр, Нур аль-Худа, Наджмат ас-Субх! Горе тебе! Шахва, Нузха, Хульва, Зарифа, говорите!» Но никто не ответил ей, и тогда она повела глазами и воскликнула: «Горе мне! Ты хоронишь меня в могилах! О ты, который знает то, что в сердцах, и воздает в день воскресения и оживления! Кто это принес меня из-за занавесей и покрывал и положил между четырех могил?»

А Ганим стоял при этом на ногах, и он сказал ей: «О госпожа, нет ни покрывал, ни дворцов, ни могил, здесь только твой раб, похищенный любовью, Ганим ибн Айюб, которого привел к тебе знающий сокровенное, чтобы он спас тебя от этих горестей и добыл бы тебе все, до пределов

желаемого». И он умолк, а девушка, убедившись, как обстоит дело, воскликнула: «Свидетельствую, что нет бога, кроме Аллаха, и свидетельствую, что Мухаммед — посланник Аллаха!» А потом она обернулась к Ганиму и, закрыв руками лицо, спросила нежными словами: «О благословенный юноша, кто принес меня в это место? Вот я уже очнулась».— «О госпожа,— отвечал Ганим,— пришли три негра, евнуха, и принесли этот сундук».

И потом он рассказал ей обо всем, что с ним случилось, и как его застиг вечер и он стал причиной ее спасения, а иначе она бы умерла, задохнувшись. А затем он спросил ее, какова ее история и в чем с нею дело, и она ответила: «О юноша, слава Аллаху, который послал мне подобного тебе! Теперь вставай, положи меня в сундук, и выйди на дорогу, и, если найдешь погонщика ослов или мулов, найми его свезти этот сундук, а меня ты доставь к себе домой, и, когда я окажусь в твоем доме, будет добро, и я расскажу тебе свою повесть и поведаю свою историю, и тебе достанется через меня благо».

И Ганим обрадовался и вышел из гробницы (а день уже засиял, и воздух заблистал светом, и люди вышли и стали ходить), и нанял человека с мулом, и привел его к гробнице, и поднял сундук, положив в него сначала девушку (а любовь к ней запала в его сердце), и пошел с нею, радостный, так как это была девушка ценою в десять тысяч динаров и на ней были одежды и украшения, которые стоили больших денег. И Ганим не верил, что достигнет своего дома, и внес сундук, и открыл его, и вынул из него девушку, и она посмотрела и увидала, что это прекрасное помещение, устланное коврами радующих цветов, и увидела также материи, увязанные в тюки, и узлы, и прочее. И она поняла, что Ганим большой купец и имеет много денег, и открыла лицо, и посмотрела на него, и вдруг видит — это красивый юноша. И увидав его, девушка его полюбила и сказала ему: «О господин, подай нам чего-нибудь поесть». И Ганим отвечал ей: «На голове и на глазах!» А потом он пошел на рынок, и купил жареного ягненка и блюдо сладостей, и захватил с собой сухих плодов на закуску и свечей, и прихватил еще вина и то, что было необходимо из сосудов для напитков, и цветов, и пришел домой со всеми этими покупками.

И когда девушка увидела его, она засмеялась, и поцеловала его, и обняла, и принялась его ласкать, и его любовь увеличилась и обвилась вокруг его сердца. А потом они ели и пили, пока не подошла ночь.

И каждый из них полюбил другого, так как они были одних лет и одинаковой красоты. А когда наступила ночь, Ганим ибн Айюб, влюбленный, похищенный любовью, поднялся и зажег свечи и светильники, и помещение осветилось. И он принес сосуды с вином, и расставил зелень, и сел с ней, и стал наливать и поить ее, а она наливала и поила его. И оба они играли, и смеялись, и произносили стихи, и радость их увеличилась, и любовь друг к другу привязалась к ним — да будет превознесен тот, кто соединяет сердца! И они поступали так, пока не приблизилось утро. И сон победил их, и каждый из них спал в своем месте, пока не настало утро. И тогда Ганим ибн Айюб встал, и вышел на рынок, и купил все нужное: еду, питье, зелень, мясо, и вино, и прочее — и принес это в дом, и сел с нею есть.

И они ели, пока не насытились, а после этого он принес вино, и они пили и играли друг с другом, пока их щеки не покраснели, а глаза не почернели. И в душе Ганима ибн Айюба появилось желание поцеловать девушку и проспать с нею, и он сказал ей: «О госпожа, разреши мне один поцелуй с твоих уст — может быть, он охладит огонь моего сердца».— «О Ганим,— сказала она,— потерпи, пока я напьюсь и исчезну из мира, и возьми от меня поцелуй тайно, чтобы я не узнала, что ты поцеловал меня». И она поднялась на ноги, и сняла часть своей одежды, и осталась сидеть в тонкой рубашке и шелковом платке, и тогда страсть Ганима зашевелилась, и он спросил: «О госпожа, не разрешишь ли ты мне то, о чем я тебя просил?» — «Клянусь Аллахом,— отвечала она,— тебе это не годится, так как на перевязи моей одежды написаны тяжелые слова». И сердце Ганима ибн Айюба разбилось, и его страсть усилилась, когда желаемое стало труднодостижимым, и он произнес:

«Молил я: «Муку исцели,
Лобзай меня, моя беда!»

Она мне говорила: «Нет!»
Я повторял упорно: «Да!»

Она в ответ: «Блюди закон,
По праву все возьмешь тогда».

«Насильно?..» — я ее спросил.
«Нет, в дар получишь навсегда».

Что — дальше? Спрашивать к чему?
Аллах простит все без труда.

Как хочешь думай ты о нас —
Любовь пред клеветой тверда.

И то, что враг о нас узнал,
Так это тоже не беда» *.

И после этого его любовь увеличилась, и огни вспыхнули в его сердце. Вот! А она защищалась от него и говорила: «Нет тебе ко мне доступа!» И они проводили время в любви и застольной беседе, и Ганим ибн Айюб потонул в море любовного безумия, она же стала еще сильнее упорствовать и чиниться, пока не пришла ночь с ее мраком и не опустила на них полы сна.

И Ганим встал, и зажег светильники, и засветил свечи, и обновил трапезу и зелень, и, взяв ноги девушки, стал целовать их и нашел, что они подобны свежему сливочному маслу. И он потерся о них лицом и сказал: «О госпожа моя, сжалься над пленником твоей любви, убитым твоими глазами! Мое сердце было бы невредимо, если бы не ты!» После этого он немного поплакал, и она сказала ему: «О господин мой и свет моих глаз, клянусь Аллахом, я люблю тебя и доверяю тебе, но я знаю, что ты меня не достигнешь».— «А в чем же препятствие?» — спросил он, и она сказала: «Сегодня ночью я расскажу тебе мою историю, и ты примешь мои извинения».

Потом она бросилась к нему, и обвила его шею, и поцеловала его, и стала его уговаривать, и обещала ему единение. И они до тех пор играли и смеялись, пока любовь друг к другу не овладела ими. И они продолжали пребывать в таком положении и каждую ночь спали на одной постели, но всякий раз, как Ганим требовал от нее единения, она сопротивлялась ему в течение целого месяца.

И сердцем каждого из них овладела любовь к другому, и у них не осталось терпения быть друг без друга. И когда наступила некая ночь из ночей, Ганим спал вместе с нею, и оба были опьянены. Он протянул руку к ее телу и погладил его, а затем он провел рукой по ее животу и спустился до пупка, и тогда она пробудилась, и села прямо, и осмотрела свои одежды, и, увидев, что они завязаны, снова заснула. И Ганим погладил ее рукой, и спустился к ее шальварам и перевязи, и потянул ее, и тогда девушка проснулась и села прямо, и Ганим сел рядом с ней, и она спросила его: «Чего это ты хочешь?» — «Я хочу с тобой поспать и чтобы мы насладились»,— отвечал Ганим, и она сказала ему: «Теперь я объясню тебе мое дело, чтобы ты знал мой сан, и тебе открылась моя тайна, и стали явными мои оправда-

ния»,— «Хорошо»,— отвечал Ганим. И тогда она разорвала подол своей рубашки и, протянув руку к перевязи, стягивавшей ее одежду, сказала ему: «О господин, прочитай, что написано по краям этой перевязи». И Ганим взял перевязь в руку, и взглянул на нее, и увидел, что на ней вышито золотом: «Я твоя, а ты мой, о потомок дяди пророка!»

И прочтя это, он опустил руку и сказал девушке: «Открой мне твое дело!» И она отвечала: «Хорошо! Знай, что я наложница повелителя правоверных и мое имя Кут аль-Кулуб. Повелитель правоверных воспитал меня в своем дворце, и я выросла, и халиф увидал мои качества, и красоту, и прелесть, которую даровал мне господь, и полюбил меня сильной любовью. И он взял меня, и поселил в отдельном помещении, и назначил десять невольниц прислуживать мне, и подарил мне эти украшения, которые ты видишь на мне. И в один из дней халиф отправился в какую-то страну и Ситт Зубейда пришла к одной из невольниц, служивших мне, и сказала: «До тебя есть нужда».— «А какая, о госпожа?» — спросила служанка, и Ситт Зубейда сказала: «Когда твоя госпожа Кут аль-Кулуб заснет, положи этот кусок банджа ей в ноздри или в ее питье, и тебе будет от меня достаточно денег». И невольница отвечала ей: «С любовью и охотой!» — и взяла от нее бандж, радуясь обещанным деньгам. Она была сначала невольницей Ситт Зубейды, а затем пришла ко мне, и положила бандж в мое питье. И когда настала ночь, я выпила его, и, как только бандж утвердился во мне, я упала на землю, и моя голова оказалась у моих ног, и я не успела опомниться, как уже оказалась в другом мире. А Ситт Зубейда, когда удалась ее хитрость, положила меня в этот сундук, и, тайно призвав негров, подкупила их так же, как и привратников, и отослала негров со мною в ту ночь, когда ты спал на пальме. И они сделали со мною то, что ты видел, и мое спасение пришло от тебя. Ты принес меня в это место и оказал мне крайнюю милость. Вот моя повесть и мой рассказ, и я не знаю, что произошло с халифом в мое отсутствие. Знай же мой сан и не объявляй о моем деле».

И когда Ганим ибн Айюб услышал слова Кут аль-Кулуб и убедился, что она наложница повелителя правоверных, он отодвинулся от нее, и его охватило почтение к сану халифа, и он сидел один, упрекая себя, и раздумывая о своем деле, и призывая свое сердце к терпению. И он пребывал в растерянности, влюбленный в ту, до кого ему не было доступа, и плакал от сильной страсти, сетуя на пристрастие

судьбы и ее враждебность. (Да будет превознесен тот, кто занял сердце мыслью о любви и любимой!) И он произнес:

«Помни, влюбленных всегда за любимых бранят,
Ибо безумием всякий влюбленный объят.

Как-то спросили меня: «Страсть на вкус какова?»
Я отвечал: «Это сладость, таящая яд» *

И тогда Кут аль-Кулуб поднялась к нему и обняла его, и поцеловала, и любовь к нему овладела ее сердцем, и она открыла ему свою тайну, какова ее любовь к нему, и обвила руками шею Ганима и целовала его, но он защищался от нее, боясь халифа. И они поговорили некоторое время, утопая в море любви друг к другу, а когда взошел день, Ганим поднялся, и надел свои одежды, и вышел как обычно на рынок. И он взял все, что было нужно, и вернулся домой, и нашел Кут аль-Кулуб плачущей, но, увидев его, она перестала плакать, и улыбнулась, и сказала: «Ты заставил меня тосковать, о возлюбленный моего сердца! Клянусь Аллахом, этот час, когда ты отсутствовал, был точно год из-за разлуки с тобой! Вот я изъяснила тебе, каково мое состояние от сильной любви к тебе; подойди же теперь ко мне, оставь то что было и удовлетвори свое желание со мной».— «Прибегаю к защите Аллаха! — воскликнул Ганим,— этого не будет! Как сидеть собаке на месте льва! То, что принадлежит господину, для раба запретно!»

И он вырвался от нее и сел подальше, на циновку, а она еще больше полюбила его из-за его сопротивления. А потом она села с ним рядом и стала пить и играть с ним, и он опьянел, и девушка обезумела от желания принадлежать ему. И она запела и произнесла:

«Полоненная страстью душа изнывает от мук.
Так доколе же будешь вдали ты держаться, доколе?

Я совсем не виновна, зачем отвращаешь свой лик? —
Вспомни, даже газель, оглянувшись, уносится в поле.

Отдаленье, разлука и эта безмерная даль —
Как снести это все? Как, скажи, не погибнуть от боли?» *

И Ганим ибн Айюб заплакал, и она заплакала из-за его плача, и они не переставали пить до ночи, а потом Ганим поднялся и постелил две постели, каждую в отдельном месте.

И Кут аль-Кулуб спросила его: «Для кого эта вторая постель?» И он отвечал ей: «Эта — для меня, а другая —

для тебя. С сегодняшней ночи мы будем спать только таким образом, ибо то, что принадлежит господину, для раба запретно».— «О господин,— сказала она,— избавь нас от этого; все течет по решению и предопределению». Но Ганим отказался, и огонь вспыхнул в сердце Кут аль-Кулуб, и ее страсть увеличилась, и она уцепилась за него и воскликнула: «Клянусь Аллахом, мы будем спать только вместе!» Но он отвечал: «Сохрани Аллах!» И одержал над ней верх и проспал один до утра, а Кут аль-Кулуб испытывала великую любовь, и ее страсть, влечение и влюбленность усилились.

И так они провели три долгих месяца, и всякий раз, как она приближалась к нему, он сопротивлялся ей и говорил: «То, что принадлежит господину, для раба запретно!» Так продолжались для нее эти отсрочки с Ганимом, влюбленным, похищенным любовью, и ее горести и печали увеличились, она произнесла, утомленная душою, такие стихи:

«Диво дивное, долго ль страдать от невзгод?
Кто тебе на меня поглядеть не дает?

Ты все прелести мира в себе воплощаешь,
Ты украл у вселенной немало красот.

Сколько девичьих душ обжигаешь ты страстью,
Девы глаз не смыкают всю ночь напролет.

Знаю: с ветки плоды обрывали и прежде.
Вижу: наши сердца ты срываешь, как плод.

Молодые газели шли прежде мне в руки.
Ныне сам ты расставил немало тенет.

Удивляет меня, неужели не знаешь,
Как в неволю твой взгляд мою душу берет.

И к тебе, и к себе самому я ревную.
Лучше будь вдалеке, будь холодным как лед.

Нет, покуда живу, ни за что не промолвлю:
«Диво дивное, долго ль страдать от невзгод?» *

И они провели некоторое время в таком положении, и страх удерживал Ганима от девушки, и вот что было с Ганимом ибн Айюбом, влюбленным, похищенным любовью.

Что же касается Ситт Зубейды, то она, сделав с Кут аль-Кулуб в отсутствие халифа такое дело, впала в смущение и стала говорить: «Что я скажу халифу, когда он приедет и спросит о ней, и каков будет мой ответ ему?» И она позва-

ла старуху, бывшую у нее, и посвятила ее в свою тайну, и спросила ее: «Что мне делать, раз с Кут аль-Кулуб была допущена крайность?» И старуха, поняв положение, ответила ей: «Знай, о госпожа, что приезд халифа близок, но пошли за плотником и вели ему сделать для тебя изображение мертвой из дерева, и мы выроем могилу посреди дворца и похороним ее. А ты построй над могилой часовню, где мы зажжем свечи и светильники, и прикажем всем, кто есть во дворце, одеться в черное. И вели твоим невольницам и евнухам, чтобы они, когда узнают, что халиф вернулся из путешествия, разостлали в проходах солому, а когда халиф войдет и спросит, в чем дело, ему скажут: «Кут аль-Кулуб умерла,— да увеличит Аллах воздаяние тебе за нее,— и она так дорога ее госпоже, что та похоронила ее в своем дворце». И, услышав это, халиф заплачет, и ему станет тяжело, и он устроит по ней чтения и будет не спать ночей у ее могилы, а если он подумает: «Дочь моего дяди, Зубейда, из ревности постаралась сгубить Кут аль-Кулуб», или им овладеет страсть, и он велит вынуть ее из могилы, не пугайся этого: когда могилу разроют и обнаружат это изображение, подобное человеку, халиф увидит ее, завернутую в роскошные пелены, но если он захочет снять с нее эти пелены, чтобы посмотреть на нее,— удержи его от этого, и другие тоже будут его удерживать и скажут: «Видеть ее срамоту запретно!» И тогда халиф поверит, что она умерла, и положит ее обратно, и отблагодарит тебя за твой поступок, и ты освободишься, если захочет Аллах великий, из этой западни».

И, услышав слова старухи, Ситт Зубейда нашла их правильными, и наградила старуху одеждой, и велела ей так и сделать, дав ей сначала много денег. И старуха тотчас же принялась за дело и велела плотнику изготовить такое изображение, как мы упомянули. И когда изображение было готово, она принесла его Ситт Зубейде, и та завернула его в саван, и похоронила, и зажгла свечи и светильники, и разостлала ковры вокруг могилы, и оделась в черное, и приказала рабыням также надеть черные одежды, и во дворце распространилась весть, что Кут аль-Кулуб умерла.

А через некоторое время халиф вернулся и вошел во дворец, и ему ни до чего не было дела, кроме Кут аль-Кулуб. И он увидал, что слуги, евнухи и невольницы одеты в черное, и сердце халифа задрожало. А войдя во дворец, к Ситт Зубейде, он увидел, что и она одета в черное, и тогда халиф спросил, в чем дело, и ему рассказали о смерти Кут аль-Кулуб, и он упал, потеряв сознание. А очнувшись, он

спросил, где ее могила, и Ситт Зубейда сказала ему: «Знай, повелитель правоверных, она была мне так дорога, что я похоронила ее во дворце». И тогда халиф, в дорожной одежде, пошел к могиле Кут аль-Кулуб, чтобы навестить ее, и увидал, что разостланы ковры и горят свечи и светильники. И увидев это, он поблагодарил Ситт Зубейду за ее поступок, но не знал, что думать об этом деле, и то верил, то не верил. А когда беспокойство овладело им, он приказал раскопать могилу и извлек оттуда погребенную. И увидав саван, он хотел его развернуть, чтобы посмотреть на нее, но побоялся Аллаха великого, и старуха сказала: «Положите ее на место!» И после этого халиф сейчас же велел привести законоведов и чтецов, и устроил над ее могилой чтения, и сидел подле могилы плача, пока не лишился чувств. И он не переставал приходить к могиле в течение месяца. И случилось так, что халиф вошел в гарем, когда эмиры и везири разошлись по домам, и проспал немного, и у него в головах сидела невольница и обмахивала его опахалом, а другая невольница, у его ног, растирала их. И халиф спал, и проснулся, и открыл глаза, и зажмурил их, и услышал, как та невольница, что сидела в головах, сказала невольнице, бывшей у ног: «Послушай-ка, Хайзуран!» И та ответила: «Да, Кадыб аль-Бан!» И первая сказала: «Наш господин не ведает, что случилось, он не спит, проводя ночи у гроба, где ничего нет, кроме обструганной деревяшки, которую сделал плотник».— «А Кут аль-Кулуб, что же с ней случилось?» — спросила другая. И первая девушка сказала ей: «Знай, что Ситт Зубейда послала с невольницей кусок банджа и одурманила Кут аль-Кулуб. Когда бандж овладел ею, Ситт Зубейда положила ее в сундук и велела Сауабу и Кафуру вынести его из дворца и поместить в гробницу». И вторая невольница спросила: «Послушай, Кадыб аль-Бан, разве госпожа Кут аль-Кулуб не умерла?» — «Нет, клянусь Аллахом,— да сохранит он ее юность от смерти! — отвечала невольница.— Я слышала, как Ситт Зубейда говорила, что Кут аль-Кулуб у одного юноши, купца, по имени Ганим ибн Айюб Дамасский, и что с сегодняшним днем у него четыре месяца. А наш господин плачет и не спит ночей над гробом, в котором ничего нет».

И они еще долго говорили об этом, и халиф слушал их, а когда невольницы окончили разговор, халиф узнал все: и то, что могила поддельная, ненастоящая, и то, что Кут аль-Кулуб уже четыре месяца у Ганима ибн Айюба.

И халиф разгневался великим гневом, и поднялся, и вошел к эмирам своего царства, и тогда Джафар Барма-

кид приблизился к нему и поцеловал перед ним землю, а халиф с гневом сказал ему: «Джафар, ступай с людьми и спроси, где дом Ганима ибн Айюба. Обыщите его дом и приведите ко мне мою невольницу Кут аль-Кулуб. Я непременно подвергну его пытке!» И Джафар отвечал вниманием и повиновением. И тогда Джафар отправился с толпою народа, и вали вместе с ним, и они шли до тех пор, пока не пришли к дому Ганима.

А Ганим в это время выходил, чтобы принести котелок мяса, и протянул руку, чтобы съесть мясо вместе с Кут аль-Кулуб, но девушка бросила взгляд и увидела, что беда окружила их дом со всех сторон. Везирь, вали, стражники и невольники с обнаженными мечами, вынутыми из ножен, окружили его, как белое в глазу окружает черное. И тогда она поняла, что весть о ней дошла до халифа, ее господина, и убедилась в своей гибели, и лицо ее пожелтело, и прелести ее изменились, и она посмотрела на Ганима и сказала ему: «О мой любимый, спасай свою душу!» — «Как мне поступить и куда я пойду, когда мое имущество и достаток в этом доме?» — отвечал Ганим; и она сказала: «Не медли, чтобы ты не погиб и не пропали твои деньги».— «О возлюбленная, о свет моего глаза,— отвечал Ганим,— как мне сделать, чтобы выйти, когда дом окружен?» И Кут аль-Кулуб сказала ему: «Не бойся!» И сняв с него платье, надела на него поношенную одежду и, принеся котелок, где было мясо, положила туда кусок хлеба и чашку с кушаньем, и все это сложила в корзину, которую поставила Ганиму на голову, и сказала ему: «Выйди с помощью этой хитрости и не бойся за меня. Я знаю, насколько халиф у меня в руках». И, услышав слова Кут аль-Кулуб и то, что она ему посоветовала, Ганим прошел среди людей, неся корзину и то, что было в ней. И покровитель покрыл его, и он спасся от козней и бедствий, охраняемый своими чистыми намерениями.

А везирь Джафар, прибыв к дому, сошел с коня, и вошел в дом, и взглянул на Кут аль-Кулуб, которая уже украсилась, и разубралась, и приготовила сундук золота, украшений, самоцветов и редкостей из того, что легко весом, но дорого по цене. И когда Джафар вошел к ней и увидел ее, она поднялась на ноги, и поцеловала землю меж его рук, и сказала ему: «О господин мой, издревле начертал калам то, что судил Аллах». И, увидев это, Джафар сказал ей: «Клянусь Аллахом, о госпожа, он поручил мне лишь схватить Ганима ибн Айюба».— «О господин,— отвечала она,— он собрал товары и отправился с ними в Дамаск,

и я не имею о нем вестей. Я хочу, чтобы ты сохранил мне этот сундук; отвези его и отдай мне во дворце халифа». И Джафар отвечал: «Слушаю и повинуюсь». И он взял сундук и приказал отнести его, Кут аль-Кулуб отправилась с ними во дворец халифа, окруженная уважением и почетом, и это было после того, как разграбили дом Ганима.

И Джафар рассказал халифу обо всем, что случилось, и халиф приказал отвести Кут аль-Кулуб в темное помещение и поселил ее там, приставив к ней одну старуху, чтобы исполнять ее нужды, так как он думал, что Ганим развратничал с нею и делил с ней ложе. А потом халиф написал эмиру Мухаммеду ибн Сулейману аз-Зейни (а он был наместником в Дамаске) приказ такого содержания: «В час прибытия этого приказа ты схватишь Ганима ибн Айюба и пришлешь его ко мне». И когда приказ прибыл к эмиру, тот поцеловал его и приложил к своей голове, а затем он велел кричать на рынках: «Кто хочет пограбить, пусть отправляется к дому Ганима ибн Айюба!» И люди пошли к дому и увидели, что мать Ганима и его сестра сделали ему могилу посреди дома и сидят возле нее, плача о нем. И их схватили и разграбили дом, а женщины не знали, в чем дело. И когда их привели к султану, тот спросил их о Ганиме, и они ответили: «Уже год или больше, как мы не можем ничего узнать о нем». И султан вернул их на прежнее место. Вот что было с ними.

Что же касается Ганима ибн Айюба, порабощенного и похищенного, то когда его имущество было разграблено, он осмотрел свое состояние и начал оплакивать себя так, что его сердце чуть не разорвалось от горя. Он вышел и шел наугад до конца дня (а его голод усилился и ходьба утомила). Достигши какого-то селения, Ганим вошел в него, и направился в мечеть, и, сев на циновку, прислонился спиною к стене, и откинулся, будучи до крайности голоден и утомлен. И он пребывал так до утра, а сердце его еле билось от голода, и вши бегали по его потному телу. И от него стало дурно пахнуть, и его состояние ухудшилось.

Утром жители этого селения пришли совершить молитву и нашли Ганима, который лежал слабый и похудевший от голода, но на нем были явные следы былого богатства. И когда люди помолились и подошли к нему, они увидели, что он холодный и голодный, и дали ему старую одежду, у которой обносились рукава, и сказали: «О чужеземец, откуда ты будешь родом и какова причина твоей болезни?» И Ганим открыл глаза и заплакал, но не ответил им. И один из них ушел (он понял, что Ганим голоден)

и принес ему чашку меду и пару лепешек, и Ганим немного поел, а люди посидели у него, пока не взошло солнце, и ушли по своим делам. И он пребывал в таком положении месяц, оставаясь у них, и его слабость и болезнь увеличились, и люди плакали о нем и жалели его, и, посоветовавшись между собой, они сошлись на том, чтобы доставить его в больницу, которая в Багдаде. И пока это было так, вдруг подошли к Ганиму две женщины-нищенки (а это были его мать и сестра), и, увидав их, он отдал им хлеб, лежавший у его изголовья, и они проспали подле него эту ночь, а он так и не узнал их.

А когда наступил следующий день, жители селения пришли к нему, привели для него верблюда и сказали верблюжатнику: «Свези этого больного на верблюде, а когда достигнешь Багдада, положи его в воротах больницы: быть может, он исцелится и выздоровеет, а тебе достанется небесная награда».

И верблюжатник отвечал: «Внимание и повиновение!» И после этого Ганима ибн Айюба вынесли из мечети вместе с циновкой, на которой он лежал, и положили на верблюда. И его мать и сестра пришли посмотреть на него в числе прочих людей, не узнавая его, но потом они взглянули на него, и всмотрелись внимательно, и сказали: «Он похож на Ганима, нашего сына. Посмотреть бы, он ли этот больной или нет».

А что до Ганима, так он очнулся только тогда, когда его везли на верблюде привязанным веревкой, и стал плакать и жаловаться, а жители селения смотрели на его мать и сестру, которые плакали о нем, не узнавая его. Мать и сестра Ганима продолжали свой путь и достигли Багдада, а верблюжатник вез его до тех пор, пока не положил у ворот больницы, а потом он взял своего верблюда и уехал. И Ганим лежал у ворот до самого утра. И когда народ начал ходить по дороге, его увидели (а он стал тонок, как зубочистка), и люди смотрели на него. И пришел староста рынка, и отстранил от него людей, и сказал: «Я стяжаю рай благодаря этому бедняге, ведь когда его снесут в больницу, его убьют в один день».

Он велел своим молодцам отнести Ганима, и его снесли в его дом, и староста постлал ему новую постель, и положил новую подушку, и сказал своей жене: «Ходи за ним хорошенько!» И она отвечала: «Хорошо, слушаю!» А затем она подобрала полы своей одежды, и согрела воды, и вымыла Ганима, и надела на него рубаху из рубах ее невольниц, и дала ему выпить чашку питья, и брызнула на него розо-

вой водой, и тогда Ганим очнулся и жалобно застонал — он вспомнил свою возлюбленную Кут аль-Кулуб,— и его горести увеличились. Вот что было с ним. Что же касается Кут аль-Кулуб, то когда халиф разгневался на нее и поселил ее в темном месте, провела в таком положении восемьдесят дней. И случилось так, что в какой-то день халиф проходил мимо этого помещения и услышал, как Кут аль-Кулуб произносит стихи, а окончив свое стихотворение, она сказала: «О мой любимый, о Ганим, как ты прекрасен и как воздержна твоя душа. Ты поступил хорошо с тем, кто был злодеем, и охранял честь того, кто погубил твою честь. Ты охранял его гарем, а он захватил тебя и захватил твоих близких, но неизбежно и тебе и повелителю правоверных встать перед праведным судьей, и тебе будет оказана против него справедливость в тот день, когда будет судьею владыка,— величие и слава ему,— а свидетелями будут ангелы».

И когда халиф услышал ее слова и уразумел ее сетованья, он понял, что Кут аль-Кулуб обижена, и вошел в свой дворец, и послал за нею Масрура, евнуха, и она явилась перед ним, понурив голову, с плачущим оком и печальным сердцем. И халиф сказал ей: «О Кут аль-Кулуб, я вижу, ты жалуешься на меня, и приписываешь мне несправедливость, и утверждаешь, что я дурно поступил с тем, кто хорошо поступил со мною. Кто же тот, кто охранил мою честь, а я подверг его честь позору, и кто охранил мой гарем, а я его гарем похитил?» — «Это Ганим ибн Айюб, он не приблизился ко мне с мерзостью или злом, клянусь тебе, о повелитель правоверных»,— отвечала она. И халиф воскликнул: «Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха! Пожелай от меня, Кут аль-Кулуб, и ты получишь!» — «Я желаю от тебя моего любимого, Ганима ибн Айюба»,— сказала Кут аль-Кулуб.

И халиф подчинился ее желанию, а она добавила: «И когда он явится, о повелитель правоверных, подари ему меня».— «Если он явится, я дам ему тебя в подарок от благородного, который не берет обратно дары»,— отвечал халиф; и девушка сказала: «О повелитель правоверных, позволь мне поискать его, быть может, Аллах соединит меня с ним». И халиф промолвил: «Делай что вздумаешь!» И Кут аль-Кулуб обрадовалась, и вышла, захватив с собою тысячу динаров золотом, и посетила шейхов, и раздала за Ганима милостыню, а на второй день она пошла на рынок купцов, и осведомила старосту рынка, и дала ему денег, сказав: «Раздай их чужеземцам!» — и ушла.

А в следующую пятницу она пошла на рынок, взяв с собою тысячу динаров, и, придя на рынок золотых дел мастеров и торговцев драгоценностями, она позвала старосту, и, когда тот явился, дала ему тысячу динаров, и сказала: «Раздай их чужеземцам».

И надзиратель, то есть староста рынка, посмотрел на нее и спросил: «О госпожа, не согласишься ли ты пойти со мною в мой дом и посмотреть на того чужеземца-юношу, как он прекрасен и совершенен?» (А это был Ганим ибн Айюб, влюбленный, похищенный любовью, но надзиратель не знал его и думал, что это бедный человек, имеющий долги, чье богатство расхищено, или влюбленный, расставшийся с любимой.)

И когда Кут аль-Кулуб услыхала его слова, ее сердце затрепетало, и все внутри у нее заволновалось, и она сказала: «Пошли со мною кого-нибудь, кто бы доставил меня к твоему дому». И староста послал с нею маленького мальчика, который привел ее к тому дому, где был чужеземец, гость старосты. И Кут аль-Кулуб поблагодарила его за это, и, придя к дому, вошла в него, и поздоровалась с женой старосты, и жена старосты поднялась и поцеловала перед нею землю, так как она узнала ее.

И Кут аль-Кулуб спросила: «Где больной, который у тебя?» И женщина заплакала и сказала: «Вот он, о госпожа! Клянусь Аллахом, он сын родовитых людей и на нем следы благосостояния; вот он, на постели». И Кут аль-Кулуб повернулась, и взглянула на него, и увидела, что это как будто он самый, но она увидала, что он совершенно изменился, и сильно похудел, и отощал так, что сделался как зубочистка.

И ее охватило сомнение насчет него, и она не была уверена, что это он, но ее взяла жалость к нему, и она заплакала и сказала: «Поистине, чужеземцы несчастны, даже если они были эмирами в своей стране!» И ей стало тяжело из-за него; хотя она не знала, что это Ганим, сердце ее из-за него болело. Она приготовила больному питье и лекарство и посидела немного у его изголовья, а потом она уехала и отправилась во дворец.

И она стала ездить по всем рынкам, ища Ганима, а потом староста привел его мать и сестру Фитну, и вошел с ними к Кут аль-Кулуб, и сказал: «О госпожа благодетельниц, в ваш город пришли в сегодняшний день одна женщина и ее дочь; их лица прекрасны, и на них следы благосостояния, и былое счастье их ясно видно, но только они одеты в волосяную одежду, и у каждой из них висит на шее ме-

шок, и глаза их плачут, и их сердца печальны. И вот я привел их к тебе, чтобы ты их приютила и охранила от нищеты, так как они не достойны нищенства. И мы, если захочет Аллах, войдем из-за них в рай».— «Клянусь Аллахом, господин мой, ты внушил мне желание увидеть их. Где же они? — спросила Кут аль-Кулуб.— Ко мне их!» — сказала она старосте, и тот велел евнуху ввести женщин. И тогда Фитна и ее мать вошли к Кут аль-Кулуб.

И, увидев их (а они были прекрасны), она заплакала и воскликнула: «Клянусь Аллахом, это дети благосостояния, на них ясно видны следы богатства!»

И тут жена старосты сказала: «О госпожа, мы любим бедных и несчастных ради небесной награды, а этих, может быть, обидели стражники, и отобрали их богатство, и разрушили их жилище». И несчастные разразились сильным плачем и подумали о том, как они были богаты и как стали бедны и печальны, и вспомнили Ганима ибн Айюба, влюбленного, похищенного любовью, и, когда они заплакали, Кут аль-Кулуб заплакала вместе с ними. И они сказали: «Просим Аллаха, чтобы он нас свел с тем, с кем мы хотим, это мой сын, чье имя Ганим ибн Айюб». И услышав эти слова, Кут аль-Кулуб поняла, что эта женщина — мать ее возлюбленного, а другая — его сестра. И она заплакала так, что лишилась чувств, а очнувшись, она обратилась к женщинам и сказала: «С вами не будет беды! Сегодняшний день — начало вашего счастья и конец вашего несчастья. Не печальтесь!» — а потом она велела старосте взять их к себе в дом и сказать жене, чтобы она свела их в баню и одела в хорошую одежду, и заботилась о них, и почитала их крайним почетом. И дала ему немного денег. А на другой день Кут аль-Кулуб села и поехала к дому старосты и вошла к его жене, а та поднялась, и поцеловала ей руки, и поблагодарила ее за милость. И Кут аль-Кулуб увидела, что жена старосты сводила мать Ганима и его сестру в баню и переменила бывшую на них одежду, и следы благосостояния стали видны на них.

И она посидела, разговаривая с ними, некоторое время, а потом спросила жену старосты о больном, который у нее, и когда та ответила: «Он в том же положении», Кут аль-Кулуб сказала: «Пойдемте посмотрим на него и навестим его».

И она с женой старосты и мать с сестрой Ганима вошли к нему и сели подле него. И когда Ганим ибн Айюб, влюбленный и похищенный, услышал, что они упоминают о Кут

аль-Кулуб (а его тело стало худым, и кости его размякли), дух вернулся к нему и он поднял голову с подушки и позвал: «О Кут аль-Кулуб!» И она посмотрела на него, и вгляделась, и узнала его, и вскрикнула: «Да, о мой любимый!» И Ганим сказал ей: «Приблизься ко мне», а она спросила: «Быть может, ты Ганим ибн Айюб, порабощенный и похищенный?» И Ганим отвечал ей: «Да, это я», и тут она упала в обморок, а когда его сестра Фитна и его мать услышали их слова, они вскричали: «О радость!» — и упали без чувств.

А потом они очнулись, и Кут аль-Кулуб сказала: «Слава Аллаху, который свел нас с тобою и с твоей матерью и сестрой!» — и подошла к нему и рассказала обо всем, что случилось у нее с халифом.

«Я открыла правду повелителю правоверных, и он поверил моим словам и простил тебя, и в сегодняшний день он желает тебя видеть,— сказала она и добавила: — Он подарил меня тебе». И Ганим до крайности обрадовался этому. И Кут аль-Кулуб сказала им: «Не двигайтесь, пока я не приду»,— и тотчас же, в ту же минуту, поднялась, и отправилась во дворец, и привезла сундук, который она взяла из дома Ганима, и, вынув оттуда несколько динаров, дала их старосте и сказала: «Возьми эти деньги и купи для каждого из этих людей по четыре полных одежды из лучшей материи и двадцать платков и прочее, что им нужно». А потом она отвела их и Ганима в баню, и велела их вымыть, и приготовила им отвары и сок калгана и яблочной воды, когда они вышли из бани и надели одежды. И она провела у них три дня, кормя их куриным мясом с отварами и поя их водою с очищенным сахаром, а через три дня душа вернулась к ним, и она свела их в баню вторично, и, когда они вышли, переменила на них одежду, и оставила их в доме старосты, а сама уехала во дворец.

И она попросила у халифа разрешения войти, и халиф позволил ей, и войдя, она поцеловала перед ним землю и осведомила его об этом деле и о том, что появился ее господин, Ганим ибн Айюб, влюбленный и похищенный, и его мать и сестра тоже явились».

И, услышав слова Кут аль-Кулуб, халиф сказал евнухам: «Ко мне с Ганимом!» И Джафар отправился к нему, а Кут аль-Кулуб опередила его и, войдя в Ганиму, сказала ему: «Халиф послал к тебе и требует тебя пред лицо свое». И она научила его быть красноречивым в речах, и укрепить свою душу, и говорить мягко, и одела его в роскошное платье, и дала ему динары во множестве, и сказала: «Будь

очень щедр к приближенным халифа, когда будешь входить к нему».

И вдруг Джафар приблизился к нему на своем нубийском муле, и Ганим поднялся, и встретил его, и приветствовал, и поцеловал перед ним землю, и звезда его счастья появилась и засияла. И Джафар взял его, и они долго ехали, он и Джафар, пока не вошли к повелителю правоверных. И когда они предстали перед ним, Ганим взглянул на везирей, эмиров, придворных, наместников, вельмож правления и обладателей могущества и высказался нежно и красноречиво, а затем он взглянул на халифа и, склонив голову к земле, произнес такие стихи:

«Благоденствуй, о высокородный владыка,
Чьи дары полноводной струятся рекой!

Там, где ты, ян к чему нам блиствтельный кесарь,
Там, где ты, ни к чему нам могучий Хосрой.

Все цари, к твоему припадая порогу,
Повергают во прах свой венец золотой.

Все цари, содрогаясь, в глаза твои смотрят,
Прикасаются к полу своей бородой.

Ты ввссалам даруешь высокие званья
И даруешь им почести щедрой рукой.

Твоим полчищам тесны аемные пространства,
Ты небесные выси войсквмя покрой!

Пусть тебя охраняет предвечный властитель;
Ты расчетлив, но смело бросаешься в бой.

Необъятной стране ты несешь справедлявость,
И далекий, и близкий обласкан тобой» *.

И когда он окончил свои стихи, халиф возвеселился, и ему понравилось красноречие, и стихи, и нежность выражений Ганима, и он сказал ему: «Приблизься ко мне!» И когда Ганим приблизился, халиф молвил: «Изъясни мне твою историю и осведоми меня о твоем деле». И Ганим сел и рассказал халифу о том, что случилось с ним в Багдаде; как он спал в гробнице и взял сундук у негров, когда они ушли, и поведал ему обо всем, что случилось, с начала до конца, — а в повторении нет пользы.

Халиф, узнавши, что Ганим говорит правду, наградил его, и приблизил к себе, и сказал: «Очисти меня от ответственности!» И Ганим снял с него ответственность и сказал: «О владыка султан, поистине и раб, и то, чем владеют

его руки, принадлежат господину его». И халиф возрадовался. А потом он велел отвести Ганиму дворец, и назначил ему выдачи, и жалованья, и дары многие, и затем перевел его туда, и перевел его сестру и мать. И халиф прослышал о сестре его, Фитне, что она по красоте — искушение, и посватал ее у Ганима, а Ганим сказал ему: «Она твоя служанка, а я твой раб». И халиф поблагодарил его и дал ему сто тысяч динаров. И он вызвал свидетелей и судью, и обе записи написали в один день, то есть запись халифа и Фитны и запись Ганима ибн Айюба с Кут аль-Кулуб. И халиф с Ганимом вошли к своим женам в одну и ту же ночь. А наутро халиф приказал занести в летопись все, что случилось с Ганимом по его рассказу, с начала до конца, и на вечные времена сохранить в казне, чтобы читал тот, кто придет после него, и изумлялся бы превратностям судеб, и вручил бы дела свои творцу ночи и дня».

РАССКАЗЫ О ЖИВОТНЫХ И ПТИЦАХ

И сказал потом царь Шахразаде: «Хочу, чтобы ты мне теперь рассказала что-нибудь из рассказов о животных и птицах». А сестра ее, Дуньязада, воскликнула: «Я не видела за все это время, чтобы у царя расправилась грудь когда-нибудь, кроме сегодняшней ночи, и я надеюсь, что исход твоего дела с ним будет благополучен». А царя в это время настиг сон, и он заснул...

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

РАССКАЗ О ГУСЫНЕ И ЛЬВЕНКЕ

оворят, что был в древние времена и минувшие годы павлин, который ютился на берегу моря со своей женой. И место это изобиловало львами, и были там всякие звери, а деревья и реки были в том месте многочисленны.

И этот павлин с женою ютились ночью на одном из этих деревьев, боясь зверей, а днем спозаранку вылетали, чтобы найти пропитание. И они жили так, пока их страх не усилился, и стали они искать другое место, где бы приютиться. И нашли они остров, изобилующий деревьями и реками. Они опустились на этот остров, поели и напились, и вдруг подбежала к ним гусыня. В сильном испуге бежала она до тех пор, пока не прибежала к дереву, на котором был павлин с женой, и тогда только успокоилась.

Павлин не усомнился, что у этой гусыни удивительная история, и спросил ее, что с нею и почему она боится, и гусыня сказала: «Я больна от ужаса и от страха перед сыном Адама. Берегись и еще раз берегись сыновей Адама!» — «Не бойся, раз ты добралась до нас»,— сказал ей павлин, и гусыня воскликнула: «Слава Аллаху, который облегчил мою заботу и горе благодаря вашей близости! Я пришла, желая вашей дружбы».

И когда она кончила, жена павлина спустилась к ней и сказала: «Приют и уют! Добро пожаловать! С тобою не будет беды. Откуда достигнет нас сын Адама, когда мы на этом острове посреди моря? С суши он не может до нас добраться, а с моря нельзя к нам подняться. Радуйся же и расскажи нам, что постигло и поразило тебя от сына Адама».

«Знай, о пава,— сказала тогда гусыня,— что я всю жизнь провела на этом острове в безопасности, не видя дурного. И однажды ночью я заснула и увидела во сне сына Адама, который говорил со мной, и я говорила с ним. И я услышала, как кто-то говорит мне: «О гусыня, остерегайся сына Адама и не обманывайся его речами и тем, что он принесет тебе: велики его хитрости и обманы! Берегись же всячески его коварства, ибо он великий обманщик, как сказал о нем поэт:

Языком он тебе предлагает приманку
И, коварный, как лис, беспощаден к подранку [1].

---

[1] Здесь и далее стихотворные вставки, не отмеченные звездочкой, переведены В. Микушевичем.

Знай, что сын Адама может вытащить рыбу из моря, и пустить в птиц глиняные пули, и свалить своим коварством слона. От зла сына Адама не уцелеет никто, и не спасется от него ни птица, ни зверь. Вот я сообщил тебе то, что я слышал о сыновьях Адама».

И я пробудилась от сна, испуганная и устрашенная, и до сих пор не успокоилась, так я боюсь для себя зла от сына Адама, чтобы он не провел меня хитростью и не поймал бы меня в свои силки. И едва настал конец дня, как мои силы ослабли и исчезла моя решимость. А потом мне захотелось есть и пить, и я вышла побродить со смущенным умом и сжавшимся сердцем. И, дойдя до той горы, я нашла у входа в пещеру львенка желтого цвета.

И когда этот львенок увидел меня, он сильно обрадовался, и ему понравился мой цвет и то, что я приятна видом, и он закричал мне: «Подойди ко мне!» А когда я подошла, он спросил: «Как твое имя и какой ты породы?» — «Мое имя гусыня, и я из породы птиц,— отвечала я и потом спросила: — Почему ты сидишь до сих пор на этом месте?» — а львенок ответил: «Причина этого в том, что мой отец, лев, уже несколько дней предостерегает меня от сына Адама, и случилось так, что сегодня ночью я видел во сне образ сына Адама...»

И затем львенок рассказал мне подобное тому, что я рассказала тебе, и, услышав его слова, я воскликнула: «О лев, я прибежала к тебе! Убей сына Адама, ибо я очень его боюсь и мой страх еще сильнее оттого, что ты боишься сына Адама, хотя ты султан зверей».

И я продолжала, о сестрица, предостерегать львенка от сына Адама и наставлять его, чтобы он его убил. И львенок в тот же час и минуту встал и пошел, а я последовала за ним. И он бил себя хвостом по бокам и шел, а я шла сзади до разветвления дороги. И мы увидели, как взлетела пыль, а потом пыль рассеялась, и из-за нее показался бежавший осел, без упряжи, который то скакал и бежал, то начинал кататься в пыли.

И лев, увидав осла, окликнул его, и тот смиренно подошел к нему, и лев спросил: «О глупое животное, какой ты породы и почему ты пришел в это место?» — и осел отвечал: «О сын султана, по породе я осел, а пришел в это место я потому, что убегаю от сына Адама».— «Ты боишься, что сын Адама убьет тебя?» — спросил львенок, и осел ответил: «Нет, о сын султана, я только боюсь, что он учинит со мной хитрость и сядет на меня верхом, так как у него есть вещь, которую он называет вьючным седлом и кладет

мне на спину, и другая вещь, называемая подпругой, которую он завязывает у меня на животе, и еще вещь, называемая подхвостником, которую он кладет мне под хвост, и вещь, называемая уздой, которую он кладет мне в рот. И он сделает мне стремена, которыми будет меня колоть, и заставит бежать сверх силы, и, если я споткнусь, он будет меня проклинать, а если зареву, станет бранить меня. А потом, когда я состарюсь и не смогу бегать, он сделает мне деревянное седло и отдаст меня водоносам, и те будут возить на моей спине воду из реки в бурдюках и в другой посуде, вроде кувшинов. И я пребуду в позоре, унижении и утомлении, пока не умру, и тогда меня бросят собакам. Что же больше этой заботы и какое бедствие страшней этих бедствий?»

И когда я услышала, о пава, слова осла, перья поднялись на моем теле от страха перед сыном Адама, и я сказала львенку: «О господин, ослу простительно, и его слова еще прибавили страха к моему страху».

«Куда ты теперь отправляешься?» — спросил львенок осла, и тот ответил: «Я издали увидел сына Адама, как раз перед тем, как засияло солнце, и убежал, спасаясь от него, и вот теперь я хочу убежать и буду бежать все время, так как очень боюсь его. Может быть, я найду себе место, чтобы укрыться от обманщика, сына Адама».

И пока осел разговаривал со львенком, держа такие речи, и хотел с нами попрощаться и бежать, вдруг появилось перед нами облако пыли. И осел закричал и заревел и, взглянув в сторону пыли, пустил громкие ветры, а через минуту пыль рассеялась, открыв вороного коня с пятном на лбу, как дирхем. И у коня этого были белая звезда во лбу и красивая белая шерсть на ногах, и голос его был подобен грому.

И конь несся до тех пор, пока не остановился перед львенком, сыном льва, и, увидав его, львенок восхитился им и спросил: «Какой ты породы, о благородный зверь, и почему ты мчишься по этой пустыне?» — «О господин зверей,— отвечал конь.— Я конь из породы лошадей, а убегаю я от сына Адама».

И львенок изумился словам коня и сказал ему: «Не говори таких слов — это стыд и срам для тебя. Ты длинный и толстый, так как же ты боишься сына Адама при твоем большом теле и быстром беге, а я, хоть и мал телом, решил повстречаться с сыном Адама, броситься на него и съесть его мясо и успокоить страх этой бедной гусыни. А ты пришел сейчас и растерзал мое сердце этими словами и отвра-

тил меня от того, что я хотел сделать. Несмотря на твою величину, человек покорил тебя и не испугался твоей длины и ширины. А ведь если бы ты лягнул его, то, наверное, убил бы его, и он бы с тобой не справился, а испил бы чашу смерти».

И конь засмеялся, услышав слова львенка, и воскликнул: «Не бывать, не бывать, чтобы я его одолел, о сын царя! Пусть не обманывает тебя то, что я длинен, широк и толст в сравнении с человеком, ибо он по своей хитрости и коварству делает из пальмового лыка вещь, которая называется путами, и надевает их на мои ноги, и привязывает меня к высокому колышку, и я вынужден стоять, привязанный к нему, и не могу лечь. А когда человек хочет на меня сесть, он привязывает ко мне для своих ног вещь из железа, называемую стременем, и вещь, называемую седлом, и связывает его подпругами у меня под животом, а мне в рот он вкладывает железную вещь, которая называется уздечкой, и еще привязывает что-то кожаное, что он называет удилом. И когда он садится в седло на моей спине, он берет удила в руку и направляет и ведет меня ими, погоняя меня ударами стремян в бока, пока не окровавит их. Не спрашивай же, о сын султана, что я вытерпел от сына Адама! А если я состарюсь, и моя спина отощает, и я не смогу быстро бегать, он продаст меня мельнику, чтобы я вертел жернов. И я буду вертеть жернов на мельнице ночью и днем, пока не одряхлею. И тогда мельник продаст меня мяснику, и тот меня зарежет, сдерет с меня шкуру и выщиплет хвост и продаст его на решета и сита, а жир мой он вытопит».

Услышав слова коня, львенок стал еще более гневен и озабочен и спросил: «Когда ты оставил сына Адама?» И конь отвечал: «Я оставил его в полдень, и он идет за мной следом».

И пока львенок разговаривал с конем, держа такие речи, вдруг поднялась пыль и потом рассеялась, и из-за нее появился бегущий верблюд, который ревел и бил ногами о землю, и он делал так до тех пор, пока не достиг нас. И львенок, увидав, что он велик и толст, подумал, что это сын Адама, и хотел на него прыгнуть, но я предупредила его: «О сын султана, это не сын Адама, это только верблюд, и он как будто бы убегает от сына Адама».

И пока я вела со львенком такие речи, о сестрица, верблюд приблизился к нему и приветствовал его, а львенок ответил на его привет и спросил: «Какова причина твоего прихода в это место?» — «Я пришел, убегая от сына

Адама»,— отвечал верблюд. И львенок воскликнул: «Как, ты, такой большой, длинный и широкий, боишься сына Адама! Ведь если бы ты один раз лягнул его, ты бы его наверное убил».

«О сын султана,— отвечал верблюд,— знай, что у сына Адама есть хитрости, с которыми не справиться, и одолеть его может только смерть. Он продевает мне в нос кольцо с веревкой, которую называет уздою, а вокруг моей головы он обвязывает повод и отдает меня младшему из своих детей, и маленький ребенок тянет меня за веревку, хотя я большой и тяжелый. Он нагружает на меня самые тяжелые тюки и отправляется со мною в долгие путешествия, и употребляет меня для трудных работ часть ночи и дня. А когда я стану старым и дряхлым и сломлюсь, человек не сохранит ко мне дружбы, а, напротив, продаст меня мяснику, и тот зарежет и продаст мою кожу кожевникам, а мясо харчевникам. Не спрашивай же, что я терплю от сына Адама!»

«Когда ты оставил сына Адама?» — спросил львенок, и верблюд отвечал: «Я оставил его на закате и думаю, он придет после моего ухода и, не найдя меня, побежит искать; отпусти же меня, о сын султана, и я побегу по степям и пустыням».— «Подожди немного, о верблюд,— сказал львенок,— и посмотри, как я его разорву и накормлю тебя его мясом. Я обглодаю его кости и выпью его кровь».— «О сын султана,— ответил верблюд,— я боюсь для тебя зла от сына Адама, ибо он обманщик, и он коварен». И верблюд произнес слова поэта:

«Когда поселяется рядом негодный сосед,
Уехать придется, иначе спасения нет».

И пока верблюд разговаривал со львенком, ведя такие речи, вдруг поднялась пыль и через минуту рассеялась, обнаружив коротенького старика с нежной кожей, и на плече у него была корзинка с плотничьими принадлежностями, а на голове он нес ветку дерева и восемь досок. Он вел за руку маленьких детей и шел поспешными шагами, и он шел до тех пор, пока не приблизился к львенку.

И, увидев его, о сестрица, я упала от сильного испуга, а львенок встал и пошел ему навстречу. И когда он дошел до него, человек улыбнулся ему и сказал красноречивым языком: «О благородный царь со щедрой рукой, да сделает Аллах счастливым твой путь и да прибавит тебе доблести и силы! Защити меня от того, что меня постигло и поразило злом, ибо я не нашел себе защитника, кроме тебя».

И плотник встал перед львенком и принялся плакать, стонать и жаловаться, и львенок, услышав его плач и сетованья, сказал: «Я защищу тебя от того, чего ты боишься. Но кто тебя обидел и кто ты будешь, о зверь, подобного которому я в жизни не видел, а я никого не видал прекраснее тебя внешностью и красноречивее языком? Чем ты занимаешься?» — «О господин зверей,— ответил человек,— я плотник, а тот, кто обидел меня,— сын Адама, и завтра он будет у тебя в этом месте».

И когда львенок услышал от плотника эти слова, свет перед ним словно сменился мраком, и он начал и рычать, и хрипеть, и глаза его стали метать искры, и он закричал: «Клянусь Аллахом, я, право, не буду спать эту ночь до утра и не вернусь к отцу, пока не достигну своей цели! — И он обратился к плотнику и сказал: — Я вижу, что твои шаги коротки, но я не могу разбить твое сердце, так как я великодушен. Я думаю, ты не можешь идти рядом со зверями. Расскажи же мне, куда ты идешь».

«Знай,— отвечал плотник,— что я иду к везирю твоего отца — барсу, ибо он, узнав, что сын Адама ступил на эту землю, испугался великим страхом и прислал ко мне гонца из зверей, чтобы я сделал ему дом, где он мог бы жить и приютиться и чтобы до него не мог бы добраться ни один из сыновей Адама. И когда гонец пришел ко мне, я взял эти доски и отправился к нему».

И когда львенок услышал слова плотника, его взяла зависть к барсу, и он воскликнул: «Клянусь жизнью, ты непременно должен сделать мне из этих досок дом, прежде чем ты сделаешь дом для барса, а когда ты кончишь для меня работу, иди к барсу и сделай ему, что он хочет».

Но плотник, услышав от львенка эти слова, сказал: «О господин зверей, я ничего не могу для тебя сделать, раньше чем сделаю барсу то, что он хочет. А потом я приду служить тебе и сделаю для тебя дом, который будет тебе крепостью от врага».— «Клянусь Аллахом, я не дам тебе уйти отсюда, пока ты не сделаешь мне из этих досок дом!» — воскликнул львенок.

И потом он бросился к плотнику и прыгнул на него, желая пошутить с ним, и, ударив его лапой, сбросил корзину с его плеча, а плотник упал без чувств. И львенок стал смеяться над ним и воскликнул: «Горе тебе, о плотник! Ты слабый, и нет у тебя сил, и тебе простительно, если ты боишься сына Адама». А плотник, упав на спину, сильно рассердился, но скрыл это от львенка из страха перед ним.

И, поднявшись, плотник улыбнулся львенку и сказал: «Я сделаю тебе дом!»

И плотник взял доски, которые были с ним, и сколотил дом, сделав его по мерке львенка, а дверь в него оставил открытой. Он придал ему вид сундука и сделал в нем большое отверстие, над которым приделал большую крышку, а в крышке просверлил много дырок. А потом он вынул несколько гвоздей и сказал львенку: «Войди в дом через это отверстие, чтобы я мог его примерить».

И львенок обрадовался и пошел к отверстию, но увидал, что оно узкое, а плотник сказал ему: «Войди и встань на колени передних и задних лап». И львенок сделал это и вошел в сундук, но конец его хвоста остался снаружи. И львенок хотел высунуться назад и выйти, но плотник сказал ему: «Не торопись и подожди, пока я посмотрю, вместит ли дом и твой хвост вместе с тобою». И львенок послушался, и плотник свернул хвост львенка и запихал его в сундук, и, быстро наложив крышку на отверстие, приколотил ее.

И львенок закричал: «О плотник, что это за узкий дом ты мне сделал! Дай мне из него выйти!» — «Не бывать, не бывать! Не поможет раскаяние в том, что миновало! Ты не выйдешь отсюда! — отвечал плотник, и потом он засмеялся и сказал львенку: — Ты попал в клетку, и нет для тебя спасенья из тесной клетки, о самый гадкий из зверей».— «О брат мой, что это за речи ты ко мне обращаешь?» — сказал львенок, а плотник отвечал: «Знай, собака пустыни, что ты попался туда, куда боялся, и судьба тебя туда бросила, и не поможет тебе осторожность».

И когда львенок услышал его слова, о сестрица, он понял, что это сын Адама, от которого его предостерегал наяву его отец и во сне голос. И я тоже уверилась, что это он, наверное и без сомнения. И я испугалась великим испугом и отошла от него немного, высматривая, что он сделает со львенком. И я увидела, о сестрица, что сын Адама вырыл яму в том месте, недалеко от сундука, где был львенок, и кинул его туда, а сверху он набросал хворосту и поджег его огнем. И мой страх, о сестрица, стал велик, и я уже два дня бегу от сына Адама и боюсь его.

РАССКАЗ О ЛИСИЦЕ И ВОЛКЕ

оворят, что волк и лисица поселились в одной норе, и ютились там вместе, и проводили там ночи, и волк притеснял лисицу. И они провели так некоторое время.

И случилось, что лисица посоветовала волку быть мягче и бросить дурное и сказала ему: «Знай, если ты будешь продолжать твои преступления, Аллах, может быть, отдаст тебя во власть сыну Адама, а он хитер, злокознен и коварен и ловит птиц в воздухе и рыб в воде, переносит горы с места на место, и все это по своей хитрости и коварству. Будь же мягок и справедлив и оставь зло и преступление — это будет приятнее для твоей жизни».

Но волк не принял ее слов и грубо ответил ей: «Что это ты рассуждаешь о больших и значительных делах!» И потом он ударил лисицу так, что она упала без памяти. А очнувшись, она улыбнулась волку и принялась перед ним извиняться за дурные речи и сказала ему такие два стиха:

«Наказывать ближних не стоит сурово.
Простите! Стыжусь я проступка былого.

Пускай даже недруг приходит с повинной,
Не нужно наказывать недруга злого».

И волк принял извинения лисицы, и перестал на нее злиться, и сказал: «Не говори о том, что тебя не касается: услышишь то, что тебе не понравится».

И лисица ответила: «Слушаю и повинуюсь! Я далека от мысли, чтобы говорить то, что тебе не нравится. Ведь сказал мудрец: «Не говори о том, о чем тебя не спрашивают, и не отвечай на то, к чему тебя не зовут. Оставь то, что тебя не касается, займись тем, что тебя касается, и не расточай недостойным дружеских советов — они воздадут тебе за это злом».

Однако, когда лисица слушала слова волка, она улыбнулась ему, но затаила против него коварство и подумала: «Я непременно постараюсь быть виновницей гибели этого волка!»

И она терпела от волка обиды и говорила в душе: «Поистине, наглость и клевета будут причиной гибели и ввергнут в сети затруднений. Ведь сказано: «Кто нагл, тот теряет, кто невежда, тот раскаивается, а кто страшится — спасается». Справедливость — черта благородных, и мужество — почетнейшее стяжание. Мне следует быть

обходительной с этим преступником: он неизбежно будет повергнут».

И потом лисица сказала волку: «Господь прощает рабу согрешившему и принимает раскаяние раба своего, если он совершил грехи. Я — слабый раб и, советуя, причинила тебе обиду, но, если бы ты знал, какая мне досталась боль от твоей пощечины, ты бы, наверное, понял, что и слон ее не вынес бы и не мог бы ее стерпеть. Но я не жалуюсь на боль от этой пощечины из-за той радости, которую она мне доставила, ибо, хотя она и привела меня к великому страданию, последствия его были радостны. Сказал мудрец: «Удар учителя сначала очень тяжел, но потом он слаще очищенного меда».

«Я простил твой грех и извинил твою оплошность,— сказал волк.— Остерегайся моей силы и проявляй ко мне рабскую преданность. Ты узнала, как я подчиняю себе тех, кто со мной враждует». И лисица пала ниц перед волком и воскликнула: «Да продлит Аллах твою жизнь, и да подчинишь ты себе тех, кто с тобою враждует!» И она продолжала бояться волка и была с ним обходительна и услужлива.

И однажды лисица пришла к винограднику и увидала в стене брешь. Эта брешь показалась лисе подозрительной, и она сказала: «Поистине, тому, что здесь брешь, наверное, есть причина! Говорится в поговорке: «Кто увидит в земле щель и не отойдет в сторону, опасаясь приблизиться к ней, тот неразумен и подвергает себя гибели». Известно, что некоторые люди делают в винограднике изображение лисицы и даже ставят перед ним виноград на блюде, чтобы увидала это лисица и подошла бы к изображению и попала бы в беду. Я вижу в этой бреши ухищрение, а пословица говорит: «Осторожность — половина ловкости». А осторожность в том, чтобы мне понаблюдать за этой брешью и посмотреть: может быть, я найду возле нее уловку, приводящую к гибели. И пусть не побудит меня жадность ввергнуть себя в погибель».

И лисица подошла к отверстию и осторожно обошла вокруг него, со вниманием его рассматривая. И оказалось, что это большая яма, которую вырыл хозяин виноградника, чтобы ловить туда зверей, которые портят виноградник. И лисица сказала: «Ты нашла то, на что рассчитывала!» Она увидала, что яма покрыта чем-то тонким и мягким, и отошла от нее, говоря: «Слава Аллаху, что я ее остереглась, и я надеюсь, что в нее упадет мой враг, волк, который сделал горестной мою жизнь. И тогда виноградник освободится, и я буду в нем одна и независима и заживу там

в безопасности». И лисица потрясла головой и громко засмеялась и произнесла:

«В глубокую яму, как в ад,
Пусть ввалится волк-супостат.

Отравой поил он меня,
Он передо мной виноват.

Пусть пропадом волк пропадет,
Пойдет мое дело на лад.

В моем винограднике весь
Достанется мне виноград».

А окончив эти стихи, она пустилась поскорее бежать и, придя к волку, сказала ему: «Аллах облегчил тебе доступ в виноградник без труда, и это твое счастье. На здоровье тебе то, что Аллах послал тебе и помог без труда овладеть этой дозволенной добычей и обильным уделом».— «А что указывает на то, о чем ты говоришь?» — спросил волк лисицу. И она ответила: «Я пришла к винограднику, и оказалось, что его владелец умер и его растерзали волки, и я пошла в сад и увидела, что плоды созрели на деревьях».

И волк не усомнился в словах лисицы, и его охватила алчность, и он поднялся и пришел к расщелине, и жадность повлекла его. А лисица лежала, распластавшись, как мертвая, и она произнесла такой стих:

«Ты жаждешь Лейлы несравненной, и пыл тебя снедает знойный;
Склоняется в пылу подобном порою даже муж достойный».

И когда волк пришел к расщелине, лисица сказала ему: «Войди в виноградник, ты избавлен от нужды взбираться и рушить стену сада. Аллаху принадлежит завершение милости!» И волк пошел, желая войти в виноградник, и, дойдя до середины прикрытия над ямой, провалился в нее. И лисица встрепенулась от радости и веселья, и прошли ее горести и печали, и она затянула напев и произнесла такие стихи:

«Время злобное, ты меня обжигало,
Ты меня испытаниям подвергало,

Но теперь надо мной ты сжалилось, время,
И пропало все то, что меня пугало.

Я прощаю недругу прежние козни:
Супостата несчастье подстерегало.

В яме волк погибает, как погибали
Все, кого горе горькое настигало.

Без товарищей глупых куда вольготней,
Мне в моем винограднике горя мало».

И она поглядела в яму и увидала, что волк плачет, раскаиваясь и печалясь о себе, и заплакала вместе с ним, и тогда волк поднял голову к лисице и спросил ее: «Не из жалости ли ко мне ты плачешь, о Абу-ль-Хосейн?» — «Нет, клянусь тем, кто бросил тебя в эту яму,— ответила лисица.— Я плачу о том, что ты прожил долгую жизнь, и печалюсь, что ты упал в эту яму только сегодня. И если бы ты упал в нее раньше, чем я с тобой встретилась, я была бы спокойна и отдыхала бы, но ты был пощажен до определенного срока и известного времени».

И волк сказал как бы шутя: «О поступающий дурно, пойди к моей матушке и расскажи ей, что со мною случилось. Может быть, она придумает, как меня освободить». Но лисица ответила: «Тебя погубила твоя сильная жадность и великая алчность. Ты упал в яму, из которой никогда не спасешься. Разве не знаешь ты, о невежественный волк, что говорит сказавший ходячую поговорку: «Кто не думает о последствиях, тому судьба не друг и не в безопасности он от гибели».

«О Абу-ль-Хосейн,— сказал волк,— ты проявил любовь ко мне, и хотел моей дружбы, и боялся моей мощи и силы. Не храни на меня злобы за то, что я с тобой сделал: ведь кто властен и прощает, награда тому у Аллаха. И поэт сказал:

Посей ты добро, пусть надел твой бесплоден,
Он все же для доброго сева пригоден;

Не вдруг созревая, добро плодоносит
Для сеятеля, если тот благороден».

Но лиса сказала: «О глупейшее из животных, о дурак среди зверей пустыни, забыл ты, как ты притеснял меня и был горд и превозносился? Ты не соблюдал обязанностей дружбы и не внял словам поэта:

Обидчик! Ты создан из дольнего праха,
И сам задрожишь ты однажды от страха.

Ты спишь, а тебе справедливым возмездьем
Грозит неусыпное око Аллаха».

«О Абу-ль-Хосейн,— сказал волк, не взыщи с меня за прежние грехи: прощенья ищут у благородных, и содеяние добра — лучшее из сокровищ. Как прекрасны слова поэта:

Ты делай больше добра, когда делать можешь добро;
Ты помни: пройдет пора, когда делать можешь добро».

И волк продолжал унижаться перед лисицей и говорил ей: «Может быть, ты можешь чем-нибудь спасти меня от гибели?» Но лисица отвечала ему: «О глупый волк, обольщенный, коварный обманщик, не желай спасения — это воздаяние и месть за твои скверные поступки». И она смеялась, оскалив зубы, и произнесла такие два стиха:

Ты сам посуди: неужели
Обманом достигнешь ты цели?

Посеяв, пожнешь ты погибель.
Уловки твои устарели».

И волк сказал: «О самая разумная среди животных, я слишком доверяю тебе, чтобы ты оставила меня в этой яме». И он стал плакать и жаловаться и пролил из глаз слезы и произнес такие два стиха:

«Твоих даров не перечесть, моя душа — твоя должница.
Где доблести твоей предел? Где щедрости твоей граница?

Когда гнала меня судьба и гибелью мне угрожала,
В моей руке всегда была твоя надежная десница».

«О глупый враг,— сказала лисица,— как ты дошел до мольбы, смирения, унижения и покорности после гордости, заносчивости, несправедливости и притеснения? Я дружила с тобой, страшась твоей вражды, и льстила тебе, только желая от тебя милости, а теперь тебя поразило наказание и постигла тебя месть». И она произнесла такое двустишие:

«Затевал обман
И попал в капкан.

Волку волчья смерть!
Ум не всем нам дан».

«О премудрая,— взмолился волк,— не говори языком враждебных и не взирай их глазами. Будь верна обету дружбы со мною, пока не минует время встречи. Пойди и раздобудь мне веревку и один край ее привяжи к дереву, а другой край спусти ко мне, и я уцеплюсь за веревку и, может быть, спасусь от того, что меня постигло. Я отдам тебе все сокровища, какими обладаю». Но лисица сказала: «Ты уж много раз говорил о том, что не даст тебе спасения. Ты не получишь от меня ничего. Вспомни, какое зло ты

совершал прежде и какие затаил обманы и козни. А теперь ты близок к тому, чтобы быть побитым камнями. Знай, что душа твоя покидает этот мир, и оставляет его, и уходит из него, а потом ты отправишься туда, где гибель и обитель зла, и плохое то будет жилище!»

«О Абу-ль-Хосейн,— сказал волк,— пусть возвратится наша дружба, и не упорствуй в неиависти и злобе. Знай: кто спас душу от гибели, тот оживил ее, а кто оживил душу, тот как бы оживил всех людей. Не стремись к притеснеиию — мудрые запрещают это. И нет притеснения более явиого, чем то, что я нахожусь в этой яме, глотаю горечь смерти и вижу гибель. Ты можешь освободить меня из сетей затруднения: будь же щедра, освободи меня и сделай мне добро».

«О жестокий и грубый,— сказала ему лисица,— я сравниваю твои хорошие слова с твоими дурными намерениями и поступками и уподобляю тебя соколу с куропаткой».— «А как это было?» — спросил волк.

И лисица сказала: «Однажды я вошла в виноградник, чтобы поесть винограду, и, будучи там, увидела сокола, который риинулся на куропатку, и, когда он вцепился в куропатку и поймал ее, куропатка вырвалась от иего и, уйдя в свое гнездо, спряталась там. И сокол последовал за ией и крикнул ей: «О глупая, я увидал тебя голодную, и пожалел тебя, и подобрал тебе зерен в пустыне, и я для того схватил тебя, чтобы ты поела. А ты убежала от меня, и я вижу, что твое бегство принесет тебе только лишения. Покажись же, возьми зериа, которые я тебе прииес, и поешь их на здоровье и иа пользу».

И, услышав речи сокола, куропатка поверила ему и вылетела, а сокол вонзил в иее когти и крепко захватил ее ими.

И куропатка спросила: «Это и есть то, что ты, как говорил, принес мне из пустыни? И ты еще сказал: «Ешь на здоровье и на пользу!» Ты солгал мне. Да сделает Аллах мое мясо, которое ты съешь, убийственным ядом в твоем животе». И когда сокол съел куропатку, у иего попадали перья, и силы его ослабели, и он тотчас же умер.

Знай же,— продолжала лисица,— кто роет своему брату яму, скоро сам упадет в иее. А ты обманул меия сначала».

И волк отвечал лисе: «Брось говорить такие слова и приводить поговорки и ие напоминай мне о скверных делах, которые я делал прежде. Довольно с меня и того дурного, что со мною случилось: я попал в такое место, что

меня пожалеет и враг, а не только друг. Придумай же для меня хитрость, чтобы я выбрался отсюда, и окажи мне в этом помощь, а если это тебе трудно, то ведь друг выносит ради друга самый тяжелый труд и подвергает опасности свою душу, чтобы спасти его от гибели. Говорится же: заботливый друг лучше единоутробного брата. И если ты найдешь средство спасти меня и я спасусь, право, я соберу для тебя припасы, которые будут тебе защитою, а потом я научу тебя диковинным хитростям, которыми ты откроешь себе изобильные виноградники и сорвешь плоды плодоносных деревьев. Успокой же душу и услади глаза!»

Но лисица сказала ему, смеясь: «Как хорошо, что мудрецы предупредили о таких глупых, подобных тебе!» И волк спросил: «А что же сказали мудрецы?»

И лисица ответила: «Мудрецы говорят, что у кого грубое тело и грубая натура, тот далек от разума и близок к невежеству. А что до твоих слов, о самообольщенный, коварный и грубый, что друг переносит затруднения, чтобы выручить друга, то они правильны, как ты и сказал. Но они показали мне, что ты невежествен и малоумен: как я могу быть тебе другом, когда ты меня обманывал? Разве ты считал меня другом, когда я была твоим заклятым врагом? Эти слова страшнее удара стрелой, если ты поразмыслишь. А что касается твоих слов о том, что ты дашь мне припасы, которые будут мне защитой, и научишь меня хитростям, которые приведут меня в плодородные виноградники и помогут мне оборвать плодоносные деревья, то почему, о вероломный обманщик, ты не придумаешь для себя хитрость, чтобы избавиться от гибели?

Как ты далек от того, чтобы быть самому себе полезным, так и я далека от того, чтобы принять твои дружественные слова. Если ты знаешь хитрость, то ухитрись избавить себя от этого дела, от которого я прошу Аллаха тебя подольше не спасать.

Но подумай же, о глупец: ведь если у тебя есть хитрость, то избавь себя от смерти, а не поучай других. Но ты подобен человеку, которого поразила болезнь и к которому пришел человек, больной такой же болезнью, чтобы лечить его. И пришедший спросил: «Не хочешь ли, я тебя вылечу от твоей болезни?» — а первый сказал ему: «А не начать ли тебе лечение с самого себя»,— и пришедший оставил его и ушел. И ты, о глупый волк, такой же. Будь на своем месте и терпи то, что тебя постигло».

Услышав слова лисицы, волк понял, что ему не будет от нее добра, и заплакал о себе и сказал: «Я был небрежен

к тому, что делал, но если Аллах избавит меня от этой горести, я раскаюсь, что притеснял тех, кто слабее меня, и оденусь в шерстяные рубища и поднимусь на гору, поминая Аллаха великого и боясь его наказания, и отстранюсь от всех зверей, и стану кормить бойцов за веру и бедняков».

И он принялся рыдать и плакать, и сердце лисицы смягчилось, и, когда она услышала его мольбы и слова, указывающие, что он раскаялся в своих преступлениях и гордости, ее взяла жалость. И лисица подпрыгнула от радости и встала на краю ямы, а потом она села на задние лапы и опустила хвост в яму, и тогда волк поднялся и, протянув лапу к хвосту лисицы, потянул ее к себе, и она оказалась вместе с ним в яме.

«О безжалостная лисица,— сказал тут волк,— как ты могла злорадствовать, раз ты была со мной в дружбе и под моей властью? А теперь ты попала со мной в яму, и наказание спешит к тебе. Сказали мудрецы: «Если кто из вас поносит своего брата, говоря, что его вскормила сука, то сам вскормлен ею». А как прекрасны слова поэта:

Судьба нападающих вооружает
И всех беглецов на верблюдов сажает;

Злорадный! Такою же точно невзгодой
Тебе постоянно судьба угрожает.

А смерть в толпе — лучшее дело, и я ускорю твою смерть раньше, чем ты увидишь мою смерть».

И лисица сказала себе: «Ах, ах, я попалась вместе с этим притеснителем, и в таком положении необходимо коварство и обман! Говорят ведь: «Женщина готовит свой убор для дня праздника», и пословица гласит: «Я приберег тебя, о слезинка, на случай беды!» Если я не изловчусь с этим жестоким зверем, я погибну, несомненно. А как хороши слова поэта:

Обман присущ любому существу,
Он свойствен даже царственному льву.

Жизнь — колесо, чей двигатель — обман.
Вращенье жизни разве я прерву?

Срывай плоды, а если нет плодов,
Не жалуйся! Сухую ешь траву!»

И лисица сказала волку: «Не торопись убивать меня — не таково воздаяние мне, и ты раскаешься, о могучий зверь, обладатель мощи и силы. А если ты подождешь и внима-

тельно рассмотришь то, что я тебе расскажу, ты узнаешь, к какой я стремилась цели. Если же ты поторопишься меня убить, тебе ничего не достанется, и мы оба умрем здесь».— «О коварная обманщица, а чем ты надеешься спасти меня и себя, что просишь отсрочить твою смерть? Осведоми меня и расскажи мне, к какой цели ты стремишься»,— воскликнул волк.

И лисица сказала: «Что касается цели, к которой я стремлюсь, то тебе не должно воздать мне за нее хорошим: когда я услышала, что ты обещаешь и признаешь свою былую вину и печалишься о том, что прежде не раскаялся и не делал добра, и узнала, что ты дал обет, если спасешься, не обижать больше друзей и прочих, перестать есть виноград и другие плоды, постоянно быть смиренным, обрезать себе когти и обломать клыки, одеться в шерсть и приносить жертву Аллаху великому,— тогда меня взяла жалость к тебе, так как лучшее слово — самое правдивое.

Я желала твоей гибели, но, когда услышала, что ты раскаялся и дал обеты, если Аллах спасет тебя, я сочла долгом избавить тебя от твоей беды и спустила к тебе хвост, чтобы ты за него уцепился и спасся бы. Но ты не оставил своей обычной грубости и жестокости и не искал спасенья и мягкости. Ты так потянул меня, что я подумала, будто уже умерла и мы с тобою оказались в обители гибели и смерти. Нас спасет только одна вещь, и если ты согласишься на это, мы с тобою избавимся — и я, и ты. А после этого тебе следует выполнить то, что ты обещал, и я буду тебе товарищем».

«А на что я должен согласиться?» — спросил волк, и лисица ответила: «Встань прямо, а я взберусь тебе на голову, так что буду почти вровень с поверхностью земли, и я прыгну и окажусь наверху. И я пойду и принесу тебе что-нибудь, за что ты зацепишься, и тогда ты спасешься».— «Я не доверяю твоим советам,— сказал волк,— так как мудрецы говорили: «Кто ставит доверие на место злобы, делает ошибку, а кто доверяет существу неверному — тот обманут». Кто испытывает уже испытанного, того постигнет раскаяние и пропадут его дни напрасно, а кто не различает разных положений, поступая в каждом из них, как должно, но действует во всех делах одним способом, у того будет мало удачи и многими будут его бедствия. А как хороши слова поэта:

Ждать привыкни от людей дурного,
Не дождешься ничего иного;

Сколько ты добра ни делай людям,
Убедишься, что ошибся снова.

А вот слова другого:

Не верь другим никогда, — сказал рассудительный, —
На этой грешной земле спасается бдительный;

С врагом заклятым твоим беседуй приветливо,
А сам готовь между тем удар победительный!

А вот слова третьего:

Опасней всего для нас доверчивость ложная;
С опаской живи, она подруга надежная.

Лишь слабый ждет от судьбы поблажек и радостей,
Однако милость судьбы — мечта невозможная».

И лисица сказала волку: «Думать дурное непохвально ни в каком случае, а думать хорошее — черта совершенных, и следствием этого будет спасенье от ужасов. Тебе надлежит, о волк, сделать хитрость, чтобы спастись от того, что тебя постигло, и нам вместе спастись лучше, чем умереть. Оставь дурные мысли и злобу, ибо если ты станешь доверчив, то может быть два исхода: либо я принесу тебе что-нибудь, за что ты зацепишься и спасешься, либо я обману тебя и спасусь, а тебя оставлю. А это невозможно, так как я боюсь подвергнуться тому, чему ты подвергся, и это будет наказание за обман. Говорится ведь в поговорках: «Верность прекрасна, измена дурна». Тебе следует мне довериться, так как мне известно о превратностях судьбы. Не откладывай же и примени хитрость, чтобы освободить нас — дело слишком затянулось, чтобы вести о нем долгие разговоры».

И волк сказал: «Хоть я и мало доверяю твоей верности, но я понял, что ты задумала и пожелала меня спасти, когда услышала, как я раскаиваюсь. И тогда я сказал себе: «Если она правдива в своих утверждениях, то она исправила то, что сделала скверного, а если она лжет — то воздаяние ей у ее господа». Я соглашусь на то, что ты советуешь, и если ты меня обманешь, то обман будет причиною твоей гибели».

Потом волк встал в яме прямо и, взяв лисицу на плечи, поднял ее вровень с поверхностью земли, и лисица спрыгнула с плеч волка и выскочила на землю, а оказавшись вне ямы, она упала без чувств.

«О мой друг, — сказал волк, — не будь небрежна в моем деле и не откладывай моего избавления».

Но лисица стала смеяться и хохотать и воскликнула: «О ты, обольщенный, я попала тебе в руки только в наказание за шутки и насмешки над тобою: когда я услышала, как

ты раскаиваешься, восторг и радость сделали меня мягкосердой, и я стала прыгать и плясать, и мой хвост опустился в яму, и ты потянул меня к себе, и я к тебе упала. А потом Аллах великий спас меня от тебя, и почему мне не помочь твоей гибели — ты ведь из племени сатаны. Я вчера видела во сне, что пляшу на твоей свадьбе, и рассказала это толкователю снов, а он сказал мне: «Ты попадешь в западню и спасешься из нее». И я поняла, что, когда я попала в твои руки и спаслась, это было в соответствии с моим сном. И ты знаешь, обольщенный глупец, что я твой враг, так как же ты хочешь, по твоему малоумию и глупости, чтобы я тебя спасла, хотя ты слышал мои грубые речи? И как я буду стараться спасти тебя, когда мудрые сказали: «Смерть нечестивого — отдых людям и очищение земли». Но если бы я не боялась перенести от верности большие страдания, чем страдания от обмана, я бы, наверное, придумала, как спасти тебя».

Услышав слова лисицы, волк укусил себе лапу от раскаяния, а затем смягчил свои речи, видя, что это неизбежно, но никакой пользы от этого не было.

И тогда волк сказал лисице тихим голосом: «Вы, племя лисиц, говорите слаще всех и приятнее всех шутите, и это все твои шутки, но не во всякое время хорошо шутить», а лисица ответила: «О глупец, для шуток есть предел, которого не переходит тот, кто шутит. Не думай, что Аллах отдаст меня тебе, после того как он уже спас меня из твоих рук».

«Тебе следует желать моего спасения из-за нашей прежней братской дружбы, и, если ты меня спасешь, я обязательно воздам тебе добром»,— сказал волк, и лисица ответила: «Мудрецы говорили: «Не братайся с нечестивым глупцом — он тебя обезобразит, а не украсит, и не братайся с лжецом: если ты проявишь хорошее, он это скроет, а если проявишь злое — разгласит». И сказали мудрецы: «Для всего есть хитрость, кроме смерти,— все можно исправить, кроме испорченной сущности, и все можно отразить, кроме судьбы».

А относительно воздаяния, которое я, ты говоришь, заслужила от тебя, то я сравню тебя по воздаянию со змеей, убежавшей от змеелова. Один человек увидал ее испуганною и спросил: «Что с тобою, о змея?» — и она ответила: «Я убежала от змеелова, и он ищет меня; если ты спасешь меня от него и скроешь меня у себя, я воздам тебе хорошим и сделаю с тобою все доброе».

И человек взял ее, желая награды, жадный до воздая-

ния, и положил ее за пазуху. А когда змеелов прошел и удалился своей дорогой и то, чего змея боялась, миновало, этот человек сказал ей: «Где награда? Я спас тебя от того, чего ты боялась и остерегалась». И змея ответила: «Скажи мне, в какой член и в какое место мне тебя ужалить — ты знаешь, что наше воздаяние не идет дальше этого». И потом она ужалила его один раз, и он умер.

Не верь тому, кого ты задел замашкой обидной:
Иначе твоя судьба окажется незавидной.

Смотри: нежна чешуя, извивы вкрадчиво мягки,
Но, чуть зазевавшись, ты ужален будешь ехидной».

И волк сказал ей: «О красноречивая, о прекрасная, не забывай, кто я и как люди меня боятся. Ты знаешь, что я налетаю на крепости и обрываю виноградники,— сделай же то, что я тебе велел, и стой передо мной, как раб перед господином». Но лисица воскликнула: «О глупый и невежественный, стремящийся к тщетному, я дивлюсь, как ты глуп и тупоголов, раз ты велишь мне тебе служить и стоять пред тобой, точно я твой раб, и ты купил меня за деньги. Ты скоро увидишь, что тебя постигнет,— тебе проломят голову камнями и сломают твои предательские зубы».

А потом лисица взошла на холм, возвышавшийся над виноградником, и стала кричать людям в винограднике, и кричала до тех пор, пока не разбудила их. И они заметили лисицу и поспешно, толпой, пришли к ней, и лисица стояла на месте, пока они не приблизились к ней и к яме, где был волк. А потом лисица бросилась бежать, и хозяева виноградника посмотрели в яму, и, увидав там волка, принялись бросать в него тяжелые камни, и до тех пор били его камнями и палками и кололи зубцами копий, пока не убили.

И когда они ушли, лисица вернулась к яме и остановилась у места убиения волка, и, увидав, что волк мертв, она задрожала от радости и произнесла такие стихи:

«Помогает мне судьба,— восклицаю я победно;
Ненавистный сгинул волк, он пропал навек бесследно;

Ты преследовал меня, козни разные ты строил,
Ты погиб, Абу-Сирхан, угрожавший мне зловредно».

И лисица осталась в винограднике одна, спокойная, не боясь бедствий, пока не пришла к ней смерть, и вот какова была повесть о волке с лисицей.

РАССКАЗ О МЫШИ И ЛАСКЕ

Рассказывают, что мышь и ласка жили в жилище одного крестьянина, а этот крестьянин был беден. И случилось так, что один из друзей крестьянина заболел, и врач прописал ему очищенный кунжут. Он попросил у одного из своих приятелей кунжута. И приятель дал немного кунжута этому бедному крестьянину, чтобы тот очистил его для больного. И крестьянин пришел к своей жене и велел ей приготовить кунжут, и она вымочила его, разбросала, и высушила, и приготовила.

Когда ласка увидела этот кунжут, она подошла к нему и весь день таскала его в свою нору, пока не перенесла большую часть.

И женщина пришла и увидела, что кунжута явно убавилось, и стояла, дивясь этому, а потом она села, чтобы выследить, кто придет к кунжуту, и узнать, почему его не хватает. И ласка пришла, и, увидев сидящую женщину, поняла, что та выслеживает ее, и сказала в душе: «Поистине, этот поступок будет иметь дурные последствия! Я боюсь, что эта женщина за мной следит, а кто не думает о последствиях, тому судьба не друг. Я обязательно сделаю хорошее дело, которым проявлю свою невиновность и смою все скверное, что я сделала».

И она стала выносить кунжут из своей норки и приходила и клала его к остальному кунжуту. И женщина застала ее и, увидав, что ласка так делает, сказала: «Не она виновница пропажи кунжута, так как она приносит его из норки того, кто его утащил, и кладет его на другой кунжут. Она сделала нам добро, возвратив кунжут, а тому, кто сделал добро, воздастся только добром. Но я буду следить за вором, пока он не попадется, и я узнаю, кто он».

А ласка поняла, что было в мыслях этой женщины, и отправилась к мыши и сказала ей: «О сестрица, нет добра в том, кто не блюдет соседства и не тверд в любви». И мышь отвечала: «Да, мой друг. Благо тебе и соседству с тобой! Но какова причина этих слов?» — «Хозяин дома,— отвечала ласка — принес кунжут, и они с семьей поели его и насытились, и осталось его еще много. И все, кто имеет душу, взяли от него. А если ты тоже возьмешь кунжута, ты будешь иметь на него больше права, чем те, кто его уже взяли».

И это понравилось мышке, и она запищала, и заплясала, и заиграла ушами и хвостом, и ей захотелось отведать кунжута. И она тотчас же вышла из норки и увидала, что

кунжут высушен, и очищен, и сияет белизной, а женщина сидит и наблюдает за ним, но мышь не подумала о последствиях этого дела. И женщина приготовила дубинку, а мышь не могла сдержать себя, и забралась в кунжут, и стала есть его, наслаждаясь. А женщина ударила ее дубинкой и разбила ей голову, и причиной ее смерти была ее жадность и пренебрежение к последствиям своего дела.

РАССКАЗ ОБ АЛА-АД-ДИНЕ АБУ-Ш-ШАМАТЕ

Рассказывают, что был в древние времена и минувшие века и годы один человек, купец в Каире, которого звали Шамс-ад-дин. И был он из лучших купцов и самых правдивых в речах, и имел слуг и челядь, и рабов и невольников, и большие деньги, и состоял старшиной купцов в Каире.

И была у него жена, и он любил ее, и она его любила; но только он прожил с ней сорок лет, и не досталось ему от нее ни дочери, ни сына. И вот в один из дней он сидел в своей лавке, и увидел он, что у каждого из купцов был сын, или двое сыновей, или больше, и они сидели в лавках, как их отцы. А в тот день была пятница, и этот купец пошел в баню и вымылся, как моются в пятницу, а выйдя, он взял зеркало цирюльника и посмотрел в него на свое лицо и воскликнул: «Свидетельствую, что нет бога, кроме Аллаха, и что Мухаммед — посланник Аллаха!» — а потом взглянул на свою бороду и увидел, что белое в ней покрыло черное; и вспомнил он, что седина — посланец смерти.

А его жена знала время его возвращения и мылась и наряжалась, и когда купец вошел к ней, она сказала ему: «Добрый вечер!» Но он отвечал ей: «Я не видел добра!»

А жена купца сказала невольнице: «Подай столик с ужином!» И невольница принесла еду, и жена купца сказала: «Поужинай, господин мой»; а купец отвечал: «Я не стану ничего есть!» — оттолкнул столик ногой и отвернул лицо от жены.

«Почему это и что тебя опечалило?» — спросила его жена; и купец сказал: «Ты причина моей печали!» — «Почему?» — спросила его жена. «Потому,— отвечал ку-

пец,— что, когда я сегодня открыл лавку, я увидел у каждого из купцов сына, или двух сыновей, или больше, и они сидели в лавках, как их отцы, и я сказал себе: «Поистине, та, что взяла твоего отца, не пощадит и тебя!» А в ту ночь, когда я вошел к тебе, ты взяла с меня клятву, что я не женюсь ни на ком, кроме тебя, и не возьму себе в наложницы ни абиссинскую, ни румскую, ни какую-нибудь другую невольницу и не проведу ночи вдали от тебя,— но дело в том, что ты бесплодная и жить с тобой — все равно что с камнем».— «Имя Аллаха да будет надо мною! — воскликнула жена купца.— Поистине, задержка от тебя, а не от меня, потому что твое семя прозрачное».— «А что с тем, у кого семя прозрачное?» — спросил купец; и его жена отвечала: «Он не делает женщин беременными и не приносит детей».— «А где то, чем замутить семя? Я куплю это,— может быть, оно замутит мне семя?» — спросил купец; и жена его сказала: «Поищи у москательщиков».

И купец проспал ночь, и утром он раскаялся, что упрекал свою жену, а она раскаялась, что упрекала его. И он отправился на рынок и нашел одного москательщика и сказал ему: «Мир с вами!» И москательщик ответил на его привет, и купец спросил его: «Найдется у тебя чем замутить мне семя?» — «У меня это было, да вышло, но спроси у соседа»,— ответил москательщик; и купец ходил и спрашивал, пока не опросил всех (а они над ним смеялись), и потом он вернулся к себе в лавку и сидел огорченный.

А на рынке был один человек, гашишеед, начальник маклеров, который принимал опиум и барш и употреблял зеленый гашиш, и звали этого начальника шейх Мухаммед Симсим, и жил он в бедности. И всякий день он обычно приходил утром к этому купцу. И вот он пришел, как обычно, и сказал ему: «Мир с вами!» И купец ответил на его приветствие сердито. «О господин, почему ты сердит?» — спросил Мухаммед; и купец рассказал ему обо всем, что случилось у него с женой, и сказал: «Я сорок лет женат, и моя жена не забеременела от меня ни сыном, ни дочерью, и мне сказали: «Она не беременеет потому, что у тебя семя прозрачное». И я стал искать чего-нибудь, чтобы замутить себе семя, и не нашел».

«О господин,— сказал Мухаммед,— у меня есть чем замутить семя. Что ты скажешь о том, кто сделает твою жену беременной от тебя после этих сорока лет, что минули?» — «Если ты это сделаешь, я окажу тебе милость

и облагодетельствую тебя!» — отвечал купец. И Мухаммед сказал: «Дай мне динар!» — «Возьми эти два динара!» — воскликнул купец; и Мухаммед взял их и сказал ему: «Подай мне эту фарфоровую миску». И купец дал ему миску, и Мухаммед отправился к торговцу травами и взял у него унции две румского мукаркара и немного китайской кубебы, и корицы, и гвоздики, и кардамона, и имбиря, и белого перцу, и горную ящерицу, и истолок все это, и вскипятил в хорошем растительном масле. И еще он взял три унции крупинок ладана и с чашку чернушки, и размочил, и сделал из всего этого тесто с румским пчелиным медом, и, положив его в миску, вернулся к купцу и отдал ему миску.

«Вот чем можно замутить семя,— сказал он ему.— Тебе следует, после того как ты поешь мяса барашка и домашнего голубя, положив туда много горячительных приправ и пряностей, съесть этого теста на конце лопаточки, а потом поужинать и запить чистым разведенным сахаром».

И купец велел принести все это и отослал своей жене вместе с барашком и голубем, и сказал: «Приготовь это хорошенько и возьми замутитель семени и храни его у себя, пока он мне не понадобится и я его у тебя не потребую».

И жена купца сделала так, как он приказал ей, и поставила ему еду, и купец поел, а потом он потребовал ту миску и поел из нее, и ему понравилось, и он съел остаток, а затем он познал свою жену, и она зачала от него в ту ночь.

И пошел первый месяц, и второй, и третий, и крови прекратились и перестали идти, и жена купца узнала, что она понесла, и дни ее прошли до конца, и ее схватили потуги, и поднялись крики, и повитухе пришлось потрудиться при родах.

И повитуха охраняла новорожденного именами Мухаммеда и Али и сказала: «Аллах велик!» — и пропела ему в уши азан, а потом она завернула младенца и передала его матери. И та дала ему грудь и стала его кормить, и младенец попил и насытился и заснул. И повитуха оставалась у них три дня, пока не сделали мамунию и халву, и ее раздали на седьмой день. А потом рассыпали соль, и купец пришел и поздравил свою жену с благополучием и спросил ее: «Где залог Аллаху?» И она подала ему новорожденного редкой красоты — творение промыслителя вечносущего; и было ему семь дней, но тот, кто видел его, говорил, что ему год.

И купец посмотрел младенцу в лицо и увидел сияющий месяц (а у него были родинки на обеих щеках) и спросил свою жену: «Как ты его назвала?» А она ответила: «Будь это девочка, ее назвала бы я, но это сын, и никто не назовет его, кроме тебя». А люди в те времена давали своим детям имя по предзнаменованию.

И вот, когда они советовались об имени, кто-то сказал своему товарищу: «О господин мой, Ала-ад-дин», и купец сказал жене: «Назовем его Ала-ад-дин Абу-ш-Шамат». И он назначил младенцу кормилиц и нянек, и младенец пил молоко два года, а потом его отняли от груди, и он стал расти и крепнуть и начал ходить. А когда мальчик достиг семилетнего возраста, его отвели в подвал, боясь для него дурного глаза; и купец сказал: «Он не выйдет из подвала, пока у него не вырастет борода», и он назначил ему невольницу и раба, и невольница готовила ему стол, а раб носил ему пищу.

А потом купец справил обрезание мальчика и сделал великий пир, и после этого он позвал учителя, чтобы учить его, и тот учил мальчика письму и чтению Корана и наукам, пока он не стал искусным и сведущим.

И случилось, что раб принес Ала-ад-дину в какой-то день скатерть с кушаньем и оставил подвал открытым, и тогда Ала-ад-дин вышел из подвала и вошел к своей матери (а у нее было собрание знатных женщин). И когда женщины разговаривали с его матерью, вдруг вошел к ним этот ребенок, гордясь своей красотой и покачиваясь, будто хмельной мамлюк. И, увидав его, женщины закрыли себе лица и сказали его матери: «Аллах да воздаст тебе о такаято! Как же ты приводишь к нам этого постороннего мамлюка? Разве ты не знаешь, что стыд — проявление веры?» — «Побойтесь Аллаха! — воскликнула мать мальчика.— Поистине, это мой ребенок и плод моего чрева. Это сын старшины купцов, Шамс-ад-дина, дитя кормилицы, украшенное ожерельем, вскормленное свежим хлебом».— «Мы в жизни не видали у тебя ребенка»,— сказали женщины. И мать Ала-ад-дина молвила: «Его отец боялся для него дурного глаза и велел воспитывать его в подвале, под землей. Может быть, евнух оставил подвал открытым, и он вышел оттуда,— мы не хотели, чтобы он выходил из подвала, пока у него не вырастет борода».

И женщины поздравили мать Ала-ад-дина, а мальчик ушел от женщин во двор при доме, а потом поднялся в беседку и сел там.

И когда он сидел, вдруг пришли рабы с мулом его отца,

и Ала-ад-дин спросил их: «Где был этот мул?» И рабы сказали: «Мы доставили на нем товары в лавку твоего отца (а он ехал верхом) и привели его».— «Каково ремесло моего отца?» — спросил Ала-ад-дин. «Твой отец — старшина купцов в земле египетской и султан оседлых арабов»,— сказали ему.

И Ала-ад-дин вошел к своей матери и спросил ее: «О матушка, каково ремесло моего отца?» — «О дитя мое,— отвечала ему мать,— твой отец — купец, и он старшина купцов в земле египетской и султан оседлых арабов, и его невольники советуются с ним, когда продают, только о тех товарах, которые стоят самое меньшее тысячу динаров, а товары, которые стоят девятьсот динаров или меньше,— о них они с ним не советуются и продают их сами. И не приходит из чужих земель товаров, мало или много, которые не попадали бы в руки твоему отцу, и он распоряжается ими, как хочет; и не увязывают товаров, уходящих в чужие земли, которые не прошли бы через руки твоего отца. И Аллах великий дал твоему отцу, о дитя мое, большие деньги, которых не счесть».— «О матушка,— сказал Ала-ад-дин,— хвала Аллаху, что я сын султана оседлых арабов и что мой отец — старшина купцов! Но почему, о матушка, вы сажаете меня в подвал и оставляете там запертым?» — «О дитя мое, мы посадили тебя в подвал только из боязни людских глаз; ведь сглаз — это истина, и большинство жителей могил умерли от дурного глаза»,— ответила ему мать.

И Ала-ад-дин сказал: «О матушка, а куда бежать от судьбы? Осторожность не помешает предопределенному, и от того, что написано, нет убежища. Тот, кто взял моего деда, не оставит меня и моего отца: если он живет сегодня, то не будет жить завтра; и когда мой отец умрет и я приду и скажу: «Я — Ала-ад-дин, сын купца Шамс-ад-дина»,— мне не поверит никто среди людей, и старики скажут: «Мы в жизни не видели у Шамс-ад-дина ни сына, ни дочери». И придут из казны и возьмут деньги отца. Да помилует Аллах того, кто сказал: «Умрет муж, и уйдут его деньги, и презреннейший из людей возьмет его женщин». А ты, о матушка, поговори с отцом, чтобы он взял меня с собой на рынок и открыл мне лавку: я буду сидеть там с товаром, и он научит меня продавать и покупать, брать и отдавать». И мать Ала-ад-дина сказала: «О дитя мое, когда твой отец приедет, я расскажу ему об этом».

И когда купец вернулся домой, он увидел, что его сын, Ала-ад-дин Абу-ш-Шамат, сидит подле своей матери, и

спросил ее: «Почему ты вывела его из подвала?» И она сказала ему: «О сын моего дяди, я его не выводила, но слуги забыли запереть подвал и оставили его открытым. И я сидела (а у меня собрались знатные женщины), и вдруг он вошел к нам». И она рассказала мужу, что говорил его сын. И Шамс-ад-дин сказал ему: «О дитя мое, завтра, если захочет Аллах великий, я возьму тебя на рынок; но только, дитя мое, чтобы сидеть на рынках и в лавках, нужна пристойность и совершенство при всех обстоятельствах».

И Ала-ад-дин провел ночь, радуясь словам своего отца; а когда настало утро, Шамс-ад-дин сводил своего сына в баню и одел его в платье, стоящее больших денег, и после того как они позавтракали и выпили питье, он сел на своего мула и посадил сына на мула позади себя и отправился на рынок.

И люди на рынке увидели, что едет старшина купцов, а позади него ребенок мужского пола, подобный луне в четырнадцатую ночь, и кто-то сказал своему товарищу: «Посмотри на этого мальчика, который позади старшины купцов. Мы думали о нем благое, а он точно порей — сам седой, а сердце у него зеленое».

И шейх Мухаммед Симсим, начальник, прежде упомянутый, сказал купцам: «О купцы, мы больше не согласны, чтобы он был над нами старшим. Никогда!»

А обычно, когда старшина купцов приезжал из дому и садился в лавке, приходил начальник рынка и читал купцам фатиху, и они поднимались, и шли к старшине купцов, и читали фатиху, и желали ему доброго утра, и затем каждый из них уходил к себе в лавку. Но в этот день, когда старшина купцов сел, как всегда, в своей лавке, купцы не пришли к нему, согласно обычаю.

И он крикнул начальника и спросил его: «Отчего купцы не собираются, как обычно?» И начальник ответил: «Я не люблю доносить о смутах, но купцы сговорились отстранить тебя от должности старшины и не читать тебе фатиху».— «А какая тому причина?» — спросил Шамс-ад-дин. И начальник сказал: «Что это за мальчик сидит рядом с тобою, когда ты старик и глава купцов? Что этот ребенок — твой невольник или он в родстве с твоей женой? Я думаю, что ты его любишь и имеешь склонность к мальчику».

И Шамс-ад-дин закричал на него и сказал: «Молчи, да обезобразит Аллах тебя самого и твои свойства! Это мой

сын».— «Мы в жизни не видели у тебя сына»,— воскликнул Мухаммед Симсим. И купец сказал: «Когда ты принес мне замутитель семени, моя жена понесла и родила этого мальчика, но из боязни дурного глаза я воспитывал его в подвале, под землей, и мне хотелось, чтобы он не выходил из подвала, пока не сможет схватить рукою свою бороду. Но его мать не согласилась, и он потребовал, чтобы я открыл ему лавку и положил там товары и научил его покупать и продавать».

И начальник пошел к купцам и осведомил их об истине в этом деле, и они все поднялись и вместе с начальником отправились к старшине купцов и, став перед ним, прочитали фатиху и поздравили его с этим мальчиком.

«Господь наш да сохранит корень и ветку,— сказали они,— но когда бедняку среди нас достается сын или дочка, он обязательно готовит для своих друзей блюдо каши и приглашает знакомых и родственников, а ты этого не сделал».— «Это вам с меня причитается, и встреча наша будет в саду»,— отвечал купец.

И когда наступило утро, он послал слугу в беседку и в дом, которые были в саду, и велел постлать там ковры, и отправил припасы для стряпни: баранов, масла и прочее, что было нужно по обстоятельствам, и сделал два стола: стол в доме и стол в беседке.

И приготовился купец Шамс-ад-дин, и приготовился его сын Ала-ад-дин, и отец сказал ему: «О дитя мое, когда войдет человек седой, я его встречу и посажу его за стол, который в доме, а ты, дитя мое, когда увидишь, что входит безбородый мальчик, возьми его и приведи в беседку и посади за стол».— «Почему, о батюшка? — спросил Ала-ад-дин.— Отчего ты готовишь два стола: один для мужчин, а другой для мальчиков?» — «О дитя мое, безбородый стыдится есть около мужей»,— ответил Шамс-ад-дин. И его сын одобрил это.

И когда купцы стали приходить, Шамс-ад-дин встречал мужчин и усаживал их в доме, а его сын Ала-ад-дин встречал мальчиков и усаживал их в беседке. А потом поставили кушанье и стали есть и пить, наслаждаться и радоваться, и пили напитки, и зажигали куренья, и старики сидели и беседовали о науках и преданиях.

И был между ними один купец, по имени Махмуд аль-Бальхи,— мусульманин по внешности, маг втайне, который стремился к скверному и любил мальчиков. Он посмотрел в лицо Ала-ад-дину взглядом, оставившим после себя тысячу вздохов, и сатана украсил в его глазах лицо

мальчугана, и купца охватила страсть, волнение и увлеченье, и любовь привязалась к его сердцу. (А этот купец, которого звали Махмуд аль-Бальхи, забирал ткани и товар у отца Ала-ад-дина.)

И Махмуд аль-Бальхи встал пройтись и свернул к мальчикам, и те поднялись к нему навстречу. А Ала-ад-дину не терпелось отлить воду, и он поднялся, чтобы исполнить нужду, и тогда купец Махмуд обернулся к мальчикам и сказал им: «Если вы уговорите Ала-ад-дина поехать со мной путешествовать, я дам каждому из вас платье, стоящее больших денег»,— и потом он ушел от них в помещение мужчин. И пока мальчики сидели, вдруг вошел к ним Ала-ад-дин. И они поднялись ему навстречу и посадили между собою, на возвышенье, и один из мальчиков сказал своему товарищу: «О Сиди Хасан, расскажи мне, откуда пришли к тебе твои деньги, на которые ты торгуешь?»

И Хасан отвечал: «Когда я вырос и стал взрослым и достиг возраста мужей, я сказал своему отцу: «О батюшка, приготовь мне товаров»; и он мне ответил: «О дитя мое, у меня ничего нет, но пойди возьми денег у кого-нибудь из купцов и торгуй на них, и учись продавать и покупать, брать и давать».

И я отправился к одному из купцов, и занял у него тысячу динаров, и купил на них тканей и отправился с ними в Дамаск. И я нажил в два раза больше и забрал в Дамаске товаров, и поехал с ними в Халеб, и продал их, и получил свои деньги вдвойне, а потом я забрал товаров в Халебе, и поехал в Багдад, и продал их, и нажил вдвое больше, и до тех пор торговал, пока у меня не стало около десяти тысяч динаров денег».

И каждый из мальчиков говорил своему товарищу то же самое, пока не настала очередь Ала-ад-дина Абу-ш-Шамата. И ему сказали: «А ты, о Сиди Ала-ад-дин?» И он ответил: «Меня воспитывали в подвале, под землей, и я вышел оттуда в эту пятницу, и я хожу в лавку и возвращаюсь домой».— «Ты привык сидеть дома и не знаешь сладости путешествия, и путешествовать надлежит лишь мужам»,— сказали ему. И он ответил: «Мне не нужно путешествовать, и нет для меня цены в удовольствиях». И кто-то сказал своему товарищу: «Он точно рыба: когда расстанется с водой, то умирает».

«О Ала-ад-дин,— сказали ему,— гордость детей купцов лишь в том, чтобы путешествовать ради наживы». И Ала-ад-дина охватил из-за этого гнев, и он ушел от мальчиков

с плачущими глазами и опечаленной душой и, сев на своего мула, отправился домой.

И его мать увидела, что он в великом гневе, с плачущими глазами, и спросила: «Что ты плачешь, о дитя мое?» И Ала-ад-дин отвечал: «Все дети купцов поносили меня и говорили мне: «Гордость детей купцов лишь в том, чтобы путешествовать ради наживы».— «О дитя мое,— спросила его мать,— разве ты хочешь путешествовать?» И Ала-ад-дин отвечал: «Да!» И тогда она сказала: «А в какой город ты отправишься?» — «В город Багдад,— отвечал Ала-ад-дин.— Человек наживает там на том, что у него есть, вдвое больше».

И мать Ала-ад-дина сказала: «О дитя мое, у твоего отца денег много, а если он не соберет тебе товаров из своих денег, тогда я соберу тебе товары от себя».— «Лучшее благо — благо немедленное, и если будет ваша милость, то теперь для нее время»,— сказал Ала-ад-дин. И его мать призвала рабов и послала их к тем, кто увязывает ткани, и их увязали для Ала-ад-дина в десять тюков.

Вот что было с его матерью. Что же касается до его отца, то он огляделся и не нашел своего сына Ала-ад-дина в саду и спросил про него, и ему сказали, что Ала-ад-дин сел на мула и уехал домой.

И тогда купец сел и отправился за ним, а войдя в свое жилище, он увидал связанные тюки и спросил о них; и жена рассказала ему, что произошло у детей купцов с ее сыном Ала-ад-дином. «О дитя мое,— сказал купец,— да обманет Аллах пребывающего на чужбине! Сказал ведь посланник Аллаха,— да благословит его Аллах и да приветствует: «Счастье мужа в том, чтобы ему достался надел в его земле»; а древние говорили: «Оставь путешествие, будь оно даже на милю». Ты твердо решил путешествовать и не отступишься от этого?» — спросил он потом своего сына. И его сын ответил ему: «Я обязательно поеду в Багдад с товарами, а иначе я сниму с себя одежду и надену одежду дервишей и уйду странствовать по землям».— «Я не нуждаюсь и не терплю лишений,— наоборот, у меня много денег,— сказал его отец и показал ему все бывшее у него имущество, товары и ткани.— У меня есть для всякого города подходящие ткани и товары,— сказал он потом, и, между прочим, он показал ему сорок связанных тюков, и на каждом тюке было написано: «Цена этому тысяча динаров».— О дитя мое,— сказал он,— возьми эти сорок тюков и те десять, которые у твоей матери, и отправляйся, хранимый Аллахом великим; но только, дитя мое, я боюсь

одной чащи на твоем пути, которая называется Чаща Львов, и одной долины также, называемой Долиной Собак,— души погибают там без снисхождения».— «А почему, о батюшка?» — спросил Ала-ад-дин; и его отец ответил: «Из-за бедуина-разбойника, которого зовут Аджлан».— «Мой удел — от Аллаха, и если есть у него для меня доля, меня не постигнет беда»,— отвечал Ала-ад-дин.

А затем Ала-ад-дин с отцом сели и поехали на рынок вьючных животных; и вдруг один верблюжатник сошел со своего мула и поцеловал руку старшине купцов, говоря: «Клянусь Аллахом, давно, о господин мой, ты не нанимал нас для торговых дел».— «Для всякого времени своя власть и свои люди,— отвечал Шамс-ад-дин,— и Аллах да помилует того, кто сказал:

Вот старец бродит, сгорбленный, седой,
И землю подметает бородой.

Спросил я: «Что ты горбишься, старик?»
Ответил он: «Подавлен я бедой.

Ищу я в прахе прошлые года,
Которые терял я молодой».

А окончив зти стихи, он сказал: «О начальник, никто не хочет этого путешествия, кроме моего сына»; и верблюжатник ответил: «Аллах да сохранит его для тебя!»

А затем старшина купцов заключил союз между верблюжатником и своим сыном и сделал верблюжатника как бы отцом мальчика, и поручил ему заботиться о нем, и сказал: «Возьми зти сто динаров для твоих слуг».

И старшина купцов купил шестьдесят мулов, и светильник, и покрывало для Абд-аль-Кадира Гилянского и сказал Ала-ад-дину: «О сын мой, в мое отсутствие зтот человек будет тебе отцом вместо меня, и во всем, что он тебе скажет, повинуйся ему».

И в зтот вечер устроил чтение Корана и праздник в честь шейха Абд-аль-Кадира Гилянского, а когда настало утро, старшина купцов дал своему сыну десять тысяч динаров и сказал ему: «Когда ты вступишь в Багдад и увидишь, что дела с тканями идут ходко, продавай их; если же увидишь, что дела с ними стоят на месте, расходуй зти деньги».

И потом нагрузили мулов, и распрощались друг с другом, и отправились в путь, и выехали из города.

А Махмуд аль-Бальхи тоже собрался ехать в сторону Багдада и вывез свои тюки и поставил шатры за городом и сказал себе: «Ты насладишься этим мальчиком только в уединении, так как там ни доносчик, ни соглядатай не смутят тебя».

А отцу мальчика причиталась с Махмуда аль-Бальхи тысяча динаров — остаток одной сделки, и Шамс-ад-дин отправился к нему, и простился с ним, и сказал: «Отдай эту тысячу динаров моему сыну Ала-ад-дину». И он поручил Махмуду о нем заботиться и молвил: «Он будет тебе как сын».

И Ала-ад-дин встретился с Махмудом аль-Бальхи, и Махмуд аль-Бальхи поднялся, и велел повару Ала-ад-дина ничего не стряпать, и стал предлагать Ала-ад-дину и его людям кушанья и напитки, а потом они отправились в путь.

А у купца Махмуда аль-Бальхи было четыре дома: один в Каире, один в Дамаске, один в Халебе и один в Багдаде; и путники ехали по степям и пустыням, пока не приблизились к Дамаску.

И когда Махмуд аль-Бальхи послал к Ала-ад-дину своего раба и тот увидел, что юноша сидит и читает, подошел и поцеловал ему руки. «Чего ты просишь?» — спросил Ала-ад-дин; и раб ответил: «Мой господин тебя приветствует и требует тебя на пир к себе в дом».— «Я посоветуюсь с моим отцом, начальником Кемаль-ад-дином, верблюжатником»,— сказал Ала-ад-дин; и когда он посоветовался с ним, идти ли ему, верблюжатник сказал: «Не ходи!»

А потом они уехали из Дамаска и вступили в Халеб, и Махмуд аль-Бальхи устроил пир и послал просить Ала-ад-дина, но юноша посоветовался с начальником, и тот опять запретил ему.

И они выступили из Халеба и ехали, пока до Багдада не остался всего один переход, и Махмуд аль-Бальхи устроил пир и прислал просить Ала-ад-дина.

И юноша посоветовался с начальником, и тот снова запретил ему, но Ала-ад-дин воскликнул: «Я обязательно пойду!»

И он поднялся и, подвязав под платьем меч, пошел и пришел к Махмуду аль-Бальхи, и тот поднялся ему навстречу и приветствовал его.

И он велел подать великолепную скатерть, уставленную кушаньями, и они поели и попили и вымыли руки. И Махмуд аль-Бальхи склонился к Ала-ад-дину, чтобы взять

у него поцелуй, но Ала-ад-дин уклонился и спросил: «Что ты хочешь делать?» — «Я тебя позвал,— ответил Махмуд,— и хочу тобой насладиться в этом месте, и мы будем толковать слова сказавшего:

Не успеем коз подоить, не успеем напечь яиц,
Как ты мигом умчишься вдаль, обогнав перелетных птиц,

И ты хлеба с нами поешь, и деньжонок с собой возьмешь,
Так как нам ничего не жаль для подобных прекрасных лиц.

Что захочешь, то и возьмешь, унесешь не одну ты горсть,
Убедившись наверняка: нашей щедрости нет границ».

И затем Махмуд аль-Бальхи хотел снасильничать над Ала-ад-дином, и Ала-ад-дин поднялся, и обнажил меч, и воскликнул: «Горе твоим сединам! Ты не боишься Аллаха, хоть и жестоко его наказанье! Да помилует Аллах того, кто сказал:

Блюди чистоту своей седины;
Сорники на белом лучше видны».

А произнеся этот стих, Ала-ад-дин сказал Махмуду аль-Бальхи: «Поистине, этот товар поручен Аллаху, и он не продается, и, если бы я продавал этот товар другому за золото, я бы продал его тебе за серебро. Но, клянусь Аллахом, о скверный, я никогда больше не буду тебе товарищем!» Потом Ала-ад-дин вернулся к начальнику Кемаль-ад-дину и сказал ему: «Поистине, этот человек развратник, и я никогда больше не буду ему товарищем и не пойду с ним по одной дороге».— «О дитя мое,— отвечал Кемаль-ад-дин,— не говорил ли я тебе: не ходи к нему. Однако, дитя мое, если мы с ним расстанемся, нам грозит гибель; позволь же нам остаться в одном караване».— «Мне никак невозможно быть ему спутником в дороге»,— сказал Ала-ад-дин, а затем он погрузил свои тюки и отправился дальше вместе с теми, кто был с ним.

И они ехали до тех пор, пока не спустились в долину; и Ала-ад-дин хотел там остановиться, но верблюжатник сказал: «Не останавливайтесь здесь! Продолжайте ехать и ускорьте ход: может быть, мы достигнем Багдада раньше, чем запрут ворота. Ворота в Багдаде отпирают и запирают всегда по солнцу — из боязни, что городом овладеют рафидиты и побросают богословские книги в Тигр».— «О батюшка,— ответил Ала-ад-дин,— я выехал и отправился с товаром в этот город не для торговли, а чтобы посмотреть

чужие страны».— «О дитя мое, мы боимся беды от кочевников»,— сказал верблюжатник; и Ала-ад-дин воскликнул: «О человек, ты слуга или тебе служат? Я не войду в Багдад иначе как утром, чтобы багдадские юноши увидели мои товары и узнали меня».— «Делай, как хочешь, я тебя предупредил, и ты сам знаешь, в чем твое избавленье»,— сказал начальник. И Ала-ад-дин велел складывать тюки с мулов, и тюки сложили, и поставили шатер, и все оставались на месте до полуночи.

И Ала-ад-дин вышел исполнить нужду и увидел, как что-то блестит вдали, и спросил верблюжатника: «О начальник, что это такое блестит?»

И начальник сел прямо, и взглянул, и, всмотревшись как следует, увидел, что блестят зубцы копий и железо оружия и бедуинские мечи; и вдруг оказалось, что это кочевники-арабы и начальника их зовут шейх Аджлан Абу-Наиб. И когда арабы приблизились к ним и увидели их тюки, они сказали друг другу: «Вот ночь добычи!»

И, услышав, что они говорят это, начальник Кемаль-ад-дин, верблюжатник, воскликнул: «Прочь, о ничтожнейший из арабов!» Но Абу-Наиб ударил его копьем в грудь, и оно вышло, блистая, из его спины.

И Кемаль-ад-дин упал у входа в палатку убитый; и тогда водонос воскликнул: «Прочь, о презреннейший из арабов!», но его ударили по руке мечом, который прошел, блистая, через его сухожилия, и водонос упал мертвый. И пока все это происходило, Ала-ад-дин стоял и смотрел.

А потом арабы повернулись, и бросились на караван, и перебили людей, не пощадив никого из отряда Ала-ад-дина, и взвалили тюки на спину мулов и уехали.

И Ала-ад-дин сказал себе: «Тебя убьет только твой мул и вот эта одежда»,— и стал снимать с себя одежду, и бросил ее на спину мула, пока на нем остались рубаха и подштанники, и только.

И он повернулся ко входу в палатку и увидел перед собой пруд из крови, в котором струилась кровь убитых, и начал валяться в ней в рубахе и подштанниках, так что стал точно убитый, утопающий в крови.

Вот что было с Ала-ад-дином. Что же касается шейха арабов Аджлана, то он спросил у своих людей: «О арабы, этот караван идет из Каира или выходит из Багдада?..» И ему ответили: «Он идет из Каира в Багдад».— «Вернитесь к убитым, я думаю, что владелец каравана не умер»,—

сказал он; и арабы вернулись к убитым, и снова стали бить мертвых мечами и копьями, и дошли до Ала-ад-дина, который бросился на землю среди убитых. И, дойдя до него, они сказали: «Ты притворился мертвым, но мы убьем тебя до конца»,— и бедуин вынул копье и хотел вонзить его в грудь Ала-ад-дину. И тогда Ала-ад-дин воскликнул про себя: «Благослови, о Абд-аль-Кадир, о гилянец!» — и увидел руку, которая отвела копье от его груди к груди начальника Кемаль-ад-дина, верблюжатника, и бедуин ударил его копьем и не прикоснулся к Ала-ад-дину.

И потом они взвалили тюки на спину мулов и ушли, и Ала-ад-дин посмотрел и увидел, что птицы улетели со своей добычей. И он сел прямо, и поднялся, и побежал; и вдруг бедуин Абу-Наиб сказал своим товарищам: «О арабы, я вижу что-то вдали»; и один из бедуинов поднялся и увидел Ала-ад-дина, который убегал. «Тебе не поможет бегство, раз мы за тобой»,— воскликнул Аджлан и, ударив своего коня пяткой, поспешил за Ала-ад-дином.

А Ала-ад-дин увидал перед собой пруд с водой и рядом с ним водохранилище, и влез на решетку водохранилища, и растянулся, и притворился спящим, говоря про себя: «О благой покровитель, опусти твой покров, который не совлекается».

И бедуин остановился перед водохранилищем и, поднявшись на стременах, протянул руку, чтобы схватить Ала-ад-дина. И Ала-ад-дин воскликнул: «Благослови, о госпожа моя Нафиса, вот время оказать помощь!» И вдруг бедуина ужалил в руку скорпион, и он закричал: «Ах, подойдите ко мне, о арабы, я ужален».

И бедуин сошел со спины коня, и его товарищи пришли к нему, и опять посадили его на коня, и спросили: «Что с тобой случилось?» И он отвечал: «Меня ужалил детеныш скорпиона»; и арабы увели караван и ушли.

Вот что было с ними. Что же касается Ала-ад-дина, то он продолжал лежать на решетке водохранилища, а что до купца Махмуда аль-Бальхи, то он велел грузить тюки, и поехал, и ехал до тех пор, пока не достиг Чащи Львов. И он нашел всех слуг Ала-ад-дина убитыми, и обрадовался этому, и, спешившись, дошел до водохранилища и пруда. А мулу Махмуда аль-Бальхи хотелось пить, и он нагнулся, чтобы напиться из пруда, и увидел отражение Ала-ад-дина, и шарахнулся от него. И Махмуд аль-Бальхи поднял глаза и увидел, что Ала-ад-дин лежит голый, в одной только рубашке и подштанниках. «Кто сделал с тобою такое дело и оставил тебя в наихудшем положении?» — спросил Мах-

муд. И Ала-ад-дин отвечал: «Кочевники».— «О дитя мое,— сказал Махмуд,— ты откупился мулами и имуществом. Утешься словами того, кто сказал:

Когда ты голову спасешь, из вражьих выскользнув сетей,
Ты все имущество свое сочтешь обрезками ногтей.

Но спустись, о дитя мое, не бойся беды».

И Ала-ад-дин спустился с решетки водохранилища, и Махмуд посадил его на мула, и они ехали, пока не прибыли в город Багдад, в дом Махмуда аль-Бальхи. И Махмуд велел свести Ала-ад-дина в баню и сказал ему: «Деньги и тюки — выкуп за тебя, о дитя мое; и если ты будешь меня слушаться, я верну тебе твои деньги и тюки вдвойне».

А когда Ала-ад-дин вышел из бани, Махмуд отвел его в комнату, украшенную золотом, где было четыре портика, и велел принести скатерть, на которой стояли всякие кушанья. И они стали есть и пить, и Махмуд склонился к Ала-ад-дину, чтобы взять у него поцелуй, но Ала-ад-дин уклонился и воскликнул: «Ты до сих пор следуешь насчет меня твоему заблуждению! Разве я не сказал тебе, что, если бы я продавал этот товар другому за золото, я бы, наверное, продал его тебе за серебро?» — «Я даю тебе и товары, и мула, и одежду только ради такого случая,— отвечал Махмуд.— От страсти к тебе я в расстройстве, и от Аллаха дар того, кто сказал:

Нам говорил Абу-Биляль, что произнес один старик
Слова, которые изрек не кто иной, как сам Шарик:

«Одни лобзания в любви не насыщают никого:
За близость можно жизнь отдать, когда влечет прекрасный лик».

«Это вещь невозможная,— сказал Ала-ад-дин.— Возьми твое платье и твоего мула и открой мне двери, чтобы я мог уйти».

И Махмуд открыл ему двери, и Ала-ад-дин вышел, и собаки лаяли ему вслед. И он пошел, и шел в темноте, и вдруг увидал ворота мечети, и вошел в проход, ведший в мечеть, и укрылся там,— и вдруг видит: к нему приближается свет. И он всмотрелся и увидел два фонаря в руках рабов, предшествовавших двум купцам, один из которых был старик с красивым лицом, а другой — юноша. И Ала-ад-дин услышал, как юноша говорил старику: «Ради Аллаха, о дядюшка, возврати мне дочь моего дяди»; а ста-

рик отвечал ему: «Разве я тебя не удерживал много раз, а ты сделал развод своей священной книгой».

И старик взглянул направо, и увидал юношу, подобного луне, и сказал ему: «Мир с тобою!» И Ала-ад-дин ответил на его приветствие, а старик спросил: «О мальчик, кто ты?» — «Я Ала-ад-дин, сын Шамс-ад-дина, старшины купцов в Каире,— отвечал юноша.— Я попросил у отца товаров, и он собрал мне пятьдесят тюков товаров и материй и дал мне десять тысяч динаров, и я отправился и ехал, пока не достиг Чащи Львов. И на меня напали кочевники и забрали мои деньги и тюки; и я вошел в этот город, не зная, где переночевать, и увидал это место, и укрылся здесь».— «О дитя мое,— молвил старик,— что ты скажешь, если я дам тебе тысячу динаров, и платье в тысячу динаров, и мула в тысячу динаров».— «За что ты дашь мне это, о дядюшка?» — спросил Ала-ад-дин. И старик сказал: «Этот мальчик, который со мною, сын моего брата, и у его отца никого нет, кроме него, а у меня есть дочь, кроме которой у меня никого не было, и зовут ее Зубейда-лютнистка, и она красива и прелестна. Я выдал ее замуж за этого юношу, и он ее любит, но она ненавидит его, и однажды он не сдержал клятву, трижды поклявшись тройным разводом; и едва только его жена уверилась в этом, она покинула его. И он согнал ко мне всех людей, чтобы я вернул ему жену, и я сказал ему: «Это удастся только через заместителя». И мы сговорились, что сделаем заместителем какого-нибудь чужеземца, чтобы никто не корил моего зятя этим делом, и раз ты чужеземец — ступай с нами. Мы напишем тебе договор с моей дочерью, и ты проведешь с ней сегодняшнюю ночь, а наутро разведешься с ней, и я дам тебе то, о чем говорил».

И Ала-ад-дин сказал про себя: «Клянусь Аллахом, провести ночь с невестой, в доме и на постели, мне лучше, чем ночевать в переулках и проходах!» — и отправился с ними к кади. И когда кади взглянул на Ала-ад-дина, любовь к нему запала ему в сердце, и он спросил отца девушки: «Что вы хотите?» — «Мы хотим сделать его заместителем этого юноши для моей дочери,— отвечал отец девушки,— и напишем на него обязательство дать в приданое десять тысяч динаров. И если он переночует с нею, а наутро разведется, мы дадим ему одежду в тысячу динаров, а если не разведется, пусть выкладывает десять тысяч динаров».

И написали договор с таким условием, и отец девушки получил в этом расписку, а затем он взял Ала-ад-дина

с собою и одел его в ту одежду, и они пошли с ним и пришли к дому девушки. И отец ее оставил Ала-ад-дина стоять у ворот дома и, войдя к своей дочери, сказал ей: «Возьми обязательство о твоем приданом — я написал тебе договор с красивым юношей по имени Ала-ад-дин Абу-ш-Шамат; заботься же о нем наилучшим образом». И потом купец отдал ей расписку и ушел к себе домой.

Что же касается двоюродного брата девушки, то у него была управительница, которая заходила к Зубейде-лютнистке, дочери его дяди, и юноша оказывал ей милости.

«О матушка,— сказал он ей,— когда Зубейда, дочь моего дяди, увидит этого красивого юношу, она после уже не примет меня. Прошу тебя, сделай хитрость и удержи от него девушку».— «Клянусь твоей юностью, я не дам ему приблизиться к ней»,— отвечала управительница, а затем она пришла к Ала-ад-дину и сказала ему: «О дитя мое, я тебе кое-что посоветую ради Аллаха великого; прими же мой совет. Я боюсь для тебя беды от этой девушки; оставь ее спать одну, не прикасайся к ней и не подходи к ней близко».— «А почему?» — спросил Ала-ад-дин. И управительница сказала: «У нее на всем теле проказа, и я боюсь, что она заразит твою прекрасную юность».— «Нет мне до нее нужды»,— сказал Ала-ад-дин. А управительница отправилась к девушке и сказала ей то же самое, что сказала Ала-ад-дину. И девушка молвила: «Нет мне до него нужды! Я оставлю его спать одного, а наутро он уйдет своей дорогой».

Потом она позвала невольницу и сказала ей: «Возьми столик с кушаньем и подай его ему, пусть ужинает»; и невольница снесла Ала-ад-дину столик с кушаньем и поставила его перед ним, и Ала-ад-дин ел, пока не насытился, а потом он сел и, затянув красивый напев, начал читать суру Я-Син. И девушка прислушалась и нашла,что его напев похож на псалмы Давида, и сказала про себя: «Чтоб Аллах проклял эту старуху, которая сказала, что юноша болен проказой! У того, кто в таком положении, голос не такой. Эти слова — ложь на него».

И потом она взяла в руки лютню, сделанную в землях индийских, и, настроив струны, запела под нее прекрасным голосом, останавливающим птиц в глубине неба, и проговорила такие стихи:

«Как черноглазый мне мил отпрыск прекрасной газели,
Станом лозу пристыдил, чтоб на красавца глазели.

Счастлив он, правда, с другой, но не ропщу я на Бога;
Милость Господня лишь с тем, кто предпочтен с колыбели».

И Ала-ад-дин, услышав, что она проговорила такие слова, запел сам, когда закончил суру, и произнес такой стих:

«Я рад приветствовать стихом ту, что прекрасней всякой грезы;
Ее одежда — стройный стан и на ланитах нежных розы».

И девушка встала (а любовь ее к юноше сделалась сильнее) и подняла занавеску; и, увидав ее, Ала-ад-дин произнес такое двустишие:

«Ивою гнется она, с полною схожа луною,
Амброю дышит она, смотрит газелью степною.

Кажется, любит меня неумолимое горе
И, разлучив меня с ней, соединится со мною».

И потом она прошлась, покачивая бедрами и изгибая стан — творенье того, чьи милости скрыты, и оба они посмотрели друг на друга взглядом, оставившим после себя тысячу вздохов; и когда стрела ее взора утвердилась у него в сердце, он произнес такие стихи:

«В синем небе луна сияет ночами,
И напоминает она мне лучами

Ночь, когда мы с тобой на луну смотрели,
Ты моими, я твоими очами».

А когда она подошла к нему и между ними осталось лишь два шага, он произнес такие стихи:

«Три пряди распустив, меня врасплох застала,
Как будто ночь с тремя ночами сочетала;

Потом лицом она к луне оборотилась,
Второй луной передо мной она блистала».

И девушка приблизилась к Ала-ад-дину, и он сказал: «Отдались от меня, чтобы меня не заразить!» И тогда она открыла кисть своей руки, и кисть ее белела, как белое серебро. «Отойди от меня, чтобы меня не заразить, ты болен проказой»,— сказала она. И Ала-ад-дин спроси ее: «Кто тебе рассказал, что у меня проказа?» — «Старуха мне рассказала»,— ответила девушка. И Ала-ад-дин воскликнул: «И мне тоже старуха рассказывала, что ты поражена проказой!»

И они обнажили руки, и девушка увидала, что его тело — чистое серебро, и сжала его в объятиях, и он тоже прижал ее к груди, и они обняли друг друга. А потом девушка взяла Ала-ад-дина и легла на спину и развязала рубашку, и у Ала-ад-дина зашевелилось то, что оставил ему отец, и он воскликнул: «На помощь, о шейх Закария, о отец жил!»

И он положил руки ей на бок, и ввел жилу сладости в ворота разрыва, и толкнул, и достиг врат завесы (а он вошел через ворота победы), а потом он пошел на рынок второго дня недели, и третьего дня, и четвертого, и пятого дня, и увидел, что ковер пришелся как раз по портику, и ларец искал себе крышку, пока не нашел ее.

А когда настало утро, Ала-ад-дин сказал своей жене: «О радость незавершенная! Ворон схватил ее и улетел».— «Что значат эти слова?» — спросила она. И Ала-ад-дин сказал: «Госпожа, мне осталось сидеть с тобою только этот час».— «Кто это говорит?» — спросила она; и Ала-ад-дин ответил: «Твой отец взял с меня расписку на приданое за тебя, на десять тысяч динаров, и, если я не верну их в сегодняшний день, меня запрут в доме кади, а у меня сейчас коротки руки даже для одной серебряной полушки из этих десяти тысяч динаров».— «О господин мой, власть мужа у тебя в руках или у них в руках?» — спросила Зубейда. «Она в моих руках, но у меня ничего нет»,— отвечал Ала-ад-дин. И Зубейда сказала: «Это дело легкое, и не бойся ничего, а теперь возьми эти сто динаров; и если бы у меня было еще, я бы, право, дала тебе то, что ты хочешь, но мой отец из любви к своему племяннику перенес все свои деньги от меня в его дом, даже мои украшения он все забрал. А когда он пришлет к тебе завтра посланного от властей и кади и мой отец скажут тебе: «Разводись!», спроси их: «Какое вероучение позволяет, чтобы я женился вечером и развелся утром?» А потом ты поцелуешь кади руку и дашь ему подарок, и каждому свидетелю ты также поцелуешь руку и дашь десять динаров,— и все они станут говорить за тебя. И когда тебя спросят: «Почему ты не разводишься и не берешь тысячу динаров, мула и одежду, как следует по условию, которое мы с тобою заключили?», ты скажи им: «Для меня каждый ее волосок стоит тысячи динаров, и я никогда не разведусь с нею и не возьму одежды и ничего другого». А если кади скажет тебе: «Давай приданое!», ты ответь: «Я сейчас в затруднении»; и тогда кади со свидетелями пожалеют тебя и дадут тебе на время отсрочку».

И пока они разговаривали, вдруг посланный от кади

постучал в дверь, и Ала-ад-дин вышел к нему, и посланный сказал: «Поговори с эфенди; твой тесть тебя требует».

И Ала-ад-дин дал ему пять динаров и сказал: «О пристав, какой закон позволяет, чтобы я женился вечером и развелся утром?» — «По-нашему, это никак не допускается,— ответил пристав,— и если ты не знаешь закона, то я буду твоим поверенным». И они отправились в суд, и кади спросил Ала-ад-дина: «Почему ты не разводишься и не берешь того, что установлено по условию?» И Ала-ад-дин подошел к кади, и поцеловал ему руку, и, вложив в нее пятьдесят динаров, сказал: «О владыка наш, кади, какое учение позволяет, чтобы я женился вечером и развелся утром, против моей воли?» — «Развод по принуждению не допускается ни одним толком из толков мусульман»,— отвечал кади. А отец женщины сказал: «Если ты не разведешься, давай приданое — десять тысяч динаров».— «Дайте мне отсрочку на три дня»,— сказал Ала-ад-дин; а кади воскликнул: «Срока в три дня недостаточно! Он отсрочит тебе на десять дней!»

И они согласились на этом и обязали Ала-ад-дина через десять дней либо отдать приданое, либо развестись.

И он ушел от них с таким условием, и взял мяса, и рису, и топленого масла, и всего, что требовалось из съестного, и отправился домой, и, войдя к женщине, рассказал ей обо всем, что с ним случилось. «От вечера до дня случаются чудеса,— сказала ему женщина,— и от Аллаха дар того, кто сказал:

В испытаниях не вскипай ты гневливо,
И несчастия ты сноси терпеливо;

Неспроста ночи жизни затяжелели;
Погоди! Родят они дивное диво».

А потом она поднялась, и приготовила еду, и принесла скатерть, и они стали есть, и пить, и наслаждаться, и веселиться; а после этого Ала-ад-дин попросил ее сыграть какую-нибудь музыку, и она взяла лютню и сыграла музыку, от которой развеселится каменная скала, и струны звенели, играя напев: «О любимый», и женщина пела и заливалась.

И так они наслаждались, шутили и веселились и радовались,— и вдруг постучали в ворота.

И женщина сказала Ала-ад-дину: «Встань посмотри, кто у ворот»; и он пошел, и открыл ворота, и увидел, что

перед ним стоят четыре дервиша. «Чего вы хотите?» — спросил он их; и дервиши сказали: «О господин, мы дервиши из чужих земель, и пища нашей души — музыка и нежные стихи. Мы хотим отдохнуть у тебя сегодня ночью, до утра, а потом пойдем своей дорогой, а тебе будет награда от Аллаха великого. Мы любим музыку, и среди нас нет никого, кто бы не знал наизусть касыд, стихов и строф».— «Я посоветуюсь»,— сказал им Ала-ад-дин, и вошел, и осведомил женщину, и она сказала: «Открой им ворота!»

И Ала-ад-дин открыл дервишам ворота, и привел их, и посадил, и сказал им: «Добро пожаловать!», а затем он принес еду; но они не стали есть и сказали: «О господин, наша пища — понимание Аллаха и слушание певиц. Мы слышали у тебя нежную музыку, а когда мы вошли, музыка прекратилась. О, если бы увидеть, кто та, что играла музыку: белая или черная невольница или же дочь родовитых?» — «Это моя жена,— ответил Ала-ад-дин, и рассказал им обо всем, что с ним случилось, и сказал: — Мой тесть наложил на меня десять тысяч динаров ей в приданое, а мне дали десять дней отсрочки».— «Не печалься,— сказал один из дервишей,— и держи в мыслях только хорошее. Я шейх дервишской обители, и мне подчинены сорок дервишей, над которыми я властвую. Я соберу тебе от них десять тысяч динаров, и ты сполна выплатишь приданое, которое причитается с тебя твоему тестю. Но прикажи жене сыграть нам музыку, чтобы мы насладились и почувствовали бодрость, музыка для некоторых людей — пища, для некоторых — лекарство, а для некоторых опахало».

А эти четыре дервиша были халиф Харун ар-Рашид, везирь Джафар аль-Бармак, Абу-Нувас аль-Хасан ибн Хани и Масрур — палач мести; и проходили они мимо этого дома потому, что халиф почувствовал стеснение в груди и сказал своему везирю: «О везирь, мы хотим выйти и пройтись по городу, так как я чувствую стеснение в груди». И они надели одежду дервишей, и вышли в город, и проходили мимо этого дома, и, услышав музыку, захотели узнать истину об этом деле.

И гости Ала-ад-дина проводили ночь в радости и согласии, обмениваясь словами, пока не настало утро, и тогда халиф положил сто динаров под молитвенный коврик, и они попрощались с Ала-ад-дином и ушли своею дорогою.

И женщина подняла коврик и увидела под ним сто динаров и сказала своему мужу: «Возьми эти сто динаров,

которые я нашла под ковриком, дервиши положили их, прежде чем уйти, и мы не знали об этом».

И Ала-ад-дин взял деньги, и пошел на рынок, и купил на них мяса, и рису, и топленого масла, и всего, что было нужно.

А на другой день он зажег свечи и сказал своей жене: «Дервиши-то не принесли десять тысяч динаров, которые они мне обещали. Это просто нищие».

И пока они разговаривали, дервиши вдруг постучали в ворота. И жена Ала-ад-дина сказала: «Выйди, открой им»,— и Ала-ад-дин открыл ворота и, когда они вошли, спросил: «Вы принесли десять тысяч динаров, которые вы мне обещали?» — «О, ничего из них не удалось достать,— отвечали дервиши,— но не бойся дурного: если захочет Аллах великий, мы сварим тебе завтра химический состав. Прикажи твоей жене дать нам послушать музыку, от которой ободрились бы наши сердца, так как мы любим музыку».

И Зубейда сыграла им на лютне музыку, от которой заплясала бы каменная скала, и они провели время в наслаждении, радости и веселье, рассказывая друг другу разные истории; и когда взошло утро и засияло светом и заблистало, халиф положил под коврик сто динаров, а потом они простились с Ала-ад-дином и ушли своей дорогой.

И они продолжали ходить к нему таким образом в течение девяти вечеров, и каждый вечер халиф клал под коврик сто динаров. А когда подошел десятый вечер, они не пришли, и причиною их отсутствия было то, что халиф послал за одним большим купцом и сказал ему: «Приготовь мне пятьдесят тюков тканей, которые привозят из Каира, и пусть цена каждого тюка будет тысяча динаров. Напиши на каждом тюке, сколько он стоит, и пришли мне абиссинского раба».

И купец доставил все, что халиф приказал ему, и потом халиф дал рабу таз и кувшин из золота, и путевые припасы, и пятьдесят тюков, и написал письмо от имени Шамс-ад-дина, старшины купцов в Каире, отца Ала-ад-дина, и сказал рабу: «Возьми эти тюки и то, что есть с ними, ступай в такой-то квартал, где дом старшины купцов, и спроси, где господин Ала-ад-дин Абу-ш-Шамат; люди укажут тебе и квартал, и его дом».

И раб взял тюки и то, что было с ними, как велел ему халиф, и отправился.

Вот что было с ним. Что же касается двоюродного брата

женщины, то он отправился к ее отцу и сказал ему: «Идем сходим к Ала-ад-дину, чтобы развести с ним дочь моего дяди»; и они вышли, и пошли с ним, и отправились к Ала-ад-дину.

А достигнув его дома, они увидели пятьдесят мулов и на них пятьдесят тюков тканей, и раба, сидевшего на муле, и спросили его: «Чьи это тюки?» — «Моего господина Ала-ад-дина Абу-ш-Шамата,— ответил раб.— Его отец собрал для него товары и отправил его в город Багдад, и на него напали арабы и взяли его деньги и тюки, и весть об этом дошла до его отца, и он послал меня к нему с другими тюками вместо тех, и прислал ему со мною мула, на которого нагружены пятьдесят тысяч динаров, и узел с платьем, стоящим больших денег, и соболью шубу, и золотой таз и кувшин».— «Это мой зять, и я проведу тебя к его дому»,— сказал отец девушки.

А Ала-ад-дин сидел в своем доме сильно озабоченный, и вдруг постучали в ворота. «О Зубейда,— сказал Ала-ад-дин,— Аллах лучше знает! Поистине, твой отец прислал ко мне посланца от кади или от вали».— «Выйди и посмотри, в чем дело»,— сказала Зубейда. И Ала-ад-дин спустился и открыл ворота и увидел своего тестя — старшину купцов, отца Зубейды, и абиссинского раба с коричневым лицом, приятного видом, который сидел на муле.

И раб спешился и поцеловал ему руки, и Ала-ад-дин спросил его: «Что ты хочешь?» И раб сказал: «Я раб господина Ала-ад-дина Абу-ш-Шамата, сына Шамс-ад-дина, старшины купцов в земле египетской, и его отец послал меня к нему с этим поручением»,— и подал ему письмо; и Ала-ад-дин взял его и развернул, и увидел, что в нем написано:

«Посланье, мчись и не страшись дорог,
Облобызай любимому сапог;

Отсрочку дай, однако торопись!
Мой дух в руках любимого — залог.

После совершенного приветствия и привета и уважения от Шамс-ад-дина его сыну Абу-ш-Шамату. Знай, о дитя мое, что до меня дошла весть об убиении твоих людей и ограблении твоего имущества и поклажи, и я послал тебе вместо нее эти пятьдесят тюков египетских тканей, и одежду, и соболью шубу, и таз и кувшин из золота. Не бойся же беды! Деньги — выкуп за тебя, о дитя мое, и да не постигнет тебя печаль никогда. Твоей матери и родным живется

хорошо, они здоровы и благополучны и приветствуют тебя многими приветами. И дошло до меня, о дитя мое, что тебя сделали заместителем у девушки Зубейды-лютнистки и наложили на тебя ей в приданое десять тысяч динаров. Эти деньги едут к тебе вместе с тюками и твоим рабом Селимом».

Окончив читать письмо, Ала-ад-дин принял тюки и, обратившись к своему тестю, сказал ему: «О мой тесть, возьми десять тысяч динаров — приданое за твою дочь Зубейду, и возьми также тюки и распоряжайся ими: прибыль будет твоя, а основные деньги верни мне».— «Нет, клянусь Аллахом, я ничего не возьму, а что до приданого твоей жены, то о нем сговорись с ней»,— отвечал купец; и Ала-ад-дин поднялся, и они с тестем вошли в дом, после того как туда внесли поклажу.

И Зубейда спросила своего отца: «О батюшка, чьи это тюки?» И от отвечал ей: «Это тюки Ала-ад-дина, твоего мужа, их прислал ему его отец вместо тех тюков, которые забрали арабы, и он прислал ему пятьдесят тысяч динаров, и узел с платьем, и соболью шубу, и мула, и таз и кувшин из золота, а что касается приданого, то решать о нем предстоит тебе».

И Ала-ад-дин поднялся и, открыв сундук, дал Зубейде ее приданое; и тогда юноша, ее двоюродный брат, сказал: «О дядюшка, пусть Ала-ад-дин разведется с моей женой»; но ее отец ответил: «Это уже больше никак не удастся, раз власть мужа в его руках».

И юноша ушел огорченный и озабоченный и слег у себя дома, больной, и было в этом исполнение его судьбы, и он умер.

Что же касается Ала-ад-дина, то, приняв тюки, он пошел на рынок и взял всего, что ему было нужно: кушаний, напитков и топленого масла, и устроил пир, как и всякий вечер, и сказал Зубейде: «Посмотри на этих лгунов дервишей: они обещали нам и нарушили обещание».— «Ты сын старшины купцов, и у тебя были коротки руки для серебряной полушки, так как же быть бедным дервишам?» — сказала Зубейда; и Ала-ад-дин воскликнул: «Аллах великий избавил нас от нужды в них, но я больше не открою им ворот, когда они придут к нам!» — «Почему? — сказала Зубейда.— Ведь благо пришло к нам после их прихода, и всякую ночь они клали нам под коврик сто динаров. Мы обязательно откроем им ворота, когда они придут».

И когда свет дня угас и пришла ночь, зажгли свечи,

и Ала-ад-дин сказал: «О Зубейда, начни, сыграй нам музыку». И вдруг постучали в ворота. «Встань посмотри, кто у ворот»,— сказала Зубейда; и Ала-ад-дин вышел, и открыл ворота, и увидел дервишей. «А, добро пожаловать, лжецы, входите!» — воскликнул он; и дервиши вошли с ним, и он посадил их и принес им скатерть с кушаньем, и они стали есть и пить, радоваться и веселиться.

А после этого они сказали ему: «О господин наш, наши сердца заняты тобою: что у тебя произошло с твоим тестем?» — «Аллах возместил нам превыше желания»,— ответил Ала-ад-дин; и дервиши сказали: «Клянемся Аллахом, мы за тебя боялись, и нас удерживало лишь то, что у нас в руках не было денег».— «Ко мне пришла помощь от моего господа, и мой отец прислал мне пятьдесят тысяч динаров и пятьдесят тюков тканей, ценою каждый в тысячу динаров, и платье, и соболью шубу, и мула, и раба, и таз и кувшин из золота, и между мной и моим тестем наступил мир, и жена моя мне принадлежит по праву, и хвала Аллаху за все это»,— ответил Ала-ад-дин.

А затем халиф поднялся, чтобы исполнить нужду, и везирь Джафар наклонился к Ала-ад-дину и сказал ему: «Соблюдай пристойность: ты находишься в присутствии повелителя правоверных».— «Что я сделал непристойного в присутствии повелителя правоверных и кто из вас повелитель правоверных?» — спросил Ала-ад-дин; и Джафар сказал: «Тот, кто разговаривал с тобой и поднялся, чтобы исполнить нужду,— повелитель правоверных, халиф Харун ар-Рашид, а я — везирь Джафар, а это — Масрур, палач мести, а зто Абу Нувас аль-Хасан ибн Хани. Подумай, о Ала-ад-дин, на расстоянии скольких дней пути Каир от Багдада?» — «Сорока пяти дней»,— ответил Ала-ад-дин; и Джафар сказал: «Твои тюки отняли у тебя только десять дней назад, так как же весть об этом достигла до твоего отца и он собрал тебе тюки, которые покрыли расстояние сорока пяти дней в зти десять дней?» — «О господин мой, откуда же это пришло ко мне?» — спросил Ала-ад-дин. «От халифа, повелителя правоверных, по причине его крайней любви к тебе»,— ответил Джафар.

И пока они разговаривали, халиф вдруг вошел к ним. И Ала-ад-дин поднялся, и поцеловал перед ним землю, и сказал: «Аллах да сохранит тебя, о повелитель правоверных, и да сделает вечной твою жизнь, и да не лишит людей твоих милостей и благодеяний!» — «О Ала-ад-дин,— молвил халиф,— пусть Зубейда сыграет нам музыку ради сладости твоего благополучия». И Зубейда играла им

на лютне музыку, чудеснейшую среди всего существующего, пока не возликовали каменные стены и не воззвали струны: «О любимый!»

И они провели ночь до утра в самом радостном состоянии, а когда наступило утро, халиф сказал Ала-ад-дину: «Завтра приходи в диван», и Ала-ад-дин ответил: «Слушаюсь и повинуюсь, о повелитель правоверных, если захочет Аллах великий и ты будешь в добром здоровье!» Ала-ад-дин взял десять блюд и, положив на них великолепный подарок, пошел с ними на другой день в диван; и, когда халиф сидел на престоле в диване, вдруг вошел в двери дивана Ала-ад-дин, говоря такие стихи:

«Да будешь ты храним судьбой самою,
Хоть недруг мучим завистью немою;

И день твой пусть насыщен будет светом,
Тогда как дни врагов объяты тьмою».

«Добро пожаловать, о Ала-ад-дин»,— сказал халиф; и Ала-ад-дин ответил: «О повелитель правоверных, пророк — да благословит его Аллах и да приветствует! — принимал подарки, и эти десять блюд с тем, что есть на них,— подарок тебе от меня». И халиф принял от него это, и велел дать ему почетную одежду, и сделал его старшиной купцов, и посадил его в диване, и, когда он там сидел, вдруг вошел его тесть, отец Зубейды.

И, увидев, что Ала-ад-дин сидит на его месте и на нем почетная одежда, он сказал повелителю правоверных: «О царь времени, почему этот молодец сидит на моем месте?» — «Я назначил его старшиной купцов,— сказал халиф.— Должности жалуются на срок, а не навеки, и ты отстранен».— «От нас и к нам идет благо! — воскликнул отец Зубейды.— Прекрасно то, что ты сделал, о повелитель правоверных, и да поставит Аллах лучших из нас властителем наших дел. Сколько малых стало великими!» Потом халиф написал Ала-ад-дину грамоту и дал ее вали, и вали отдал грамоту факелоносцу, и тот возгласил в диване: «Нет старшины купцов, кроме Ала-ад-дина Абу-ш-Шамата! Его слова должно слушать и хранить к нему почет, и ему подобает уважение и почтение и высокое место!»

А когда диван разошелся, вали пошел с глашатаем перед Ала-ад-дином, и глашатай кричал: «Нет старшины купцов, кроме господина Ала-ад-дина Абу-ш-Шамата!» И они ходили с ним кругом по площадям Багдада, и глашатай кричал: «Нет старшины купцов, кроме господина Ала-ад-дина Абу-ш-Шамата!»

А когда наступило утро, Ала-ад-дин открыл для раба лавку и посадил его в ней продавать и покупать, а что касается самого Ала-ад-дина, то он каждый день садился на коня и отправлялся в должность в диван халифа.

И случилось однажды, что он сидел, как всегда, на своем месте, и вдруг кто-то сказал халифу: «О повелитель правоверных, твой надим такой-то приказал долго жить и представился к милости Аллаха великого, а твоя жизнь да будет вечна».— «Где Ала-ад-дин Абу-ш-Шамат?» — спросил халиф; и Ала-ад-дин предстал перед ним, и халиф, увидев Ала-ад-дина, наградил его великолепной одеждой, сделал его своим надимом и предписал выдавать ему содержание в тысячу динаров каждый месяц, и Ала-ад-дин жил у халифа, разделяя его трапезы.

И случилось так, что в один из дней он сидел, как всегда, на своем месте, служа халифу, и вдруг вошел в диван эмир с мечом и щитом и сказал: «О повелитель правоверных, твой военачальник шестидесяти приказал долго жить — он умер в сегодняшний день». И халиф велел дать Ала-ад-дину почетную одежду и назначил его главой шестидесяти, на место умершего.

А у главы шестидесяти не было ни жены, ни сына, ни дочери, и Ала-ад-дин пошел и наложил руку на его имущество; и халиф сказал Ала-ад-дину: «Похорони его в земле и возьми все, что он оставил из денег, рабов, невольниц и слуг».

А затем халиф взмахнул платком, и диван разошелся, и Ала-ад-дин вышел, и у его стремени был начальник Ахмед-ад-Данаф — начальник правой стороны у халифа, со своими сорока приспешниками, а слева от Ала-ад-дина был Хасан Шуман, начальник левой стороны у халифа, со своими сорока приспешниками.

И Ала-ад-дин обернулся к Хасану Шуману и его людям и сказал: «Будьте ходатаями перед начальником Ахмедом-ад-Данафом,— может быть, он примет меня в сыновья по обету Аллаху». И начальник принял его и сказал: «Я и мои сорок приспешников будем ходить перед тобою в диван каждый день».

И Ала-ад-дин оставался на службе у халифа в течение нескольких дней, и в какой-то день случилось, что Ала-ад-дин вышел из дивана и пошел к себе домой, отпустив Ахмеда-ад-Данафа и тех, кто был с ними. И он сел со своей женой Зубейдой-лютнисткой и зажег свечи, и после этого она поднялась, чтобы исполнить нужду, а Ала-ад-дин сидел на месте. И вдруг он услышал великий крик, и поспешно

поднялся, чтобы посмотреть, кто это кричал, и увидел, что кричала его жена Зубейда-лютнистка и что она лежит на земле. И Ала-ад-дин положил руку ей на грудь, и оказалось, что она мертва.

А дом ее отца был перед домом Ала-ад-дина, и отец услышал ее крик и спросил: «В чем дело, господин мой Ала-ад-дин?» — «О батюшка, твоя дочь Зубейда приказала долго жить,— ответил Ала-ад-дин,— но уважение к мертвому, о батюшка, состоит в том, чтобы зарыть его».

И когда настало утро, Зубейду схоронили в земле, и Ала-ад-дин стал утешать ее отца, а отец утешал Ала-ад-дина.

Вот что было с Зубейдой-лютнисткой. Что же касается Ала-ад-дина, то он надел одежды печали и удалился из дивана, и глаза его стали плачущими, а сердце печальным.

И халиф спросил: «О везирь, по какой причине Ала-ад-дин удалился из дивана?» И везирь ответил: «О повелитель правоверных, он горюет по своей жене Зубейде и занят, принимая соболезнования».— «Нам следует выказать ему соболезнование»,— сказал халиф везирю; и везирь ответил: «Слушаю и повинуюсь!» И халиф с везирем и несколькими слугами вышли, и сели верхом, и отправились к дому Ала-ад-дина.

И Ала-ад-дин сидел и вдруг видит — халиф, и везирь, и те, кто был с ними, приближаются к нему. И он встал им навстречу и поцеловал землю перед халифом, и халиф сказал ему: «Да возместит тебе Аллах благом!» А Ала-ад-дин отвечал: «Да продлит Аллах для нас твою жизнь, о повелитель правоверных».— «О Ала-ад-дин,— спросил халиф,— почему ты удалился из дивана?» — «Из-за печали по моей жене Зубейде, о повелитель правоверных»,— ответил Ала-ад-дин; и халиф сказал: «Прогони от души заботу. Твоя жена умерла по воле великого Аллаха, и печаль тебе ничем не поможет».— «О повелитель правоверных, я оставлю печаль по ней только тогда, когда умру и меня зароют возле нее»,— сказал Ала-ад-дин; и халиф молвил: «Поистине, в Аллахе замена всему минувшему, и не освободят от смерти ни ухищрения, ни деньги! От Аллаха дар того, кто сказал:

«Пусть богатство твое всех сокровищ дороже,
Все равно попадешь на горбатое ложе;

Как ты можешь, рожденный женой, веселиться.
Если будешь землею засыпан ты тоже?»

И халиф, кончив утешать Ала-ад-дина, наказал ему не удаляться из дивана и отправился в свое жилище, а Ала-ад-дин проспал ночь, а когда наступило утро, сел на коня и поехал в диван. И он вошел к халифу и поцеловал перед ним землю, и халиф приподнялся ради Ала-ад-дина на престоле, и сказал ему: «Добро пожаловать! — и приветствовал его, и посадил его на место, и молвил: — О Ала-ад-дин, ты мой гость сегодня вечером».

И потом он пошел с ним к себе во дворец и, призвав одну невольницу, по имени Кут-аль-Кулуб, сказал ей: «У Ала-ад-дина была жена по имени Зубейда, которая развлекала его в горе и заботе. Она умерла по милости великого Аллаха, и я хочу, чтобы ты сыграла ему музыку на лютне, чудеснейшую среди всего существующего, и он бы утешился в заботе и печали».

И невольница начала и сыграла диковинную музыку; и халиф молвил: «Что скажешь, Ала-ад-дин, о голосе этой невольницы?» — «У Зубейды голос лучше, чем у нее, но она искусница в игре на лютне, так что из-за нее ликуют каменные скалы»,— ответил Ала-ад-дин. И халиф спросил: «Она тебе нравится?» — «Нравится, о повелитель правоверных»,— ответил Ала-ад-дин; и халиф воскликнул: «Клянусь жизнью и могилой моих дедов, она подарок тебе от меня — и она, и ее невольницы».

И Ала-ад-дин подумал, что халиф шутит с ним, а наутро халиф вошел к своей невольнице Кут-аль-Кулуб и сказал: «Я подарил тебя Ала-ад-дину»; и она обрадовалась этому, так как видела Ала-ад-дина и полюбила его.

Потом халиф перешел из дворцового помещения в диван и, призвав носильщиков, сказал им: «Перенесите пожитки Кут-аль-Кулуб в дом Ала-ад-дина и посадите ее в носилки вместе с ее невольницами»; и они перевезли ее с невольницами и пожитками в дом Ала-ад-дина и привели ее во дворец, а халиф просидел в помещении суда до конца дня, и затем диван разошелся, и он ушел к себе во дворец.

Вот что было с халифом; что же касается Кут-аль-Кулуб, то, войдя во дворец Ала-ад-дина со своими невольницами (а их было сорок невольниц, кроме евнухов), она сказала двум евнухам: «Один из вас сядет на скамеечку справа от ворот, а другой сядет на скамеечку слева, и когда придет Ала-ад-дин, поцелуйте ему руки и скажите ему: «Наша госпожа, Кут-аль-Кулуб, просит тебя войти к ней. Халиф подарил ее тебе вместе с ее невольницами».

И евнухи ответили: «Слушаем и повинуемся!» — и сде-

лали так, как она велела. И когда Ала-ад-дин пришел, он увидел двух евнухов халифа, которые сидели у ворот.

И он нашел это диковинным и сказал про себя: «Может быть, это не мой дом? А иначе в чем же дело?» И евнухи, увидав его, поднялись, и поцеловали ему руки, и сказали: «Мы люди халифа, невольники Кут-аль-Кулуб. Она приветствует тебя и говорит тебе, что халиф подарил ее тебе вместе с ее невольницами. И она просит тебя к себе».— «Скажите ей: «Добро пожаловать, но только, пока ты у него, он не войдет в дом, в котором ты находишься, так как то, что принадлежит господину, не годится для слуг»,— отвечал Ала-ад-дин,— и спросите ее: «Как велики были твои расходы у халифа каждый день?»

И евнухи пошли к ней и спросили ее об этом, и она сказала: «Каждый день сто динаров». И Ала-ад-дин подумал про себя: «Не было мне нужды, чтобы халиф дарил мне Кут-аль-Кулуб и я тратил бы на нее такие деньги, но, однако, тут не ухитришься». И Кут-аль-Кулуб провела у него несколько дней, и он выдавал ей каждый день сто динаров. И в один из дней Ала-ад-дин не явился в диван, и халиф сказал: «О везирь Джафар, я подарил Кут-аль-Кулуб Ала-ад-дину лишь для того, чтобы она его утешала в потере жены; почему же он удалился от нас?» — «О повелитель правоверных,— отвечал везирь,— правду сказал сказавший: кто встретит любимых, забудет друзей». И халиф молвил: «Может быть, его отсутствию есть оправдание. Мы навестим его».

А за несколько дней до этого Ала-ад-дин сказал везирю: «Я пожаловался халифу, что чувствую печаль по моей жене Зубейде-лютнистке, и он подарил мне Кут-аль-Кулуб».— «Если бы халиф не любил тебя, он бы тебе ее не подарил,— сказал везирь.—А ты уже входил к ней, о Ала-ад-дин?» — «Нет, клянусь Аллахом, я еще не входил к ней»,— ответил Ала-ад-дин; и везирь спросил: «Почему это?» А Ала-ад-дин молвил: «То, что годится господину, не годится для слуг».

Потом халиф и Джафар перерядились, и пошли навестить Ала-ад-дина, и шли до тех пор, пока не пришли к нему.

И Ала-ад-дин узнал их и, поднявшись, поцеловал халифу руки; халиф, увидя его, обнаружил в нем признаки печали и сказал: «О Ала-ад-дин, какова причина печали, что охватила тебя? Разве ты еще не входил к Кут-аль-Кулуб?» — «О повелитель правоверных,— ответил Ала-ад-Дин,— что годится господину, не годится для слуг, и я до

сих пор не входил к ней и не отличаю в ней длины от ширины. Избавь же меня от нее!» — «Я желаю с ней повидаться и спросить ее о ее положении»,— сказал халиф. И Ала-ад-дин ответил: «Слушаю и повинуюсь, о повелитель правоверных!» И халиф вошел к Кут-аль-Кулуб, и, увидав его, она поднялась и поцеловала перед ним землю. «Входил к тебе Ала-ад-дин?» — спросил ее халиф; и она ответила: «Нет, о повелитель правоверных. Я послала просить его, чтобы он вошел, но он не согласился».

И халиф велел ей возвратиться во дворец и сказал Ала-ад-дину: «Не удаляйся от нас!»

И потом халиф отправился к себе домой, а Ала-ад-дин проспал эту ночь, а утром он сел на коня, и отправился в диван, и занял место главы шестидесяти.

А халиф велел своему казначею выдать везирю Джафару десять тысяч динаров; и казначей дал ему это количество денег, и халиф сказал Джафару: «Поручаю тебе сходить на рынок невольниц и купить Ала-ад-дину невольницу на эти десять тысяч динаров». И Джафар последовал приказу халифа, и вышел, и, взяв с собою Ала-ад-дина, пошел с ним на рынок невольниц.

И случилось, что в этот день вали Багдада, назначенный халифом (а звали его эмир Халид), пошел па рынок, чтобы купить невольницу для своего сына, и причиной этого было вот что. У вали была жена по имени Хатун, и ему достался от нее сын, безобразный видом, которого звали Хабазлам Баззаза. И он достиг возраста двадцати лет и еще не умел ёздить на коне, а его отец был смельчак, неприступный владыка, доблестный всадник и погружался в пучину ночного боя.

И однажды ночью Хабазлам Баззаза спал и осквернился, и он рассказал об этом своей матери; и та обрадовалась и сообщила об этом его отцу и сказала: «Я хочу, чтобы мы его женили: он стал годен для брака».— «Он безобразен видом, дурно пахнет, грязен и дик, и его не примет ни одна женщина»,— ответил отец Хабазлама; и мать его сказала: «Мы купим ему невольницу».

И по велению, предопределенному Аллахом великим, в тот день, когда пошли на рынок везирь и Ала-ад-дин, туда пошел и эмир Халид, вали, со своим сыном Хабазламом Баззазой; и когда они были на рынке, вдруг появилась с одним из посредников невольница — красивая, прелестная, стройная и соразмерная, и везирь сказал: «О посредник, предложи за нее тысячу динаров!»

И посредник прошел с нею мимо вали, и Хабазлам

Баззаза посмотрел на нее взглядом, оставившим после себя тысячу вздохов, и любовь к ней овладела им. «О батюшка,— сказал он,— купи мне эту невольницу». И посредник стал зазывать, а вали спросил, как зовут девушку; и она отвечала: «Мое имя Ясмин».— «О дитя мое,— сказал ему отец,— если она тебе нравится, набавляй цену».— «О посредник, какова твоя цена?» — спросил он. «Тысяча динаров»,— отвечал посредник. «С меня тысяча динаров и динар»,— сказал юноша. А когда очередь дошла до Ала-ад-дина, тот предложил за девушку две тысячи, и всякий раз, как юноша, сын вали, набавлял цену на динар, Ала-ад-дин прибавлял тысячу динаров.

И сын вали рассердился и спросил: «О посредник, кто набавляет против меня цену за эту девушку?» И посредник ответил: «Везирь Джафар хочет купить ее для Ала-ад-дина Абу-ш-Шамата».

И Ала-ад-дин предложил за невольницу десять тысяч динаров, и хозяин уступил ему девушку и получил за нее деньги; и Ала-ад-дин взял невольницу и сказал ей: «Я освобождаю тебя ради лика Аллаха великого»,— и затем он написал свой брачный договор с нею и отправился домой.

И посредник вернулся с платой за посредничество, и сын вали позвал его и спросил: «Где невольница?» — «Ее купил Ала-ад-дин за десять тысяч динаров, и он освободил ее и написал свой договор с нею»,— отвечал посредник. И юноша огорчился, и печаль его увеличилась, и он вернулся домой больным от любви к ней, и бросился на постель, и расстался с пищей, и его любовь и страсть усилились.

И, увидев, что он заболел, мать его спросила: «Сохрани тебя Аллах, о дитя мое, какова причина твоей болезни?» — «Купи мне Ясмин, о матушка»,— ответил он; и его мать сказала: «Когда пройдет человек с цветами, я куплю тебе корзину жасмину».— «Это не тот жасмин, который нюхают, это невольница по имени Ясмин, которую мне не купил отец!» — воскликнул юноша. И его мать спросила мужа: «Почему ты не купил ему эту невольницу?» — «Что годится господину, не годится для слуг. И у меня нет власти взять ее: ее купил не кто иной, как Ала-ад-дин, глава шестидесяти»,— ответил вали.

И болезнь юноши усилилась, так что он перестал спать и расстался с пищей. И его мать повязалась повязками печали.

И когда она сидела в своем доме, горюя из-за сына, вдруг вошла к ней одна старуха, которую звали «мать Ахмеда Камакима-вора». А этот вор сверлил средние сте-

ны, и карабкался на верхние стены, и похищал сурьму с глаз, и эти мерзкие качества были у него с самого детства; а потом его сделали начальником стражи, и он украл вещь и попался с нею, и вали напал на него и захватил его и доставил к халифу.

И халиф велел убить его на ковре крови, но Ахмед прибегнул к защите везиря (а ходатайство везиря перед халифом не отвергалось), и везирь заступился за него. И халиф спросил: «Как ты заступаешься за бедствие, которое вредит людям?» — «О повелитель правоверных,— сказал везирь,— заключи его в тюрьму. Тот, кто построил тюрьму, был мудрец, так как тюрьма — могила для живых и радость для врагов».

И халиф велел наложить на Ахмеда цепи и написать на его цепях: «Навеки, до смерти, и он будет раскован лишь на скамье обмывальщика»; и Ахмеда посадили, закованного, в тюрьму.

А его мать была вхожа в дом эмира Халида, вали, и заходила к своему сыну в тюрьму и говорила ему: «Не говорила ли я тебе: «Отступись от запретного!» А он отвечал ей: «Это предопределил мне Аллах, но когда ты, о матушка, пойдешь к жене вали, пусть она заступится за меня перед ним».

И когда старуха вошла к жене вали, она увидела, что та повязана повязками печали, и спросила: «О чем ты печалишься?» — «О гибели моего сына Хабазлама Баззазы»,— ответила жена вали. «Сохрани Аллах твоего сына! А что с ним случилось?» — спросила старуха, и жена вали рассказала ей всю историю, и старуха спросила: «Что ты скажешь о том, кто сыграет шутку, в которой будет спасение твоего сына?» — «А что ты сделаешь?» — спросила жена вали; и старуха сказала: «У меня есть сын по имени Ахмед Камаким-вор, и он сидит, закованный в тюрьме, и на цепях у него написано: «Навеки, до смерти». Встань, и надень лучшее, что у тебя есть, и украсься самыми лучшими украшениями, и встреть своего мужа весело и приветливо, а когда он потребует от тебя того, что требуют мужчины от женщины, откажи ему, и не давай этого сделать, и скажи: «О диво Аллаха! Когда мужчине есть нужда до жены, он пристает к ней, пока не удовлетворит нужду с нею, а когда жене что-нибудь нужно от мужа, он не исполняет этого». И муж спросит тебя: «А что тебе нужно?» И ты скажи: «Сначала поклянись мне»; и когда он тебе поклянется жизнью и Аллахом, скажи ему: «Поклянись разводом со мною»,— и не соглашайся, пока он не поклянется тебе

разводом; а когда он поклянется тебе разводом, скажи ему: «У тебя в тюрьме заключен один начальник по имени Ахмед Камаким, и у него есть бедная мать, и она упала передо мной ниц и направила меня к тебе и сказала: «Пусть вали заступится за него перед халифом, чтобы халиф простил его, и ему бы досталась награда».

И мать Хабазлама ответила ей: «Слушаю и повинуюсь!» И когда вали вошел к своей жене, она сказала ему все это, и он поклялся ей разводом, и тогда она позволила ему, и он провел подле нее ночь, а когда наступило утро, вали омылся и, совершив утреннюю молитву, пришел в тюрьму и сказал: «О Ахмед Камаким, о вор, раскаиваешься ли ты в том, что сделал?» — «Я раскаялся перед Аллахом и отступился и прошу сердцем и языком прощения у Аллаха»,— ответил Ахмед. И вали выпустил его из тюрьмы и взял его с собой в диван, закованного в цепи.

И он подошел к халифу и поцеловал перед ним землю, и халиф спросил: «О эмир Халид, чего ты просишь?» И вали поставил Ахмеда Камакима, который шел в цепях, перед халифом, и халиф спросил: «О Камаким, ты до сих пор жив?» — «О повелитель правоверных,— ответил Ахмед,— жизнь несчастного медлительна»; и халиф молвил: «О эмир Халид, зачем ты его привел сюда?» — «У него бедная, одинокая мать, у которой никого нет, кроме него,— ответил эмир,— и она пала ниц перед твоим рабом, чтобы он походатайствовал у тебя, о повелитель правоверных, и ты бы освободил от цепей ее сына. Он раскается в том, что было, и ты сделаешь его начальником стражи, как прежде».— «Ты раскаялся в том, что было?» — спросил халиф Ахмеда Камакима; и тот ответил: «Я раскаялся перед Аллахом, о повелитель правоверных»; и тогда халиф велел привести кузнеца и расковать цепи Ахмеда на скамье обмывальщика.

Он сделал Ахмеда начальником стражи и наказал ему хорошо вести себя и поступать по справедливости, и Ахмед поцеловал халифу руки и вышел с одеждой начальника стражи, и про него прокричали о том, что он начальник. И он пробыл некоторое время в своей должности, а потом его мать пришла к жене вали, и та сказала ей: «Слава Аллаху, который освободил твоего сына из тюрьмы здоровым и благополучным! Почему же ты не говоришь ему, чтобы он что-нибудь устроил и привел бы невольницу Ясмин к моему сыну Хабазламу Баззазе?» — «Я скажу ему»,— ответила старуха и, уйдя от нее, пришла к своему сыну. И она нашла его пьяным и сказала: «О дитя мое,

причина того, что ты освободился из тюрьмы, только в жене вали, и она хочет от тебя, чтобы ты что-нибудь для нее устроил, и убил бы Ала-ад-дина Абу-ш-Шамата, и привел бы невольницу Ясмин к ее сыну Хабазламу Баззазе».— «Это легче всего, что бывает,— ответил Ахмед.— Я обязательно устрою что-нибудь сегодня ночью».

А эта ночь была первой ночью месяца, и у халифа был обычай проводить ее подле госпожи Зубейды по случаю освобождения невольницы, или невольника, или чего-нибудь подобного этому, и еще у халифа был обычай снимать царское платье и оставлять четки, меч и перстень власти и класть все это на престол в зале торжественных приемов.

А у халифа был золотой светильник с тремя драгоценными камнями, нанизанными на золотую цепочку, и этот светильник был халифу дорог. И халиф поставил евнухов сторожить одежду, и светильник, и остальные вещи и вошел в комнату госпожи Зубейды.

А Ахмед Камаким-вор выждал, пока пришла полночь, и засияла звезда Канопус, и твари заснули, и творец опустил на них покрывало, а затем он обнажил меч, и взял его в правую руку, а в левую взял крюк, и, подойдя к стенам дворца, взял веревочную лестницу, закинул крюк на стену, взобрался по лестнице на крышу, и поднял подъемную доску над залом, и спустился.

И он нашел евнухов спящими, и, одурманив их, взял одежду халифа, четки, меч, платок, перстень и светильник, на котором были камни, и вышел через то место, откуда вошел, и отправился к дому Ала-ад-дина Абу-ш-Шамата. Ала-ад-дин в эту ночь был занят свадьбою с девушкой, и он вошел к ней, и она понесла от него.

И Ахмед Камаким-вор спустился в комнату Ала-ад-дина, и, выломав мраморную доску в нижней части комнаты, выкопал под ней яму, и положил туда часть вещей, а часть оставил у себя. Потом он заделал мраморную доску, как было, и вышел через то место, откуда вошел, говоря про себя: «Я сяду, и напьюсь, и поставлю светильник перед собой, и буду пить чашу при его свете».

И потом он отправился домой, а когда наступило утро, халиф вошел в зал и увидел, что евнухи одурманены, и разбудил их и протянул руку, но не нашел ни одежды, ни перстня, ни четок, ни платка, ни светильника.

И халиф разгневался из-за этого великим гневом, и надел одежду ярости (а это была красная одежда), и сел на диване; и везирь подошел и поцеловал перед ним землю и сказал: «Да избавит Аллах от зла повелителя правовер-

ных!» И халиф воскликнул: «О везирь, зло велико».— «Что произошло?» — спросил везирь; и халиф рассказал ему обо всем, что случилось. И вдруг подъехал вали, и у его стремени был Ахмед Камаким-вор.

И вали нашел халифа в великом гневе, а халиф, увидав вали, спросил его: «О эмир, как дела в Багдаде?» — «Все благополучно»,— отвечал вали. «Ты лжешь»,— сказал халиф; и вали спросил: «Почему, о повелитель правоверных?» И халиф рассказал ему, что случилось, и молвил: «Ты обязан принести мне все это!» — «О повелитель правоверных,— сказал вали,— червяки в уксусе рождаются и там остаются, и чужой никак не может забраться в это место».— «Если ты не принесешь мне эти вещи, я убью тебя»,— сказал халиф; и вали молвил: «Прежде чем убивать меня, убей Ахмеда Камакима-вора, так как никто не знает воров и обманщиков, кроме начальника стражи».

И Ахмед Камаким поднялся и сказал халифу: «Заступись за меня перед вали, и я отвечаю тебе за того, кто украл, и буду выискивать его след, пока не узнаю, кто он. Но только дай мне двух судей и двух свидетелей: тот, кто сделал это дело, не боится ни тебя, ни вали, ни кого-нибудь другого».— «Тебе будет то, что ты просишь,— сказал халиф,— но только первый обыск будет в моем дворце, а потом во дворце везиря и во дворце главы шестидесяти».— «Ты прав, о повелитель правоверных, может быть, окажется, что тот, кто сотворил эту проделку, живет во дворце повелителя правоверных или во дворце кого-нибудь из его приближенных»,— сказал Ахмед Камаким. И халиф воскликнул: «Клянусь жизнью, всякий, у кого объявятся эти вещи, будет обязательно убит, хотя бы это был мой сын!»

И затем Ахмед Камаким взял то, что он хотел, и получил грамоту на право врываться в дома и обыскивать их.

И он пошел, держа в руках трость, треть которой была из бронзы, треть из меди и треть из железа, и обыскал дворец халифа и дворец везиря Джафара и обходил дома царедворцев и привратников, пока не прошел мимо дома Ала-ад-дина Абу-ш-Шамата.

И, услышав шум перед домом, Ала-ад-дин поднялся от Ясмин, своей жены, и вышел, и, открыв ворота, увидел вали в большом смущении. «В чем дело, о эмир Халид?» — спросил он; вали рассказал ему все дело, и Ала-ад-дин сказал: «Входите в дом и обыщите его». Но вали воскликнул: «Прости, господин! Ты верный, и не бывать тому, чтобы верный оказался обманщиком».— «Обыскать мой

дом необходимо»,— сказал Ала-ад-дин. И вали вошел с судьями и свидетелями, и тогда Ахмед Камаким пошел в нижнюю часть комнаты и, подойдя к мраморной плите, под которой он зарыл вещи, нарочно опустил на плиту трость. И плита разбилась, и вдруг увидели, что под нею что-то светится, и начальник воскликнул: «Во имя Аллаха! На все воля Аллаха! По благословению нашего прихода, нам открылось сокровище. Я спущусь к этому кладу и посмотрю, что там есть».

И судья со свидетелями посмотрели в это место и увидели украденные вещи и написали бумагу, в которой стояло, что они нашли вещи в доме Ала-ад-дина, и приложили к этой бумаге свои печати.

И Ала-ад-дина приказали схватить, и сняли у него с головы чалму и все его имущество, и достояние записали в опись, и Ахмед Камаким схватил невольницу Ясмин (а она была беременна от Ала-ад-дина), и отдал ее своей матери, и сказал: «Передай ее Хатун, жене вали».

И старуха взяла Ясмин и привела ее к жене вали. И когда Хабазлам Баззаза увидел ее, к нему снова пришло здоровье, и он в тот же час и минуту встал и сильно обрадовался.

И он приблизился к девушке, но она вытащила из-за пояса кинжал и сказала: «Отдались от меня, или я тебя убью и убью себя!»

И мать его Хатун воскликнула: «О распутница, дай моему сыну достигнуть с тобою желаемого!» И Ясмин сказала: «О сука, какое вероучение позволяет женщине выйти замуж за двоих и кто допустит собак войти в жилище львов?»

И страсть юноши еще увеличилась, и он так ослаб от любви и волнения, что расстался с едой и слег на подушки; и тогда жена вали сказала Ясмин: «О распутница, как это ты заставляешь меня печалиться о моем сыне? Тебя непременно надо помучить, а что до Ала-ад-дина, то его обязательно повесят».— «Я умру и буду любить его»,— воскликнула невольница. И тогда жена вали сняла с нее бывшие на ней драгоценности и шелковые одежды, и одела ее в парусиновые штаны и волосяную рубашку, и поселила на кухне, сделав ее одной из девушек-прислужниц.

«В наказанье ты будешь колоть дрова, чистить овощи и подкладывать огонь под горшки»,— сказала она, и Ясмин ответила: «Я согласна на всякую пытку и работу, но не согласна видеть твоего сына». И Аллах смягчил к ней

сердце невольниц, и они стали исполнять за нее работу на кухне.

Вот что было с Ясмин. Что же касается Ала-ад-дина Абу-ш-Шамата, то его взяли с вещами халифа, и повели, и вели до тех пор, пока не дошли с ним до дивана.

И халиф сидел на престоле и вдруг видит, что они ведут Ала-ад-дина, и с ним те вещи. «Где вы их нашли?» — спросил халиф; и ему сказали: «Посреди дома Ала-ад-дина Абу-ш-Шамата».

И халиф исполнился гнева и взял вещи, но не нашел среди них светильника. И он спросил: «О Ала-ад-дин, где светильник?» И Ала-ад-дин отвечал: «Я не крал, и не знаю, и не видел, и нет у меня об этом сведений». И халиф воскликнул: «Как, обманщик, я приближаю тебя к себе, а ты меня от себя отдаляешь, и я тебе доверяю, а ты меня обманываешь?» И затем он велел его повесить.

И вали вышел, а глашатай кричал об Ала-ад-дине: «Вот возмездие, и наименьшее возмездие, тем, кто обманывает праведных халифов!» И люди собрались около виселицы.

Вот что было с Ала-ад-дином. Что же касается Ахмеда-ад-Данафа, старшего над Ала-ад-дином, то он сидел со своими приспешниками в саду; и пока они сидели, наслаждаясь и радуясь, вдруг вошел к ним один из водоносов, которые прислуживают в диване, и поцеловал Ахмеду-ад-Данафу руку и сказал: «О начальник Ахмед-ад-Данаф, ты сидишь и веселишься, а беда у тебя под ногами, но ты не знаешь, что произошло».— «В чем дело?» — спросил Ахмед-ад-Данаф; и водонос сказал: «Твоего сына по обету, Ала-ад-дина, повели на виселицу».— «Какая будет у тебя хитрость, о Хасан Шуман?» — спросил Ахмед-ад-Данаф; и Хасан сказал: «Ала-ад-дин не виновен в этом деле, и это проделки какого-нибудь врага».— «Что, по-твоему, делать?» — спросил Ахмед-ад-Данаф. «Спасение его лежит на нас, если захочет владыка»,— ответил Хасан; а затем Хасан Шуман пошел в тюрьму и сказал тюремщику: «Выдай нам кого-нибудь, кто заслуживает смерти». И тюремщик выдал ему одного человека, более всех тварей похожего на Ала-ад-дина Абу-ш-Шамата, и Хасан закрыл ему голову, и Ахмед-ад-Данаф повел его между собою и Али-Зейбаком, каирцем.

И Ала-ад-дина повели, чтобы повесить; и тут Ахмед-ад-Данаф подошел к палачу и наступил ему на ногу, и палач сказал ему: «Дай мне место, чтобы я мог сделать свое дело!»; а Ахмед-ад-Данаф молвил: «О проклятый, возьми этого человека и повесь его вместо Ала-ад-дина Абу-ш-Ша-

мата; он несправедливо обижен, и мы выкупим Исмаила барашком».

И палач взял того человека и повесил его вместо Ала-ад-дина, а потом Ахмед-ад-Данаф и Ала-Зейбак, каирец, взяли Ала-ад-дина и отвели в комнату Ахмеда-ад-Данафа.

И когда они вошли, Ала-ад-дин сказал: «Да воздаст тебе Аллах благом, о старший!» И Ахмед спросил его: «О Ала-ад-дин, что это за дело ты сделал? Аллах да помилует сказавшего: того, кто тебе доверился, не обманывай, даже если ты обманщик. Халиф дал тебе власть и назвал тебя верным и надежным, почему же ты поступаешь с ним так и берешь его вещи?» — «Клянусь величайшим именем Аллаха, о старший,— воскликнул Ала-ад-дин,— это не моя проделка, и я в ней неповинен и не знаю, кто это сделал!» — «Это дело сделал не кто иной, как явный враг,— сказал Ахмед-ад-Данаф,— ему воздастся за это. Но тебе, Ала-ад-дин, нельзя больше пребывать в Багдаде: с царями не враждуют, о дитя мое; и кого ищут цари — о, как долги для того тягостны!» — «Куда я пойду, о старший?» — спросил Ала-ад-дин; и Ахмед-ад-Данаф молвил: «Я доставлю тебя в аль-Искандарию — это город благословенный, и подступы к нему зеленые, и жизнь там приятная». И Ала-ад-дин отвечал: «Слушаю и повинуюсь, о старший!» И тогда Ахмед-ад-Данаф сказал Хасану Шуману: «Будь настороже и, когда халиф спросит обо мне, скажи ему: он уехал объезжать земли».

После этого Ахмед взял Ала-ад-дина и вышел из Багдада, и они шли до тех пор, пока не достигли виноградников и садов. И они увидели двух евреев из откупщиков халифа, которые ехали верхом на мулах, и Ахмед-ад-Данаф сказал евреям: «Давайте плату за охрану».— «За что мы будем давать тебе плату?» — спросили евреи; и Ахмед сказал: «Я сторож в этой долине». И каждый из евреев дал ему сто динаров, а после этого Ахмед-ад-Данаф убил их и, взяв мулов, сел на одного, и Ала-ад-дин тоже сел на мула.

И они поехали в город Айяс, и отвели мулов в хан, и проспали там ночь, а когда настало утро, Ала-ад-дин продал своего мула и поручил мула Ахмеда-ад-Данафа привратнику; и они взошли на корабль в гавани Айяса и достигли аль-Искандарии.

И Ахмед-ад-Данаф с Ала-ад-дином вышли и пошли по рынку — и вдруг слышат: посредник предлагает лавку с комнатой внутри за девятьсот пятьдесят динаров.

«Даю тысячу»,— сказал тогда Ала-ад-дин, и продавец уступил ему (а лавка принадлежала казне); и Ала-ад-дин

получил ключи, и отпер лавку, и открыл комнату, и оказалось, что она устлана коврами и подушками, и он увидел там кладовую, где были паруса, мачты, канаты, сундуки и мешки, наполненные скорлупками и раковинами, стремена, топоры, дубины, ножи, ножницы и другие вещи, так как владелец лавки был старьевщиком.

И Ала-ад-дин Абу-ш-Шамат сел в лавке, и Ахмед-ад-Данаф сказал ему: «О дитя мое, лавка, и комната, и то, что в ней есть, стали твоим достоянием. Сиди же в ней, покупай и продавай — и не сомневайся, ибо Аллах великий благословил торговлю».

И Ахмед-ад-Данаф оставался у Ала-ад-дина три дня, а на четвертый день он простился с ним и сказал: «Живи здесь, пока я съезжу и вернусь к тебе с вестью от халифа о пощаде и высмотрю, кто проделал с тобой такую штуку».

И потом Ахмед-ад-Данаф отправился в путь и, достигнув Айяса, взял своего мула из хана и поехал в Багдад. И он встретился там с Хасаном Шуманом и его приспешниками и сказал: «О Хасан, халиф спрашивал обо мне?» И Хасан отвечал: «Нет, и мысль о тебе не приходила ему на ум». И Ахмед-ад-Данаф остался служить халифу и стал разведывать новости. И он увидел, что халиф обратился в один из дней к везирю Джафару и сказал ему: «Посмотри, о везирь, какое дело сделал со мной Ала-ад-дин». И везирь ответил ему: «О повелитель правоверных, ты воздал ему за это повешением, и возмездие ему то, что его постигло».— «О везирь, я хочу выйти и посмотреть на него, повешенного»,— сказал халиф; и везирь молвил: «Делай, что хочешь, о повелитель правоверных». И тогда халиф и с ним везирь Джафар пошли в сторону виселицы.

И халиф поднял глаза и увидел, что повешен не Ала-ад-дин Абу-ш-Шамат, верный, надежный.

«О везирь, это не Ала-ад-дин»,— сказал он; и везирь спросил: «Как ты узнал, что это не он?» А халиф ответил: «Ала-ад-дин был короткий, а этот длинный».— «Повешенный удлиняется»,— отвечал везирь; и халиф сказал: «Ала-ад-дин был белый, а у этого лицо черное».— «Разве не знаешь ты, о повелитель правоверных, что смерти присуща чернота?» — молвил везирь; и халиф приказал спустить повешенного с виселицы, и когда его спустили, оказалось, что у него на обеих пятках написаны имена двух старцев. «О везирь,— сказал халиф,— Ала-ад-дин был суннит, а этот рафидит». И везирь воскликнул: «Слава Аллаху, знающему сокровенное! Мы не знаем, Ала-ад-дин ли это или кто другой». И халиф приказал зарыть повешенного,

и его зарыли, и Ала-ад-дин стал забытым и забвенным. И вот то, что было с ним.

Что же касается Хабазлама Баззаза, сына вали, то его любовь и страсть продлились, и он умер, и его закопали и схоронили в земле. А что до невольницы Ясмин — то ее беременность пришла к концу, и ее схватили потуги, и она родила дитя мужского пола, подобное месяцу.

«Как ты его назовешь?» — спросили ее невольницы. И она отвечала: «Будь с его отцом все благополучно, он бы дал ему имя, а я назову его Асланом».

И потом она вскармливала его молоком два года подряд и отлучила его от груди, и мальчик стал ползать и ходить. И случилось так, что в один из дней его мать занялась работой на кухне, и мальчик пошел и увидел лестницу в комнату и поднялся по ней.

А эмир Халид сидел там, и он взял мальчика, и посадил его на колени, и прославил своего владыку за то, что он сотворил и создал в его образе, и он всмотрелся мальчику в лицо и увидел, что он больше всех тварей похож на Ала-ад-дина Абу-ш-Шамата.

А потом мать мальчика, Ясмин, стала искать его, и она поднялась в комнату и увидела, что эмир Халид сидит там, а ребенок играет у него на коленях (а Аллах вселил любовь к мальчику в сердце эмира). И мальчик увидел свою мать и бросился к ней, но эмир Халид удержал его на коленях и сказал Ясмин: «Подойди, девушка!» И когда она подошла, спросил ее: «Этот мальчик чей сын?» И она ответила: «Это мой сын, отрада моего сердца».— «А кто его отец?» — спросил вали. «Его отец — Ала-ад-дин Абу-ш-Шамат, а теперь он стал твоим сыном»,— ответила Ясмин. «Ала-ад-дин был обманщик»,— сказал вали; и Ясмин воскликнула: «Да сохранит его Аллах от обмана! Невозможно и не бывать тому, чтобы верный был обманщиком».— «Когда этот ребенок станет взрослым и вырастет и спросит тебя: «Кто мой отец?» — скажи ему: «Ты сын змира Халида, вали, начальника стражи»,— молвил змир; и Ясмин ответила: «Слушаю и повинуюсь!»

А потом эмир Халид, вали, справил обрезание мальчика, и стал его воспитывать, и хорошо воспитал его. И он привел ему учителя-чистописца, и тот научил его чистописанию и чтению, и мальчик прочитал Коран в первый и второй раз, и прочитал его полностью; и он называл эмира Халида: «батюшка».

И вали начал устраивать ристалища, и собирал всадников, и выезжал, чтобы учить мальчика способам боя,

и показывал ему, в какие места бить копьем и мечом, пока Аслан не изучил до конца искусства ездить верхом, и не обучился доблести, и не достиг возраста четырнадцати лет, и не дошел до степени эмира.

И случилось, что Аслан встретился в какой-то день с Ахмедом Камакимом-вором, и они стали друзьями, и мальчик проводил его в винную лавку, и вдруг Ахмед Камаким-вор вынул светильник с драгоценностями, который он взял из вещей халифа, и, поставив его перед собой, стал пить чашу при свете его, и напился. «О начальник, дай мне этот светильник»,— сказал ему Аслан. «Я не могу тебе его дать»,— ответил Ахмед. И Аслан спросил: «Почему?» И Ахмед молвил: «Из-за него пропадали души».— «Чья душа из-за него пропала?» — спросил Аслан; и Ахмед сказал: «Был тут один, он приехал к нам сюда и сделался главой шестидесяти, и звали его Ала-ад-дин Абу-ш-Шамат, и он умер из-за этого светильника».— «А какова его история и по какой причине он умер?» — спросил Аслан; и Ахмед сказал: «У тебя был брат, по имени Хабазлам Баззаза, и он достиг шестнадцати лет, и стал годен для женитьбы, и потребовал от отца, чтобы тот купил ему невольницу...»

И Ахмед рассказал Аслану всю историю с начала до конца и осведомил его о болезни Хабазлама Баззазы и о том, что, по несправедливости, случилось с Ала-ад-дином. И Аслан сказал про себя: «Может быть, эта девушка Ясмин — моя мать; а отец мой не кто иной, как Ала-ад-дин Абу-ш-Шамат?»

И Аслан ушел от Ахмеда печальный и встретил начальника Ахмеда-ад-Данафа; и, увидав его, Ахмед-ад-Данаф воскликнул: «Слава тому, на кого нет похожего».— «О старший, чему ты удивляешься?» — спросил его Хасан Шуман; и Ахмед-ад-Данаф ответил: «Наружности этого мальчика Аслана. Он больше всех тварей похож на Ала-ад-дина Абу-ш-Шамата».

И Ахмед-ад-Данаф позвал: «Эй, Аслан!» И когда тот отозвался, спросил его: «Как зовут твою мать?» — «Ее зовут невольница Ясмин»,— отвечал мальчик. И Ахмед-ад-Данаф воскликнул: «О Аслан, успокой твою душу и услади глаза! Никто тебе не отец, кроме Ала-ад-дина Абу-ш-Шамата. Но пойди к твоей матери и спроси у нее про твоего отца».— «Слушаю и повинуюсь!» — ответил Аслан и пошел к своей матери и спросил ее; и она сказала: «Твой отец — эмир Халид»; а юноша воскликнул: «Никто мне не отец, кроме Ала-ад-дина Абуш-ш-Шамата!»

И мать Аслана заплакала и спросила: «Кто тебе рассказал об этом, дитя мое?» И Аслан отвечал: «Мне рассказал об этом начальник Ахмед-ад-Данаф». И тогда Ясмин поведала ему обо всем, что случилось, и сказала: «О дитя мое, истинное стало явным, и скрылось ложное. Знай, что твой отец — Ала-ад-дин Абу-ш-Шамат, но только воспитал тебя один лишь эмир Халид, и он сделал тебя своим сыном. О дитя мое, если ты встретишься с начальником Ахмедом-ад-Данафом, скажи ему: «О старший, прошу тебя ради Аллаха, отомсти вместо меня убийце моего отца Ала-ад-дина Абу-ш-Шамата». И Аслан вышел от своей матери и пошел к начальнику Ахмеду-ад-Данафу, поцеловал ему руку.

«Что тебе, о Аслан?» — спросил Ахмед-ад-Данаф. И Аслан сказал: «Я узнал и убедился, что мой отец — Ала-ад-дин Абу-ш-Шамат, и хочу, чтобы ты отомстил вместо меня его убийце».— «Кто убил твоего отца?» — спросил Ахмед-ад-Данаф. «Ахмед Камаким-вор»,— ответил Аслан. «А кто тебя осведомил об этом деле?» — спросил Ахмед; и Аслан сказал: «Я увидел у него светильник с драгоценностями, который пропал в числе вещей халифа, и сказал ему: «Дай мне этот светильник»; но он не согласился и сказал: «Из-за этого светильника пропадали души»,— и рассказал, что это он спустился, и украл вещи, и положил их в доме моего отца».

«Когда ты увидишь, что эмир Халид, вали, надевает одежду войны,— сказал Ахмед-ад-Данаф,— скажи ему: «Одень меня так же». И когда ты выедешь вместе с ним и покажешь перед повелителем правоверных какой-нибудь диковинный способ боя и халиф скажет тебе: «Пожелай от меня чего-нибудь, о Аслан»,— ты скажи ему: «Я желаю, чтобы ты отомстил вместо меня за моего отца его убийце». И халиф тебе скажет: «Твой отец жив — это эмир Халид»; а ты скажи: «Мой отец Ала-ад-дин Абу-ш-Шамат, а эмиру Халиду я обязан только воспитанием». Расскажи ему все, что произошло у тебя с Ахмедом Камакимом-вором, и скажи: «О повелитель правоверных, вели обыскать его»,— и я выну светильник у него из-за пазухи».

И Аслан сказал Ахмеду-ад-Данафу: «Слушаю и повинуюсь!» — и затем он ушел и увидел, что эмир Халид собирается выехать в диван халифа.

«Я хочу, чтобы ты одел меня в одежды войны, такие же, как у тебя, и взял меня с собой в диван халифа»,— сказал он. И эмир одел его и взял с собою в диван.

И халиф выехал с войсками за город и расставил шатры

и палатки, и ряды выстроились, и выехали всадники с шаром и молотком, и когда какой-нибудь всадник ударял по шару молотком, другой всадник возвращал его к нему.

А среди войска был один лазутчик, которого подговорили убить халифа, и он взял шар и ударил по нему молотком, направив его в лицо халифу. И вдруг Аслан поймал шар вместо халифа и ударил им того, кто его бросил, и шар попал ему между плеч, и он упал на землю. И халиф воскликнул: «Да благословит тебя Аллах, о Аслан!»

А потом они сошли со спин коней и сели на ложа, и халиф велел привести того, кто ударил по шару, и, когда тот человек предстал пред ним, спросил его: «Кто подговорил тебя на это дело? Ты враг или любящий?» — «Я враг и задумал убить тебя»,— ответил лазутчик; и халиф сказал: «Какова причина этого? Разве ты не мусульманин?» — «Нет, я рафидит»,— ответил лазутчик. И халиф велел его убить и сказал Аслану: «Пожелай от меня чего-нибудь!» А Аслан сказал: «Я желаю, чтобы ты отомстил вместо меня убийце моего отца».— «Твой отец жив, и он стоит рядом с нами»,— сказал халиф; и Аслан спросил: «Кто мой отец?» — «Эмир Халид, вали»,— ответил халиф; и Аслан воскликнул: «О повелитель правоверных, он мой отец только по воспитанию, и никто мне не родитель, кроме Ала-ад-дина Абу-ш-Шамата».— «Твой отец был обманщик»,— сказал халиф. «О повелитель правоверных,— ответил Аслан,— не бывать тому, чтобы верный стал обманщиком. И в чем он тебя обманул?» — «Он украл мою одежду и то, что при ней было»,— сказал халиф; и Аслан спросил: «О господин, когда ты лишился своей одежды и она вернулась к тебе, нашел ли ты светильник?» — «Мы его не нашли»,— ответил Халиф; и Аслан молвил: «Я увидал светильник у Ахмеда Камакима-вора и попросил его у него, но он его мне не дал и сказал: «Из-за него пропадали души». И он поведал мне про болезнь Хабазлама Баззазы, сына эмира Халида, и про его любовь к невольнице Ясмин, и про то, как он сам был освобожден от цепей, и рассказал мне, что это он украл одежду и светильник. И ты, о повелитель правоверных, отомсти вместо меня убийце моего отца».— «Схватите Ахмеда Камакима!» — сказал халиф. И когда его схватили, халиф спросил: «Где начальник Ахмед-ад-Данаф?» И тот явился, и халиф сказал ему: «Обыщи Камакима!» И Ахмед-ад-Данаф положил руку ему за пазуху и вынул оттуда светильник с драгоценностями.

И халиф воскликнул: «Подойди, обманщик! Откуда у тебя этот светильник?» — «Я купил его, о повелитель правоверных»,— ответил Ахмед Камаким; и халиф спросил: «Где ты его купил и кто мог обладать подобным ему, чтобы продать его тебе?»

И Ахмеда Камакима побили, и он сознался, что это он украл одежду и светильник, и халиф воскликнул: «Зачем ты сделал такое дело, обманщик, и погубил Ала-ад-дина Абу-ш-Шамата, когда он верный, надежный?»

Потом халиф приказал схватить Ахмеда Камакима и вали, и тот сказал: «О повелитель правоверных, я обижен! Ты приказал мне его повесить, и я не имел сведений об этой проделке. Это устроили старуха — мать Ахмеда Камакима — и моя жена, и я ничего не знал. Я под твоей защитой, о Аслан».

И Аслан заступился за него перед халифом; и потом повелитель правоверных спросил: «Что сделал Аллах с матерью этого мальчика?» И вали ответил: «Она у меня».— «Я приказываю тебе,— сказал халиф,— чтобы ты велел твоей жене одеть его мать в ее прежнюю одежду и украшения и вернуть ей положение госпожи. Сними печати с дома Ала-ад-дина и отдай сыну деньги и имущество его отца». И вали отвечал: «Слушаю и повинуюсь!» — и вышел и отдал своей жене приказание, и та одела Ясмин в ее прежнюю одежду, и вали снял печати с дома Ала-ад-дина и передал Аслану ключи.

И потом халиф сказал: «Пожелай от меня чего-нибудь, о Аслан». И Аслан воскликнул: «Я желаю, чтобы ты соединил меня с отцом».

И халиф заплакал и сказал: «Самое вероятное, что твой отец и есть тот, кого повесили, и он умер. Но клянусь жизнью моих дедов, всякому, кто порадует меня вестью о том, что Ала-ад-дин еще жив, я дам все, чего он попросит».

И Ахмед-ад-Данаф выступил вперед и поцеловал землю перед халифом и сказал: «Дай мне безопасность, о повелитель правоверных!» — «Ты в безопасности»,— молвил халиф. И Ахмед-ад-Данаф сказал: «Я обрадую тебя вестью о том, что Ала-ад-дин Абу-ш-Шамат жив и здоров».— «Что ты говоришь!» — воскликнул халиф. «Клянусь твоей жизнью,— отвечал Ахмед-ад-Данаф,— мои слова истина! Я выкупил его другим человеком, который заслуживал смерти, и доставил в аль-Искандарию и открыл ему лавку старьевщика».— «Поручаю тебе привести его»,— сказал халиф, и Ахмед ответил: «Слушаю и повинуюсь!» И халиф

велел дать ему десять тысяч динаров, и Ахмед-ад-Данаф поехал, направляясь в аль-Искандарию.

Вот что было с Асланом. Что же касается его отца, Ала-ад-дина Абу-ш-Шамата, то он продавал все, что было у него в лавке, и там осталось лишь немногое, и между прочим один мешок. И Ала-ад-дин развязал мешок, и оттуда выпал камень, наполняющий горсть, на золотой цепочке, и он был о пяти сторонах, на которых были написаны имена и талисманы, похожие на ползающих муравьев.

И Ала-ад-дин потер эти пять сторон, но никто ему не ответил, и он сказал про себя: «Может быть, этот камень простой оникс?» — и он повесил камень в лавке.

И вдруг прошел по дороге консул и поднял глаза и увидел, что висит этот камень. И он сел у лавки Ала-ад-дина и спросил его: «О господин, этот камень продается?» — «Все, что у меня есть, продается»,— ответил Ала-ад-дин; и консул спросил: «Продашь ты мне это за восемьдесят тысяч динаров?» — «Аллах поможет!» — ответил Ала-ад-дин; и консул сказал: «Продашь ли ты его за сто тысяч динаров?» — «Я продам его тебе за сто тысяч динаров, плати деньги»,— сказал Ала-ад-дин; и консул сказал: «Я не могу принести деньги с собой, ведь в аль-Искандарии воры и разбойники. Ты пойдешь со мной на корабль, и я дам тебе деньги, а также кипу ангорской шерсти, кипу атласа, кипу бархата и кипу сукна».

И Ала-ад-дин поднялся и запер лавку, вручив сначала консулу камень, и отдал ключи своему соседу и сказал: «Возьми эти ключи к себе на сохранение, а я пойду на корабль с этим консулом и принесу деньги за мой камень. А если я задержусь и к тебе приедет начальник Ахмед-ад-Данаф, который поселил меня в этом месте, отдай ему ключи и расскажи ему об этом». И затем Ала-ад-дин отправился с консулом на корабль, и консул, приведя его на корабль, поставил скамеечку, посадил на нее Ала-ад-дина и сказал: «Подайте деньги!» — и отдал ему плату и те пять кип, которые он ему обещал. «О господин,— сказал он ему,— прошу тебя, утешь меня, съев кусочек или выпив глоток воды». И Ала-ад-дин сказал: «Если у тебя есть вода, дай мне напиться». И консул велел принести питье, в котором был дурман, и, выпив его, Ала-ад-дин лишился сознания.

И тогда убрали сходни и опустили багры и распустили паруса, и ветер был им благоприятен, пока они не оказались посреди моря. И капитан велел поднять Ала-ад-дина из трюма, и его подняли и дали ему понюхать средство

против дурмана, и Ала-ад-дин открыл глаза и спросил: «Где я?» — «Ты со мною, связанный и под моей охраной, и если бы ты тогда еще раз сказал: «Аллах поможет!», я бы, наверное, прибавил тебе»,— ответил капитан.

И Ала-ад-дин спросил его: «Какое твое ремесло?» И капитан ответил: «Я капитан и хочу отвезти тебя к возлюбленной моего сердца».

И пока они разговаривали, вдруг появился корабль, где было сорок купцов из мусульман, и капитан направил к ним свой корабль и зацепил их корабль крюками, и сошел на него со своими людьми, и они ограбили их корабль и забрали его, и отправились с ним в город Геную.

И капитан, с которым был Ала-ад-дин, направился к воротам одного дворца, выходившим на море, и вдруг оттуда вышла девушка, закрывшаяся покрывалом, и спросила его: «Привез ли ты камень и его владельца?» — «Я привез их»,— отвечал капитан. И девушка сказала: «Подай сюда камень». И капитан отдал ей камень, а потом он направился в гавань и выстрелил из пушек, и царь города узнал о благополучном прибытии этого капитана.

И он вышел к нему навстречу и спросил его: «Какова была твоя поездка?» — «Было очень хорошо,— отвечал капитан,— и мне достался корабль, где был сорок один купец из мусульман».— «Выведи их»,— сказал царь; и капитан вывел купцов в цепях, и среди них был Ала-ад-дин. И царь с капитаном сели на коней и погнали купцов впереди себя, а прибыв в диван, они сели, и первого из купцов подвели к ним, и царь спросил: «Откуда ты, о мусульманин?» — «Из аль-Искандарии»,— отвечал купец; и царь сказал: «Эй, палач, убей его!» И палач ударил его мечом и отрубил ему голову, и второму и третьему также, до конца всем сорока.

А Ала-ад-дин был последним из них, и он испил печаль по ним и сказал про себя: «Да помилует тебя Аллах, Ала-ад-дин, кончилась твоя жизнь».— «А ты из какой страны?» — спросил его царь, и Ала-ад-дин ответил: «Из аль-Искандарии»; и тогда царь сказал: «Эй, палач, отруби ему голову»; и палач поднял руку с мечом и хотел отрубить голову Ала-ад-дину, и вдруг выступила какая-то старуха, величественная видом, и царь поднялся из уважения к ней, а она сказала: «О царь, не говорила ли я тебе, чтобы, когда капитан привезет пленников, ты вспомнил о монастыре и подарил туда пленника или двух, чтобы прислуживать в церкви?» — «О матушка,— отвечал царь,— если бы ты

пришла на минуту раньше! Но возьми этого пленника, который остался».

И старуха обернулась к Ала-ад-дину и сказала ему: «Будешь ли ты прислуживать в церкви, или я позволю царю убить тебя?» — «Я буду прислуживать в церкви»,— отвечал Ала-ад-дин, и старуха взяла его и, выйдя с ним из дивана, направилась в церковь.

«Какую я буду делать работу?» — спросил Ала-ад-дин; и старуха ответила: «Утром ты встанешь, и возьмешь пять мулов, и отправишься с ними в рощу, и нарубишь сухого дерева, и наломаешь его, и привезешь на монастырскую кухню, а после этого ты свернешь ковры, и подметешь, и вытрешь плиты и мраморный пол, и положишь ковры обратно, как было. Ты возьмешь пшеницы и просеешь, и замесишь, и сделаешь из нее сухари для монастыря, и возьмешь меру чечевицы, и просеешь ее, и смелешь на ручной мельнице, и сваришь, а потом наполнишь четыре водоема, и будешь поливать из бочек, и наполнишь триста шестьдесят шесть мисок, и размочишь в них сухари, и польешь их чечевицей, и снесешь каждому монаху или патриарху его чашку...» — «Верни меня к царю, и пусть он меня убьет,— это мне легче, чем такая работа!» — воскликнул Ала-ад-дин; и старуха сказала: «Если ты будешь работать и исполнишь работу, возложенную на тебя, ты избавишься от смерти, а если не исполнишь, я дам царю убить тебя». И Ала-ад-дин остался сидеть, обремененный заботой.

А в церкви было десять увечных слепцов, и один из них сказал Ала-ад-дину: «Принеси мне горшок»; и Ала-ад-дин принес его горшок, и слепец наделал в него и сказал: «Выброси кал!» И Ала-ад-дин выбросил его, и старец воскликнул: «Да благословит тебя мессия, о служитель церкви!»

И вдруг старуха пришла и спросила: «Почему ты не исполнил работу в церкви?» И Ала-ад-дин сказал: «У меня сколько рук, чтобы я мог исполнить такую работу?» — «О безумный,— сказала старуха,— я привела тебя только для того, чтобы ты работал. О сын мой,— молвила она потом,— возьми эту палку (а палка была из меди, и на конце ее был крест), и выйди на площадь, и, когда встретишь вали города, скажи ему: «Я призываю тебя послужить церкви ради господина нашего мессии»,— и он не будет прекословить. И пусть возьмет пшеницу, и просеет, и провеет, и замесит, и испечет из нее сухари, а всякого, кто будет тебе прекословить, ты бей и не бойся никого». И Ала-

ад-дин ответил: «Слушаю и повинуюсь!» — и сделал так, как она сказала, и так он принуждал работать даром и великих и малых семнадцать лет.

И однажды он сидел в церкви, и вдруг та старуха вошла к нему и сказала: «Уходи вон из монастыря».— «Куда я пойду?» — спросил Ала-ад-дин; и старуха сказала: «Переночуй эту ночь в лавке или у кого-нибудь из твоих друзей». И Ала-ад-дин спросил ее: «Почему ты гонишь меня из церкви?» И старуха ответила: «Хусн Мариам, дочь царя Юханны, царя этого города, хочет посетить церковь, и не подобает, чтобы кто-нибудь сидел на ее пути».

И Ала-ад-дин послушался старуху и поднялся, и показал ей, будто он уходит из церкви, а сам говорил про себя: «О, если бы увидеть, такая ли дочь царя, как наши женщины, или лучше их! Я не уйду, пока не посмотрю на нее». И он спрятался в одной комнате, где было окно, выходившее в церковь. И когда он смотрел в окно, вдруг пришла дочь царя, и Ала-ад-дин посмотрел на нее взглядом, оставившим после себя тысячу вздохов, так как он увидел, что она подобна луне, выглядывающей из-за облаков. И с царевной была женщина. И царевна говорила этой женщине: «Ты развеселила нас, о Зубейда».

И Ала-ад-дин внимательно посмотрел на женщину и увидел, что это его жена, Зубейда-лютнистка, которая умерла. А потом дочь царя сказала Зубейде: «Сыграй нам на лютне»; и Зубейда ответила: «Я не сыграю тебе, пока ты не осуществишь мое желание и не исполнишь то, что ты мне обещала».— «А что я тебе обещала?» — спросила царевна; и Зубейда ответила: «Ты обещала мне свести меня с моим мужем, Ала-ад-дином Абу-ш-Шаматом, верным, надежным».— «О Зубейда,— сказала царевна,— успокой свою душу, и прохлади глаза, и сыграй нам ради сладости единения с мужем твоим Ала-ад-дином». И Зубейда спросила: «А где он?» И царевна молвила: «Он в этой комнате и слушает наши речи».

И Зубейда сыграла на лютне музыку, от которой запляшет каменная скала; и когда Ала-ад-дин услышал это, горести взволновались в нем, и он вышел из комнаты, ринулся к женщинам и заключил свою жену Зубейду-лютнистку в объятия.

И Зубейда узнала его, и они обнялись и упали на землю в обмороке, и царевна Хусн Мариам подошла к ним, и брызнула на них розовой водой, и привела их в чувство, и воскликнула: «Аллах соединил вас!» — «Благодаря твоей любви, госпожа»,— ответил Ала-ад-дин, и затем он обра-

тился к своей жене Зубейде-лютнистке и сказал ей: «Ты же умерла, о Зубейда, и мы зарыли тебя в могилу! Как же ты ожила и пришла сюда?» — «О господин,— отвечала Зубейда,— я не умерла, меня похитил злой дух из джиннов и прилетел со мной в это место, а та, которую вы похоронили,— джинния, принявшая мой образ и прикинувшаяся мертвой; и после того, как вы ее похоронили, она прошла сквозь могилу, и вышла из нее, и улетела служить своей госпоже Хусн Мариам, дочери царя.

А что до меня, то меня оглушило, и, открыв глаза, я увидела себя возле Хусн Мариам, дочери царя (а она — вот эта женщина), и спросила ее: «Зачем ты принесла меня сюда?» И она сказала: «Мне обещано, что я выйду замуж за твоего мужа, Ала-ад-дина Абу-ш-Шамата. Примешь ли ты меня, о Зубейда, чтобы я была ему другой женой и чтобы мне была ночь и тебе была ночь?» И я отвечала ей: «Слушаю и повинуюсь, госпожа моя, но где же мой муж?» А она сказала: «У него на лбу написано то, что предопределил ему Аллах, и когда он исполнит то, что написано у него на лбу, он непременно прибудет в это место, а мы станем развлекаться в разлуке с ним песнями и игрой на разных инструментах, пока Аллах не соединит нас с ним». И я провела у нее все это время, пока Аллах не соединил меня с тобою в этой церкви».

И после этого Хусн Мариам обратилась к Ала-ад-дину и сказала: «О господин мой Ала-ад-дин, примешь ли ты меня, чтобы я была тебе женою, а ты мне мужем?» — «О госпожа, я мусульманин, а ты христианка, как же я на тебе женюсь?» — ответил Ала-ад-дин. И Хусн Мариам воскликнула: «Не дай бог, чтобы я была неверной! Нет, я мусульманка и уже восемнадцать лет крепко держусь веры ислама, и я не причастна ни к какой вере, противной вере ислама».— «О госпожа,— сказал Ала-ад-дин,— я хочу отправиться в свои земли».— «О Ала-ад-дин,— отвечала царевна,— я видела, что у тебя на лбу написаны дела, которые ты должен исполнить, и ты достигнешь своей цели. Аллах да поздравит тебя, о Ала-ад-дин: у тебя появился сын по имени Аслан, который теперь сидит на твоем месте возле халифа, и достиг он возраста восемнадцати лет. Знай, что явной стала правда и сокрылось ложное, и господь наш поднял покровы с того, кто украл вещи халифа,— это Ахмед Камаким — вор и обманщик, и он теперь заточен в тюрьме и закован в цепи. Узнай, что это я послала тебе камень и положила его для тебя в мешок, который был в лавке, и это я прислала капитана, который привез тебя

и камень. Знай, что этот капитан любит меня и привязан ко мне и требовал от меня близости, но я не соглашалась дать ему овладеть собою и сказала ему: «Я отдамся тебе во власть лишь тогда, когда ты привезешь мне камень и его обладателя». И я дала ему сто мешков денег и послала его в обличье купца, хотя он капитан, а когда тебя подвели для убийства, после того как убили сорок пленников, с которыми был и ты, я послала к тебе ту старуху».— «Да воздаст тебе Аллах за нас всяким благом, и прекрасно то, что ты сделала!» — воскликнул Ала-ад-дин.

А после этого Хусн Мариам снова приняла ислам с помощью Ала-ад-дина; и, узнав истинность ее слов, Ала-ад-дин сказал ей: «Расскажи мне, каково достоинство этого камня и откуда он». А Хусн Мариам сказала: «Этот камень — из сокровища, охраняемого талисманом, и в нем пять достоинств, которые будут нам полезны в свое время. Моя госпожа и бабка, мать моего отца, была колдуньей, разгадывавшей загадки и похищавшей то, что хранится в кладах, и к ней попал этот камень из одного клада. И когда я выросла и достигла возраста четырнадцати лет, я прочитала Евангелие и другие книги, и увидела имя Мухаммеда — да благословит его Аллах и да приветствует! — в четырех книгах: в Торе, в Евангелии, в псалмах и аль-фуркане, и уверовала в Мухаммеда, и стала мусульманкой, и убедилась разумом, что не должно поклоняться, поистине, никому, кроме Аллаха великого, и что господу людей не угодна никакая вера, кроме ислама. А моя бабушка, когда заболела, подарила мне этот камень и осведомила меня о том, какие в нем пять достоинств. И прежде чем моей госпоже и бабке умереть, мой отец сказал ей: «Погадай мне на доске с песком и посмотри, каков будет исход моего дела и что со мною случится». И она сказала ему: «Наш царь, убитый пленным, который прибудет из аль-Искандарии». И мой отец поклялся, что убьет всякого пленника, который прибудет оттуда, и осведомил об этом капитана, и сказал ему: «Непременно налетай на корабли мусульман и нападай на них, и всякого, кого ты увидишь из жителей аль-Искандарии, убивай или приводи ко мне». И капитан последовал приказанию царя и убил столько людей, сколько волос у него на голове.

И моя бабка умерла, и я выросла и погадала для себя на песке, и задумала про себя кое-что, и сказала: «Увидать бы, кто на мне женится!» И мне вышло, что на мне не женится никто, кроме одного человека, по имени Ала-ад-дин Абу-ш-Шамат, верный и надежный. И я подивилась этому

и ждала, пока не пришла пора и я не встретилась с тобою».

Потом Ала-ад-дин женился на царевне и сказал ей: «Я хочу отправиться в свои земли»; и она ответила: «Если так, вставай, пойдем со мной!» — и она взяла Ала-ад-дина и спрятала его в одной из комнат дворца. А затем она вошла к своему отцу, и тот сказал ей: «О дочь моя, я сегодня очень удручен. Садись же, мы с тобой выпьем вина!»

И она села, а царь велел подать вина, и царевна стала наливать, и поила его, пока он не опьянел, а потом она положила ему в кубок дурмана, и царь выпил кубок и упал без сознания.

И тогда царевна пришла к Ала-ад-дину, вывела его из той комнаты и сказала: «Вставай, пойдем, твой противник лежит без чувств, делай же с ним, что захочешь, я напоила его и одурманила».

И Ала-ад-дин вошел и, увидев, что царь одурманен, крепко скрутил ему руки и заковал его, а потом он дал ему средство против дурмана, и царь очнулся и увидал Ала-ад-дина и свою дочь сидящими у него на груди. «О дочь моя, почему ты делаешь со мною такие дела?» — сказал царь своей дочери; и она ответила: «Если я твоя дочь, то прими ислам. Я сделалась мусульманкой, и мне стала ясна истина, которой я придерживаюсь, и ложь, которой я сторонюсь. Я предала свой лик Аллаху, господу миров, и я не причастна ни к какой вере, противной вере ислама, ни в здешней жизни, ни в будущей. И если ты примешь ислам — в охоту и в удовольствие, а если нет — быть убитым тебе подобает более, чем жить».

И Ала-ад-дин тоже стал убеждать царя, но тот отказался и был непокорен, и тогда Ала-ад-дин вынул кинжал и перерезал царю горло от уха до уха. И он написал бумагу с изложением того, что было, и положил ее царю на лоб, а потом он взял то, что легко по весу и дорого ценится, и они вышли из дворца и отправились в церковь.

И царевна принесла камень и положила руку на ту сторону, где было вырезано ложе, и потерла ее, и вдруг ложе встало перед нею.

И царевна с Ала-ад-дином и с его женой Зубейдой-лютнисткой села на это ложе и воскликнула: «Заклинаю тебя теми именами, талисманами и волшебными знаками, что написаны на этом камне, поднимись с нами, о ложе!»

И ложе поднялось и полетело с ними до долины, где не было растительности; и тогда царевна подняла к небу остальные четыре стороны камня и повернула вниз ту

сторону, где было написано «ложе», и ложе опустилось с ними на землю вниз.

И царевна повернула камень той стороной, где было нарисовано изображение шатра, и ударила по ней и сказала: «Пусть встанет в этой долине шатер!» И шатер встал перед ними, и они уселись в нем.

А это была долина пустынная, без всякой растительности и воды. И царевна обратила камень четырьмя сторонами к небу и воскликнула: «Во имя Аллаха, пусть вырастут здесь деревья и потечет возле них море!» И деревья тотчас же выросли, и возле них потекло шумное море, где бьются волны. И путники омылись в нем, и помолились, и напились, а затем царевна обратила к небу три стороны камня, кроме той, на которой было изображение скатерти с кушаньями, и сказала: «Ради имени Аллаха, пусть накроется скатерть!» И вдруг появилась накрытая скатерть, где были всякие роскошные кушанья, и путники стали есть и пить, и насладились, и возликовали.

Вот что было с ними. Что же касается сына царя, то он пришел разбудить отца и увидел, что тот убит. Он нашел бумажку, которую написал Ала-ад-дин, и прочитал ее и понял, что там было: а затем он стал искать свою сестру и не нашел ее. И он отправился к старухе в церковь, и нашел ее, и спросил про сестру; и старуха сказала: «Со вчерашнего дня я ее не видела».

И тогда царевич вернулся к войскам и воскликнул: «На коней, о владельцы их!» — и рассказал воинам о том, что случилось; и они сели на коней и ехали, пока не приблизились к тому шатру. И Хусн Мариам поднялась и увидела пыль, которая заслонила края земли, и после того, как пыль поднялась, улетела и рассеялась, вдруг появился брат царевны со своими воинами, и они кричали: «Куда ты направляешься, когда мы сзади вас?»

И женщина спросила Ала-ад-дина: «Насколько крепки твои ноги в боях?» И Ала-ад-дин ответил: «Как колышек в отрубях: я не умею биться и сражаться и не знаю мечей и копий».

И тогда Хусн Мариам вынула камень и потерла ту сторону, на которой был изображен конь и всадник, — и вдруг из пустыни появился всадник, и он до тех пор дрался с воинами и бил их мечом, пока не разбил их и не прогнал.

И после этого та женщина сказала Ала-ад-дину: «Поедешь ты в Каир или в аль-Искандарию?» Ала-ад-дин отвечал: «В аль-Искандарию». И тогда они сели на ложе,

и женщина произнесла заклинания, и ложе подняло их и в мгновение ока опустилось в аль-Искандарии.

И Ала-ад-дин привел женщин в пещеру, и пошел в аль-Искандарию, и принес им одежду, и надел ее на них, и отправился в ту лавку с комнатой; а потом он вышел, чтобы принести им обед, и вдруг видит: начальник Ахмед ад-Данаф едет из Багдада.

И Ала-ад-дин увидел его на дороге, и встретил его объятиями, и приветствовал его, и сказал: «Добро пожаловать!» А потом Ахмед ад-Данаф обрадовал его вестью о его сыне Аслане и рассказал ему, что тот достиг возраста двадцати лет.

И Ала-ад-дин поведал ему обо всем, что с ним случилось, от начала до конца, и взял его в лавку с комнатой; и Ахмед ад-Данаф удивился всему этому до крайних пределов.

И они проспали эту ночь до утра, а утром Ала-ад-дин продал лавку и приложил плату за нее к тому, что у него было. А затем Ахмед ад-Данаф рассказал Ала-ад-дину, что халиф его требует, и Ала-ад-дин сказал: «Я еду в Каир, чтобы пожелать мира моему отцу и матери и родным». И все они сели на ложе и отправились в Каир-счастливый.

Они спустились по Желтой улице, так как их дом находился в этом квартале, и постучали в ворота своего дома.

И мать Ала-ад-дина спросила: «Кто у ворот после утраты любимых?» И Ала-ад-дин ответил: «Я, Ала-ад-дин!» И его родные вышли и заключили его в объятия, а потом он ввел в дом свою жену и внес то, что с ним было, и после этого вошел сам вместе с Ахмедом ад-Данафом.

И они отдыхали три дня, и затем Ала-ад-дин пожелал отправиться в Багдад, и отец его сказал ему: «Останься, сын мой, у меня!» Но Ала-ад-дин ответил: «Я не могу быть в разлуке с моим сыном Асланом».

И он взял отца и мать с собою, и они отправились в Багдад. И Ахмед ад-Данаф вошел к халифу и обрадовал его вестью о прибытии Ала-ад-дина, и рассказал ему его историю, и халиф вышел его встречать и взял с собой его сына Аслана.

И они встретили Ала-ад-дина объятиями, и халиф велел привести Ахмеда Камакима-вора, и его привели; и когда он предстал перед халифом, тот сказал: «О Ала-ад-дин, вот тебе твой противник!» И Ала-ад-дин вытащил меч и, ударив Ахмеда Камакима, отрубил ему голову.

И халиф устроил Ала-ад-дину великолепную свадьбу,

после того как явились судьи и свидетели и был написан его договор с Хусн Мариам. И Ала-ад-дин вошел к ней и увидел, что она жемчужина, еще не сверленная.

А потом халиф сделал его сына Аслана главой шестидесяти и наградил их всех роскошными одеждами, и жили они блаженнейшей и приятнейшей жизнью, пока не пришла к ним смерть — Разрушительница наслаждений и Разлучительница собраний.

РАССКАЗ
О МАНЕ ИБН ЗАИДА

В один из дней Ман ибн Заида был на охоте и захотел пить, но не нашел у своих слуг воды. И когда это было так, вдруг подошли к нему три девушки, которые несли три бурдюка с водой, и Ман попросил у них напиться, и они напоили его. И он приказал, чтобы слуги принесли девушкам подарки, но у них не нашлось денег, и тогда он дал каждой девушке по десять стрел из своего колчана, наконечники которых были из золота.

И одна девушка сказала своей подруге: «Послушай, только Ман ибн Заида способен на такое. Пусть каждая из нас скажет стихи в похвалу ему».

И первая девушка сказала:

«Концы золотые приделал он к стрелам
И стрелы направил к враждебным пределам;

Несут они раненым выздоровленье
И саваны павшим в стремлении смелом».

А вторая сказала:

«Благороден и отважен воитель,
Добрый предводитель и щедрый мститель;

У всех его стрел концы золотые,
И в пылу сражения он — даритель».

И третья сказала:

«У стрел боевых золотые концы,
От щедрого мчатся такие гонцы;

И раненый сможет лекарство купить,
И в саванах будут лежать мертвецы».

И говорят, что Ман ибн Заида выехал со своими людьми на охоту, и к ним приблизилась стая газелей. И охотники рассеялись, преследуя их, и Ман отделился от своих спутников в погоне за газеленком. Настигнув его, он спешился, и прирезал газеленка, и увидел вдруг какого-то человека, который ехал из пустыни на осле. И Ман сел на своего коня, и поехал навстречу этому человеку, и приветствовал его, и спросил: «Откуда ты?» И человек ответил: «Я из земли Кудаа. Уже несколько лет там неурожай, но в этом году собрали кое-что. И я посеял огурцы, и они уродились не в срок, и я собрал огурцы, которые считал наилучшими, и отправился к эмиру Ману ибн Заида, зная его щедрость и милость, о которой повествуют повсюду».— «Сколько ты надеялся получить от него?» — спросил Ман. И человек ответил: «Тысячу динаров».— «А если он скажет тебе: это много?» — спросил Ман. «Пятьсот динаров»,— ответил человек. «А если он скажет: много?» — спросил Ман. «Триста динаров»,— ответил человек. «А если он скажет: много?» — продолжал Ман. «Двести динаров»,— сказал человек. «А если он скажет: много?» — спросил Ман. И человек ответил: «Сто динаров».— «А если он скажет: много?» — молвил Ман. И человек ответил: «Пятьдесят динаров».— «А если он скажет: много?» — спросил Ман. И человек ответил: «Тридцать динаров».— «А если он скажет: много?» — спросил Ман. «Тогда я поставлю своего осла в его гарем и вернусь к своей семье обманувшийся, с пустыми руками!» — ответил человек.

И Ман засмеялся и, погнав коня, настиг своих воинов, а спешившись около своего жилища, он сказал привратнику: «Когда к тебе подъедет на осле человек с огурцами, введи его ко мне». И через час подъехал этот человек, и привратник разрешил ему войти. Войдя к эмиру Ману, этот человек не узнал, что это тот, кого он встретил в пустыне, из-за его величавого и благородного вида и большого количества слуг и челяди (Ман сидел на престоле, и его слуги стояли справа от него и слева и впереди его).

И когда этот человек приветствовал эмира, тот сказал ему: «Что привело тебя, о брат арабов?» И человек молвил: «Я надеялся на эмира и принес ему огурцы, когда им не время».— «Сколько ты рассчитывал получить от нас?» — спросил Ман. «Тысячу динаров»,— ответил человек. И Ман сказал: «Это много!» — «Пятьсот динаров!» — сказал человек. И Ман ответил: «Много!» — «Триста динаров»,— сказал человек. И Ман отвечал: «Много!» — «Двести динаров»,— сказал человек. И Ман отвечал: «Мно-

го!» — «Сто динаров», — сказал человек. И Ман отвечал: «Много!» — «Пятьдесят динаров», — сказал человек. И Ман отвечал: «Много!» — «Тридцать динаров», — сказал человек. И Ман отвечал: «Много!»

И тогда прибывший воскликнул:

«Клянусь Аллахом, тот человек, который меня встретил в пустыне, был злосчастным! Но не дашь же ты мне меньше, чем тридцать динаров?» И Ман засмеялся и промолчал, и тогда араб понял, что это — тот человек, который ему встретился в пустыне, и сказал: «О господин, если ты не велишь принести тридцать динаров, то вон осел привязан у ворот, а вот сидит Ман!»

И Ман так рассмеялся, что упал навзничь, а потом он позвал своего поверенного и сказал: «Дай ему тысячу динаров, и пятьсот динаров, и триста динаров, и двести динаров, и сто динаров, и пятьдесят динаров, и тридцать динаров, и пусть осел остается привязанным на том же месте!»

И араб был ошеломлен, и он получил две тысячи сто динаров и восемьдесят динаров, и да будет милость Аллаха над ними всеми!

РАССКАЗ ОБ ИСХАКЕ МОСУЛЬСКОМ

Рассказывают, что Исхак Мосульский говорил: «Однажды вечером я вышел от аль-Мамуна, направляясь домой, и меня стеснило желание помочиться, и я направился в переулок и встал помочиться, боясь, что мне что-нибудь повредит, если я присяду около стен. И я увидел какой-то предмет, подвешенный к дому, и потрогал его, чтобы узнать, что это такое, и увидел, что это большая корзина с четырьмя ушками, покрытая парчой. «Этому непременно должна быть причина!» — сказал я про себя и впал в замешательство, не зная, что делать.

И опьянение побудило меня сесть в эту корзину, и вдруг владельцы дома потянули ее вместе со мной, думая, что я тот, кого они поджидали. И они подняли корзину к верхушке стены, и вдруг, я слышу, четыре невольницы говорят мне: «Выходи, простор тебе и уют!» И одна невольница

шла передо мной со свечкой, пока я не спустился в дом, где были убранные комнаты, подобных которым я не видел нигде, кроме халифского дворца. И я сел, и не успел я опомниться, как подняли занавески на одной стороне стены, и вдруг появились прислужницы, которые шли, держа в руках свечи и жаровни с куреньями из какуллийского алоэ, и посреди них шла девушка, подобная восходящей луне. И я поднялся, а она сказала: «Добро пожаловать тебе, о посетитель!» И затем она посадила меня и стала меня расспрашивать, какова моя история, и я сказал: «Я вышел от одного из моих друзей в позднее время, и по дороге меня прижала нужда помочиться. И я свернул в этот переулок и увидел брошенную корзину, и хмель посадил меня в нее, и корзину со мной подняли в этот дом, и вот то, что со мной было. «Тебе не будет вреда, и я надеюсь, что ты восхвалишь последствия твоего дела»,— сказала женщина. А затем она спросила меня: «Каково твое ремесло?» — «Я купец на рынке Багдада»,— ответил я. «Знаешь ли ты какие-нибудь стихи?» — спросила она, и я ответил: «Я знаю кое-что незначительное». И девушка молвила: «Напомни из этого что-нибудь». Но я отвечал: «Приходящий теряется, начни ты».— «Ты прав»,— ответила девушка и произнесла нежные стихотворения, из тех, что сказаны древними и новыми, и было это из числа лучших их слов, а я слушал и не знал, дивиться ли ее красоте и прелести или тому, как она хорошо говорит. «Прошла охватившая тебя растерянность?» — спросила потом девушка. И я ответил: «Да, клянусь Аллахом!» И тогда она сказала: «Если хочешь, скажи мне что-нибудь из того, что ты знаешь». И я сказал ей столько стихов древних поэтов, что этого было достаточно. И девушка одобрила меня и воскликнула: «Клянусь Аллахом, я не думала, что среди детей лавочников найдется подобный тебе!» А затем она приказала подать кушанья. И их принесли, и она стала брать их и ставить передо мной (а в комнате были разные цветы и диковинные плоды, которые бывают только у царей). А потом она велела подать вино, и выпила кубок, и подала кубок мне, и сказала: «Теперь время для беседы и рассказов».

И я пустился с нею беседовать и говорил: «Дошло до меня, что было то-то и то-то, говорил некий человек то-то...» — и рассказал ей множество хороших рассказов. И женщина развеселилась от этого и сказала: «Поистине, я дивлюсь, как это человек из купцов помнит такие рассказы. Это ведь из бесед с царями».— «У меня был сосед, который беседовал с царями и был их надимом,— отвечал

я,— и когда он бывал не занят, я заходил к нему в дом, и он нередко мне рассказывал то, что ты слышала».— «Клянусь жизнью, ты хорошо запомнил!» — воскликнула девушка. И затем мы стали беседовать, и всякий раз, как я замолкал, начинала она, пока мы не провели так бо́льшую часть ночи, и пары алоэ благоухали.

И я был в таком состоянии, что если бы аль-Мамун мог его себе представить, он бы, наверное, взлетел, стремясь к нему. «Поистине, ты из самых тонких и остроумных людей, так как обладаешь редким мужеством,— сказала девушка.— Но теперь остается только одна вещь».— «Что же это?» — спросил я. И она молвила: «Если бы ты умел петь стихи под лютню!» — «Я предавался этому занятию в прошлом, но, не добившись удачи, отвернулся от него, хотя в моем сердце был жар, и мне бы хотелось получше исполнить что-нибудь в этой комнате, чтобы эта ночь стала совершенной»,— ответил я. И девушка сказала: «Ты как будто намекнул, чтобы принесли лютню?» — «Тебе решать, ты милостива, и это будет от тебя добром»,— молвил я.

И девушка велела принести лютню и спела таким голосом, равного которому по красоте я не слыхивал, с хорошим уменьем, отличным искусством в игре и превосходным совершенством. «Знаешь ли ты, чья это песня, и знаешь ли ты, чьи стихи?» — спросила девушка. «Нет»,— отвечал я. И она сказала: «Стихи такого-то, а напев — Исхака».— «А разве Исхак — да будет моя жизнь выкупом за тебя — так искусен?» — спросил я. «Ах, ах! — воскликнула девушка.— Исхак выделяется в этом деле!» — «Слава Аллаху, который даровал этому человеку то, чего не даровал никому!» — молвил я. И девушка сказала: «А что бы было, если бы ты услышал эту песню от него!»

И мы продолжали проводить так время, а когда показалась заря, подошла к девушке старуха — как будто ее старая кормилица — и сказала: «Время пришло!» И при этих словах девушка поднялась и молвила: «Скрывай то, что с нами было, так как собрания охраняются скромностью!» И я воскликнул: «Пусть буду я за тебя выкупом!» — «Мне не нужно наставлений!»

И потом я простился с девушкой, и она послала невольницу, которая шла передо мной до ворот дома и открыла мне, и я вышел и направился домой. И я сотворил утреннюю молитву и поспал, и ко мне пришел посланный от аль-Мамуна, и я пошел к нему и оставался весь день у него. Когда же пришло время вечера, я стал думать о том, что

было со мной накануне — а это дело, от которого удержится только глупый,— и вышел, и пришел к корзине, и сел в нее, и меня подняли в то место, где я был накануне. «Ты стал прилежен»,— сказала девушка. И я воскликнул: «Я думаю, что был лишь небрежен!»

И затем мы принялись разговаривать, как делали в прошлую ночь, и беседовали, и говорили стихи, и рассказывали диковинные истории — она мне, а я ей — до самой зари. А потом я ушел домой и совершил утреннюю молитву и поспал, и ко мне пришел посланный от аль-Мамуна, и я отправился к нему и оставался весь день у него. И когда наступил вечер, повелитель правоверных сказал мне: «Заклинаю тебя, посиди, пока я схожу по делу и приду». И когда халиф ушел и скрылся, беспокойство поднялось во мне, и я вспомнил о том, что со мною было, и ничтожным показалось мне то, что достанется мне от повелителя правоверных. И я вскочил, чтобы уйти, и вышел бегом, и пришел к корзине, и сел в нее, и ее подняли со мною в комнату, и девушка сказала мне: «Может быть, ты наш друг?» И я воскликнул: «Да, клянусь Аллахом!» — «Ты сделал наш дом постоянным местопребыванием?» — спросила она. И я ответил: «Пусть буду я за тебя выкупом! Право на гостеприимство длится три дня, а если я вернусь после этого, моя кровь будет вам дозволена».

И потом мы сидели, как и прежде, а когда время приблизилось, я понял, что аль-Мамун непременно меня спросит и удовлетворится, только узнав всю мою историю. И я сказал девушке: «Я вижу, ты из тех, кому нравится пение, а у меня есть двоюродный брат, который красивее меня лицом, почетнее саном и более образован, и он лучше всех созданий Аллаха великого знает Исхака».— «Разве ты блюдолиз?» — спросила девушка. И я молвил: «Ты властна решать в этом деле». И она сказала: «Если твой двоюродный брат таков, как ты его описываешь, знакомство с ним не будет нам неприятно».

А потом пришло время, и я поднялся и ушел и направился домой, но я не дошел еще до дому, как посланные аль-Мамуна ринулись на меня, и грубо меня подняли, и повели к нему. И я увидел, что он сидит на скамеечке, разгневанный на меня. «О Исхак, ты выходишь из повиновения!» — молвил он. И я сказал: «Нет, клянусь Аллахом, о повелитель правоверных!» И он спросил: «Какова же твоя история? Расскажи мне правду».— «Хорошо, но только наедине»,— отвечал я. И аль-Мамун кивнул тем, кто стоял перед ним, и они отошли в сторону, и тогда я расска-

зал ему всю историю и сказал: «Я обещал ей, что ты придешь». И аль-Мамун отвечал: «Ты хорошо сделал».

А потом мы провели в наслаждениях весь день, и сердце аль-Мамуна привязалось к той девушке. И нам не верилось, что пришло время, и мы отправились, и я наставлял аль-Мамуна и говорил ему: «Воздерживайся называть меня перед ней по имени — в ее присутствии я твой провожатый».

И мы условились об этом и шли, пока не достигли того места, где была корзина, и нашли там две корзины, и сели в них, и их подняли с нами в уже знакомое место. И девушка подошла и приветствовала нас, и, увидав ее, аль-Мамун впал в замешательство из-за ее красоты и прелести. И девушка принялась рассказывать ему предания и говорить стихи, а затем принесла вино, и мы стали пить, и девушка была приветлива с аль-Мамуном и радовалась ему, и он тоже был с нею приветлив и радовался ей.

Девушка взяла лютню и пропела песню, а потом спросила меня: «И твой двоюродный брат тоже из купцов?» — указав на аль-Мамуна. «Да»,— ответил я, и она сказала: «Поистине, вы близки друг к другу по сходству!» И я отвечал ей: «Да!»

А когда аль-Мамун выпил три ритля, в него вошли радость и восторг, и он воскликнул: «О Исхак!» И я ответил ему: «Я здесь, о повелитель правоверных!» — «Спой эту песню!» — сказал аль-Мамун.

И когда девушка узнала, что это халиф, она направилась в одну из комнат и вошла туда. А когда я кончил петь, халиф сказал мне: «Посмотри, кто хозяин этого дома». И какая-то старуха поспешила ответить и молвила: «Он принадлежит аль-Хасану ибн Сахлю».— «Ко мне его!» — воскликнул халиф, и старуха на минуту скрылась, и вдруг явился аль-Хасан. И аль-Мамун спросил его: «Есть у тебя дочь?» — «Да, ее зовут Хадиджа»,— отвечал аль-Хасан. «Она замужем?» — спросил аль-Мамун, и аль-Хасан ответил: «Нет, клянусь Аллахом!» И аль-Мамун сказал: «Тогда я сватаю ее у тебя».— «Она твоя невольница, и власть над нею принадлежит тебе, о повелитель правоверных»,— ответил аль-Хасан. И халиф молвил: «Я женюсь на ней за приданое в тридцать тысяч динаров наличными деньгами, которые отнесут к тебе сегодня под утро, и когда ты получишь деньги, доставь нам твою дочь к вечеру». И ибн Сахль отвечал: «Слушаю и повинуюсь!»

И потом мы вышли, и халиф сказал мне: «О Исхак, не

рассказывай никому эту историю!» И я скрывал ее, пока аль-Мамун не умер. И ни над кем не соединилось столько, сколько соединилось надо мной в эти четыре дня,— я сидел с аль-Мамуном днем и сидел с Хадиджей ночью, и, клянусь Аллахом, я не видел среди мужей человека, подобного аль-Мамуну, и не знавал среди женщин девушки, подобной Хадидже,— нет, даже близкой к Хадидже по сообразительности, разуму и речам, а Аллах знает лучше!»

РАССКАЗ О МУСОРЩИКЕ И ЖЕНЩИНЕ

Рассказывают также, что было время паломничества, и люди совершали обход, и когда народ толпился на дороге, вдруг один человек уцепился за покровы Каабы и стал говорить из глубины сердца: «Прошу тебя, Аллах, чтобы она рассердилась на своего мужа и я познал бы ее!»

И его услышало множество паломников, и его схватили и привели к начальнику паломничества, после того как досыта накормили его ударами, сказали: «О эмир, мы нашли этого в почитаемых местах, и он говорил то-то и то-то!

И начальник паломничества велел его повесить, и тот человек сказал: «О эмир, ради посланника Аллаха,— да благословит его Аллах и да приветствует! — выслушай мою историю и мой рассказ, а после этого делай со мной что хочешь».— «Рассказывай!» — молвил эмир. И человек сказал: «Знай, о эмир, что я мусорщик и работаю на скотобойне и вывожу кровь и грязь на свалку. И случилось мне в один день вести моего осла, который был нагружен, и я увидел, что люди бегут, и один из них мне сказал: «Зайди в этот переулок, чтобы тебя не убили». И я спросил: «Что это люди бегут?» И кто-то из слуг сказал мне: «Это гарем какого-то вельможи, и евнухи отгоняют с дороги и бьют всех подряд, без разбора». И я завел осла в переулок, и стоял, ожидая, пока разойдется толпа. И я увидел евнухов с палками в руках и с ними около тридцати женщин, среди

которых была одна, подобная ветви ивы или жаждущей газели, и она была совершенна по красоте, изяществу и изнеженности, и все ей прислуживали. И, дойдя до ворот того переулка, где я стоял, эта женщина взглянула направо и налево, а затем позвала одного евнуха. И когда тот предстал перед ней, сказала ему что-то на ухо, и вдруг евнух подошел ко мне и схватил меня, и люди разбежались. И вдруг другой евнух взял моего осла и увел его, а потом евнух подошел и связал меня веревкой и потащил меня за собою, и я не знал, в чем дело, а люди, что стояли за нами, кричали и говорили: «Аллах этого не позволяет! Это мусорщик, бедняк, почему его связали веревками?» И они говорили евнухам: «Пожалейте его, пожалеет вас Аллах, и отпустите его!» А я говорил про себя: «Евнухи схватили меня только потому, что их госпожа почувствовала запах грязи и ей стало противно, или она беременная, или ей сделалось нехорошо. Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого!»

И я до тех пор шел за ними, пока они не достигли ворот большого дома, и они вошли туда, а я за ними, и меня вели до тех пор, пока я не пришел в большую комнату,— не знаю, как описать ее красоту,— и она была устлана великолепными коврами. И затем женщины вошли в эту комнату (а я был около евнуха, связанный), и сказал себе: «Они непременно будут меня пытать в этом доме, пока я не помру. И не узнает о моей смерти никто!»

И потом меня отвели в прекрасную баню внутри дома, и, когда я был в бане, вдруг вошли три невольницы, и сели вокруг меня, и сказали: «Сними твои тряпки». И я снял бывшие на мне лохмотья, и одна из девушек стала растирать мне ноги, а другая мыла мне голову, и третья разминала тело. А покончив с этим, они положили передо мной узел с одеждой и сказали: «Надень это!» И я воскликнул: «Клянусь Аллахом, я не знаю, как надеть!» И девушки подошли ко мне и одели меня, смеясь надо мною. А затем они принесли кувшины, полные розовой воды, и побрызгали на меня, и я вышел с ними в другую комнату, и, клянусь Аллахом, я не знаю, как ее описать, так много было в ней ценных украшений и ковров. А войдя в эту комнату, я увидел женщину, сидевшую на бамбуковом ложе (а ножки его были из слоновой кости), и перед нею было множество невольниц. И, увидав меня, она поднялась и позвала меня, и я подошел к ней, и она велела мне сесть, и я сел с нею рядом. И она приказала невольницам подать кушанья, и они мне подали роскошные кушанья всяких сортов, и я не

знаю, как они называются и в жизни не знавал ничего подобного. И я насытился вдоволь, а после того как убрали миски и вымыли руки, женщина велела принести плоды, и они тотчас же появились перед нею, и она приказала мне есть, и я поел, а когда мы кончили есть, она велела нескольким невольницам принести бутыли с вином. И они принесли вина разных сортов и затем разожгли в курильницах всевозможные курения. И одна невольница, подобная месяцу, стала поить нас под напевы струн, и я опьянел вместе с той госпожой, которая сидела, и все это происходило, а я думал, что это грезы и будто я во сне. А потом женщина сделала знак нескольким невольницам, чтобы нам постлали в одной из комнат, и нам постлали в том месте, где она велела. И женщина поднялась, и, взяв меня за руку, отвела туда, где было постлано, и легла, и я пролежал с нею до утра, и всякий раз, как я прижимал ее к груди, я чувствовал запах мускуса и благовоний и думал, что я не иначе как в раю и что я грежу во сне.

А наутро женщина спросила меня, где мое жилище, и я отвечал: «В таком-то месте». И она велела мне уходить и дала мне платок, обшитый золотом и серебром, и к нему было что-то привязано: «Ходи на это в баню»,— сказала она мне, и я обрадовался и сказал про себя: «Если в нем пять фельсов, то это мой обед на сегодняшний день».

И я вышел от этой женщины, как будто выходил из рая, и, придя в свой чулан, я развязал платок и нашел там пятьдесят мискалей золота. И я зарыл их, и сел у ворот, купив сначала на два фельса хлеба и приправы. Пообедав, я стал размышлять о своем деле, и просидел так до вечерней поры, и вдруг пришла невольница и сказала мне: «Моя госпожа тебя требует!»

И я пошел с невольницей к воротам того дома, и она спросила для меня позволения, и я вошел и поцеловал землю перед той женщиной, а она приказала мне сесть и велела принести кушанье и напитки, как обыкновенно, и затем я проспал с нею, согласно обычаю, установившемуся с прошлой ночи. А утром она дала мне второй платок с пятьюдесятью мискалями золота, и я взял его и вышел и, придя в чулан, зарыл золото. И я жил таким образом в течение восьми дней, приходя к ней каждый день вечером и выходя от нее в начале дня.

И когда я спал у нее восьмую ночь, вдруг вбежала невольница и сказал мне: «Вставай, поднимись в эту комнату!» И я поднялся в комнату и увидел, что она выходит

на самую дорогу. И я сидел, и вдруг послышался большой шум и топот коней в переулке; а в комнате было окно, возвышавшееся над воротами, и, посмотрев в него, я увидел юношу, подобного восходящему полному месяцу, верхом на коне, и перед ним были невольники и воины, которые шли, служа ему. И он подъехал к воротам, и спешился, и, войдя в комнату, увидел ту женщину сидящей на ложе, и поцеловал перед нею землю, а затем он подошел к ней и поцеловал ей руки, но она не заговорила с ним. И юноша не переставал перед нею унижаться, пока не помирился, и он проспал подле нее эту ночь, а когда настало утро, пришли к нему воины, и он выехал из ворот. И женщина поднялась ко мне и спросила: «Видел ли ты этого?» И я отвечал: «Да!» И она сказала: «Это мой муж. Но я расскажу тебе, что у меня с ним произошло. Случилось, что мы сидели с ним однажды в садике внутри дома, и вдруг он ушел от меня и отсутствовал долгое время. И я заждалась его и подумала: «Быть может, он в доме уединения». И пошла в дом уединения, но не нашла его. И я вошла в кухню и увидела невольницу и спросила ее о нем, и она показала мне на него, а он лежал с девушкой из кухонной прислуги. И тут я поклялась великой клятвой, что непременно совершу блуд с грязнейшим и нечистоплотнейшим из людей. И в тот день, когда евнух схватил тебя, было четыре дня, как я искала по городу когонибудь, кто бы был таков, и не нашла никого грязней и нечистоплотней тебя. И я позвала тебя, и было то, что было по приговору Аллаха над нами, и я освободилась от клятвы, которую дала». И потом она сказала мне: «А когда мой муж еще раз падет на девушку и будет лежать с нею, я снова призову тебя для того, что у тебя со мной было».

И когда я услышал от нее эти речи и она метнула мне в сердце стрелы своих глаз, мои слезы так потекли, что поранили мне очи. И я произнес слова поэта:

«Целуй меня слева,— к тебе я взываю;
Таких поцелуев я не забываю;

Запомни, что самое лучшее слева:
Я левой рукой свой срам обмываю».

И после этого она велела мне уходить от нее, и мне досталось от нее четыреста мискалей золота, и я расходую их. И я пришел сюда помолиться Аллаху,— слава ему и величие! — чтобы ее муж еще раз вернулся к невольнице — быть может, и я вернусь тогда к тому, что было».

И, услышав рассказ этого человека, начальник паломничества отпустил его и сказал присутствующим: «Ради Аллаха, молитесь за него — ему простительно».

РАССКАЗ О МЕШКЕ

Рассказывают также, что халиф Харун ар-Рашид в одну ночь из ночей был взволнован, и позвал он своего везиря, и когда тот предстал перед ним, сказал ему: «О Джафар, я сегодня ночью был охвачен великим беспокойством, и моя грудь стеснилась, и я хочу от тебя чего-нибудь, что обрадовало бы мое сердце и расправило бы мою грудь».— «О повелитель правоверных, у меня есть друг, по имени Али-персиянин, и он знает рассказы и увеселяющие повести, которые радуют душу и отгоняют от сердца дурное»,— сказал Джафар. И халиф воскликнул: «Ко мне его!» И Джафар отвечал: «Слушаю и повинуюсь!»

И потом Джафар вышел от халифа на поиски Али-персиянина, и послал за ним, и, когда Али явился, сказал ему: «Отвечай повелителю правоверных!» И Али отвечал: «Слушаю и повинуюсь!» — и отправился с Джафаром к халифу. И когда он предстал перед халифом, ар-Рашид позволил ему сесть, и он сел, и халиф сказал ему: «О Али, у меня стеснилась сегодня ночью грудь, а я слышал про тебя, что ты помнишь рассказы и повести, и хочу, чтобы ты мне рассказал что-нибудь, что прогонит мою заботу и развеселит мой ум».— «О повелитель правоверных, рассказать ли тебе то, что я видел собственными глазами, или то, что слышал?» — спросил Али. И халиф сказал: «Если ты что-нибудь видел, рассказывай!..» — «Слушаю и повинуюсь! — отвечал Али.— Знай, о повелитель правоверных, что я выехал в каком-то году из своего города — а это город Багдад,— и вместе со мной был слуга, у которого был небольшой мешок. Мы прибыли в один город, и, пока я там продавал и покупал, вдруг какой-то человек из курдов, жестокий преступник, набросился на меня, и отнял у меня мешок, и сказал: «Это мой мешок, и все, что там есть, мое

достоянье!» — «О собрание мусульман, освободите меня из рук нечестивейшего из обидчиков!» — закричал я, и все люди сказали: «Идите к кади и примите его приговор с удовлетворением». И мы отправились к кади, и я был согласен на его приговор. И когда мы вошли к кади и предстали перед ним, он спросил: «Из-за чего вы пришли и в чем ваше дело?» И я сказал: «Мы соперники и взываем к твоему суду, согласные на твой приговор».— «Который из вас жалобщик?» — спросил кади. Тогда курд выступил вперед и сказал: «Да поддержит Аллах владыку нашего — кади! Этот мешок — мой мешок, и все, что в нем есть,— мое достоянье. Он пропал, и я нашел его у этого человека».— «А когда он у тебя пропал?» — спросил кади. «Накануне, и я провел ночь без сна из-за его исчезновения»,— ответил курд. «Если ты узнал этот мешок, расскажи мне, что в нем есть»,— сказал кади. И курд ответил: «В этом мешке две серебряные иглы, и разная сурьма для глаз, и платок для рук, и я положил туда два позолоченных горшка и два подсвечника, и там находятся две палатки, два блюда, две ложки, две лампы, подушка, два ковра, два кувшина, поднос, два таза, котел, две кружки, поварешка, игольник, две торбы, кошка, две собаки, миска, два больших мешка, кафтан, две меховые шубы, корова, два теленка, коза, пара ягнят, овца, пара козлят, два зеленых шатра, верблюд, две верблюдицы, буйволица, пара быков, львица, два льва, медведица, две лисицы, скамеечка, два ложа, дворец, две беседки, сводчатый проход, два зала, кухня с двумя дверями и толпа курдов, которые засвидетельствуют, что этот мешок — мой мешок».— «Эй ты, а ты что скажешь?» — спросил кади. И я подошел к нему (а курд ошеломил меня своими речами) и сказал: «О повелитель правоверных! Да возвеличит Аллах нашего владыку кади! У меня в этом мешке только разрушенный домик, и другой без дверей, и собачья конура, и там школа для детей, и юноши, которые играют в кости, и палатки, и веревки, и город Басра, и Багдад, и дворец Шеддада, сына Ада, и горн кузнеца, и сеть рыбака, и палки, и колышки, и девушки, и юноши, и тысяча сводников, которые засвидетельствуют, что этот мешок — мой мешок».

И когда курд услышал эти слова, он заплакал, и зарыдал, и воскликнул: «О владыка наш кади, этот мешок известен, и все, что в нем есть, описано! В этом мешке укрепления и крепости, журавли, и львы, и люди, играющие в шахматы на досках, и в этом моем мешке кобыла, и два жеребенка, и жеребец, и два коня, и два длинных

копья, и там находится лев, два зайца, город, и две деревни, и девка, и два ловких всадника, и распутник в женском платье, и два висельника, и слепой, и два зрячих, и хромой, и два расслабленных, и священник с двумя дьяконами, и патриарх, и два монаха, и кади, и два свидетеля, которые засвидетельствуют, что этот мешок — мой мешок».— «Что ты скажешь, Али?» — спросил кади. И я исполнился гнева, о повелитель правоверных, и подошел к кади и сказал: «Да поддержит Аллах владыку нашего — кади! В этом моем мешке кольчуги, и лезвия, и кладовые с оружием, и тысяча бодливых баранов, и там пастбища для скота, и тысяча лающих псов, и сады, и виноградники, и цветы, и благовония, и смоквы, и яблоки, кувшины, и кубки, и картины, и статуи, и прекрасные невесты, и певицы, и свадьбы, и суета, и крик, и обширные области, и удачливые братья, и прекрасные товарищи — а с ними и мечи, и копья, и стрелы, и луки — и друзья, и любимые, и приятели, и товарищи, и клетки для орлов, и сотрапезники для питья, и тамбуры, и свирели, и знамена, и флаги, и дети, и девушки, и открытые невесты, и невольницы, певицы, и пять абиссинок, и три индуски, и четыре мединки, и двадцать румиек; пятьдесят турчанок, семьдесят персиянок, восемьдесят курдок и девяносто грузинок, и Тигр, и Евфрат, и сеть рыбака, и огниво, и кремень, и Ирем многостолбный, и тысяча распутников, и сводник, и ристалища, и стойла, и мечети, и бани, и каменщик, и столяр, и кусок дерева, и гвоздь, и черный раб с флейтой, и начальник, и стремянный, и города, и области, и сто тысяч динаров, и Куфа с аль-Анбаром, и двадцать сундуков, полных материи, и пятьдесят кладовых для припасов, и Газза, и Аскалон, и земля от Дамиетты до Асуана, и дворец Хосроя Ануширвана, и царство Сулеймана, и страны от долины Намана до земли Хорасана, и Балх, и Исфахан, и страна от Индии до Судана. И в нем — да продлит Аллах жизнь владыки нашего кади! — исподнее платье, и куски полотна, и тысяча острых бритв, которые обреют бороду кади, если он не побоится меня наказать и постановит, что этот мешок не мой».

И когда кади услышал мои слова, его ум смутился, и он воскликнул: «Я вижу, что вы оба просто скверные люди или безбожники, вы играете достоинством кади и законами и не боитесь порицаемого, так как не описывали описывающие и не слыхивали слышащие ничего удивительнее того, что вы сказали, и не говорил подобного этому говорящий! Клянусь Аллахом, от Китая до дерева Умм Гайлан, и от

стран персов до земли Судан, и от долины Намана до земли Хорасана не уместить того, о чем вы оба упомянули, и не поверит никто тому, что вы утверждаете! Разве этот мешок — море, у которого нет дна, или день Страшного суда, когда соберутся чистые и нечестивые?»

И потом кади велел открыть мешок, и я открыл его, и вдруг оказывается в нем хлеб, и лимон, и сыр, и маслины! И я бросил мешок перед курдом и ушел».

И когда халиф услышал от Али-персиянина этот рассказ, он упал навзничь от смеха и хорошо наградил его.

РАССКАЗ ОБ АБУ ЮСУФЕ

Рассказывают, что Джафар Бармакид однажды вечером разделял с ар-Рашидом трапезу, и ар-Рашид сказал ему: «О Джафар, до меня дошло, что ты купил такую-то невольницу, а я уже давно стремлюсь купить ее, так она прекрасна до предела, и мое сердце занято любовью к ней. Продай мне ее».— «Я ее не продам, о повелитель правоверных»,— ответил Джафар. «Ну так подари мне ее»,— молвил ар-Рашид. И Джафар сказал: «Не подарю!» И тогда ар-Рашид воскликнул: «Зубейда трижды разведена со мной, если ты не продашь мне невольницу или не подаришь мне ее!» И Джафар сказал: «Моя жена трижды разведена со мной, если я тебе продам эту невольницу или подарю ее тебе!»

А потом они опомнились от хмеля и поняли, что попали в великое дело, и были бессильны придумать какую-нибудь хитрость, и ар-Рашид воскликнул: «Вот происшествие, для которого не пригодится никто, кроме Абу Юсуфа!» И его потребовали, а это было в полночь, и когда посланный пришел, Абу Юсуф поднялся, испуганный, и сказал про себя: «Меня призывают в такое время только ради какого-нибудь дела, постигшего ислам!»

И он поспешно вышел, и сел на мула, и сказал своему слуге: «Возьми с собой торбу; может быть, мул не получил весь свой корм, и, когда мы приедем в халифский дворец, привяжи ему торбу, и он будет есть оставшийся корм, пока

я не выйду, если он не получил всего корма сегодня вечером». И слуга отвечал: «Слушаю и повинуюсь!»

И когда Абу Юсуф вошел к ар-Рашиду, тот встал перед ним и посадил его на ложе с собою рядом (а он не сажал с собою никого, кроме него) и сказал ему: «Мы потребовали тебя в такое время лишь для важного дела, и оно обстоит так-то и так-то, и мы бессильны придумать какую-нибудь хитрость».— «О повелитель правоверных,— сказал Абу Юсуф,— это дело самое легкое, какое бывает! О Джафар,— молвил он,— продай повелителю правоверных половину невольницы и подари ему половину, и вы оба исполните таким образом клятву».

И повелитель правоверных обрадовался, и оба сделали так, как велел им Абу Юсуф, а затем ар-Рашид воскликнул: «Приведите невольницу сейчас же — я сильно тоскую по ней!» И, когда невольницу привели к нему, он сказал кади Абу Юсуфу: «Я хочу познать ее теперь же, я не могу терпеть, пока пройдет законный срок очищения! Как быть?» — «Приведите мне одного из невольников повелителя правоверных, которые еще не были освобождены!» — сказал Абу Юсуф. И когда ему привели невольника, он молвил: «Позволь мне женить его на невольнице, а потом он с ней разведется, не входя к ней, и тебе будет дозволено познать ее сейчас же, без срока очищения».

И это понравилось ар-Рашиду больше, чем первая хитрость, и, когда невольник явился, халиф сказал кади: «Я позволяю тебе заключить ее брачный договор». И кади сделал обязательным для невольника брак, и тот принял условие. И после этого кади сказал ему: «Разведись с нею, и тебе будет сто динаров». Но невольник воскликнул: «Не сделаю!» И кади все прибавлял ему, а он отказывался, пока Абу Юсуф не предложил ему тысячу динаров. И тогда невольник спросил кади: «Развод в моих руках, или в твоих руках, или в руках повелителя правоверных?» И кади ответил: «Да, он в твоих руках». И невольник воскликнул: «Клянусь Аллахом, я никогда этого не сделаю!» И гнев повелителя правоверных усилился, и он воскликнул: «Где хитрость, о Абу Юсуф?» И кади Абу Юсуф сказал: «О повелитель правоверных, не печалься — дело ничтожное! Отдай невольника во владение этой невольнице».— «Я отдал его ей во владение»,— молвил халиф. И кади сказал невольнице: «Скажи: «Принимаю!» И невольница сказала: «Принимаю!» И тогда кади воскликнул: «Я постановляю их разлучить, так как невольник перешел во владение невольницы и брак оказался расторгнутым!»

И повелитель правоверных встал на ноги и воскликнул: «Подобный тебе должен быть кади во время моей жизни!» И он приказал принести подносы с золотом, и их принесли и высыпали перед ним, и халиф спросил кади: «Есть с тобою что-нибудь, во что положить золото?»

И кади вспомнил о торбе мула и велел ее принести, и торбу наполнили золотом, и кади взял ее и уехал домой, а когда наступило утро, он сказал своим друзьям: «Нет пути к вере и благам мира легче и ближе, чем путь знания,— я получил эти большие деньги за два или три вопроса».

Посмотри же, о поучающийся, как интересно это происшествие: в нем заключаются красивые черты — свобода обращения везиря с ар-Рашидом, мудрость халифа и еще большая мудрость кади. Да помилует же Аллах великий души их всех!

РАССКАЗ О ХАЛИДЕ ИБН АБДАЛЛАХЕ АЛЬ-КАСРИ

Рассказывают также, что Халид ибн Абдаллах аль-Касри был эмиром Басры и к нему пришла толпа людей, которые вцепились в юношу, обладавшего блестящей красотой, явной образованностью и великим умом; его облик был красив, и от него хорошо пахло, и отличался он спокойствием и достоинством.

И юношу подвели к Халиду, и тот спросил, какова его история, и ему сказали: «Это вор, которого мы застигли вчера в нашем жилище».

И Халид посмотрел на юношу, и ему понравилась его красота и чистота его одежды. «Отпустите его!» — сказал он, и подошел к юноше, и спросил, какова его история, и юноша сказал: «Эти люди были правдивы в том, что говорили, и дело обстоит так, как они сказали».— «Что побудило тебя на это, когда ты красиво одет и прекрасен внешностью?» — спросил его Халид, и юноша сказал: «Меня побудили на это жадность к мирским благам и приговор Аллаха — слава ему и величие!» — «Да потеряет тебя твоя мать! Разве не было в красоте твоего лица, в совершенстве твоего ума и в прекрасной образованности для тебя запрета,

который бы удержал тебя от воровства?» — воскликнул Халид. «Оставь это, о эмир, и исполни то, что повелел Аллах великий,— это воздаяние за то, что стяжали мои руки, и Аллах не обидчик для рабов»,— сказал юноша.

И Халид молчал некоторое время, раздумывая о его деле, а затем он велел ему приблизиться и сказал: «Твое признание в присутствии свидетелей меня смущает, и я не думаю, что ты вор. Может быть, у тебя есть какая-нибудь история, кроме кражи? Расскажи мне ее».— «О эмир,— сказал юноша,— пусть не западет тебе в душу что-нибудь, кроме того, в чем я перед тобою признался. У меня нет истории, которую я бы мог тебе рассказать, кроме того, что я вошел в дом этих людей и украл, что мог, и меня настигли, и отняли от меня украденное, и привели меня к тебе».

И Халид велел заточить юношу и приказал глашатаю кричать в Басре: «Эй, кто хочет посмотреть, как будут наказывать такого-то вора и отрежут ему руку, пусть придет с утра в такое-то место!» И когда юноша расположился в тюрьме и ему на ноги наложили железо, он испустил глубокие вздохи, и пролил слезы, и произнес такие стихи:

«Пускай мне выносит Халид приговор,
Пусть я пострадаю, как пойманный вор,

Вовеки не выдам я страсти моей,
Любым наказаниям наперекор.

Пусть лучше меня покарает Халид,
На милую грех навлекать мне позор!»

И это услышали люди, сторожившие юношу, и они пришли к Халиду и рассказали ему о том, что случилось. А когда спустилась ночь, Халид приказал привести к себе юношу, и, когда тот явился, стал его спрашивать, и увидел, что юноша умен, образован, понятлив, остроумен и сообразителен. Он велел принести юноше еду, и тот поел и поговорил с эмиром некоторое время, а потом Халид сказал ему: «Я знаю, что у тебя есть история, кроме кражи. Когда наступит утро и придут люди и явится кади и спросит тебя насчет кражи, отрицай ее и скажи что-нибудь, что отвратит от тебя наказание посредством отсеченья руки. Сказал же посланник Аллаха (да благословит его Аллах и да приветствует): «Отвращайте наказание в сомнительных обстоятельствах».

И затем он велел отвести его в тюрьму, и юноша провел там ночь. Когда же настало утро, люди пришли посмотреть, как будут отсекать юноше руку, и не осталось в Басре никого, ни мужчины, ни женщины, кто бы не пришел,

чтобы увидеть, как станут наказывать этого молодца. И приехал верхом Халид и с ним знатные жители Басры и другие, а затем эмир позвал судей и велел привести юношу. И он пришел, ковыляя в своих оковах, и никто среди видевших его не мог не заплакать, и женщины возвысили голоса, рыдая. И судья велел заставить женщин замолчать и сказал юноше: «Эти люди утверждают, что ты вошел к ним в дом и украл их имущество; может быть, ты украл меньше облагаемого количества?» — «Нет, я украл как раз столько»,— отвечал юноша. «Может быть, ты владел им совместно с этими людьми?» — спросил судья, и юноша ответил: «Нет, оно все принадлежит им, и я не имею на него права». И тогда Халид рассердился, и сам подошел к юноше, и ударил его бичом по лицу, и произнес такой стих поэта:

«Желанного жаждешь, но помни: ты прах;
Получишь лишь то, что дарует Аллах».

И затем он позвал палача, чтобы отсечь руку юноше, и палач подошел и вынул нож, а юноша вытянул руку, и палач приложил к ней нож, и вдруг выбежала из толпы женщин девушка, на которой были грязные одежды, и вскрикнула, и бросилась к юноше, а затем она открыла лицо, подобное луне, и люди подняли великий шум, от которого едва не возникла смута, мечущая искры. И девушка крикнула во весь голос: «Заклинаю тебя Аллахом, о эмир, не торопись рубить, пока не прочтешь этой бумажки!» И она подала ему бумажку, а Халид развернул ее и прочел, и вдруг оказалось, что на ней написаны такие стихи:

«Не надо карать, Халид, любовника скромного,
Столь преданного в любви и не вероломного.

Когда мои очи — лук, мой взор, как стрела, летит;
Вовеки не исцелить раненья любовного.

Он вором себя назвал, боясь очернить меня;
Он честь мою бережет. Что в этом греховного?

Страдалец перед тобой; Халид, пощади его!
Подумай: разве не грех карать невиновного?»

И когда Халид прочел эти стихи, он отошел в сторону, и удалился от людей, и, призвав к себе женщину, спросил ее, в чем тут дело, и она рассказала ему, что этот юноша любит ее, и она любит его, и он только хотел посетить ее, и пошел к дому ее родных, и бросил в дом камень, чтобы дать ей знать о своем приходе. И ее отец и братья услышали

шум от камня и вышли к юноше, и, когда юноша заслышал их, он собрал всю материю и сделал вид, что он вор, чтобы не заподозрили его возлюбленную. И девушка говорила: «Когда его увидели при таких обстоятельствах, его взяли и сказали: «Вор!» — и привели его к тебе. И он признался в воровстве и уперся на этом, чтобы не опозорить меня. И такие дела совершил тот, кто сам себе бросил обвинение в воровстве из-за чрезмерного своего благородства и величия души».— «Поистине, он достоин того, чтобы ему помогли добиться желаемого!» — воскликнул Халид. А затем он позвал к себе юношу, и поцеловал его в лоб, и велел привести отца девушки, и сказал ему: «О старец, мы были намерены исполнить приговор над этим юношей и отсечь ему руку, но Аллах — велик он и славен! — уберег меня от этого. И я приказал выдать юноше десять тысяч дирхемов, так как он не пожалел своей руки, чтобы охранить твою честь и честь твоей дочери и уберечь вас обоих от позора. И я велел выдать твоей дочери десять тысяч дирхемов, так как она рассказала мне об истине в этом деле, и я прошу тебя, чтобы ты мне позволил выдать ее за него замуж».— «О эмир, я позволяю тебе это»,— сказал старец, и Халид прославил Аллаха, и восхвалил его, и произнес прекрасную проповедь, и сказал юноше: «Я женил тебя на такой-то девушке, присутствующей здесь, с ее позволения и согласия и с разрешения ее отца, за эти деньги в размере десяти тысяч дирхемов».— «Я согласен на этот брак»,— ответил юноша. И затем Халид велел доставить деньги в дом юноши, неся их на подносах, и люди ушли радостные. И я не видел дня диковинней этого! Началом его был плач и огорчения, а концом — веселье и радость.

РАССКАЗ О ДЖАФАРЕ БАРМАКИДЕ И ПРОДАВЦЕ БОБОВ

Рассказывают также, что, когда Харун ар-Рашид распял Джафара Бармакида, он велел распять всякого, кто станет оплакивать Джафара или жалеть о нем. И люди воздерживались от этого. И случилось так, что некий бедуин, живший в далекой пустыне, каждый год приходил с касыдой к упомянутому

Джафару-аль-Бармакиду, и тот давал ему тысячу динаров в награду за эту касыду, и бедуин брал их, и уходил, и расходовал эти деньги на свою семью до конца года. И этот бедуин пришел, по обычаю, к Джафару с касыдой, и оказалось, что Джафар распят. И бедуин пошел к тому месту, где распяли Джафара. Поставив свою верблюдицу на колени, он заплакал сильным плачем, и опечалился великой печалью, и произнес касыду, и заснул. И он увидел во сне Джафара Бармакида, который говорил ему: «Ты утомил себя, и пришел к нам, и нашел нас в таком положении, как ты видишь, но отправляйся в Басру и спроси человека, которого зовут так-то и так-то среди купцов в Басре, и скажи ему: «Джафар Бармакид передает тебе привет и говорит: «Дай мне тысячу динаров по знаку боба».

И когда бедуин пробудился от сна, он отправился в Басру и спросил про того купца и, встретившись с ним, передал ему, что сказал ему во сне Джафар, и купец так заплакал, что чуть не расстался с земной жизнью, а затем он оказал бедуину уважение, и посадил его возле себя, и сделал хорошим его жилище. И бедуин пробыл у него три дня в полном уединении. И когда он хотел уйти, купец дал ему тысячу пятьсот динаров и сказал: «Тысячу было приказано дать тебе, а пятьсот — от меня в уважение к тебе, и тебе будет каждый год тысяча динаров».

А уходя, бедуин сказал купцу: «Ради Аллаха прошу тебя, расскажи мне историю боба, чтобы я знал его происхождение». И торговец сказал ему: «Я сначала жил в бедности и торговал вареными бобами на площадях Багдада, чтобы ухитриться прожить. И я вышел в один холодный, дождливый день, и не было у меня на теле ничего, что бы уберегло меня от холода, и я то дрожал от сильной стужи, то измокал под дождем, и был я в том гнусном состоянии, когда волосы встают дыбом.

А Джафар в этот день сидел во дворце, выходившем на площадь, и подле него были его приближенные и любимцы. И взор его упал на меня, и он сжалился над моим положением и послал ко мне кого-то из своих людей, и тот взял меня и привел к Джафару. И, увидав меня, Джафар сказал: «Продай бобы, которые у тебя есть, моим приближенным».

И я стал мерить бобы меркой, бывшей со мной, и всякий, кто брал мерку бобов, наполнял ее золотом, пока не иссякло все, что у меня было, и в корзине не осталось ничего. И потом я собрал золото, которое мне досталось, и Джафар спросил меня: «Осталось ли у тебя сколько-нибудь

бобов?» И я отвечал: «Не знаю!» И стал искать в корзине, но не нашел там ничего, кроме одного боба.

И Джафар взял его у меня и расщепил на две половины и одну половину взял, а другую половину дал одной из своих любимиц и спросил ее: «За сколько ты купишь половину этого боба?» — «За дважды столько, сколько здесь золота»,— сказала она. И я не знал, что думать, и сказал про себя: «Это невозможно!» И пока я удивлялся, невольница вдруг отдала приказание одной из своих девушек, и та принесла золота — два раза столько, сколько его было у меня. И Джафар сказал: «Я куплю ту половину, которую я взял, за дважды столько, сколько здесь всего золота».— «Бери плату за свои бобы»,— сказал мне затем Джафар и отдал приказание одному из своих слуг, и тот собрал все деньги и положил их в мою корзину, и я взял их и ушел. А потом я пришел в Басру и стал торговать на бывшие у меня деньги, и Аллах расширил мой достаток, и Аллаху принадлежит слава и милость. И если я буду давать тебе каждый год тысячу динаров — часть милости Джафара — это мне нисколько не повредит».

Посмотри же, каковы достоинства Джафара, хвала ему, живому и мертвому, да будет над ним милость Аллаха великого!

РАССКАЗ ОБ АБУ МУХАММЕДЕ-ЛЕНТЯЕ

Рассказывают также, что Харун ар-Рашид сидел в какой-то день на престоле халифата, и вдруг вошел к нему слуга из евнухов, с которым был венец из червонного золота, украшенный жемчугом и драгоценностями, и на венце было столько всевозможных яхонтов и камней, что не оплатить их никакими деньгами. И этот евнух поцеловал землю меж рук халифа и сказал ему: «О повелитель правоверных, Ситт-Зубейда целует землю перед тобой и говорит тебе, что ты знаешь, что она сделала этот венец, и для него нужен большой камень, который будет на верхушке его. Но она искала в своих сокровищницах и не нашла такого большого камня, как она хочет».

И халиф сказал царедворцам и наместникам: «Поищите такой большой камень, какой хочет Зубейда!» И они стали искать, и не нашли ничего для нее подходящего, и известили об этом халифа, и у него стеснилась грудь, и он воскликнул: «Как это я, халиф и царь царей земли, и не могу добыть одного камня! Горе вам, спросите купцов!»

И спросили купцов, и те сказали: «Не найдет наш владыка халиф этого камня ни у кого. Есть он только у одного человека в Басре, которого зовут Абу Мухаммед-лентяй».

И халифу рассказали об этом, и он приказал своему везирю Джафару послать грамоту к эмиру Мухаммеду аз-Зубейди, правителю Басры, чтобы тот снарядил Абу Мухаммеда-лентяя и явился с ним пред лицо повелителя правоверных. И Джафар написал грамоту такого содержания и послал ее с Масруром.

Масрур отправился с грамотой в город Басру и вошел к эмиру Мухаммеду аз-Зубейди, и тот обрадовался ему и оказал ему крайнее уважение. И Масрур прочитал эмиру грамоту повелителя правоверных Харуна ар-Рашида, и эмир сказал: «Слушаю и повинуюсь!»

А затем он послал Масрура с толпой своих людей к Абу Мухаммеду-лентяю, и они отправились к нему и постучались к нему в дверь, и к ним вышел кто-то из слуг. И Масрур сказал ему: «Скажи твоему господину: «Повелитель правоверных тебя требует!»

И слуга вошел и сообщил об этом Абу Мухаммеду, и тот вышел и увидел Масрура, царедворца халифа, и с ним людей эмира Мухаммеда аз-Зубейди. И Абу Мухаммед облобызал землю перед Масруром и сказал: «Слушаю и повинуюсь повелителю правоверных, но войдите к нам!» И они ответили: «Мы можем это сделать только наскоро, как нам приказал повелитель правоверных,— он ожидает твоего прибытия».

И Абу Мухаммед сказал: «Подождите немного, пока я соберусь».

И они вошли с ним в дом после усиленных стараний и больших упрашиваний и увидели в проходе занавески из голубой парчи, вышитой червонным золотом. А затем Абу Мухаммед-лентяй велел нескольким своим слугам свести Масрура в баню, и они это сделали. И Масрур увидал, что стены и мраморный пол в бане — диковинные и что они украшены золотом и серебром, а вода в бане смешана с розовой водой. И слуги занялись Масруром и теми, кто был с ним, и прислуживали им наилучшим образом, а выйдя из

бани, они облачились в одежды из парчи, затканные золотом, а затем Масрур и его люди вошли и увидели, что Абу Мухаммед-лентяй сидит у себя во дворце, и над его головой повешены занавески из парчи, затканной золотом и украшенной жемчугом, а дворец устлан подушками, вышитыми червонным золотом, и Абу Мухаммед сидит на скамеечке, которая стоит на ложе, украшенном драгоценными камнями. И когда вошел к нему Масрур, Абу Мухаммед сказал: «Добро пожаловать!» — и пошел ему навстречу, и посадил его рядом с собою. А затем он велел принести стол с кушаньями, и, когда Масрур увидел этот стол, он воскликнул: «Клянусь Аллахом, я никогда не видал у повелителя правоверных стола, подобного этому». А на столе были всевозможные кушанья, и все они были разложены в фарфоровые вызолоченные блюда. «И мы ели и пили и радовались до конца дня,— говорил Масрур,— и затем Абу Мухаммед дал каждому из нас по пяти тысяч динаров, а когда настал следующий день, нас одели в зеленые раззолоченные одежды и оказали нам крайнее уважение».

А потом Масрур сказал Абу Мухаммеду: «Мы не можем сидеть дольше этого срока, так как боимся халифа». И Абу Мухаммед-лентяй молвил: «О владыка, подожди нас до завтра — мы соберемся и поедем с вами».

И они просидели этот день и провели ночь до утра, а потом слуги оседлали мула Абу Мухаммеда золотым седлом, украшенным всевозможным жемчугом и драгоценными камнями, и Масрур сказал про себя: «Посмотрика! Когда Абу Мухаммед явится к халифу в таком обличье, спросит ли его халиф о причине подобного богатства?»

И потом они простились с Мухаммедом аз-Зубейди, и выехали из Басры, и поехали, и ехали до тех пор, пока не достигли города Багдада. И когда они пришли к халифу и встали перед ним, он велел Абу Мухаммеду сесть, и тот сел, и проявил пристойность, и сказал: «О повелитель правоверных, я привез с собою подарок, чтобы услужить тебе; принести ли мне его с твоего позволения?» — «В этом не будет беды!» — сказал ар-Рашид. И Абу Мухаммед велел принести сундук и открыл его, и стал вынимать из него всякие редкости, и среди них были золотые деревья с листьями из белого изумруда, с плодами из красного и желтого яхонта и белого жемчуга, и халиф удивился этому. А затем Абу Мухаммед велел принести второй сундук и вынул из него парчовую палатку, обшитую жемчугом, яхонтами, изумрудами, топазами и всякими драго-

ценными камнями, и ножки ее были из молодого индийского алоэ, а полы этой палатки были украшены зелеными изумрудами. И в палатке были изображения животных всякого обличия, птиц и диких зверей, и эти изображения были украшены драгоценными камнями — яхонтами, изумрудами, топазами, бадахшанскими рубинами и всякими дорогими металлами, и, когда ар-Рашид увидел это, он обрадовался сильной радостью.

И сказал затем Абу Мухаммед-лентяй: «О повелитель правоверных, не думай, что я доставил тебе все это, боясь чего-нибудь или чего-нибудь желая,— я только увидел, что я человек простой, а это, увидел я, годится лишь для повелителя правоверных. И если позволишь, я покажу тебе кое-что из того, что я могу».— «Делай что хочешь, а мы посмотрим»,— ответил ар-Рашид. И Абу Мухаммед молвил: «Слушаю и повинуюсь!» И затем он пошевелил губами и поманил пальцами зубцы на стенах дворца, и они склонились к нему, а потом он сделал им знак, и они вернулись на место. И он сделал глазами, и перед ним появились клетки с запертыми дверями, а потом он проговорил что-то, и вдруг ему ответили голоса птиц. И ар-Рашид изумился до крайних пределов и спросил: «Откуда у тебя все это, когда ты зовешься просто Абу Мухаммед-лентяй, и мне рассказывали, что твой отец был кровопускателем, который прислуживал в бане, и он не оставил тебе ничего?» — «О повелитель правоверных,— сказал Абу Мухаммед,— выслушай мой рассказ — поистине, он удивителен, и содержание его диковинно, и, будь он написан иглами в уголках глаз, он послужил бы назиданием для поучающихся».— «Расскажи мне, что у тебя есть, и поведай мне об этом, о Абу Мухаммед»,— сказал ар-Рашид. И Абу Мухаммед молвил: «Знай, о повелитель правоверных,— да увековечит Аллах твое величие и мощь! — что рассказы людей о том, что я зовусь лентяем и что мой отец не оставил мне денег — правда, ибо мой отец был именно тем, что ты сказал — он был кровопускателем в бане. А я в детстве был самым ленивым из тех, кто находится на лице земли, и моя леность дошла до того, что, когда в дни жары я лежал и надо мной поднималось солнце, мне было лень встать и перейти в тень. И я провел таким образом пятнадцать лет, а потом мой отец преставился к милости Аллаха великого и не оставил мне ничего, и моя мать прислуживала людям, и кормила, и поила меня, а я лежал на боку. И случилось, что в какой-то день мать вошла ко мне с пятью серебряными дирхемами и сказала: «О дитя мое, до меня дошло, что

шейх Абу-ль-Музаффар решил поехать в Китай. А этот шейх любил бедных и был из людей добра, и моя мать сказала мне: «О дитя мое, возьми эти пять дирхемов, пойдем к нему и попросим его, чтобы он купил тебе что-нибудь в землях китайских — может быть, тебе достанется от этого прибыль по милости Аллаха великого». Но я поленился с ней идти, и она поклялась Аллахом, что, если я не встану, она не будет меня кормить и поить, и не войдет ко мне, и оставит меня умирать от голода и жажды, и, услышав ее слова, о повелитель правоверных, я понял, что она так и сделает, зная, как я ленив. «Посади меня!» — сказал я ей, и она меня посадила (а глаза мои плакали). И тогда я сказал ей: «Принеси мне туфли!» И когда она их принесла, я сказал: «Надень их мне на ноги!» И она их надела, и я сказал: «Поддержи меня и подними с земли!» И она это сделала, и я сказал ей: «Подпирай меня, чтобы я мог идти!» И она стала меня поддерживать, и я до тех пор шел, путаясь в полах платья, пока мы не достигли берега моря. И мы приветствовали шейха, и я спросил его: «О дядюшка, ты Абу-ль-Музаффар?» И он отвечал: «К твоим услугам!» И я сказал: «Возьми эти дирхемы и купи мне на них что-нибудь в землях китайских — может быть, Аллах пошлет мне на них прибыль».— «Знаете ли вы этого юношу?» — спросил своих людей Абу-ль-Музаффар, и они отвечали: «Да, его зовут Абу Мухаммед-лентяй, и мы никогда не видали, чтобы он выходил из дому, кроме как сейчас». И шейх Абу-ль-Музаффар молвил: «О дитя мое, давай деньги, с благословения Аллаха великого». И он взял у меня деньги и сказал: «Во имя Аллаха!» А я вернулся с матерью домой. И шейх Абу-ль-Музаффар отправился в путешествие с толпою купцов, и они ехали до тех пор, пока не прибыли в китайские земли. И шейх стал продавать и покупать, и после этого он собрался возвращаться со своими спутниками, кончив свои дела, и они ехали по морю три дня, и тогда шейх сказал своим товарищам: «Остановите корабль!» — «Что случилось?» — спросили его, и он молвил: «Знайте, что я забыл про деньги Абу Мухаммеда, которые со мною. Вернемся и купим ему на них что-нибудь, что принесет ему пользу!» — «Просим тебя, ради Аллаха великого, не поворачивай назад, мы прошли очень большое расстояние, и нам выпали на долю великие ужасы и большие затруднения»,— сказали ему. Но он воскликнул: «Нам вернуться неизбежно!»

И тогда ему сказали: «Возьми у нас в несколько раз больше, чем прибыль с пяти дирхемов, но не возвращайся

обратно». И Абу-ль-Музаффар послушался, и ему собрали большие деньги. И они поехали дальше и приблизились к острову, где было много людей, и пристали к нему, и купцы сошли на берег, чтобы купить у них товары — металлы, драгоценные камни, жемчуга и другое. И Абу-ль-Музаффар увидел там сидящего человека, и перед ним много обезьян, среди которых была одна с выщипанной шерстью. И другие обезьяны, всякий раз как их хозяин отворачивался, хватали ощипанную обезьяну, и били ее, и бросали хозяину, и тот бил их, и связывал, и мучил, и все обезьяны сердились на ту обезьяну и били ее. И когда шейх Абу-ль-Музаффар увидал эту обезьяну, он пожалел ее и опечалился.

«Продашь ли ты мне эту обезьяну?» — спросил он хозяина, и тот отвечал: «Покупай!» И тогда Абу-ль-Музаффар сказал: «У меня есть пять дирхемов, которые принадлежат одному ребенку-сироте. Продашь ли ты мне за эту цену обезьяну?» — «Я продам ее тебе, да благословит тебя Аллах!» — ответил владелец обезьян.

И Абу-ль-Музаффар получил от него обезьяну и отдал ему деньги. И рабы шейха взяли обезьяну и привязали ее на корабле, а затем они распустили паруса и поехали на другой остров. И они пристали к нему, пришли водолазы, которые ныряют за драгоценностями, жемчугом и камнями и прочим, и купцы дали им деньги, и они стали нырять. И обезьяна увидела, что они так делают, и, развязав на себе веревки, прыгнула с корабля, и нырнула вместе с ними. «Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого! — воскликнул Абу-ль-Музаффар.— Пропала у нас обезьяна по несчастью этого бедняка, для которого мы ее купили».

И они отчаялись увидеть обезьяну, но потом все ныряльщики вынырнули, и вдруг обезьяна вынырнула с ними, и у нее в лапах были драгоценные камни. И она бросила их перед Абу-ль-Музаффаром, и тот удивился этому и воскликнул: «Поистине, в этой обезьяне великая тайна!» И затем они распустили паруса и ехали до тех пор, пока не достигли острова, который называется остров Зинджей,— а это племя черных, которые едят мясо сыновей Адама,— и когда черные увидели их, они подплыли к ним в челноках, и пришли к ним, и взяли всех, кто был на корабле, и связали и привели к царю. И тот велел зарезать множество купцов, и их зарезали и съели их мясо, а остальные купцы проводили ночь в заточенье, и были они в великой тоске. И когда настало время ночи, обезьяна подошла

к Абу-ль-Музаффару и развязала на нем узлы, и, увидев, что Абу-ль-Музаффар развязан, купцы воскликнули: «Может быть, с помощью Аллаха, наше освобождение будет делом твоих рук, о Абу-ль-Музаффар!» — «Знайте,— сказал Абу-ль-Музаффар,— что меня освободил, по воле Аллаха великого, не кто иной, как эта обезьяна, и я выкладываю ей тысячу динаров».— «Мы тоже выложим ей каждый по тысяче динаров, если она нас освободит»,— сказали купцы. И обезьяна подошла к ним и стала развязывать одного за одним, пока не развязала всех, и купцы пошли на корабль и взошли на него, и оказалось, что корабль цел и ничего с него не пропало.

И они распустили паруса и поехали, и Абу-ль-Музаффар сказал: «О купцы, исполните то, что вы сказали и обещали обезьяне». И купцы ответили: «Слушаем и повинуемся!»

И каждый из них дал обезьяне тысячу динаров, и Абу-ль-Музаффар вынул из своих денег тысячу динаров, так что у обезьяны набралось денег великое множество. И потом они отправились и прибыли в город Басру, и их встретили друзья, когда они сходили с корабля. И Абу-ль-Музаффар спросил: «Где Абу Мухаммед-лентяй?»

Весть об этом дошла до моей матери, и, когда я лежал, моя мать вдруг пришла ко мне и сказала: «О дитя мое, шейх Абу-ль-Музаффар приехал и прибыл в город. Вставай же, отправляйся к нему, поздоровайся и спроси, что он для тебя привез,— может быть, Аллах великий что-нибудь послал тебе».— «Подними меня с земли и подпирай меня, чтобы я мог выйти и пойти на берег»,— сказал я. И потом я пошел, путаясь в полах платья, и пришел к шейху Абу-ль-Музаффару, и, увидав меня, он сказал: «Добро пожаловать тому, чьи дирхемы были причиной моего освобождения и освобождения этих купцов по воле Аллаха великого! Возьми эту обезьяну,— я купил ее для тебя — и иди с нею домой, а я приду к тебе»,— сказал он потом.

И я повел обезьяну перед собой и пошел, говоря про себя: «Клянусь Аллахом, вот поистине великий товар». И я пришел домой и сказал матери: «Каждый раз, как я ложусь, ты приказываешь мне встать, чтобы торговать; осмотри же этот товар!»

Потом я сел, и, когда я сидел, ко мне пришли рабы Абу-ль-Музаффара и спросили: «Ты Абу Мухаммед-лентяй?» — «Да»,— ответил я им. И вдруг пришел Абу-ль-Музаффар следом за ними, и я поднялся и поцеловал ему руки, а он сказал мне: «Пойдем со мною в мой дом».—

«Слушаю и повинуюсь!» — ответил я. И я шел с ним, пока не вошел в его дом. И тогда он велел своим рабам принести деньги, и они принесли их, а Абу-ль-Музаффар сказал: «О дитя мое, Аллах послал тебе эти деньги из прибыли с тех пяти дирхемов».

И затем рабы понесли на головах сундуки с деньгами Абу-ль-Музаффара, и он дал мне ключи от этих сундуков и сказал: «Иди перед рабами к твоему дому — все эти деньги твои».

И я пошел к моей матери, и она обрадовалась и сказала: «О дитя мое, Аллах великий послал тебе эти большие деньги; брось же так лениться, пойди на рынок и торгуй».

И я бросил лениться и открыл лавку на рынке, и обезьяна стала сидеть со мной рядом на скамеечке. И когда я ел, она ела со мной, и когда я пил, она пила со мной, и каждый день, с утра, она исчезала до времени полудня, а потом приходила с мешком, в котором была тысяча динаров, и клала его со мной рядом и садилась. И она поступала так некоторое время, пока у меня не собралось много денег, и я купил, о повелитель правоверных, имения и поля, и посадил сады, и купил невольников, рабов и невольниц. И случилось в какой-то день, что я сидел и обезьяна сидела со мной на скамеечке, и вдруг она стала поворачиваться направо и налево. И я сказал про себя: «Что с этой обезьяной?» И Аллах наделил обезьяну красноречивым языком, и она сказала: «О Абу Мухаммед!»

И, услышав ее слова, я сильно испугался, а обезьяна промолвила: «Не пугайся, я расскажу тебе про себя. Я марид из джиннов, и я пришла к тебе, так как ты в бедственном положении, и ты не знаешь, сколько у тебя денег. Но у меня случилась до тебя нужда, и в ней для тебя благо».— «Что это?» — спросил я. И обезьяна сказала: «Я хочу женить тебя на женщине, подобной луне».— «А как это?» — спросил я. И обезьяна сказала: «Завтра надень твое роскошное платье, садись на мула с золотым седлом и отправляйся на рынок торговцев кормом. Спроси лавку шарифа, и садись с ним рядом, и скажи ему: «Я пришел к тебе, чтобы посвататься, и хочу взять твою дочку». И если он тебе скажет: «У тебя нет ни денег, ни положения, ни происхождения»,— дай ему тысячу динаров; если же он тебе скажет: «Прибавь!» — прибавь ему и соблазняй его деньгами». И Абу Мухаммед сказал: «Слушаю и повинуюсь, завтра я это сделаю, если захочет Аллах великий!»

И, поднявшись утром,— говорил Абу Мухаммед,— я

надел свое самое роскошное платье, и сел на мула с золотым седлом, и отправился на рынок торговцев кормом. Я спросил лавку шарифа и нашел его сидящим в своей лавке, и тогда я спешился, и приветствовал его, и сел подле него, а со мной было десять человек рабов и невольников».— «Может быть, у тебя есть до нас нужда, которую мы будем иметь счастье исполнить?» — спросил меня шариф. И я сказал ему: «Да, у меня есть до тебя нужда».— «Какая же у тебя нужда?» — спросил шариф, и я ответил: «Я пришел к тебе свататься и хочу взять твою дочку».— «У тебя нет ни денег, ни положения, ни происхождения»,— сказал шариф. И тогда я вынул мешок, где была тысяча динаров червонным золотом, и молвил: «Вот мое положение и происхождение. Сказал ведь пророк (да благословит его Аллах и да приветствует!): «Прекрасно положение, созданное богатством». А как хороши слова сказавшего:

«Два дирхема покажи людям корыстолюбивым —
И немедля среди них прослывешь красноречивым;

Слово каждое твое ближними цениться будет;
Видел я, как богатей ходит шагом горделивым.

А когда деньжонок нет, нечем нищему гордиться;
Очень скоро прослывешь ты бродягой нерадивым.

В каждом слове богача люди высший смысл находят;
Даже если лжет богач, он считается правдивым.

А соседу-бедняку никогда не верят люди;
Правду говорит бедняк и слывет при этом лживым.

Я не ведаю страны, где бы деньги не царили;
Кто при деньгах, тот велик, тот считается красивым.

Безотказным языком и оружием надежным
Деньги служат богачам, величавым и спесивым».

И когда шариф услышал от меня эти слова и понял эти нанизанные стихи, он склонил на некоторое время голову к земле, а затем поднял голову и сказал: «Если это неизбежно, то я хочу от тебя еще три тысячи динаров». И я отвечал: «Слушаю и повинуюсь!» И затем я послал кого-то из невольников в мое жилище, и он принес мне деньги, которые потребовал шариф, и, увидав, что эти деньги прибыли к нему, шариф вышел из лавки и сказал своим слугам: «Заприте лавку!» А потом он позвал своих друзей с рынка к себе в дом и написал мою запись с его дочерью и сказал: «Через десять дней я тебя к ней введу».

И я пошел в свое жилище радостный и, уединившись с обезьяной, рассказал ей о том, что со мной произошло, и она сказала: «Прекрасно то, что ты сделал!»

А когда приблизился срок, назначенный шарифом, обезьяна сказала мне: «У меня есть до тебя нужда, и если ты мне ее исполнишь, ты получишь то, что хочешь».— «А что у тебя за нужда?» — спросил я. И обезьяна сказала: «В верхней части той комнаты, где будет твоя свадьба с дочерью шарифа, есть чулан и на двери его — медное кольцо, под кольцом — ключи. Возьми их и открой дверь — найдешь железный сундук, на углах которого четыре флага — талисманы,— и между ними таз, полный денег, а рядом с ним — одиннадцать змей, и в тазу связанный белый петух с раздвоенным гребнем, и там же лежит нож рядом с сундуком. Возьми нож, зарежь им петуха, порви флаги и переверни сундук, а после этого выйди к невесте и уничтожь ее девственность. Вот что мне нужно от тебя».— «Слушаю и повинуюсь!» — сказал я. А затем я пошел к дому шарифа и, войдя в ту комнату, увидал чулан, который описала мне обезьяна.

А оставшись наедине с невестой, я подивился ее красоте и прелести, стройности и соразмерности, так как языки не могут описать ее красоту и прелесть, и порадовался на нее сильной радостью; когда же настала полночь и невеста заснула, я поднялся и, взяв ключи, отпер чулан, взял нож, зарезал петуха, сбросил флаги и опрокинул сундук. И женщина проснулась и, увидав, что чулан отперт и петух зарезан, воскликнула: «Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого! Марид взял меня!» И не закончила она еще своих слов, как марид стал кружить вокруг дома и похитил невесту. И тогда начался великий шум, и вдруг пришел шариф, ударяя себя по лицу, и сказал: «О Абу Мухаммед, что это за дело ты сделал с нами? Таково ли воздаяние нам от тебя? Я поставил этот талисман здесь в чулане, так как боялся для моей дочери зла от того проклятого — он стремился похитить ее уже много лет и не мог этого сделать. Теперь для тебя не осталось места с нами, иди своей дорогой».

И я вышел из дома шарифа, и пришел к себе домой, и стал искать обезьяну, но не нашел ее и не увидел и следа ее. И понял я тогда, что она и есть тот марид, который взял мою жену и схитрил со мной, так что я сделал это дело с талисманом и петухом, которые мешали ему взять девушку. И я раскаялся, и порвал свои одежды, и стал бить себя по лицу, и никакая земля не была для меня просторна.

И я в тот же час вышел и направился в пустыню, и шел до тех пор, пока надо мной не опустился вечер, и не знал я, куда пойти. И когда мои мысли были заняты, приблизились ко мне две змеи — одна красная, другая белая, которые дрались между собой. И я взял с земли камень и ударил им красную змею и убил ее за то, что она совершила насилие над белой. И потом белая змея скрылась на минуту и вернулась с десятью белыми змеями, и они подошли к змее, которая издохла, разорвали ее на куски, так что осталась только голова, и ушли своей дорогой. И я прилег, изнемогая от усталости, и, когда я лежал и думал, вдруг раздался голос, звук которого я слышал, но не видел его обладателя, и голос этот произнес такие два стиха:

«Душа гонима судьбой, как робкая пленница,
Но помни: даже в узде спокойствие ценится.

Зажмурься и вновь открой глаза твои зоркие:
Когда захочет Аллах, все в миг переменится».

И когда я услышал это, меня охватило, о повелитель правоверных, нечто великое — раздумье, больше которого не бывает. И вдруг я услышал позади себя голос, который говорил такие два стиха:

«О мусульманин, истина в Коране;
Блуждают лишь неверные в тумане,

А ты спасен, Иблиса ты не слушай;
Мы правоверные, мы мусульмане».

И я сказал: «Заклинаю тебя тем, кому ты поклоняешься, дай мне узнать, кто ты!» И говоривший принял образ человека и сказал мне: «Не бойся, твое доброе дело дошло до нас,— а мы племя правоверных джиннов. Если у тебя есть нужда, расскажи нам о ней, и мы будем счастливы ее исполнить».

И я отвечал: «У меня есть великая нужда, так как меня постигло большое несчастье, и кто тот, кому на долю выпало несчастье, подобное моему?» — «Может быть, ты Абу Мухаммед-лентяй?» — спросил меня этот человек, и я ответил: «Да!» И человек сказал: «О Абу Мухаммед, я брат белой змеи, врага которой ты убил. Нас четверо братьев по отцу и по матери, и мы все благодарны тебе за твою милость. Знай, что тот, кто был в облике обезьяны и учинил с тобою хитрость,— марид из маридов-джиннов, и, если бы он не ухитрился на такую уловку, ему бы никогда не уда-

лось захватить девушку — он долгое время ее любит и хочет ее взять, но ему препятствовал этот талисман. Если бы талисман остался цел, марид не мог бы добраться до девушки. Но не печалься об этом деле,— мы приведем тебя к ней и убьем марида — твое благодеяние за нами не пропадет».

И потом он издал великий вопль ужасающим голосом, и вдруг к нему подошла толпа, и он спросил про обезьяну, и один из подошедших сказал: «Я знаю ее местопребывание».— «А где же ее местопребывание?» — спросил ифрит, и спрошенный ответил: «В медном городе, над которым не восходит солнце».— «О Абу Мухаммед,— сказал тогда ифрит,— возьми одного из наших рабов, и он донесет тебя на своей спине и научит тебя, как захватить женщину. И знай, что это марид, и, когда он понесет тебя, не поминай имени Аллаха, пока он тебя несет, не то он убежит от тебя и ты упадешь и погибнешь».

И я отвечал: «Слушаю и повинуюсь!» И взял раба из их рабов, и тот нагнулся и сказал мне: «Садись верхом!» И я сел, а марид полетел со мной по воздуху, так что мир скрылся от нас, и я увидел звезды, подобные твердо стоящим горам, и услышал славословие ангелов на небе. А марид все это время разговаривал со мной и развлекал меня, отвлекая от поминания имени Аллаха великого. И когда я так летел, вдруг направился ко мне человек в зеленой одежде с кудрявыми волосами и светящимся лицом, и в руках у него был дротик, от которого летели искры. И этот человек быстро подлетел ко мне и замахнулся на меня угрожающим образом и сказал: «О Абу Мухаммед, скажи: «Нет бога, кроме Аллаха, Мухаммед — посланец Аллаха!» — а не то я ударю тебя этим дротиком».

А у меня разрывалась душа от того, что я молчал и не поминал Аллаха великого, и я сказал: «Нет бога, кроме Аллаха, Мухаммед — посланец Аллаха!» И тогда этот человек ударил марида дротиком, и марид растаял и превратился в пепел, а я упал с его спины, и полетел на землю, и свалился в ревущее море, где бьются волны. И вдруг появилось судно, на котором было пять моряков. И, увидев меня, они ко мне подъехали, и подняли на корабль, и стали говорить со мною словами, которых я не понимал. Я сделал им знак, что не понимаю их речи. И они ехали до конца дня, а потом бросили сеть, поймали рыбу, изжарили ее и накормили меня. И плыли они до тех пор, пока не привезли меня в свой город. И меня привезли к их царю и поставили

перед ним, и я поцеловал перед царем землю, и он наградил меня. А этот царь знал по-арабски, и он сказал мне: «Я сделаю тебя своим телохранителем». А я спросил его: «Как название этого города?» — «Он называется Хинад,— ответил царь,— и находится он в землях китайских».

Потом царь поручил меня везирю этого города и велел ему пройтись со мной по городу,— а жители этого города были в древние времена язычниками, и превратил их Аллах великий в камень,— и я прошелся по городу и нигде не видел больше, чем там, деревьев и плодов. И я оставался в этом городе в течение месяца, а затем я пришел к реке и сел на берегу ее. И когда я сидел, вдруг подъехал всадник и спросил: «Ты Абу Мухаммед-лентяй?» — «Да»,— ответил я, и всадник сказал мне: «Не бойся, твоя милость достигла нас».— «Кто ты?» — спросил я всадника. И он молвил: «Я брат убитой змеи. Ты близок к месту, где та женщина, к которой хочешь проникнуть».

И затем он снял с себя одежду, и надел ее на меня, и сказал: «Не бойся — раб, который погиб под тобой, один из наших рабов». И потом этот всадник посадил меня сзади себя, и приехал со мной в пустынное место, и сказал мне: «Сойди с коня и иди между этих двух гор, пока не увидишь медный город. Остановись вдали от него и не входи, пока я к тебе не вернусь и не скажу тебе, что делать».— «Слушаю и повинуюсь!» — отвечал я и сошел с коня и шел, пока не достиг одного города, и я увидел, что стены его из меди. И я стал ходить вокруг города, надеясь, что найду ворота, но ворот я так и не нашел. А когда я ходил вокруг города, вдруг брат змеи подъехал ко мне и подал меч с талисманом, чтобы никто не увидел меня. И затем он уехал своей дорогой, и его не было лишь короткое время. И вдруг поднялись крики, и я увидал много людей, у которых глаза были на груди. И они спросили меня: «Кто ты и как попал сюда?» И когда я рассказал им о происшедшем, они сказали: «Женщина, о которой ты говоришь, находится вместе с маридом в этом городе. Мы не знаем, что он с нею сделал, а мы братья той змеи. Пойди к этому ручью,— сказали мне потом,— и посмотри, откуда вытекает вода, и следуй за нею,— ручей приведет тебя в город».

И я сделал так, и пошел, следуя за водой, и ручей привел меня в погреб под землею, и затем вышел оттуда, и увидел себя посреди города, и нашел там ту женщину, сидящей на золотом ложе, и перед нею была занавеска из парчи. А за занавеской находился сад с деревьями из золо-

та, и плоды на них были из дорогих камней — яхонта, топаза, жемчуга и коралла.

И когда эта женщина увидела меня, она меня узнала, и первая поздоровалась со мной, и спросила: «О господин, кто привел тебя сюда?» И я рассказал ей о случившемся, и она сказала: «Знай, что этот проклятый, от великой любви ко мне, рассказал мне, что ему вредно и что полезно, и осведомил меня, что в этом городе есть талисман, которым он, если захочет погубить всех, кто в городе, то погубит. И что бы он ни приказал ифритам, они исполнят его приказание. А этот талисман — на столбе».— «А где столб?» — спросил я девушку. И она ответила: «В таком-то месте». И я спросил ее: «А что это будет за талисман?» И девушка отвечала: «Это изображение орла, и на нем надпись, которой я не понимаю. Поставь талисман перед собой, и возьми жаровню с огнем, и брось туда немного мускуса — поднимется дым, привлекающий ифритов, и после этого они все до одного встанут перед тобой. Поднимись же и сделай так, с благословения Аллаха великого».

И я ответил ей: «Слушаю и повинуюсь!» И встал, и пошел к тому столбу, и сделал все, что она мне приказала, и ифриты пришли, и появились передо мной, и сказали: «К твоим услугам, о господин: все, что ты нам прикажешь, мы сделаем!» — «Закуйте марида, который унес эту женщину из ее жилища»,— сказал я им, и они отвечали: «Слушаем и повинуемся!» И отправились к тому мариду, и заковали его, и крепко связали, а затем вернулись ко мне и сказали: «Мы сделали то, что ты нам приказал». И я велел им вернуться назад. Затем я возвратился к женщине, и рассказал ей о том, что произошло, и спросил ее: «О жена моя, пойдешь ли ты со мною?» — «Да»,— отвечала она, и тогда я поднялся с нею из погреба, в который я вошел, и мы пошли и дошли до людей, которые указали мне, где она, и я сказал им: «Укажите мне дорогу, которая приведет меня в мои земли». И они указали мне дорогу, и пошли со мной до берега моря, и посадили на корабль. И ветер был для нас хорош. И на этом корабле плыли мы, пока не достигли города Басры. И когда женщина вошла в дом своего отца и родные увидели ее, они сильно обрадовались ей. И тогда я окурил орла мускусом, и вдруг ифриты пришли ко мне отовсюду и сказали: «Мы к твоим услугам, что хочешь, то тебе и будет».

И я велел им принести все, какие есть в медном городе, богатства, металлы и драгоценные камни в мой дом в Басре. И они это сделали, а потом я приказал им привести мне ту

обезьяну, и ее привели, униженную и презираемую. И я спросил обезьяну: «О проклятая, почему ты меня предала?» А затем я велел посадить ее в медный кувшин, и ее посадили в узкий кувшин из меди и закупорили его свинцом.

А я с моей женой зажил в наслаждении и радости, и у меня теперь, о повелитель правоверных, такие сокровища, диковинные камни и обильные богатства, что их не охватить счетом и не ограничить пределом. И если ты потребуешь сколько-нибудь денег или чего другого, я прикажу джиннам тотчас же принести тебе, и все это — по милости Аллаха великого».

И повелитель правоверных пришел от этого в крайнее удивление, а затем он пожаловал Абу Мухаммеду царские дары взамен его подарка и оказал ему милости, подходящие для него.

РАССКАЗ О ВАЛИ ХУСАМ-АД-ДИНЕ

Рассказывают также, что был в крепости аль-Искандарии вали по имени Хусам-ад-дин, и, когда он сидел однажды вечером в своем зале, вдруг подошел к нему один воин и сказал: «Знай, о владыка наш, вали, что я вступил в этот город сегодня вечером, и остановился в таком-то хане, и проспал там до трети ночи, а проснувшись, я нашел свой мешок взрезанным, и из него исчез кошель с тысячей динаров».

И не закончил еще воин своих слов, как вали послал за стражниками и велел им привести всех, кто был в хане, и приказал заточить их до утра.

Когда же пришло утро, он велел принести принадлежности для пытки, и призвал этих людей, и в присутствии владельца денег хотел пытать их, но вдруг пришел какой-то человек, и, пройдя сквозь толпу, встал перед вали и воином, и сказал: «О эмир, отпусти всех этих людей,— они несправедливо обижены! Это я взял деньги, и вот он, кошель, который я взял из мешка».

И он вынул кошель из рукава и положил его перед вали и воином. И вали сказал тому: «Возьми твои деньги и получи их — тебе не осталось уже пути к этим людям». А народ

и все присутствующие стали восхвалять того человека и благословлять его. А потом тот человек сказал: «О эмир, ловкость не в том, что я сам пришел к тебе и принес кошель,— ловкость в том, чтобы второй раз взять кошель у этого воина». И вали спросил его: «А как ты сделал это, ловкач?» — «О эмир,— отвечал человек,— я стоял в Каире на рынке менял и увидел этого человека, когда он менял золото и клал в кошель. Я следовал за ним из переулка в переулок, но не нашел пути к тому, чтобы взять у него деньги. А потом он уехал, и я следовал за ним из города в город и учинял с ним хитрости во время пути, но не мог взять у него деньги. Когда же он вступил в этот город, я следовал за ним, пока он не пришел в тот хан, и тогда я поместился с ним рядом и следил за ним, пока он не заснул и я не услышал его храп. И я стал мало-помалу подходить к нему, и взрезал мешок этим ножом, и взял кошель».

И он протянул руку и взял кошель, лежавший перед вали и воином, и отошел назад. А люди, вали и воин смотрели на него и думали, что он им показывает, как он взял кошель из мешка. И вдруг этот человек побежал и бросился в пруд, и вали крикнул своим людям: «Догоните его!» И они побежали за ним следом, но не успели они еще снять с себя одежды и спуститься по ступенькам, как ловкач уже ушел своей дорогой. И его стали искать и не нашли (а это потому, что все переулки в аль-Искандарии выходят один в другой), и люди вернулись, не поймав ловкача. И вали сказал воину: «Люди больше ничего не должны тебе: ты узнал, кто твой обидчик, и получил твои деньги, но не уберег их».

И воин ушел, и пропали его деньги, и люди освободились, и было это по милости Аллаха великого.

РАССКАЗ ОБ АН-НАСИРЕ И ТРЕХ ВАЛИ

Рассказывают также, что аль-Малик-ан-Насир призвал в какой-то день трех вали — вали Каира, вали Булака и вали Старого Мисра и сказал им: «Я хочу, чтобы каждый из вас рассказал мне о самом удивительном, что случилось с ним, пока он был вали».

И они ответили ему вниманием и повиновением, а затем вали Каира сказал: «Знай, о владыка наш султан, вот самое удивительное, что случилось со мной, когда я был вали. В этом городе были два правомочных свидетеля, которые свидетельствовали при кровопролитиях и ранениях. И они предавались любви к женщинам и питью вина и разврату. И я не мог уличить их, чтобы обвинить, и я был бессилен сделать это. Тогда я наказал виноторговцам, и торговцам сухими плодами, и фруктовщикам, и продавцам свечей, и хозяевам домов разврата, чтобы они мне все рассказывали про этих свидетелей, когда они будут где-нибудь пить или развратничать оба вместе или отдельно, и если оба или один из них купит что-нибудь из вещей, предназначенных для питья, и не скрывали бы от меня этого. И торговцы отвечали: «Внимание и повиновение!»

И в один иэ дней случилось, что явился ко мне ночью человек и сказал: «О владыка, знай, что свидетели застали в таком-то месте, в такой-то улице, в доме такого-то человека за весьма дурным делом».

И я поднялся, переоделся и вместе с своим слугой пошел к ним один, и со мной никого не было, кроме слуги. И я шел до тех пор, пока не увидел перед собой ворота. И я постучал в них, и пришла невольница, и открыла мне, и спросила: «Кто ты?» Но я вошел, не давая ей ответа, и увидел, что оба свидетеля и хозяин дома сидят, и с ними непотребные женщины и много вина. И, увидав меня, они поднялись мне навстречу, и оказали мне уважение, и посадили меня на почетное место, говоря: «Добро пожаловать, дорогой гость и остроумный сотрапезник!» И встретили меня без страха и испуга. И после этого хозяин дома скрылся на минуту, а потом вернулся с тремя сотнями динаров, и он не испытывал никакого страха. И они сказали мне: «Знай, о владыка наш вали, что ты властен на большее, чем наш позор, и в твоих руках наказание для нас, но только это станет для тебя тяготой, и лучше всего тебе взять эти деньги и покрыть нас: ведь имя Аллаха великого — покровитель, и он любит среди рабов своих тех, кто покрывает, а тебе достанется награда и воздаяние». И я сказал себе: «Возьми у них это золото и покрой их на этот раз, а если ты будешь над ними властен в другой раз, отомсти им». И я польстился на деньги, и взял их, и оставил этих людей, и ушел, и никто ничего не узнал. Но на следующий день, не успел я опомниться, как пришел посланный от кади и сказал: «О вали, иди поговори с кади — он зовет тебя!» И я поднялся и пошел к кади, не зная, в чем дело, а войдя

к кади, я увидел, что те два свидетеля и хозяин дома, который дал мне триста динаров, сидят у него. И хозяин дома поднялся и потребовал от меня триста динаров, и не было у меня возможности отрицать, а хозяин дома вынул запись, и те два полномочных свидетеля засвидетельствовали, что за мной триста динаров. И кади поверил их свидетельству и приказал мне отдать эти деньги, и я не вышел от них раньше, чем они взяли от меня триста динаров. И я рассердился, и задумал сделать с ними всякое зло, и пожалел, что не наказал их, и ушел в крайнем смущении. И это самое удивительное, что случилось со мной, когда я был вали».

И поднялся вали Булака и сказал: «А что до меня, о владыка султан, то вот самое удивительное, что случилось со мной, когда я был вали. У меня набралось триста тысяч динаров долгу, и это мучило меня. Я продал все свое имущество, и набрал сто тысяч динаров, не больше, и пребывал в великом замешательстве. И сидел я в одну ночь у себя дома в таком состоянии, и вдруг кто-то постучал в ворота. И я сказал одному из слуг: «Посмотри, кто у ворот». И он вышел и вернулся с лицом землистым и изменившимся, и у него дрожали поджилки. «Что тебя постигло?» — спросил я его, и он ответил: «У ворот нагой человек в кожаной рубахе, и он с мечом и ножом у пояса, и с ним толпа людей такого же вида, и он требует тебя». И я взял свой меч в руку и вышел посмотреть, кто это, и все оказалось так, как сказал слуга. «Что вам надо?» — спросил я их, и они сказали: «Мы воры и добыли сегодня ночью великую добычу и назначили ее тебе, чтобы ты помог себе в том деле, которым ты озабочен, и покрыл бы долг, лежащий на тебе». И я спросил их: «А где же добыча?» И они принесли мне большой сундук, полный сосудов из золота и серебра, и, увидев его, я обрадовался и сказал про себя: «Я покрою лежащий на мне долг, и мне останется еще раз столько же!» И я взял сундук, и вошел в дом, и сказал себе: «Будет невеликодушно, если я дам им уйти без ничего!» И, взяв сто тысяч динаров, я отдал их ворам и поблагодарил их за милость. И они взяли динары и ушли под покровом ночи своей дорогой, и никто не узнал о них. А когда настало утро, я увидел, что то, что лежит в сундуке, — медь, покрытая золотом и оловом, и все это стоит пятьсот дирхемов. И мне стало очень тяжко, что деньги мои пропали и прибавилось забот к моим заботам. Вот самое удивительное, что случилось со мной в то время, когда я был вали».

И поднялся вали Старого Мисра и сказал: «О владыка наш, султан, что до меня, то вот самое удивительное, что случилось со мной, когда я был вали. Я повесил десять воров, каждого на отдельную виселицу, и наказал сторожам стеречь их и не давать людям забрать кого-нибудь из них. А когда наступил следующий день, я пришел на них посмотреть и увидел на одной виселице двоих повешенных. И я спросил сторожей: «Кто это сделал и где виселица, на которой был второй повешенный?» И сторожа стали отнекиваться, а когда я хотел их побить, они сказали: «Знай, о эмир, что мы вчера заснули, а проснувшись, увидели, что одного повешенного украли вместе с виселицей, на которой он висел. И мы испугались тебя и вдруг видим — едет феллах, и приближается к нам со своим ослом, и мы схватили его, и убили, и повесили вместо того, что украли с этой виселицы». И я удивился этому и спросил их: «А что было у феллаха?» И они отвечали: «У него был мешок на осле».— «А что в мешке?» — спросил я. И сторожа ответили: «Не знаем». И я сказал: «Ко мне это!» И мне принесли мешок, и я велел его открыть, и вдруг вижу — в нем человек, убитый и разрубленный. И, увидав это, я удивился и воскликнул: «Слава Аллаху! Причиной повешения этого феллаха была только его вина перед этим убитым, и не обидчик господь твой для рабов!»

РАССКАЗ О ВОРЕ И МЕНЯЛЕ

Рассказывают также, что у одного человека из менял был кошель, полный золота. И однажды он проходил мимо воров, и один из них сказал: «Я могу взять этот кошель».— «Как ты это сделаешь?» — спросили его, и он сказал: «Смотрите!» И затем он последовал за этим человеком до его жилища, и меняла вошел и кинул кошель на скамью. А ему захотелось помочиться, и он вошел в дом отдохновения, чтобы удовлетво-

рить нужду, и сказал невольнице: «Подай кувшин с водой!» И невольница взяла кувшин и последовала за менялой в дом отдохновения, оставив дверь открытой, и вор вошел, и взял кошель, и ушел к своим товарищам, и осведомил их о том, что случилось с менялой и невольницей, и они сказали ему: «Клянемся Аллахом, поистине, то, что ты сделал,— ловкость, и не всякий человек это может, но только меняла сейчас выйдет из дома отдохновения и не найдет мешка и станет бить невольницу и мучить ее тяжелым мучением, и, кажется, ты не сделал дела, за которое тебя будут восхвалять. Если ты ловкач, то освободи девушку от побоев и мучений».— «Если захочет Аллах великий, я выручу девушку и мешок»,— сказал вор. И затем он вернулся к дому менялы и увидел, что тот пытает невольницу из-за мешка. И он постучал в дверь, и меняла спросил: «Кто это?» А вор ответил: «Я слуга твоего соседа на рынке». И меняла вышел к нему и спросил: «Что тебе?» И вор сказал: «Мой господин приветствует тебя и говорит: «Что это твои повадки переменились? Как это ты бросаешь такой кошель, как этот, возле лавки и уходишь и оставляешь его? Если бы его нашел кто-нибудь другой, он бы взял его и ушел». И если бы мой господин не увидел его и не сохранил, кошель бы, наверное, пропал у тебя».

И потом он вынул кошель и показал его меняле, и, увидав его, меняла воскликнул: «Это мой кошель, он самый!» — и протянул руку, чтобы взять его у вора, но тот сказал: «Клянусь Аллахом, я его тебе не дам, пока ты не напишешь моему господину записку, что ты получил от меня кошель. Я боюсь, он мне не поверит, что ты взял кошель и получил его, пока ты не напишешь ему записку и не приложишь к ней печати».

И меняла вошел в дом, чтобы написать записку о прибытии мешка, как сказано, а вор ушел с мешком своей дорогой, и невольница освободилась от наказания.

РАССКАЗ
О ЖЕНЩИНЕ С ОТРУБЛЕННЫМИ РУКАМИ

Рассказывают также, что один царь из царей сказал жителям своего царства: «Поистине, если подаст кто-нибудь из вас какую-либо милостыню, я отрублю ему руку!» И все люди стали из-за этого воздерживаться от милостыни, и никто не мог подать милостыню никому. И случилось, что один просящий пришел однажды к женщине (а его мучил голод) и сказал ей: «Подай мне что-нибудь!» И она ответила: «Как же я тебе подам, когда царь отрубает руку всякому, кто подает?» Но нищий воскликнул: «Прошу тебя, ради Аллаха великого, подай мне!» И когда он попросил ее ради Аллаха, женщина пожалела его и дала ему две лепешки. И весть об этом дошла до царя, и он велел привести ту женщину. И когда она явилась, отрубил ей обе руки, и она отправилась домой. А потом через некоторое время царь сказал своей матери: «Я хочу жениться, жени меня на красивой женщине». И она отвечала: «По соседству с нами есть женщина, лучше которой не найти, но только у нее большой недостаток».— «А что?» — спросил царь. И мать его сказала: «У нее отрублены руки».— «Я хочу посмотреть на нее»,— сказал царь. И мать привела ее к нему, и, когда царь посмотрел на нее, он прельстился ею, и женился на ней, и вошел к ней. А это была та женщина, которая подала просившему две лепешки, и царь отрубил ей из-за этого руки. И когда царь на ней женился, ей позавидовали другие его жены, и написали царю письмо, и наговорили про нее,что она распутница (а она родила мальчика). И царь написал своей матери письмо и приказал ей отвезти эту женщину в пустыню и оставить ее там, а самой вернуться. И мать его сделала это, и завезла ее в пустыню, и вернулась, а та женщина стала плакать о том, что с ней случилось, и рыдала как нельзя громче. И так она шла, а ребенок был у нее на шее, и она проходила мимо потока и встала на колени, чтобы напиться из-за сильной жажды, охватившей ее от ходьбы, утомления и печали. И когда она наклонилась, ребенок упал в воду. И женщина села и заплакала о ребенке горьким плачем. И пока она плакала, проходили мимо два человека, и они спросили ее: «О чем ты плачешь?» — «У меня был ребенок на шее, и он упал в воду»,— отвечала она. И эти люди сказали: «Хочешь ли ты, чтобы мы его вытащили?» — «Да»,— отвечала она. И они помолились

Аллаху великому, и ребенок вышел к ней невредимый. «Хочешь ли ты, чтобы Аллах вернул тебе руки?» — спросили женщину эти люди. И она ответила: «Да». И тогда они помолились Аллаху,— велик он и славен! — и руки ее вернулись к ней, даже лучше, чем были. А потом люди спросили женщину: «Знаешь ли ты, кто мы?» И она ответи ла: «Аллах лучше знает». И они сказали: «Мы те твои две лепешки, которые ты подала просившему, и милостыня была причиной отсечения твоих рук. Хвали же Аллаха великого, который вернул тебе и сына и руки!» И она восхвалила Аллаха великого и прославила его.

РАССКАЗ ПРО АЛА АД-ДИНА И ВОЛШЕБНЫЙ СВЕТИЛЬНИК

«Говорят, о счастливый царь, будто был в одном городе из городов Китая портной, живший в бедности, и был у него сын по имени Ала ад-Дин. И был этот сын шалый, непутевый с самого малолетства, и когда исполнилось ему десять лет, отец захотел научить его ремеслу. Но так как жил он в бедности, то не мог отдать сына какому-нибудь мастеру, чтобы тот научил его ремеслу, ибо это потребовало бы расходов на учителя, и он взял мальчика в свою лавку с целью обучить его портняжному делу. А Ала ад-Дин был непутевый мальчишка, он привык целый день шляться с уличными ребятами, такими же беспутными, как он сам, и не мог ни часа, ни минутки высидеть в лавке; он только и ждал, когда отец уйдет к какому-нибудь заказчику, и сейчас же бросал лавку и уходил играть с другими озорниками.

Вот каковы были его привычки, и нельзя было его заставить слушаться отца, и сидеть в лавке, и учиться ремеслу. Отец выбился из сил, наставляя его, но ничего не мог с ним поделать, и от великой печали и огорчения он заболел тяжелой болезнью и умер. А Ала ад-Дин продолжал вести себя как шалопай, и когда мать Ала ад-Дина увидела, что ее муж преставился к милости великого Аллаха, а сын повесничает и не знает ни ремесла, ни другого

какого дела, которым можно было бы добыть пропитание, она продала все, что было у мужа в лавке, и стала прясть хлопок и кормилась трудами рук своих, и кормила своего сына, непутевого Ала ад-Дина.

А Ала ад-Дин, увидев, что он избавился от сурового своего отца, стал еще больше озорничать и повесничать и приходил домой только в час еды, тогда как его бедная мать пряла и трудилась сверх сил, чтобы добыть пропитание для себя и для сына, и жила она так, пока не стало ее сыну Ала ад-Дину пятнадцать лет.

И вот однажды, когда Ала ад-Дин играл на улице с другими непутевыми мальчишками, вдруг остановился неподалеку от них какой-то человек, чужеземец, и стал смотреть на Ала ад-Дина и наблюдать за ним, не обращая внимания ни на кого из его товарищей. А этот человек был магрибинской породы, колдун, который учинял своим колдовством одну хитрость за другой, и знал он всякие философии и все науки, и хорошо разбирался в науке о положении звезд. И когда он бросил взгляд на Ала ад-Дина и хорошо всмотрелся в него, он сказал про себя: «Поистине, этот мальчишка — тот, кто мне нужен, и ради того я ушел из своей страны, чтобы его сыскать!»

Он отвел одного из мальчишек подальше и начал его спрашивать про Ала ад-Дина — чей он сын, как зовут его отца, и выспросил обо всех его обстоятельствах, а потом подошел к Ала ад-Дину, отвел его в сторону и спросил: «Мальчик, ты такой-то сын такого-то портного?» — «Да, господин паломник,— отвечал Ала ад-Дин,— но мой отец уже давно мертвый».

И когда магрибинец услышал это, он тотчас же бросился Ала ад-Дину на шею, обнял и стал целовать, а сам плакал, а Ала ад-Дин, увидав, что магрибинец в таком состоянии, очень удивился: «По какой причине ты плачешь и откуда ты знаешь про моего отца?»

И магрибинец ответил слабым, печальным голосом: «О дитя мое, как ты можешь мне задавать такой вопрос? Я плачу потому, что ты сказал о смерти твоего отца, а ведь он мне брат по матери и отцу. Я утомился, идя из далеких стран, но радовался, надеясь его увидеть и повеселить мои взоры лицезрением его, а ты, племянник, говоришь, что он умер! Потому я о нем и плачу, и еще я плачу о своей злой судьбе — ведь он умер раньше, чем я его повидал. И едва я увидел тебя, дитя мое, от меня не укрылось, клянусь Аллахом, что ты сын моего брата, и я узнал тебя среди мальчиков, с которыми ты играл, а ведь мой брат, твой отец,

когда мы расстались, еще не женился. И клянусь Аллахом, дитя мое, мне лучше бы повидать брата и умереть вместо него, ибо я надеялся после долгих скитаний еще раз взглянуть на него, но поразила меня разлука. От того, что будет, не убежишь, и нет ухищрения против власти Аллаха над его тварями, но ты, сынок, заменишь мне его, поскольку ты его сын, и я буду утешаться тобою: кто оставил подобного тебе, тот не умер».

Потом магрибинец сунул руку в карман, вынул десять динаров, протянул их Ала ад-Дину и сказал: «О дитя мое, где вы живете и где твоя мать, жена моего брата?» И Ала ад-Дин взял магрибинца за руку и провел его к их дому, и магрибинец сказал ему: «Возьми, сынок, эти деньги, отнеси их матери, передай ей от меня привет и скажи: «Мой дядя, брат моего отца, вернулся с чужбины». А я, если позволит Аллах, завтрашний день приду к вам, чтобы поздороваться с твоей матерью, и посмотрю на тот дом, где жил мой брат, и погляжу на его могилу».

И потом магрибинец поцеловал Ала ад-Дина, и оставил его, и пошел своей дорогой, а Ала ад-Дин, радуясь деньгам, побежал поскорей домой. Он пришел в необычное время, так как обыкновенно заходил домой только в час обеда и ужина, и, полный радости, вбежал в комнату и закричал: «Матушка, я тебя порадую: мой дядя, брат отца, вернулся с чужбины и передает тебе множество приветов!» — «Ты как будто смеешься надо мной, сынок! Где у тебя дядя и откуда ему взяться? Нет у тебя никакого дяди!» — сказала ему мать.

И Ала ад-Дин воскликнул: «Как это ты, матушка, говоришь, что у меня нет дяди и нет в живых никаких родственников, когда я только что видел своего дядю и он меня обнимал и целовал, а сам плакал! Он узнал меня, и он знает всю нашу семью, а если ты не веришь, посмотри: вот десять динаров. Он мне их дал и сказал: «Отнеси их матери»,— и, если позволит Аллах, он завтрашний день придет к нам, чтобы с тобой поздороваться. И он велел тебе передать эти слова».

«Да, сынок,— сказала мать Ала ад-Дина,— я знаю, что у тебя был дядя, но он умер задолго до твоего отца, а другого твоего дяди я не знаю».

И она всю ночь раздумывала об этом событии, а колдун-магрибинец, когда настало утро, поднялся, надел свою одежду и отправился на ту улицу искать Ала ад-Дина, потому что его душа не терпела разлуки с мальчиком. Он до тех пор искал его, пока не нашел, а Ала ад-Дин, как всегда,

играл с детьми. Магрибинец подошел к Ала ад-Дину, обнял его и поцеловал, потом вынул из кошелька два динара и сказал: «Возьми их, сынок, отдай твоей матери и скажи: «Мой дядя хочет прийти к нам сегодня вечером и поужинать у нас; возьми эти деньги и сделай на них хороший ужин». Но прежде чем мы расстанемся, проведи меня еще раз к твоему дому, чтобы я не ошибся и нашел его».— «Слушаюсь!» — сказал Ала ад-Дин, и пошел впереди магрибинца, и привел его к своему дому, и тогда магрибинец оставил его и ушел, куда хотел, а Ала ад-Дин вбежал к матери, передал ей слова своего дяди, и отдал те два динара, и сказал: «Мой дядя хочет сегодня вечером у нас поужинать».

И мать Ала ад-Дина пошла на рынок, купила всего, что ей было нужно, и вернулась домой, и стала готовить ужин, а блюда и другую посуду она заняла у соседей. Когда же пришло время ужина, она сказала своему сыну: «Сыночек, ужин готов. Может быть, твой дядя не знает дорогу к нашему дому, пойди встреть его!» — «Слушаю и повинуюсь!» — ответил Ала ад-Дин, и когда он выходил из дома, в ворота вдруг постучали. Он тотчас же вышел и открыл ворота, и оказалось, что это магрибинский колдун и с ним раб, который несет кувшин с набизом, плоды, сласти и прочее.

И Ала ад-Дин взял все это у раба, и раб ушел своей дорогой, а Ала ад-Дин пошел впереди магрибинца, и когда они оказались посреди комнаты, магрибинец выступил вперед и поздоровался, плача, с матерью мальчика и спросил ее, где обычно сидел его брат. Она показала магрибинцу место ее мужа, и магрибинец подошел и начал целовать там землю, восклицая: «Увы, как печальна моя судьба! Как это я лишился тебя, о брат мой, о слезинка моего глаза, о мой любимый!»

И он до тех пор говорил такие слова, плакал и причитал, хлопая себя по щекам, пока мать Ала ад-Дина не испугалась, что ему станет дурно от столь большого усердия. Она подошла к магрибинцу, взяла его за руку, подняла его и сказала: «Что толку, о деверь, от всего этого! Ты только сам себя убиваешь!» Она усадила магрибинца и принялась его утешать, и когда магрибинец пришел в себя, он начал с ней разговаривать и сказал: «О жена моего брата, не удивляйся, что ты меня не знаешь и что при жизни моего брата ты меня ни разу не видела. Это потому, что я покинул наш город и расстался с братом сорок лет назад, и я обошел Хинд, Синд и все города Магриба, и вступил в Каир, и жил

я в светозарной Медине — да пребудут над ее господином наилучшие благословения и приветы Аллаха! Оттуда я отправился в страны нечестивых и пробыл там четырнадцать лет, а потом, после этого, о жена моего брата, я стал думать в один из дней о моем брате, моем городе и родной земле, и поднялись во мне тоска и желание увидеть брата. И начал я плакать, и непрестанно побуждала меня тоска направиться сюда, в этот город, чтобы взглянуть на брата, и наконец я сказал себе: «О человек, сколько времени ты на чужбине, вдали от родной страны! Есть у тебя один-единственный брат и никого больше, пойди же, посмотри на него. Кто знает, каковы удары судьбы и превратности времени? Великая печаль будет, если ты умрешь, не повидав брата. Ведь ты, слава Аллаху, обладаешь богатствами и обильными благами и у тебя много денег, а твой брат, может быть, живет стесненною жизнью. Пойди же и взгляни на него, и если увидишь, что он пребывает в бедности,— помоги ему». И я подумал обо всем этом и, когда наступило утро, собрался в путешествие. Я пошел на пятничную молитву, а потом сел на своего чистокровного коня, и пустился в дорогу, и претерпел много трудностей и страшных опасностей, но Аллах судил мне благополучие, и я прибыл в ваш город. И когда я ходил по его улицам, я увидел твоего сына Ала ад-Дина, который играл с уличными мальчишками, и, клянусь великим Аллахом, о жена моего брата, с той минуты, как я его увидел, мое сердце раскрылось для него,— кровь ведь стремится к родной крови,— и я узнал его по наружности. И забыл я, когда увидел его, все тяготы и заботы, которые перенес и испытал, и велика стала моя радость. Но Ала ад-Дин рассказал мне, что мой покойный брат умер, и, увы, о жена моего брата, когда я услышал это, я опечалился, и, может быть, Ала ад-Дин тебе говорил, какая великая скорбь и горесть охватили меня. Но я утешаюсь Ала ад-Дином и надеюсь, что по воле Аллаха он мне заменит покойного, а кто оставил себе замену, тот не умер».

Потом он посмотрел и увидел, что мать Ала ад-Дина стала плакать от таких слов, и обратился к Ала ад-Дину, чтобы тот подтвердил, что он действительно брат ее мужа, и утешил ее, и чтобы удалить его хитрость и обман, сказал: «О дитя мое, каким ремеслам ты научился? Скажи мне, научился ли ты ремеслу, на которое ты бы мог жить вместе с матерью?»

Ала ад-Дин застыдился, смутился, повесил голову и уставился в землю, а мать его сказала: «Откуда у него

ремесло! Нет у него ремесла! Он только и знает, что озорничает целый день и шляется с уличными мальчишками. Ведь отец его — отчего умер, бедняга?.. Оттого он умер, что из-за него заболел, а я, горе мне, день и ночь тружусь и пряду хлопок, чтобы заработать на две лепешки хлеба, которыми мы живем целый день. Вот он какой, деверь, а у меня не осталось силы, чтобы содержать такого взрослого парня, и я едва могу добыть пропитание. Мне самой нужен кто-нибудь, чтобы меня содержать».

И тут магрибинец обратился к Ала ад-Дину и сказал ему: «Почему это ты, племянник, все беспутничаешь? Стыдись, так не годится! Ты стал мужчиной и умным человеком, и к тому же ты сын добрых людей. Стыдно тебе, что твоя мать, женщина, вдова, бьется, чтобы тебя прокормить, а ты, мужчина, бездельничаешь. Нужно тебе научиться ремеслу, чтобы добывать пропитание себе и матери. Погляди, сынок, у вас в городе много всяких мастеров. Посмотри, какое ремесло тебе нравится, и я определю тебя к мастеру, чтобы ты у него учился и чтобы у тебя, когда вырастешь, было ремесло, на которое можно прожить. Может быть, тебе не любо ремесло твоего отца? Ты выбери ремесло, которое тебе нравится, и скажи мне, а я помогу тебе всем, чем могу».

Но магрибинец увидел, что Ала ад-Дин молчит и не отвечает, и понял, что мальчику это неприятно и что он не желает учиться никакому ремеслу, ибо он так воспитан, что привык бездельничать. «О сын моего брата,— сказал магрибинец,— не печалься из-за меня. Если ты не согласен учиться ремеслу, я открою для тебя купеческую лавку и наполню ее самыми дорогими тканями. Ты узнаешь людей, и будешь торговать с ними, и станешь купцом, известным в городе». Услышав слова магрибинца и обещание, что он станет купцом, Ала ад-Дин обрадовался, так как был уверен, что купцы всегда ходят в чистой и нарядной одежде и что все они — большие люди. Он посмотрел на магрибинца, и засмеялся, и закивал головой, показывая, что он согласен, и магрибинец понял, что мальчику хочется стать купцом. «О сын моего брата,— сказал он,— будь только мужчиной, и я завтра утром возьму тебя с собой на рынок и скрою тебе нарядную одежду, а потом я присмотрю для тебя у купцов лавку и положу туда всяких дорогих тканей, и ты будешь там сидеть, продавать и покупать».

И когда мать Ала ад-Дина услыхала эти слова,— она все еще была в сомнении насчет магрибинца,— она твердо решила про себя, что магрибинец и вправду брат ее мужа,—

ведь невозможно, чтобы чужой человек все это сделал для ее сына! — и принялась наставлять и учить мальчика, чтобы он выбросил глупости из головы и всегда слушался дядю, никогда не прекословил ему,— ведь дядя ему все равно что отец. Пора ему наверстать то время, которое прошло в шалостях! Потом мать Ала ад-Дина, дав сыну такие наставления, поднялась и подала ужин, и все сели за трапезу и ели, пока не насытились, а затем вымыли руки и сидели, беседуя о торговых делах, о купле, продаже и прочем.

И Ала ад-Дин всю ночь не спал и словно летал от радости, а магрибинец, увидев, что ночь дошла до половины, встал и ушел к себе домой, обещая, что к утру придет и возьмет Ала ад-Дина с собой на рынок. Когда наступило утро, магрибинец постучался в ворота, и мать Ала ад-Дина встала и открыла ему, но он не захотел войти и потребовал Ала ад-Дина, чтобы взять его с собой, и Ала ад-Дин тотчас же, быстрее молнии, оделся и вышел. Он пожелал магрибинцу доброго утра и поцеловал ему руку, а магрибинец взял его за руку и пошел с ним на рынок. Там он вошел в лавку одного из больших торговцев и потребовал перемену платья — разноцветного, нарядного, дорогого, и торговец принес ему то, что он хотел: роскошные, полные перемены платья, уже все сшитые.

«О сын моего брата,— сказал магрибинец,— выбирай то, что тебе нравится». Мальчик обрадовался и развеселился, видя, что магрибинец дает ему выбрать самому. Он выбрал нарядную перемену платья себе по душе, и магрибинец отдал торговцу за нее плату и вышел из лавки. Потом они отправились в баню, вместе вымылись и надушились, а выйдя из воды, попили сладкого питья, и Ала ад-Дин оделся в свое новое платье, и ум его улетел от радости. Он подошел к магрибинцу, поцеловал ему руку и сказал: «Да сохранит тебя Аллах, о дядюшка!» И потом они вышли из бани, и магрибинец повел его на рынок торговцев, и погулял с ним по рынку, и показал ему, как производится купля и продажа. «О племянник,— сказал он,— тебе следует глядеть на купцов — как они продают и покупают, чтобы научиться разбираться в вещах и товарах,— это ведь будет твое ремесло».

Потом он повел Ала ад-Дина по городу и показал ему городские мечети, постоялые дворы и странноприимные дома, а затем они зашли к великолепному повару, и тот подал им роскошный обед на серебряной посуде, и они пообедали, и насладились, и выпили. Затем магрибинец

стал показывать Ала ад-Дину местности для прогулок и для развлечений и игр и показал ему дворец султана, а потом пошел с ним на постоялый двор для чужеземцев, в то помещение, в котором он жил. А магрибинец пригласил к себе некоторых купцов, своих соседей, и когда те пришли, он поставил перед ними столик с кушаньями и рассказал им, что этот мальчик сын его брата.

Потом, когда все поели, попили и насытились, магрибинец поднялся, взял Ала ад-Дина за руку и доставил его домой. Он привел мальчика к матери, и когда мать увидела его в такой одежде, в роскошном наряде,— а он был похож на какого-нибудь царевича,— она чуть не улетела от радости и принялась благодарить магрибинца. «О деверь,— воскликнула она,— клянусь Аллахом, мои мысли все спутались, и я не знаю, каким языком мне благодарить тебя за твои милости и как тебя восхвалять за добро и благодеяние, которое ты сделал моему сыну!» — «О жена моего брата,— отвечал магрибинец,— никакого я не сделал благодеяния! Ведь Ала ад-Дин — сын моего брата, а значит, и мой сын, и я обязан заменить ему отца. Будь же спокойна».— «Прошу Аллаха именем его святых и пророков, пусть сохранит и оставит тебя в живых и продлит тебе жизнь, чтобы был ты этому мальчику покровителем! — воскликнула мать Ала ад-Дина.— А он всегда будет тебе повиноваться и никогда не ослушается тебя».— «О жена моего брата, не думай об этом,— сказал магрибинец,— Ала ад-Дин — умный мужчина, и я надеюсь, что, с соизволения великого Аллаха, он заменит тебе своего отца, и порадуются на него твои глаза, и, если захочет Аллах, он станет величайшим купцом в этом городе. Мне тяжело, что завтра день пятницы и я не могу открыть для него лавку, так как все купцы после молитвы уйдут в сады и на прогулки, но в субботу, если пожелает Аллах, я сделаю так, как хочется Ала ад-Дину, и открою для него лавку, а завтра я приду к вам, и возьму его с собой, и покажу ему сады и места для прогулок за городом,— может быть, он их еще не видал. Завтра там будут все купцы, и я хочу, чтобы он познакомился с ними, а они познакомились с ним».

Потом магрибинец попрощался и ушел в свое жилище, а утром он пришел и постучался в ворота. А Ала ад-Дин всю ночь не спал от радости, и, лишь только зачирикали воробьи и наступил день, он поднялся, надел свою одежду и сидел, ожидая дядю. И когда постучали в ворота, он, словно искра огня, быстро поднялся, и отпер ворота, и уви-

дел магрибинца. Он подошел и поцеловал ему руку, и магрибинец взял его и пошел с ним.

«Сегодня, о сын моего брата,— сказал магрибинец,— я покажу тебе кое-что такое, чего ты никогда в жизни не видал». И он ласково разговаривал и беседовал с мальчиком, пока они не вышли из города, и они шли по загородным садам, и магрибинец показывал Ала ад-Дину находившиеся там дворцы и замки, и всякий раз, когда они подходили к какому-нибудь саду, замку или дворцу, магрибинец останавливался, и показывал его Ала ад-Дину, и спрашивал: «Нравится тебе этот сад? — я куплю его для тебя! Нравится ли тебе этот дворец?» А Ала ад-Дин был ведь маленький мальчик и, слыша ласковые слова магрибинца, верил ему, и ум его улетал от радости.

И так они шли, пока не устали, и тогда зашли они в великолепный сад, от вида которого расширялось сердце и светлело в глазах, и фонтаны поливали там цветы водой, извергавшейся из пасти медных львов. Они сели отдохнуть у пруда с водой, и сердце Ала ад-Дина расширилось, и магрибинец начал с ним шутить и беседовать, словно он и вправду был ему дядей. Потом он поднялся, и вынул из-за пояса кулек с разной снедью и плодами, и сказал: «Ты, наверно, проголодался, о сын моего брата, садись, поешь!»

И магрибинец с Ала ад-Дином ели, пока не насытились, и потом магрибинец сказал: «Если ты отдохнул, вставай, походим и посмотрим еще немного». И Ала ад-Дин встал, и они ходили из сада в сад, пока не обошли все сады и не пришли к одной высокой горе. А Ала ад-Дин в жизни не выходил из города и не ходил столько, и он прямо умирал от усталости. «О дядя, а куда мы идем? — спросил он магрибинца.— Мы оставили сады позади и пришли к этой горе, и если путь еще долгий, то я не могу идти, так как я умираю от усталости. Дальше уже нет больше садов, вернемся же в город!» — «Нет, племянник,— ответил магрибинец,— эта дорога ведет в роскошные сады. Идем, я покажу тебе такой сад, какого не видывал ни один царь. Соберись же с силами, и пойдем! Ты ведь мужчина!» И магрибинец принялся улещать Ала ад-Дина и развлекать его и шел с ним рядом, рассказывая всякие истории, лживые и правдивые, пока они не дошли до того места, к которому стремился магрибинский колдун и ради которого он пришел из земель внутреннего Китая.

И когда они пришли, магрибинец сказал Ала ад-Дину: «Садись, отдохни, о сын моего брата, вот то место, куда мы направляемся. Если захочет Аллах, племянник, я покажу

тебе такие чудеса, каких никто не видел, и никто не любовался тем, на что ты полюбуешься. Но после того как ты отдохнешь, встань и поищи нам немного хвороста, кусков дерева, высохших древесных корней и прочего: я хочу развести огонь и показать тебе эту диковинную вещь».

Когда Ала ад-Дин услышал это, ему так захотелось посмотреть, что хочет сделать дядя, что он забыл усталость и утомление и принялся искать и собирать мелкий хворост. Он собирал его до тех пор, пока магрибинец не сказал: «Хватит!» — и тогда колдун тотчас же встал, вынул из-за пазухи кремень и огниво и запалил бывшую при нем серную лучинку. Потом он вынул из-за пазухи свечу и зажег ее, а Ала ад-Дин пододвинул к нему собранную им кучку хвороста, и магрибинец разжег в ней огонь. Он подождал, пока хворост перестал пылать, сунул руку за пазуху, вынул коробочку, открыл ее, взял оттуда немного порошку и бросил его в огонь, и из огня пошел дым, а магрибинец начал колдовать, произносить заклинания и говорить непонятные слова. И вдруг мир потемнел, и загремел гром, и земля затряслась и разверзлась; и Ала ад-Дин испугался, и устрашился, и хотел убежать. И когда магрибинец увидел, что мальчик хочет бежать, он пришел в великую ярость, так как он видел в своем гороскопе, что из его дела без Ала ад-Дина не будет проку,— ведь он хотел добыть сокровище, которое не откроется иначе как при помощи Ала ад-Дина. И вот, увидав, что тот намерен бежать, он поднял руку и так ударил Ала ад-Дина по щеке, что едва не вышиб у него изо рта все зубы, и Ала ад-Дин упал без сознания и немного пролежал на земле вниз лицом, а потом очнулся и спросил: «Дядя, что я тебе сделал и чем заслужил от тебя это?» И магрибинец принялся его уговаривать и сказал: «О дитя мое, я хочу, чтобы ты стал мужчиной! Не прекословь мне, я ведь тебе дядя, взамен отца, и, если захочет Аллах, ты скоро забудешь все эти тяготы, так как увидишь диковинную вещь».

А когда земля разверзлась, из-под нее показался мраморный камень, в котором было кольцо из меди, и магрибинец сказал Ала ад-Дину: «О сын моего брата, если ты сделаешь так, как я тебе скажу, ты станешь богаче всех царей в мире, и по этой причине я и ударил тебя. В этом месте лежит огромное сокровище, и оно положено на твое имя, а ты хотел бежать и упустить его. Но теперь одумайся и посмотри, как я заставил землю раздвинуться своими заклинаниями и заклятьями, и послушай слова, которые

я скажу. Взгляни на этот камень с кольцом — под ним то сокровище, о котором я тебе говорил. Возьмись рукой за кольцо и приподними его, и мраморная плита поднимется. Никто, кроме тебя, дитя мое, не может ее поднять, и никто, кроме тебя, не может ступить ногой в эту сокровищницу. так как клад охраняется твоим именем. Но ты должен слушаться того, что я говорю, и не отступать от этого ни на одну букву: это все для твоего блага, так как здесь лежит великое сокровище; все цари мира не добыли даже части его, и оно твое и мое».

Услышав эти слова, Ала ад-Дин забыл про боль, усталость и тяготы, и охватило его удивление от слов магрибинца: как это он станет богатым до такой степени, что даже цари мира будут не богаче его! «О дядя,— сказал он магрибинцу,— скажи мне, чего ты хочешь. Я покорен твоему приказанию и никогда не стану прекословить тебе»,— и магрибинец промолвил: «О дитя мое, Ала ад-Дин, я хочу для тебя всякого блага, и нет у меня наследников, кроме тебя одного. Ты — мой наследник и преемник».

И он подошел к Ала ад-Дину, поцеловал ему между глаз и сказал: «Ведь все мои труды — для кого они? Все эти труды — для тебя, чтобы сделать тебя богатым до такой степени. Не перечь же мне в том, что я тебе говорю: подойди к этому кольцу и подними его, как я уже говорил».— «О дядя,— сказал Ала ад-Дин,— эта плита тяжелая, и я один не смогу ее поднять. Нужно, чтобы ты подошел и помог мне поднять ее,— я ведь маленький».— «О дитя мое,— молвил магрибинец,— я не могу к ней прикасаться, но положи руку на кольцо, и плита сейчас же поднимется. Я же тебе говорил, что никто не может ее коснуться, кроме тебя. А когда будешь ее поднимать, назови свое имя, имя твоего отца и отца твоего отца, а также имя твоей матери и отца твоей матери».

И тогда Ала ад-Дин выступил вперед и сделал так, как научил его магрибинец. Он потянул плиту — и плита поднялась с полной легкостью, когда он назвал свое имя, имя своего отца и матери и другие имена, о которых говорил магрибинец, и он сдвинул плиту с места и отбросил в сторону, и когда он поднял плиту, под ней оказалось подземелье с лестницей в двенадцать ступенек.

«О Ала ад-Дин,— сказал магрибинец,— соберись с мыслями, сын моего брата, прислушайся к моим словам и сделай все, что я тебе скажу, ничего не упуская. Спустись со всей осторожностью в это подземелье, и когда ты до-

стигнешь его дна, то найдешь там помещение, разделенное на четыре четверти. В каждой четверти ты найдешь четыре кувшина с червонным золотом, серебром, золотыми слитками и другими драгоценностями, но берегись, о дитя мое, дотронуться до которого-нибудь из них, и не приближайся к ним, и не бери ничего. Иди вперед, пока не дойдешь до четвертой, последней четверти помещения, и проходя мимо каждой четверти, ты увидишь, что она подобна целому дому, и найдешь в ней, как и в первой четверти, кувшины с золотом, серебром, золотыми слитками и другими драгоценностями. Но иди мимо всего этого и не давай твоей одежде или подолу коснуться какого-нибудь кувшина или даже стен — иначе ты погибнешь. Берегись и еще раз берегись, дитя мое, и не давай твоей одежде коснуться чего-нибудь в этом помещении. Входи туда побыстрей и остерегайся останавливаться, чтобы посмотреть; берегись и еще раз берегись задержаться хоть на одной ступеньке! Если ты сделаешь не так, как я говорю, то будешь сейчас же заколдован и превратишься в кусок черного камня.

А когда ты достигнешь четвертого помещения, то увидишь там дверь. Положи руку на дверь и назови твое имя и имя твоего отца, как ты только что назвал их над плитой,— и дверь тотчас же откроется. Из этой двери ты пройдешь в сад и увидишь, что он весь украшен деревьями и плодами; выйди через сад на дорогу, которую ты увидишь перед собой, и пройди по ней расстояние в пятьдесят локтей; ты увидишь там портик с лестницей — около тридцати ступенек — и увидишь, что вверху портика висит зажженный светильник. Поднимись по лестнице, возьми светильник, погаси его и вылей масло, которое в нем есть, а потом положи светильник в карман и не бойся и не опасайся, что масло запачкает тебе платье. А когда будешь возвращаться, не страшись сорвать с дерева что-нибудь, что тебе понравится, ибо все, что есть в саду и в сокровищнице, станет твое, раз светильник в твоих руках».

Потом колдун-магрибинец, окончив говорить, снял с пальца перстень, надел его на палец Ала ад-Дину и сказал: «О дитя мое, этот перстень избавит тебя от всякого вреда или бедствия, которое сможет тебя поразить, при условии, если ты запомнишь все то, что я тебе сказал. Вставай же теперь и спускайся вниз. Наберись храбрости, и не бойся ничего, и будь человеком с сильным, смелым сердцем, ты ведь не малый ребенок, ты мужчина И если ты сделаешь все, что я тебе сказал, то через корот-

кое время добудешь огромное богатство, так что не будет в мире никого богаче тебя».

И тогда Ала ад-Дин встал, и спустился по лестнице в подземелье, и увидел там помещение, разделенное на четыре четверти, и в каждой четверти стояло четыре кувшина, полных золота, серебра и других драгоценностей, как и говорил ему магрибинец. И он подобрал полы одежды и прошел по этому помещению со всей осторожностью, чтобы его одежда не коснулась стен или чего-нибудь другого, что было там, и миновал все прочие комнаты, и оказался посреди сада, а из сада он прошел к портику и увидел подвешенный светильник. Тогда он поднялся по ступенькам, взял светильник и вылил из него масло, а потом положил светильник в карман, спустился в сад и начал рассматривать находившиеся там деревья и птиц, прославлявших единого, всепокоряющего, на которых и не взглянул, когда входил в сад. Он принялся ходить среди деревьев, а они все были обременены плодами из драгоценных камней, и на каждом дереве камни были иной окраски, чем на другом, и были они всех цветов — белые, зеленые, желтые, красные, лиловые и всякого другого цвета, и блеск их побеждал лучи солнца, и по величине каждый камень превосходил всякое описание. Не найдется ни одного такого у величайшего царя в мире, и нет у него даже камня величиной в половину малейшего из них!

И Ала ад-Дин стоял среди деревьев, уставившись на них, и любовался этими диковинками, исполнившись удивления, ибо он видел, что деревья вместо съедобных плодов несут на себе драгоценные камни, отнимающие у человека рассудок,— жемчуга, изумруды, алмазы, яхонты, топазы и другие ценные самоцветы, повергающие умы в смятение. И он стоял и смотрел на эти вещи, которых в жизни никогда не видал, и не знал он, что такое драгоценные камни, как их продают и какая им цена, ибо он, во-первых, был маленький и, во-вторых, сын бедных людей. И он принялся их рассматривать, и дивился на них, и думал, как бы ему нарвать всего этого — винограда, винных ягод и прочих плодов, которые он принимал за настоящие, съедобные,— так ведь обычно думают дети, которые не знают драгоценных камней и не ведают, какая им цена и что это такое. Но когда Ала ад-Дин сорвал немного этих плодов и увидел, что они сухие и несъедобные, твердые, как камень, он решил, что это стекляшки. Он нарвал камней каждого сорта и набил ими все свои карманы, потом снял с себя пояс, наполнил его камнями и снова затянул, и в общем набрал

уйму этих плодов, сколько мог снести, думая про себя: «Я украшу этими стекляшками наш дом и буду играть в них с мальчишками».

Потом он вышел из сада и пошел, поспешая, так как боялся своего дяди-магрибинца. Он мииовал все четыре отделения и, проходя по иим, даже и не взглянул иа кувшины с золотом, которые увидел, когда входил, и достиг лестницы, и поднимался по ней, пока не дошел доверху, и ему осталось только взойти на последнюю ступеньку, но она была высокая, выше остальных, и Ала ад-Дин не мог иа иее подняться из-за тяжести иоши, которую иес. И он сказал магрибиицу: «О дядя, дай мие руку и помоги взойти на эту ступеньку»,— и магрибииец ответил: «Дай мне сначала светильник, сынок, чтобы я мог облегчить тебя,— может быть, это он тебя обременяет».— «Светильник иичуть меня не обремеияет! — сказал Ала ад-Дин.— Дай мне только руку, чтобы я мог подняться на ступеиьку, а когда я поднимусь, я отдам тебе светильиик».

А у магрибинца ие было другой цели и нужды, кроме светильника, и он начал приставать и иастаивать, чтобы Ала ад-Дин отдал ему светильник раньше, чем выйдет из подземелья, но так как Ала ад-Дин положил светильник в карман, а потом набил все свои карманы драгоценностями, он не мог до него добраться. К тому же всемилостивый вразумил его, и он не соглашался отдать магрибинцу светильник и хотел посмотреть, какие у того намерения и почему тот не дает руку раньше, чем Ала ад-Дии отдаст ему светильник.

«О дядя,— сказал он магрибиицу,— дай мне руку и вытащи меня, а потом бери светильник».

И магрибинец рассердился и начал приставать, чтобы Ала ад-Дин сначала отдал ему светильник, но Ала ад-Дин обещал ему зто без дурного иамереиия — он находился в глубине кармана. И когда магрибинец увидел, что у Ала ад-Дина нет желания отдать ему светильиик и он обещает это сделать только после того, как выйдет из подземелья, его гнев усилился. А Ала ад-Дии обещал ему зто без дуриого намерения — он и вправду не мог достать светильник, как мы уже говорили.

Что же касается магрибинца, то, когда он увидел, что Ала ад-Дин его ие слушается и отказывается дать ему светильник, ум улетел у него из головы от досады и усилилась его ярость. Он тотчас же начал колдовать и произносить заклииаиья, и зашептал какие-то слова, и бросил в огоиь миого порошку, и тогда земля затряслась и подзе-

мелье закрылось, как было, и плита легла на него, а Ала ад-Дин остался под землей, внутри подземелья, и не мог выйти, и не было для него прохода, чтобы оттуда выбраться.

А этот магрибинец, колдун, увидал, читая по звездам, что именем Ала ад-Дина заколдовано сокровище, и прикинулся его дядей, чтобы добыть желаемое. Он учился наукам в своей стране, в стране Ифракии, и среди прочих указаний увидел, что в некоей земле, а именно в городе Калкасе, хранится огромный клад и в нем — светильник, и кто добудет этот светильник, тот станет страшно богат, богаче всех царей земли. И он обнаружил, гадая на песке, что эта сокровищница откроется только через мальчика, имя которому Ала ад-Дин, происходящего из дома бедных людей, и тогда он еще раз рассыпал песок, и вывел гороскоп мальчика, и проверял и уточнял, пока не узнал, каков образ Ала ад-Дина и какова его внешность.

И тогда магрибинец снарядился и направился в китайские земли, как мы уже говорили. Он хитростью сошелся с Ала ад-Дином и надеялся получить желаемое, но когда Ала ад-Дин отказался отдать ему светильник, чаяния его пошли прахом, и надежды пресеклись, и пропали все труды его даром. И тут он захотел убить Ала ад-Дина и закрыл над ним землю, чтобы ни он, ни светильник не могли выйти, и пустился в дорогу удрученный, и вернулся в свою страну. Вот что было с магрибинцем.

Что же касается Ала ад-Дина, то, когда он увидел, что подземелье над ним закрылось, он принялся кричать: «Дядя, дядя!» — но никто не дал ему ответа, и он понял, какое коварство учинил с ним магрибинец, и догадался, что это вовсе не его дядя.

И Ала ад-Дин потерял надежду жить и убедился, что нет ему выхода из-под земли, и начал рыдать и плакать из-за того, что с ним случилось, а потом он поднялся, чтобы посмотреть, не найдется ли прохода из подземелья, через который он мог бы выйти. Он повернулся направо и налево, но ничего не увидел, кроме глубокой тьмы и четырех стен, ибо магрибинец замкнул своим колдовством все двери, которые были в подземелье, и даже дверь в сад, чтобы Ала ад-Дин поскорее умер.

И когда Ала ад-Дин увидел это, рассудок его исчез от сильного горя. Он вернулся к лестнице, ведущей в подземелье, и сел там, плача о своем положении, но великий Аллах,— да возвысится величие его! — когда он чего-нибудь захочет, говорит: «Будь!» — и это бывает, и по

сокрытой своей благости судил он Ала ад-Дину спасение.

И Ала ад-Дин сидел на лестнице, плача, рыдая и ударяя себя по щекам, и усилилась его печаль, и просил он Аллаха о милости и спасении. А раньше мы говорили, что магрибинец, спуская Ала ад-Дина в подземелье, дал ему перстень, и надел его мальчику на палец и сказал: «Этот перстень вызволит тебя из всякой беды, в которую ты попадешь»,— и вот, когда Ала ад-Дин плакал и бил себя по щекам от горя, он начал потирать себе руки и, потирая их, задел за тот перстень. И тотчас же вырос перед ним марид, один из рабов господина нашего Сулеймана,— да почиют над ним благословения Аллаха! — и воскликнул: «К твоим услугам, к твоим услугам! Твой раб перед тобой! Требуй от меня чего хочешь, ибо я покорный раб того, в чьих руках находится этот перстень».

Тут Ала ад-Дин задрожал и испугался образа этого марида, но когда он увидел, что марид обращается с ним дружелюбно и говорит: «Требуй от меня чего хочешь, ибо я твой раб»,— он успокоился и вспомнил, что сказал магрибинец, когда давал ему перстень, а он сказал: «Этот перстень вызволит тебя из всякой беды, которая тебя поразит».

И Ала ад-Дин страшно обрадовался, и укрепил свое сердце, и сказал мариду: «О раб владыки перстня, я хочу от тебя, чтобы ты меня вывел на лицо земли». И не окончил еще Ала ад-Дин говорить, как земля задрожала и разверзлась, и он увидел себя на поверхности земли, у входа в подземелье.

И когда Ала ад-Дин нашел себя на лице земли после того, как провел два дня под землей, в темноте, внутри сокровищницы, он открыл глаза, но не мог ими смотреть из-за света дня и лучей солнца. Он принялся закрывать глаза и мало-помалу открывать их, и, когда глаза его окрепли, он открыл их совсем и посмотрел на мир, и оказалось, что он у входа в сокровищницу, в которую он спускался, и земля ровная, и нет в этом месте и признака того, что земля раздвигалась или сдвигалась. И подивился Ала ад-Дин на колдовство магрибинца и прославил великого Аллаха, который избавил его от зла, а потом он обернулся направо и налево, и увидел сады, и узнал дорогу, по которой он пришел с магрибинцем. И Ала ад-Дин обрадовался, что жив, так как был уверен в своей гибели, и пошел по дороге, и шел до тех пор, пока не достиг города. Он вошел в свой дом, улетая от радости, что остался жив, и, войдя, упал на землю и лишился чувств от сильного голода, страха и огор-

чения, которые ему пришлось испытать, а также от охватившей его в это время великой радости.

И мать Ала ад-Дина поспешила к нему и, принеся от соседей немножко розовой воды, побрызгала ему на лицо. А она с тех пор, как рассталась с сыном, ни на минуту не расставалась со слезами о нем, так как он был у нее единственный, и когда он вошел и мать его увидала, она обрадовалась, но когда он упал на землю без чувств, горе ее усилилось, и она непрерывно брызгала ему в лицо розовой водой и давала ему нюхать благовония, пока он не очнулся и не попросил поесть: «Дай мне, матушка, чего-нибудь поесть, я уже два дня без еды».

И мать подала ему то, что у нее было, и молвила: «Иди, сынок, поешь в свое удовольствие, а когда ты отдохнешь, я хочу, чтобы ты мне рассказал, где ты был, и что с тобой случилось, и какое несчастье поразило тебя. Я не спрашиваю тебя сейчас, о дитя мое, так как ты устал».

И Ала ад-Дин сел за еду и ел и пил, пока не насытился, а отдохнув и оправившись, он обернулся к своей матери и сказал: «О матушка, на тебе великий грех! Ты отдала меня этому проклятому, который хотел убить меня и погубить! Клянусь Аллахом, матушка, я из-за него своими глазами видел смерть, а мы-то с тобой думали, что он и вправду мой дядя! Но слава Аллаху, который спас меня от его зла! Мы дали ему себя обмануть, так как он обещал сделать нам столько добра. Ах, матушка, если бы ты знала, какой это скверный, проклятый магрибинский колдун! Проклятие Аллаха да почиет на нем во всяком ниспосланном писании! Посмотри, о матушка, что он со мной сделал!»

И Ала ад-Дин рассказал матери, что с ним случилось, а сам плакал от великой радости, что избавился от зла магрибинца. Он рассказал, что с ним было с тех пор, как он с ней расстался и пока они не дошли до входа в подземелье, и как магрибинец колдовал и дымил, как он расколол гору и разверзлась земля, и продолжал: «И я испугался сотрясения, начавшегося в эту минуту, и хотел бежать, но он выругал меня и побил, и хотя сокровище открылось, он не мог спуститься вниз, ибо этот клад положен на мое имя, и тот проклятый узнал по своему песку, что он откроется только моей рукой. И после того как он меня ударил и выбранил, он решил со мной помириться, чтобы получить желаемое». И Ала ад-Дин продолжал рассказывать матери эту историю и говорил: «Когда магрибинец спустил меня в сокровищницу, он дал мне перстень и надел его мне на

палец, и когда я оказался посреди подземелья, я увидел четыре комнаты, все полные золота, серебра и прочего, но магрибинец не велел мне ничего брать. И после того я вошел в огромный сад, весь поросший деревьями, а плоды на них — это вещь, отнимающая взор своими лучами,— я думаю, они, наверно, из хрусталя всякого вида и цвета. И я подошел к огромному портику, и поднялся туда по лестнице, чтобы взять тот светильник, который проклятый магрибинец велел мне принести, и взял светильник, и погасил его, и вылил то, что в нем было, и положил в карман, и вышел, и потом я сорвал с деревьев немного тех плодов и положил их за пазуху и в карманы. Я подошел к двери в сокровищницу и закричал: «Дядя, протяни мне руку, я несу тяжелые вещи и не могу взойти на последнюю ступеньку, так как она высокая»,— но магрибинец не захотел дать мне руку и вывести меня и сказал: «Дай мне сначала светильник, который ты несешь, а потом я дам тебе руку и выведу тебя». А я, матушка, положил светильник в карман, и набил себе карманы плодами с деревьев из сада, и потому не мог достать светильник и дать его магрибинцу. Я сказал: «Дядя, когда я поднимусь, я дам тебе светильник, а ты дай мне руку, чтобы я взобрался на эту высокую ступеньку»,— но тот проклятый не хотел дать мне руку и вывести меня из подземелья: наоборот, у него был умысел, цель и желание получить и забрать у меня светильник и потом закрыть надо мною землю своим колдовством, чтобы я погиб и умер, как он и сделал со мной в конце концов. Вот, матушка, что у меня было с этим грязным, проклятым магрибинским колдуном».

И Ала ад-Дин рассказал своей матери обо всем, что случилось у него с магрибинцем с начала до конца, а кончив рассказывать, принялся, от сильного гнева и горячего сердца, ругать и проклинать магрибинца и говорил: «Кто же он, этот проклятый, грязный, скверный колдун и обманщик?»

И когда мать Ала ад-Дина услыхала слова своего сына и узнала, как поступил с ним магрибинец, она сказала: «Правда, сынок, клянусь великим Аллахом, едва я его увидела, мое сердце почуяло дурное, и я испугалась за тебя, сынок, ибо у него на лице написано, что он скверный обманщик и колдун, который губит людей своим колдовством. Но слава Аллаху, сыночек, за то, что он тебя вызволил из сетей зла этого магрибинца! Я в нем обманулась и думала, что это и вправду твой дядя».

А Ала ад-Дин вот уже два дня совершенно не вкушал

сна и почувствовал себя сонным и вялым, и захотелось ему спать, он заснул крепким сном, от которого пробудился только на следующий день к полудню. А проснувшись, он попросил у матери чего-нибудь поесть, так как чувствовал себя очень голодным, и мать сказала ему: «О сынок, мне нечего тебе дать, все, что у меня было, ты уже съел вчера. Но потерпи, у меня есть немного пряжи, я пойду на рынок, продам ее и куплю тебе на эти деньги чего-нибудь поесть».— «Оставь твою пряжу при себе, матушка,— сказал Ала ад-Дин,— подай мне светильник, который я принес. Я пойду и продам его и куплю на эти деньги чего-нибудь поесть. Я думаю, он нам принесет больше денег, чем пряжа».

И мать Ала ад-Дина пошла и принесла светильник, но увидела, что он грязный, и сказала: «О сынок, вот он, твой светильник, но только, сынок, разве ты продашь его таким грязным? Может быть, если я его тебе ототру и начищу, ты продашь его за более дорогую цену».

И мать Ала ад-Дина взяла в руки немного песку, но не успела она разок потереть кувшин, как вдруг появился перед ней джинн огромного роста, грозный и страшный видом, с перевернутым лицом, точно один из фараоновых великанов, и сказал: «К твоим услугам! Я твой раб! Чего ты от меня хочешь? Я покорен и послушен тому, в чьих руках этот светильник, и не я один, но и все рабы светильника послушны и покорны ему».

И когда мать Ала ад-Дина увидела это страшное зрелище, ее охватил испуг, и язык у нее отнялся при виде такого образа, ибо она не привыкла видеть таких ужасных чудовищ. Она упала на землю без чувств от ужаса, а что до Ала ад-Дина, который уже видел джинна, когда был в сокровищнице, то, увидав, что случилось с его матерью, он быстро встал, взял из рук матери светильник и сказал рабу-джинну: «Я голодный! Хочу, чтобы ты принес мне чего-нибудь поесть, и пусть эта еда будет выше всех желаний!» И джинн в одно мгновение исчез, и скрылся ненадолго, и принес роскошный, драгоценный, весь серебряный столик, а на столике стояло двенадцать блюд с разными кушаньями, две серебряные чаши, две фляги со светлым, старым вином и хлеб белее снега. И джин поставил все это перед Ала ад-Дином и скрылся, а Ала ад-Дин встал, поднял свою мать и побрызгал ей лицо розовой водой, и, когда она очнулась, сказал ей: «О матушка, пойди поешь этих кушаний, которые послал нам Аллах великий».

И мать его посмотрела и увидела перед собой столик,

весь серебряный, и удивилась этому происшествию и спросила: «Сынок, кто тот щедрый, который прислал нам эти обильные дары? Не иначе, султан проведал о нашем положении и прислал нам свою трапезу — ведь это трапеза царская».— «Матушка,— ответил Ала ад-Дин,— теперь не время разговаривать и спрашивать. Пойди сюда, и давай поедим, мы ведь очень голодны».

И мать его подошла и села за столик, и они ели, пока не насытились, и его мать удивлялась и дивилась на эти роскошные кушанья. От них осталось столько, что даже хватило на ужин и на другой день; и когда мать с сыном вымыли руки и уселись, она сказала: «О сынок, расскажи мне, что было с этим рабом-джинном, после того как я лишилась чувств и упала вниз лицом. Слава Аллаху, что мы поели и насытились, и ты теперь не можешь говорить: «Я голодный!» И Ала ад-Дин рассказал ей обо всем, что произошло у него с рабом-джинном, с тех пор как она обеспамятела и пока не очнулась, и его мать страшно удивилась этим словам и сказала: «О сынок, значит, джинны и вправду являются к потомкам Адама! Я в жизни их до сих пор не видывала! Я думаю, сынок, это тот самый джинн, что вывел тебя из-под земли, когда проклятый магрибинец закрыл над тобой сокровищницу».— «Нет,— ответил Ала ад-Дин,— это не тот джинн, который явился мне в сокровищнице и вывел меня на поверхность мира. Это джинн другой породы, чем тот, ибо тот связан с перстнем, а этот, которого ты видела, связан со светильником, который был у тебя в руке». Услышав слова Ала ад-Дина, его мать сказала: «Так, значит, джинн, которого я видала,— проклятый раб светильника? Разрази его господь, какой он безобразный! Я так его испугалась, что чуть не умерла! Но только, сынок, заклинаю тебя молоком, которым я тебя вспоила, выброси светильник и перстень, причинившие нам такой ужас и страх. Нет у меня, сынок, силы смотреть на джиннов, и пророк — да благословит его Аллах и да приветствует! — предостерегал нас от них».— «О матушка,— отвечал Ала ад-Дин,— то, что ты говоришь,— для меня приказ, но что касается твоих слов «выброси светильник и перстень», то это невозможно, и я их не продам и не выброшу. Смотри, какое добро сделал нам раб светильника: мы умирали с голоду — и он пошел и принес нам трапезу, которую ты видела. Знай, матушка, что когда проклятый магрибинец спускал меня в сокровищницу, он не велел мне принести ни золота, ни серебра, а приказал принести один лишь светильник, ничего больше, ибо он знал, какая великая от него

польза. Если бы он не знал великой ценности этого светильника, то не стал бы так мучиться и трудиться. Он не пришел бы ради светильника из своей страны и не закрыл бы надо мной двери в сокровищницу, потеряв надежду его добыть. Нам следует, матушка, его беречь, ибо от него наше пропитание и в нем наше богатство, и мы никому его не покажем. Что же касается перстня, то я не могу снять его с пальца, ибо если бы не этот перстень, о матушка, ты не видела бы меня в живых и я погиб бы в глубине сокровищницы. Как же я сниму его с руки? Кто знает, какие еще произойдут со мной обстоятельства, беды, превратности и нехорошие случайности, и я не могу снять его с пальца. А светильник я скрою от твоих глаз, чтобы ты его не видела и не боялась». Услышав слова Ала ад-Дина и сочтя их верными и правильными, мать его сказала: «Делай как хочешь, сынок, а что до меня, то я не дотронусь ни до перстня, ни до светильника, и я не хочу еще раз видеть то страшное, устрашающее зрелище, которое видела».

На следующий день они встали и поели того, что осталось от трапезы, которую принес джинн, и тогда у них не оказалось никакой пищи. И Ала ад-Дин поднялся, и взял одно из блюд, которые принес джинн, и пошел на рынок, и попался ему навстречу один еврей, сквернейший из всех обитателей земли. И Ала ад-Дин дал ему это блюдо, и еврей отвел его в сторону, чтобы никто их не видел, и посмотрел на блюдо, и распознал, что серебро блюда — чистое, несмешанное, но он не знал, сведущий человек Ала ад-Дин или он в подобных делах несведущ. «Эй, мальчик, сколько ты просишь в уплату за это блюдо?» — спросил он. И Ала ад-Дин отвечал: «Тебе лучше знать, сколько оно стоит». И еврей растерялся, не зная сколько дать, ибо, хотя Ала ад-Дин и был малосведущ, но ответ его был ответом людей понимающих. Он было решил дать ему мало, но побоялся, что Ала ад-Дин знает цену и стоимость блюда, а если дать много, то, может, Ала ад-Дин человек неопытный и не знает, сколько стоит блюдо.

В конце концов еврей вынул из кармана динар и подал его Ала ад-Дину, и когда Ала ад-Дин увидел динар, он зажал его в руке и пустился бежать, и тогда еврей понял, что Ала ад-Дин простачок и что он не знает цены и стоимости блюда, и пожалел, что дал ему динар, хотя этот проклятый не дал ему и одного кирата из сотни.

А Ала ад-Дин не стал раздумывать, и поскорее пошел к хлебнику, и разменял у него динар, и купил хлеба, а по-

том он пошел домой к матери, и отдал ей сдачу с динара, и сказал: «Матушка, пойди и купи всего, что нам нужно». И мать его пошла па рынок, купила того, что нужно, и вернулась, и они поели и насладились. И каждый раз, как кончались деньги за одно блюдо, Ала ад-Дин нес к еврею другое, и так как еврей в первый раз дал ему за блюдо динар, то уже не мог дать меньше, чтобы Ала ад-Дин не пошел к кому-нибудь другому. И Ала ад-Дин делал так до тех пор, пока не продал еврею все блюда, и остался у них только столик, на котором стояли блюда, и был он большой и очень тяжелый. И когда Ала ад-Дин принес столик к еврею и тот увидал, что это за столик и какой он большой, он дал за него Ала ад-Дину десять динаров, и Ала ад-Дин с матерью тратили его стоимость, пока все деньги не вышли. И тогда Ала ад-Дин сказал: «У нас ничего нет, я потру светильник»,— и его мать испугалась, и затряслась, и убежала. Что же касается Ала ад-Дина, то он потер светильник, и перед ним появился раб и воскликнул: «К твоим услугам! Я твой раб и раб того, у кого этот светильник! Требуй, чего ты хочешь».— «Я желаю,— сказал Ала ад-Дин,— чтобы ты принес мне столик с роскошными кушаньями, и пусть он будет такой, какой ты мне принес в тот день. Я голодный!» И не прошло мгновения ока, как раб исчез и вернулся с таким же столиком, какой он приносил раньше, и на столике стояло двенадцать серебряных блюд, полных роскошных кушаний, и бутылки со старым, светлым вином, и чистый белый хлеб.

А мать Ала ад-Дина, когда узнала, что Ала ад-Дин хочет потереть светильник, вышла, боясь, что ей придется опять смотреть на джиннов, и вернувшись, она увидела столик, полный кушаний, на котором стояло двенадцать серебряных блюд, и благоухание роскошных яств разносилось и наполняло дом. Она обрадовалась и удивилась, и Ала ад-Дин сказал: «Видишь, матушка, как полезен этот светильник! А ты еще говорила: «Выброси его!» — «Да умножит Аллах благо этого раба, но я все-таки не хочу его видеть»,— ответила мать Ала ад-Дина, а потом они сели за столик, и ели, и пили, пока не насытились, а то, что осталось, убрали до следующего дня.

Когда же еда у них кончилась, Ала ад-Дин спрятал под полой платья одно из блюд, стоявших на столике, и пошел искать того проклятого еврея, чтобы продать ему блюдо. И судьба привела его к лавке одного ювелира, мусульманина, престарелого старца, боявшегося Аллаха, и этот старец, увидев Ала ад-Дина, спросил его: «Что тебе нужно, сынок?

Я много раз видел, как ты проходил мимо моей лавки и имел дело с одним евреем. Я видел, что ты давал ему какие-то вещи, и думаю, что и теперь у тебя есть вещь и ты ходишь и ищешь еврея, чтобы продать ему эту вещь. Но разве не знаешь ты, сынок, что эти проклятые евреи считают дозволенным присваивать деньги мусульман, верующих в единого Аллаха, и не могут не обманывать народ Мухаммеда,— да благословит его Аллах и да приветствует! — особенно тот проклятый еврей Мордухай, с которым ты имел дело. О сынок, если у тебя есть вещь, которую ты хочешь продать, покажи ее мне и ничего не бойся — я отвешу тебе ее стоимость по закону великого Аллаха». Услышав эти слова, Ала ад-Дин вынул серебряное блюдо и подал его старцу, и старец взял блюдо, взвесил его и спросил: «Сколько давал тебе еврей и такое ли это блюдо, как те, что ты ему продавал?» — «Да,— ответил Ала ад-Дин,— это точно такое же блюдо, и за каждое блюдо он давал мне динар». И услышав, что проклятый еврей в уплату за каждое блюдо давал ему динар, старец вышел из себя и воскликнул: «Видишь, сынок, мои слова оправдались! Какой разбойник этот проклятый еврей, обманывающий рабов Аллаха! Он тебя обманул и посмеялся над тобой, так как твое блюдо сделано из чистого серебра и весит оно столько-то, а цена ему семьдесят динаров. Если хочешь, я отсчитаю тебе его стоимость». И старец считал до тех пор, пока не отсчитал Ала ад-Дину семьдесят динаров, и Ала ад-Дин взял их и поблагодарил старца за милость и наставление, позволившее ему узнать про обман еврея.

И всякий раз, когда кончались деньги за одно блюдо, Ала ад-Дин приносил и продавал старцу другое, и стали Ала ад-Дин с матерью богатыми, но они не изменили той жизни, к которой привыкли, и жили средне, без большой пышности и значительных расходов. Ала ад-Дин изменил свою природу, и перестал водиться с беспутными мальчишками, и общался только с людьми совершенными, и каждый день он ходил на рынок купцов, чтобы познакомиться с ними, и водил дружбу с большими и с малыми, расспрашивая о разных вещах, товарах, торговле и прочем. Ходил он также на базар ювелиров и торговцев драгоценностями и смотрел там, как продают и покупают камни, и когда он стал хорошо осведомлен в этом, то узнал, что плоды, которые он принес из сокровищницы, это не стекляшки и не хрусталь, как он думал, а драгоценные камни, стоимости которых не сочтешь. И понял он тогда, что добыл большое богатство, которого не добыл никто из царей, и не

видел он на рынке драгоценностей ни одного самого большого камня, который был бы похож на мельчайший из его камешков.

И каждый день он ходил на рынок, знакомился с людьми и водил с ними дружбу. И расспрашивал, как купцы продают и покупают, берут и отдают, и осведомлялся, что дорого, а что дешево. И в один из дней после завтрака он вышел из дома, и, по обычаю, отправился на рынок, и, проходя по рынку, услышал, что глашатай кричит: «Согласно приказу царя времени и владыки веков и столетий, пусть все люди закроют свои лавки и склады, ибо госпожа Бадр аль-Будур, дочь султана, направляется в баню, и пусть никто не выходит из своего дома, не открывает лавку и не глядит из окна! Опасайтесь ослушаться повеления султана».

Услышав это провозглашение, Ала ад-Дин стал думать, как бы ему ухитриться и посмотреть на дочь султана, и говорил про себя: «Все люди толкуют о ее красоте и прелести, и предел моих желаний — посмотреть на нее». И он стал придумывать хитрость, чтобы увидеть дочь султана, госпожу Бадр аль-Будур, и ему понравилась мысль пойти и спрятаться за дверями бани и поглядеть на царевну, когда она будет входить. И он пошел и встал за дверями бани, в таком месте, где его не мог увидеть никто; а тем временем дочь султана спустилась в город, проехала по рынкам и площадям и подъехала к бане. И когда царевна входила в баню, она подняла покрывало с лица, и оно засияло и заблистало ярче света солнца, и была царская дочь такова, как сказал один из описывающих ее в таких словах:

«Что за очи! Их чье колдовство иасурьмило?
Розы этих ланит! — чья рука их взрастила?

Эти кудри — как мрака густые чернила,
Где чело это светит, там ночь отступила» *.

И рассказывают, что, когда Ала ад-Дин увидал этот благородный образ, он сказал про себя: «Поистине, это творение всемилостивого! Слава тому, кто ее создал, и украсил такой красотой, и наделил столь совершенною прелестью!»

Его ум был пленен этой девушкой, и любовь к ней ошеломила его; страсть к ней захватила все его сердце, и он вернулся домой и вошел к своей матери, ошеломленный, потеряв рассудок. Мать стала с ним разговаривать, а он сидел точно истукан, не отвечал и не откликался. И она

поставила перед ним обед, а он все еще был в таком состоянии, и тогда мать спросила его: «О сынок, что с тобой случилось? Болит у тебя что-нибудь? Что с тобой делается, расскажи мне? Я вижу, что ты сегодня не такой, как всегда: я с тобой разговариваю, а ты мне не отвечаешь». А Ала ад-Дин думал, что все женщины такие, как его мать,— некрасивые старухи. Правда, он слышал, как люди говорили о красоте и прелести дочери султана, но не знал, что это такое — прелесть и красота.

И мать стала к нему приставать, чтобы он подошел и съел кусочек, и Ала ад-Дин подошел и поел немного, а потом он лег на постель и всю ночь проворочался с боку на бок, повторяя: «О живой, вечносущий!» — и не смыкал глаз от любви к дочери султана. А утром, когда он встал, положение его стало и того хуже из-за любви и страсти. Мать его, увидев, что он в таком состоянии, растерялась и не могла понять, что же с ним случилось. Она подумала, что Ала ад-Дин болен, и сказала: «О дитя мое, если ты нездоров и чувствуешь боль или еще что-нибудь, я схожу и приведу лекаря — пускай он тебя посмотрит. В нашем городе живет лекарь, чужестранец, за которым послал султан, и ходят слухи, что это большой искусник. Если ты болен, сынок, я пойду и приведу его — пусть он посмотрит, что за болезнь у тебя, и пропишет тебе что-нибудь». Но Ала ад-Дин, услыхав, что мать хочет привести лекаря, сказал: «О матушка, я не болен, но я думал, что все женщины такие, как ты, а вчера я увидел дочь султана, когда она шла в баню. Дело в том, что я услыхал, как глашатай кричал, чтобы никто не открывал лавку и не стоял на дороге, пока госпожа Бадр аль-Будур не проследует в баню, и пошел и спрятался за дверями бани, и, когда царевна подошла к дверям, она подняла с лица покрывало, и я рассмотрел ее и увидел ее благородный образ,— слава тому, кто ее украсил такой красотой и прелестью! И, ах, матушка, я почувствовал такую любовь и страсть к этой девушке, что не могу ее описать, и великой стала моя любовь, и я всю прошлую ночь не сомкнул глаз. Любовь к ней вошла в глубь моего сердца, и мне невозможно не получить ее в жены, и я решил попросить ее у отца ее, султана, согласно закону великого Аллаха». Услышав слова своего сына, мать Ала ад-Дина сочла его ум скудным и сказала: «Имя Аллаха да будет над тобой, дитя мое! Ясно, что ты потерял рассудок! Сын мой, Ала ад-Дин, ты сошел с ума! Ты посватаешь дочь султана?!» — «О матушка,— ответил Ала ад-Дин,— я не лишился рассудка и не сошел с ума. Не думай, что эти твои

слова изменят мое намерение. Я непременно добуду Бадр аль-Будур, кровь моего сердца, и я намерен послать сватов к султану, ее отцу, и посвататься к ней».— «Заклинаю тебя жизнью, сын мой,— воскликнула мать Ала ад-Дина,— не говори таких слов, чтобы кто-нибудь тебя не услышал и не сказал, что ты сошел с ума! Брось такие речи, сынок! Кто может сделать такое дело и попросить у султана его дочь? Ты не вельможа и не эмир, и кто пойдет просить ее для тебя у султана?» — «О матушка,— ответил Ала ад-Дин,— для такой просьбы годишься только ты! Раз ты здесь, то кто же пойдет просить у султана царевну, кроме тебя? Я хочу, матушка, чтобы ты пошла сама и обратилась к султану с такой просьбой».— «Да отвратит меня от этого Аллах! — воскликнула мать Ала ад-Дина.— С ума я, что ли, сошла, как ты? Выброси эту мысль из головы, дитя мое, и подумай про себя: кто ты и чей ты сын, чтобы просить за себя дочь султана? Ты сын портного, и больше ничего, и вдобавок — ничтожнейшего портного. Ведь твой отец был самым бедным из тех, кто занимается его ремеслом в этом городе, да и я, твоя мать, кто я такая? Мои родные беднее всех в городе. Так как же ты посмеешь просить за себя султанову дочь, отец которой согласится выдать ее только за сына царя или султана, да и то лишь за равного ему по сану, благородству и знатности. А если он будет чуть-чуть ниже, то это вещь невозможная». И Ала ад-Дин выслушал свою мать и, когда та кончила говорить, ответил: «О матушка, я сам думал обо всем, что ты говоришь, и я хорошо знаю, что я сын бедняка. Но все это, о матушка, меня не удержит и не изменит намерения сделать то, что я задумал. Надеюсь, о матушка, что, раз я твой сын, ты окажешь мне это благодеяние, а иначе я умру и ты лишишься меня. Избавь же меня от смерти — ведь, как бы то ни было, я твой сын». Услышав слова Ала ад-Дина, его мать совсем растерялась и молвила: «Да, дитя мое, я тебе мать, а ты мне сын, и ты кровь моего сердца, и нет у меня никого, кроме тебя. Я больше всего хотела бы на тебя порадоваться и тебя женить, но когда я пожелаю найти тебе невесту, это будет дочь людей, равных нам и схожих с нами. Ведь когда я стану искать ее, меня тоже спросят, есть ли у тебя ремесло, или земля, или сад, а если я потеряюсь, отвечая бедным людям, таким, как я, то как осмелюсь я и попрошу тебе в жены дочь султана у ее отца, владыки Китая, выше которого нет и не будет? Я отдаю это дело на твой суд,— подумай же хорошенько и вернись к разуму. Да если бы я, допустим, и пошла к султану с твоей просьбой, чтобы уго-

дить тебе, это принесло бы нам лишь беду и несчастье, ибо это дело очень опасное и, может быть, в нем таится для нас страшная смерть. Ведь в таком деле скрыта великая опасность! Как хватит у меня духа осмелиться на столь великую дерзость и просить у султана его дочь, и каким путем это сделать, и как я смогу войти к нему? А если даже это удастся и меня поставят перед ним, что я скажу, и когда меня спросят, что отвечу? Допустим, я укреплю свое сердце и скажу им о твоей просьбе — ведь они, наверное, подумают, что я сумасшедшая. Но положим, я и пройду к султану — какой же подарок я возьму для него с собой? Ведь это, сынок, такой султан, что к нему не пойдешь без подношения. Правда, султан кроток и ласков, и он не прогонит человека, который пойдет и встанет перед ним, требуя справедливости при обиде или тяжбе, и если кто-нибудь придет, ища у него защиты и прося милости, он дарует ему просимое, ибо он великодушен и щедр, и тот, кому он окажет милость, заслуживает награды. Ведь никто не станет чего-нибудь просить, если, во-первых, не заслужил награды и, во-вторых, не имеет причины просить милости, например, заслуг перед султаном или перед страной или какого-нибудь другого повода. А ты — скажи, что ты сделал для султана и для страны, чтобы заслужить от него милости, да еще такой милости, какой ты от него ждешь? Не под стать тебе такая милость, сынок, и не жалует султан никому таких наград! И кроме того, сынок, я тебе уже говорила, что никто не пойдет к султану с просьбой, не взяв с собой драгоценного подарка, соответствующего его сану. Как же я подвергну себя опасности, о дитя мое, и потребую у султана его дочь?»

Услышав от своей родительницы эти слова, Ала ад-Дин понял, что она говорит разумные речи, и ответил: «О матушка, все, что ты сказала, правильно, и мысли твои — верные и справедливые, и мне самому следовало обо всем этом подумать, но любовь к госпоже Бадр аль-Будур вошла в глубь моего сердца, и не будет мне покоя, если я ее не добуду. Ты напомнила мне, о матушка, одну вещь, о которой я не подумал и которую я забыл, и теперь, когда я о ней вспомнил, это придало мне смелости и укрепило мое намерение послать тебя к султану и посвататься от меня к его дочери. А что касается до того, какой подарок и подношение мы, по обычаю, предложим его величеству султану, отцу царевны, то у меня есть, о матушка, такой дар и приношение, лучше которого, я думаю, нет ни у кого из царей, и ни у кого, я тебе скажу, нет ему подобного. Это плоды

с деревьев, которые я принес из сокровищницы. Я думал, что это простые стеклышки, но теперь я проверил и увидел, что это самоцветы, и цари всей земли не владеют даже одним из них. Я имел дело с торговцами драгоценными камнями, и часто ходил к ним, и узнал, что эти плоды — ценнейшие камни, стоимости которых не счесть. Послушай же, матушка, что я тебе скажу: у нас есть фарфоровое блюдо, принеси же его, я тебе насыплю на него с верхом этих драгоценных камней, а ты отнесешь их и предложишь в подарок султану. Я уверен, что этот подарок будет хорошим предлогом и султан примет тебя приветливо и выслушает все, что ему скажешь. О матушка, если ты постараешься в деле с этой госпожой, дочерью султана, то спасешь мне жизнь и я буду жить для тебя, а если нет — я непременно умру от великой моей страсти. Не сомневайся, матушка, насчет этого подарка — поверь, я много раз носил камни на рынок ювелиров, но не хотел никому их показывать: я видел, что торговцы продают камни за тысячи динаров, но то, что они продавали, не стоит и кирата в сравнении с моими камнями. Пойди же, о матушка, принеси мне фарфоровое блюдо, про которое я тебе говорил,— я наполню его камнями, и ты увидишь, как это будет красиво и как их блеск ошеломит разум».

И мать Ала ад-Дина пошла и принесла блюдо, чтобы проверить, правду ли говорит ее сын об этих камнях, и Ала ад-Дин взял блюдо, и отобрал самые большие, красивые камни, и клал их на блюдо, пока не наполнил его доверху. И мать его взглянула на блюдо, полное камней, и зажмурила глаза от сильного блеска, который от них распространялся. Она дивилась их красоте и сиянию и всматривалась в них, но все же не была уверена, такова ли их стоимость, как говорит ее сын, или нет.

И Ала ад-Дин сказал ей: «О матушка, видишь, какой это красивый и роскошный подарок! Клянусь Аллахом, никакой царь не может добыть ни одного такого камня. Я уверен, что ты удостоишься у султана великого почета, и когда он увидит такой подарок, то примет тебя с полным уважением. Возьми же на себя этот труд — забери блюдо и пойди во дворец».— «О сынок,— ответила ему мать,— этот подарок и вправду дорогой и ценный, и подобного ему, как ты говоришь, ни у кого нет, но все же как я осмелюсь попросить для тебя у султана его дочь? Знай, о сынок, что когда он меня спросит: «Что тебе надо?» — у меня, клянусь Аллахом, отнимется язык. Но допустим, я укреплю свое сердце, наберусь смелости и скажу ему: «О владыка

султан, я хочу с тобой породниться и желаю, чтобы ты отдал свою дочь за моего сына Ала ад-Дина». Ведь он тогда убедится, что я сумасшедшая, и меня выведут с позором и в унижении. Я не скажу тебе еще раз, что в этом смерть для меня и для тебя, но, чтобы тебе угодить, укреплю свое сердце и пойду. И предположим, мой сын, что султан примет меня из-за подарка с полным уважением, и я осведомлю его о твоем желании, и он спросит меня, кто ты такой и каковы твои владения и доходы. Что я ему тогда скажу? А ведь он обязательно задаст такие вопросы, когда я попрошу для тебя его дочь».— «О матушка,— ответил Ала ад-Дин,— не сможет он ни о чем тебя спросить. Когда он увидит эти камни, то сразу поймет, кто я такой. А если он тебя спросит, обещай дать ему ответ попозже, а я уж сумею ему ответить. Не считай же этого дела слишком трудным — ты и так проткнула мне желчный пузырь! Ты только и говоришь: «Предположим, сын мой», «Допустим, дитя мое!» — а ты ведь знаешь, матушка, что у меня есть светильник и что благодаря светильнику султан даст тебе хороший ответ. Будь же спокойна!» — «Слушаю и повинуюсь, дитя мое! — ответила его мать.— Но сегодня время уже прошло, а завтра, если захочет Аллах, я утром пойду, чтобы угодить тебе».

И она всю ночь раздумывала об этом деле, а когда наступило утро, набралась смелости — особенно потому, что сын ей напомнил о светильнике, который сделает все, что он потребует. Что же касается Ала ад-Дина, то, увидав, как осмелела его мать, когда он напомнил ей о светильнике, он испугался, что она расскажет о нем кому-нибудь, и сказал: «О матушка, берегись рассказать кому-нибудь про этот светильник, ибо в нем наше благоденствие. Смотри не говори о нем никому — тогда мы его лишимся и лишимся благополучия, в котором мы живем, ибо оно исходит от светильника».— «Не бойся, сынок»,— сказала ему мать, и потом она поднялась, закуталась в покрывало, взяла блюдо и пошла во дворец заблаговременно, чтобы прийти в диван султана раньше, чем там начнется давка. А блюдо она завернула в тонкую материю.

И она шла до тех пор, пока не достигла дворца, а как раз в эту пору к султану входил везирь с некоторыми вельможами государства. И через малое время диван наполнился везирями, могущественными вельможами царства, эмирами, знатными и великими людьми, а потом явился султан, и люди выстроились перед ним рядами. И султан сел на свой престол, а все люди, находившиеся в диване, стояли,

скрестив на груди руки, с полным почтением и уважением, ожидая приказания садиться. И султан велел им сесть, и каждый сел на свое место, и началось представление жалоб, и султан вершил суд, приказывал, запрещал и наставлял, творя справедливость и решая всякое дело так, как следовало, пока диван не окончился, и тогда султан удалился к себе во дворец, и всяк живой человек ушел своей дорогой.

А мать Ала ад-Дина, придя, дожидалась случая подойти к султану и с ним поговорить, но так и не подошла, ибо она не привыкла встречаться с царями и не нашла человека, который бы поговорил за нее и позвал ее к султану. И увидев, что диван разошелся и султан встал и ушел в гарем, она пустилась в обратный путь и вернулась домой. Она вошла к своему сыну Ала ад-Дину с блюдом в руках, и Ала ад-Дин, увидев ее, испугался, что с ней что-нибудь случилось. Он спросил ее, что произошло, и мать рассказала ему обо всем и сказала: «О дитя мое, слава Аллаху, я сегодня видела диван султана и узнала, каков он, и у меня появилась смелость. Но диван разошелся, и султан ушел в гарем, и я не успела с ним поговорить. Еще многим людям, как и мне, надо было поговорить с ним, и они тоже не успели. Но завтра я пойду и поговорю; будь же спокоен — завтра я обязательно исполню твое желание и сделаю все так, как ты хочешь».

Услышав слова матери, Ала ад-Дин страшно обрадовался, хотя он вообразил, что мать сделает для него это дело в тот же день, так как из-за своей сильной любви и страсти к госпоже Бадр аль-Будур он ожидал исполнения его каждую минуту. Но все же набрался терпения, и они проспали эту ночь, а утром его мать поднялась, взяла блюдо и отправилась во дворец, чтобы встретиться с султаном и поговорить с ним, но оказалось, что диван будет только через три дня, так как диван собирался каждую неделю два раза. И она вернулась домой, и ходила в диван, и возвращалась, пока не сходила к султану шесть раз, и каждый раз она останавливалась у дверей в диван, не осмеливаясь войти, и стояла, пока диван не окончится и султан не уйдет во дворец. И всякий раз, как она становилась у дверей, султан ее видел.

И вот когда наступил седьмой день, она понесла свое блюдо и, как обычно, пошла и стояла у дверей, пока диван не разошелся и не окончился. И султан поднялся вместе с везирем, чтобы отправиться во дворец, и обернулся, и увидел ее, и сказал: «О везирь, вот уже пять или шесть дней

я вижу старую женщину, которая приходит к дверям дивана и стоит там, и я вижу, что она несет что-то под покрывалом. Знаешь ли ты, кто эта женщина и чего она хочет?» — «О владыка султан,— сказал везирь,— ты же знаешь, что у женщин мало ума. Может быть, она пришла с жалобой на мужа или еще с чем-нибудь вроде этого». Но султан не удовольствовался таким ответом и сказал везирю: «Когда эта женщина придет еще раз, приведи ее ко мне в диван». И везирь ответил: «Слушаю и повинуюсь, о царь времени».

А мать Ала ад-Дина взяла в привычку ходить ко дворцу султана. Проспав ночь, она поднялась под утро, забрала свое блюдо, и пошла во дворец, и, как обычно, встала у дверей дивана, и, когда султан увидел ее, он ее вспомнил, и обратился к везирю, и сказал: «О везирь, вот та женщина, про которую я тебе вчера говорил. Приведи ко мне эту бедную, несчастную, и мы посмотрим, какова ее просьба». И везирь пошел и послал за ней одного из присутствующих эмиров, и тот привел мать Ала ад-Дина к султану, и она, подойдя к нему, отвесила поклон и пожелала ему величия и долгой жизни, поцеловав сначала перед ним землю. И султан обратился к ней и сказал: «О женщина, вот уже сколько дней ты, я вижу, приходишь в диван и становишься у дверей. Если есть у тебя нужда или просьба, скажи, какова она, и я ее исполню». И мать Ала ад-Дина поцеловала землю, и пожелала султану блага, и поблагодарила его, и молвила: «О царь времени, да, есть у меня нужда, но я хочу от твоего величества, чтобы ты даровал мне пощаду, и тогда я изложу тебе свою просьбу. Быть может, услышав мою просьбу, ты сочтешь ее удивительной».

Когда царь услышал эти слова, ему еще больше захотелось узнать, в чем ее просьба. По своей большой доброте он обещал ей пощаду, и велел всем сидящим выйти, и остался в диване один со своим везирем, и обратился к матери Ала ад-Дина, и сказал: «О паломница, расскажи мне, в чем твоя просьба и каково твое желание, и будет тебе пощада». И мать Ала ад-Дина молвила: «О царь времени, прощенье твое — прежде всего!» И царь ответил: «Прости тебя Аллах!» И тогда она сказала: «О царь времени, у меня есть сын по имени Ала ад-Дин. Когда твоя дочь, госпожа Бадр аль-Будур, спустилась в город и отправилась в баню, мой сын спрятался за дверями бани, чтобы на нее взглянуть, и увидел, что красота ее выше всего, чего можно желать и хотеть. И когда он ее увидел, о царь времени, жизнь без нее перестала быть ему приятной, и он потребовал от меня,

чтобы я попросила твое величество выдать ее за него замуж. Он, бедный, попал в сети любви, и я не могла выкинуть у него из головы это дело, и он даже сказал мне: «Если я ее не добуду, то умру». И вот я надеюсь, о царь времени, что ты извинишь мне мою дерзость».

И когда царь услыхал ее слова — а он был человек кроткий,— то засмеялся и спросил: «А кто он такой, твой сын, и что это у тебя за узел?» И мать Ала ад-Дина, увидев, что султан на нее не сердится и даже смеется, тотчас же развязала платок и поставила перед султаном блюдо с камнями, и весь диван засиял и засверкал в их лучах. И султан растерялся и остолбенел, восхищаясь красотой и величиной камней, и говорил про себя: «Не думаю, чтобы в моих сокровищницах или в сокровищницах других царей нашелся хоть один такой камень». Потом он обратился к везирю и спросил: «Что скажешь, о везирь? Видел ли ты в жизни хоть один такой камень?» — «Никогда не видел, о царь времени, и не думаю, чтобы в казне нашего владыки султана нашелся им подобный»,— ответил везирь. И султан молвил: «Разве не достоин тот, кто поднес мне такой подарок, быть женихом моей дочери, госпожи Бадр аль-Будур? Я думаю, никто ее не достоин, кроме него».

И когда везирь услышал слова султана, язык его закоснел от сильного горя, так как султан обещал выдать свою дочь замуж за его сына, и, помолчав немного, он сказал: «О царь времени, будь ко мне милостив! Твое величество обещал мне, что твоя дочь, госпожа Бадр аль-Будур, через три месяца станет женой моего сына. Я обещаю тебе: если захочет Аллах, подарок моего сына будет больше этого подарка».

И хотя султан полагал, что это вещь невозможная и что везирь не добудет подобного этому подарка, он дал ему три месяца сроку, как тот просил, и затем обратился к матери Ала ад-Дина и сказал ей: «О женщина, пойди к твоему сыну и скажи ему, что я даю слово и моя дочь, госпожа Бадр аль-Будур, будет его женой. Но чтобы устроить ее дела и обстоятельства, понадобится три месяца сроку, так что ему придется подождать».

И мать Ала ад-Дина поцеловала султану руку, и пожелала ему блага, и вернулась домой, охваченная великой радостью, и когда она пришла и вошла к своему сыну, тот увидел, что лицо ее улыбается, и счел это за добрый знак, особенно когда увидал, что она, против обыкновения, воротилась без блюда. «О матушка, если хочет того Аллах, ты

несешь добрую весть и добилась благодаря самоцветам благоволения султана?» — воскликнул он, и мать рассказала ему, как султан встретил ее с лаской и при виде драгоценных камней потерял разум и как он ей обещал, что его дочь станет женой Ала ад-Дина. «Но только, дитя мое,— продолжала она,— прежде чем он мне обещал, везирь тайком сказал ему что-то, и после того как везирь с ним поговорил, он обещал мне все сделать через три месяца. И я боюсь, о дитя мое, как бы везирь не оказался воплощением зла и не изменил мнение султана». И когда Ала ад-Дин услыхал об обещании султана, он обрадовался великой радостью и воскликнул: «Раз султан обещал мне свою дочь через три месяца, мне нет дела, будет ли везирь воплощением зла или воплощением добра! — И поблагодарил мать за ее труды и милости и воскликнул: — Клянусь Аллахом, матушка, ты сегодня вынула меня из могилы! Хвала Аллаху! Я уверен, что нет теперь в мире никого счастливее меня!»

И Ала ад-Дин протерпел два месяца времени, и однажды его мать вышла на закате солнца, чтобы купить масла, и увидела, что рынок заперт, и весь город украшен, и люди убирают свои лавки цветами и освещают их свечами и светильниками, и увидела она, что воины и вельможи едут верхом на конях и перед ними пылают факелы и свечи. И мать Ала ад-Дина удивилась, и вошла в лавку масленника, которая оказалась открытой, и купила у него масла, и потом она спросила хозяина: «Заклинаю тебя жизнью, что случилось в городе? Почему он сегодня так украшен и рынок торговцев заперт?» — «О женщина,— сказал масленник,— ты, очевидно, чужая в этом городе».— «Нет,— отвечала мать Ала ад-Дина,— но я не знаю, по какой причине его так украсили».— «Сегодня вечером,— сказал масленник,— сын везиря войдет к дочери султана, госпоже Бадр аль-Будур. Сейчас он в бане, и все эти воины и вельможи ждут, когда он выйдет, чтобы пойти впереди него и привести его во дворец султана». И когда мать Ала ад-Дина услыхала его слова, она огорчилась и растерялась, не зная, как ей сказать своему сыну об этом недобром деле,— ведь Ала ад-Дин ожидал окончания этих трех месяцев, отсчитывая каждую минуту.

И она вернулась домой, и вошла к своему сыну, и сказала ему: «О сынок, я хочу сообщить тебе недобрую весть, но только ты не огорчайся».— «Говори, что это за весть»,— воскликнул Ала ад-Дин, и она сказала: «Султан нарушил обещание относительно своей дочери, госпожи Бадр аль-

Будур, и выдал ее замуж за сына везиря, и сегодня вечером он войдет к ней. О дитя мое, чуяло мое сердце, когда я говорила с султаном, что этот везирь — воплощение зла и что он обязательно изменит решение султана».— «А ты проверила, верная это весть или нет?» — спросил Ала ад-Дин И его мать молвила: «О дитя мое, я увидела, что город украшен и что все воины и эмиры сидят на конях и ожидают, когда сын везиря выйдет из бани. Масленник рассказал мне об этом, и он удивился, когда я его спросила, и сказал: «О старуха, ты, видно, чужая в этом городе».

Когда Ала ад-Дин услыхал такие слова и убедился, что известие верно, он сильно огорчился и его даже охватила лихорадка, но потом он подумал и обратился к своему рассудку: «Как быть?» — и вспомнил про светильник, и сказал своей матери: «Клянусь твоей жизнью, о матушка, сын везиря никогда не порадуется с нею! Но поставь столик и накрой его, чтобы нам поужинать, а потом я пойду в свою комнату и сосну, и утро принесет радость».

И мать его поставила столик, и они поужинали, а потом Ала ад-Дин пошел в свою комнату, взял светильник и потер его, и раб тотчас же появился перед ним и сказал: «К твоим услугам! Твой раб перед тобой, требуй чего хочешь!» — «Слушай,— сказал Ала ад-Дин,— я попросил у султана разрешения жениться на его дочери, и он обещал отдать ее за меня через три месяца, но не сдержал обещания и отдал ее за сына везиря, и сегодня вечером тот войдет к ней. Вот чего я желаю от тебя: когда ты увидишь, что молодые, муж и жена, легли вместе, возьми их и принеси ко мне».— «Слушаю и повинуюсь!» — ответил раб и скрылся.

А Ала ад-Дин вертелся на постели, думая о вероломстве султана; и когда наступило время спать, раб вдруг появился и принес постель, на которой лежали новобрачные, и, увидев это, Ала ад-Дин обрадовался и сказал рабу: «Отнеси этого поганца в нужник и положи его там». И раб тотчас же унес сына везиря, и положил его в нужник, и так дунул на него, что тот весь иссох, а раб вернулся к Ала ад-Дину и спросил его: «О владыка, нужно ли тебе еще что-нибудь?» — «Возвратись ко мне завтра утром, чтобы отнести их на место»,— сказал Ала ад-Дин, и раб ответил: «Слушаю и повинуюсь!» — и скрылся.

А Ала ад-Дин, увидев, что госпожа Бадр аль-Будур находится перед ним, сказал ей: «О моя возлюбленная, я велел принести тебя сюда не для того, чтобы унизить твою честь, но чтобы не позволить другому насладиться тобой!»

А что касается госпожи Бадр аль-Будур, то, увидев себя в этой темной комнате, она испугалась и задрожала. И потом Ала ад-Дин положил между собой и царевной меч и проспал ночь с ней рядом, не обманув ее, что же касается сына везиря, то он провел в нужнике самую черную ночь в своей жизни. А когда взошел день, раб явился с раннего утра, не дожидаясь, чтобы Ала ад-Дин потер светильник, и унес сына везиря с дочерью султана, и положил их на место, так что никто этого не видел, но те умирали от страха, чувствуя, что их переносят с места на место.

И не успел этот раб из джиннов положить их во дворце, как султан явился проведать свою дочь, госпожу Бадр аль-Будур; и едва сын везиря услышал, что султан входит, он быстро поднялся с постели, очень недовольный, так как ему хотелось немного согреть свои кости,— он ведь провел всю ночь в нужнике, трясясь от холода и страха. И он тотчас же встал и надел свою одежду, а султан вошел и приблизился к своей дочери, госпоже Бадр аль-Будур. Он поцеловал ее между глаз, и пожелал ей доброго утра, и спросил ее насчет ее мужа — довольна она им или нет, но царевна не дала ему ответа, и он увидел, что лицо у нее сердитое. И султан несколько раз заговаривал с дочерью, но та не отвечала ему, и тогда он вышел, и пошел к царице, своей жене, и рассказал ей обо всем, что случилось с его дочерью, и царица, услышав это, сказала: «О царь времени, таков уж обычай новобрачных! В день после свадьбы они всегда стесняются и дуются на своих родителей. Не взыщи же с нее — через несколько дней она опомнится и начнет разговаривать с людьми. А я сейчас пойду посмотрю, что с ней такое».

И султанша встала, надела свою одежду и пошла к дочери. Она подошла к царевне, поцеловала ее и пожелала ей доброго утра, но царевна не дала ей ответа, и султанша подумала, что с ее дочерью, наверно, случилось какое-нибудь диковинное событие, которое ее встревожило. «Доченька,— сказала она,— почему ты такая и что с тобой делается? С тобой, наверно, случилось что-нибудь, что тебя встревожило. Я пришла к тебе, чтобы на тебя поглядеть и пожелать тебе доброго утра, а ты не дала мне ответа, и так же, дочь моя, ты поступила с твоим отцом». И тут госпожа Бадр аль-Будур подняла голову и сказала: «О матушка, не взыщи! Да, мне, правда, следовало встретить тебя с почетом и уважением, но я надеюсь, что ты меня извинишь, и простишь, и выслушаешь, какова причина, побудившая меня так вести себя. Эта причина — темная ночь, которую я только что провела. Не успел мой муж лечь ко мне в по-

стель, как какое-то существо — я не знаю ни вида его, ни образа — подняло нас вместе с постелью и поставило ее в одном темном, грязном и скверном месте...» И госпожа Будур рассказала своей матери обо всем, что она увидела в эту ночь: как ее мужа унесли от нее и она осталась одна, а потом пришел другой юноша, и положил между ними меч, и лег с нею рядом, а утром тот, кто унес их, воротил их на место. «И когда мы оказались здесь,— продолжала царевна,— он оставил нас, и спустя немного вошел мой отец, и от того, что со мной произошло, я ему не ответила, когда он заговорил. Может быть, ему стало из-за меня тяжело, но если бы он знал, что со мной случилось сегодня ночью, он бы, наверно, меня простил и не взыскивал бы с меня».— «О дочка,— сказала ее мать,— берегись, не говори таких слов, чтобы не подумали, что ты сошла с ума и потеряла рассудок. Слава Аллаху, что ты не рассказала об этом твоему отцу! Ни за что не говори ему таких слов».— «О матушка,— молвила госпожа Будур,— я не сошла с ума и не лишилась рассудка! Если ты не веришь моим словам, то спроси моего мужа».— «Вставай и выбрось из головы эти пустые бредни,— сказала султанша.— Надень платье и посмотри, как радуются во всем городе твоей свадьбе, и послушай, как играют ради тебя музыкальные инструменты и барабаны».

Потом султанша позвала служанку, и та нарядила госпожу Будур и привела ее в порядок, а султанша вышла к султану и сказала ему, что госпоже Будур привиделся этой ночью дурной сон, который ее встревожил. Она попросила у султана прощения за свою дочь, а потом послала за сыном везиря и спросила, правду ли говорит ее дочь или нет, и сын везиря, от страха, что лишится своей жены, принялся все отрицать и сказал: «Я ничего об этом не знаю». И царица убедилась, что ее дочери приснились сны и видения.

И в городе весь день продолжались торжества, до самого вечера, а когда пришло время спать, Ала ад-Дин взял светильник и потер его, и раб вдруг явился и сказал: «К твоим услугам. Твой раб перед тобой, требуй чего хочешь!»

И Ала ад-Дин велел ему принести царевну с мужем и сделать так, как в прошлую ночь, раньше чем сын везиря возьмет ее девственность, и раб в мгновение ока исчез и ненадолго скрылся. И потом он вернулся, неся постель и на ней новобрачных, жену и мужа, и отнес сына везиря в домик отдохновения, а Ала ад-Дин положил между собой и госпожой Будур меч и лег с ней рядом, и под ут-

ро раб из джиннов вернулся и отнес их обратно на их место.

Что же касается султана, то он утром встал, надел свою одежду и пошел посмотреть на дочь. Он вошел в ее дворец, и когда сын везиря услышал, что султан входит, он быстро оделся и вышел, и ребра стучали у него от холода. А султан подошел к своей дочери, пожелал ей доброго утра и спросил, как она поживает, и увидел он, что царевна хмурится так же, как и вчерашний день. И когда султан увидел, что дочь не отвечает ему, он рассердился и понял, что с ней, несомненно, что-то произошло, и обнажил меч, и закричал: «Или ты мне расскажешь, что с тобой делается, или я убью тебя!» Увидев, что отец сердится, госпожа Будур испугалась и сказала: «Будь со мной кроток, о отец! Когда я тебе расскажу, что со мной было, ты меня простишь!» И она рассказала султану обо всем, что с ней случилось, и сказала: «А если ты мне не веришь, спроси моего мужа, он тебе обо всем расскажет. Я не знаю, куда его уносили, и я его не спрашивала». Услышав эти слова, отец царевны сказал ей: «О дочка, почему ты не рассказала этого мне вчера? Я бы заставил тебя выкинуть из головы этот страх и эту печаль. Вставай, веселись и развлекайся — сегодня вечером я приставлю к тебе стражей, чтобы они тебя охраняли».

И потом царь поднялся, и ушел к себе во дворец, и послал за везирем, и спросил его: «Рассказывал ли тебе твой сын что-нибудь, о везирь?» И везирь ответил: «О царь времени, я не видел моего сына ни вчера, ни сегодня. А что?» И султан сообщил ему обо всем, что рассказывала ему дочь, и сказал: «Я хочу, чтобы ты расспросил своего сына и мы бы выяснили это дело. Возможно, что моей дочери привиделся сон». И везирь вышел, позвал своего сына и спросил его об этом, и тот сказал: «Отец, слова госпожи Будур — истина. Мы многое испытали в эти две ночи, и они были для нас хуже всех ночей. Со мной случилось больше бед, чем с моей женой, так как моя жена спала в своей постели, а что до меня, то меня уложили спать в нужнике — в тесном, темном месте, где скверно пахло, и ребра у меня стучали от холода. О отец, я хочу, чтобы ты поговорил с султаном и он освободил бы меня от этого брака: у меня не осталось сил перенести еще такую ночь, как прошедшие».

Услышав эти слова, везирь огорчился, так ему хотелось возвысить и возвеличить сына женитьбой на дочери султана, и он не знал как поступить. Ему тяжело было растор-

гнуть брак, ведь он молил всех святых, чтобы добиться этого брака, и он сказал сыну: «Потерпи, сынок! Сегодня ночью мы приставим к вам стражей!» Потом он возвратился к султану и рассказал, что говорил ему сын, и добавил: «Если хочешь, о царь времени, мы сегодня ночью приставим к ним стражей». Но султан возразил: «А зачем? Не нужен мне этот брак!» И он тотчас же приказал кричать в городе о прекращении празднеств, и подданные его очень удивились, особенно когда увидели, что везирь и его сын выходят из дворца, и узнали, что их оттуда выгнали и брак расторгнут, и никто не знал — почему. И султан бросил думать об этом деле.

И затем истекли три месяца, после которых он обещал матери Ала ад-Дина отдать свою дочь за ее сына, — а Ала ад-Дин отсчитывал каждый час, и когда прошли эти месяцы, он послал свою мать к султану, чтобы потребовать исполнения обещания, а султан совсем забыл, что он обещал ей. И мать Ала ад-Дина поднялась, и пошла во дворец, и встала у дверей дивана; и когда диван наполнился и явился султан, он посмотрел и увидел мать Ала ад-Дина, которая стояла у дверей. И он вспомнил о том, что обещал ей, и сказал везирю: «О везирь, вон стоит та женщина, что поднесла мне драгоценные камни. Приведи ее ко мне». И везирь пошел, и привел мать Ала ад-Дина, и поставил ее перед султаном, и старушка поцеловала землю, и помолилась за султана и сказала ему: «О царь времени, кончились три месяца, после которых ты обещал выдать свою дочь, госпожу Будур, за моего сына Ала ад-Дина». И султан растерялся, не зная, что ей ответить, так как он видел, что эта женщина бедная. И он обратился к везирю и спросил его: «Каково твое мнение, о везирь? Я... Да, я, конечно, обещал, но я вижу, что она женщина бедная и они не из знатных людей. Как же следует, по-твоему, поступить?» А везиря охватила зависть, и он вспомнил, что произошло с его сыном, брак которого был расторгнут, и сказал: «О царь времени, как ты выдашь свою дочь замуж за бедного человека — чужеземца, которого ты не знаешь?» — «А что же придумать, чтобы отвадить его от нас? Я ведь обещал», — сказал царь. И везирь молвил: «О владыка султан, избавиться от них просто: пошли к нему и потребуй сорок золотых блюд, наполненных такими же ценными камнями, как те, что он прислал, и еще сорок рабов и невольниц, которые принесут эти блюда».— «Вот оно, правильное мнение! — воскликнул султан, и обратился к матери Ала ад-Дина, и сказал ей: — Скажи твоему сыну, что

я стою на том, что я обещал, но хочу от него в приданое за дочь сорок блюд, полных таких же камней, как те, что ты принесла мне раньше, и сорок рабов и сорок невольниц, которые принесут эти блюда. Когда он мне их пришлет, я выдам за него дочь».

И мать Ала ад-Дина вышла, покачивая головой и бормоча про себя: «Откуда достанет мой горемычный сын то, чего требует султан? Допустим: он пойдет в сокровищницу и принесет блюда и драгоценные камни, но откуда ему взять рабов и рабынь?» И она шла до тех пор, пока не пришла домой, и вошла к своему сыну Ала ад-Дину, и рассказала ему все, и сказала: «О дитя мое, не думай больше о госпоже Будур и выкинь ее из головы. Это все, сынок, из-за везиря». Но Ала ад-Дин засмеялся и сказал: «Пойди и принеси нам чего-нибудь пообедать, а потом Аллах облегчит для нас это дело, и я доставлю султану то, что он требует. Не думай, что мне трудно что-либо сделать из уважения к глазам моей возлюбленной, госпожи Будур».

И мать его поднялась и вышла на рынок, чтобы купить того, что ей было нужно, а Ала ад-Дин пошел к себе в комнату и потер светильник, и раб-джинн предстал перед ним и сказал: «Требуй, о владыка!» — «Я хочу от тебя, — сказал Ала ад-Дин, — чтобы ты принес мне сорок золотых блюд, наполненных лучшими драгоценными камнями, находящимися в сокровищнице, и еще приведи сорок рабов и сорок рабынь, одетых в роскошнейшие платья, и пусть это будут красивейшие рабыни, какие только есть».

И раб исчез на минутку и принес требуемое, и оставил все у Ала ад-Дина, и скрылся; и вдруг мать Ала ад-Дина вернулась с рынка и вошла в дом. Она увидела рабов и рабынь и золотые блюда и камни, остолбенела, и воскликнула: «Аллах да оставит нам навек твой светильник!» А Ала ад-Дин молвил: «О матушка, не снимай покрывала! Пойди захвати султана, пока он не ушел в гарем, и отнеси ему то, что он потребовал».

И мать Ала ад-Дина поднялась и пошла вместе с рабами и невольницами, и каждая из невольниц несла одно блюдо. Достигнув дворца, она вошла с ними к султану, отвесила ему поклон и пожелала величия и долгой жизни, и рабыни поставили перед ним блюдо, и когда султан увидел это, он удивился и остолбенел — в особенности от красоты и прелести невольниц. Сияние драгоценных камней отняло у него зрение, и он стоял ошеломленный, вытаращив глаза,

словно немой. Потом он приказал отвести рабынь с блюдами во дворец своей дочери, госпожи Бадр аль-Будур, а сам обратился к везирю и спросил его: «Ну, везирь, что ты скажешь о человеке, который оказался способен на то, что бессильны сделать цари всего мира? Клянусь Аллахом, этого, пожалуй, даже много за мою дочь!» И везирь, хотя его, как мы говорили раньше, убивала зависть, мог только пролепетать: «О владыка султан, сокровищ всего мира мало за твою дочь, а ты счел это приношение слишком большим и значительным!» И султан из этих слов понял, что везирь охвачен завистью, и оставил его, и сказал матери Ала ад-Дина: «Передай твоему сыну, что я принял от него приданое и деньги за мою дочь и она стала ему женой, а он мне зятем. Скажи ему, пусть он приедет ко мне, чтобы я с ним познакомился, и ему достанется от меня только полное уважение и внимание. И если он хочет, то я сегодня же вечером введу его к моей дочери».

И мать Ала ад-Дина поцеловала землю и вышла, улетая от радости при мысли, что она — бедная женщина, а ее сын станет зятем султана. А султан распустил диван и пошел к своей дочери, госпоже Будур, и спросил ее: «О дочь моя, как ты находишь подарок своего нового жениха?» — «Клянусь Аллахом, о батюшка, эти камни ошеломляют разум», — ответила царевна. И султан молвил: «Я думаю, дочь моя, что этот твой жених в тысячу раз лучше сына везиря, и, если пожелает Аллах, ты насладишься с ним».

Что же касается матери Ала ад-Дина, то она пришла домой, и пошла к своему сыну Ала ад-Дину, и сказала ему: «Радуйся, дитя мое, то, чего ты хотел, исполнилось! Султан принял приданое за свою дочь и сказал мне, что ваша свадьба и твой переезд к невесте будет сегодня вечером. И еще он велел сказать: «Пусть твой сын ко мне придет, чтобы я с ним познакомился». И Ала ад-Дин обрадовался и поблагодарил мать за ее благодеяния и труды, а потом он тотчас же вошел в свою комнату и потер светильник, и в ту же минуту джинн предстал перед ним и спросил: «Чего ты хочешь, о мой владыка?» — «Отведи меня в царскую баню и принеси мне перемену платья, которого в жизни не надевали султаны, и пусть оно будет драгоценное», — приказал Ала ад-Дин.

И джинн тотчас же понес его и доставил в роскошную баню, и Ала ад-Дин выкупался и надушился благовониями и ароматами. А выйдя, он увидел перед собой полную перемену царского платья, и выпил напитков, и надел это

платье, и джинн понес и поставил его в доме, и, оказавшись дома, Ала ад-Дин сказал: «Я хочу, чтобы ты доставил ко мне сорок невольников — двадцать пусть едут впереди меня, двадцать сзади, — и все они должны быть в нарядных одеждах, на конях и с оружием. И пусть будут на них роскошные украшения, равных которым не найти, а сбруя каждого коня должна быть из чистого золота. И еще принеси мне восемьдесят тысяч динаров и приведи коня, которому равного не найдется у султанов, и сбруя у моего коня вся должна быть из самоцветов и благородных камней, так как я направляюсь к султану. И еще я хочу от тебя двенадцать невольниц — самых красивых, какие только есть, — они пойдут во дворец с моей матерью, — и на каждой пусть будет дорогая, красивая одежда и множество драгоценных камней и украшений. И еще принеси моей матери одежду, подходящую для царских жен». И джинн сказал: «Слушаю и повинуюсь!» — и на мгновение исчез, и принес все это. И Ала ад-Дин сказал матери, чтобы она взяла невольниц и шла во дворец, и Ала ад-Дин сел на коня, выстроил своих невольников впереди себя и сзади и проехал через весь город с этой пышной свитой,— да будет же слава одаряющему, вечносущему! И Ала ад-Дин ехал по городу, смущая своей красотой полную луну, ибо он и так был красив, а счастье еще увеличило его красоту. И жители города, увидав его в таком благородном образе и прекрасном обличии, прославляли творца; а достигнув дворца и приблизившись к нему, он отдал приказ своим невольникам, и те принялись бросать людям золото.

Султан между тем сидел в диване вместе со своими везирями и вельможами своего царства и ожидал прибытия Ала ад-Дина, а у ворот дворца он поставил несколько эмиров и вельмож, чтобы те его встретили. И когда Ала ад-Дин подъехал к воротам, он хотел слезть с коня, но один из знатных эмиров выступил вперед, и удержал его, и сказал: «О господин, султан приказал, чтобы ты сошел с коня у дверей дивана». И везири с эмирами пошли впереди Ала ад-Дина и шествовали, пока не пришли к дверям дивана, и тогда они подошли, взялись за стремя коня и свели Ала ад-Дина на землю, поддерживая его. И эмиры, и знатные люди царства шли впереди Ала ад-Дина, пока не приблизились к султану, и султан тотчас же встал с престола, и обнял Ала ад-Дина, и посадил его справа от себя, а Ала ад-Дин приветствовал султана так, как приветствуют царей, и сказал ему: «О царь времени, твое великодушие побудило тебя оказать мне столь великую милость и женить

меня на твоей дочери, хотя я ничтожнейший из твоих рабов. Я хотел бы, чтобы твое величество пожаловало мне кусок земли, на котором я построю дворец, достойный госпожи Бадр аль-Будур». Увидев, что Ала ад-Дин наделен такой выдающейся красотой и облачен в дивную одежду, а его невольники шествуют в столь замечательном строю и так роскошно одеты, султан удивился и был ошеломлен так же, как и его эмиры и вельможи царства, а везирь — тот едва не умер от зависти. А потом султан велел бить в литавры и барабаны и повел Ала ад-Дина за собой во дворец. Они поужинали с Ала ад-Дином, и султан стал с ним разговаривать, и Ала ад-Дин отвечал так красноречиво, вежливо и почтительно, что пленил разум султана.

И затем султан послал за судьей и свидетелями, и они написали брачную запись и заключили условие, и Ала ад-Дин встал, чтобы идти домой, но султан схватил его за полу и сказал: «О дитя мое, бракосочетание окончено и все завершилось, и сегодня вечером ты войдешь к своей жене. Куда же ты уходишь?» — «О царь времени, — отвечал Ала ад-Дин, — я желаю построить для госпожи Будур достойный ее дворец, и я могу войти к ней только в этом дворце. Если захочет Аллах, он сейчас же будет окончен».— «О дитя мое, — сказал султан, — перед моим дворцом большой участок земли, и если он тебе нравится, построй дворец там».— «Это как раз то, что мне нужно», — сказал Ала ад-Дин, и потом он попрощался с султаном и вернулся домой со своими невольниками. Он вошел, взял светильник, и потер его, и, когда раб светильника явился, сказал ему: «Я хочу, чтобы ты построил дворец со всей возможной скоростью, и пусть он будет очень большой, со всякими коврами и полным устройством, и ковры пусть будут в нем царские, а устройство — султанское». И раб из джиннов ответил: «Внимаю и повинуюсь!» А утром он пришел, взял Ала ад-Дина и показал ему дворец, ковры и прочее убранство, и Ала ад-Дин обрадовался, и тотчас же вернулся домой, и сел на коня, и поехал с невольниками и свитой в диван к султану. А султан, встав утром, открыл окно, и посмотрел, и увидел перед своим дворцом другой огромный дворец, ошеломляющий разум, весь из мрамора и порфира, и Ала ад-Дин потребовал от джинна еще большой ковер, весь затканный золотом, который тянулся от его дворца до дворца султана.

И когда султан увидел этот дворец, привлекающий взоры, и великолепный ковер, тянувшийся до его дворца,

он удивился столь дивному делу, и как раз в это время вошел к нему везирь, и султан сказал ему: «Подойди-ка сюда и посмотри, о везирь, что сделал Ала ад-Дин за сегодняшнюю ночь, и тогда ты поймешь, что он достоин и заслуживает быть мужем моей дочери Бадр аль-Будур. Взгляни на это строение — какое оно высокое! Можешь ты построить ему подобное в течение двадцати лет? А он все это сделал за одну ночь». И везирь посмотрел и подивился этому делу, и зависть его усилилась. «О царь времени, — сказал он султану, — все эти проделки — чистое колдовство, ибо люди не могут сделать ничего такого за одну ночь».— «Клянусь Аллахом, — сказал султан, — я дивлюсь на тебя! Как это ты думаешь про людей только дурное? Но это следствие твоей зависти. Вчера вечером ты был здесь, когда я подарил ему землю, чтобы он построил на ней великолепный дворец. О сумасшедший, тот, кто мог принести мне такие драгоценные камни, как те, которые он мне подарил, способен построить такой дворец за одну ночь». И везирь онемел и не дал ему ответа, а потом султан вышел в диван, и сел, и вдруг видит: едет Ала ад-Дин со своей свитой, и он и его невольники бросают людям золото, и все охвачены любовью к нему. И когда султан увидел Ала ад-Дина, он поднялся, встретил его, обнял, и поцеловал, и пошел с ним, держа его за руку; и когда они вошли в самый большой и великолепный зал, там поставили столики, и султан сел, и Ала ад-Дин сел от него справа, вместе с эмирами, везирями и вельможами царства. И они ели, пили и веселились, и султан посматривал на мать Ала ад-Дина и удивлялся: ведь она раньше приходила к нему в бедной одежде, а сейчас он видит ее в роскошном царском платье.

И в городе, и во дворце, и во всем царстве султана началось великое торжество, и люди приходили смотреть на похищающий разум дворец Ала ад-Дина и говорили: «Клянемся Аллахом, он достоин! Да благословит его Аллах!» А когда кончили есть, Ала ад-Дин встал, попрощался с султаном, сел на коня и отправился к себе во дворец, чтобы приготовиться к встрече невесты, и, войдя во дворец, он увидел там рабынь, невольниц и невольников, которых не счесть, и сказал им, чтобы они были готовы встретить невесту. Когда же раздался призыв к предзакатной молитве, султан отдал приказ, и везири, эмиры, вельможи государства, знатные люди царства, воины и рабы сели на коней, и сам султан тоже сел на коня и спустился с ними на площадь. А Ала ад-Дин со своими невольниками выехал

верхом на площадь вместе с султаном и начал там играть и показывать свое рыцарское искусство, и никто не мог устоять против него, а невеста его смотрела из окна своего дворца, и, когда она его увидела, он понравился ей, и она полюбила его великой любовью. Затем, после этого, гулянье окончилось, и султан с Ала ад-Дином вернулись каждый в свой дворец, а когда наступил вечер, везири и знатные люди царства пошли и взяли Ала ад-Дина и во главе огромного шествия повели его в баню, и он выкупался, и вышел, и сел на коня, и вернулся к себе во дворец с пышной свитой, и четыре везиря предшествовали ему с обнаженными мечами, пока они не достигли дворца. А затем, после этого, они возвратились, взяли госпожу Будур и вышли с нею, с невольницами и с рабынями, и они шли с факелами, свечами и светильниками, пока не достигли дворца Ала ад-Дина, и царевну отвели в ее покои, а мать Ала ад-Дина была возле нее. И царевну показывали Ала ад-Дину семь раз, каждый раз в другом облачении, и госпожа Будур смотрела на дворец, в котором была, и дивилась на золотые светильники, украшенные изумрудами и яхонтами; а стены во дворце были все из мрамора, яшмы и других драгоценностей. Потом поставили столик для брачной трапезы, и все сели и стали есть, пить и веселиться, и перед ними стояли восемьдесят невольниц, каждая из которых держала в руках какой-нибудь музыкальный инструмент и играла на нем, и чаши и кубки ходили вкруговую, и была это такая ночь, которой не знал в свое время и Зу-ль-Карнейн. И затем люди ушли, каждый в свое место, и Ала ад-Дин вошел к своей жене Бадр аль-Будур и уничтожил ее девственность, и они провели ночь, наслаждаясь любовью. А когда наступило утро, Ала ад-Дин поднялся, надел роскошное, великолепное платье, позавтракал и выпил вина, а потом он встал, сел на коня и поехал, и невольники его поехали вместе с ним.

И Ала ад-Дин направился во дворец султана, и султан, когда он прибыл, поднялся на ноги, встретил его, обнял и посадил от себя по правую руку, и эмиры и вельможи царства подошли и поздравили его. После этого султан отдал приказ, — и поставили столики, и все ели, и пили, и веселились, пока не насытились; а когда столики убрали, Ала ад-Дин обратился к султану и сказал ему: «О царь времени, не угодно ли тебе пожаловать ко мне и пообедать с твоей дочерью, госпожой Будур? И возьми с собой всех своих везирей, эмиров и вельмож царства». — «Ты достоин этого, сын мой», — отвечал султан. И потом он поднялся

вместе с вельможами царства, и они сели на коией и поехали с Ала ад-Дином в его дворец. И когда султан вошел во дворец, то его ум был ошеломлеи такой роскошью и великолепием, и он обратился к везирю и сказал ему: «О везирь, видел ты в жизни или слышал на своем веку что-иибудь подобное этому?» — «О царь времени, — ответил везирь, — я не могу поверить, что это работа людей, сынов Адама. Нет, это дело колдуиов и чародеев».— «Твоя завистливость мне известна,— сказал царь,— и я зиаю, почему ты постоянно наговариваешь на Ала ад-Дина».

Потом Ала ад-Дин повел султана наверх, в покои госпожи Будур, и султан увидел там комнату с окнами, все решетки которых были из изумруда, и ум его был ошеломлеи. И он заметил, что одна из решеток ие закоичеиа — а Ала ад-Дин оставил ее незаконченiной иарочио, — и, увидав, что в решетке чего-то ие хватает, воскликнул: «Какая жалость! Эта решетка несовершеиима! — И он обратился к везирю и сказал ему: — Ты зиаешь, по какой причиие эта решетка не закоичена?» — «Не зиаю, о царь времени», — сказал везирь. И царь молвил: «Это потому, что Ала ад-Дин торопился построить дворец и ие успел доделать решетку».

А Ала ад-Дин в это время вошел к своей жене, чтобы сообщить ей о прибытии ее отца, султана, и когда он вернулся, султан спросил его: «Ала ад-Дии, дитя мое, по какой причиие ты ие закончил эту решетку?» — «О царь времени, — отвечал Ала ад-Дин, — я оставил ее такой, чтобы твое величество оказало мне почет и велело ее закоичить и чтобы у иас осталось воспоминание о тебе».— «Это дело иетрудиое», — сказал царь и тотчас же велел привести торговцев драгоценными камиями и ювелиров. Он приказал выжать из казны все, что им поиадобится из драгоцеииостей и металлов, и повелел им доделать решетку.

А госпожа Бадр аль-Будур вышла из своих покоев, подошла к отцу, радуясь и смеясь, и поцеловала ему руку, и отец обнял ее, поцеловал и поздравил. Между тем иаступил час обеда, и перед султаиом, госпожой Бадр аль-Будур и Ала ад-Дином поставили столики, а для главиого везиря и прочих эмиров, везирей, вельмож царства и знатных людей государства накрыли другие столики. И султаи с Ала ад-Дином и госпожой Бадр аль-Будур сели за столик и стали есть, и пить, и веселиться; и султан дивился иа чудесные яства, великолепные кушаиья и убранства столи-

ков, уставленных столь роскошной посудой. Перед ним стояли восемьдесят невольниц, каждая из которых держала в руках какой-либо музыкальный инструмент, и все они играли на своих инструментах трогательные напевы, от которых утешались сердца тоскующих. И султан возвеселился и возрадовался, и стала ему приятна жизнь, и он говорил про себя: «Поистине, таковы должны быть цари и таков должен быть у них порядок!» И они ели, пока не насытились, и чаши ходили меж ними вкруговую; а потом столики с едой убрали и поставили столики со сластями и плодами в другой большой комнате, и все перешли туда и опять поели досыта.

А мастера, торговцы драгоценностями и ювелиры начали работать, чтобы закончить решетку, и султан поднялся, и посмотрел на их работу, и увидел, что она очень отличается от первоначальной, так как мастера не могут выполнить подобной работы. А потом торговцы драгоценностями осведомили султана, что всех камней, находящихся в его казне, никак не хватит, и султан приказал открыть другую казну, большую, и взять из нее все, что им нужно, а если тоже не хватит, тогда пусть возьмут камни, которые преподнес ему Ала ад-Дин.

И мастера брали эти камни, пока большая казна не опустела, и они взяли также все камни, которые преподнес Ала ад-Дин, но их тоже не хватило даже на часть незаконченной решетки. И султан приказал своим везирям, чтобы каждый, у кого есть камни, отдал их мастерам, а стоимость их взял у султана, и везири приносили камни, которые имели, пока у них не осталось ничего, но из этого всего не сделали даже и половины работы.

И слух об этом распространился, и Ала ад-Дин пошел посмотреть на работу мастеров и увидел, что те не закончили даже и половины недостающей решетки. Тогда он приказал им разобрать то, что они сделали, и вернуть владельцам камни, которые они взяли у везирей, а также возвратить то, что они получили из сокровищниц султана, и рабочие разобрали решетку и вернули камни их владельцам. И когда султану принесли его камни, тот удивился этому, и сел на коня, и отправился к Ала ад-Дину, а Ала ад-Дин до прибытия султана потер светильник, и раб появился перед ним и воскликнул: «Требуй, о мой владыка!» — «Я хочу, — сказал Ала ад-Дин, — чтобы ты сейчас же пополнил недостачу в решетке, которую я велел оставить незаконченной», — и джинн отвечал: «Слушаю и повинуюсь!» И в мгновение ока все стало так, как хотел Ала ад-

Дин, и раб скрылся, а Ала ад-Дин пошел и увидел, что решетка закончена.

И когда он ее рассматривал, вдруг вошел султан, и Ала ад-Дин встретил его с почетом и уважением, и султан спросил его: «Почему, о сынок, ты позволил ювелирам разобрать то, что они сделали, и не дал им закончить эту решетку?» — «О царь времени, — ответил Ала ад-Дин, — я оставил ее незаконченной, так как увидел, что у мастеров нет больше драгоценных камней. Они взяли все, что было в твоих сокровищницах и сокровищницах вельмож твоего царства, и не выполнили даже половины работы, и тогда я велел им разобрать то, что они сделали, и возвратить камни их владельцам, а сейчас я своей рукой восполнил недостаток в решетке. Подойди, о царь времени, и посмотри». И султан подошел, и посмотрел, и увидел, что решетка закончена с замечательным искусством, и в ней нет недостатка, и удивился Ала ад-Дину, и обнял его, и поцеловал, и воскликнул: «Кто подобен тебе, о дитя мое! Ведь ты сделал нечто такое, чего не в силах свершить великие цари». И потом султан вошел к своей дочери, госпоже Будур, и немного посидел у нее, а затем он ушел и вернулся к себе во дворец.

А Ала ад-Дин каждый день выезжал со своей свитой и пересекал весь город, осыпая людей золотом, а потом заходил в султанскую мечеть и совершал там полуденную молитву. И все подданные полюбили его, и во всех странах распространилась о нем великая слава, и он выезжал на охоту, и спускался с всадниками на площадь, и превзошел он людей своего времени в рыцарском искусстве, а жена его, госпожа Бадр аль-Будур, видя, что он таков, каждый день любила его больше, чем в предыдущий. И слово и совет во всем царстве принадлежали Ала ад-Дину, и он вершил справедливый суд, жаловал и награждал, так что пленил разум всех людей.

И он постоянно поступал так, и вдруг в один из дней выступил против султана какой-то царь и пришел с большими войсками, которым нет числа, чтобы воевать с ним. И султан снарядил воинов, которые при нем были, и назначил предводителем их Ала ад-Дина; и Ала ад-Дин шел с войсками, пока не приблизился к врагам, и тогда он обнажил меч, и началось сражение, и разгорелась битва, и Ала ад-Дин ринулся на врагов, и большинство перебил, и многих взял в плен, и рассеял остальных. Он захватил большую добычу и вернулся с победой, и ни одно из его знамен не поникло, и вступил в город с пышной свитой, и украсили

из-за этого все города царства. И султан вышел, и встретил Ала ад-Дина, и обнял его, и привел к себе во дворец; и началось великое торжество, и люди стали молиться за Ала ад-Дина, желая ему долгой жизни. И Ала ад-Дин пребывал в таком положении, и вот то, что было с ним.

Что же касается магрибинца, колдуна, то, возвращаясь в свою страну, он раздумывал о своем деле и бранил Ала ад-Дина с великой яростью, говоря про себя: «Раз этот негодяй умер под землей, а светильник все еще хранится там, я не стану думать о тяготах, которые испытал, и у меня есть надежда добыть этот светильник». А достигнув родного города, он захотел погадать на своем песке и посмотреть, остался ли светильник в сокровищнице и жив Ала ад-Дин или нет? Он определил его гороскоп и три раза погадал на песке, и не увидел он, что Ала ад-Дин умер, и не обнаружил светильника в сокровищнице, и усилилась тогда его печаль, и увеличилась ярость, и убедился он, что Ала ад-Дин спасся вместе со светильником и вышел на поверхность земли. И тогда он еще раз рассыпал песок, и погадал про Ала ад-Дина, и увидел, что тот получил светильник, и стал величайшим из людей в своем городе, и женился на дочери султана. И колдун еще больше огорчился, так что едва не умер, и сказал про себя: «Я претерпел много трудностей и мучений, чтобы раздобыть светильник, и не добыл его, а этот поганец, сын ничтожных, получил его без труда и утомления! Я обязательно что-нибудь сделаю, чтобы его убить!»

И он тотчас же поднялся, и снарядился, и отправился в страну Китая, и достиг столицы царства, то есть того города, где находился Ала ад-Дин. Он поселился на постоялом дворе и день или два оставался в своем жилище, пока не отдохнул от усталости, а потом вышел, и стал ходить по улицам города, и услышал, что все говорят об Ала ад-Дине, его великодушии и щедрости, и великолепии его дворца, настоящего чуда света. И тогда магрибинец обратился к одному из тех, кто так говорил, и спросил его: «Кто тот человек, которого вы так восхваляете?» И спрошенный отвечал: «Ты, видно, из далекой страны, раз ты не слыхал про Ала ад-Дина и его дворец, это чудо света,— Аллах да сделает его в нем счастливым!» И магрибинец отвечал ему: «Я не слышал, и я здесь человек чужой, из далеких стран. Я хочу, чтобы ты провел меня к его дворцу и я посмотрел бы на него».

И тот человек пошел с магрибинцем и привел его ко дворцу, и магрибинец всмотрелся в него и понял, что все это

работа светильника. Он едва не умер от зависти и сказал про себя: «Ах, я непременно выкопаю для этого поганца яму и убью его там! Сын нищего портного, у которого не было даже ужина на один вечер, добыл все это! Если захочет Аллах, я обязательно заставлю его мать снова прясть хлопок!» И магрибинец вернулся на постоялый двор, будучи словно на том свете от горя, и, достигнув своего жилища, погадал на песке, чтобы посмотреть, где светильник, и он увидел, что светильник во дворце, а не у Ала ад-Дина, и воскликнул: «Дело-то, выходит, нетрудное! Я таки лишу этого поганца здоровья!» И он поднялся, и пошел к меднику, и попросил его сделать несколько новых светильников, и сказал: «Возьми с меня их цену с избытком», — и медник отвечал: «Слушаю и повинуюсь!» — и тотчас же исполнил его требование. А магрибинец взял светильники, отдал меднику за них деньги, а потом он пошел домой, уложил светильники в корзину и принялся ходить по площадям города, крича: «Эй, кто меняет старые светильники на новые!» И всякий, кто слышал его крики, говорил, что это сумасшедший. И магрибинец кричал эти слова, пока не оказался под окнами дворца Ала ад-Дина, и тогда он опять издал такой крик, а малыши и уличные мальчишки шли за ним и кричали: «Сумасшедший, сумасшедший!»

И Аллах предопределил, что госпожа Будур как раз в это время смотрела из окна, и она услышала крик магрибинца и стала смеяться над ним вместе со своими невольницами. «Да погубит его Аллах! — сказала она.— Какая ему от этого прибыль?» А Ала ад-Дин забыл о светильнике во дворце и не запер его, по обычаю, в своей комнате, и одна из невольниц увидела его и сказала госпоже Будур: «О госпожа, во дворце моего господина есть старый светильник. Если хочешь, давай позовем этого человека и выменяем наш светильник на новый, чтобы посмотреть, правду он говорит или нет».— «Пойди приведи его, — сказала госпожа Будур,— и выменяй у этого сумасшедшего наш светильник на новый». А госпожа Будур совершенно ничего не знала об этом светильнике.

И невольница поднялась в покои Ала ад-Дина, принесла светильник и дала его евнуху, и тот спустился и отдал его магрибинцу, взял вместо него новый светильник, и потом он поднялся к госпоже Будур, а та все еще смеялась над глупостью этого магрибинца.

Что же касается магрибинца, то, увидя светильник и узнав его, он не поверил своим глазам и, кинув все свои

светильники, понесся прочь, словно туча. Он бежал, пока не достиг уединенного места, — а уже наступила ночь, — и вынул светильник, и потер его, и раб появился перед ним и сказал: «Требуй чего хочешь!» — «Я хочу от тебя, — сказал магрибинец, — чтобы ты перенес дворец Ала ад-Дина со всем, что в нем есть, и со мной вместе и поставил его в городе колдуна».

Вот что было с проклятым магрибинцем.

А султан на другой день, пробудившись от сна, открыл окно, и выглянул из него, и увидел он перед своим дворцом пустой участок земли, и не увидал там дворца Ала ад-Дина. Он удивился, и нашел это странным, и стал протирать себе глаза и смотреть, но в конце концов убедился, что дворца нет, и не мог он понять, что случилось, и растерялся, и ум его был ошеломлен. Он ударил рукой об руку, и стал плакать о своей дочери, и сейчас же послал за своим везирем, и закричал: «Говори, где дворец Ала ад-Дина?» Услышав эти слова, везирь остолбенел, а султан воскликнул: «Чего ты дивишься моим словам! Подойди, посмотри в окно». И везирь поднялся, и посмотрел в окно, и не увидел ни дворца, ни чего-либо другого, и он тоже растерялся и опешил и стоял перед султаном, словно немой. «Вот причина моей печали и плача», — молвил султан, а везирь сказал: «Я же говорил тебе раньше, о царь времени, что все это — проделка колдунов, а ты мне не верил». И ярость султана усилилась, и он спросил везиря: «Где Ала ад-Дин?» И везирь ответил: «Он на охоте».

И тогда султан приказал одному из эмиров отправиться со всем своим войском за Ала ад-Дином и привести его, закованного и связанного. И эмир отправился с войском, и прибыл к Ала ад-Дину, и сказал ему: «О господин, не взыщи, таков приказ султана. Я должен взять тебя и привести к нему, закованного и связанного. Извини же меня, ибо я нахожусь под властью султана». Когда Ала ад-Дин услышал эти слова, его охватило удивление. Он не понимал, в чем причина этого, и спросил эмира: «Не знаешь ли ты, в чем здесь причина?» — и эмир молвил: «О владыка, я ничего не знаю», — и Ала ад-Дин сошел с коня и сказал: «Делай так, как тебе велел султан». И Ала ад-Дина заковали, и связали ему руки, и привели в город, и когда подданные увидели его в таком положении, они поняли, что султан хочет отрубить ему голову, и усилилась их печаль. И они тотчас же поднялись, все как один, надели оружие и пошли за Ала ад-Дином, чтобы посмотреть, что султан хочет с ним сделать.

И когда они достигли дворца, султана осведомили об этом, и султан приказал своему палачу отрубить Ала ад-Дину голову; и жители города, увидев это, взволновались и заперли ворота дворца, и некоторые полезли на дворцовые стены, а другие начали ломать двери и бить окна, чтобы войти туда и убить султана. И везирь вошел, и осведомил об этом султана, и сказал ему: «О царь времени, дело твое, видно, идет к концу! Прости его лучше, чтобы подданные не набросились на нас и не убили нас из-за Ала ад-Дина». И султан послал сказать подданным, чтобы они успокоились и что он простил Ала ад-Дина, и тотчас же велел палачу убрать от него руку и приказал привести Ала ад-Дина. И когда Ала ад-Дин явился к султану, он поцеловал перед ним землю и молвил: «О царь времени, я надеюсь, что ты окажешь своему рабу милость и сообщишь мне, за какой грех я заслужил убиение?» — «Обманщик! — воскликнул султан.— Как будто ты не знаешь, в чем твой грех!» И он обратился к везирю и сказал ему: «Возьми его, пусть он посмотрит в окно: где его дворец!» И везирь взял Ала ад-Дина, и тот посмотрел, и не увидел своего дворца, и увидел лишь обширный пустырь, такой, как был раньше, прежде чем построили дворец. И он растерялся, и остолбенел, и не мог понять, что случилось с его дворцом, и султан спросил его: «Ну что? Видел? Где твой дворец? И где моя дочь, кровь моего сердца и мое единственное дитя?!» — «Клянусь жизнью твоей головы, о царь времени, — сказал Ала ад-Дин, — я совсем ничего не знаю».— «Знай, — сказал султан, — что я простил тебя, чтобы ты пошел и отыскал мою дочь, и если ты ее ко мне не приведешь, я отрублю тебе голову».— «О царь времени, — сказал Ала ад-Дин, — дай мне отсрочку на некоторое время, на сорок дней, и, если я не приведу к тебе твоей дочери, отруби мне голову».— «Я даю тебе то, что ты желаешь, — сказал султан, — но не думай, что тебе удастся от меня убежать! Клянусь жизнью моей, я доберусь до тебя, где бы ты ни был». И Ала ад-Дин вышел от султана, грустный и печальный, а что касается жителей города, то они обрадовались его спасению.

И Ала ад-Дин ушел, понурив голову от стыда и позора, и он оставался в городе два дня, не зная что делать и горюя о том, что с ним случилось, и особенно о госпоже Будур, своей жене. А потом он вышел из города, потеряв надежду и повторяя про себя: «Не знаю я, что случилось. Где я найду дворец?» И он шел по пустыне, не зная куда направиться, и наконец оказался возле реки. Он хотел было броситься

в реку и убить себя, но потом вернулся к разуму и вручил свое дело Аллаху. И он сел на берегу реки, и задумался, и от великой печали стал ломать руки, и, ломая руки, задел за перстень, находившийся у него на пальце, и вдруг предстал перед ним раб и воскликнул: «К твоим услугам, требуй чего хочешь!» И Ала ад-Дин обрадовался и сказал: «О раб перстня, я хочу, чтобы ты принес мне мой дворец и мою жену госпожу Бадр аль-Будур», — но раб отвечал: «О господин, ты потребовал от меня вещи, которой я не могу сделать, ибо это относится только к рабу светильника».— «Раз это для тебя невозможно,— сказал Ала ад-Дин, — то возьми меня и доставь к тому дворцу».— «Слушаю и повинуюсь!» — воскликнул раб и тотчас же, в мгновение ока, принес Ала ад-Дина к дворцу во внутреннем Магрибе. А уже наступила ночь. И Ала ад-Дин обрадовался, увидев свой дворец, и стал думать, как бы снова достигнуть цели и добыть свою жену Будур. Он положил голову на землю и заснул, так как уже пять-шесть дней не спал, а когда наступило светлое утро, он поднялся, подошел к протекавшему там ручью, вымыл лицо, совершил омовение и сотворил утреннюю молитву, а потом сел под окнами дворца госпожи Бадр аль-Будур, и вот то, что с ним было.

Что же касается госпожи Будур, то от сильного горя из-за разлуки со своим мужем и со своим отцом, султаном, и от дурного обращения с нею грязного магрибинца она постоянно плакала и не спала по ночам. А как раз в это время к ней вошла невольница, желая одеть ее в одежды, и Аллах предопределил, чтобы эта невольница выглянула из окна и увидела Ала ад-Дина под окнами дворца. «Госпожа, госпожа! Подойди, погляди, мой господин под окнами дворца», — воскликнула она. И госпожа Будур поднялась и открыла окно, и Ала ад-Дин поднял голову и увидел ее. Она приветствовала Ала ад-Дина, и Ала ад-Дин приветствовал ее, и оба они улетали от радости — и потом царевна сказала: «Встань и войди к нам через потайную дверь, ибо этого проклятого сейчас здесь нет». И она приказала невольнице, и та спустилась и открыла Ала ад-Дину дверь, а госпожа Будур встала и вышла ему навстречу, и они обнялись плача, и Ала ад-Дин молвил: «О моя любимая, я хочу у тебя кое-что спросить. Я оставил в своей комнате старый медный светильник. Ты его видела?» И госпожа Будур вздохнула и молвила: «О любимый, он и был причиной того, что с нами случилось». И Ала ад-Дин сказал: «Расскажи мне, что произошло».

И царевна рассказала ему, как она выменяла светильник у магрибинца на новый светильник, и продолжала: «А на следующий день мы увидели себя в этом месте, и магрибинец рассказал мне, что он перенес сюда дворец благодаря силе этого светильника, и теперь, мой любимый, мы находимся в землях внутреннего Магриба».— «Расскажи мне про этого проклятого: что он тебе говорил и чего он хочет», — сказал Ала ад-Дин, и царевна молвила: «Каждый день он приходит один раз, не больше, и соблазняет меня, чтобы я с ним спала и взяла его вместо тебя. Он говорит, что мой отец, султан, отрубил тебе голову, и еще он сказал, что ты был бедняком, сыном бедняка, и что он, магрибинец, был причиной твоего богатства. Он проявляет ко мне полную любовь, а я к нему — полную ненависть».— «А ты не знаешь, куда он прячет светильник?» — спросил ее Ала ад-Дин. И она сказала: «Он постоянно носит его с собой и не расстается с ним. Он вынимал его из-за пазухи и показывал его мне». И Ала ад-Дин обрадовался и воскликнул: «Я сейчас от тебя уйду, а ты вели одной из невольниц все время стоять у потайной двери, чтобы, когда я потребую, она открыла мне дверь. А я придумаю хитрость против этого проклятого».

И затем Ала ад-Дин вышел и пошел по степи. Он увидел одного феллаха и сказал ему: «О дядюшка, возьми мою одежду и дай мне твою», — и феллах скинул свою одежду, и Ала ад-Дин взял ее и надел. Потом он отправился в город, на рынок москательщиков, и купил на два дирхема банджа и вернулся во дворец, и когда невольница, стоявшая у потайной двери, увидела его, она открыла ему. И он вошел к своей жене, госпоже Будур, и сказал ей: «Я хочу, чтобы ты бросила печаль и проявила к этому проклятому дружелюбие и приязнь. Скажи ему со смеющимся лицом: «Приходи сегодня вечером, и мы поужинаем. До каких пор я буду грустить?» И прояви к нему великую любовь и скажи, что ты хочешь с ним выпить. Поднеси ему одну чашу за другой, пока он не выпьет несколько чаш, и потом положи ему в чашу этот бандж и напои его, а когда он опрокинется на затылок, покричи меня».— «Вот оно, правильное решение! — воскликнула госпожа Будур.— Это мне нетрудно».

Потом Ала ад-Дин поел и насытился и затем встал и вышел, а госпожа Будур поднялась, позвала служанку, приоделась, разукрасилась и надушилась благовониями, и вдруг вошел магрибинец и увидел ее в таком убранстве. Он обрадовался и развеселился, и грудь у него расшири-

лась, особенно когда госпожа Будур встретила его с приветливым и смеющимся лицом, а она взяла его за руку, и посадила с собою рядом, и сказала: «О мой любимый, если желаешь, приходи и поужинай со мной сегодня вечером. До каких пор я буду грустить? Хватит! Я потеряла надежду вновь увидеть Ала ад-Дина и моего отца и хочу, чтобы ты мне их заменил. У меня ведь никого не осталось, кроме тебя. Надеюсь, что ты придешь сегодня вечером и мы вместе поужинаем, но я хочу, чтобы ты принес мне немножко вина, и пусть это будет вино хорошее, превосходное, из вин твоей родины. У меня тоже есть вино, но я хочу попробовать вина этой страны». И когда магрибинец услышал слова госпожи Будур и увидел с ее стороны знаки любви, он обрадовался великой радостью и вскричал: «Слушаю и повинуюсь, о моя возлюбленная! Я пойду и куплю все, что ты хочешь!» А госпожа Будур для того, чтобы еще больше обмануть его, сказала: «Зачем тебе самому идти? Пошли кого-нибудь из твоих рабов!» Но магрибинец воскликнул: «Клянусь твоими глазами, никто не пойдет покупать вино, кроме меня».

И он пошел и купил превосходного вина, которое свалит с ног медведя, и вернулся к царевне, и невольницы поставили перед ними столик и подали ужин. И они стали есть и пить, а невольницы наполняли их чаши вином, и они пили, и так продолжалось до тех пор, пока у магрибинца от опьянения не закружилась голова, и тогда госпожа Будур сказала ему: «О мой любимый, у нас в стране есть такой обычай: в конце трапезы любимая наливает возлюбленному чашу вина, и эта чаша бывает последней». И она тотчас же наполнила чашу, бросила в нее бандж и подала ему, а магрибинец от великой радости выпил чашу и не оставил там ни одной капли. И спустя недолгое время он перевернулся и упал ниц лицом, словно убитый, не владея ни рукой, ни ногой, и тогда невольница поспешно позвала своего господина Ала ад-Дина и открыла ему двери. И Ала ад-Дин вошел и увидел, что магрибинец лежит, точно убитый, и обнажил меч, и отсек магрибинцу голову, а затем обернулся к госпоже Будур и сказал ей: «Выйди отсюда со своими невольницами и оставь меня одного».

И госпожа Будур вышла и невольницы с нею, и они заперли дверь, и тогда Ала ад-Дин протянул руку, и вынул светильник из кармана магрибинца, и потер его. И раб-джинн появился перед ним и сказал: «Требуй чего хочешь!» — и Ала ад-Дин молвил: «Я хочу, чтобы ты поставил этот дворец на место, туда, где он был», — и раб

отвечал: «Слушаю и повинуюсь!» И тогда Ала ад-Дин вышел и обнял свою жену, и поцеловал ее, а она поцеловала его, а марид в мгновение ока перенес дворец и поставил его на место. И Ала ад-Дин с женой сели за столик, и ели, и пили, и веселились, до тех пор, пока не пришло время спать, и тогда они поднялись, легли в постель и заснули, и оба улетали от радости, особенно госпожа Будур, так как она была уверена, что завтрашний день наутро увидит своего отца, султана. Вот что было с Ала ад-Дином.

Что же касается султана, то он всякий день неизменно плакал и бил себя по лицу, горюя о своей дочери, так как она была у него единственная, и каждое утро он выглядывал из окон дворца, и смотрел, и говорил: «А вдруг!.. Может быть?» — и плакал о своей дочери. И в тот день утром султан тоже встал, и, как обычно, выглянул из окна, и увидел перед собой строение. Он подумал, что его глаза затуманились, и стал их тереть, и все смотрел, пока не убедился, что это дворец Ала ад-Дина, и тогда он тотчас же кликнул рабов и сказал им: «Приведите коня!» И он сел и поехал ко дворцу Ала ад-Дина, и Ала ад-Дин вышел, и встретил султана, и ввел его к дочери, госпоже Будур, а госпожа Бадр аль-Будур поднялась и встретила своего отца. И султан обнял ее и начал плакать, и она тоже плакала, и потом они сели, и царевна стала рассказывать своему отцу обо всем, что с ней случилось, и в заключение сказала: «Клянусь твоей жизнью, отец, душа вернулась ко мне только вчера, когда я увидела моего мужа и возлюбленного Ала ад-Дина. А до того из-за проклятого колдуна мной владели печаль и горе, которых не описать». И она рассказала султану, как выменяла у магрибинца старый светильник на новый, и добавила: «Я ведь ничего не знала о достоинствах этого светильника. А на следующий день, когда он взял его, мы увидели себя в другой стране, во внутреннем Магрибе, но потом пришел Ала ад-Дин, мой муж, и придумал хитрость, и убил его. Хвала Аллаху, который избавил нас от зла этого проклятого! А когда мой муж убил его, он сказал мне: «Выйди вместе со своими невольницами», — и я вышла и не знаю, что он сделал, чтобы перенести нас сюда». И Ала ад-Дин сказал: «О царь времени, я ничего не сделал, а только сунул руку к магрибинцу в карман, так как госпожа Будур рассказала мне, что он кладет светильник в карман, и вынул светильник, и приказал рабу светильника перенести нас и доставить в эту страну. Встань же, о счастливый царь, и посмотри на этого проклятого магрибинца, который лежит убитый в другой комнате». И царь

поднялся, и вошел туда, и увидел проклятого магрибинца, который был убит, и тогда он велел разрубить его тело и сжечь в огне. А потом султан обнял Ала ад-Дина, поцеловал его, и поблагодарил за все его труды, и сказал: «Извини меня, дитя мое, за то, что я с тобой сделал! Мне простительно, так как это моя единственная дочь».— «О царь времени, ты не сделал со мной ничего против справедливости», — ответил Ала ад-Дин; и потом султан велел начать торжества по случаю находки его дочери, а магрибинца сожгли и развеяли его прах по воздуху.

И рассказывают, что у того проклятого магрибинца был брат, тоже проклятый, еще хуже его колдовством и чародейством, и случилось так, что этот брат стал гадать на песке, и составил гороскоп, и пожелал узнать, что сталось с его братом. Он увидел, что брат его умер, и опечалился, и огорчился, и погадал на песке второй раз, чтобы посмотреть, какова причина его смерти и в каком городе он умер, и узнал, что брата его убили в странах Китая, и сожгли его тело, и развеяли прах по воздуху, и что тот, кто его убил, — это юноша, имя которому Ала ад-Дин. Он узнал всю его историю, и происшествие со светильником, и прочее; и когда он увидел все это на своем песке, он тотчас же встал, и снарядился, и ехал до тех пор, пока не достиг стран Китая. Он вошел в столицу царства, то есть в город, где находился Ала ад-Дин, и поселился на постоялом дворе, и отдохнул два или три дня, а потом стал придумывать хитрость, чтобы убить Ала ад-Дина.

И он спустился в город, и пришел в одно место, где люди играли в шахматы, и услышал, что они говорят про одну старуху, которую зовут Фатима. Это была благочестивая старуха, которая обитала в пустыне и приходила в город только два раза в неделю, и люди восхваляли ее и воздавали ей великий почет. И брат магрибинца обратился к одному из говоривших и спросил его: «О дядюшка, что это я слышу, вы говорите о чудесах одной женщины, которую зовут Фатимой? Расскажи мне, где она и где ее местожительство. Я чужеземец, и я попал в беду и хочу пойти к ней и попросить, чтобы она за меня помолилась. Быть может, Аллах великий тогда устранит от меня беду». И тот человек вывел его за город и показал ему издали жилище Фатимы — а эта богомольная Фатима жила в пещере, на вершине горы, — и магрибинец поблагодарил его за его милость, и вернулся к себе домой, и провел там ночь, а утром спустился в город, и Аллах предопределил, чтобы это было в тот день, когда Фатима приходила в город.

И когда магрибинец ходил по городу, он увидел, что люди собираются толпами, и спросил в чем дело, и ему сказали: «Вот она там, благочестивая Фатима». И магрибинец следовал за нею из одного места в другое, пока не наступил вечер, и тогда Фатима вернулась в свое жилище за городом, и магрибинец шел за ней издали, пока она не достигла своей пещеры. И он подождал, пока миновала треть ночи, и, когда Фатима легла спать, вошел к ней и увидел, что она лежит на спине, на куске циновки. И тогда он схватил Фатиму за голову, вынул кинжал и закричал на нее, и Фатима пробудилась и увидела, что магрибинец держит ее за голову и в руке у него обнаженный кинжал, и чуть не умерла от горя и страха. «Если ты заговоришь или закричишь, — сказал магрибинец, — я убью тебя! А теперь встань и сделай то, что я потребую». И он дал ей великие клятвы, что не убьет ее, если она его послушается, и Фатима поднялась, и магрибинец сказал ей: «Дай мне твою одежду и возьми мою». И она отдала ему свои лохмотья, головную повязку, платок и покрывало, и магрибинец сказал: «Этого недостаточно, нужно, чтобы ты меня чем-нибудь помазала и мое лицо стало бы таким, как твое лицо». И Фатима поднялась и вынула из глубины пещеры кувшин, в котором было немножко масла, взяла его одну каплю и намазала им лицо магрибинца, и оно стало такого же цвета, как ее лицо. Потом она одела магрибинца в свою одежду, повязала ему повязку и дала ему свой посох, а на шею ему повесила четки и научила его, что ему делать, когда он будет ходить по улицам города, и затем она дала ему зеркало и сказала: «Посмотри-ка теперь на свое лицо! Тебе ни за что не отличить его от моего». И магрибинец посмотрел на себя в зеркало и увидел, что он ничем не отличается от Фатимы, и тогда он вытащил кинжал, и убил ее, и закопал на склоне горы. Он подождал, пока засияло солнце, и спустился в город, и люди собрались возле него и стали брать у него благословение, и не сомневались они, что это Фатима, и народ толпился вокруг него.

А все это происходило под окнами дворца госпожи Бадр аль-Будур, и она услышала шум толпы и спросила невольниц, что случилось, и те сказали: «О госпожа, это Фатима благочестивая спустилась сегодня в город, и люди толпятся вокруг нее, чтобы получить от нее благословение». И тогда царевна обратилась к евнуху и сказала ему: «Пойди и приведи к нам Фатиму, чтобы нам взять от нее благословение. Я много слыхала об ее чудесах и желаю ее увидеть». И евнух пошел и привел к ней магрибинца, одетого в одежду

Фатимы, и, когда магрибинец предстал перед госпожой Будур, он пустил в ход свои обманы, а госпожа Будур встретила его с полным уважением и сказала: «О госпожа Фатима, я хочу, чтобы ты побыла у меня. Я получу от тебя благословение, и ты научишь меня своим достоинствам». А это было пределом желания магрибинца, и он сказал госпоже Будур: «О госпожа, я женщина бедная и обитаю в пустыне, и не годится мне жить во дворцах царей».— «О госпожа моя Фатима, — ответила госпожа Будур, — не отказывай мне в моей просьбе. Я отведу тебе комнату, и ты будешь молиться там великому Аллаху».— «Раз таково твое желание, о госпожа, я не хочу тебе перечить,— ответил магрибинец,— но я не буду с вами ни есть, ни пить, а стану есть, пить и молиться Аллаху в моей комнатке». А этот проклятый сказал такие слова из опасения, что, если он будет есть с ними, ему придется откинуть ото рта покрывало и его узнают. «О госпожа моя Фатима,— молвила госпожа Будур, — мы сделаем так, как ты хочешь. Пойдем, госпожа Фатима, я покажу тебе мой дворец». И она взяла магрибинца, и поднялась с ним в свои покои, и показала ему уже известную комнату с решетками, сплошь украшенными драгоценными камнями. «Как ты находишь мой дворец, о госпожа Фатима?» — спросила царевна. И магрибинец ответил: «Клянусь Аллахом, он красив до предела! Аллах да сделает тебя в нем счастливой! Но увы, в нем не хватает одной вещи».— «Чего же в нем не хватает, госпожа Фатима?» — спросила госпожа Будур, и магрибинец молвил: «В нем не хватает большого яйца птицы рухх, чтобы повесить его посреди комнаты. А рухх, госпожа моя, — большая птица, которая унесет в когтях целого верблюда, и ее можно найти только на горе Каф. Мастер, который построил и возвел дворец, может принести яйцо рухх». И затем они оставили этот разговор, и госпожа Бадр аль-Будур отвела магрибинцу комнату, чтобы он молился в ней Аллаху, и проклятый магрибинец сидел там.

А когда наступил вечер, пришел Ала ад-Дин и вошел к своей жене госпоже Будур. Он приветствовал ее, и поцеловал, и увидел, что она озабочена и не такова, как обычно, и спросил: «Все ли хорошо, если хочет того Аллах? Какова причина твоей заботы?» И госпожа Будур ответила: «Я думала, что мой дворец совершенный, а оказывается, в нем недостает яйца рухха, которое висело бы в нем».— «И это все, что тебя огорчает?! — воскликнул Ала ад-Дин.— О любимая, я принесу тебе яйцо рухха как можно скорей! Будь же довольна!» И Ала ад-Дин тотчас же поднялся, во-

шел в свою комнату, взял светильник и потер его, и джинн появился перед ним и сказал: «Требуй чего хочешь!» — «Я хочу от тебя, — сказал Ала ад-Дин, — чтобы ты принес мне яйцо рухха, и я повешу его посреди покоев моей жены». И когда джинн услышал эти слова, он разгневался, и закричал на Ала ад-Дина, и сказал ему: «О неблагодарный, тебе мало того, что я и все джинны, рабы светильника, служили тебе превыше возможностей, и ты еще требуешь, чтобы мы принесли к тебе нашу госпожу для твоего развлечения и развлечения твоей жены. Если бы я знал, что у вас будет такая просьба, я бы дунул на тебя и на твою жену, и вы бы взлетели и оказались между небом и землей, и постарался бы вас погубить. Но причина этого не в тебе, а в этом проклятом брате магрибинца, который находится в твоем дворце и прикидывается Фатимой-богомолицей. Он ведь убил Фатиму и оделся в ее одежду, чтобы погубить тебя и отомстить за своего брата».

И раб-джинн произнес эти слова и исчез, и когда Ала ад-Дин услышал такие речи, он растерялся, и тотчас же встал, и вошел к своей жене. Он сделал вид, что у него болит голова, и госпожа Будур сказала ему: «У нас находится благочестивая Фатима. Я ее приведу, и она положит руку тебе на голову, и боль пройдет». И она пошла и привела магрибинца, и тот подошел и приветствовал Ала ад-Дина, а Ала ад-Дин сказал ему: «Добро пожаловать», — и молвил: «О госпожа моя Фатима, у меня болит голова, а твои благословенные качества излечивают больного». И магрибинец подошел к нему, — а он спрятал под одеждой нож, которым можно резать булат, — и, приблизившись к Ала ад-Дину, сделал вид, что хочет положить руку ему на голову, чтобы прошла боль, а на самом деле он хотел захватить его врасплох, ударить ножом и убить. А Ала ад-Дин следил за магрибинцем, и когда магрибинец подошел к нему, он тотчас же вытащил кинжал и воткнул его в магрибинца, и тот упал убитый. И госпожа Будур вскрикнула: «Как это ты убил благочестивую Фатиму, творящую чудеса!» И Ала ад-Дин сказал: «Я убил не Фатиму, а того, кто убил ее. Это брат магрибинца-колдуна, и он пришел из своей страны, чтобы отомстить за своего брата. Это он научил тебя попросить у меня яйцо рухха, чтобы произошла оттого моя гибель и твоя гибель, а если ты не веришь моим словам, отбрось от его рта покрывало и посмотри: Фатима ли это благочестивая или магрибинец?»

И госпожа Бадр аль-Будур подошла, и откинула покрывало, и увидела, что это мужчина, у которого все лицо

закрыто бородой, и тогда она поняла, что ее муж Ала ад-Дин сказал правду, и воскликнула: «О мой любимый, два раза я подвергала тебя опасности гибели!» И она обняла Ала ад-Дина и поцеловала его, и Ала ад-Дин молвил: «Не беда, о любимая! Слава Аллаху, который избавил нас от зла этих двух проклятых магрибинцев!»

А в это время пришел к ним султан, и они рассказали ему обо всем, что случилось из-за брата магрибинца, и показали его труп, и тогда султан велел его сжечь так же, как его брата, и его сожгли и развеяли прах по воздуху. И Ала ад-Дин со своей женой, госпожой Будур, проводили время в веселье и радости, пока не пришла к ним Разрушительница наслаждений и Разлучительница собраний — смерть».

РАССКАЗ ПРО АЛИ-БАБА И СОРОК РАЗБОЙНИКОВ И НЕВОЛЬНИЦУ МАРДЖАНУ, ПОЛНОСТЬЮ И ДО КОНЦА

«Повествуют в древних, старинных преданиях живших в прошлом народов и минувших поколений — а Аллах более всех сведущ в неведомом и премудр, — что в былые времена и прошедшие века и столетия жили в одном из городов Хорасана персидского два человека, родные братья, одного из которых звали Касим, а другого — Али-Баба. Отец их скончался и оставил им лишь ничтожное наследство и незначительное имущество, и братья поделили то, что оставил отец, хоть и было этого немного, по закону и по справедливости, без споров и пререканий. Потом, после раздела наследства родителя, Касим женился на богатой женщине, владелице земель, садов, виноградников и лавок, полных роскошными товарами и бесчисленными ценными вещами, и принялся продавать и покупать, получать и отдавать, и состояние его умножилось, и судьба помогла ему, и приобрел он славу среди купцов и значение в глазах людей почтенных и состоятельных.

Что же касается Али-Баба, то он женился на бедной

женщине, не имевшей ни дирхема, ни динара, ни домов, ни поместий. Он истратил в короткое время то, что унаследовал от отца, и овладела им после этого нужда с ее горестями и бедность с ее тяготами и заботами, и растерялся он, не зная, что ему делать, и не мог придумать никакой хитрости, чтобы добыть пропитание и средства к жизни. А Али-Баба был человек знающий, разумный, понятливый и образованный, и тут он произнес такие стихи:

«Твои познанья, как луна, светлы.
Ученый ты», — твердят мне все подряд.

Но от похвал я рад бы убежать.
Что значит мудрость? Власть сильней стократ.

Вы говорите: клад — премудрость книг.
Хотел бы я отдать ее в заклад.

Ведь не дадут гроша, и лишь в лицо
Проклятия и книги полетят.

В моей судьбе — злосчастья что ни день,
Жизнь бедняка — не жизнь, а сущий ад:

В жаровнях наших стынут угольки,
Глад мучит летом, а зимою хлад,

Рычат на нищих уличные псы,
Встречаешь всюду брань и злобный взгляд.

Не сетуй — не простят нам нищеты,
Все жалобы на бедность невпопад,

И если в жизни нет отрады нам,
Уж лучше — в гроб, там люди мирно спят» *.

А кончив говорить, он сел и стал думать о своем положении, размышляя, на что ему опереться в своих делах, чтобы прожить, и как добыть пропитание, и сказал про себя: «Если я куплю на оставшиеся у меня дирхемы топор и несколько ослов, поднимусь с ними на гору, нарублю там дров и, спустившись, продам их на городском рынке, то наверное добуду достаточно, чтобы рассеять мою заботу и покрыть расходы на семью». Эта мысль показалась ему хорошей, и он поспешил купить ослов и топор, а наутро отправился на гору с тремя ослами, и каждый осел был ростом с мула.

И Али-Баба провел день за рубкой дров, которые он вязал в вязанки, а когда время подошло к вечеру, нагрузил

своих ослов, спустился с ними с горы и шел, направляясь в город, пока не достиг рынка. Он продал дрова и потратил вырученные деньги на улучшение своего положения и на расходы для семьи, и рассеялась его грусть, и исчезло расстройство духа, и он прославил и восхвалил Аллаха. Он провел ночь довольный, с радостным сердцем и спокойной душой, а когда наступило утро, встал, и вернулся на гору, и стал делать то же, что делал накануне, и он взял это себе в привычку и каждое утро отправлялся на гору, а вечером возвращался на городской рынок, и продавал там свои дрова, и расходовал деньги на семью.

И обрел Али-Баба от этого благо и продолжал жить таким образом, и вот однажды, когда он рубил на горе дрова, он увидел, что поднялось облако пыли, которое заволокло края неба, а когда пыль рассеялась, показалось несколько всадников, подобных ярым львам, и были они увешаны оружием, одеты в кольчуги и опоясаны мечами, и у колена каждого было копье и на плече — лук. И Али-Баба испугался их, устрашился и встревожился. Он направился к высокому дереву, взобрался на него и укрылся между ветвями, полагая, что зто разбойники, и, притаившись за покрытыми листвой сучьями, направил взоры на всадников. Когда Али-Баба влез на дерево и вгляделся во всадников взором проницательного, он твердо уверился, что это воры и разбойники. Он пересчитал всадников, и оказалось, что их сорок человек, и каждый из них ехал на скакуне из числа лучших коней. И усилился страх Али-Баба, и он очень испугался; у него высохла слюна, и не знал он, как ему быть. А всадники между тем остановились, и сошли с коней, и повесили им на шею торбы с ячменем, а потом каждый из них взял мешок, привязанный на спине его коня, и положил себе на плечо. А Али-Баба поглядывал на разбойников и смотрел на них с дерева. И их предводитель пошел впереди своих людей, и направился к склону горы, и остановился перед небольшой дверью из стали; эта дверь находилась в месте, поросшем густой травой, так что ее не было видно из-за множества колючих кустарников, и Али-Баба раньше не замечал ее — совершенно ее не видел и ни разу на нее не наткнулся.

И когда разбойники остановились у стальной двери, предводитель их крикнул громким голосом: «Сезам, открой твою дверь!» — и когда он произнес эти слова, дверь открылась, и предводитель вошел, а за ним разбойники, несшие на плечах мешки. Али-Баба удивился и твердо решил, что каждый мешок полон белого серебра и желтого, чеканного

золота. А дело действительно так и было, ибо эти воры грабили на дорогах и делали набеги на селения и города, обижая рабов Аллаха, и, совершив ограбление каравана или набег на какую-нибудь деревню, они всякий раз приносили добычу в это уединенное, скрытое, удаленное от глаз место. И Али-Баба сидел на дереве, спрятавшись, безмолвный и недвижимый, и не отводил взгляда от разбойников, наблюдая за их действиями, и наконец он увидел, что те выходят с пустыми мешками, предшествуемые предводителем. Они снова привязали мешки на спины коней, как раньше, взнуздали коней, сели и поехали, направляясь в ту сторону, откуда пришли, и ехали, ускоряя ход, пока не удалились и не скрылись с глаз, а Али-Баба от страха молчал, не шевелился и не дышал, и он лишь тогда спустился с дерева, когда они удалились и скрылись с глаз.

И когда Али-Баба почувствовал себя в безопасности от их зла и успокоился и утих его страх, он спустился с дерева, подошел к той маленькой двери и остановился, рассматривая ее, а потом промолвил про себя: «А что, если я скажу: «Сезам, открой твою дверь!» — как сделал предводитель разбойников? Откроется она или нет?»

И он подошел к двери и произнес эти слова, и дверь открылась, а причиной этого было то, что это место создали непокорные джинны, и оно было заколдовано и охранялось великими талисманами, и слова: «Сезам, открой твою дверь!» — были тайным средством снять запрет и открыть дверь. И Али-Баба, увидев, что дверь открыта, вошел, и не успел он переступить порог, как дверь за ним замкнулась. Али-Баба испугался, и устрашился, и произнес слова, которых не устыдится говорящий: «Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого!» — а потом он вспомнил слова: «Сезам, открой твою дверь!» — и его страх и ужас рассеялся. «Мне нечего беспокоиться о том, что дверь закрылась, раз я знаю тайный способ ее открыть», — сказал он себе и прошел немного вперед. Он думал, что в этом помещении темно, и до крайности удивился, увидев, что это просторная, освещенная комната, возведенная из мрамора, хорошо построенная, с высокими сводами, и что в ней сложено все чего может желать душа из кушаний и напитков. Оттуда он перешел в другую комнату, более обширную и просторную, нежели первая, и нашел там богатства, диковинки, редкости и чудные вещи, вид которых ошеломляет смотрящего и бессильны описать их описывающие. Там были собраны слитки чистого золота

и другие слитки — из серебра, а также отборные динары и полновесные дирхемы, и все это лежало кучами, словно песок или галька, и нельзя было этого исчислить и сосчитать.

И когда Али-Баба походил по этой удивительной комнате, он увидел еще одну дверь и прошел через нее в третью комнату, красивей и прекрасяей второй, и были там сложены наилучшие одежды для рабов Аллаха из всех стран и земель. Там лежали во множестве дорогие отрезы хлопчатобумажной ткани и роскошные шелковые и парчовые одеяния, и нет такого сорта материй, которого не нашлось бы в этом помещении, будь они из земель сирийских, или из самых дальних стран Африки, или даже из Китая, Синда, Нубии и Индии. Потом Али-Баба перешел в комнату драгоценных камней и самоцветов, и была она больше и чудесней всех, ибо вмещала столько жемчуга и дорогих камней, что количество их не определить и не счесть, будь то яхонты, изумруды, бирюза и топазы. Что же касается жемчуга, то его были там кучи, а сердолик виднелся рядом с кораллом. Оттуда Али-Баба перешел в комнату благовоний, духов и курений — а это была последняя комната — и нашел в ней все лучшие сорта и прекрасные разновидности вещей этого рода. Там веяло алоэ и мускусом и пахло запахом амбры и цибета, по комнате разносилось благовоние недда и всяких духов, и она благоухала шафраном и прочими ароматами. Сандал валялся там, как дрова для топки, и мандал лежал, словно брошенные сучья.

Увидев эти богатства и сокровища, Али-Баба оторопел, и ум его был ошеломлен, и разум у него помутился. Он постоял некоторое время в недоумении и растерянности, а затем сделал несколько шагов и стал внимательно рассматривать драгоценности; подходил к жемчугу и вертел в руках бесподобную жемчужину, или бродил среди рубинов, отбирая благородные камни, или выискивал кусок другой парчи, шитой ярким золотом, который ему особенно нравился, или прохаживался среди отрезов мягкого, нежного шелка, или вдыхал аромат алоэ и благовояий. Потом он подумал: пусть разбойники даже долгие годы и многие дни собирали эти богатства и диковинки, они не могли бы накопить и части их; знать, сокровищница, несомненно, существовала раньше, чем они в нее проникли, и, во всяком случае, они ею завладели незакояным образом и несправедливым путем. Если он, Али-Баба, воспользуется случаем и возьмет малую толику этого большого богатства, он не совершит греха и не заслужит упрека, а потом, раз богат-

ства столь обильны и они не могут их исчислить и сосчитать, то они не заметят и не узнают, что часть их взята. И тогда Али-Баба решил взять сколько-нибудь этого брошенного золота и принялся переносить мешки с динарами из сокровищницы наружу, причем всякий раз, как он хотел войти или выйти, он говорил: «Сезам, открой твою дверь!» — и дверь распахивалась. А окончив выносить деньги, он нагрузил ими ослов и прикрыл мешки с золотом небольшим количеством дров. Он погонял животных, пока не дошел до города, и тогда он направился в свое жилище, радостный, со спокойным сердцем.

И когда Али-Баба вошел в свое жилище, он запер за собой ворота, остерегаясь, как бы не ворвались к нему соседи. Он привязал ослов в стойле и задал им корму, а потом взял один мешок, поднялся к своей жене и положил мешок перед нею, а после этого снова спустился вниз и принес другой мешок, и так он носил мешок за мешком, пока не перенес все мешки, а жена его смотрела, ошеломленная, удивляясь его поступкам. Она пощупала один из мешков и ощутила твердость динаров, и тут лицо ее пожелтело и состояние ее расстроилось, так как она решила, что ее муж украл эти обильные деньги. «Что ты сделал, о злополучный! — воскликнула она.— Нет нам нужды в том, что недозволено, и не надобны нам чужие деньги! Что до меня, то я довольствуюсь тем, что уделил мне Аллах, и согласна жить в бедности. Я благодарна за то, что Аллах мне посылает, не думаю о чужом богатстве и не хочу ничего запретного».— «О женщина, — сказал ей Али-Баба, — да будет спокойна твоя душа и да прохладится твое око! Не бывать никогда тому, чтобы рука моя коснулась запретного, а что касается этих денег, то я нашел их в одной сокровищнице, и воспользовался случаем, и взял их и принес сюда». Потом Али-Баба рассказал жене о том, что случилось у него с разбойниками, от начала до конца, — а в повторении нет пользы, — а окончив рассказывать, велел ей держать язык за зубами и хранить тайну, и когда его жена услыхала это, она до крайности удивилась, и страх ее исчез, и расправилась ее грудь, и охватила ее великая радость. А Али-Баба опорожнил мешки посреди комнаты, и золота оказались целые кучи. Его жена была ошеломлена, и поразилась обилию золота, и принялась было считать динары, но Али-Баба сказал ей: «Горе тебе, ты и за два дня не сумеешь пересчитать их, и от этого не будет никакой пользы! Не стоит сейчас заниматься таким делом, и по-моему, лучше всего нам будет выкопать для этих денег яму и зарыть их

туда, чтобы наше дело не стало явным и не разгласилась наша тайна».— «Если тебе неохота считать деньги, то необходимо их перемерить, чтобы мы хоть приблизительно знали, сколько их», — возразила его жена. И Али-Баба сказал: «Делай как тебе угодно, но я боюсь, как бы люди не узнали о наших обстоятельствах. Тогда раскроется наша тайна и мы станем каяться, хотя и не будет от раскаяния пользы». Но жена Али-Баба не обратила внимания на его слова и не посчиталась с ними, а, наоборот, вышла, чтобы занять у кого-нибудь меру, так как вследствие ее бедности у нее не было сосуда для отмеривания. Она пошла к своей невестке, жене Касима, и попросила у той меру, и невестка сказала: «С любовью и удовольствием!» — и вышла, чтобы принести меру, говоря про себя: «Жена Али-Баба бедная, и нет у нее привычки что-нибудь отмерять. Посмотреть бы, какое у нее сегодня зерно, что ей вдруг потребовалась мера». И жене Касима захотелось разнюхать в чем дело и узнать истину. Она положила на дно меры немного воску, чтобы отмеряемое зерно к нему прилипло, и потом отдала меру жене Али-Баба, а та взяла меру, поблагодарила невестку за милость и поспешно возвратилась в свое жилище. Придя домой, она села и принялась мерить золото, и оказалось, что его десять мер, и жена Али-Баба обрадовалась, и рассказала об этом своему мужу. А Али-Баба между тем выкопал большую яму, сложил туда золото и снова засыпал яму землей, а его жена поспешила вернуть меру невестке.

Вот что было с этими двумя.

Что же касается жены Касима, то, когда жена Али-Баба ушла, ее невестка перевернула меру и увидела динар, который прилип к воску. Жена Касима сочла это удивительным, так как знала, что Али-Баба беден, и просидела некоторое время в недоумении, а потом она убедилась, что вещь, которую отмеривали, — чистое золото, и сказала про себя: «Али-Баба прикидывается бедняком, а сам меряет золото мерами! Откуда пришло к нему такое счастье и где он добыл это обильное богатство?» И вступила ей в сердце зависть, и загорелась ее душа, и она сидела, дожидаясь прихода мужа, и была в наихудшем состоянии. Что же касается Касима, ее супруга, то он обычно каждый день спешил уйти в свою лавку и оставался там до вечера, занятый куплей и продажей, получая и отдавая деньги, и жена в тот день не могла его дождаться из-за своего великого огорчения, и зависть убивала ее. А когда пришел вечер и спустилась ночь, Касим запер свою лавку и направился

домой, и, войдя, он увидел, что жена его сидит унылая, грустная, с плачущими глазами и опечаленным сердцем. А Касим любил ее великой любовью и спросил: «Что с тобой случилось, о прохлада моего глаза и плод моего сердца, и какова причина твоей печали и плача?» — и жена его воскликнула: «Поистине, мала твоя сметливость и невелика твоя щедрость! О, если бы я вышла замуж за твоего брата! Хоть он с виду и беден, и говорит, что нуждается, и живет как неимущий, а денег у него столько, что количество их знает лишь один Аллах и исчислить их можно только мерами. А ты притязаешь на счастье и благоденствие и гордишься своим богатством, а на самом деле ты всего лишь бедняк в сравнении с твоим братом, так как считаешь свои динары по одному. Ты удовольствовался малым, а ему оставил многое».

И она рассказала мужу, что произошло у нее с женой Али-Баба, — как та одолжила у нее меру, а она положила на дно меры воску и к воску прилип динар. И когда Касим услышал слова своей жены и воочию увидел динар, прилипший снизу к мере, он убедился, что к его брату пришло счастье, но не обрадовался этому, а наоборот, его сердцем овладела зависть, и он замыслил против брата дурное, ибо он был человек завистливый, подлый, презренный и скупой. И провели они с женой эту ночь в наихудшем состоянии от великой горести и мучительной тоски, не смежая век, и не шел к ним сон и дремота, а наоборот, они всю ночь не спали, волновались, пока не засветил Аллах утро и не засияло оно, озаряя мир своим светом. И Касим совершил утреннюю молитву, и пошел к своему брату, и вошел к нему в дом внезапно, а Али-Баба, увидев Касима, встретил его наилучшим образом, проявляя радость и приветливость, и посадил его на почетное место; и когда Касим уселся как следует, он сказал Али-Баба: «Почему это, о брат мой, ты живешь в бедности, в нужде, хотя у тебя в руках богатства, которых не пожрать огнем? Какова причина твоей скаредности и нищенского существования при значительном состоянии и возможности много тратить? Что толку от денег, если человек ими не пользуется? Разве не знаешь ты, что скупость причисляют к порокам и недостаткам и считают дурным, порицаемым качеством?» И брат Касима ответил ему: «О, если бы был я таким, как ты говоришь! На самом деле я так же беден, как раньше, и нет у меня богатства, кроме ослов и топора; что же касается этих твоих слов, то я дивлюсь им, не знаю их причины и совершенно не разумею их».— «Ложь и хитрость теперь уже не помогут,

и ты не можешь меня обмануть, ибо дело твое стало явным и положение твое, которое ты скрывал, сделалось известно,— возразил Касим. Он показал Али-Баба динар, прилипший к воску, и воскликнул: — Вот что мы нашли в мере, которую вы у нас одолжили, и не будь твое богатство обильным, она бы вам не понадобилась и вы бы не мерили золото на меры!»

Тут Али-Баба понял, что причина раскрытия его тайны и обнаружения его богатства — скудоумие жены, которая пожелала перемерить золото, и что он сделал ошибку, послушавшись ее, но какой конь не спотыкается и какой клинок когда-нибудь не отскочит? Он сообразил, что исправить оплошность можно, только сделав тайное явным, и что правильно будет ничего не скрывать и осведомить брата о случившемся. Во всяком случае, раз денег так много, больше, чем может исчислить мысль и воображение, то его доля не уменьшится, если он поделится с братом и они станут владеть ими сообща; ведь они не изведут этих денег, даже если проживут сто лет и будут брать из них на расходы ежедневно. И затем, побуждаемый таким мнением, он рассказал брату историю с разбойниками и сообщил, что у него с ними было: как он вошел в сокровищницу и вынес оттуда много денег и какие пожелал драгоценные металлы и ткани, и потом сказал: «О брат мой, все, что я принес, будет у нас общее, и мы поделим это поровну, а если ты захочешь больше, я тебе принесу. Ведь ключ от сокровищницы у меня, и я спущусь туда и вынесу что хочу без препятствий и помех».— «На такой дележ я не согласен, — возразил Касим.— Я желаю, чтобы ты провел меня к месту клада и осведомил о тайне входа в него. Ты возбудил во мне желание туда проникнуть, и я хочу его видеть; как ты вошел в него и забрал все что хотел, так и я желаю туда войти. Я посмотрю на то, что там есть, и возьму, что мне понравится, а если ты не согласишься на то, что я хочу, я пожалуюсь на тебя правителю города и осведомлю его о твоем деле, и тебе достанется от него то, что будет неприятно». Услышав слова Касима, Али-Баба сказал: «Чего ты грозишь мне правителем? Я ни в чем тебе не прекословлю и осведомлю тебя обо всем, что ты хочешь знать, и я колебался только из-за разбойников, боясь, что они тебя обидят. А если ты хочешь войти в сокровищницу, то мне не будет от этого ни вреда, ни пользы. Бери сколько тебе понравится: если ты начнешь таскать эти драгоценности, то не сможешь перенести все, что лежит в сокровищнице, и то, что ты там оставишь, всегда будет во много раз больше того, что ты

возьмешь». Потом Али-Баба показал Касиму дорогу к горе и место клада, научил его словам: «Сезам, открой твою дверь!» — и сказал: «Запомни хорошенько эти слова и берегись их забыть; я боюсь козней разбойников и последствий этого дела».

Когда Касим узнал местонахождение клада, постиг, каким способом до него добраться, и запомнил необходимые слова, он ушел от своего брата радостный, не внимая его предостережениям и не задумываясь о сказанных им словах. Он вернулся в свое жилище с веселым лицом, явно обрадованный, и рассказал жене, что произошло у него с Али-Баба, и молвил: «Завтра утром, если захочет Аллах, я отправлюсь на гору и вернусь к тебе с еще большими богатствами, чем те, что принес мой брат; твои упреки огорчили и взволновали меня, и я хочу сделать нечто такое, что вернет мне твое благоволение». Потом Касим снарядил десять мулов, взвалил на каждого мула по два пустых сундука, положил необходимые инструменты и веревки и лег спать с намерением отправиться в сокровищницу и завладеть содержащимися в ней богатствами и драгоценностями, не делясь ими с братом. А когда засияла заря и заблистало утро, он поднялся, наладил снаряжение на своих мулах и до тех пор гнал их перед собой, пока не дошел до горы. Достигнув ее, он стал искать дверь, руководствуясь признаками, которые описал брат, и непрестанно разыскивал ее, пока она не появилась перед ним на склоне горы среди травы и растений. И, увидев дверь, Касим поспешно произнес: «Сезам, открой твою дверь!» — и дверь перед ним вдруг распахнулась. И Касим удивился до крайней степени и, торопясь и спеша, вошел в сокровищницу, жаждая поскорей забрать ее богатства, и, едва он перешагнул порог, дверь замкнулась за ним, как обычно.

И Касим прошел через первую комнату и дошел до второй и третьей, и он переходил из комнаты в комнату, пока не миновал их всех. Он опешил, увидя находившиеся там диковинки, и растерялся, найдя столько редкостей; ум чуть не улетел у него от радости, и ему захотелось забрать все эти богатства сразу. И Касим походил направо и налево и поворошил некоторое время кучи дирхемов и драгоценных вещей, а потом решил уходить. Он взял мешок с золотом, взвалил его на плечи и подошел к двери, намереваясь произнести нужные слова, чтобы дверь открылась, то есть сказать: «Сезам, открой твою дверь!» — но эти слова не пришли ему на язык, и он совершенно их запамятовал. Он сел и начал их вспоминать, но они не появлялись у него на

уме и не прояснялись у него в мыслях: напротив, он их совсем позабыл. Он сказал: «Ячмень, открой дверь!» — но дверь не открывалась, потом сказал: «Пшеница, открой дверь!» — но дверь не шевельнулась, потом крикнул: «Просо, открой дверь!» — но дверь осталась закрытой, как была, и Касим называл один злак за другим, пока не перечислил названия всех, но слова: «Сезам, открой твою дверь!» — так и исчезли у него из памяти.

Когда Касим убедился в этом и увидел, что нет проку называть все сорта зерна, он сбросил золото с плеч, сел и снова стал вспоминать, какой же это злак назвал ему его брат, но он так и не пришел ему в голову. Он просидел некоторое время, охваченный крайней заботой и беспокойством, и никак не мог заставить это название появиться у него в мыслях, и тогда он стал горевать и мучиться, раскаиваясь в том, что сделал, когда от раскаяния не было пользы, и говорил: «О, если бы я удовольствовался тем, что предложил мне брат, и оставил жадность, которая стала теперь причиной моей гибели!» И он бил себя по лицу, вырывал волосы, рвал на себе одежду и посыпал голову пылью, проливая обильные слезы, и то кричал и причитал во весь голос, то плакал молча, охваченный печалью. И тянулись над ним долгие часы, и сменилось время, а он был все в том же положении, и каждая проходящая минута казалась ему целым веком. И пребывание его в сокровищнице все длилось, и страх и ужас его все увеличивался, и наконец он отчаялся спастись и воскликнул: «Я погиб несомненно, и нет способа освободиться из этой тесной темницы!»

Вот что было с Касимом.

Что же касается разбойников, то они встретили караван, с которым шли купцы со своими товарами, и ограбили его, и захватили большие богатства, а после того, как было у них в обычае, направились в сокровищницу, чтобы сложить туда добычу. И когда они приблизились к ней, то заметили мулов, которые стояли там с сундуками, и встревожились, и показалось им это подозрительным. Они бросились на мулов как один человек, и мулы разбежались и рассеялись на горе, но воры не обратили на них внимания. Они остановили коней, и спешились, и обнажили мечи, остерегаясь хозяев мулов и полагая, что их много, но не увидели перед сокровищницей ни одного человека и подошли к двери. А Касим, услышав топот коней и людские голоса, прислушался и убедился, что это те самые разбойники, про которых ему рассказывал его брат. Он стал

надеяться, что спасется, и решил убежать, и притаился за дверью, готовясь к бегству, а предводитель разбойников подошел и произнес: «Сезам, открой твою дверь!» — и дверь вдруг распахнулась, и Касим ринулся вперед, спасаясь от гибели и ища избавления, и когда он бросился к двери, то наткнулся на предводителя и повалил его. И Касим заметался среди разбойников и увернулся от первого, второго и третьего, но их как-никак было сорок человек, и он не смог ускользнуть от всех, и один из них настиг его и так ударил копьем в грудь, что зубцы вышли, сверкая, из его спины, и кончился срок жизни Касима. Таково воздаяние тому, кем овладела жадность и кто замыслил обмануть и продать своего брата! Потом разбойники вошли в сокровищницу и увидели, что из нее что-то взято, и обуял их великий гнев. И завладела ими мысль, что их соперник — это убитый Касим, и что именно он взял недостающие драгоценности, но они не могли понять, как Касим попал в это неведомое, отдаленное и скрытое от глаз место и как разгадал тайный способ открыть дверь, который знал, кроме них, один Аллах, да будет он возвеличен и прославлен! И увидев, что он лежит убитый, недвижимый, они обрадовались и успокоились, так как думали, что никто, кроме него, больше не войдет в сокровищницу, и говорили: «Хвала Аллаху, который избавил нас от этого проклятого!» А затем, в назидание и на страх другим, они разрубили тело Касима на четыре куска и повесили их за дверью, чтобы послужило это предостережением для всякого, кто отважится войти в это место. И после этого они вышли, и дверь замкнулась, как раньше, и они сели на коней и уехали своей дорогой, и вот то, что было с этими людьми.

Что же касается жены Касима, то она целый день просидела, ожидая мужа и надеясь на исполнение своих желаний; она рассчитывала, что Касим принесет ей богатства, которых она так жаждала, и готовилась своими руками пощупать динары и фельсы. Но когда пришел вечер, а Касим все мешкал и не возвращался, она встревожилась, и пошла к Али-Баба, и рассказала ему, что ее муж с утра отправился на гору и до сих пор не вернулся и что она боится, не случилось ли с ним что-нибудь и не поразила ли его беда. И Али-Баба стал ее успокаивать и говорил: «Не тревожься! Его отсутствию до сего времени наверное есть какая-нибудь причина, и я думаю, что он решил не возвращаться в город днем из опасения, как бы его обстоятельства не стали известны. Он, несомненно, хочет вернуться лишь

ночью, чтобы исполнить свое дело тайком; не пройдет и немногих часов, как ты увидишь, что он возвращается к тебе с деньгами. А что до меня, то, когда я узнал, что Касим намерен отправиться на гору, я воздержался и не поднялся туда, как обычно, чтобы мое присутствие его не стесняло и он бы не думал, что я намерен за ним подсматривать. Господь облегчит ему затруднения и завершит его дело благом! А ты возвращайся к себе домой и ничего не опасайся. Если захочет Аллах, случится одно добро и ты скоро увидишь, что он возвращается невредимый и с богатой добычей».

Но жена Касима вернулась домой совсем не спокойная и сидела огорченная, и было у нее на душе из-за отсутствия мужа тысяча печалей. Она строила всевозможные мрачные предположения, и ей приходили на ум дурные мысли, пока солнце не зашло и в воздухе не стемнело, и наконец наступила ночь, а жена Касима так и не увидела мужа возвратившимся. Она не стала ложиться, отказавшись от сна и ожидая своего мужа, а когда прошли две трети ночи и она увидела, что Касим не возвращается, то отчаялась и принялась плакать и рыдать, но не стала кричать и вопить, как делают женщины, опасаясь, что соседи услышат и спросят, почему она плачет. И жена Касима провела ночь без сна, в наихудшем состоянии, плача, тревожась, беспокоясь, волнуясь, горюя и страшась, а когда наконец дождалась утра, то поспешила пойти к Али-Баба и сообщила ему, что его брат не вернулся. Она говорила с ним печальная, плача и проливая обильные слезы и будучи в состоянии неописуемом, и когда Али-Баба услышал слова, с которыми она к нему обратилась, он воскликнул: «Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого! Не знаю, что и думать о причине его отсутствия до сей поры. Я сам пойду и выясню, что с ним сталось, и осведомлю тебя об истине в этом деле. Может быть, с помощью Аллаха, задержка окажется на благо и то, что случилось, не принесет вреда или зла».

И Али-Баба тотчас же снарядил своих ослов, взял топор и отправился на гору, как делал каждый день, но, приблизившись к двери сокровищницы, он не нашел там мулов и заметил следы крови, и пресеклась его надежда увидеть брата, и он убедился, что тот погиб. И Али-Баба подошел к двери, охваченный страхом, уже чувствуя, что случилось, и произнес: «Сезам, открой твою дверь!» — и когда он это говорил, дверь открылась, и он нашел тело Касима, разрубленное на части и повешенное за дверью. И волосы вздыби-

лись у него на теле от подобного зрелища, и застучали зубы, и сморщились губы, и он едва не лишился чувств от страха и ужаса, и охватило его сильное горе. Он опечалился великой печалью из-за участи брата и воскликнул: «Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого! Поистине, мы принадлежим Аллаху и к нему возвращаемся! От того, что написано, никуда не убежишь, и что суждено человеку в сокровенном, то обязательно испытает он сполна!» Но потом Али-Баба подумал, что от плача и скорби в такое время нет ни пользы, ни проку, и что самое лучшее и необходимое — призвать на помощь все свое хитроумие и руководиться правильным мнением и разумным суждением. Он вспомнил, что завернуть брата в саван и похоронить — это его обязанность и одна из заповедей ислама, и взял куски разрубленного трупа Касима, и положил их на ослов, и прикрыл тканями, добавил сверх того драгоценностей из клада, которые ему понравились, тех, что весят немного, а ценятся высоко. Он дополнил ношу ослов дровами, а потом подождал порядочно времени, пока не наступила ночь, и, когда мир покрылся мраком, направился в город.

И Али-Баба вступил в город, будучи в худшем состоянии, нежели мать, потерявшая ребенка, и не знал он, что ему предпринять и как поступить с убитым. Он гнал своих ослов, утопая в море мыслей, пока не остановился у дома брата, и тогда он постучался в ворота, и ему открыла черная абиссинская невольница, находившаяся у Касима для услуг, и была это одна из прекраснейших невольниц, с красивым лицом и изящным станом, юная годами, ясноликая и черноглазая, совершенная по качествам, и что еще лучше, она обладала здравым рассудком, острым умом, возвышенными помыслами и великим благородством в минуту нужды. Хитростью и изобретательностью она превосходила опытного, проницательного мужа, и домашние дела лежали на ней одной, и ей поручалось исполнение всех нужд. И Али-Баба вошел во двор и сказал: «Пришло твое время, о Марджана, и нам нужна твоя хитрость в важном деле! Я открою его тебе в присутствии твоей госпожи; пойдем же со мной, послушай, что я скажу ей». И он оставил ослов во дворе и поднялся к жене своего брата, и Марджана поднялась вслед за ним, удивленная и встревоженная тем, что она от него услышала. И когда жена Касима увидела Али-Баба, она спросила: «Что идет за тобой, Али-Баба, — добро или зло? Открылись ли следы Касима и узнал ли ты весть о нем? Поспеши меня успокоить и остуди жар моего сер-

дца». Но Али-Баба медлил с ответом, и она почуяла истину и принялась голосить и плакать, и Али-Баба молвил: «Перестань кричать и не возвышай голоса! Берегись, чтобы люди не прослышали о нашем деле и не стала бы ты причиной того, что мы все погибнем».

Потом Али-Баба рассказал ей, что случилось и что произошло,— как он нашел своего брата убитым и тело его разрезанным на четыре куска и повешенным в сокровищнице, за дверью, и затем продолжал: «Знай и будь уверена в том, что наше достояние, наши души и наши семьи — это прекрасные дары Аллаха и имущество, вверенное нам на хранение. Он заповедал нам благодарность за милости и терпение при испытаниях, и скорбь не вернет умершего и не защитит от печалей. Будь же терпелива, ибо последствие стойкости — благо и благополучие. Смириться перед приговором Аллаха лучше, чем скорбеть и роптать. Правильно и разумно будет, если ты теперь станешь мне женой, а я стану тебе мужем и женюсь на тебе. Моей первой жене это не будет в тягость, ибо она женщина умная, чистая душой и целомудренная, благочестивая и набожная, и мы все заживем одной семьей. Слава Аллаху, у нас довольно денег и всяких благ, чтобы избавить нас от работы и труда ради пропитания, и это обязывает нас благодарить подателя за то, что он дал, и хвалить его за его милости». И когда жена Касима услыхала слова Али-Баба, прошла ее великая скорбь и горесть, прекратился плач и высохли слезы, и она молвила: «Я твоя покорная раба и послушная служанка и повинуюсь тебе во всем, что ты считаешь за благо, но как ухитриться в деле с этим убитым?» — «Что касается убитого,— ответил Али-Баба,— то поручи это дело твоей рабыне Марджане — ты ведь знаешь, как много у нее ума и как велика ее сметливость, рассудительность и способность придумывать хитрости».

Потом Али-Баба оставил жену Касима и ушел своей дорогой, а что касается рабыни Марджаны, то, услышав его слова и увидев, что ее господин убит и разрублен на четыре части, она поняла причину этого, и стала успокаивать свою госпожу, и сказала ей: «Не тревожься и положись в этом деле на меня. Я придумаю какой-нибудь способ, который принесет нам покой, и наша тайна не откроется». И она вышла и отправилась в лавку москательщика, находившуюся на той же улице, а этот москательщик был старый человек, далеко зашедший в годах, славившийся познаниями в разных областях врачевания и лечения и восхваляемый за искусство и деле варки снадобий, хорошее знание

всяких зелий и простых врачебных лекарств. Она попросила у него лекарственного теста, которое прописывают только при тяжелых болезнях, и москательщик спросил ее: «А кому у вас в доме понадобилось такое тесто?» — «Моему господину, Касиму,— ответила Марджана.— С ним приключилась сильная болезнь, которая свалила его, и он теперь в состоянии небытия». И москательщик встал и вручил ей тесто, говоря: «Быть может, Аллах вложит в него исцеление». И Марджана взяла у него тесто из рук, дала ему сколько пришлось дирхемов и воротилась домой.

А на следующий день рано утром она вернулась к москательщику и потребовала лекарства, которым поят только тогда, когда уже нет надежды, и москательщик спросил ее: «А разве тесто вчера не помогло?» — «Нет, клянусь Аллахом,— ответила Марджана,— мой господин при последнем вздохе и борется за свою душу, а госпожа моя уже начала плакать и вопить». И москательщик вручил Марджане лекарство, и та взяла его, отдала за него деньги и ушла, и потом она отправилась к Али-Баба и рассказала ему, какую она придумала хитрость. Она посоветовала Али-Баба почаще заходить в дом своего брата и проявлять грусть и печаль, и он делал так, как она велела, и когда люди в квартале увидели, что он то и дело входит и выходит из дома брата и на лице у него следы печали, они спросили, в чем причина этого. И Али-Баба рассказал им, что его брат болен и что его поразил тяжелый недуг, и весть об этом разнеслась по городу, и люди только о том и говорили.

Когда же настал следующий день, Марджана до восхода зари спустилась в город и шла по городским улицам, пока не подошла к одному башмачнику, которого звали шейх Мустафа. А это был человек, далеко зашедший в годах, небольшого роста, толстоголовый, с длинной бородой и усами; он всегда открывал свою лавку спозаранку и был в этом отношении первым на рынке, и люди знали за ним эту привычку. И Марджана подошла к этому башмачнику, и вежливо и чинно приветствовала его, и положила ему в руку динар, и когда шейх Мустафа увидел, какого цвета монета, он долго вертел ее в руках и потом сказал: «Вот благословенный почин!» А он понял, что Марджана хочет обделать через него какое-то дело, и сказал ей: «Изъяви мне, о госпожа невольниц, каковы твои желания, и я их исполню для тебя». — «О шейх,— молвила Марджана,— возьми иголку и ниток, вымой руки, надень твои сандалии

и позволь мне завязать тебе глаза, и потом ты пойдешь со мной, чтобы исполнить одно тонкое дело; ты получишь за него награду на земле и на небесах, и тебе не будет от этого ни малейшего вреда».— «Если я тебе нужен ради вещи, угодной Аллаху и его пророку,— молвил башмачник,— то я сделаю это охотно и с удовольствием и не стану тебе перечить; если же это грех и прегрешение, проступок и преступление, то я не повинуюсь тебе; ищи другого, чтобы это исполнить».— «Нет, клянусь Аллахом, шейх Мустафа, это вещь дозволенная и допустимая; не бойся же ничего»,— молвила Марджана и, говоря это, вложила башмачнику в руку еще динар, и, когда шейх Мустафа увидел это, он уже не мог перечить и отказываться, вскочил на ноги и сказал: «К твоим услугам! Все, что ты не прикажешь, я исполню!» И он запер лавку, взял необходимые ему нитки, иголки и прочие принадлежности для шитья, а Марджана уже заготовила повязку, и быстро вытащила ее, и, согласно условию, завязала башмачнику глаза, чтобы он не мог узнать того места, куда она была намерена с ним пойти.

И Марджана взяла башмачника за руку и пошла, а он шел за нею по улицам и переулкам, словно слепой, не зная, куда он идет и какова цель этого. И они оба все шли, и Марджана то забирала вправо, то сворачивала налево, удлиняя дорогу, чтобы запутать башмачника и не дать ему понять, куда она направляется, и до тех пор вела его таким образом, пока не остановилась у дома покойного Касима. Она тихонько постучала в ворота, и ей тотчас же открыли, и она вошла с шейхом Мустафой и до тех пор поднималась с ним по лестнице, пока не привела его в комнату, где находилось тело ее господина. И когда башмачник оказался там, она сняла с его глаз повязку, и шейх Мустафа, когда глаза у него открылись, увидел себя в помещении, которого не знал, и обнаружил перед собой тело убитого. И он испугался, и у него затряслись поджилки, и Марджана сказала ему: «Не бойся, шейх, с тобой не будет беды! От тебя требуется только получше сшить части этого убитого человека и собрать его члены, чтобы его тело стало одним куском» И затем она дала башмачнику третий динар, и шейх Мустафа положил его за пазуху, говоря про себя: «Теперь время действовать рассудительно и руководствоваться правильным мнением. Я в помещении, которого я не знаю, среди людей, намерения коих мне неведомы. Если я стану им прекословить, они обязательно причинят мне вред, и мне остается только подчиниться тому, чего они хотят. Во

всяком случае, я не ответствен за кровь этого убитого человека, и взыскать должное с его убийцы — дело Аллаха, великого и славного. В сшивании его тела нет ничего запретного, так что я не совершу этим греха и меня не постигнет кара». Потом шейх Мустафа сел и принялся сшивать и соединять части трупа убитого, и они превратились в цельное тело, а когда он закончил свою работу и цель оказалась достигнутой, Марджана встала, опять завязала ему глаза, взяла его за руку, спустилась с ним в переулок и ходила из улицы в улицу, от одного поворота до другого, водя башмачника за собой, пока не привела его к его лавке раньше, чем люди вышли из своих домов, так что никто ничего о них не проведал. Дойдя до лавки, Марджана сняла с глаз башмачника повязку и сказала ему: «Скрывай это дело и остерегайся о нем говорить и рассказывать, что ты видел, не болтай много о том, что тебя не касается,— тебе может достаться то, что тебе не понравится». Потом она дала ему четвертый динар и оставила его на улице, а вернувшись домой, принесла горячей воды и мыла и обмывала тело своего господина до тех пор, пока не очистила его от крови. Затем она одела убитого в одежды и положила на его ложе, а покончив с этим, послала за Али-Баба и его женой, и, когда те явились, рассказала им, что она сделала, и сказала: «Объявите теперь о смерти моего господина Касима и расскажите о ней людям».

И тут женщины подняли плач и крик и стали выть, голося и причитая, и вопили и били себя по лицу, так что соседи это услышали и друзья пришли и стали их утешать. И тогда плач усилился, и поднялись вопли, и раздались крики и громкие причитания, и разнеслась по городу весть о смерти Касима, и те, кто его любил, призывали на него милость Аллаха, а враги его злорадствовали. А через некоторое время явились обмывальщики, чтобы обмыть умершего согласно обычаю, и Марджана сошла вниз и сказала им, что он уже обмыт, умащен маслами и завернут в саван, и дала им плату больше обычного, и обмывальщики ушли со спокойной душой, не допытываясь о причине этого и не спрашивая о том, что их не касается. Потом принесли носилки, и тело снесли вниз и положили на них, и пошли на кладбище, и люди шли за носилками, а Марджана и женщины-плакальщицы шли сзади, плача и причитая, пока не дошли до кладбища. И Касиму вырыли могилу и похоронили его,— милость Аллаха над ним! — и потом люди вернулись, и разбрелись, и ушли своей дорогой, и убийство Касима осталось таким образом скрытым. Никто не поиял

истинной сути дела, и люди думали, что Касим умер своей смертью.

Когда миновал законный срок, Али-Баба женился на жене своего брата, написал ее брачный договор и вступил с ней в сожительство, и люди одобряли его поступок и приписывали его крайней любви Али-Баба к брату. Потом Али-Баба перенес к ней в дом свои пожитки и зажил там со своей первой женой, и туда же он перенес богатства, которые взял из сокровищницы. И Али-Баба стал думать, что ему делать с лавкой брата. А Аллах послал Али-Баба сына, которому к тому времени исполнилось двенадцать лет жизни, и мальчик раньше прислуживал одному купцу, и учился у него торговому делу, и стал искусен в этом занятии, и когда Али-Баба понадобился человек, который смотрел бы за лавкой брата, он взял сына у купца и поместил его в лавке, чтобы он там продавал и покупал. Он передал ему все вещи и товары, которые остались от дяди, и обещал женить его, если он пойдет стезею добра и преуспеяния и будет следовать по пути справедливости и праведности.

Вот что было с этими людьми.

Что же касается разбойников, то они через некоторое время снова пришли в сокровищницу и, войдя туда, не нашли трупа Касима, и тогда они поняли, что об их деле проведал не один соперник, и что у убитого есть сообщники, и что дело их стало известно среди людей. Это очень встревожило разбойников и сильно опечалило их. Они проверили, сколько богатств взято из сокровищницы, и оказалось, что взято очень много. Тут они пришли в великую ярость, и предводитель их обратился к ним и сказал: «О богатыри, доблестные в бою и в сражении, пришло для вас время возмездия и мщения. Мы думали, что сокровищницу открыл кто-нибудь один, а их, оказывается, много, и мы не знаем, сколько их человек, и нам неизвестно их местожительство. Мы не жалеем своей души и подвергаем себя опасности гибели, собирая эти богатства, а кто-то другой пользуется ими, не трудясь и не утомляясь. Это зло великое, и мы не можем его терпеть! Нам непременно нужно придумать хитрость, чтобы добраться до нашего врага, и если уж он нам попадется, я отомщу ему самой страшной местью и убью вот этим мечом, хотя бы моя душа погибла. Теперь пришло время действовать и проявить смелость, мужество и отвагу. Разойдитесь по деревням и селениям, и кружите по городам и землям, и распытывайте и спрашивайте, не разбогател ли какой-нибудь бедняк и не похоро-

нили ли недавно убитого; быть может, вы так выследите нашего врага и Аллах сведет вас с ним. А особенно нам необходим теперь человек хитроумный и ловкий на обман, отважный, как подобает мужу; пусть отделится от нас и ищет здесь, в городе, ибо наш враг обитает в нем, наверное и без сомнения. Пусть перерядится он в одежду купцов и украдкой проникнет в город; он должен разведывать новости и расспрашивать о случившихся там делах и событиях: кто умер или убит в недавнее время, где дом и семья умершего и как пришла к нему смерть, и быть может, он найдет того, кого ищет,— ведь дело убитого не остается сокрытым, и рассказ о нем распространяется в городе, и знает эту историю старый и малый. И если захватит он нашего врага или расскажет, где он находится, мы будем ему обязаны великою милостью, и я повышу его сан и чин и назначу его своим преемником. Если же он не выполнит требуемого, не исполнит того, что обещал, и обманет наши надежды, мы будем знать, что это жалкий дурак со слабым умом, неспособный на хитрость и лишенный сноровки; мы накажем его тогда за плохую работу и недостаток усердия и убьем его постыднейшим образом, ибо не нужен нам человек с малым мужеством и нет пользы оставлять жить лишенного прозорливости; ведь искусным вором будет только человек ловкий, знающий всякого рода хитрости. Что вы скажете на это, о смельчаки, и кто из вас возьмется за столь трудное и губительное дело?»

И когда они услышали слова предводителя и обращенные к ним речи, они одобрили его мнение и приняли изложенные условия, и все дали обет и клятву их выполнить, а потом один из разбойников, рослый человек, мощный телом, поднялся и обязался вступить на эту трудную, крутую дорогу, взяв на себя условия, изложенные раньше, относительно которых все согласились. И воры принялись целовать ему ноги, оказывая ему особое уважение, восхваляя его за смелость и отвагу и восхищаясь его твердостью и решимостью, и благодарили его за храбрость и мужество, восторгаясь его силой и неустрашимостью, и предводитель наказал ему поступать осмотрительно и действовать рассудительно, пуская в ход козни, обманы и скрытые ухищрения, и научил его, как войти в город в обличии купца, который по внешности хочет заняться торговлей, а в душе имеет намерение разведывать и выслеживать. А окончив свои наставления, он оставил его и ушел, и другие разбойники тоже разошлись кто куда.

А тот, что предложил выкупить собою товарищей, надел одежду купцов, и принял их обличье, и провел ночь, собираясь отправиться в город, и когда прошла ночь и пришел рассвет, он пустился в путь, с благословения великого Аллаха, направляясь к воротам города, и вышел через ворота на его улицы и площади. Он прошел по рынкам и кварталам, когда большинство людей еще спало сладким сном, и шел до тех пор, пока не свернул на рынок шейха Мустафы-башмачника, и увидел он, что тот уже открыл лавку и сидит и зашивает чьи-то сандалии, ибо шейх Мустафа, как мы уже говорили, спозаранку выходил на рынок и имел привычку открывать лавку раньше других обитателей квартала. И вор-соглядатай подошел к шейху, и поздоровался с ним самым вежливым образом, усердствуя в приветах и выражениях почтения, и сказал: «Да благословит Аллах твои помыслы и да умножит уважение к тебе! Ты открыл свою лавку первый, раньше других обитателей квартала».— «О сын мой,— ответил шейх Мустафа,— усердствовать, добывая свой надел, лучше, чем спать, и таков мой обычай всякий день».— «Однако, о шейх, меня берет удивление, как ты, при твоих слабых глазах и пожилом возрасте, можешь шить в такой час, до восхода солнца, когда так мало света»,— молвил разбойник. И шейх, услышав эти слова, сердито повернулся к нему, поглядел на него искоса и воскликнул: «Я думаю, ты чужой в этом городе! Будь ты одним из его обитателей, ты не говорил бы таких слов, ибо я знаменит среди богатых и бедных остротой зрения, и старому и малому известно, как хорошо я знаю портняжное искусство! Недавно какие-то люди даже взяли меня, чтобы зашить для них мертвеца в комнате, где было мало света, и я отлично его зашил. Не будь у меня таких острых глаз, я бы не мог этого сделать». И, едва разбойник услышал эти слова, он возвеселился и обрадовался достижению своей цели, и понял он, что божественная воля привела его к тому, что он ищет, и сказал, проявляя изумление: «Ты ошибаешься, шейх, и я думаю, что ты зашил только саван, ибо я никогда не слыхивал, чтобы зашивали мертвеца».— «Я сказал одну правду и говорю то, что есть,— ответил шейх,— но мне ясно, что твоя цель — разведать чужие тайны, и если ты хочешь именно этого, то уходи от меня и расставляй свои сети кому-нибудь другому. Может быть, ты найдешь говоруна, который много болтает, а что до меня, то меня называют молчальником, и я не открою то, что хочу скрыть. Я не стану больше с тобой говорить об этом». И вор еще более уверился и убе-

дился, что этот мертвец и есть тот человек, которого они убили в сокровищнице, и сказал шейху Мустафе: «О шейх, мне нет нужды в твоих тайнах, и молчать о них будет лучше, ибо сказано: «Умение хранить тайну — качество праведных». Я только желаю от тебя, чтобы ты меня провел к дому этого умершего: может быть, это кто-нибудь из моих близких или знакомых и мне иадлежит утешить его родных. Я ведь уже долгое время ие живу в этом городе и ие знаю, что здесь случилось в дни моего отсутствия».

Потом он опустил руку в карман, вынул динар и вложил его в руку шейха Мустафы, но тот отказался взять деньги и сказал: «Ты спрашиваешь меия о том, на что я не могу тебе ответить. Меня привели в дом умершего лишь после того, как наложили мне иа глаза повязку, и я ие зиаю дороги, которая ведет к иему».— «Что касается дииара,— молвил разбойник,— то я дарю его тебе, исполнишь ты мою просьбу или нет. Возьми же его, да благословит тебя Аллах, и я ие заставлю тебя его возвращать. Но возможио, если ты сядешь и иемиого подумаешь, то вспомнишь дорогу, по которой ты шел с закрытыми глазами».— «Это возможио только в том случае, если ты завяжешь мне глаза повязкой, как оии тогда сделали,— ответил шейх Мустафа.— Я помню, как они взяли меня за руку, как повели, и как сворачивали, и как меня наконец остановили, и, может быть, я сумею найти дорогу к тому дому и проведу тебя к нему». И разбойиик, услышав это, обрадовался и возвеселился. Он вручил шейху Мустафе еще динар и сказал: «Сделаем так, как ты говоришь». И потом оба встали, и шейх Мустафа запер свою лавку, а разбойник взял повязку и завязал ему глаза, а затем схватил его за руку, и они пошли. И шейх Мустафа то брал направо, то сворачивал налево или некоторое время шел прямо и делал так, как делала рабыия Марджана, пока не дошел до одной улицы. И ои прошел по ней несколько шагов, и остаиовился, и сказал разбойнику: «Мне кажется, что меня остановили на зтом месте». И тогда вор снял повязку у него с глаз, и по предопределению судьбы оказалось, что башмачник остановился как раз напротив дома покойного Касима. И вор спросил шейха Мустафу, знает ли он хозяина этого жилища, и тот ответил: «Нет, клянусь Аллахом, ибо эта улица далеко от моей лавки, и я не знаю жителей зтого квартала». И вор поблагодарил шейха, и дал ему дииар, и сказал: «Иди с миром, под охраной великого Аллаха!» И шейх Мустафа вернулся в свою лавку, радуясь, что нажил три динара, а вор остался

стоять, смотря на дом и вглядываясь в него, и увидел, что ворота его похожи на ворота прочих домов в квартале. И он испугался, что не отличит их, и взял белил, и поставил на воротах маленький белый значок, чтобы по нему найти дом, а потом он вернулся на гору к своим товарищам, радуясь, со спокойной душой, уверенный, что дело, ради которого его послали, исполнено и что осталось только отомстить их врагу. Вот то, что было с этим разбойником.

Что же касается рабыни Марджаны, то когда она встала после сна и совершила утреннюю молитву, как имела привычку делать каждый день, она справила все свои дела и вышла, чтобы принести необходимые кушанья и напитки, и вдруг, возвращаясь с рынка, она заметила на воротах своего дома белый значок. Она всмотрелась в значок и удивилась, и это показалось ей подозрительным, и она подумала: «Возможно, что играли дети или что этот рисунок нарисовали уличные мальчишки, но вернее всего значок поставил какой-нибудь враг или подлый завистник, который преследует дурные цели или замышляет нехорошее дело. Разумно сбить его с толку и расстроить его скверные планы». И Марджана взяла белил и нарисовала на воротах соседей значки, похожие на значок, что вывел разбойник. Она пометила этим знаком около десяти ворот в квартале, а потом вошла к себе в дом и скрыла это дело от всех. Вот что было с Марджаной.

Что же касается разбойника, то, вернувшись к своим товарищам, на гору, он проявил радость и сообщил, что их цель достигнута, и желание исполнено, и отмщение их врагу близко. Потом он рассказал, как ему случилось пройти мимо того самого башмачника, который зашивал убитого, и как он нашел с помощью башмачника дом и поставил на воротах значок, опасаясь его не найти и не заметить, и предводитель поблагодарил его, и воздал ему хвалу за мужество, и обрадовался великой радостью, и сказал разбойникам: «Разойдитесь, наденьте одежду простых людей, спрячьте под ней оружие и идите в город. Войдите в него разными путями, и пусть будет для вас местом встречи большая мечеть, а мы с этим человеком, то есть с лазутчиком, пойдем к дому нашего врага. Когда мы найдем его и удостоверимся в этом, мы придем к вам в мечеть и условимся, как нам быть дальше, и посоветуемся, что будет вернее — ворваться в дом ночью или поступить иначе». И воры, услышав речь предводителя, одобрили ее, и сочли его слова правильными, и согласились с его намерениями, а потом они разошлись, оделись в одежду простых людей

и спрятали под одеждой мечи, как велел им предводитель. Они вошли в город разными путями, боясь, как бы люди не заметили их, и место сбора было у них, согласно условию, в большой мечети.

Что же касается предводителя и лазутчика, то они пошли искать переулок своего врага, и когда они пришли туда, предводитель увидел дом с белым значком. Он спросил своего товарища, это ли нужный им дом, и тот ответил: «Да!» — затем предводитель бросил взгляд на другой дом и увидел, что на его воротах тоже стоит белый значок. Он спросил, который же дом им нужен, первый или второй, и тот растерялся и был бессилен ответить, а потом предводитель прошел несколько шагов и увидел больше десяти домов со значками. «Ты все эти дома отметил или один?» — спросил он своего товарища, и тот отвечал: «Нет, только один». И предводитель воскликнул: «Так как же их теперь стало десять или больше?» — «Я не знаю причины этого»,— ответил его товарищ, и предводитель спросил его: «Можешь ли ты узнать среди этих домов тот, который ты выделил и отметил своей рукой?» — и разбойник молвил: «Не могу, так как эти дома похожи друг на друга; они построены по одному образцу, и вид знаков одинаковый». Услышав его слова, предводитель понял, что не будет проку стоять на этом месте и что на сей раз нет возможности отомстить, так как его надежда оказалась обманутой. Он вернулся с тем человеком в мечеть и велел своим молодцам возвращаться на гору, наказав им разойтись разными дорогами, как они сделали, входя в город, и, когда все собрались в обычном месте, рассказал им, что случилось у него с вором, который не смог отличить дом их врага, и сказал: «Теперь нам должно исполнить над ним приговор по условию и соглашению, существующему между нами». И все ответили повиновением, а что касается вора-соглядатая, то это был смелый человек с твердым сердцем, и он не проявил трусости, а наоборот, выступил вперед, спокойный духом, свободный от страха, и воскликнул: «Поистине, я заслужил убиение, наказание за дурной план и малую хитрость, ибо я не сумел выполнить дело, которого от меня потребовали. Нет мне теперь охоты жить, и умереть лучше, нежели жить в позоре!» И тут предводитель вытащил меч и так ударил его по шее, что отмахнул ему голову от тела, а потом сказал: «О бойцы, искусные в сечах и в сражениях, кто из вас отважен и смел, чье сердце храбро и голова крепка? Кто возьмется исполнить этот трудный, тяжелый подвиг и страшное, опасное дело? Пусть не подходит ко мне

немощный и не приближается слабый: я возьму только мужа, сильного яростью, чье мнение разумно, мысль правильна и хитрости всегда наготове». И поднялся тут один из воров, которого звали Ахмед аль-Гадбан,— а был это муж высокий ростом, толстоголовый, страшный видом, со смуглым лицом, гнусной внешностью и недоброй славой, и усы у него торчали, как у кошки, охотящейся за мышью, а борода тряслась, точно у козла, прыгающего среди коз и козлят,— и молвил: «О собрание примерных, не годится для этого дела никто, кроме меня, и если захочет Аллах, я вернусь к вам с верными вестями и укажу вам дом нашего врага самым ясным образом». И предводитель сказал ему: «Взяться за это можно только на тех условиях, о которых мы говорили прежде. Если ты вернешься ни с чем, тебя ждет отсечение головы, а если воротишься с победой — мы возвысим твой чин и положение и окажем тебе еще больший почет и уважение, и достанутся тебе всяческие блага».

И затем Ахмед аль-Гадбан оделся в одежду купцов, и вошел в город до восхода зари, и немедля направился в квартал шейха Мустафы-башмачника, куда узнал дорогу из рассказа своего товарища. Он нашел шейха сидящим в его лавке, и поздоровался с ним, и сел возле него, и заговорил ласково, и пустился с ним в беседу, и вскоре уже башмачник открыл ему тайну мертвого и рассказал, как он его зашивал. И Ахмед аль-Гадбан попросил шейха Мустафу провести его к дому Касима, и шейх отказался и не захотел даже говорить об этом, но когда Ахмед стал его соблазнять деньгами, он не мог устоять, так как деньги — стрела, бьющая в цель, и ходатай, которому не откажешь. И Ахмед завязал шейху глаза повязкой и сделал то же, что сделал его товарищ, упомянутый раньше. Он шел с шейхом Мустафой, пока не дошел до улицы покойного Касима, и остановился пред его домом, а достигнув этого дома, он снял повязку с глаз шейха, дал ему плату, которую обещал, и отпустил его идти своей дорогой. И когда Ахмед нашел то, что искал, он испугался, как бы не спутаться, и, опасаясь, что это случится, поставил на доме маленький значок красным; он изобразил значок в скрытном месте и думал, что его никто не увидит. Потом он вернулся к своим товарищам и рассказал им о том, что сделал, и он радовался, не сомневаясь в успехе, и был уверен, что никто не увидит значка, так как он был маленький и незаметный. Вот что было с этими людьми.

Что же касается рабыни Марджаны, то она проснулась

спозаранку и вышла, по своему обычаю, чтобы принести мяса, овощей, плодов, закусок и прочих необходимых припасов, и, когда она возвращалась с рынка, красный значок не укрылся от нее, а наоборот, ее взгляд упал на этот значок, и она хорошо его увидела. Это показалось ей странным и подозрительным, и она поняла по своей прозорливости и великой сметливости, что значок — дело рук постороннего врага или близкого завистника, который желает зла обитателям жилища. И чтобы сбить его с толку, Марджана вывела красным на воротах соседей значки такой же формы, как этот, поставив их на том же месте, которое избрал Ахмед аль-Гадбан, и она скрыла это и промолчала, боясь причинить своему господину волнение и беспокойство. Вот что было с Марджаной. А вор, пробравшись к своим товарищам, рассказал, что произошло у него с башмачником и как он нашел дорогу к дому врага и отметил его красным, чтобы узнать его, когда это будет нужно. И предводитель приказал ворам одеться в одежду простолюдинов, спрятать под ней оружие и входить в город разными дорогами и сказал: «И пусть место встречи будет для вас в такой-то мечети. Сидите там до тех пор, пока мы к вам не вернемся»,— а потом он взял Ахмеда аль-Гадбана и пошел искать нужный дом, чтобы узнать его в точности. Но когда они дошли до уже известной улицы, Ахмед аль-Гадбан не сумел отличить дом вследствие множества знаков, поставленных на воротах, и, увидев это, смутился и замолчал, ничего не говоря. А предводитель, поняв, что Ахмед не может распознать дом, омрачился, и нахмурился, и сильно разгневался, но необходимость заставила его пока скрыть свою ярость, и он поспешил в мечеть к остальным ворам и, встретившись со своими сообщниками, приказал им вернуться на гору. И они разошлись, и воротились поодиночке к своему убежищу, и сели, чтобы посоветоваться, и тогда предводитель рассказал им о случившемся и о том, что судьба не сподобила их в этот день отомстить и снять с себя позор вследствие дурного образа действия Ахмеда аль-Гадбана и его неспособности узнать дом врага. Потом он обнажил меч и так ударил Ахмеда по шее, что голова слетела у него с плеч и рассталась с телом, и поспешил Аллах отправить его душу в огонь — а скверное это обиталище!

И затем предводитель стал думать об этом деле и сказал про себя: «Мои люди годятся для битв, стычек и грабежа, для пролития крови и для набегов, но не хватает у них ума на разные хитрости и всевозможные проделки. Если я ста-

ну их посылать, одного за другим, чтобы выполнить это поручение, я таким образом только погублю их, не получив пользы и не добившись проку. Лучше всего будет мне самому взяться за это трудное дело». И затем он осведомил воров о своем решении и сказал, что никто не пойдет в город, кроме него самого, и они ответили: «Приказ — твой приказ, и запрет — твой запрет; делай же, как тебе вздумается». И предводитель переменил обличье, а утром отправился в город искать шейха Мустафу-башмачника, как делали оба его посланные, о которых было говорено раньше. Найдя шейха, он подошел к нему, поздоровался, и ласково заговорил с ним, и пустился в беседу, и болтал с башмачником, пока тот не открыл тайну убитого мертвеца; он до тех пор обхаживал шейха и сулил ему чеканные динары, пока не ублажил его, и шейх Мустафа согласился на просьбу предводителя, и предводитель добился того, чего хотел, то есть узнал, где дом его врага, таким способом, как мы давеча говорили. А оказавшись перед домом, он отдал шейху Мустафе его плату — больше того, что обещал, и отпустил его, потом начал всматриваться в дом и разглядывать его. Он не счел обязательным ставить на доме отметку, а просто сосчитал, сколько ворот в квартале вплоть до ворот нужного ему дома, и запомнил их число, и, кроме того, осмотрел своды дома и его окна и хорошо отличил в памяти этот дом, так что прекрасно мог бы его узнать. И при этом предводитель все время ходил по улице, боясь, как бы люди не сочли подозрительным, что он долго стоит перед домом. Потом он вернулся к своим сообщникам и рассказал им о том, что сделал, и молвил: «Теперь я знаю дом нашего врага, и наступило время ему отомстить и воздать должное. Я придумал способ достигнуть этого и средство проникнуть и ворваться к нему и изложу его вам; если вы сочтете мой план подходящим, мы примемся за его осуществление; если же вы его не одобрите, то пусть тот, кто имеет в запасе хитрость лучше моей, объявит о ней и расскажет, что он придумал».

И затем предводитель осведомил воров о том, что он задумал и на что вознамерился, и те одобрили его план, и согласились его выполнить, и дали верные клятвы, что ни один из них не отстанет от других, ища мести, и предводитель послал нескольких воров в ближайшие селения и приказал им купить сорок больших бурдюков, а остальных своих людей он отправил в соседние деревни с наказом раздобыть двадцать мулов. И воры, приобретя то, что было приказано, явились со всем этим к предводителю, а потом

устья бурдюков распороли до того, чтобы в них мог влезть человек. И каждый из воров забрался в один из распоротых бурдюков, имея в руках кинжал, и когда все они залезли и оказались в этой тесной темнице, предводитель зашил устья бурдюков, так что они стали такими, как были, и выпачкал бурдюки в масле, чтобы прохожие думали, что они полны масла. Он погрузил каждую пару бурдюков на мулов, а два лишних бурдюка и вправду наполнил маслом и положил на одного из мулов, так что все двадцать мулов оказались нагружены: девятнадцать — людьми, и один — маслом, ибо число воров, после гибели тех двоих, которых убил предводитель, составляло тридцать восемь человек. И едва приготовления были закончены, предводитель погнал мулов перед собой и вошел в город после заката солнца, когда наступил вечер и в воздухе потемнело. Предводитель направился к жилищу Али-Баба, которое он заметил и превосходно мог узнать, и, подойдя к нему, увидал самого хозяина. Али-Баба сидел у ворот на скамеечке, и под ним был подостлан коврик, и он опирался на красивую подушку.

Предводитель посмотрел на Али-Баба и увидел, что тот радостен, весел и спокоен душой и пребывает в довольстве и благоденствии. Он подошел и чинно и вежливо приветствовал его, проявляя скромность, смирение и уважение, и затем молвил: «Я здесь чужестранец, и родина моя далеко, и местожительство отдалено. Я купил немного оливкового масла, рассчитывая его продать в этом городе с выгодой и прибылью, но мне удалось войти в город только к вечеру, так как дорога была трудна и путь далек, и я нашел все рынки запертыми. И я блуждал, ища места и приюта, чтобы провести там ночь с моими животными, но не нашел его и до тех пор ходил по городу, пока не оказался сейчас возле тебя. И когда я тебя увидел, я тотчас же восхвалил и возблагодарил Аллаха, радуясь, что моя нужда исполнится и желание мое осуществится, ибо щедрость видна на твоем благородном лице и великодушие сияет в твоих добрых глазах, и нет сомнения, что ты из людей, творящих благо, набожных, праведных и преуспевающих. Не позволишь ли ты мне провести у тебя ночь и не приютишь ли моих мулов? Я буду тебе обязан за великую милость и большое благодеяние, и ты получишь за это награду от милостивого и великодушного, воздающего за благо благом и отвечающего на зло прощением, а завтра утром я спущусь на рынок, продам свое масло и уйду благодарный, восхваляя тебя за доброе дело». И Али-Баба

ответил согласием и принял его предложение, говоря: «Приют и уют брату, посетившему нас! Ты наш гость в сей благословенный день и будешь нам собеседником в этот счастливый вечер»,— ибо он отличался добротой, прекрасными свойствами и хорошими качествами и был щедр, великодушен и чист помыслами. Он думал о людях только хорошее и поверил вымыслам мнимого купца, ему и в голову не пришло, что это предводитель горных разбойников, и он не узнал его, так как видел лишь один раз, в другом облачении. И он кликнул своего раба Абдаллаха и велел ему ввести мулов во двор, и Абдаллах исполнил его приказ, а предводитель вошел следом за животными, чтобы снять с них ношу. И они с Абдаллахом сняли бурдюки с мулов и положили их в ряд у стены во дворе, а потом раб взял мулов, отвел их в стойло и подвязал им торбы с ячменем. Что же касается предводителя, то он решил ночевать на дворе возле своих бурдюков и не хотел войти в комнаты, будто бы опасаясь стеснить обитателей дома, а на самом деле — ради того, чтобы легче достигнуть своей цели и получить возможность осуществить задуманный им обман. Но Али-Баба не соглашался на это, и заклинал предводителя войти в дом, и настаивал до тех пор, пока не затащил его силой, вопреки его воле. И предводитель вошел с ним и увидел себя в просторной, красивой комнате, пол которой был выложен разноцветным мрамором, и везде вокруг были повешены занавески, одна против другой, и расстилались роскошные ковры и циновки, а посреди помещения было возвышение, выше всех других, покрытое царским шелком, с посеребренными ступеньками и окаймленными жемчугом занавесками. И Али-Баба посадил предводителя на это место и велел зажечь свечи, а потом он послал к Марджане, и сообщил ей о прибытии гостя, и велел приготовить к ужину достойные его вкусные яства. После этого он сел возле гостя и развлекал его рассказами и беседой, пока не пришло время ужина, и тогда расставили трапезу и принесли кушанья в серебряных и золотых сосудах, столик поставили перед предводителем, и они с Али-Баба отведывали всех блюд, пока не насытились, а затем кушанья убрали и принесли старое вино, и чаша заходила между ними, а когда они кончили и вдоволь поели и попили, то снова пустились в разговоры и беседовали, пока не миновала часть ночи. Когда же пришло время ложиться спать, предводитель поднялся и вышел во двор, говоря, что хочет перед сном взглянуть на мулов, но на самом деле — для того, чтобы договориться со своими приспешниками, что делать даль-

ше. Он подошел к первому из них, который, как мы говорили, сидел в первом бурдюке, и сказал ему, понизив голос: «Когда я брошу из окна камешек, прорвите бурдюки кинжалами и присоединяйтесь ко мне»,— и то же самое он говорил второму разбойнику и третьему, пока не дошел до последнего из иих. Что же касается Али-Баба, то он намеревался на рассвете того дня пойти в баню и поэтому наказал Марджаие приготовить необходимые полотенца и передать их Абдаллаху, а потом приготовить мясной отвар, который ои выпьет, когда выйдет из бани. И он также велел ей оказывать почет гостю, и постлать ему мягкую постель, и самой ему прислуживать, выполияя долг и обязаниости гостеприимства, и Марджаиа ответила вниманием и повиновением, и Али-Баба отправился на свое ложе, лег и заснул.

Вериемся же, однако, теперь к рассказу о предводителе. Когда ои договорился со своими товарищами и приспешниками и наметил, что следует делать, то поднялся к Марджане и спросил, в каком месте ему спать, и девушка взяла свечку и привела его в комнату, устланную роскошными коврами, где было все иеобходимое для спанья — тюфяк, одеяла и прочие принадлежности,— потом пожелала гостю доброй ночи и вериулась иа кухню, чтобы исполнить приказ хозяина. Оиа приготовила полотенца и все, что было нужно для бани, и отдала это евнуху Абдаллаху, потом разделала мясо и зажгла под котлом огонь. А между тем свет светильиика мало-помалу все меркнул от недостатка масла и иаконец погас совсем. И Марджана заглянула в кувшин с маслом и увидела, что ои пустой, а так как свечи у нее тоже все вышли, она растерялась и не зиала, что делать, ибо ей иужеи был свет, чтобы закончить приготовления супа. И Абдаллах увидел, что Марджана в смущении, и сказал: «Не беспокойся и не расстраивайся,— масло в доме есть, и притом в изобилии. Ты, видио, забыла про бурдюки чужого купца, полные масла, которые лежат на дворе. Спустись вниз и возьми сколько хочешь масла, а когда придет утро, мы отдадим купцу за иего деньги». И Марджана, услышав речи Абдаллаха, одобрила то, что в них заключалось хорошего, поблагодарила его за достохвальный совет, и спустилась во двор с кувшином, и подошла к бурдюкам. Разбойники меж тем совсем извелись от долгого пребывания в этих тесных темницах и устали сидеть согнувшись. У них спирало дыхание, и ломило все тело, и крошились кости, и не могли они больше выносить такое положение и терпеть столь долгое заточение, и когда

услышали они голос Марджаны, то подумали, по своему неразумию, что это голос предводителя, ибо стрела судьбы должна была поразить их и веление господа — восторжествовать. И один из воров спросил: «Не пришло ли время нам выходить?» — продолжает передающий эти дивные слова и увеселяющий диковинный рассказ, — и когда Марджана услышала из бурдюка голос мужчины, она сильно испугалась, и поджилки затряслись у нее от страха, и ее охватил великий ужас. Другая на ее месте упала бы или закричала, но у Марджаны было храброе сердце и быстрая смекалка, и она мигом поняла, что случилось, и быстрее мгновения ока сообразила, что это воры, вознамерившиеся совершить преступление. Она тут же придумала соответствующий план, ибо знала, что если она вскрикнет или шевельнется, то, несомненно, погибнет и погубит своего господина и всех его домочадцев. И она удержалась от воплей и не побежала, а тотчас же приступила к осуществлению задуманной ею хитрости и сказала первому вору, понизив голос: «Потерпи немного, ждать осталось недолго». Потом она подошла ко второму бурдюку, и второй вор спросил ее то же, что и первый, и она ответила ему упомянутым выше образом и, не останавливаясь, переходила от бурдюка к бурдюку, и воры, один за другим, заговаривали с ней, а она отвечала им и наказывала подождать. Наконец она дошла до бурдюков с маслом, стоявших в конце ряда, и, когда безмолвие не нарушилось, поняла, что в них нет людей. И Марджана пошевелила бурдюки и, убедившись, что они полны масла, развязала один из них и отлила в кувшин немного масла, а потом вернулась на кухню и заправила светильник. Затем она взяла большой котел из красной меди, спустилась во двор, наполнила его маслом, вернулась на кухню, и поставила котел на огонь, и разожгла под котлом побольше дров, чтобы масло поскорее закипело. А когда масло закипело вовсю, Марджана спустилась с котлом во двор и стала лить масло кувшином в устье каждого бурдюка, так что горячее масло попало ворам на головы, и Марджана уничтожила их, и они погибли все до последнего. Убедившись, что из воров не осталось никого и они все умерли, Марджана воротилась на кухню и доварила мясной суп, как наказывал ей ее господин, а справившись со своими делами, она погасила огонь в очаге и светильник и сидела, смотря и выжидая, что станет делать предводитель.

Что же касается этого последнего, то, войдя в приготовленную для него горницу, он запер дверь, потушил

свечку, и лег, и лежал на постели, словно спящий, но на самом деле он все время бодрствовал, выжидая удобного случая и времени, когда можно будет сделать с домочадцами задуманное им злое дело. И когда прекратилось в доме движение и все глаза, по его мнению, закрылись, он бесшумно поднялся, и осторожно выглянул из-за двери, и нигде не увидел света и не услышал ни звука, и решил, что все в доме спят. Тогда он взял несколько камешков и бросил во двор, как было условлено с его товарищами, и немного постоял, ожидая, что его люди выйдут, а когда оказалось, что те молчат и не слышно от них ни звука, ни движения, предводителя охватило удивление, и он бросил из окна еще камешков, рассчитав так, чтобы они упали на бурдюки. Но его приспешники все молчали, и ни один из них не пошевелился, и предводитель обеспокоился, и третий раз бросил камни, и без пользы ждал выхода воров. Наконец он потерял на это надежду, и его разобрал страх, и он спустился, чтобы выяснить, что с ними стряслось и по какой причине они не выходят, и когда он подходил к бурдюкам, ему ударило в нос отвратительным запахом, зловонием горячего масла, и он счел это за дурной знак и еще больше испугался и устрашился. И предводитель прошел вдоль ряда бурдюков, окликая своих товарищей, одного за одним, но те молчали и безмолвствовали, и тогда он пошевелил бурдюки, перевернул их и заглянул внутрь, и оказалось, что его люди погибли и умерли... И увидел он, сколько взято масла из бурдюка, и понял, каким образом они погибли и какова причина их смерти, и охватила его великая скорбь, и он заплакал об утрате своих товарищей, проливая обильные слезы. Он испугался, что его самого тоже схватят, и вознамерился ускользнуть и убежать, прежде чем перед ним закроют дороги, и с этой целью открыл калитку в сад, взобрался на стену, спрыгнул на улицу и пустился в бегство, ища спасения и стремясь укрыться в своем логовище, и был он печален и удручен заботой, и поразила его сердце тысяча горестей. А Марджана между тем следила за предводителем и, увидев, что тот покинул их дом и бежал, спустилась, заперла калитку в сад, которую открыл вор, и вернулась на свое место. Вот что было с Марджаной. Что же касается Али-Баба, то когда Аллах засветил утро, и оно озарило землю своим светом, и заблистало, и солнце приветствовало красу всех прекрасных, он пробудился от сна и сладостных грез, облачился в свои одежды и вышел, собираясь направиться в баню, а Абдаллах, его раб, следовал за ним, неся принадлежности для омовения и необходи-

мые полотенца. И Али-Баба вошел в баню, и вымылся, и отдохнул, будучи крайне весел и радостен, и не знал он, что случилось той ночью в его жилище и от какой опасности спас его Аллах. А кончив мыться, он снова надел свою одежду и возвратился в дом, и когда он вошел во двор, то увидел, что бурдюки все еще лежат на месте. И его охватило из-за этого удивление, и он спросил Марджану: «Чего этот купец-чужестранец медлит и не спускается на рынок?» И Марджана ответила: «О господин, Аллах, видно, назначил тебе долгую жизнь и судил тебе великое счастье, ибо ты избежал сегодня большой опасности и Аллах спас тебя ради твоих благих помыслов от гибели и позорного убиения — тебя и всех твоих домочадцев. Тех, кто копал тебе яму, Аллах ввергнул в нее за дурные их помыслы, ведь следствие обмана — неудача и гибель. Я оставила все как было, чтобы ты своими глазами увидел, что готовил тебе этот мнимый купец-лгун и какова смелость твоей рабыни Марджаны. Подойди же и посмотри, что находится в этих бурдюках». И тут Али-Баба подошел, и когда он увидел в ближайшем бурдюке человека с кинжалом в руке, у него пожелтело лицо, и он расстроился и попятился в ужасе. «Не бойся, этот человек умер»,— сказала Марджана и показала Али-Баба остальные бурдюки, и в каждом он обнаружил мертвого человека, в руке которого был кинжал.

И Али-Баба простоял некоторое время, охваченный страхом, поглядывая то на Марджану, то на бурдюки, и был он испуган и ошеломлен и не понимал, что произошло, и наконец вскричал: «Растолкуй мне поскорей, что случилось, но будь краткой в речах, ибо то, что я вижу, крайне меня пугает».— «Подожди минутку и не возвышай голос, чтобы не узнали соседи того, что не подобает распространять,— ответила Марджана.— Успокой свою душу, пойди к себе в комнату, сядь и отдохни, а я принесу тебе мясного отвара, который я приготовила, и ты попьешь его, и пройдет охвативший тебя страх». И она пошла на кухню, и принесла суп, и подала его Али-Баба, а когда Али-Баба выпил суп, обратилась к нему с такими словами: «Вчера ты мне приказал приготовить все нужное для бани и сварить мясной суп, и когда я была этим занята, у меня вдруг потух светильник из-за отсутствия масла. Я взяла кувшин для масла и увидела, что он пустой, и растерялась, не зная, как мне быть, и тогда Абдаллах сказал мне: «Не обременяй себя заботой об этом: ведь масло есть у нас в изобилии. Спустись вниз и возьми, сколько тебе нужно, из бурдюков

купца, который у нас ночует, а завтра мы отдадим ему за это деньги». Я сочла его совет достохвальным и спустилась с кувшином вниз, и когда я подошла к одному из бурдюков, то услышала из него голос мужчины, который спрашивал: «Не пришло ли нам время выходить!» И я поняла, что они задумали преступление, и ответила ему без страха и не пугаясь: «Нет, но ждать осталось немного», — а потом я подошла к другим бурдюкам и обнаружила в каждом бурдюке человека, который задал мне тот же вопрос или обратился ко мне со сходными словами. И я давала им такой же ответ, пока не дошла до двух бурдюков с маслом, и тогда я наполнила свой кувшин и заправила светильник, а потом я взяла большой котел, налила его маслом дополна и поставила на огонь, а когда масло закипело, я стала его лить в устья бурдюков, и все воры, как ты видел, погибли от горячего масла. Потом я потушила светильник, села в кухне и принялась следить за тем купцом, обманщиком, вруном и лжецом, и увидела, что он кидает из окна камешки, чтобы предупредить своих людей. И он повторил это много раз, и когда воры не вышли, потерял надежду их увидеть, и спустился, чтобы посмотреть, какова причина их промедления, и обнаружил, что его люди погибли все до последнего, и испугался, что его схватят или убьют, и вскарабкался на стену сада, и спрыгнул оттуда на улицу, и бросился бежать. А я не хотела тебя будить, опасаясь, что обитатели дома поднимут шум, и решила подождать, пока ты вернешься из бани, и рассказать тебе эту историю. Вот что произошло у меня с этими обманщиками, а Аллах лучше знает истину. А теперь я должна тебе рассказать об одной вещи, которая случилась недавно, но я ее скрыла от тебя. Дело в том, что короткое время тому назад я возвращалась с рынка и увидела на воротах нашего дома белый значок, и вид его возбудил во мне тревогу и подозрение. Я поняла, что это дело рук врага, который замыслил против нас зло, и, чтобы сбить его с толку, нарисовала на воротах домов соседей точно такие же значки, а через несколько дней я увидела, что ворота нашего дома отмечены красным значком, и поставила на воротах соседей похожие значки такого же цвета, но скрыла это от вас, боясь, что вы встревожитесь. Нет сомнения, что значки поставили эти самые умершие люди и что это разбойники, которых ты встретил на горе. Раз они узнали дорогу к нашему дому, то не будет нам покоя и безопасности, пока хоть один из них находится на лице земли, и нам следует остерегаться козней того разбойника, что убежал, ибо он, несомненно, постарается

нас погубить. Мы должны беречь свою жизнь, и я буду первой по осторожности и бдительности».

Когда Али-Баба услышал речи невольницы Марджаны, он до крайности удивился диковинным происшествиям, случившимся с ней и с ним самим, и воскликнул: «Я спасся из этой западни и избавился от этой опасности лишь по могуществу всеблагого творца, осыпающего нас милостями и благодеяниями, и благодаря твоему здравому суждению и отличной сметливости». Потом Али-Баба поблагодарил Марджану и восхвалил ее за ее хорошие поступки, храброе сердце, здравое суждение и превосходный образ действий и сказал: «С этого времени ты свободна и отпущена на волю ради лика Аллаха, но мы все же еще обязаны тебе за милость, и я скоро воздам тебе за это всяческим благом. Как ты и говоришь, нет сомнения, что эти люди — разбойники из лесной чащи, и слава Аллаху, что мы от них избавились, а теперь нам следует их похоронить и скрывать то, что у нас с ними случилось». И Али-Баба кликнул своего раба Абдаллаха и велел ему принести два заступа. Один заступ он взял сам, а другой дал Абдаллаху, и они вырыли в саду длинный ров, и подтащили один за другим трупы убитых, и бросили их в ров, и снова засыпали его землей, так что следы воров исчезли. Что же касается мулов, то их в несколько раз продали на рынке и с бурдюками сделали то же самое.

Вот что было с этими людьми. Что же до предводителя разбойников, то он опрометью убежал из дома Али-Баба, и вернулся в чащу, и вошел в сокровищницу, будучи в наихудшем состоянии. Он плакал, горюя о своем одиночестве и сиротстве, и сидел, скорбя и печалясь, ибо надежды его пошли прахом, и козни его обратились против него самого, и он лишился своих людей. Жизнь показалась ему отвратительной, и он пожелал умереть и воскликнул: «Увы мне без вас, о богатыри нашего времени, о мастера грабежа и боя, о молодцы в поединке на поле брани! О, если бы пришла к вам кончина среди битв и сражений и вы бы приняли смерть или погибли от меча в стычке! Ведь умереть своей смертью для вас позор, и это я, злополучный, повинен в гибели тех, кого я выкупил бы собственной душой. Лучше бы мне испить чашу гибели, прежде чем увидеть такое бедствие! Но владыка, велик он и славен, лишь для того сохранил меня в живых, чтобы я отомстил и снял с себя позор. Я воздам своему врагу злейшей местью и заставлю его вкусить мучительные страдания и пытки. Меня хватит на то, чтобы это сделать, даже если я остался один, и то, что

я не исполнил, имея много людей, я, если захочет Аллах, сделаю теперь в одиночку». Потом он лег спать, и мысли его блуждали по морю размышлений, а сердце было занято поисками способа достичь цели, и он отказался от сладости сна, а утром пренебрег дорогими яствами. Но затем разум его измыслил хитрость, которая, как он думал, приведет к осуществлению надежд, и он решил сделать одно дело, рассчитывая добиться этим желаемого и излечить свои недуги.

И когда пришел день, он изменил обличье и надел одежду купца, а затем направился в город и нанял комнату на одном из больших постоялых дворов. Он снял себе лавку на рынке и в несколько раз перенес туда из сокровищницы драгоценные, красивые вещи и дорогие материи, шитые золотом, отрезы индийских тканей, штуки сирийского полотна, парчовые одежды, роскошные халаты, шелковые платья и разные ценные камни,— а все это было частью добычи от грабежа городов и кражи денег у рабов Аллаха, сложенной в сокровищнице,— и потом стал сидеть в своей лавке, продавая и покупая, отдавая и получая, он уступал при оценке и сбавлял стоимость, шел людям навстречу в том, чего они желали, и говорил то, что они хотели, так что пошла про него добрая слава, и разнеслась достохвальная молва, и вести о нем распространились повсюду, и везде слышались рассказы о нем. И посещали его великие, и теснились вокруг него малые, а он встречал людей милостиво и радушно, и обходился с ними мягко и приветливо, являя ласковое лицо и добрый нрав, и был тонок в речах и остроумен в ответах, так что все люди полюбили его. Все это было противоположно его природе, ибо он был сотворен грубым, жестоким, черствым и суровым и привык убивать, грабить, разорять и проливать кровь, но у необходимости свои законы, и она вынуждала его так поступать. И все ходили к нему и покупали его товары и ткани: и мудрецы, восхваляемые за их знания и суждения; и свидетели, дающие подписи под условием и соглашением; и имамы в мечетях, и проповедники, и муфтии, отвечающие на вопросы; и богословы, судящие о мнениях верно или неверно; и спорщики, обсуждающие предание или толкующие о древнем и новом; и праведники, известные набожностью и благочестием. Не чуждались его и витязи, доблестные в бою и сече, и лучники, копьеносцы и бойцы на мечах; и кочевники, и горожане, и оседлые жители, и странники. И бывали у него первые и последние, и те, что шепчут тайком или возглашают явно, и арабы и не арабы,

и овцепасы и верблюжатники, и имеющие приют и бездомные, и жители городов и степей, и владельцы домов и строений, и мореходы, и путешественники, бродящие по пустыням и степям. Заглядывали к нему и румийские невольницы пяти пядей ростом, с гладкими щеками, высокой грудью, длинной шеей, крутыми бедрами, у которых глаза как у газели, брови как луки, уши как мешочки, груди точно гранаты, рот — Соломонова печать, губы словно кораллы и сердолик и стан подобен ветви ивы, и они стройны, как тростник, а дыхание их — бальзам; и разгоняют они заботы нежностью своего кроткого сердца, исцеляют больного звучными, сладкими речами; и спешила встретиться с ним всякая луноликая девушка, совершенная своей красотой и бесподобная качествами, с черными глазами, грузными бедрами, прямым носом, полными губами, румяными щеками и стройными ногами, отличающаяся такой красотой, прелестью, совершенством и тонкостью стана, что ее бессилен описать красноречивый оратор, а мудрец, ее восхваляющий, не может назвать и половины ее достоинств. Торопилась повидать его любая старуха со сморщенным лицом, вылезшими бровями, шелудивым телом, седыми волосами, унылым видом, гноящимися глазами, синими голенями, зловонным ртом, шаткими ногами, страшным видом, мокрым носом и бледными щеками, слюнявая, сопливая, не способная ни молчать, ни веселиться, болтунья и крикунья, чей образ вызывает тошноту и чей вид обращает в бегство; часто сиживали возле него и юноши с подведенными бровями, легким пушком, и румяными щеками, и пробивающейся бородкой, цветущие, сияющие, чьи луны явны, а тяжести сокрыты; от чванства и гордости они покачивались, проявляя жеманство и кокетство, и уста их по каплям источали мед. Являлись к нему в лавку также мальчики изящные, безбородые, с томным взглядом и легким пушком, в нарядной одежде, луноликие, краснощекие, с блистающим челом, глаза у них были черные, щеки гладкие, стан тонкий, бедра грузные, а голени словно полированные; вид их излечивал больного, и лицезрение их исцеляло раненого. Перебирали его товары и взрослые мужи, зрелые годами, с крепкими клыками и резцами, высокие ростом, большеголовые, с густой бородой и бровями, с курчавыми волосами на щеках, превосходящие храбростью и доблестью рыцарей и смельчаков и соперничающие с ярым львом, и покупали у него всякое добро дряхлые старцы, далеко зашедшие в годах, с лысой головой и слабым зрением, опирающиеся на посох. А были это

люди, сведущие во всех делах и наученные опытом годов и столетий, чья голова поседела от превратностей времени, и согнулась у них спина от смены ночей и дней, и о них можно сказать:

Трясло нас время, как оно трясло!
Оно могуче! Сколько лет прошло...

Легко ходил я. Нынче ж, как назло,
Сидеть — и то мне стало тяжело *.

И предводитель встречал всех словами привета, одинаково обходясь с сильным и слабым, знатным и худородным, и не делал различия между повелителем и подневольным, свободным и пленным, высоким и низким, бедным и богатым, и возвеличивал ученых и образованных, не гнушаясь, однако, и пришельцем-чужестранцем, и возвышал достоинство друзей, и оказывал почет близкому соседу; и охватила любовь к нему все сердца, и приязнь к нему укрепилась в душах у всех людей.

А всемогущий господь — да возвысится величие его! — ради исполнения того, что пожелал он, и чтобы осуществить свой приговор над рабами, судил, чтобы лавка этого обманщика оказалась напротив лавки сына Али-Баба, имя которого было Мухаммед. И поскольку они стали соседями, законы соседства были для них обязательны, и потому они познакомились и подружились, и ни один из них не знал, кто его приятель и каково его происхождение, и усилилась между ними любовь и приязнь, и они постоянно сидели друг у друга, и ни один из них не мог обходиться без своего соседа.

И в один из дней случилось так, что Али-Баба зашел к своему сыну Мухаммеду, желая его посетить и прогуляться по торговому рынку. И оказалось, что у него сидит тот чужеземный купец; и предводитель, едва увидел Али-Баба, отлично узнал его и убедился, что это и есть его враг, ища которого он пришел сюда. И он обрадовался до крайних пределов и возвеселился, думая, что его желание исполнилось и он достиг цели и скоро отомстит, но скрыл это и ни в чем не изменил поведения. Когда же Али-Баба ушел, он стал расспрашивать о нем его сына, делая вид, что не знает его, и Мухаммед сказал ему: «Да это же мой отец!» И когда предводитель понял и убедился, что это так, он стал еще чаще бывать у Мухаммеда и оказывал ему еще большее

почтеиие, усердствуя в изъявлеииях уважеиия и проявляя любовь, дружбу, вериость и приязиь. Ои звал Мухаммеда к себе на трапезу, устраивал для иего пиршества п угощения, приглашал его на ночные беседы, не обходился без иего на пирушках и вечериих собраииях и задаривал его драгоцеииымн подарками и прекрасиейшими дарами,— и все для того, чтобы достигиуть задуманной им цели и осуществить обман и предательство, которое он замыслнл.

Что же касается Мухаммеда, то, увидев со стороиы соседа такне милости и убедившись в его вериой дружбе и велнкой предаииости, он полюбил его, и зта любовь дошла до крайности, и приязиь достнгла предела. И думал Мухаммед, что иамерения его соседа чисты и чувства нскреини, и не мог обходиться без него ни одиого часа, и не разлучался с ним ни ночью, ни днем. Он рассказывал своему отцу, сколь великие мнлости оказывает ему зтот чужеземиый купец и какую любовь и приязнь тот проявляет к нему, и говорил, что зтот человек богатый, великодушный и щедрый — один из образцовых людей, и усердствовал, расхваливая его. Он упомянул, что сосед то и дело приглашает его отведать вкусиых кушаиий и задаривает его редкостными подарками, и отец его молвил: «Тебе иадлежит, сын мой, отплатить ему за то, что он тебе делает, и устроить пир, и позвать его. И пусть будет зто в деиь пятницы, и когда в полдень вы выйдете вместе, после соборной молитвы, и будете проходить мимо иашего дома, пригласи его зайти, а я уже приготовлю все, что годится и подобает сану такого зиатного гостя».

И вот когда наступил деиь пятницы, предводитель отправился в полдень в мечеть, и Мухаммед сопутствовал ему, и после того как оба совершили соборную молитву, они вышли вместе, намереваясь прогуляться по городу, и бродили до тех пор, пока не дошли до улицы Али-Баба. И когда они подошли к его дому, Мухаммед пригласил соседа зайти и отведать их пищн, говоря: «Вот наш дом»,— а тот уклоиялся и отказывался, приводя различные отговорки. Но Мухаммед иастаивал и заклииал его, и приставал, и иаконец предводитель согласился и молвил: «Я удовлетворю твое желание, чтобы исполнить долг дружбы и залечить рану твоей души, но с условием, чтобы вы не клали в кушанье соли, ибо она мне до крайности противиа и я ие могу ее есть и июхать ее запах».— «Это дело пустячное,— ответил Мухаммед,— и раз твой желудок не прииимает соли, тебе будут подавать только иесолеиые кушанья». И предво-

дитель, услышав это, сильно обрадовался в душе, ибо пределом его желаний было войти в этот дом, и все хитрости, которые он проделал, устраивались ради достижения этой цели и осуществления этой мечты. И тут он убедился, что отомстит, и уверился в возможности отплатить своему врагу, и сказал про себя: «Теперь уже наверное и без сомнения Аллах отдал их всех в мои руки!» И когда он переступил порог и вошел в дом, Али-Баба приветствовал его, и поздоровался с ним как нельзя более вежливо и чинно, и посадил его на почетное место, полагая, что перед ним почтенный купец, и не знал он, что это не кто иной, как владелец масла, ибо вор изменил свое обличье и образ, и хозяину не пришло в голову, что он привел волка к овцам и пустил льва в стадо коров. И Али-Баба сидел со своим гостем и развлекал его беседой, а что до его сына Мухаммеда, то он пошел к Марджане и наказал ей не класть в кушанье соли, ибо их гость не может ее есть. Это раздосадовало Марджану, так как она уже состряпала кушанье и ей пришлось готовить другое, без соли, а с другой стороны, она удивилась, и это показалось ей подозрительным. И ей захотелось посмотреть, что это за человек, которому не хочется соли и он не ест ее, в отличие от всех людей, ибо поистине это вещь неслыханная и небывалая. И когда кушанье поспело и пришло время ужина, Марджана с Абдаллахом принесли столик и поставили его перед сотрапезниками, и тут Марджана бросила взгляд на чужеземного купца и по своей проницательности и отменной сообразительности тотчас же узнала его и убедилась, что это несомненно и наверняка предводитель разбойников. И Марджана всмотрелась в него попристальней и увидела у него под плащом ручку от кинжала, и тогда она сказала себе: «Теперь я понимаю, почему этот проклятый отказывается вкусить соли с моим хозяином! Дело в том, что он хочет его убить и считает, что сделать это, отведав его соли, было бы слишком гадко и гнусно. Но если пожелает Аллах великий, ему не удастся достигнуть своей цели и я не дам ему это совершить». И потом она ушла и занялась своими делами, и Абдаллах остался прислуживать. И сотрапезники отведали всех блюд, и Али-Баба оказывал гостю всяческое уважение и уговаривал его кушать, а когда они насытились, еду убрали и принесли вино, сухие и свежие плоды, сласти и всякие опьяняющие напитки. И все поели сластей и плодов, и потом заходила между ними чаша, и этот проклятый подносил обоим вино, но сам воздерживался от питья. Ведь он хотел напоить их и остаться бдительным

и трезвым, в полном рассудке, чтобы достигнуть своей цели, то есть воспользоваться удобной минутой и пролить их кровь, убить их своим кинжалом, когда одолеет их хмель и они заснут, а потом убежать через калитку сада, как он это сделал раньше.

И когда они были в таком состоянии, вдруг вошли к ним Марджана с Абдаллахом, и на Марджане была сетчатая александрийская рубашка, безрукавка из царской парчи и прочие роскошные одеяния, и она подпоясалась золотым поясом, унизанным разными самоцветами, который стягивал ее стан и выделял ее бедра. На голове у нее была жемчужная сетка, а вокруг шеи вилось ожерелье из изумрудов, яхонтов и кораллов, из-под которого поднимались ее груди, подобные двум спелым гранатам, и украшали ее всякие уборы и драгоценности, и была она прекрасна, как первая улыбка весеннего цветка или луна в ночь полнолуния. Что же касается Абдаллаха, то он тоже был одет в роскошные одеяния и бил в бубен, который держал в руках, а Марджана плясала, как пляшут искусные танцовщицы. И Али-Баба, увидев Марджану, обрадовался, и заулыбался, и воскликнул: «Добро пожаловать любезной нашей невольнице и драгоценной служанке! Клянусь Аллахом, ты отлично сделала, ибо нам хотелось сейчас полюбоваться пляской, чтобы полным стало наше счастье и радость и совершенным веселье и блаженство.— И затем он сказал предводителю разбойников: — Этой невольнице нет равной, ибо она искусна во всех вещах и совершенна в деле услужения. Не тайна для нее никакое искусство, и объединяет она прелесть и красоту со здравым умом и быстрой сметкой, и подобной ей не найдется в наше время. Я обязан ей за благодеяние, и она мне дороже дочери. Посмотри, о господин, как прекрасно ее лицо и как строен стан, как она хорошо пляшет, как красиво изгибается и изящно движется». Но предводитель не слушал его слов и не внимал его разговору, и он словно обеспамятел от великого гнева и сильной ярости: ведь приход этих двух людей расстроил весь его злой умысел против обитателей дома и задуманное им преступление и обман.

А Марджана исполняла прекрасную пляску, превосходя искусство плясуний, и дошла до того, что выхватила кинжал, торчащий у нее за поясом, и стала плясать, держа кинжал в руке, как это принято у арабских танцовщиц, и приставляя кончик кинжала то к своей груди, то к груди Али-Баба, или приближала лезвие к груди его сына Мухаммеда, или упирала его в грудь предводителя. Потом она

взяла из рук Абдаллаха бубен, подиесла его к Али-Баба и зиаком попросила дать ей монетку, и Али-Баба бросил в бубен дипар, и оиа подошла с бубиом к его сыну, и тот кинул ей еще динар. Потом Марджана приблизилась к предводителю с кинжалом в одной руке и бубиом в другой, и тот хотел дать ей что-нибудь и для этого сунул руку за пазуху, и когда ои был в таком положеиии и отвлекся, собираясь выиуть какую-иибудь моиету, Марджаиа вдруг воизила киижал ему в грудь. И предводитель издал ужасиый вопль и умер, и Аллах поспешил отправить его душу в огонь,— а скверное это обиталище! — и когда Али-Баба с сыиом увидели, что сделала Марджана, оии оба быстро вскочили иа иоги и стояли, охвачеииые страхом. И потом оии закричали иа Марджаиу, говоря: «О обмаищица, дочь прелюбодейки! О блудиица, о худородиая, какова причина этого страшного предательства и что заставило тебя совершить столь гнусный поступок? Ты ввергла нас в беду, от которой иам ие спастись вовеки, и стаиешь причииой нашей смерти и гибели иаших душ. Но первый, кто поиесет иаказаиие, это ты, о проклятая, и если ты уйдешь от руки судьи, то ие избежишь иаших рук!» И Марджаиа ответила бестрепетио: «Сдержите свои сердца и успокойте свой страх! Если таково воздаяние той, что готова вас выкупить своей жизнью, то никто не стаиет делать добро. Не спешите подозревать меия в дуриом умысле, чтобы ие покарало вас за это раскаяние, и выслушайте мой рассказ, а потом судите меия как хотите. Этот человек вовсе ие купец, как ои утверждал и как вы думаете, а предводитель разбойииков. Сиачала он говорил, что продает масло, и ввез в бурдюках в ваше жилище много людей, чтобы вас убить и уничтожить всех до последнего, а когда я расстроила его козии и обмаиула его мечты и иадежды, ои бросился в бегство и оставил иаш дом. Но это ие послужило ему уроком, и он ие отступился, а иапротив, еще более возиеиавидел и иевзлюбил меия и вас и упорствовал в своих гиусных иамереииях. И чтобы исполиить свой плаи и осуществить иадежды, он открыл иа рынке торговцев лавку и иабил ее роскошиыми, драгоцеииыми товарами, а затем стал устраивать тайные козии и сокровеииые хитрости и пустился иа скрытые проделки. Он схитрил иад моим господииом Мухаммедом, проявляя миимую любовь и ложиую привязаниость, и до тех пор устраивал всякие обмаиы, пока ему не стало возможно войти в ваше жилище и сесть с вами за трапезу. И тогда ои стал выжидать удобной минуты, чтобы обмаиуть вас, и убить иаихудшим образом, и стереть ваши следы,

и рассчитывал он при этом на остроту своего оружия и силу и мощь своей руки. Но нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого! Слава Аллаху, который ускорил моей рукой его смерть и гибель! Посмотрите ему в лицо и вглядитесь в него, и вам станет ясна правдивость моих слов».

И Марджана откинула плащ предводителя и показала кинжал, скрытый у него под одеждой. И когда Али-Баба и Мухаммед выслушали ее ответ и то, что она изложила в своих словах, и пристально вгляделись в лицо мнимого купца, лжеца и обманщика, то прекрасно узнали его и удостоверились, что это и есть продавец масла, он самый, а при виде кинжала оба ясно поняли, что Аллах спас их от грозной опасности и страшной гибели при помощи их невольницы Марджаны, и убедились в правдивости ее слов, и великой показалась им отвага ее души и смелость ее поступков. И оба они поблагодарили Марджану за ее достойный хвалы поступок и восхваляли ее за отличные, здравые суждения, и потом Али-Баба молвил: «Когда я раньше освободил тебя, то обещал сделать еще нечто большее, и сейчас надлежит мне выполнить обет и сдержать свое обещание. Я открою тебе, как я задумал тебя вознаградить за оказанное нам благодеяние и отблагодарить тебя за твое хорошее дело. Я намерен выдать тебя замуж за моего сына Мухаммеда: что же вы оба на это скажете?» И Мухаммед молвил в ответ: «Внимание тебе и повиновение в том, что ты замышляешь и предписываешь, и я не возразил бы на запрет твой или на поведение даже в том, что причиняет мне докуку и встревожит, а что до женитьбы на Марджане, то это предел моих желаний и вершина моих стремлений». А Мухаммед ответил так, ибо он давно любил Марджану, и страсть его к ней дошла до крайности и достигла предела из-за ее красоты, прелести, достоинств и совершенств, так как она обладала великим умом и добрым нравом и объединяла это с благородством происхождения и знатностью рода.

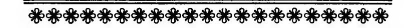
Потом они приступили к погребению предводителя, и вырыли для него большую яму, и закопали его, и присоединился он к своим обездоленным, проклятым, нечестивым приспешникам, и ни одна тварь Аллаха не узнала об этих диковинных делах и удивительных происшествиях. Что же касается лавки предводителя, то, когда он исчез на долгое время, и не появлялось о нем вестей, и не осталось следа, казна забрала бывшие там товары, и другие драгоценные вещи, и оставшееся имущество. Потом, когда все успокои-

лись и мирно и безмятежно зажили в своих жилищах, и дела прояснились, и явна стала радость и прекратилось зло, Мухаммед женился на невольнице Марджане. Он написал с нею брачный договор у кади мусульман и дал за нее предварительное приданое, обязавшись позднее выплатить остальное, и они сзывали людей, и устраивали торжества, и проводили без сна прекрасные ночи, задавая пиры и угощения, и до тех пор собирали музыкантов, певиц и забавников, пока не открыли невесту перед женихом, и тогда он остался с нею наедине и уничтожил ее девственность. И увеселения продолжались еще три дня, а потом, когда после всего этого прошел целый год, Али-Баба решил пойти в сокровищницу. Он воздерживался от этого после смерти своего брата, так как боялся козней разбойников, а когда Аллах уничтожил руками Марджаны тридцать восемь из них и после того погиб сам их предводитель, Али-Баба решил, что разбойников осталось еще двое, так как он сосчитал их на горе и их было сорок человек. Поэтому он все время воздерживался и не ходил в сокровищницу, опасаясь козней разбойников, но когда не стало о них вестей и не обнаружилось нигде их следа, он убедился, что они погибли, и отважился пойти в сокровищницу, и взял с собою своего сына, чтобы показать ему клад и научить его тайному способу проникать и входить туда.

И когда они оба подошли к сокровищнице, то оказалось, что заросли травы, терновника и колючек сгустились и забили дорогу, и Али-Баба с Мухаммедом поняли, что в сокровищницу уже долгое время не входила ни одна живая душа и там не раздавалось ни звука. Тут они уверились в гибели двух оставшихся разбойников, и страх их прошел, и они осмелели и двинулись вперед, и Али-Баба взял топор и стал рубить кусты и колючки, так что проход расширился и он смог подойти к двери. И тогда он сказал: «Сезам, открой твою дверь»,— и дверь распахнулась; и Али-Баба с сыном вошли в сокровищницу, и он показал своему сыну сложенные там богатства, диковинные чудеса и редкости, и Мухаммед остолбенел, увидя все это, и изумился до крайней степени. Потом они побродили и погуляли по сокровищнице, и зашли и заглянули во все ее комнаты, и досыта порылись в самоцветах и камнях, а затем решили возвратиться домой. Они набрали из клада драгоценностей, которые им понравились, из тех, что весят немного, а ценятся высоко,— и вернулись в свое жилище веселые, радуясь приобретенным богатствам, и непрестан-

но переносили они из сокровищницы все что хотели и жили в полном довольстве, приятнейшею жизнью, пока не пришла к ним Разрушительница наслаждений и Разлучительница собраний, ниспровергающая дворцы и воздвигающая могилы».

ПРИМЕЧАНИЯ

РАССКАЗ О ЦАРЕ ШАХРИЯРЕ И ЕГО БРАТЕ

Стр. 9. *Мухаммед* (ок. 580—632) — основатель религии ислама. Восхваление пророка Мухаммеда и его рода в средние века было обязательным элементом вступлеиия к любому произведеиию письменности как богословского, так и научного или чисто развлекательного содержании.

Острова Индии и Китая.— Авторы сказок «Тысичн и одной ночи» часто переносили действие в отдаленные экзотические для арабского читатели страны, о которых в простонародной среде ходили самые фантастические рассказы.

...из царей рода Сасана...— Сасаниды — иранскаи династии, правившаи в Иране в III—VII вв. и свергнутаи арабами во время исламских завоевательных войн. Сасаиидские цари — постоиииые герои средневековых арабских литературных и фольклорных произведеиий. Причислеиие к ним Шахриира — анахронизм, каких иемало в «Тысиче и одной иочи».

Самарканд персидский — крупиейший культурный центр в Средней Азии в X—XI вв.

Стр. 10. *Везирь* — первый мииистр в Арабском халифате, причем в разные периоды истории при халифе состоили один или иесколько везирей.

Стр. 11. *Джинны, ифриты или мариды* — в арабской демоиологии добрые или злые духи. Джиии мог быть, по средиевековым представлеииям, и мусульмаииом и иноверцем, а также мужского или жеиского (джииии) пола.

Атыйя — поэт X в.

СКАЗКА О КУПЦЕ И ДУХЕ

Стр. 16. *...я подарю тебе треть его крови...* — Как по древнеарабским языческим обычаям, так и по исламским законам за убийство можно было внести выкуп, если родственники убитого были на то согласны. В этом случае убийце прощалось совершенное злодеяние.

...эта газель — дочь моего дяди... — По мусульманским обычаям, отражавшим пережитки более древних языческих матриархальных представлений, браки между двоюродными братьями и сестрами всячески поощрялись.

Праздник Аллаха (или праздник жертвоприношения) — один из двух главных мусульманских праздников, бывает в месяц паломничества (двенадцатый месяц мусульманского лунного календаря).

Стр. 19. *Динар* — золотая монета.

Дирхем — серебряная монета, первоначально составлявшая одну двадцатую часть динара.

Стр. 23. *Диван* — канцелярия правителя, орган центрального управления, собрание приближенных правителя и место, где происходит подобное собрание.

СКАЗКА О РЫБАКЕ

Стр. 25. *Сулейман ибн Дауд* — библейский царь Соломон, сын Давида, вошедший в мусульманскую мифологию и объявленный в Коране пророком. Сулейман — один из любимейших героев мусульманской повествовательной литературы и фольклора. Согласно мусульманскому преданию, на перстне Сулеймана было вырезано величайшее из девяноста девяти имен Аллаха, знание которого, подобно магическому заклятию, давало власть над людьми и духами, птицами и ветрами.

Стр. 27. *Шейх* — старшина, почтенный старец, вождь племени; обращение к старшему по возрасту или к духовному лицу.

...горькая судьба спасителя гиены! — Намек на древнюю арабскую легенду, повествующую о том, как бедуин приютил в своем шатре и спас от смерти гиену, преследуемую охотниками. Оправившись от страха, гиена загрызла бедуина и убежала в степь. Один из родичей бедуина пришел к нему утром, увидел, что тот убит, догнал гиену и прикончил ее, а потом сложил стихи, ставшие пословицей.

Стр. 28. *Земля Румана* (или земля румов). — Так средневековые арабы именовали Византию.

Юнан — арабское название Греции; здесь: имя сказочного царя.

Стр. 29. *...ты станешь моим сотрапезником...* — Сотрапезники (надимы) должны были делить с правителем (или знатным лицом) трапезу, участвовать в его развлечениях, занимать его приятной беседой. Арабский

филолог X в. Абу-ль-Фарадж аль-Исфахани сообщает, что сотрапезники находились при халифе по очереди и каждый имел свой день недели.

...наградил врача почетной одеждой... — Имеется в виду хала (отсюда русское слово «халат») — подарок халифа или султана, жалуемый в знак отличия, к которому обычно добавлялись денежные подношения, иногда жаловались земли, дорогое оружие, конь и т. д.

Эмир — военачальник, полководец.

Стр. 34. ***Гуль*** — злой дух; оборотень, обитавший, по поверью древних арабов, в пустыне, подстерегающий одиноких путников, убивающий и пожирающий их; имел вид страшного чудовища, но иногда являлся путникам в образе женщины.

Стр. 41. ***«С первого же набега сломалось его копье»*** — поговорка, имеющая смысл: «При первой же попытке он потерпел неудачу».

Стр. 42. ***Племя Ад*** — мифическое племя великанов, которое, согласно Корану, было уничтожено Аллахом за неповиновение.

Стр. 45. ***Бандж*** — сильное наркотическое средство (гашиш), изготовляемое из сока цветов индийской разновидности садовой конопли.

Стр. 46. ***Каф*** — легендарная горная цепь, которая, по представлениям средневековых мусульманских космографов, опоясывает землю.

Стр. 48. ***Маги*** (а р а б. «маджус») — так мусульмане называли огнепоклонников, последователей древнеиранской религии зороастризма, а позднее всех язычников.

Стр. 51. ***...твой приказ на голове моей и на глазах...*** — Эта формула выражала правило мусульманского этикета, согласно которому лицо, получившее письменное приказание (фирман) султана или другого высокопоставленного лица, прикладывало грамоту к глазам и ко лбу, тем самым выражая безусловное повиновение.

СКАЗКА О ГОРБУНЕ

Стр. 55. ***Вали*** — должность, имевшая в зависимости от времени и страны разные значения — правитель, наместник, градоначальник; здесь: начальник городской полиции.

Стр. 57. ***Копты*** — исповедующие христианство потомки коренного населения Египта, завоеванного арабами.

Ардебб — мера емкости, равная приблизительно двум гектолитрам.

Ворота Победы (Баб ан-Наср) — ворота одного из кварталов средневекового Каира.

Хан аль-Джавали — рынок в средневековом Каире. Хан — постоялый двор.

Стр. 58. *...протянув свою левую руку, стал со мной есть.* — Согласно средневековым арабским представлениям брать пищу левой рукой значило проявлять невоспитанность.

Стр. 59 *...я вижу — она отрубленная...* — В мусульманских странах согласно мусульманскому праву за воровство отрубали кисть руки, поэтому подобное увечье считалось позором.

Стр. 60. *Меняла* — в городах средневекового мусульманского Востока на рынках были лавки менял, где можно было произвести обмен любой монеты, имеющей хождение в Халифате или в иноземных странах.

Стр. 73. *Манн* — мера емкости, приблизительно равная одному литру.

Земзем — колодец в священном городе мусульман — Мекке, вода которого считалась целебной.

Стр. 77. *Мосул* — город в северном Ираке.

Халеб (Алеппо) — город в Сирии.

Стр. 84. *Кади* — мусульманский судья, выносящий решения по шариату (совокупности мусульманских правовых и религиозных норм), оформляющий всякого рода сделки, соглашения и прочее.

Стр. 85. *Ибн Аббас* (Абдаллах ибн аль-Аббас; ум. ок. 686 г.) — один из ранних мусульманских толкователей Корана.

Стр. 86. *Сафар* — второй месяц лунного мусульманского календаря.

Стр. 87. *...моего старшего брата зовут аль-Бакбук...* — В переводе имена братьев цирюльника значат: аль-Бакбук — болтун, аль-Хаддар — крикун, аль-Баким — болтун, аль-Асвани — асуанский кувшин (то есть рот его постоянно открыт, как горло кувшина), аль-Фашшар — брехун, аш-Шакшик — пустомеля. Имя же самого цирюльника — ас-Самит — означает: молчаливый.

Стр. 92. *Муэдзин* — служитель, провозглашающий с минарета мечети азан — призыв верующих к совершению молитвы. Поскольку мусульманин должен совершить в день пять ритуальных молитв, азан провозглашается пять раз в день.

Стр. 94. *Аль-Мустансир биллах* — халиф аббасидской династии, правивший с 1226 по 1242 г., был не сыном, а правнуком халифа аль-Мустади (1170—1180).

Стр. 97. *Фельс* — мелкая медная монета.

Фарджия — верхняя просторная одежда с широкими рукавами, которую обычно носили уважаемые пожилые люди.

Стр. 109. *...когда придет время открывания...* — Открывание — один из мусульманских свадебных обрядов, состоящий в том, что жениху сперва показывают невесту, одетую в разные наряды, а затем, сняв покрывало, впервые открывают перед женихом лицо невесты.

Стр. 110. *...сотворила молитву в два раката.* — Процедура ритуальной молитвы мусульманина включает произнесение определенной формулы и коленопреклонение, что составляет один ракат.

Стр. 114. *...вали дал ему платок пощады...* — Глава государства или правитель области в знак того, что он обещает не наказывать и пощадить кого-либо, посылал просящему о снисхождении символический дар, в данном случае платок.

Стр. 115. *Бармакиды* — знатный иранский род, представители которого занимали крупные государственные посты при дворе аббасидских халифов; Джафар Бармакид был советником и вазиром Харуна ар-Рашида.

РАССКАЗ О ДВУХ ВЕЗИРЯХ И АНИС АЛЬ-ДЖАЛИС

Стр. 126. *...он произнес оба исповедания* — то есть произнес обе части формулы мусульманского исповедания веры: «Свидетельствую, что нет божества, кроме Аллаха, и Мухаммед — посланник Аллаха».

Стр. 130. *Хаджи* — паломник, тот, кто совершил паломничество (хадж) в Мекку.

Текрурки — невольницы-мусульманки родом из Текрура (Центральная и Западная Африка).

Стр. 133. *Хальфа* — травянистое растение, род ковыли.

Стр. 136. *Исхак ибн Ибрахим ан-Надим* (Исхак аль-Маусили, 767—849) — известный средневековый арабский певец, музыкант и поэт. Сын Ибрахима аль-Маусили (742—804), также певца и музыканта. Оба певца, и отец и сын, были сотрапезниками-надимами халифа Харуна ар-Рашида.

Стр. 143. *Абу Исхак ан-Надим* — то есть отец Исхака Надима, Ибрахим аль-Маусили (см. предыдущие примеч.).

Стр. 144. *Баальбек* — город в Ливане, выстроенный на развалинах древнего города Гелиополиса; свое название город получил от имени финикийского божества Ваал (а р а б. Баал).

РАССКАЗ О ГАНИМЕ ИБН АЙЮБЕ

Стр. 156. *Мускус* — вещество с резким своеобразным запахом, выделяемое одной из желез кабарги (млекопитающее из семейства оленей): сохраняется в этой засушенной мешковидной железе.

...галерея рынка... — Имеется в виду крытый рынок.

Стр. 159. *Евнух* — холощеный раб, охранявший гарем. Холощение невольников было в средние века на Востоке целой налаженной индустрией, и рабы-евнухи ценились дороже обыкновенных рабов.

Стр. 163. *...уходи от меня, ты свободен ради лика Аллаха!* — Мусульманский закон воспрещал освобождеине и изгнание рабов, которые, уйдя от хозяина, ие были бы в состояиии себя прокормить, и в даином случае хозяин готов освободить раба без всякого выкупа.

Стр. 169. ...о *потомок дяди пророка!* — Дядя пророка Мухаммеда аль-Аббас ибн Абд аль-Мутталиб, был родоначальником династии Аббасидов, а Харуи ар-Рашид (786—809) был пятым халифом этой династии.

Стр. 181. *Хосрой* — имя двух царей Ираиа из династии Сасаиидов (III—VII вв.), Хосроя Аиушнрвана и Хосроя Парвиза; по этому имени арабы называли Хосроями всех персидских царей дииастии Сасаиидов. Великолепный дворец в городе Ктесифоие иа берегах Тигра, построенный в III в., о котором здесь говорится, арабы изывали «дворцом Кисры», то есть Хосроя.

И. М. Фильштинский

РАССКАЗ О ЛИСИЦЕ И ВОЛКЕ

Стр. 193. *Абу-ль-Хосейн* — приинятое в арабском фольклоре прозвище лисицы.

Стр. 197. *Шерстяное рубище* — одежда, которую иосили мусульманские мистики (суфии, от арабского слова «суф» — букв. шерсть).

Стр. 201. *Абу Сирхан* (или Сирхан) — обычное в арабском фольклоре прозвище волка.

РАССКАЗ ОБ АЛА-АД-ДИНЕ АБУ-Ш-ШАМАТЕ

Стр. 203. *Абу-ш-Шамат* — букв.: «Отец родинок», или «Обладатель родинок».

Стр. 205. *Барш* — сильный наркотик, изготовляемый из мака.

Стр. 206. *Мамуния* — сладкий пирог.

Стр. 208. *Фатиха* (букв.: «открывающая») — иазваиие первой главы Корана, которую читают при заключении брачного контракта, сделки и перед началом любого важиого дела.

Стр. 212. *Абу-аль-Кадир аль-Гиляни (Гилянский)* — средневековый арабский мистик. Покрывало, о котором здесь упоминается, предназначалось для возложеиня на его могилу в Багдаде.

Стр. 215. *Рафидиты* (букв.: «отвергающие») — одно из обозначений мистиков.

Стр. 216. *Нафиса* — мусульмаиская святая.

Стр. 218. *...ты сделал развод своей священной книгой* — то есть ты так же часто клянешься разводом («Клянусь, что разведусь со своей жеиой» — одиа из самых распространеииых клятв у мусульман), как цитируешь стихи из Кораиа.

Стр. 218. *Это удастся только через заместителя.*— Согласио мусульманскому праву, муж, который трижды произнес узакоиеииую формулу развода («ты разведеиа»), может сиова жениться иа своей разведеииой жене только в том случае, еслн она выйдет замуж за другого н разведется с ним хотя бы на следующий день. Такой времеипый супруг иазывается «заместителем». Его иельзя принудить к разводу.

Стр. 219. *Я-син* — название одиой из глав (сур) Корана, по двум буквам арабского алфавита («я» и «сии»), которые стоят перед текстом суры. Зиачеиие этих букв иеизвестио.

Стр. 222. *Эфенди* (т у р.) — господин. Употреблеиие зтого слова указывает на довольио позднюю дату окоичательиой редакции «1001 иочи» (XV—XVI вв.).

Стр. 223. *Абу Нувас аль-Хасан ибн Хани* — знамеиитый арабский поэт VIII—IX вв.

Стр. 224. *Химический состав* (вериее, «алхимическнй состав») — то же, что у европейских алхимиков носило название «фнлософский камеиь».

Шестидесятник (или «предводитель шестидесити») — один из высших военных чииов в средиевековом Египте — военачальник, в свите которого было 60 воииов.

«на скамье обмывальщика» — то есть иа скамье, где, согласио мусульмаискому обычаю, обмывают тела умерших или казиеиных.

Зубейда — жеиа халифа Харуиа ар-Рашида.

Стр. 228. *Червяки в уксусе рождаются и там остаются* — то есть «зто сделал кто-то из своих».

Стр. 230. *...мы выкупим Исмаила барашком.*— Намек на библейскую и кораническую легенду о принесении в жертву Авраамом своего сына Исаака. Согласио мусульманской мифологии, в жертву был прииесеи пе Исаак, а другой сын Авраама Исмаил, легендарный родоначальнник арабов, вместо которого бог приказал принести в жертву барана.

Стр. 241. *Аль-Искандария* — египетская Александрии.

Айяс — в средние века город и порт в Киликии, иа берегу Александрийского залива.

Стр. 242. *...на обеих пятках написаны имена двух старцев* — то есть первых «праведиых» халифов — Абу Бекра н Омара. Шииты, к которым принадлежал повешенный, счнтают их, а также третьего халифа, Османа, узурпаторами, поэтому иногда пишут зти имена на питках нли на подошве обуви, чтобы попирать их иогами. Суниты же признают первых трех халифов законными правителями.

Стр. 244. *Аслан* — имя тюркского происхождения, обозначающее «лев».

Стр. 248. *Консул.* — Употребление этого слова также является важной хронологической вехой, указывая на постоянное обновление текста сказок.

Стр. 251. *Аль-фуркан* (букв.: «разделяющий») — название Корана.

РАССКАЗ О МАНЕ ИБН ЗАИДА

Стр. 257. *Ман ибн Заида* — полководец и государственный деятель VII в. (убит ок. 770 г.). Славился своей щедростью.

Стр. 258. *Кудаа* — объединение южноарабских (кахтанидских) племен, перекочевавших в Северную Аравию.

РАССКАЗ ОБ ИСХАКЕ МОСУЛЬСКОМ

Стр. 260. *Исхак Мосульский* — знаменитый певец, музыкант и теоретик музыки. Исхак был придворным певцом халифа аль-Мамуна, умер в 849 или 850 г.

Стр. 261. *Какуллийское алоэ.* — Добывается в местности под названием Какулла на острове Суматра.

Стр. 263. *Ритль* — мера емкости, около 0,5 литра.

Стр. 264. *Аль-Хасан ибн Сахль* — вазир и государственный деятель (ум. в 850 г.).

РАССКАЗ О МУСОРЩИКЕ И ЖЕНЩИНЕ

Стр. 264. *Кааба* (букв.: «куб») — мусульманское святилище в Мекке, к которому совершают паломничество. Обычай закрывать Каабу драгоценными покровами существует с древности. Кусочки этих покровов употребляются как амулеты. Обход вокруг Каабы — один из основных обрядов паломничества.

Стр. 266. *Мискаль* — ок. 4,5 грамма. Как денежная единица равен динару.

РАССКАЗ О МЕШКЕ

Стр. 270. *Тамбур* — струнный музыкальный инструмент.

Куфа — город в Ираке.

Аль-Амбар — город в Ираке.

Газза — город в Палестине.

Аскалон — город в Палестине.

Стр. 271. *Дамиетта* — город в Египте.

Асуан — город в Египте.

Балх — город в Иране.

Исфахан — город в Иране.

РАССКАЗ ОБ АБУ ЮСУФЕ

Стр. 271. *Абу Юсуф Якуб* — знаменитый мусульманский законовед (ум. в 828 г.).

Стр. 272. *Срок очищения* — время, в течение которого разведенная жена не может вступать в новый брак.

РАССКАЗ ОБ АБУ МУХАММЕДЕ-ЛЕНТЯЕ

Стр. 280. *Масрур* — палач Харуна ар-Рашида.

Стр. 282. *Бадахшан* — горная местность в верхнем течении Амударьи. Бадахшанские рубины славились в средние века.

Стр. 284. *Остров зинджей* — остров Занзибар у берегов Восточной Африки.

Стр. 287. *Шариф* (букв.: «благородный») — так называют потомков Хасана и Хусейна, сыновей Али ибн Абталиба и Фатимы, дочери основателя ислама Мухаммеда.

РАССКАЗ ОБ АН-НАСИРЕ И ТРЕХ ВАЛИ

Стр. 294. *Аль-Малик-ан Насир* (букв.: «Царь победоносный») — прозвище нескольких египетских правителей.

Булак, Каир и Старый МисР (Старый Каир) — названия различных кварталов египетской столицы.

По мусульманским законам, факт преступления должен быть засви-

детельствован двумя мужчинами или одним мужчиной и двумя женщинами. Действительными считаются только показания, данные «правомочными» свидетелями, то есть лицами, пользующимися репутацией добродетельных и благонадежных людей.

Стр. 297. *...и не обидчик господь твой для рабов* — кораническое выражение.

Б. Я. Шидфар

РАССКАЗ ПРО АЛА АД-ДИНА И ВОЛШЕБНЫЙ СВЕТИЛЬНИК

Стр. 300. *Человек магрибинской породы* — уроженец Магриба, т. е. Северо-Западной Африки.

Стр. 302. *Набиз* — финиковое вино.

Стр. 303. *Хинд* — название Индии в целом, принятое у средневековых арабских авторов; *Синд* — северо-западная ее часть; *Медина* — город в Аравии, где похоронен Мухаммед.

Стр. 307. *Пятничная молитва* — особо торжественная молитва, совершаемая мусульманином по пятницам в особой мечети.

Стр. 313. *Ифракия* — северная часть Магриба, территория которой примерно совпадает с территорией современной Ливии.

Калкас — мифический город в Ифракии.

Стр. 315. *...один из фараоновых великанов...* — согласно арабской легенде, свиту фараона составляли существа огромного роста.

Стр. 318. *Кират* — мера веса в одну двадцатую мискаля (0,212 г.).

Стр. 340. *...чтобы ты сошел с коня у дверей дивана...* — В знак особого уважения Ала ад-Дину разрешено въехать в ворота дворца и проехать по двору на коне, вместо того чтобы спешиться у ворот дворца, как это положено по придворному этикету.

Стр. 342. *Зу-ль-Карнейн* (букв.: «Двурогий»).— Так арабы называли Александра Македонского за его головной убор, напоминающий рога.

Стр. 356. *Рухх* — сказочная птица огромных размеров.

РАССКАЗ ПРО АЛИ-БАБА И СОРОК РАЗБОЙНИКОВ И НЕВОЛЬНИЦУ МАРДЖАНУ, ПОЛНОСТЬЮ И ДО КОНЦА

Стр. 360. *Сезам* (араб. «симсим») — кунжут; старая форма этого слова сохранена переводчиком как вошедшая в традицию по старым переводам «Тысячи и одной ночи» с французского.

Стр. 362. *Цибет и недд* — виды благовоний.

Стр. 372. *...я стану тебе мужем...* — Жениться на вдове брата считалось долгом порядочного человека.

Стр. 379. *...умение хранить тайну — качество праведного...* — один из хадисов (изречений), приписываемых пророку Мухаммеду.

Стр. 393. *Муфтий* — религиозное лицо высшего ранга, выносящее решения по религиозно-юридическим вопросам.

Стр. 397 *...отказывается вкусить соли с моим хозяином!* — Вкусить хлеба и соли в чьем-либо доме значило связаться с хозяином узами гостеприимства; поэтому, поев соли в доме Али-Бабы, разбойник уже не мог бы его убить.

И. М. Фильштинский

СОДЕРЖАНИЕ

ТЫСЯЧА И ОДНА НОЧЬ

ИЗБРАННЫЕ СКАЗКИ

Тысяча и одна ночь: Избранные сказки. В 3-х т.
Т93 Т. 1./Пер. с араб. М. Салье; Сост. Б. Шидфар; Примеч. И. Фильштинского и Б. Шидфар; Стихи в пер. Д. Самойлова, Ал. Ревича, В. Микушевича; Худож. А. Лепятский.— М.: Худож. лит., 1988.— 415 с., ил.
ISBN 5-280-00450-2 (Т.1)
ISBN 5-280-00449-9

«Среди великолепных памятников устного народного творчества,— писал М. Горький,— «Сказки Шахразады» являются памятником самым монументальным. Эти сказки с изумительным совершенством выражают буйную силу цветистой фантазии народов Востока — арабов, персов, индусов...»

В состав первого тома вошли известные сказки «Тысячи и одной ночи»: «Рассказ о царе Шахрияре и его брате», «Сказка о горбуне», «Рассказ про Ала ад-Дина и волшебный светильник» и многие другие, предназначенные только для взрослого читателя.

Т $\frac{4703000000-348}{028(01)-88}$ 204-87 ББК 84(0)9

ИЗБРАННЫЕ СКАЗКИ

В 3-х томах

Том первый

Составитель *Бетси Яковлевна Шидфар*

Редактор *М. Фишбейн*

Художественный редактор *А. Моисеев*

Технические редакторы *В. Кулагина, Е. Ионова*

Корректоры *Г. Киселева* и *О. Наренкова*

ИБ № 5597

Подписано в печать с готовых диапозитивов 11.12.87. Формат 84×108[1]/32. Бумага тип. № 1. Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать высокая. Усл. печ. л. 21,84. Усл. кр.-отт. 22,26. Уч.-изд. л. 25,32. Тираж 200 000 экз. Изд. VIII-3094. Заказ № 1306. Цена 4 р.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Художественная литература». 107882, ГСП, Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19.

Ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени Ленинградское производственно-техническое объединение «Печатный Двор» имени А. М. Горького Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 197136, Ленинград, П-136, Чкаловский пр., 15.

